ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Трикоз Елена Николаевна

ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КОДИСТИКИ В ТРАДИЦИИ ОБЩЕГО ПРАВА

Специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, доцент
Малиновский Алексей Александрович

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА I. ДИАХРОННАЯ КОДИСТИКА ПРАВА В РАННЕЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ 34

§ I.1. Понимание «кодистики права» в традиции общего права 34

§ I.1.1. Сравнительно-историческое и догматическое понимание «общего права» 34

§ I.1.2. Понятие «правовой традиции» и периодизация «традиции общего права» 46

§ I.1.3. «Кодистика права» в сравнительно-теоретическом и уголовно-правовом дискурсе 60

§ I.2. Генезис техники кодификации в средневековой правовой традиции 123

§ I.2.1. Попытки архаичной систематизации права в Римской период (I–V вв.) 123

§ I.2.2. Квази-кодификация уголовного права в Англосаксонский период (VI–XI вв.) 141

§ I.2.3. Кодистика уголовного права в Нормандско-Тюдоровский период (XI–XIV вв.).... 158

ГЛАВА II. СИНХРОННАЯ КОДИСТИКА ПРАВА В НОВОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ТРИДИЦИИ 178

§ II.1. Научная систематика права периода *ius commune* в Европе 178

§ II.1.1. Итальянская *vs.* немецкая доктрина систематики права 181

§ II.1.2. Естественно-правовая vs. историко-философская модели кодификации 195

§ II.2. Доктринальные основы уголовно-правовой кодистики в Англии 204

§ II.2.1. «Дигесты законов Англии» Ф. Бэкона 1623 г. и вопросы легистики..... 204

§ II.2.2. «Комментарии к законам Англии» У. Блэкстона 1769 г. и систематика права 212

§ II.2.3. «Основные начала Уголовного кодекса» Дж. Бентама 1802 г..... 219

§ II.2.4. Основы кодификации в «Философии позитивного права» Дж. Остина..... 228

§ II.3. Практика уголовно-правовой кодистики в Великобритании 236

§ II.3.1. «*Bloody Penal Code*» и попытки консолидации права в XVII – нач. XIX вв. 237

§ II.3.2. Квази-кодификация уголовного права в 1800 – 1860-е гг..... 247

§ II.3.3. Разработка Уголовного кодекса для Англии и Уэльса 1879 г. 264

ГЛАВА III. ВНУТРИСИСТЕМНАЯ КОДИСТИКА ПРАВА В КОЛОНИАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ 276

§ III.1. Модели УК во внутрисистемной кодистике права колоний 277

§ III.1.1. Внутрисистемная техника колониального уголовного права 277

§ III.1.2. Колониальные модели уголовно-правовой кодистики 282

§ III.2. Индийская модель кодификации уголовного права 287

§ III.2.1. Источники и техника проекта Уголовного кодекса Т.Б. Маколея..... 287

§ III.2.2. Кодистические особенности УК Индии 1860 г..... 296

§ III.3. Канадская модель кодификации уголовного права 306

§ III.3.1. Дуализм и периодизация уголовно-правовой системы Канады..... 306

§ III.3.2. Техника создания УК Канады 1892 г. и его рекодификация..... 311

§ III.3.3. Кодистический анализ новой редакции УК Канады 318

§ III.4. Австралийская модель кодификации уголовного права ... 322
§ III.4.1. Техника уголовно-правовой консолидации в колониях Австралии ... 322
§ III.4.2. Типовая модель УК Гриффита и её новеллизация ... 326
§ III.4.3. Техника кодификации федерального уголовного права ... 332
§ III.4.4. Комитет Гиббса и кодистика Модельного УК Австралии ... 338
ГЛАВА IV. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КОДИСТИКА ПРАВА В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ ... 344
§ IV.1. Функционализация территориальных УК в Содружестве Наций ... 344
§ IV.2. Гибридная кодистика уголовного права в Новой Зеландии ... 349
§ IV.2.1. История создания и техника УК Новой Зеландии 1893 г. ... 350
§ IV.2.2. Кодистический анализ Общей части Закона о преступлениях 1961 г. ... 353
§ IV.2.3. Юридическая техника Особенной части Закона о преступлениях 1961 г. ... 355
§ IV.3. Смешанная уголовно-правовая кодистика в Египте ... 361
§ IV.3.1. Оттоманский УК 1858 г. и исламизация права Египта ... 362
§ IV.3.2. Уголовно-правовая кодификация по британскому образцу (1882–1922 гг.) ... 364
§ IV.3.3. Смешанная природа УК 1937 г. в Арабской Республике Египет ... 366
§ IV.3.4. Кодистический анализ Особенной части УК 1937 г. ... 370
§ IV.4. Автономная уголовно-правовая кодификация в Индии и ЮАР ... 372
§ IV.4.1. Автономный УК Ранбира в индийском Джамму и Кашмир ... 373
§ IV.4.2. Автономный УК Транскеи в Южной Африке ... 376
§ IV.5. Министерская кодификация уголовного права в Океании ... 382
§ IV.6. Кодистика международного уголовного права в Содружестве Наций ... 390
§ IV.6.1. Модельный закон об имплементации норм МУП ... 390
§ IV.6.2. Национальные модели кодификация МУП в Содружестве Наций ... 395
ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 406
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ... 424
ПРИЛОЖЕНИЯ ... 463
1. Авторские переводы уголовно-правовых актов стран общего права ... 463
2. Хронология уголовно-правовой кодистики в английской традиции общего права ... 504
3. Сравнительная кодистическая таблица (модели кодистики права) ... 505

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Кодификация права представляет собой многосложный как с юридико-технической, так и с доктринальной точки зрения систематизационный правотворческий процесс, изучение которого занимало умы правоведов на протяжении долгой истории юридической науки и законодательной практики. Кодификационная деятельность государства с необходимостью направлена на обеспечение логической взаимосвязи и успешного соединения юридико-доктринальных конструкций и официально-властных установлений, которые находят закрепление в системе права и системе законодательства соответственно, и служат логической моделью для законодательной практики и правовой политики[1].

В актуальной повестке историко-правовой науки стоит нерешенная до сих задача исследования доктрины и техники уголовно-правовой кодификации с ее особой спецификой в традиции общего права (*common law tradition*). Рассуждая о трудностях кодификации в этой семье права, британский лорд-канцлер *Ричард Уэстбери* (1800–1873) с сожалением констатировал, что если римское право тринадцать веков назад было систематизировано всего лишь за три года под руководством императора Юстиниана, «то почему в наше время, несмотря на хаотичное состояние английского права, нельзя создать компиляцию норм подобного рода. Но дело в том, что задача кодифицировать право является гораздо более сложной. Для подготовки *полноценного кодекса* необходима систематическая реконструкция и переиздание всего корпуса статутов и судебного права, и утверждение полученных результатов особым тематическим актом парламента»[2]. В традиции общего права предназначение *уголовного кодекса* состоит в том, что он вечно стремится «потенциально и окончательно погасить мерцающее и колеблющееся пламя судейского правотворчества»[3].

Сегодня нуждается в уточнении классический сравнительно-правовой подход (юридическая таксономия), согласно которому *традиция общего права* отражает принципиально некодифицируемую систему, вечно страдающую от «*кодифобии*» и засилья живого судейского права, в отличие от континентальной правовой традиции и ее успешно кодифицированной системы права[4].

---

[1] *Зорькин В.Д.* Концептуальные основы кодификации российского законодательства: Тезисы доклада на Международных правовых чтениях им. М.М. Сперанского «Кодификация российского законодательства» (г. Санкт-Петербург, 1 октября 2010 г.).

[2] *Nash Th.A.* The life of Richard Lord Westbury with selections from his correspondence. London, 1888. P. 170-171.

[3] High Court of Australia. *CTM v. The Queen*, (2008) 185 A Crim R 188; 236 CLR 440. P. 17.

[4] *Masferrer A.* The French Codification and '*Codiphobia*' in Common Law Traditions // Tulane European and Civil Law Forum. 2019. Vol. 34. P. 27; *Трикоз Е.Н.* Феномен «кодифобия» в традиции общего права // Право между Востоком и Западом. 2024. №2. С. 14-23.

В решении этой задачи важную роль призвана сыграть формирующаяся на стыке сравнительного правоведения и отраслевой легистики (законодательной техники) новая подотрасль знаний – *кодистика права* (от лат. *codistica;* англ. *legal codistics*; фр. *juridique codistique*; нем. *kodistik des rechts*)[1], прикладная наука о теоретических (доктринальных) моделях и особых моделях кодификации права, о технике подготовки и методике кодификационной деятельности в сравнительно-историческом контексте. По мнению французского профессора Р. Кабрияка, *кодистика* в качестве специальной части *легистики* дает возможность сделать оптимальный выбор по нескольким аспектам составления кодекса, включая выбор метода кодификации, круга специалистов-кодификаторов, выбор структуры текста и определение самого содержания[2].

Кодистика права, как актуальное и перспективное направление теоретико-компаративистских и инструментально-правовых исследований, не была ранее комплексно представлена в отечественной и зарубежной правовой науке. Малоизученными остаются вопросы генезиса, развития и типологии кодификационной техники и практики в сфере англо-американского уголовного права. Особый интерес историков права-медиевистов вызывает возможность обобщения и анализа кодистической правовой практики, ее периодизации и типологии в реалиях средневекового английского государства, где создавались своды англосаксонского периода и уголовно-правовая консолидация Нормандско-Тюдоровской эпохи.

Актуальность исследования теоретических основ кодистической техники и особенностей кодификационной практики в традиции общего права обусловлена также тем, что британские колонии и члены Содружества Наций накопили специфический кодификационный опыт, сочетающий многообразие подходов и моделей уголовно-правовой реформы с особым юридико-техническим стилем отраслевой кодификации (создание типовых кодексов и гибридных уголовных актов). Отдельный интерес вызывает специфика внутрисистемной и функциональной уголовно-правовой кодистики в поздний колониальный период, а также особенности внутренней и внешней уголовно-правовой техники в бывших колониях и доминионах Британской империи.

Наконец, нуждается в переосмыслении и в более объективной оценке тот актуальный законодательный опыт уголовно-правовой кодистики, который приобрели в постколониальный

---

[1] В учении о систематизации права нередко появлялись *неологизмы*, которые вводили в оборот специалисты-правоведы с целью особо выделить тот или иной прикладной аспект или проявление юридического техники. Так, термин «*кодификация*» был впервые сконструирован и объяснен в трудах английского философа-правоведа Дж. Бентама, термин «*легистика*» обязан своим появлением бельгийско-нидерландскому дуэту правоведов Ж. Маскэлена и С. Фрэя, термин «*легиспруденция*» обоснован в работах бельгийского ученого Л.Ж. Винтгенса, «*юрислингвистика*» была предложена профессором филологии Н.Д. Голевым, «*законография*» и «*законодательная стилистика*» были разработаны советским правоведом А.А. Ушаковым, а термин «*нормография*» введен российским теоретиком права Ю.Г. Арзамасовым.

[2] *Кабрияк Р.* Кодификации / Пер. с фр. *Л.В. Головко*. М.: Статут, 2007. С. 288.

период целый ряд независимых государств (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Индия, ЮАР, Египет, и др.), ряд из которых активно участвуют в межгосударственной механизме антикриминального сотрудничества.

Сегодня около двух третей, или примерно 40 стран Содружества Наций имеют собственные *уголовные кодексы*, которые они продолжают технически и догматически совершенствовать, поддерживая их в актуальной редакции с учетом меняющейся уголовной политики и интересов национальной безопасности. Отработанные на практике типовые модели рекодификации и новеллизации уголовных кодексов в странах пост-британского мира могут послужить сравнительным эмпирическим материалом при подготовке и проведении уголовно-правовой реформы на национальном уровне.

Этот опыт функциональной уголовно-правовой кодистики в освободившихся странах может быть полезен иным международным и субрегиональным организациям, в их систематизационной нормотворческой практике (БРИКС+, АСЕАН, ШОС, ЕАЭС, СНГ и др.).

Степень научной разработанности темы. Исторические аспекты уголовно-правовой кодистики как особой техники, методики и практики кодификационной систематизации права (на примере *традиции общего права*) не были до настоящего времени предметом специального изучения ни в науках теоретико-исторического цикла, ни в сравнительном отраслевом правоведении. Так, дореволюционный профессор *С.О. Богородский* констатировал: «Англия и доселе не имеет ни свода, ни кодекса законов, какие существуют в настоящее время во всех европейских государствах; она довольствуется частными, разновременными постановлениями. Изучение статутов, равно как и обычного права представляет чрезвычайные затруднения: основательное знание их может быть приобретено не иначе, как путём долговременных исторических изысканий»[1]. На это также указывал советский профессор-криминолог *Б.С. Утевский*, «отсутствие уголовного кодекса, деление всего уголовного права на *common law* и *statute law*, сохранение в силе старинных законов, начиная чуть ли не с XIII века, всё это придавало английскому уголовному праву хаотический и неопределённый характер»[2].

В ходе разработки данной темы нами были изучены фундаментальные работы теоретиков, историков и государствоведов британской правовой науки (английских, канадских, австралийских, индийских, новозеландских, южноафриканских и др. авторов), а также целый ряд узкотематических работ зарубежных и отечественных правоведов-историков и компаративистов. Но в целом можно подтвердить отсутствие в юридической историографии комплексного монографического исследования по данной научной проблематике.

---

[1] *Богородский С.О.* Очерк истории уголовного законодательства в Европе с начала XVIII в. К., 1862. С. 307.
[2] *Утевский Б.С.* История уголовного права буржуазных государств. М., 1950. С. 164.

Особое место в контексте нашей темы занимают классические исследования по отдельным вопросам англоведения в историко-правовой науке и зарубежной юскомпаративистике[1], включая переводные работы, таких авторов, как *Э. Аннерс, У. Батлер, Г.Дж. Берман, Р. Давид, Я. Деннис, Р. Леже*. В числе довольно обстоятельных работ по истории английского права выделим таких авторов, как *Макс Грюнхут*[2], *Питер Арчер*[3] и *Эдуард Дженкс*[4], содержащих описание материально-правовых и процессуальных институтов.

Со страноведческой точки зрения к нашей теме относятся ряд англоязычных работ по государственно-правовой истории Великобритании и Британской империи (труды *Дж. Арнольда, П. Бейтли, П. Вильямса, П. Гриффитса, Р. Даусона, Р. Кэзи, Д. Макинтайра, А.Л. Мортона, У. Симплета, А. Уолкера, А. Хорна, Э. Этгли* и др.). Ряд британских правоведов посвятили свои работы компаративистскому изучению юридических аспектов эволюции семьи общего права (*У. Блэкстон, П. Бромхэд, Дж. Баалмэн, А. Дайси, Ф.У. Мэйтланд, Ф. Поллок, К. Робертс-Рэй, Дж. Соуэр, Р. Уолкер, П. Финн, Т. Элиас* и др.). Важное значение имеет многотомная обзорная работа викторианского правоведа *Уильяма Холдсворта* по истории английского права[5], где дается хронологическое изложение развития уголовно-правовых институтов и системы британского правосудия. Теоретико-догматическое значение в контексте нашего исследования имеет Оксфордское издание по истории английского права в 13-ти томах[6], в числе авторов которого такие специалисты, как *Р.Х. Гельмгольц, Дж. Хадсон, Дж. Бейкер, К. Смит* и др., проводившие институционально-правовой и системно-структурный анализ английских, в том числе уголовных законов сквозь призму социально-культурных, экономических и политических изменений. Большинство аспектов английской юридической истории исследовал профессор права Кембриджского университета *Дж.Х. Бейкер*[7].

В смежный блок библиографии входят узкоспециальные исследования иностранных компаративистов и отечественных теоретиков по *технике систематизации* и типологии *кодификации* в семье общего права и других семьях. Заметный вклад в *компаративистскую*

---

[1] Англоведение в современной России. Коллективная монография / Отв. ред. *М.П. Айзенштат*. М., 2018.

[2] *Грюнхут М.* Английское уголовное право / Пер. с англ. // Современное зарубежное уголовное право. Т. 3 / Под ред. *А.А. Пионтковского*. М., 1961.

[3] *Арчер П.* Английская судебная система / Пер. с англ. *Л.А. Ветвинского*. М., 1959. 268 с.

[4] *Дженкс Э.* Английское право. (Источники права. Судоустройство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право) / Пер. с англ. *Л.А. Лунц*. М., 1947.

[5] *Holdsworth W.S.* A History of English Law. Boston: Little, Brown and Company, 1922 – 1926. 9 Vols. I. The judicial system; II. Anglo-Saxon Antiquities (449–1066); III. The Mediaeval common law (1066–1485); IV–IX. The Common Law and its Rivals (1485–1700).

[6] The Oxford History of the Laws of England: 13 vols. Vol. I: The Canon Law and Ecclesiastical Jurisdiction from 597 to the 1640s; – Vol. XIII: 1820-1914. Oxford, 2004–2012.

[7] *Baker J.H.* The Common Law Tradition: Lawyers, Books and the Law. Hambledon Press, London, 2000; *Baker J.H.* Collected Papers on English Legal History. Vol. I. Cambridge University Press, 2013; *Baker J.H.* An Introduction to English Legal History. 5th ed. OUP, 2019.

теорию кодификации внесли венгерский правовед-компаративист *Чаба Варга*[1], немецкий историк-романист *Франц Виакер*[2] и французский цивилист *Реми Кабрияк*[3]. Использованный Кабрияком термин «*кодистика*» (фр. *codistique*) подхватили другие исследователи в прикладных работах, как, например, *Т. Буссари* по административно-правовой кодистике[4].

Отдельное учение об уголовно-правовой кодификации применительно к традиции общего права было разработано британскими юристами колониального периода (работы *Дж. Бентама, Дж. Остина, Дж.Ф. Стифена* и др.), которое затем трансформировалось в кодификационный проект юристов заокеанских колоний Британии (труды американцев *Д.Д. Филда* и *О.У. Холмса,* канадца *Дж.У. Бербиджа*, австралийцев *В.Е. Херна* и *С. Гриффита*, и др.). Отдельно выделим работы австралийского юриста *Эндрю Дж. Хеммингa*, изучавшего *бентамовский проект* уголовного кодекса как типовой образец для британских экс-колоний[5]. Ряд его научных публикаций посвящены феномену рекодификации, разработке общефедерального кодекса, «импорту общего права» в уголовные кодексы местных юрисдикций; критическому обзору локальных кодексов, и др.[6]

Важное значение для нашего исследования имеют отраслевые работы уголовно-правового цикла. К числу правоведов, стоявших у истоков теории *британского уголовного права* и рассматривавших вопросы его истории, доктрины и практики в дочерних уголовных правопорядках, следует отнести таких англо-американских юристов, как *Ф. Уортон, Ф. Брэдли, Дж. Вигмор, К.С. Кенни, А. Коцоурек, Л. Радзинович, Дж.Ф. Стифен, Р. Кросс, Дж.К. Смит, Г.Л. Уильямс*, а также авторов по философии уголовного права[7].

Так, перу профессора Кембриджского университета *Кортни Станхоуп Кенни* (1847–1930) принадлежат ставшие доктринальными «Основы уголовного права» 1907 г. Особую значимость имеет исследование польско-британского криминолога *Леона Радзиновича* «История

---

[1] *Varga Cs*. Codification as a Socio-Historical Phenomenon. Budapest, 2011; *Varga Cs*. Comparative Legal Cultures: On Traditions Classified, Their Rapprochement & Transfer, and the Anarchy of Hyper-Rationalism. Budapest, 2012; *Varga Cs*. Codification on the Threshold of the Third Millennium // Acta Juridica Hungarica. 2006. 47(2). P. 89-117.

[2] *Виакер Ф.* Зарождение, расцвет и кризис идеи кодификации // Фемис: ежегодник истории права и правоведения. 2000. Вып. 1. С. 128-154.

[3] *Кабрияк Р.* Кодификации / Пер. с фр. *Л.В. Головко*. М.: Статут, 2007. 476 с.

[4] *Boussarie Th.* La codification de la procédure administrative: Thèse de doctorat / Droit public. Institut de recherche juridique de la Sorbonne. Paris, 2018. URL: https://theses.fr/2018PA01D060.

[5] *Hemming A.G.* Is Bentham's Vision of a Comprehensive Criminal Code Suitable as a Model Design for a Code? / Dissertation (Doctor of Philosophy). Darwin, 2013.

[6] *Hemming A.* Why Bentham's Vision of a Comprehensive Criminal Code Remains Viable and Desirable as the Model Design for a Code // University of Notre Dame Australia Law Review. 2012. Vol. 14. P. 125-130; *Hemming A.* Why the Queensland, Western Australian and Tasmanian Criminal Codes Are Anachronisms // University of Tasmania Law Review. 2012. Vol. 31(2). P. 1-10; *Hemming A.* The Criminal Code (Cth) Comes to the Northern Territory // University of Western Australia Law Review. 2010. Vol. 35. P. 120-130; *Hemming A.* When is a Code a Code? // Deakin Law Review. 2010. Vol. 15(1); и др.

[7] *Wharton F.* Philosophy of Criminal Law. Philadelphia, 1880; *Bradley F.H.* Ethical Studies. Anglo-American Philosophies of Penal Law // Journal of Criminal Law & Criminology. 1911/1912. No 2. P. 186-189.

английского уголовного права и его исполнения с 1750 года»[1], вышедшая в пяти томах, которые посвящены истории института смертной казни и применению уголовных законов; научным течениям в сфере пенологии; истории реформаторского движения по вопросам уголовного законодательства и др. Профессор *Джеральд Постема* в «Оксфордском справочнике по юриспруденции и философии права» рассматривает вопросы философии общего права, уделяя внимание концепциям наказания (ретрибутивизм, консеквенциализм, теория опасности и др.), обоснованию нормативной теории уголовного права, и др.[2]

Выделим монографию испанского профессора *Анисето Масферрер,* в которой он предпринимает попытку анализа влияния континентальной уголовно-правовой модели на уголовные кодексы Европы и Латинской Америки[3]. Значимый вклад вносят работы канадского профессора Университета Торонто *Маркуса Даббера* по сравнительному уголовному праву[4]. Из последних работ укажем на *коллективную монографию* юристов разных правовых традиций и уголовных юрисдикций, которые анализируют формирующие тексты уголовно-правовой мысли, исторический контекст функционирования уголовного права, его научных школ и правовых доктрин, документируя тем самым интеллектуальную историю современного уголовного права[5].

В историографии теоретико-правовых и компаративистских работ отсутствует специальное комплексное исследование генезиса и развития техники правовой кодификации в контексте социально-культурных и политико-правовых практик в пространстве семьи общего права. Хотя некоторые аспекты этой проблематики поднимаются в работах российских правоведов, специализирующихся по отдельным вопросам истории англо-американского права (*Адыгезалова Г.Э.*[6], *Богдановская И.Ю.*[7], *Гутнова Е.В.*[8], *Земляков М.В.*[9], *Кабышев С.В.*[10],

---

[1] *Radzinowicz L.* A History of English Criminal Law and its Administration. Vol. I: The Movement for Reform. London: Stevens & Sons, 1948.

[2] *Alexander L.* The Philosophy of Criminal Law // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law / Ed. *by J.L. Coleman, K.E. Himma, S.J. Shapiro*. Oxford, 2004. См. также: The Oxford Handbook of the Philosophy of the Criminal Law / Ed. by *J. Deigh*. Oxford, N.Y., 2011.

[3] The Western Codification of Criminal Law: The Myth of its Predominant French Influence Revisited. Dordrecht, Heidelberg; London-New York: Springer, 2018.

[4] *Dubber M.D., Hörnle T.* Criminal Law: A Comparative Approach. 2014; *Dubber M.D., K. Heller*. Handbook of Comparative Criminal Law. 2010; *Dubber M.D., Farmer L.* Modern Histories of Crime and Punishment. 2007.

[5] Foundational Texts in Modern Criminal Law / Ed. by *Markus D. Dubber*. Oxford University Press, 2023.

[6] *Адыгезалова Г.Э., Киенко Н.Д.* Сравнительный анализ правового позитивизма Джона Остина и реалистического движения в американской юриспруденции // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. №3. С. 5-10.

[7] *Богдановская И.Ю.* Закон в английском праве. М., 1987; *Богдановская И.Ю.* Особенность систематизации в странах «общего права» // Право и политика. 2007. № 7. С. 48-51.

[8] *Гутнова Е.В.* Возникновение английского парламента: (Из истории английского общества и государства XIII в.). М., 1960.

[9] *Земляков М.В.* Становление законодательства в раннесредневековой Англии: законы кентских королей VII в. // Средние века. 2014. Вып. 75. С. 262-278.

[10] *Кабышев С.В.* Техника правотворчества в Канаде // Юридическая техника. 2012. №6. С. 19-21.

Колосов И.В.[1], *Кочемасов А.В.*[2], *Михайлов А.М.*[3], *Оксамытный В.В.*[4], *Остроух А.Н.*[5], *Паламарчук А.А.*[6], *Романов А.К.*[7], *Тонков Е.Н.*[8], *Швец (Попова) А.А.*[9], *Хатунов С.Ю.*[10], и др.).

Российские правоведы анализировали внешнюю форму и системную среду уголовного права, технический структурализм и научную системологию уголовного права, принципы и технику уголовно-правовой кодификации, догматику общей части уголовного права и др. В этой подгруппе библиографии выделим труды таких отечественных ученых - пеналистов и криминологов, как: *Бойко А.И.*[11], *Богуш Г.И.*[12], *Ведерникова О.Н.*[13], *Волеводз А.Г.*[14], *Голованова Н.А.*[15], *Есаков Г.А.*[16], *Ковалев М.И.*[17], *Козочкин И.Д.*[18], *Коняхин В.П.*[19], *Коробеев А.И.*[20], *Кузнецова Н.Ф.*[21], *Малиновский А.А.*[22], *Никифоровы А.С. и Б.С.*[23], *Панько К.К.*[24], *Решетников Ф.М.*[25], *Шаргородский М.Д.*[26], и др.

---

[1] *Колосов И.В*. Уголовное право Англии XIX в. – эффект колеи утилитаризма? // Право – явление цивилизации и культуры. М.: РУДН, 2021. С. 391-398.

[2] *Кочемасов А.В.* Проблемы кодификации федерального уголовного права США // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2013. №6. С. 73-85.

[3] *Михайлов А.М.* Исторические и доктринальные основы английского права. М.: МГИМО-Университет, 2019.

[4] *Оксамытный В.В.* Уголовная политика Англии в свете правового утилитаризма И. Бентама // Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 2-2. С. 225-227.

[5] *Остроух А.Н.* Учение Бентама о праве: Дис. …канд. юрид. наук / ИГП РАН. М., 2002.

[6] *Паламарчук А.А.* Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи / Сер. Pax Britannica. Санкт-Петербург, 2015; Эдвард Кок и особенности систематизации английского общего права в начале XVII в. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2012. №9. С. 188-201.

[7] *Романов А.К.* Право и правовая система Великобритании. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2023.

[8] *Тонков Е.Н.* Толкование закона в Англии: Statutory interpretation in England Statutory interpretation in England. СПб.: Алетейя, 2013.

[9] *Попова А.А.* Становление системы источников права Австралии в колониальный период: конец XVIII–XIX вв.: Дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2006; *Трикоз Е.Н., Швец А.А.* Кодификация как способ революционного преобразования права // Право в эпоху революций: К 100-летию революций в России. М.: Проспект, 2017. С. 14-17; *Трикоз Е.Н., Швец А.А.* Уголовный кодекс Индии 1860 г.: гендерный анализ практики применения // Advances in Law Studies. Scientific and Theoretic Journal. 2019. Т. 7, № 1. С. 11-15.

[10] *Хатунов С.Ю.* Преступление и наказание в средневековой Англии (англосаксонский, англо-нормандский, анжуйский периоды). М., 2003.

[11] *Бойко А.И.* Система и структура уголовного права: В 3-х тт. Ростов н/Д, 2007.

[12] Международное уголовное правосудие: Современные проблемы / Под ред. *Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз*. М., 2009.

[13] *Ведерникова О.Н.* Современные уголовно-правовые системы: типы, модели, характеристика // Государство и право. 2004. №1; Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании. М., 2001.

[14] *Волеводз А.Г.* Современная система международной уголовной юстиции: понятие, правовые основы, структура и признаки // Международное уголовное правосудие: Современные проблемы / Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М., 2009. С. 303-323.

[15] *Голованова Н.А.* Уголовное право Англии. М., 2019.

[16] *Есаков Г.А.* Англо-американское уголовное право: эволюция и современное состояние общей части. М., 2007.

[17] *Ковалев М.И.* К вопросу о теории уголовного кодекса // Советское государство и право. 1988. №5. С. 74-82.

[18] *Козочкин И.Д.* Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007.

[19] *Коняхин В.П.* Теоретические основы построения общей части российского уголовного права: Дис. ...д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002; Общая часть проекта. Уголовное уложение 1813 г.: ретроспективный анализ и перспективный прогноз // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее. Материалы VIII Российского конгресса уголовного права. М., 2013. С. 117-121.

[20] *Коробеев А.И.* Уголовное законодательство стран АТР: типичное и особенное // Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век. Владивосток, 2004. С. 412-425; Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративное исследование: монография / Отв. ред. *А.И. Коробеев*. Владивосток, 2008.

[21] *Кузнецова Н.Ф.* О законодательной технике в уголовном праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2004. №4. С. 41-53.

[22] *Малиновский А.А.* Сравнительное уголовное право: учебник. М., 2014; Уголовно-правовые системы: вопросы классификации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 3. С. 14-19.

Некоторые исследователи посвятили свои работы истории английского уголовного правосудия, фокусировались на британской пенологии и английском тюрьмоведении, формальной стороне уголовно-исполнительного права[1].

В отечественной уголовно-правовой науке профессор *Н.А. Лопашенко* впервые обосновала «теоретические основы» кодификации уголовно-правовых норм и систему ее принципов[2]. Профессор *Т.В. Кленова* ввела в оборот понятие структурных элементов кодификации уголовно-правовых норм, выделила общие положения и принципы кодификации, кодификационную юртехнику, текстологию кодифицированных актов и специфику уголовно-правовых предписаний[3]. В работах *А.И. Ситниковой* обосновывается понятие «*уголовно-правовая текстология*» на основе филологического и лингвистического анализа, она выделяется как новое направление исследований, объектом которых выступает текст уголовного закона. В предметную область «уголовно-правовой текстологии» входят теоретические положения о текстуальных признаках уголовного закона, требования к тексту уголовно-правовых предписаний, правила их конструирования и принципы интерпретации[4].

В англоязычной литературе юридико-техническими аспектами кодификации занимаются ученые-криминологи и компаративисты из Великобритании, США, Австралии, Канады и других стран общего права[5].

Особо следует оговорить, что достаточно детально изучена специфика *уголовно-правовой кодификации США*, включая его доктринально-теоретические и технико-инструментальные основы, чему подтверждением служит целый ряд работ, включая труды отечественных

---

[23] *Никифоров А.С.* Уголовное право современной Англии. (Обзор английской литературы по уголовному праву) // Советское государство и право. 1954. №6. С. 139-145; Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. М., 2002.

[24] *Панько К.К.* Методология и теория законодательной техники уголовного права России. Воронеж, 2004; Теория и практика законотворчества в уголовном праве. М., 2011.

[25] *Решетников Ф.М.* «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление в уголовном праве. М., 1985; Особенная часть уголовного права зарубежных государств (преступления против личности). М., 1976.

[26] *Шаргородский М.Д.* Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. Л., 1957; Техника и терминология уголовного закона // Советское государство и право. 1948. №1. С. 58-65.

[1] *Андреященко Р.А.* Пенитенциарная система Англии и Уэльса в XVI-XX вв.: историко-юридическое исследование: Дис. ...к.ю.н. Екатеринбург, 2006; *Васильева С.А.* Генезис и эволюция доктрины пенитенциаризма в англо-американском социокультурном пространстве (конец XVII – начало XIX вв.): Дис. ...д.и.н. Рязань, 2022; *Маруков А.Ф.* Тюремная политика Англии и Уэльса: историко-правовое исследование: Дис. ...д.ю.н. СПб., 2001; *Пахалов М.Ю.* Судебный процесс в средневековой Англии: проблема соотношения юридических и ритуальных форм: Дис. ...к.ю.н. М., 2007; *Тепляшин П.В*. Истоки и развитие английского тюрьмоведения. Красноярск, 2005; и др.

[2] *Лопашенко Н.А.* Принципы кодификации уголовно-правовых норм / Под ред. *Н.С. Шостака*. Саратов, 1989.

[3] *Кленова Т.В.* Основы теории кодификации уголовно-правовых норм: Дис. ...д-ра юрид. наук. Самара, 2001.

[4] *Ситникова А.И.* Законодательная текстология уголовного права: Дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2014.

[5] *Cook C.M.* The American Codification Movement: A Study of Antebellum Legal Reform. Westport (Conn.), 1981; *Fitzgerald P.* Codes and Codifications: Interpretation, Structure, and Arrangement of Codes // Criminal Law Forum. 1990. Vol. 2. P. 127-143; *Dubber M.* Criminal Law: Model Penal Code. New York, 2002; *Dressier J.* Understanding criminal law. Matthew Bender and Co, 2001; *Деннис Я.* Кодификация уголовного права / пер. с англ. // СССР – Англия: юстиция и сравнительное правоведение. М., 1986.

исследователей[1]. В основе этой модели кодификации лежит сочетание английской и континентальной правовых традиций, а сами уголовные кодексы имеют явную историческую принадлежность к романо-германской традиции права[2]. Это позволило нам сузить предмет нашего историко-теоретического исследования до границ *традиционной (материнской) ветви* семьи общего права, сосредоточив внимание на уголовно-правовой кодистике в самой Великобритании и колониальных (постколониальных) странах Содружества Наций. Сегодня классическая традиция *общего права* образует своеобразный гибрид или «*unity of common law*», правовую унию с правовыми системами стран Содружества во главе с Великобританией, с одной стороны, и правовой системой Соединенных Штатов Америки и ее ассоциированных территорий, с другой.

Сегодня историко-правовые и компаративистские работы российских авторов по систематизационной юртехнике и ее специфике в уголовно-правовых системах *традиции общего права* выходят на более высокий теоретический уровень. Подготовлен блок диссертационных и монографических исследований по проблемам сущности и форм систематизации права, технологии подготовки кодифицируемого акта, текстологии уголовного закона, видам кодификации в систематизационной практике и др.[3]

В то же самое время обзор научно-правовой мысли в рассматриваемой сфере показал, что до сих пор отсутствует многосторонний теоретико-исторический анализ развития кодификационной техники уголовного права и не сформированы авторские концепции и обобщения соответствующей практики в англоязычных нациях. Это дополнительно актуализирует и повышает востребованность разработки теоретико-исторической концепции уголовно-правовой кодистики применительно к традиции общего права.

---

[1] *Есаков Г.А.* Mens rea в уголовном праве США: историко-правовое исследование. Монография. С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2003. 553 с.; *Козочкин И.Д.* Уголовное право США: учебное пособие. М.: Юрайт, 2019. 218 с.; *Кочемасов А.В.* Кодификация уголовного права в США. М.: Зерцало, 2016. 168 с.; *Малиновский А.А*. Законодательный акт как источник уголовного права в зарубежных странах (сравнительно-правовые аспекты) // Библиотека криминалиста. 2015. №4(21). С. 343-354; *Петрова Е.А.* Система источников современного американского права (теоретический и сравнительно-правовой аспекты): Дис. ...к.ю.н. СПб., 2004; *Сизова В.Н.* Эволюция системы уголовного законодательства Соединенных Штатов Америки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. №3(51). С. 145-150; и др.

[2] Примерный уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права / Пер. *А.С. Никифорова*, под ред. *Б.С. Никифорова*. М.: Прогресс, 1969; *Никифоров Б.С., Решетников Ф.М.* Современное американское уголовное право. М., 1990; *Есаков Г.А.* Англо-американское уголовное право: эволюция и современное состояние общей части. Монография. М.: Проспект, 2007.

[3] *Авакова О.В.* Формирование и функционирование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии: Дис. ...канд. филол. наук. М., 2006; *Богдановская И.Ю.* Источники права на современном этапе развития «общего права»: Дис. ...д.ю.н. М., 2007; *Графшонкина А.А.* Эволюция институтов государства и права в Шотландии: Дис. ...к.ю.н. М., 2016; *Есаков Г.А.* Mens Rea в уголовном праве Соединенных Штатов Америки. Дис. …к.ю.н. М., 2002; *Кочемасов А.В.* Исторический опыт кодификации уголовного права в США в XIX – начале XXI в. М., 2015; *Малешина А.В.* Ответственность за преступные деяния против жизни в странах общего права (на примере Англии, США и Канады): Дис. ...к.ю.н. М., 2009; *Попова А.А.* Становление системы источников права Австралии в колониальный период: конец XVIII–XIX вв.: Дис. ...к.ю.н. Краснодар, 2006; *Сулейманова С.Т.* Уголовное право Канады: основные институты общей части, их особенности и эволюция: Дис. ...к.ю.н. М., 2013; и др.

Объект и предмет диссертационного исследования. ***Объектом*** *исследования* является система общественных отношений в сфере правообразования и законотворчества в странах традиции общего права, взятая в исторической ретроспективе.

Предметом *исследования* выступают сравнительно-исторические особенности генезиса уголовно-правовой кодистики в традиции общего права и ее эволюции на примере различных доктринальных моделей, авторских проектов и законодательных текстов, применявшихся в уголовно-правовых системах Великобритании, Британской империи и Содружества Наций.

Тема исследования соответствует *паспорту* научной специальности 5.1.1. «Теоретико-исторические правовые науки», и отражает содержание пунктов 21 «Правовая система, система права, система законодательства», 22 «Юридическая техника», 31 «Современные правовые системы», 56 «Государство и право Нового времени (XVII–XIX вв.)», 57 «Государство и право Новейшего времени» (XX в.), 62 «Правовая мысль в Европе эпохи Возрождения и образования абсолютистских государств», и 64 «Учения о государстве и праве Нового времени». *Область исследования* соответствует приоритетному направлению научных исследований МГИМО МИД России (п. 6 «Проблемы правового регулирования развития общества и международных отношений» (*Law Regulation of Society Development and International Relations*).

Хронологические рамки исследования. Основные *временные границы* исследования проблематики уголовно-правовой кодистики в традиции общего права охватывают наиболее насыщенный в содержательном плане период с конца XII по начало XX вв.

Выбор *нижнего предела* исследования (XI/XII век) обусловлен тем, что именно в эпоху Высокого средневековья произошло формирование общего (единого) права в *Нормандско-Анжуйский период*, когда началось развитие специфичной нормотворческой практики в целом и ранней техники уголовно-правовой систематизации (система *Anglo-Norman criminal law*). Мы также исследуем и более ранние римский и англосаксонский периоды зарождения правовой традиции (с I по сер. XI вв.), которые предшествовали формированию особой техники кодификации в период развития общекоролевского статутного и судебного права.

Выбор *верхнего предела* исследования (XVIII/XIX в.) продиктован разворачиванием кодификационного дискурса в *Нововременную эпоху*, появлением доктринальных трудов по легистике и систематике права, авторитетных работ по теории кодификации с авторскими концепциями кодекса и проектами реформы уголовного права, что привело к распространению практики уголовно-правовой кодистики в колониях Британской империи.

Расширение границ исследования уголовно-правовой кодистики за счет небольшого более позднего периода (с сер. XX по нач. XXI вв.) объясняется тем, что кодистика уголовного права функционально трансформируется в правовых практиках стран пост-Британского мира с целью деколонизации правового наследия и рекодификации национального уголовного права.

Цель и задачи диссертационного исследования. *Целью* диссертационной работы является разработка концептуально целостного прикладного учения о генезисе кодификационной практики, развитии ее доктринального обоснования и эволюции кодификационных работ по уголовному праву в их специфической форме, характерной для традиции общего права.

Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие научно-исследовательские *задачи*:

- провести сравнительно-историческое и догматическое толкование понятий «общее право» и «правовая традиция», и выявить подходы к периодизации традиции общего права;

- представить понимание теоретической категории «кодистика права» в сравнительно-теоретическом и уголовно-правовом дискурсах, показать ее соотношение с понятиями «кодификация» и «легистика» и феноменом «кодифобия» в традиции общего права;

- установить методологическое и содержательное значение выделения «диахронной» и «синхронной» кодистики в истории английского уголовного права;

- показать теоретическое и прикладное значение «внутрисистемной» и «функциональной» кодистики постколониального уголовного права в традиции общего права;

- установить в контексте «диахронной кодистики» генезис техники ранней систематизации в римской Британии и квази-кодификации уголовного права в Англосаксонский период, а также установить специфику начальной кодистики уголовного права Нормандско-Тюдоровского периода;

- рассмотреть в контексте «синхронной кодистики» Нововременного периода формировавшиеся параллельно основы доктринальной систематики в *ius commune* континентальной Европы и философско-теоретические основы кодистики в Англии;

- критически оценить творческий вклад ведущих английских ученых в области легистики и кодификации права, в особенности доктринальные работы Ф. Бэкона, У. Блэкстона, Дж. Бентама и Дж. Остина;

- определить специфику институциональной модели уголовно-правовой кодификации и практики ее реализации в Великобритании XVII – XIX вв., включая организацию работ по консолидации и технику разработки проекта Уголовного кодекса для Англии и Уэльса;

- выделить в контексте «внутрисистемной кодистики» нормативные особенности моделей уголовных кодексов колониального периода внутри Британской империи XIX – нач. XX вв.;

- оценить законотворческую практику уголовно-правовой кодистики в отдельных британских колониях, установить специфику индийской, канадской и австралийской моделей кодификации, включая методику организации и технику создания местных уголовных кодексов, их кодистические особенности и реформирование в ранний период независимости;

- выявить в контексте «функциональной кодистики» постколониального периода типологию моделей рекодификации (функционального приспособления и новеллизации) уголовных кодексов суверенных государств-членов Содружества Наций, провести нормативное сравнение путем анализа кодификационной техники в избранных экс-колониях Азии и Африки;

- раскрыть особенности кодистики международного уголовного права в Содружестве Наций на основе типового квази-кодекса (модельного закона по международным преступлениям).

Методологическая основа и методы исследования. Методологическую основу исследования составляют цивилизационный и культурологический подходы, концептуальные методологические положения историко-правовой науки и науки сравнительного правоведения, а также основные принципы научного исследования, включая принципы всесторонности, историзма, комплексности и методологического плюрализма.

Наряду с этим были задействованы специальные научные и междисциплинарные методы. В их числе особо выделим: интегративный анализ, нацеленный как на эмпирическое (объективно-материальное) основание кодификационной практики, так и на теоретическое (субъективно-идеалистическое) осмысление сущности уголовно-правовой кодистики; историко-генетический метод, направленный на изучение зарождения и эмпирического оформления процессов кодификации, ее исторических типов, этапов кодификационной техники, причин изменения в доктрине, технике и методиках кодификации уголовного права; проблемно-хронологический метод, который позволил воссоздать историческую последовательность и эволюционную логику в развитии кодификационного процесса в сфере уголовного права; герменевтический метод, способствовавший реконструкции и пониманию доктринальных представлений правоведов-кодификаторов и законодателей по мере развития кодификационных работ в традиции общего права.

В исследовании также применяется особая источниковедческая методология, которая позволяет в ходе познания различных аспектов доктрины, практики и техники уголовно-правовой кодификации проанализировать текстологию источников историко-правового и уголовно-правового характера (юридические произведения, законодательные памятники, правовые документы, делопроизводственные и судебные материалы, юридическая периодика и др.). Так, на начальной стадии внешней критики источников обобщались юридико-технические и текстологические сведения о внешней и внутренней форме изучаемых доктринальных и законодательных документов, а также их связи и соотношение с другими типологически похожими источниками. На следующем этапе внутренней критики проводился содержательный текстологический анализ источника по истории уголовно-правовой кодистики и связанного с ним эмпирического материала, уточнялась техника структурирования текста и закрепления в

нем уголовно-правовых принципов, категорий и положений. С помощью источниковедческого анализа установлено место и роль того или иного документа в истории кодификаторской традиции семьи общего права.

В числе специальных дисциплинарных методов познания права было отдано предпочтение трем основным – сравнительно-правовому, формально-догматическому и юридико-техническому. Главным методологическим основанием в нашем исследовании выступает сравнительно-исторический подход, направленный на сравнительное изучение кодификационных дискурсов и законодательной практики в отдельных юрисдикциях общего права, сопоставительно-аналитическое осмысление сложившихся в этой традиции доктринальных основ, юридической техники и методики проведения кодификации уголовного права. Для концептуального сравнительно-правового познания специфичных форм кодистики уголовного права были использованы такие приемы и способы, как диахронное, синхронное и асинхронное сравнение; внутреннее и внешнее сравнение; нормативное и функциональное сравнение; микро- и макро-сравнение. Так, в диахроническом плане происходит структурная типология, установление вероятностных типов развития уголовно-правовых кодификаций во времени. Синхронные типологические исследования уголовных кодексов имеют по преимуществу сопоставительный характер. При этом оба подхода содержат элементы географическо-описательного, функционально-прагматического и унификаторского направлений сравнительного правоведения.

С помощью формально-догматического метода в текстах кодификационных актов нами был определен внутреннее содержание, сущность предписаний, предмет правового регулирования, внешняя форма и структурные элементы, нетипичное строение кодекса и др. Данный метод позволил проследить юридико-технический процесс и институциональную практику кодификационного движения в уголовно-правовых системах общего права. Доктринально-правовой анализ в контексте сравнительной уголовно-правовой кодистики помогает критически оценивать привлекаемые для нашего исследования различные юридические тексты, правовые трактаты, авторские кодексы, законопроектные акты, материалы парламентских слушаний, документы по уголовно-правовой реформе и др.

Наконец, *юридико-технический* метод применялся для анализа особенности внутренней формы и структуры кодификационных документов, толкования правовых предписаний и конструкций уголовного права, юрислингвистических особенностей текста и др.[1] Этот методологический прием с необходимостью дополнялся системно-структурным методом,

[1] *Малиновский А.А.* Историко-лингвистический метод познания права // История государства и права. 2024. №10. С. 63-68; *Малиновский А.А.* История и методология юридической науки. М., 2022.

приёмами типологизации в праве, правового моделирования, а также авторской методикой проведении *кодистического анализа* юридических источников.

Теоретическую основу исследования составляют догматические положения и отдельные аспекты учения об источниках (форме) права, системе и структуре права, видах и приёмах систематизации, унификации и гармонизации права, учения о кодификации права, типологии правовых семей и уголовно-правовых систем, правовых культур и традиций, форм рецепции и преемственности в праве, действия модельных законов и др.

В условиях постмодернистских вызовов разнообразные исследовательские концепции и методологические установки историков общего права свидетельствуют об отделении «объективной» исторической интерпретации от полемической и творческой реконструкции прошлого в традиции общего права[1]. В числе повлиявших на исследование трудов теоретиков британского юспозитивизма выделим работы по аналитической юриспруденции, описательной социологии, т.н. общей юриспруденции и др.[2]

В ходе работы над диссертацией мы опирались на труды российских дореволюционных юристов, в которых исследованы аспекты внешней истории права, законоведения и кодификационной деятельности, методологические связи истории, догмы и политики права, проанализированы течения и школы в истории уголовного права и уголовной политики, и проведено сравнительное изучение теории и практики уголовного законодательства (*П.И. Дегай*[3]*, П.И. Люблинский*[4]*, К.А. Неволин*[5]*, М.М. Сперанский*[6]*, Ф.В. Тарановский*[7]*, Г.С. Фельдштейн*[8]*, М.П. Чубинский*[9]*, Г.Ф. Шершеневич*[10] и др.).

Нами также использованы теоретические положения в трудах современных историков-правоведов и компаративистов, разрабатывавших вопросы правогенеза правовых систем, конвергенции и ассимиляции правовых пространств, правовых традиций, доктрин правопонимания, техники и культуры правотворчества (*Г.Э. Адыгезалова*[11]*, В.Г. Беспалько*[12]*,*

---

[1] *Smith K.J.M., McLaren J.P.S.* History's living legacy: an outline of "modern" historiography of the common law // Legal Studies. 2006. Vol. 21, Iss. 2. P. 251-324.

[2] *Tamanaha B.Z.* Socio-Legal Positivism and a General Jurisprudence // Oxford Journal of Legal Studies. 2001. Vol. 21(1). P. 1-32; *Михайлов А.М., Трикоз Е.Н.* Юридический позитивизм, верховенство права и кодификация. М., 2022.

[3] *Дегай П.И.* Пособия и правила изучения российских законов. М., 1831.

[4] *Люблинский П.И.* Очерки уголовного суда и наказания в современной Англии. СПб., 1911.

[5] *Неволин К.А.* Энциклопедия законоведения. История философии законодательства. Т. 1-2. Киев, 1839-1840.

[6] *Сперанский М.М.* Краткое историческое обозрение комиссии составления законов. Предложение к окончательному составлению законов // Русская старина. 1875. №2.

[7] *Тарановский Ф.В.* Историческое и методологическое взаимоотношение истории, догмы и политики права. СПб., 1907.

[8] *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права России. Ярославль, 1909.

[9] *Чубинский М.П.* Курс уголовной политики. Ярославль, 1909.

[10] *Шершеневич Г.Ф.* Очерки по истории кодификации гражданского права: в 3 тт. Казань, 1897-1899.

[11] *Адыгезалова Г.Э.* Социологическая юриспруденция в США в XX веке. СПб., 2012.

[12] *Беспалько В.Г.* Религиозные преступления в Моисеевом уголовном праве и их проекции в российском законодательстве X – XXI вв. М., 2024.

О.Г. Григорьева[1], *Ф.Ф. Дудырев*[2], *Р.Н. Дусаев*[3], *О.А. Жидков*[4], *С.В. Кодан*[5], *П.В. Крашенинников*[6], *О.Л. Лысенко*[7], *В.В. Момотов*[8], *В.В. Оксамытный*[9], *Д.А. Пашенцев*[10], *Д.Ю. Полдников*[11], *А.Ю. Саломатин*[12], *В.Н. Сафонов*[13], *К.Е. Сигалов*[14], *В.А. Томсинов*[15], *Т.Ф. Ящук*[16].

Заметное влияние на наше исследование оказали работы отечественных теоретиков права, исследовавших различные аспекты учения о кодификации и систематике права, вопросы внешней формы права, юридической техники, легистики и нормографии (*Ю.Г. Арзамасов*[17], *В.М. Баранов*[18], *С.В. Бошно*[19], *Н.А. Власенко*[20], *М.Л. Давыдова*[21], *В.В. Денисенко*[22], *С.Л. Зивс*[23], *В.Б. Исаков*[24], *В.Н. Карташов*[25], *Г.В. Мальцев*[26], *Г.И. Муромцев*[27], *А.С. Пиголкин*[28], *Т.Н. Рахманина*[29], *В.В. Субочев*[30], *Ю.А. Тихомиров*[31], *А.Н. Чашин*[32], *Д.В. Чухвичев*[33] и др.).

---

[1] *Григорьева О.Г.* Особенности международного правового сотрудничества в условиях кризисных проявлений в международных отношениях // Право и управление. XXI век. 2014. № 2 (31). С. 112-113.

[2] *Дудырев Ф.Ф.* Формирование юридической техники в процессе кодификации законодательства стран Западной Европы в XVIII – начале XIX вв. // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2014. №2

[3] *Дусаев Р.Н.* Эволюция уголовного права стран Западной Европы и США. Петрозаводск, 1999.

[4] *Жидков О.А.* Избранные труды / Отв. ред. *Г.И. Муромцев, Е.Н. Трикоз*. М.: Норма, 2006. 606 с.

[5] *Кодан С.В.* Акты систематизации законодательства как опорные точки в периодизации истории русского права (IX – начало XX в.) // Вестник Самарского юрид. ин-та. 2013. № 2 (10). С. 105-110.

[6] *Крашенинников П.В.* Кодификация отечественного гражданского права // Кодификация российского частного права. М., 2015; Зарождение права. М., 2016; Античное право: Очерки истории. М., 2018;

[7] *Лысенко О.Л.* История кодификации торгового права Германии в XIX в. М., 2001.

[8] *Момотов В.В.* Российский уголовный процесс в контексте континентальной и англосаксонской правовых традиций // Уголовный процесс. 2023. № 10 (226). С. 24-35.

[9] *Оксамытный В.В.* Сравнительная теория закона и ее место в юридической компаративистике. К., 2009.

[10] *Пашенцев Д.А.* Концептуальные основания историко-правовой науки: от классических традиций к современным новациям // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 9. С. 5-14.

[11] *Полдников Д.Ю.* Сравнительная история зарубежного права: В 2х тт. М.: Норма, 2023.

[12] *Саломатин А.Ю., Малько А.В.* Правовые системы современности. М., 2016.

[13] *Сафонов В.Н.* Конституционное правотворчество в деятельности Верховного суда США. М., 2020.

[14] *Сигалов К.Е.* Кодификация и правовое время // История государства и права. 2007. №23. С. 35-37.

[15] *Томсинов В.А.* Источники британского «колониального права» в Тропической Африке (начало XIX–середина XX вв.): Дис. …канд. юрид. наук. М., 1981; Юриспруденция в духовной культуре древнего и средневекового общества: Дис. ...д-ра юрид. наук. М., 1993.

[16] *Ящук Т.Ф.* Систематизация российского законодательства в советский период. Омск, 2021.

[17] *Арзамасов Ю.Г.* Соотношение нормографии, легиспруденции и юридической лингвистики // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 49-57.

[18] *Баранов В.М., Поленина С.В.* Система права, система и систематизация законодательства в современной России. Н. Новгород, 2002; Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы) / Под ред. *В.М. Баранова, В.Г. Графского, С.В. Кодана*. Н. Новгород, 2008.

[19] *Бошно С.В.* Правотворчество: путь от источника к форме права. М., 2002.

[20] *Власенко Н.А.* Законодательная технология. Теория. Опыт. Правила. Иркутск, 2001.

[21] *Давыдова М.Л.* Сравнительная юридическая техника как перспективное направление инструментально-правовых и компаративистских исследований // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2016. №3. С. 73-83.

[22] *Денисенко В.В.* Легитимность правовых норм в западных и восточных правовых культурах // Правовая культура. 2016. № 1(24). С. 33-39.

[23] *Зивс С.Л.* Практика систематизации законодательства в капиталистических государствах. М., 1964.

[24] *Исаков В.Б.* Язык права // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 64-79.

[25] *Карташов В.Н.* Введение в общую теорию правовой системы общества. Ярославль, 1999

[26] *Мальцев Г.В.* Культурные традиции права. М.: Норма, 2023. 608 с.

[27] *Муромцев Г.И.* Российские кодификации досоветского периода: культурно-исторический аспект // Вестник РУДН. Юридические науки. 2009. №5. С. 21-29.

[28] Систематизация законодательства в Российской Федерации. / Под ред. *А.С. Пиголкина.* СПб., 2003.

[29] *Рахманина Т.Н.* Кодификация законодательства. М., 2005.

[30] *Субочев В.В.* Законные интересы в механизме правового регулирования. М., 2007.

Следует отметить особый теоретико-методологический вклад в формирование концепции нашей диссертационной работы, который внесли научные наставники, профессора *Н.А. Крашенинникова*, видный историк права и индолог, и *А.А. Малиновский*, известный специалист по сравнительному уголовному праву[1].

Источниковую и эмпирическую базу исследования составляют отраслевые юридические акты и историко-политические документы.

Прежде всего, это *официальные документы* правительства Великобритании и администраций британских колоний, акты и материалы британского и колониальных парламентов, уголовно-правовые статуты и иные нормативные документы постколониальных государств, тексты модельных актов и конференций (Британского) Содружества Наций, соглашения и коммюнике из «Ежегодника Содружества», и др.

В отдельную категорию источников вошли *нормативные правовые акты* – консолидированные уголовные законы, подзаконные акты уголовно-правового и уголовно-процессуального характера, и непосредственно *уголовные кодексы* периода Британской империи и Содружества Наций. В качестве подгруппы источников по интерпретации уголовного права были проанализированы подборки судебных решений из практики Великобритании, Австралии, Канады, Индии, и др.

В источниковую базу также вошли авторские переводы актов по уголовному праву семьи общего права и впервые введенные в русскоязычный оборот фрагменты Книги IV «Комментариев к законам Англии» У. Блэкстона 1769 г.; проект Уголовного кодекса для Индии Т.Б. Маколея 1860 г.; проект Уголовного кодекса для Англии и Ирландии Дж.Ф. Стифена 1879 г.; Уголовный кодекс Канады Дж.У. Бербиджа 1892 г.; Модельный закон Содружества об имплементации Статута МУС 2011 г., и др.[2]

В *эмпирическую базу* исследования включены материалы юридической, уголовно-правовой и историко-политической периодики (бюллетени, журналы, и др.); акты судебной практики, в том числе прецеденты по уголовным делам («*leading cases*»). Так, в сборнике классических судебных дел экспертные авторы выделяют ключевые уголовно-правовые

---

[31] *Тихомиров Ю.А.* Теория кодекса // Кодификация законодательства: теория, практика, техника / Под ред. *В.М. Баранова*. Н. Новгород, 2009.

[32] *Чашин А.Н.* Теория юридической систематизации: Монография. М., 2010.

[33] *Чухвичев Д.В.* Кодификационные акты, их специфика и значение в системе права // Государство и право. 2009. № 8. С. 11-15.

[1] *Крашенинников П.В., Трикоз Е.Н.* История права в жизни профессора Нины Александровны Крашенинниковой: к 95-летнему юбилею // Государство и право. 2023. №2. С. 98-110; *Малиновский А.А.* Уголовно-правовые системы: вопросы классификации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. №3. С. 14-19; *Малиновский А.А.* Юридическая техника в зарубежных правовых семьях (взгляд компаративиста) // Юридическая техника. 2016. №10. С. 179-190; и др.

[2] Уголовный кодекс Австралии 1995 г. / Пер. с англ. *Е.Н. Трикоз*. СПб., 2002.

концепции, разработанные на основе этих громких прецедентов, сохраняющих свою актуальность в британской системе уголовного права и странах Содружества Наций[1].

Использовались доклады и переписка чиновников колониального управления, материалы публицистики и дискуссий по проблемам уголовной политики, а также документы Правовых комиссий Англии и Уэльса, Канады, Австралии, Индии и др., их материалы по вопросам кодификации, проекты уголовных кодексов, аналитические обзоры и комментарии экспертов.

Эмпирическую основу составляют также материалы правительственных и судебных веб-сайтов, доклады и статистика парламентских комитетов и правительственных комиссий; онлайн-коллекции актов законодательства; электронные фонды национальных библиотек; справочно-правовые платформы LexisNexis и Westlaw; оцифрованные исторические документы по уголовному праву[2].

Научная новизна исследования. Впервые в отечественном и зарубежном правоведении предложена оригинальная концепция сравнительного историко-правового анализа формирования и развития кодистики уголовного права в ее специфической форме в странах традиции общего права.

Целесообразность введения нового научного понятия и отдельного термина «*кодистика права*» связана с тем, что наряду с теоретико-догматическим и отраслевым содержанием системности общего права, данный феномен позволяет выявить своеобразное «*третье измерение*» его системной природы. Оно выражается в доктринально-философской рационализации и юридико-технической упорядоченности кодифицированных текстов, с их особой спецификой в юрисдикциях стран данной правовой традиции.

В сравнительно-типологическом ключе и с учетом исторической практики нами были установлены ранее неизученные аспекты *феномена уголовно-правовых кодификаций* в традиции общего права, которые получили эмпирическое воплощение в доктринальных проектах и законотворческих разработках консолидированных и кодифицированных актов метрополии и ряда колониальных и постколониальных юрисдикций.

Новым научным знанием является положение диссертации о том, что созданный в традиции общего права «*архетип кодификации*» видоизменялся по ходу систематизационных работ в социокультурном контексте стран Британской империи, превратившись в *политический инструмент* управления сферой уголовно-правовых реформ в колониальный период и циркуляции (обмена) типологически близких кодексов в постколониальный период. Его

---

[1] *The Carrier's Case*, 1473; *R. v. Saunders and Archer*, 1573; *R. v. Jones*, 1703; *R. v. Bembridge*, 1783; *R. v. Shipley*, 1784; *McNaughten's Case* 1843; *R. v. Flattery* 1877; и др. См.: Landmark Cases in Criminal Law / Ed. *P. Handler, H. Mares, I. Williams*. Oxford: Bloomsbury Publishing, 2017.

[2] В частности, онлайн-проект «*Old Bailey*» с материалами по уголовным делам (1674–1913 гг.): https://www.oldbaileyonline.org, а также другие веб-сайты: https://www.londonlives.org, https://www.digitalpanopticon.org, и др.

выявление в ходе диссертационного исследования стало возможным благодаря новому комплексному анализу широкого круга консолидированных и кодифицированных актов и их доктринальных проектов, включая *впервые переведенные* на русский язык и изученные на основе *авторской методики* кодистического анализа первоисточников.

Диссертантом предложены *авторские подходы к периодизации* истории отдельных форм уголовно-правовой кодистики, изложена оригинальная *типология моделей* уголовно-правовой кодификации, установлено *явление циркуляции* (обмена) типовых кодексов и их влияние на уголовно-правовую кодистику, выделены признаки различных формантов (сводных текстов) уголовно-правовой кодификации и их юридико-технические свойства, характерные для правовой традиции *common law*.

Полученные в ходе исследования новые теоретические положения *дополняют общетеоретическое учение* о кодификации права и систематизационной юртехнике, привносят новые элементы в теорию легистики (законодательной техники), расширяют научное представление о методологии подготовки и технике проведения кодификационных работ, обобщают эмпирический опыт и нормотворческие результаты уголовно-правовой кодистики.

В этом заключается эвристическая ценность выделения в авторском определении уголовно-правовой кодистики *трех её элементов* – доктрины, техники и практики кодификационной деятельности в конкретной пространственно-временной среде становления и развития традиции общего права.

На защиту выносятся следующие теоретические положения:

1. На основе сравнительного теоретико-исторического анализа взаимосвязанных правовых категорий – «*кодификация*», «*кодистика*» и «*кодекс*», нами установлен особый подход к их пониманию в контексте традиции общего права, включая определение нормотворческой природы и юридико-технической роли кодификационного акта в упорядочении и формальной рационализации системы права.

В отличие от кодификации права, представляющей собой длящийся во времени процесс реформирования и компиляции с элементами правовой новации, *кодистика права* изначально нацелена на более совершенный практический результат, отражает технику написания и методику принятия сводных (систематизированных и унифицированных) правовых актов, в целях текущей новеллизации законодательства и эффективной правореализации. В этом контексте *кодистика права* предстает как инструментально-прикладная часть учения о правотворческой систематизации и как разновидность *легислативной юртехники* по подготовке сводных законодательных текстов – кодификационных актов (англ. *code-making legal technique*).

Нами сформулировано следующее теоретическое определение: «***Кодистика права*** (лат. *codistica*; англ. *legal codistics*; фр. *juridique codistique*; нем. *kodistik des rechts*) – *это формирующееся комплексное явление, представляющее собой синтез доктрины, техники и практики кодификационной деятельности в пространственно-временной среде права, включающее в себя: доктринально-философские и методологические основы кодификационной деятельности; процедурно-техническую подготовку и прикладную легистику кодификационных актов; организационно-практические и инструментально-технологические аспекты кодификационных работ*».

2. Рассмотрение *кодистики права* в сравнительно-историческом развитии в рамках отдельных правовых систем позволило установить специфические *кодификаторские традиции*, основанные на реализации *типовых моделей кодистики*, которые складывались постепенно в результате специфического сочетания доктринальных разработок, юридико-технических и практических аспектов кодификационной деятельности в национальных правовых пространствах.

Для *кодификаторской традиции* в правотворческой культуре общего права были характерны особые юридико-технические модели кодификации уголовного права, которые развивались в исторической ретроспективе и отражали технику систематизации данной отрасли, напрямую зависевшую от менявшейся законодательной практики и уголовной политики. Составными элементами *кодификаторской традиции*, в основе которой заложена определенная модель уголовно-правовой кодистики, являются: методика и стратегия кодификационных работ в метрополии и ее колониях, внешняя форма и внутренняя систематика сводных уголовно-правовых актов, специфичные типовые и модельные уголовные кодексы, их логико-языковые средства и приемы составления, процедура принятия и контроль за состоянием (актуальной редакцией), техника новеллизации, рекодификации и декодификации, и другие элементы, характерные для данной *правовой традиции*.

Кодификационные тексты (доктринальные, законодательные и модельные кодексы) выступают объектом прикладного *кодистического анализа* (разновидности технико-юридического анализа), который применяется для оценки их догматической и проектной основы, верификации авторства, уяснения концепции и целей разработки, методики объединения норм и схемы построения кодекса, его юридической природы и сферы действия, реквизитов внешнего оформления, стиля изложения, терминосистемы и иных типологических характеристик, присущих уголовно-правовой кодистике данной семьи права.

3. С помощью положений теории уголовного закона и уголовно-правовой кодистики, и на основе кодистического анализа нами выявлена *обобщенная историческая модель* уголовно-правовой кодификации в традиции общего права, которую можно условно определить как

юспозитивистский архетип кодификации (*Bentham's code design*). Его доктринальные и технико-юридические особенности постепенно нашли закрепление в консолидированных уголовных статутах (квази-кодексах) и уголовных кодексах государств «британского мира».

Характерный для этого сообщества *стереотип* о практической невостребованности отраслевой кодификации и принципиальной некодифицируемости «живого» прецедентного права, якобы погибающего в «мертвых буквах» кодекса, выразился в устойчивом ментальном феномене *кодифобии* в психологии британских юристов. Однако их антикодистические настроения и избегание кодификационной техники были постепенно преодолены, когда в доктринальных работах сложился позитивистский *кодификационный проект*, закрепивший теоретические основы, гибкую юртехнику и апробированную в колониях методику работ по уголовно-правовой кодификации.

Этот *юспозитивистский архетип* был выработан в ходе эволюции уголовно-правовой кодистики, диффузии уголовно-правовых трансплантов и их циркуляции в кругу соприкасающихся систем семьи общего права. Постепенно он нашел свое практическое воплощение в типологически различных актах кодификации, сменявших друг друга в исторической ретроспективе, в числе которых мы выделяем следующие типы документов: средневековые королевские судебники с особым блоком уголовно-правовых норм; консолидированные уголовные ордонансы и статутные квази-кодексы; доктринальный (авторский) кодекс и типовой (имперский) кодекс; федеральный (головной) кодекс, регионалистский (внутриштатный) и автономный (локально-религиозный или этнический) кодексы, а также межгосударственный (модельный) закон о преступлениях.

Различные сочетания внутренних и внешних характеристик доктрины, техники и практики создания подобных уголовно-правовых актов позволяют провести *сравнительно-историческую типологию* уголовно-правовой кодистики, выделив на разных этапах ее эволюции *четыре* следующих ее разновидности: диахронная, синхронная, внутрисистемная и функциональная кодистика.

4. Первый выделяемый нами тип *диахронной кодистики* основывается на вертикальной хронологической схеме, отражает историко-генетическое и динамическое развитие правовых форм. В раннесредневековом английском обществе происходит генезис практики уголовно-правовой квази-кодификации, формируется начальная техника и методика систематизации, фиксируются внешние факторы изменчивости первых уголовно-правовых сводов (королевских судебников).

4.1. В *период римской Британии* (I – V вв.) на фоне зарождения раннесредневековой правовой традиции генезис архаической систематизации сопровождался созданием первых

сводов бритто-кельтского обычного права, и смешением их норм с римским уголовным правом (*Romano-British penal law*).

В ходе этих ранних попыток упорядочения права в контексте диахронной кодистики предпринимались попытки *первичной ревизии* местного права и частичной *инкорпорации* имперских источников, применялась римская техника систематизации и локальный перенос норм уголовного права (в частности, закреплялась римская типология преступлений).

4.2. В *Англосаксонский период* (VI – XI вв.) техника систематизации уголовно-правовых норм совершенствуется в текстах донормандских сводов (*Old English law codes*). Кодистический анализ выявил различия в структуре и технике составления таких древних «*doombooks*», как кентские, уэссекские и мерсийско-нортумбрийские своды.

При этом уэссекские судебники уже имели обособленный блок уголовно-правовых норм, который отражал направленность королевской уголовной политики («*Кодекс короля Кнута*» и «*Свод законов Альфреда*»). Эти своды сыграли свою идеолого-политическую роль в закладывании *раннесредневековой традиции общего права* и облегчили переход к пост-конкистскому правлению с его особым датско-нормандским уголовным правопорядком.

В кодистике раннесредневековых «*doombooks*» нами выделены следующие особенности: наличие пролога с обстоятельствами создания и датировки текста, опора на латинские церковные каноны, отдельные конструкции римского уголовного права, криминализация религиозных преступлений, включение блока норм о применении наказаний, и др.

4.3. В *Нормандско-Тюдоровский период* (XI – XVI вв.) происходит дальнейшее развитие практики систематизации английского уголовного права.

Согласно предложенной нами *внутренней периодизации* процессов квази-кодификации этой эпохи выделяется шесть периодов – от англо-нормандских сводов Анжуйской династии (“*Instituta Cnuti*”, “*Leges Henrici Primi*”, и др.), королевских уголовных ассиз Плантагенетов и вплоть до суботраслевой квази-кодификации Тюдоров (акты свода «*Bloody Penal code*»).

5. Второй выделяемый нами тип *синхронной кодистики* предполагает сравнение качественного состояния доктрины, техники и практики уголовно-правовой кодификации как установившейся системы в параллельных европейских юрисдикциях периода *ius commune novum*. Этот тип кодистики позволят отследить синхронные отношения, качественные оппозиции и способы взаимовлияния собственно английской и континентально-европейской уголовно-правовой кодистики в один и тот же исторический момент.

5.1. Проведенный в контексте *синхронной кодистики* Нового времени (XV–XVIII вв.) сравнительный юридико-технический анализ позволил выявить две континентальные модели кодистики, контрастные по своим доктринальным основам и архитектонике сводных текстов. Нами были выделены *франко-итальянская* модель периода «Романского ренессанса» (с

характерной для нее мини-общей частью свода и подсистемой кратких норм *regula juris*) и *немецко-голландская* модель периода «Северного ренессанса» (со свойственным ей рациональным упорядочиванием всего корпуса права по т.н. *геометрическому методу*).

Отдельные черты континентально-правовой систематики и кодистики уголовного права были критически переосмыслены и доработаны британскими правоведами с целью создания *юспозитивистского архетипа* как обобщенной теоретической модели уголовно-правовой кодификации для стран общего права.

С опорой на сочинения постглоссаторов и гуманистов (*Ф. Децио, Г. Конринг, Г. Лейбниц*, и др.) нами проанализированы методологические и юридико-технические основы проектов по *систематизации и кодификации* континентального права с характерной для пандектистики высокой степенью абстракции и систематикой кодекса (нем. *Pandektenwissenschaft*). Мы установили развитие этих проектов в трудах юснатуралистской и историко-философской школ и последующую практическую реализацию в локальных уголовных кодексах и *общеимперском* уложении (на примере *горизонтальных и вертикальной кодификаций* в Германии).

5.2. Разработка в *нововременной Англии* доктринальных основ кодистики началась с трудов выдающегося систематизатора *Фрэнсиса Бэкона*, который разработал *основы легистики* как системы координационных норм, правотворческих приемов и способов законодательной техники, изложил систему приемов юридической техники судебных актов, выделил подгруппу максим-правил по технике систематизации и методике создания дигест законов. Он обосновал необходимый «*схематизм*» правовой реформы из последовательных стадий: ревизия и пересмотр статутного права – хронологическая инкорпорация статутов и прецедентов – предметная консолидация (или гибридная кодификация) – создание «дигест» (свода английских законов) как итогового документа.

Уильям Блэкстон упорядочил английское право по институциональной системе, смог придать ему ясную структуру и внутреннюю четкость, и очертил предметные границы уголовного права в своих «*Комментариях к законам*». В них Книга IV «О публичных правонарушениях» (“*Of Public Wrongs*”) впервые содержала институциональный анализ уголовного права в его систематической форме.

Критически переосмыслив эти доктринальные разработки, английский философ-правовед *Джереми Бентам* предложил деление кодифицированного права на различные субкодексы, и в авторском проекте *Уголовного кодекса* использовал новую технику правовых конструкций, применил пандектную систематику кодекса, обобщил начала и принципы уголовного права, выделил структурные разделы о преступлениях, наказаниях и средствах предупреждения, предложил технологию ведения кодификационных работ и методологию составления законопроектов.

Систематизировал эти наработки своего учителя и завершил подготовку *юспозитивистского архетипа* кодистики (*Bentham's code design*) философ-теоретик права *Джон Остин*. Он развивал утилитаристский подход к систематизации законодательства, теоретически обосновал позитивистский проект кодификации, выделил элементы законодательного оформления т.н. «*идеального кодекса*», описал правила его успешной разработки, и в продолжение своих изысканий составил законопроект УК для Англии.

6. В контексте *синхронной кодистики* Нового времени установлены особенности законопроектных работ и *систематизационной практики* в сфере уголовного права Великобритании. Этот практический этап, проходивший параллельно с континентальной Европой в форме *гибридной консолидации* и *кодификации*, начался с квази-консолидации королевских уголовно-правовых актов, которые были инкорпорированы в т.н. «*Кровавый кодекс*» («*Bloody Penal code*») в период 1680–1800-е гг.

6.1. В последующий период 1800–1870-е гг. установилась парламентская практика подготовки *уголовной квази-кодификации*, которая в своем развитии прошла четыре качественных этапа: 1) *ревизия и консолидация* уголовно-правовых статутов под руководством *С. Ромилли* и *Дж. Макинтоша*; 2) серия тематических уголовно-правовых статутов в ходе реформы *Р. Пиля*; 3) подготовка проекта *уголовного кодекса* по инициативе *Г. Брума*; 4) *консолидация* уголовных статутов *Гривза* с элементами отраслевой кодистики.

6.2. Эти практические шаги обеспечили успех правительственного билля об *Уголовном кодексе* (*English Draft Code*) 1879 г., подготовленного *Дж.Ф. Стифеном*. Он опирался на *пандектную систематику* своего трактата «Дигесты уголовного права», где первый и второй титулы составляли своеобразную Общую часть УК, а Особенная часть выстраивалась по предметно-линейной системе. Благодаря этому *проекту УК* для Англии и Уэльса, проходившему парламентские чтения по особой законодательной процедуре, была апробирована соответствующая часть кодификационной *легистики* и институциональный механизм в виде работы правовой комиссии по уголовной реформе («*Statute Law Commission*»).

7. Третий выделяемый нами тип *внутрисистемной кодистики* сфокусирован на внутренних юридико-технических процессах уголовно-правовой реформы в колониях Британской империи (XIX – сер. XX вв.). Этот тип правовой кодистики отражает сложившиеся внутри имперской системы доктринальные основы и типовые модели кодексов, практическую легистику кодификационных актов, методику проведения и организационную вертикаль кодификационных работ на местах. Внутрисистемная уголовно-правовая кодистика в британских колониях преследовала цель общесистемного упорядочения и рационализации местного уголовного законодательства, достижения его стабильности, качественной полноты и единства с уголовной политикой метрополии.

7.1. По мере совершенствования внутрисистемной кодистики и британской модели уголовно-правовой системы был реализован *юспозитивистский архетип* кодификации (*Bentham's code design*), опиравшийся на доктрины легального колониализма, парламентского суверенитета, беспробельности общего права циркуляции и циркуляции типовых кодексов. Подготовленный в итоге имперский проект *Уголовного кодекса Бентама-Стифена* в качестве универсальной основы был заимствован в уголовно-правых системах британских колоний.

В отличие от модельного или типового кодекса, этот *кодекс-эталон* имеет черты общего, инвариантного продукта и выступает в качестве образцовой формы уголовно-правовой кодификации, идеализированной упрощенной модели для однотипных национальных кодексов, характерных для данной правовой традиции. Он стал циркулировать в основе *типовых моделей* национальных уголовных кодексов (*circulation of codistics models*). Наиболее востребованными оказались три из них – индийская, канадская и австралийская, в то время как дополнявшие их иные модели кодификации получили меньшее признание (вест-индийская, министерская и гибридная).

7.2. *Индийская модель* кодификации уголовного права в виде «*Macaulay Utilitarian Penal Code*» 1837 г. была основана на авторских разработках британского юриста, бентамовского последователя *Т.Б. Маколея.* Созданный им в Калькутте доктринальный проект представлял собой творческую переработку английских статутов и многочисленных прецедентов, очищенных от архаичных норм «общего права», и содержал в себе элементы индусской правовой традиции и мусульманского права. Он был позднее доработан и положен в основу официального проекта *УК Индии 1860 г.* (*IPC*) и воспринявших эту типовую модель кодексов других британских колоний и протекторатов Азии и Африки. Это имперское наследие *Macaulay Code* как законодательного инструмента и обучающего текста, в современный период должно быть переоценено с учетом того, что освободившиеся страны смогли индигенизировать и деколонизировать колониальное уголовное законодательство.

Кодистический анализ *проекта Маколея* выявил ряд его специфических черт: выделение *словарной части* кодекса из полусотни дефиниций и разъяснений терминов; включение в статьи субсидиарных частей («объяснения», «оговорки», «исключения»); *диспозиция* нормы размещена в одной статье, а её *санкция* – в другой; громоздкое и казуистическое *описание составов* преступления; наличие «*иллюстраций*» с судебными примерами и гипотетическими криминальными ситуациями; наличие собственных названий у статей кодекса, порой весьма пространных и описательных, по несколько предложений в заголовке; отсутствие наименования «*Особенной части*» в кодексе; выделение, наряду с институтом общих защит (*general justifcations* и *excuses*), субинститута специальных обстоятельств по отдельным составам; и др.

7.3. *Канадская модель* кодификации уголовного права «*Burbidge Criminal Code*», основанная на проекте местного судьи *Дж.У. Бербиджа*, отразила в себе специфику франко-английского биюридизма (*bijuralism*), межотраслевую синкретичность права и выраженный процессуальный компонент, а также наделила федеральный кодекс иерархическим приоритетом и междуштатным применением. Предложенная нами *авторская периодизация* кодистики показала интенсивное развитие систематизационной юртехники в Канаде – от прямой рецепции уголовно-правовых статутов метрополии до принятия собственного кодекса (фр. *Code criminel*) 1892 г., с последующей его рекодификацией и новеллизацией.

Кодистический анализ Общей части УК Канады выявил такие черты ее *внутренней систематики*, как выделение своеобразной «над-Общей части», содержавшей развернутый понятийный аппарат и правила толкования, особый подраздел о принципах уголовной ответственности; разделение на блоки норм подразделы с исключающими обстоятельствами (*criminal defences*), институтами покушения, соучастия и сговора, лестницей наказаний.

Уголовно-правовая кодистика Особенной части отличалась казуистичным стилем диспозиций норм о преступлениях, отсутствием точных формулировок элементов состава, неопределенностью санкций, большим количеством отсылочных и оценочных норм, обособлением блока процессуальных норм, и др. Криминализации подверглись ряд деяний, специфичных для этнокультурного пространства Канады или заимствованных из традиции общего права (пиратство, дуэли, азартные игры, бродяжничество, подстрекательство индейцев, как издание аморальных книг, проституция индейских женщин, покушение на содомию, «ньюсенс», и др.).

7.4. *Австралийская модель* кодификации уголовного права, основанная на проекте «*Griffith Criminal Code*» судьи *С. Гриффита*, разработавшего первый УК Квинсленда 1899 г. на основе проекта *УК Бентама-Стифена*, получила широкое распространение как теоретическая основа и проектный текст в австралийских штатах, бывших местом уголовной ссылки («*penal colony*»), а также в ряде стран Африки и Океании.

В отличие от уголовных кодексов и консолидированных статутов в штатных юрисдикциях, Австралийский Союз пошел по своей модели уголовно-правовой реформы, двигаясь по пути унификации, ревизии и новеллизации общесоюзного *Закона о преступлениях* (*Commonwealth Crimes Act*) 1914 г., вплоть до создания типового УК (*Model code*), подготовленного правительственным *Комитетом Гиббса* (1991–2009 гг.). Финальная редакция этого *Модельного УК* 2009 г. содержала в качестве фундаментальной особую главу «Общие принципы уголовной ответственности», сконструированную по образцу одноимённой главы *Типового УК США* 1962 г.

Разработанный параллельно на основе *модели Гиббса* федеральный *УК Австралии* 1995 г. был существенно расширен в Особенной части под влиянием новых видов преступности и криминальных вызовов. В этом УК используется юридико-технический прием в виде оговорки: определенный его раздел или статья не применяются, если по этому вопросу принят особый закон отдельного штата. Структура его Особенной части отличается своеобразием и включает несколько глав: «Целостность и безопасность международного сообщества и иностранных правительств»; «Надлежащее управление государством»; «Преступления против человечества»; «Национальная инфраструктура» и др.

8. Четвертый выделяемый нами тип *функциональной кодистики* сложился в странах *постколониального периода* (конец XIX – нач. XXI вв.) в ходе деколонизации британских уголовных кодексов и функционализации кодификационной техники в бывших колониях и освободившихся странах Содружества. Типовая модель этой кодистики предполагала адаптацию к национальным интересам и рекодификацию британских кодексов, с целью учета культурно-исторических особенностей и укрепления уголовно-правового суверенитета.

В контексте *функциональной уголовной кодистики* происходил качественный пересмотр не только британского статутного и делегированного колониального права, но и систематизация прецедентов общего права и права справедливости, а также обычного уголовного права коренных народов. Такие изменения в технике и практике уголовно-правовой кодификации привели к разработке и принятию *территориальных* (регионалистских или внутриштатных) и *автономных* (локально-этнических или религиозных) кодексов.

На основе их кодистического анализа и *авторской периодизации* процессов адаптации и функционализации нами выделено четыре модели *функциональной кодистики* уголовного права: гибридная, министерская, смешанная и автономная.

8.1. Яркий образец *гибридного типа* функциональной кодистики уголовного права представляет квази-кодификация Новой Зеландии, которая после декодификации колониального УК 1893 г., основанного на проекте УК Англии 1879 г., и привела к принятию сначала консолидированного Закона о преступлениях (*Crimes Act*) 1908 г. и затем квази-кодифицированного *Закона о преступлениях* 1961 г., дополненного Законом о суммарных преступлениях 1981 г.

Кодистический анализ основного Закона 1961 г. выявляет его схожесть с *Законом о преступлениях* Австралии 1914 г., а также различия по элементам юртехники, в т.ч. включение норм-*определений* и норм-*стимулов*, дублирование формулировок статей, открытый перечень преступлений, большой блок процессуальных норм, и др. В более позднем *проекте УК* 1989 г. заметно улучшен стиль изложения, есть эргономичность текста, ясность формулировок, закреплен гендерно-нейтральный язык, начата гуманизация системы наказаний, и др.

8.2. Другой пример *функционализации* уголовно-правовой кодистики дают британские колонии Океании, где с 1920-х гг. внедрялась *министерская модель* в виде *типового УК* Министерства колоний Британии. На ее основе были разработаны уголовные акты, функционально приспособленные к суверенной уголовной политике и традиционному обычно-правовому порядку (*УК Тувалу* 1965 г., *УК Папуа-Новой Гвинеи* 1974 г., *УК Вануату* 1981 г., и др.). Наряду с этим подходом, ряд других стран Океании восприняли *американскую модель* квази-кодификации по образцу Титула 18 «Преступления и уголовный процесс» Кодекса США.

Специфика *министерской модели* УК Океании заключалась в частичной кодификации элементов британского общего права, расширении оснований смертной казни (за геноцид, измену, преднамеренное убийство, подстрекательство иностранцев к нападению). Но в связи с тем, что эти постколониальные кодексы не были тотальной отраслевой кодификацией, они периодически дополняются серией тематических отраслевых законов и содержат бланкетные нормы с отсылками к *обычному уголовному праву* островных государств.

8.3. Примером эклектичной и фрагментарной *функционализации* кодификационных уголовно-правовых актов является опыт экс-британского Египта. Принимавшиеся в этой стране разнообразные уголовные кодексы по нарастающей всё более *функционально* подстраиваясь и *адаптировались* сначала под запросы британских колониальных властей в процессе *правовой ассимиляции*, а затем под интересы местных элит и религиозные требования в ходе деколонизации и укрепления суверенитета. Сравнительный кодистический анализ чередующихся уголовно-правовых актов выявил качественные особенности пяти кодексов (оттоманский УК 1858 г., колониальный УК 1883 г., британский УК 1904 г., смешанный проект УК 1919 г., и республиканский УК 1937 г.).

УК Египта 1883 г. был создан по *британскому образцу* и лекалам авторитетного проекта (*English Draft code* 1879 г.), хотя и с частичным влиянием французской модели кодификации и уголовно-правовых принципов шариата. Следующий *УК Египта* 1904 г. был построен уже по «*индийской модели*» (*Macaulay Penal code* 1860 г.), став продуктом множества интеллектуально-правовых традиций и освободившись на время от исламского уголовного права. На очередном витке функционализации под эгидой британской администрации был подготовлен *смешанный проект УК* 1919 г., основанный на эклектичной юртехнике трех уголовных кодексов Индии, Италии и Швейцарии. В продолжение этого эксперимента постколониальный *УК АРЕ* 1937 г. по своей кодистике и институтам сохранил *смешанную природу*, основанную на элементах французского и частично английского уголовного права, адаптируя при этом принципы уголовно-правового фикха и конструкции шариатской судебной практики.

8.4. Необычным примером функциональной уголовно-правовой кодистики стало создание *автономных УК* в территориальных субъектах освободившихся стран. Такие эксперименты по

автономизации уголовного права на локальном уровне предпринимались в сложносоставных и мультикультурных федерациях, где этнически-религиозные автономии могли иметь собственные религиозно-правовые устои и создавать на их основе отдельные кодексы.

Автономный *УК Ранбира* (*Ranbir Penal Code*) 1932 г. в индийском штате Джамму и Кашмир представлял собой такую адаптированную кодификацию местного мусульманского права. Похожий опыт автономизации уголовного права имел место в Южной Африке, где долгое время действовал автономный *УК Транскеи* (*Transkeian Penal Code*) 1886 г. и в редакции 1983 г., распространенный на территорию Восточной Капской провинции. Он представлял собой т.н. *нативный кодекс,* разработанный британскими юристами с учетом коренных интересов и ценностей *племени банту* в их туземных территориях.

8.5. Современный пример *функциональной кодистики* дает нормотворческий опыт по разработке и инкорпорации в национальный уголовно-правовые системы Типового закона Содружества 2004/2011 г. (*Commonwealth Model Law to Implement the Rome Statute*). Он был призван адаптировать уголовные кодексы стран-членов Содружества к правореализации обязательств по Римскому статуту МУС 1998 г. и последующей рекодификации с целью включения составов международных преступлений.

Кодистический анализ *Типового закона* о международных преступлениях 2004/2011 г. и практики его инкорпорации с элементами *суботраслевой кодификации* показал следующее. В процессе адаптации и имплементации этой модели государства-члены продемонстрировали однотипность закрепления принципов ответственности, детализированность и системность описания составов международных преступлений, конкретизацию санкций за них и порядок взаимодействия с международной юстицией.

Теоретическая и практическая значимость работы. *Теоретические выводы* и положения диссертации могут использоваться как методологический компонент при исследовании вопросов историко-правовой науки и сравнительного правоведения, при изучении зарубежной юридической техники и сравнительного уголовного права.

Установленные в диссертации векторы развития и проблемы зарубежной кодификационной практики могут стать новым направлением для специальных исследований в сфере теоретико-исторических и уголовно-правовых наук.

Практическое значение диссертации состоит в том, что задействованный в ней историко-правовой, компаративистский и эмпирический материал, и сформулированные на его основе научные положения и обобщения могут быть использованы при подготовке учебно-методических изданий и проведении занятий по теоретико-историческим юридическим дисциплинам. Некоторые выводы и материалы диссертации были включены в лекционные

курсы, учебники и научные пособия, отчеты по научно-исследовательским грантам, в которых принимала участие автор данного исследования.

Отдельные положения и выводы диссертации могут стать прикладной научно-практической основой методики кодификационных работ, техники новеллизации и мониторинга кодифицированных актов, оптимизации заимствования зарубежных кодификационных моделей и нормотворческого опыта уголовно-правовой кодистики.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертации проходили обсуждение на заседаниях кафедры теории права и сравнительного правоведения МГИМО МИД России, были апробированы в учебном процессе на Международно-правовом факультете и Факультете международных отношений МГИМО, в ходе преподавания в Юридическом институте РУДН им. П. Лумумбы, Дипломатической академии МИД России, НИУ «Высшая школа экономики», в Ташкентском филиале МГИМО МИД (Республика Узбекистан), и др.

Основные положения и выводы диссертации изложены в 70 публикациях, включая научные статьи в международных наукометрических базах, учебники и монографии[1]. Научно-методическое внедрение результатов исследования происходило в ходе всего периода работы над проблематикой диссертации, что позволило автору убедиться в достоверности и достаточности материала и аналитически переосмыслить пройденные этапы исследования.

Отдельные положения работы в формате докладов и сообщений использовались автором в период научной стажировки в Международном Институте профессиональных исследований по уголовно-правовым наукам в г. Сиракузы (Италия, 2006 г.) и обучения на постдок-программе Факультета права в Медитеранском университете г. Реджио-ди-Калабрия (Италия, 2021–2022 гг.). Теоретические положения исследования использовались автором в контексте участия в рабочих группах экспертов[2] и в ходе проведения научно-исследовательских грантов[3].

Отдельные результаты диссертационного исследования докладывались в процессе выступлений на международных и всероссийских научных площадках: Всемирный конгресс Международной академии сравнительного права (г. Фукуока, Япония, 2018 г.); Международная конференция Европейского общества международного права (г. Афины, Греция, 2019 г.); Юридический форум БРИКС (г. Москва, МГИМО, 2024 г.), Международные конгрессы

---

[1] *Трикоз Е.Н.* Систематизация международного уголовного права: история и практика. Монография. М.: Изд-во РУДН, 2019. 165 с.; *Михайлов А.М., Трикоз Е.Н.* Юридический позитивизм, верховенство права и кодификация. М.: Русайнс, 2022. 248 с.; *Трикоз Е.Н.* История кодификации права. Вып. 1. Клинописные своды законов. «Кодекс Ур-Наммы». М.: Изд-во РУДН, 2013. 114 с.; *Трикоз Е.Н.* Преступления против мира и безопасности человечества: Сравнительный и международно-правовой аспекты. Монография. М.: Юрлитинформ, 2006. 512 с.

[2] В частности, участие в составе рабочей группы экспертов ESIL (Европейская Ассоциация международного права) по правовым вопросам биоэтики и геномики (2020 – нач. 2022 гг.).

[3] Научный грант РФФИ № 20-011-00914 «Проект позитивизма сегодня: историческая траектория, проблемное поле и система юридического позитивизма в англо-американской традиции» (2021–2022 гг.); грант РФФИ № 18-29-14100 «Состояние и перспективы правового регулирования и саморегулирования геномных исследований: национальный, зарубежный и международный опыт» (2018–2020 гг.); НИР РУДН № 090404-0000 «Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур» (2013–2015 гг.).

сравнительного правоведения (г. Москва, ИЗиСП при Правительстве РФ, 2020–2024 гг.); Европейско-Азиатский правовой конгресс (г. Екатеринбург, УрГЮУ, 2024 г.); Международные историко-правовые конгрессы (г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Саратов, 2022–2024 гг.); Международная конференция «Право между Востоком и Западом» (г. Москва, МГИМО МИД России, 2021–2024 гг.); Форум сравнительного правоведения «Юском» (г. Москва, НИУ ВШЭ, 2023–2025 гг.); Байкальские компаративистские чтения (г. Иркутск, БГУ, 2022 г.); Международный конгресс «Блищенковские чтения» (г. Москва, РУДН им. П. Лумумбы, 2021–2024 гг.); Московская юридическая неделя (г. Москва, МГЮА и МГУ им. М.В. Ломоносова, 2021–2024 гг.); и др.

Структура диссертации. Структура работы определена обозначенной целью и основными задачами, и отражает логику теоретико-исторического и сравнительно-правового анализа развития кодистики уголовного права в традиции общего права. Работа состоит из введения, четырех глав, пятнадцати параграфов, ряд из которых содержит подпараграфы, заключения, библиографии и приложений (авторские переводы уголовно-правовых актов; хронология уголовно-правовой кодистики; сравнительная кодистическая таблица).

ГЛАВА I. ДИАХРОННАЯ КОДИСТИКА ПРАВА В РАННЕЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

§ I.1. Понимание «кодистики права» в традиции общего права

“A code, or not a code – that is the question!”
«Быть кодексу, или не быть – вот в чем вопрос!
Не лучше ли страдать от недостатков в законе
И дефектов разрозненных практик,
Или все же восстать против моря проблем,
И, пересмотрев их, покончить с ними!
– Подрезать – Изменить – Не более того!
И с помощью кодекса покончить
со злоупотреблениями тысяч вредителей».
Unknow Lawyer, 1830[*]

§ I.1.1. Сравнительно-историческое и догматическое понимание «общего права»

1. *Категория «общее право»: историко-генетический и онтологический смысл*

Символично, что в *1769 г.* капитан *Джеймс Кук* сошел на берег Новой Зеландии, став первым британским мореплавателем, достигшим этих далеких берегов, и в том же году профессор *Уильям Блэкстоун* опубликовал последний том «Комментариев к законам Англии», где он аргументировал распространение английского общего права *(common law)* на вновь приобретенные колонии[1]. Современное *общее право Великобритания* балансирует между двумя правовыми мирами: «одной ногой оно стоит в «*ius commune novum*» вместе с правовыми системами объединенной континентальной Европы, а другой – образует «*unity of common law*», правовую унию с правовыми системами стран Содружества Наций и США»[2].

Возникнув на территории раннесредневековой Англии площадью всего в 130 тыс. кв. км, *общее право* со временем распространилось на более чем 2 млрд человек в эпоху расцвета гигантской Британской империи[3], когда «вся фабрика общего права была перевезена колонистами на новые земли»[4]. В постколониальную эпоху общее право продолжило свою

---

[*] *Unknow Lawyer*. “Codification” // United States Law Intelligencer and Review. 1830. №2. P. 268. Цит. по: *Rocheton J.* The codification of civil law in the 19th-century United States: Tesis Doctoral. Valencia, 2021. P. 12. См. также: *Salken B.C.* To Codify or Not to Codify – That Is the Question: A Study of New York's Efforts to Enact an Evidence Code // Pace Law Review. 1997. Vol. 17(3). P. 176-180.

[1] *Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England. Clarendon Press Oxford, 1765. Vol. 1. P. 104-105.

[2] *Örücü Esin*. The Enigma of Comparative Law: Variations on a Theme for the Twenty-first Century. Springer Dordrecht, 2013. P. 189; см. также: *Servidio Delabre E.* The legal system of a common law country. Paris: Dalloz, Hypercours, 2014; *Bullier A.* La common law. Paris: Connaissance du droit, Dalloz, 2016.

[3] *Bullier A.* La common law. 4 ed. Paris, Dalloz, 2016. P. 146.

[4] *Castles A.* Australian Legal History. Sydney, 1981. P. 116.

жизнь путем *правовой аккультурации* в странах Содружества Наций – от Ирландии до Новой Зеландии, от Австралии до Канады, и от Южной Азии до Южной Африки (всего 56 государств-членов). Почти одна третья часть земного шара находится под нормативно-регулятивным воздействием конструкций, доктрин и институтов *общего права*[1].

Собственно термин *common law* имеет несколько толкований в *теоретико-историческом* и *компаративистско-правовом* дискурсе[2]. Кроме того, нет единой точки зрения в современной теории и истории права о соотношении понятий «*общее право*» и «англосаксонское», «английское», «англо-американское» право[3]. В узком, *историко-генетическом смысле* понятие «*common law*» означает неписаное *судебно-обычное* право, правогенез которого относится к XII–XIII вв. в виде развивающейся интерпретационной практики королевских судов, основанной на *общих* для всей Англии и Уэльса разумных *правовых обычаях*, в противовес неким специфическим локальным обычаям и донормандским традициям.

Подобная дефиниция *common law* как «древнего неписанного универсального *обычая*» воспроизводится в изданиях *Black's Law Dictionary*. Так, «в отличие от римского права, современного цивильного права, канонического права и других правовых систем, общее право – это совокупность права и юридической теории, которая возникла, развилась, сформулирована и применяется в Англии и получила признание среди большинства государств и народов англосаксонского происхождения (*Lux v. Haggin*, 69 Cal. 255 (1886), 10 Pac. 674. 2)»[4].

Профессор права *Дж.Х. Бейкер*, ведущий историк английского права, в монографии «Юридическая профессия и общее право: исторические очерки» выделил *три традиционные характеристики* общего права – это корпорация правоведов, юридические трактаты-комментарии и особые правовые институты[5]. Значительное внимание он уделял описанию специфической модели юридического образования практической подготовки англосаксонских юристов. Он описывает раннюю историю *судебных иннов* (*the Inns of court*) в Англии, которые, возникнув ок. 1340 г., сыграли важную институциональную роль в становлении общего права. Бейкер убедительно опровергает прежнюю научную ортодоксальность, согласно которой «*судебные инны*» сначала функционировали исключительно как общежития для практикующих

---

[1] *Glendon M., Gordon M., Osakwe C.* Comparative legal traditions in a nutshell. St. Paul. Minnesota, 1982. P. 159.

[2] В отличие от английской категории «*common law*» (общее право), латинское понятие «*ius commune*» («общее право») представляло собой особое явление в истории континентально-европейского права. См. подробнее: *Полдников Д.Ю.* О правовой традиции ius commune как предмете историко-правовой науки // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Юридические науки. 2014. №2. С. 147-154.

[3] *Тонков Е.Н.* История формирования английской доктрины толкования закона // Ленинградский юридический журнал. 2013. №4 (34). С. 107-108; *Дженкс Э.* Английское право: Источники права. Судоустройство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право. М., 1947; *Косарев А.Н.* Англосаксонская и романо-германская формы буржуазного права. Калинин, 1977.

[4] Common law // Black's Law Dictionary. 2nd ed. URL: https://thelawdictionary.org/common-law.

[5] *Baker J.H.* The Legal Profession and the Common Law: Historical Essays. London, 1986; *Baker J.H.* The Education of Common Lawyers, 1250-1650 // Vorträge zur Justizforschung: Geschichte und Theorie. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1992. P. 1-17.

юристов и студентов, где они лишь питались и ночевали. В действительности с самого своего учреждения они также занимались догматическим и практическим образованием своих членов: начитка лекций (“*readings”*) по важнейшим законам и правовым доктринам, и судебные стажировки (“*moots*”) с целью попрактиковаться в разрешении правовых споров[1].

Генеральный атторней *Уильям Ной*, выступая в XVII в. на одной из таких площадок – в Линкольн-инне, подчеркивал значение *системы иннов* для традиции общего права: «Каждый судебный инн – это особенный университет. …На пятый год мы заслуживаем имя *мутмэнов* (которые напоминают детей, начавших говорить), на седьмом году или немного позднее – имя *барристеров*, затем уже на 27 году, прочитав первую лекцию, – имя *подмастерьев* права, а еще позднее, может, через 3 или 4 года, звание, которого нет выше, – *сержанта* права. И всякое выступление любого юриста в ходе прений в одном из судов Вестминстера есть не просто великий и ученый труд, но еще и публичное представление того, что такое *доктор общего права* в наших университетах»[2].

По мнению *Дугласа Хэя*, в своей сущности *английское общее право* покоится на взаимодействии трех своих аспектов: *величие общего права*, подкрепленное судебной помпой и процессуальными церемониями, юридическими ритуалами и регалиями присяжных; абстрактное *понятие справедливости*, в котором право представлялось как внешний объект человеческих отношений и регулятор классовых противоречий; и, наконец, *прерогатива милосердия*, которая, будучи представлена как форма доброжелательной благодати, служила для поддержания духа патернализма и уважения власть предержащих, и якобы занимала центральное место в системе власти правящего класса[3].

Как отмечал *Натан Роско Паунд* (1870–1964) в монографии «Дух общего права», в систему раннего, аутентичного общего права королевских судей включались специально выработанные *правила и методы*, которыми *судьи* должны были руководствуются, принимая свои решения и развивая единообразную судебную практику по стране[4]. К таким методам и приемам относились, в частности, правовые презумпции, каноны толкования статутов, способы интерпретации *ratio decidendi* в судебном решении, методы отклонения прецедентов, способы выделения материальных (существенных) фактов, приемы установления ведущих прецедентов по категориям дел и др.

---

[1] *Baker J.H.* The Common Law Tradition: Lawyers, Books and the Law. London, Rio Grande, 2000; *Baker J.H.* The Inns of Court and Legal Doctrine // Lawyers and Laymen / Ed. by *T.M. Charles-Edwards* et al. Cardiff: Univ Wales Press, 1986. P. 274-286.

[2] *Pearce R.R.* Guide to Inns of Court and Chancery. London: Butterworths, 1855. P. 144.

[3] *Hay D.* Property, authority and the criminal law // *Hay D., Linebaugh P., Rule J.G., Thompson E.P., Winslow C.* Albion’s fatal tree. London: Verso, 2011. P. 17-63.

[4] *Pound R.* The Spirit of the Common Law. Francestown, New Hampshire, 1921.

Р. Паунд выделил такие особые свойства, отражающие дух и саму природу общего права, как жизнеспособность и упорство (*vitality and tenacity*): «Наша правовая традиция …смогла воспринять и поглотить самые разнообразные корпуса доктрин и различные своды правил, разработанные вне ее, не нарушая при этом своего сущностного единства»[1].

По его мнению, ключевой *концепцией* общего права и его внешней формой в строгом смысле как права судебного эмпиризма является доктрина *прецедента* (*common-law doctrine*), которая сочетает в себе правовую определенность и возрастающую силу. «Определенность (*certainty*) обеспечивается в разумных пределах тем, что суд действует по аналогии с правилами и доктринами традиционной системы и разрабатывает правовой принцип рассматриваемого дела в соответствии с известной методикой и техникой. Развитие же (*growth*) гарантируется тем, что границы правового принципа не установлены авторитетно раз и навсегда, а обнаруживаются постепенно в процессе включения и исключения по мере решения судебных дел, которые выявляют его практическое действие и показывают, насколько он может обеспечить справедливость в своем реальном применении»[2].

Р. Паунд объяснял, что исходя из *духа общего права*, в странах этой правовой традиции не только толкование и правоприменение, но и само правоустановление в значительной мере происходит по усмотрению дисциплинированного *разума* судей (*disciplined reason*).

Английский королевский судья *Эдуард Коук* (*Edward Coke,* 1552–1634) в свое время сформулировал классическое определение общего права как практики *искусственного разума* (*"an artificial perfection of reason"*), которое мы можем найти в его «*Commentary Upon Littleton*»[3]. Здесь сам «*artificial reason*» является воплощением не врожденной мыслительной способности людей, а мастерством и одновременно искусством практикующих юристов, комплексом их юридических знаний, логики принятия решений и умения их применять к конкретным делам.

Вслед за Э. Коуком и У. Блэкстоном, *Роско Паунд* признавал, что «право должно быть обнаружено или открыто (*to be discovered*) на базе судебного и юридического опыта и на основе правил и принципов, которые в прошлом обеспечивали или не обеспечивали справедливость в правосудии (*to accomplish justice*)»[4]. Эти особенности создания общего права предопределяют его жизнеспособность и устойчивый рост ценности судебных решений. В аналогичном ключе в поисках историко-онтологической сущности *common law* размышлял американский теоретик и судья *Оливер Уэнделл Холмс* (1841–1935)[5].

---

[1] *Pound R.* Op. cit. P. 5.
[2] *Pound R.* Op. cit. P. 183.
[3] *Sir Edward Coke*. Commentary Upon Littleton (1628) / Ed. by *Ch. Butler*. Legal Classics Library, 1985. P. 97b.
[4] *Pound R.* Op. cit. P. 184.
[5] *Holmes O.W.* The Common Law. Harvard University Press, 2009. См.: *Лесив Б.В*. Правовой реализм: доктрина Оливера Холмса о судебном правотворчестве: Дис. …канд. юрид. наук. М., 2022.

В целом, со времен *Э. Коука* разворачивались дискуссии о характере и сущности «*общего права*», стремившиеся к объединению различных теорий *common law* как разума, обычая и природы (*reason, custom, nature*). Рассуждая об онтологическом аспекте общего права Британской империи в XIX в., юрист и судья *Дж.Ф. Стифен*, автор проекта УК для Англии и Уэльса 1878/79 г. так описывал свою дефиницию: «Выражение *common law* имеет два совершенно разных значения. *Во-первых,* это означает, те части известного и установленного права, которые можно найти в решенных делах и в работах авторитетных писателей, таких как Коук или Хейл, но которые никогда не были сведены к форме закона. *Во-вторых*, это означает не часть права, реально существующую, а право, которое имеет только потенциальное существование, и если бы такое дело когда-либо возникло, судьи объявили бы это правом. В данном случае выражение *common law* означает ограниченное право, которым обладают судьи для принятия новых правовых норм, под *фикцией провозглашения* существующего права в случаях, не предусмотренных существующими законами или актами других органов власти. …Судьи должны руководствоваться при этом не только своими собственными представлениями о целесообразности или справедливости, но, главным образом, проводя установленные принципы и аналогии на шаг дальше, чем они были задействованы до сих пор. Почти все существующее *common law* было создано *common law* во втором смысле, т.е. путем применения этой видоизмененной законодательной силы. Этот процесс воспроизводства описывается как «*эластичность общего права*», форма выражения, скрывающая ту власть, которой наделены человеческие существа, описывая ее как качество, присущее набору слов»[1].

2. *Категория «общее право»: юридико-технические аспекты*

Наряду с истолкованием «общего права» в историко-генетическим и онтологическом смысле, разрабатывались обобщающие комплексные описания специфики “*common law”* в юридико-техническом и компаративистском аспектах.

Особый *юридико-технический контекст* понимания феномена «общего права» связан с *внутренней структурой* национальной правовой системы стран этой семьи, с типологией неписанных и писанных источников этого права, где четко разграничивается *прецедентное право* страны и внутригосударственное *статутное право*, которое имеет более современное происхождение и растущую юридическую силу в этом дуализме с судебным правом.

Подобная дефиниция *common law,* основанная на дуализме с законодательством, содержится и в американском *Black's Law Dictionary*. Здесь поясняется, что «в отличие от *законов*, созданных законодательными органами, *общее право* включает в себя совокупность

[1] *Stephen J.F.* The Criminal Code (1879) // The Nineteenth Century – A Monthly Review. 1880. Vol. vii, January-June. P. 136-160.

тех принципов и правил действий, касающихся управления государством и безопасности лиц и собственности, которые черпают свою силу исключительно из обыкновений и обычаев с незапамятных времен или из приговоров и постановлений судов, признающих, утверждающих и обеспечивающих соблюдение таких обыкновений и обычаев»[1]. В таком контексте общее право в соотношении со статутами интерпретируется в ряде судебных дел[2].

В свое время *Эдуард Коук* инициировал теоретическую дискуссию о превосходстве *общего права над статутами* парламента[3]. В своем развернутом отчете по *делу Бонхэма* 1610 г. он отмечал следующее преимущество общего права как обладающего потенцией судебного ревью[4]: «*Общее право* должно контролировать *акты Парламента*, и в некоторых случаях признавать их полностью недействительными. Ибо если Парламентский акт противоречит Общему праву и *разуму*, или несет в себе внутреннее противоречие, или его исполнение невозможно, Общее право призвано контролировать такую ситуацию и признать акт не имеющим силы»[5].

Также в ряде других случаев двусмысленно трактуя статус парламента, *Э. Коук* дискредитирует, по сути, силу парламентских актов и статутов. В книге 2 своих «*Институций*» он отделяет статутное право от общего права, а в структуре книги 4 «*Институций*» парламент помещает в общий список судов королевства, что могло означать приравнивание статуса парламентских актов ко всем прочим судебным решениям[6]. Как пояснял свою позицию сам *Коук*, *статуты* не всегда направлены на оформление нового закона, но нередко декларируют уже существующее издавна сложившееся право, как например «Хартия вольностей» и «Лесная хартия», которые были «по сути, не чем иным, как провозглашением *древнего общего права*... По преимуществу декларировали первоначальные основы главных законов Англии, а в оставшейся части дополняли некоторые недостатки общего права»[7]. *Коук* считал, что Ежегодники (*Year Book*) и другие отчеты о судебных решениях следует ценить не только потому, что они отражают общее право, но и потому, что такие «книжные дела (*book-cases*) и судебные отчеты также являются правильными комментариями и истинным изложением статутов и парламентских актов». Если «парламентские акты появляются в списках парламента (*rolls of Parliament*) и по большей части печатаются, то особые обычаи всегда должны быть

---

[1] Common law // Black's Law Dictionary. 2nd ed. URL: https://thelawdictionary.org/common-law.
[2] *Western Union Tel. Co. v. Call Pub. Co.*, 181 U. S. 92 (1901), 21 Sup. Ct. 5G1, 45 L.Ed. 7G5; *Lux v. Ilaggin*, G9 Cal. 255, 10 Pac. G74; *Barry v. Port Jervis*, 64 App. Div. 268 (1901), 72 N.Y. Supp. 104.
[3] Bonham's Case (C.P. 1610) // *Coke E.* The Reports of Sir Edward Coke. In Thirteen parts: in 6 vols. London, 1826. Vol.4. P. 355-358.
[4] *Plucknett T.F.T.* Bonham's Case and Judicial Review // Harvard Law Review. 1938. Vol. 40. P. 61-68.
[5] *Helmholz R.H.* Bonham's case, Judicial Review, and the Law of Nature // Journal of legal analysis. 2009. Vol. 1(1).
[6] *Паламарчук А.А.* Эдвард Кок и особенности систематизации английского общего права в начале XVII в. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2012. N9. С. 199.
[7] *Coke E.* The Second Part of the Institutes of the Laws of England. London, 1642. A Proeme.

доказаны»[1]. Хартии и иные источники статутного права, провозглашавшие или восстанавливающие древние вольности по общему праву и привилегии по обычаю королевства, рассматривались по сути как функциональный *эквивалент общего права*[2]. И «*Великая хартия вольностей*» (*Magna Charta Libertatum*) 1215 г., подписанная королем Джоном Безземельным (1199–1216), была тем идеальным случаем, при котором статут как «общая воля» оказывался в полной гармонии с «*общим разумом*», т.е. обычным правом[3].

Впервые в английском законодательстве формулировка *«общее право»* как «*legem terre*» нашла свое закрепление именно в королевских хартиях XIII века. Так, в знаменитой статье 39 *Хартии вольностей* закреплена одна из самых ранних латинских формул: «*vel per legem terre*» («*или* по закону (праву) страны»; англ. *law of the land*)[4]. Именно она в контексте понимания термина «общее право» особо дискутируется в политико-философской и историко-правовой литературе.

Известны четыре основные точки зрения по вопросу толкования формулировки «*legem terre*» в соотношении с «*common law*»[5]. *Первая версия* исходит из того, что «*lex terre*» – это именно «общее право» (*common law*), понимаемое прежде всего в территориальном отношении, которое уже к середине XIII в. действовало почти на всей территории Английского королевства. Долгое время в Уэльсских марках господствовали свои «обычаи марки», представлявшие собой смесь местных и английских норм обычного права. Но после завоевания Уэльса в 1284 г. «*common law*» было официально введено и там.

Вторая позиция предполагает, что «*lex terre*» – это «право страны», в смысле совокупности канонических обычаев, которые применялись в местном масштабе, в отличие от «*jus commune*» – общего канонического права, которое применялось в церковных судах всего христианского мира, как и римское право, являющееся тогда уже «*jus commune*», своеобразной системой теоретических принципов и норм, действующих повсюду[6].

Третья версия рассматривает «*lex terre*» как феодальный обычай (обычай отдельных земель, фьефов и маноров), противопоставленный общему праву королевских судов – «*jus communae*», объединявшему все нормы гражданского и уголовного права и судопроизводства.

---

[1] *Sir Edward Coke*. Commentary Upon Littleton (1628) ... P. 115.
[2] *Boyer A.D.* "Understanding, authority, and will": Sir Edward Coke and the Elizabethan origins of judicial review // Boston College Law Review. 1997. Vol. 39. P. 77-78.
[3] *Паламарчук А.А.* Эдвард Кок и особенности систематизации английского общего права… С. 200.
[4] Несмотря на то, что распространенным переводом (Д.М. Петрушевский и др.) является «*и* по закону страны», более верным является придание союзу «*vel*» характера разъединительного (С.В. Чиркин, В.А. Томсинов), тогда, в частности, нет дублирования в статье («*legale judicium*» *или* «*legem terre*»).
[5] В латинском варианте текста Великой хартии 1215 г. встречается несколько терминов для обозначения категории «право»: «*se jus*» («своё право», ст. 53), «*rectum*» («право», ст. 40), «*antiquo et de jure*» («издревле по праву», ст. 23), «*legem terre*» («закон страны (земли)», ст. 39, 55), «*legem regni*» («закон королевства», ст. 42, 45), «*leges partes*» («законы местностей», ст. 57), а также «*legem Anglie*» («английское право», ст. 56), «*legem Wallie*» («уэльсское право», ст. 56) и «*legem marchie*» («право марки», ст. 56).
[6] *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. М., 1994. С. 428.

При этом в XIII – XIV вв. только манориальные суды, ведавшие вилланскими исками, действовали еще на основе местного обычного права и рассматривали дела по «обычаям манора». *С.В. Чиркин* считает, что при сопоставлении фразы «*lex terre*» (право страны) из статьи 39 с этим же термином в статьях 23, 42 и особенно 45 есть основания полагать, что речь идет об «общем праве», основанном на правовых обычаях, но уже включавшем нормы законодательства королей[1].

Наконец, *четвертая группа* авторов настаивает, что «*lex terre*» – это «право процедуры» или процессуальное законодательство, так как статья 39 в целом посвящена судебно-процессуальным аспектам и в особенности «приказному праву» короны. Как отмечает *С.В. Чиркин*, уже в период 1331–1363 гг. английский парламент путем толкования придал статье 39 *Великой хартии* почти современное звучание. Так, «законный приговор равных» интерпретировался как «судебная процедура с участием жюри присяжных»; формула «закон страны» - как «надлежащая правовая процедура»; слова «ни одни свободный человек» были заменены сначала словом «никто», а затем – «ни один человек, какого бы сословия или состояния он ни был»[2]. Участникам потенциального судебного процесса по уголовному делу предоставлялась таким образом возможность выбора между сословным судом пэров (судом своей курии) и королевским правосудием[3]. Речь шла именно о свободе выбора, так как ст. 34 *Великой хартии* запрещала выдавать приказа «*Praecipe quod reddat*», если вследствие этого свободный человек мог потерять свою курию.

Следовательно, ключевой особенностью *общего права* была его явно *процедурная структура*, построенная на сложном наборе судебных решений, которые давали субъектам право на слушание по конкретному делу или на апелляцию о возмещении ущерба.

Разногласия возникают из-за предполагаемой *древности* общего права или т.н. «*извечного» статуса обычаев* общего права (‘*immemorial’ status of common law custom*)[4]. В «Институциях» и других работах *Э. Коука* нередко встречается определение общего права как «*общего обычая*» (*custom*) страны, под которым он подразумевал практику, существующую с «незапамятных времен» и принятую на всей территории королевства. «Обычаи бывают общими и частными. Общие обычаи (*general customs*) включены в *common law* и распространяются на всю территорию королевства, и действуют в каждом городе и каждом маноре»[5]. Эти общие

---

[1] *Чиркин С.В.* Великая хартия вольностей 1215 г. // Документы по истории зарубежного права / Под ред. *Н.А. Крашенинниковой*. М., 1987. С. 118.

[2] *Чиркин С.В.* Великая хартия вольностей 1215 г. ... С. 124.

[3] В отношении споров по земельным делам уже в конце XII в. сеньориальные суды, обладавшие правом собрания графства или правом «*placita coronae*», а также обычные курии для свободных не могли принимать исков без соответствующего приказа из королевской канцелярии с точно установленными процессуальными нормами.

[4] *Tubbs J.W.* The Common Law Mind: Medieval and Early Modern Conceptions. Johns Hopkins University Press Baltimore, 2000. P. 180-182, 195.

[5] *Coke E.* The Complete Copyholder. London, 1641. P. 70. См.: *Паламарчук А.А.* Указ. соч. С. 196.

обычаи королевства – *consuetudines Angliae*, представляли собой систему верований и практик, которые настолько широко разделялись английским народом, что сформировали паттерн национального характера[1]. В число таких *general customs* входили существование монархии и парламента, иерархическое устройство общества, нравы и традиции англичан, исповедание христианской веры, судебные процедуры, земельные держания, и др.

Однако, сама *система обычаев*, с которой отождествлялось общее право, вызывает до сих пор вопросы с точки зрения их происхождения и адресной принадлежности: это обычаи страны как правового пространства, или обычаи правовой элиты и юридического сообщества либо же это *обычаи судов* общего права и *справедливости*[2]. Сэр *Джон Фортескью* (с. 1394–1479), хотя и придерживался позитивистской позиции в отношении статутного права Англии, на страницах своих «*De laudibus legum Angliæ*» 1470 г. настаивал на том, что английское право отражает мораль, основанную на божественном законе (*divine law*), связывал юридические рассуждения с разумом естественного права (*natural reason*), а юридические максимы описывал как «универсалии» (*universals*)[3].

Сам *Э. Коук* также неоднократно указывал на близость общего права как *справедливого* извечного обычая и *законов природы* с их естественно-правовой природой. «Великая хартия именует *common law* королевства справедливостью (или общей правотой, *common right*). Всевозможные комиссии и хартии предписывают отправлять правосудие, *facturi quod ad justitiam pertinet secundum legem et consuetudinem Angliae*. И мы знаем, что правосудие есть дочь права, так как именно право приводит правосудие в действие. И в этом широком смысле то, что называют общим правом, как и сами статуты и обычаи наше земли, может быть определено как *общая справедливость* (*common right*)»[4]. Выступая в Звездной палате, *Коук* утверждал, что наследование короны Англии регулируется божественным правом, нежели общим правом. Он постоянно стремилась поддержать авторитет общего права, связывая его с иудео-христианской моральной традицией или с законами природы[5].

Младший коллега Коука, сэр *Джон Дэвис* (1569–1626), впоследствии генеральный атторней Ирландии[6], писал, что общее право не что иное, как правило *разума*, а «законы

---

[1] *Boyer A.D.* “Understanding, Authority, and Will”: Sir Edward Coke and the Elizabethan Origins of Judicial Review // Boston College Law Review. 1997. Vol. 39. P. 43-93.
[2] *Postema G*. Classical Common Law Jurisprudence (Part 1) // Oxford University Commonwealth Law Journal. 2003. Vol. 2, no. 2. P. 165.
[3] *Norman D.* Pecock and Fortescue: Fifteenth Century Concepts of Law // History of Political Thought. 1989. Vol. 10. P. 257-262.
[4] *Coke E*. Commentary on Littleton. London, 1628... P. 142.
[5] *Russell C.* Divine Rights in the Early Seventeenth Century // Public Duty and Private Conscience in Seventeenth Century England / Ed. by J. Morrill et al. 1993. P. 104, 118.
[6] *Pawlisch H.S.* Sir John Davies’ Law Reports and the Case of Proxies in Ireland // Jurist. 1982. Vol. 17. P. 376-380.

природы (*the law of nature*) … являются корнем и пробным камнем для всех хороших законов»[1]. В своем сборнике судебных отчетов («*Collection of Irish Reports*») 1612 г., Дэвис находил исторические корни общего права в «честных и хороших обычаях (*honest and good Customes*), которые передавались от века к веку Традицией». Со временем это общее право было уже представлено «настолько сформулированным и приспособленным к природе и характеру английского народа», что оно стало «*естественным* для этой нации», и невозможно было отныне представить, чтобы это сообщество «руководствовалось каким-либо другим правом»[2].

Современный профессор права *Матиас Симс*, возвращаясь к этой теоретической дискуссии о естественно-правовой природе *common law* и его связи со справедливостью как максимой права природы, рассматривает дихотомию «общее право и справедливость» (“*common law” and “equity”*) как внутрисистемный *правовой дуализм* англо-американской семьи, где *“equity”* представляет собой систему правовых притязаний и требований, которые не вошли в перечень стандартизированных форм исков судов общего права.

Такая же дихотомия между *common law* и *equity* подтверждается в *Black's Law Dictionary*. В частности, там уточняется, что «в отличие от права справедливости (*equity law*), общее право – это совокупность правил и принципов, писаных или неписаных, которые имеют фиксированную и неизменную силу и которые должны применяться по делам строго и во всей их полноте, и не могут быть изменены в соответствии с особенностями конкретного дела или измененные каким-либо судебным усмотрением, и которые, по общему признанию, основаны на обычаях или статутах»[3].

3. *Категория «общее право»: компаративистское прочтение*

Наконец, рассмотрим понятие «*общее право*» в *юргеографическом смысле* слова и в контексте «*common law jurisdictions*». Речь идет о всём англоязычном *правовом пространстве,* обслуживающем общие интересы широкого круга стран Содружества Наций, в отличие от местных правовых систем и локальных обычаев наций и народов[4]. В словаре в *Black's Law Dictionary* подтверждается наднациональное значение “*common law*” в широком смысле, которое обозначает «всю ту часть позитивного права, юридической теории и древних обычаев любого государства или нации, которые имеют общее и *универсальное применение*, отличаясь тем самым от специальных или местных правил или обычаев»[5].

---

[1] *Pawlisch H.S.* Sir John Davies, the Ancient Constitution, and Civil Law // The Historical Journal. 1980. Vol. 23(3). P. 689-702.
[2] *Davies J.* Reports of Cases and Matters in Law. Dublin, 1762. Preface. P. 5 -6.
[3] Common law // Black's Law Dictionary. 2nd ed. URL: https://thelawdictionary.org/common-law. (дата обращения: 01.12.2024).
[4] *Siems M.* Comparative Law. 3rd ed., Law in Context. Cambridge, 2022. P. 50-51.
[5] Common law // Black's Law Dictionary. 2nd ed. URL: https://thelawdictionary.org/common-law. (дата обращения: 01.12.2024).

В этом же контексте французский компаративист *Р. Давид* замечал, что «термин "*общее право*" применяется, как правило, без национального эпитета. В общем праве не хотят видеть систему национального права; оно "общее наследие *всех наций* английского языка"»[1]. Доказанное временем главенствующее положение *англоязычного общего права* в других правовых дискурсах позволило ему стать целостной, самодостаточной и самовоспроизводящейся в различных уголках мира правовой системой. Успешная реализация британского проекта *правового содружества*, начиная с унии Англии, Шотландии, Ирландии и заканчивая общебританским *Commonwealth of Nations*, продвигалась вперед благодаря постулируемому общим правом консерватизму, стабильности и устойчивости «материнского правопорядка», который в свою очередь смог продемонстрировать на дальних рубежах исключительную гибкость, приспособляемость и открытость к заимствованиям из дочерних порядков.

В то же время *англоцентризм общего права* был определенным препятствием на пути повсеместной правовой ассимиляции и адаптации к специфическим условиям. Как верно замечает *А.А. Паламарчук*, закрепление доминирующего дискурса общего права стало возможным в немалой степени благодаря *теоретическим построениям* и правовой доктрине, выработанной профессиональным сообществом юристов общего права[2], которые смогли успешно популяризировать собственные воззрения на право и практику в заморских владениях метрополии.

Профессор *И.Ю. Богдановская* также обращается к специфике *общего права* как крупнейшей правовой семье мира, которая объединяет право стран, ранее находившихся в политико-правовой зависимости от Великобритании. Этот исторический факт предопределил «*прямое действие* английского права, а в дальнейшем – схожие черты национального права… Право стран, которые в прошлом принадлежали к числу "*белых колоний*", т.е. были заселены, по преимуществу европейскими колонистами, в настоящее время сопоставимо как по общности черт позитивного права, так и по общему уровню правового развития с английским правом»[3]. В числе особенностей правовых систем общего права автор выделяет такие, как «активная казуистика», правовой континуитет, особенность концепции нормы, структура права, система источников и др.[4]

Профессор *Г.И. Муромцев* подчеркивает *плюралистический характер* семьи общего права в странах, где оно сочеталось с традициями романо-германского права (ЮАР, Филиппины),

---

[1] *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М., 2009. С. 268.
[2] *Паламарчук А.А.* Указ. соч. С. 200.
[3] *Богдановская И.Ю.* Источники права на современном этапе развития «общего права»: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 6.
[4] *Богдановская И.Ю.* Эволюция судебного прецедента в «Общем праве» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. №2. С. 77.

мусульманского или индусского права (Индия, Пакистан), обычного права (Гана, Нигерия, Кения, Танзания и др.), и отмечает сохраняющуюся «несостыкованность разнотипных элементов правовой системы», в том числе источников и концепций местного и общего права[1].

Руководящую роль в развитии «общего права» как *геополитической* семьи и *открытой прецедентной системы* сыграл Судебный комитет Тайного совета Великобритании. Он долгие годы выступал *высшей инстанцией* для судов колоний, доминионов и государств Содружества, чем способствовал единообразию правового регулирования в более полусотни национальных систем[2]. В одном из решений судьи Тайного совета заявили, что «каковы бы ни были различия между правовыми системами ЮАР, США, Новой Зеландии и правом данной страны, многие основополагающие принципы имеют *общие корни* (*common roots*)»[3].

Именно гибкость и аналоговость *прецедентного права* позволила ему в своем английском варианте приспособиться к самым различным условиям и традициям, соединяя разные правовые культуры. Активный процесс «*перетекания» прецедентов* в правовых системах стран общего права происходит и сегодня, включая и саму бывшую метрополию Великобританию, которая заимствует около 1% прецедентов из австралийского, канадского, новозеландского права. В Австралии среди прецедентов около 30% заимствуется из английских судебных решений с убедительным эффектом (*persuasive effect*), примерно 8% – из судебного права Канады, около 1% – из новозеландской судебной практики. В самой же Новой Зеландии около 50% прецедентного права черпается из практики Соединенного Королевства, 10% – из Австралии, некоторая часть – из Канады.[4]

Сила «общего права» не столько в единообразии правового регулирования, сколько в способности приспосабливаться к особенностям национального развития и использовании компаративистского метода в британских судах[5]. В постколониальный период многие опытные судьи общего права продолжают пользоваться особым авторитетом в не своих родных правопорядках. Так, например, главная судья Канады служит судьей последней инстанции в Гонконге, высшие судьи Австралии работают в Науру и других странах Океании, судьи с английским образованием задействованы в судах Индии, ЮАР и др.[6]

---

[1] *Муромцев Г.И.* Источники права в развивающихся странах Азии и Африки. М., 1987. С. 10.
[2] *Keith K.J.* The Unity of the Common Law and the Ending of Appeals to the Privy Council // The International and Comparative Law Quarterly. 2005. Vol. 54, no. 1. P. 197-210.
[3] *Bennett v. Horseferry Road Magistrates' Court and another*, (1993) 3 All ER, 138 (HL).
[4] Common Law and Statute Law // New Zealand Law Journal. 1983. October. P. 297. Цит. по: *Богдановская И.Ю.* Эволюция судебного прецедента в «общем праве» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. №2. С. 83.
[5] *Orücü E.* Comparative Law in British Courts // The Use of Comparative Law by Courts / Ed. by *U. Drobnig, S. Van Erp*. Londo: Kluwer law International, 1999. P. 257-260.
[6] *Лесив Б.В.* Правовой реализм: доктрина Оливера Холмса о судебном правотворчестве... С. 12.

На веб-сайте Университета Оттавы экспертный проект группы компаративистом «*Юриглоб*» категория «*общее право*» описывается как нормативная система, впитавшая в себя разнообразие культурно-правовых форм всего мира[1]: «Данная категория включает в себя политические образования, право которых в основном технически основано на концепциях английского общего права и правовых организационных методах, предоставляющих приоритет прецедентному праву как первоначальному средству выражения общего права. В эту категорию входят страны, которые не всегда могут иметь тесные связи с английской традицией и которые иногда обладают обилием кодексов, законодательства и неюридических нормативных инструментов, но для которых юриспруденция общего права остается их характерной чертой в качестве основного права (например, Калифорния в США)».

С *юргеографической точки зрения* разграничивают 8 категорий правовых пространств общего права и сообществ правовых систем с элементами его традиции: 1) *моносистемы* общего права (48 политических образований, в том числе Великобритания, США, Канада, Австралия и Ирландия); 2) *гибридные системы* континентального права и общего права (14 политических образований); 3) *гибридные системы* общего права и мусульманского права (4 страны); 4) *гибридные системы* общего права и обычного права (15 политических образований); 5) *смешанные системы* континентального права, общего права и обычного права (5 стран); 6) *смешанные системы* общего права, мусульманского права и обычного права (6 стран); 7) *плюралистические системы* общего права, континентального права, мусульманского права и обычного права (4 страны); 8) *плюралистические система* континентального права, общего права, иудейского права и мусульманского права (1 страна).

§ I.1.2. Понятие «правовой традиции» и периодизация «традиции общего права»

1. *Компаративистское понимание «правовой традиции» и специфика традиции общего права*

В сравнительном правоведении проводится различие между правовыми системами и правовыми традициями. Правовая традиция (*legal tradition*) представляет собой с компаративистской точки зрения набор правовых институтов, юридических процедур и нормативных правил, которые регламентируют и обеспечивают функционирование и развитие правовой системы в целом.

Как определяет это понятие *Дж.Г. Мерриман*, «правовая традиция – это совокупность глубоко укоренившихся, исторически обусловленных взглядов на природу и роль права, на

[1] На сайте описывается юридическая принадлежность 232 «политических образований» (“*political entities*”), а не только 191 юрисдикции, признанных ООН. См.: University of Ottawa. World Legal Systems. URL: https://www.juriglobe.ca/default.php (дата обращения: 01.12.2024).

организацию и функционирование правовой системы, а также на то, как позитивное право создается или воспроизводится, применяется, исследуется, совершенствуется и транслируется[1].

Типология правовых традиций (*the common law legal tradition, the civil law legal tradition, the islamic legal tradition, the socialist legal tradition, the indigenous legal tradition*, и др.) основана на таких критериях, которые пронизывают охватываемые правовые системы и объединяют их в компактные сообщества, как: исторический контекст правогенеза и развития правовой системы, характерный образ правового мышления, юридический психотип нации, формально юридические источники права, отличительные правовые черты, наподобие активной роли судей и авторитета юридической профессии, и др.[2]

Правовая традиция связывает воедино правовую систему с цивилизационным пространством и национальной культурой, частичным выражением которой она и выступает, позволяя оценить правовую систему в культурологическом измерении и цивилизационной перспективе[3]. Для правовой традиции современного Запада характерно снижение нормативного авторитета формальных источников права, и одновременно поиск поддерживающей нормативность новой культурно-правовой традиции[4].

Д.Ю. Полдников дает определение этого дискуссионного понятия в двух значениях: содержательном и методологическом. Так, он считает, что во втором значении *правовая традиция* выступает *аналитической моделью*, которая позволяет зафиксировать правовые явления функционально, учитывая их воздействие на общество, и структурировать сведения о «создателях» и «пользователях» права, об основах правовой парадигмы и институтах права, характерных для данной традиции[5]. Автор предлагает различать три основных подхода к пониманию «правовой традиции», исходя из их базовых посылок – как истории правовых институтов (*Дж. Хэд*)[6], как правовой культуры (*Дж. Мерриман*)[7] и как чувства

---

[1] *Merryman J.H.* The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Western Europe and Latin America. Stanford: Stanford University Press, 1985.

[2] *Joutsen M.* Legal Traditions // International Crime and Justice / Ed. by M. Natarajan. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 67-74.

[3] *Трикоз Е.Н.* Японская традиция сравнительного права // Эволюция сравнительно-правовых исследований в западной и восточной традиции права: коллективная монография / Под общ. ред. *М.В. Захаровой*. М., 2022.

[4] A Companion to Western Legal Traditions: From Antiquity to the Twentieth Century / Ed. by *A. Masferrer, C.H. van Rhee, S. Donlan, C. Heester*s. Brill; Nijhof, 2023. P. 2-5.

[5] *Полдников Д.Ю.* Сравнительная история зарубежного права: учебник: в 2 т. М., 2024. С. 9.

[6] *Head J.W.* Great Legal Traditions: Civil Law, Common Law, and Chinese Law in Historical and Operational Perspective. Carolina Academic Press, 2011.

[7] *Merryman J., Pérez-Perdomo R.* The civil law tradition: An introduction to the legal systems of Europe and Latin America. Stanford University Press, 2018.

преемственности с прошлым (*Г.Дж. Берман*)[1], а также альтернативное понимание как нормативной информации (*П. Гленн*)[2].

Канадский ученый-компаративист *Патрик Гленн* отличает понятие «*legal traditions*» от смежного понятия «*tradition in law*». «Традиция в праве» с точки зрения социально-политической теории означает возможное и эффективное средство поддержания социальной сплоченности и правовой идентичности в либеральных индустриальных обществах, покоящихся на концепции «рационально-правовой власти» ("*rational-legal authority*")[3].

Правовые традиции существуют как огромное количество детальной и передаваемой информации. Они содержат много второстепенной информации о критериях и средствах сохранения и воспроизводства своей собственной информации. То, что эта информация является передаваемой, доказано юридической практикой, которая раскрывает значительное единообразие ответов на побудительные причины, задаваемые информацией о традициях[4].

Сохраняя правовые знания предыдущих поколений и отражая коллективный правовой опыт, исторически сформированный и критически осмысленный на основе господствующих представлений о праве и справедливости[5], *правовые традиции* аккумулируют правовое наследие общества и воспроизводят смыслообразующие принципы права, обеспечивают преемственность и трансляцию *правовых ценностей* и *образцов поведения* в заданных пространственно-временных рамках.

Существуют национальные правовые традиции, но для компаративистских целей *П. Гленн* предлагает различать более значительные, *транснациональные правовые традиции* – общее право, цивильное право, исламское право, индийское право, талмудическое право, хтоническое право, азиатское право, которые предлагают средства и методы для повседневной связи с каждым мировоззрением, ими представляемым. Это основные, сложные правовые традиции мира[6]. «Согласование различий и противоречий внутри параметров основной, определяющей информации каждой традиции является одной из главных задач, которая встает перед каждой правовой традицией… Все основные правовые традиции разработали теории согласования внутренних конфликтующих доктрин, школ или деклараций об автономии»[7].

---

[1] *Berman H.J.* The Western Legal Tradition in a Millennial Perspective: Past and Future // Louisiana Law Review. 2000. Iss. 60. P. 739-763.

[2] *Полдников Д.Ю.* Правовая традиция как идеологизированное понятие западной юриспруденции // История государства и права. 2024. №12. С. 42-48.

[3] *Glenn H.P.* Legal Traditions of the World: Sustainable Diversity in Law. Oxford University Press, 2014. P. xxv.

[4] *Glendon M.A., Gordon M.W., Osakwe Ch.* Comparative Legal Traditions. Text, Materials and Cases. Minnesota, 1994.

[5] *Сулипов Р.С.* Понятие и признаки правовых традиций: теоретический аспект // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. №4.

[6] *Загоруйко К.Ф.* Гленн Г.П. Являются ли правовые традиции несоизмеримыми? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право. Реферативный журнал. 2002. №2. С. 16.

[7] *Glenn H.P.* Are legal traditions incommensurable? // American Journal of Comparative Law. 2001. Vol. 49 (1). P. 142.

Известный американский юрист *Карл Никерсон Ллевеллин* (1893–1962) в своей работе «*Традиция общего права*» выделил два стиля работы судов, которые он называл «гранд-стиль» и «формальный стиль»[1]. Первый был более творческий и зависящий от ситуационного смысла, степени обобщённости и от интуиции и мудрости судьи, его репутации в решении предыдущих дел, от разумности и последовательности прецедента. Второй, более формальный стиль, авторитарный и механический в принятии и слепом следовании прецедентам, без привязки к социальным фактам и без учёта групповых ценностей и интересов сообщества[2]. По мнению К. Ллевелина, судьи всегда насыщенны правом и способны по своей интуиции видеть порядок вещей и существенные знаки, ведь «они думают как юристы, а не как обычные люди; точнее говоря как американские юристы, а не как немецкие или бразильские»[3]. Эти два стиля в судебной практике последовательно могут менять друг друга в исторической традиции различных национальных систем.

По мнению профессора Гарвардской школы права *Гарольда Дж. Бермана* (1918–2007), *западная правовая традиция* разработала особые правовые институты, ценности и концепции, которые сознательно передавались из поколения в поколение на протяжении столетий и составляли само существо этой «*традиции*»[4]. При этом в бермановской интерпретации главной характеристикой западной правовой традиции (англосаксонской и континентальной) является ее *прерванность «революциями»*, когда «она на протяжении многих столетий периодически прерывалась и трансформировалась»[5], через правовую реформу, которая в отношении продолжающейся традиции общего права означала «сознательную преемственность во времени (*self-conscious continuity*)»[6].

Из выделенных *Г.Дж. Берманом* 10 *стилевых особенностей*, общих черт для всей *западной правовой традиции*, именно для ***традиции общего права*** походят не все, а наиболее близкие ему 7 следующих черт: 1) отдифференцированность права от обычаев и морали, как некоего когерентного и развивающегося «корпуса норм» (*corpus juris*); 2) институциональное подразделение внутри структуры права (*legal institutions)*; 3) наличие специального корпуса людей (*legal specialists*), которые занимаются юриспруденцией профессионально; 4) доктринальный характер права (*legal science* или *metalaw*), включающего рассуждения «учёных-юристов; 5) системный характер права как живого и саморазвивающегося

---

[1] *Llewellyn K.* The Common Law Tradition: Deciding Appeals. Boston, Toronto, 1960. P. 35-45.
[2] *Адыгезалова Г.Э.* К. Ллевеллин о традиции общего права // Альманах современной науки и образования. 2007. №7(7). Ч. I. С. 8-9.
[3] *Llewellyn K.* The Common Law Tradition… P. 19.
[4] См.: *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. / Пер. с англ. Н.Р. Никонова при участии Н.Н. Деевой. М., 1998.
[5] *Berman H.J.* Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1983. P. 2.
[6] *Berman H.J.* Op. cit. P. 7.

(*developing body of law*); 6) историчность права (*historicity of law*) и развивающийся свод законов, обязательный для самого государства; 7) сложность и плюрализм общего правопорядка[1], множественность юрисдикций и конкуренция правовых подсистем (*pluralism of jurisdictions and diverse legal systems*), в частности, кодифицированного и живого права[2].

В качестве еще одной особенности *традиции общего права* выделим приоритетность кодификации сферы публичного правопорядка и прежде всего уголовного права. Дело в том, что в континентальной правовой традиции уголовное право традиционно рассматривается как разновидность публичного права и в более специфическом понимании как юридизация политических отношений между государством и гражданином, выражающая одну из сторон внутреннего суверенитета[3].

В контексте же англо-американской традиции *уголовное право* выступает в качестве дополнения к частному праву и касается не столько интересов государства и публичного порядка, сколько в первую очередь определения и защиты частных прав и интересов граждан[4]. Роль государства как субъекта в уголовном процессе производна от частной воли и прав физических лиц инициировать судебное преследование. В *традиции общего права* исторически вопрос об уголовной политике государства редко поднимался как независимый от центральной проблемы защиты частных лиц или по крайней мере интересы государства представлялись равнозначными правам и интересам личности[5].

Сэр *Леон Радзинович* в своей пятитомной «Истории английского уголовного права», цитирует лорда Т.Б. Маколея, автора-составителя УК Индии 1860 г.: «Обобщение лорда Маколея о том, что история Англии – это история прогресса, справедливо как для *уголовного права* этой страны, так и для других социальных институтов, частью которых оно является. *Дитя общего права*, взращённое и сформированное статутами, *уголовное право Англии* всегда было чувствительным к нуждам и чаяниям английского народа и постоянно менялось под влиянием преобладающего мнения своего времени»[6]. В центре внимания исследователей истории уголовного права в *традиции общего права* и, в частности, монографии самого Л. Радзиновича находится такое свойство, как прогрессистское развитие традиционного уголовного права. Постепенно оно эволюционирует от излишней репрессивности, инфляции криминализации, множественности преступлений и эксцессов наказаний, примером которых

---

[1] *Hazlehurst K.M.* Legal Pluralism and the Colonial Legacy: Indigenous Experiences of Justice in Canada, Australia, and New Zealand. Aldershot, Avebury, 1995.
[2] *Berman H.J.* Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition. Cambridge, 1983. P. 9-10.
[3] *Lascoumes P., Lenoël P., Poncela P.* Au nom de l'ordre. Une Histoire politique du Code Pénal. Paris, 1989.
[4] *Thomas D.A.* Form and Function in the Criminal Law // Reshaping the Criminal Law / Ed. P.R. Glazebrook. London: Stevens and Sons, 1978. P. 23-24.
[5] *Simpson A.W.B.* Legal Theory and Legal History: Essays in the Common Law. London, 1987.
[6] *Radzinowicz L.* A History of English Criminal Law and its Administration. Vol. I: The Movement for Reform. London: Stevens & Sons, 1948. P. ix.

был пресловутый «Кровавый кодекс» (“*Bloody Code*”), к последующему развитию в XIX – XX вв. более гуманистических характеристик, рациональности и социализации уголовной политики стран общего права.

Английский правовед *Л. Фармер* задается вопросом, связано ли это с неспособностью общего права выработать четкое различие между публичным и частным правом или может быть это следствие провала *проекта кодификации* как публичной формы систематизации права, но остается фактом то, что в рамках *традиции общего права* были и остаются попытки рассмотреть историю уголовного права в ее тесной взаимосвязи с изменяющимся *формам правительства*[1].

Таким образом, *традиция общего права* неуклонно продвигалась по долгому и многовекторному пути реформы уголовно-правовой и судебно-пенитенциарной системы, кульминацией чего становится во второй половине XX века упор на частную превенцию, ресоциализацию и терапевтическое лечение преступников.

2. *Различные подходы к периодизации «традиции общего права» (common-law tradition)*

Эволюцию традиции общего права с его нелегким путем к «мировому триумфу, наряду с римским правом» сквозь столетия, и последовавший затем метафизический кризис ярко показал Роско Паунд. Он изобразил *борьбу общего права* с могущественными правовыми традициями и историческими кризисами: «В XII веке оно (*common law* – Е.Т.) боролось с засильем юрисдикции Церкви, сильнейшей силы того времени. В XVI веке, когда римское право распространилось по Европе и повсюду вытеснило местное право, общее право устояло. Ни одно из «*тройственного R.*», как это обозначил Мейтленд, – Ренессанс, Реформация и Рецепция римского права, не поколебали опору нашей правовой традиции. В XVII веке общее право вступило в борьбу с английской короной и утвердило свою доктрину супрематии права (*supremacy of law*) против произвола королей Стюартов.

Затем после революции в Америке оно взяло верх над предубеждением против всего английского, которое на какое-то время угрожало рецепции французского права, доработало доктрину верховенства права до логического завершения, несмотря на сильнейшее политическое сопротивление того времени, и сохранило свою доктрину прецедента, включающую непопулярное цитирование английских решений, несмотря на враждебность к юристам и системному формалистскому отправлению правосудия… Общее право прошло через

[1] *Farmer L.* Reconstructing the English Codification Debate: The Criminal Law Commissioners, 1833-45 // Law and History Review. 2000. Vol.18, No. 2. P. 7.

эти несколько кризисов, сохранив свои отличительные фундаментальные идеи не только непоколебимыми, но и более прочно укоренившимися»[1].

Роско Паунд выделяет *семь исторических форм* и соответствующих периодов разворачивания традиции англо-американского общего права: (1) оригинальный субстрат германских правовых институтов и юридических идей; (2) феодальное английское право; (3) пуританское право англичан; (4) право, рожденное в борьбе судов и короны семнадцатого века; (5) право, покоящееся на политических идеях восемнадцатого века; (6) период права сельскохозяйственных общин Америки до середины девятнадцатого века; (7) философские идеи справедливости, права и государственности, пронизывающие новые американские сообщества, в которых местные суды уже интерпретировали английское общее право[2].

В дополнение к этой периодизации, Р. Паунд наметил различные точки *отсчета истории* общего права. Некоторые историки порой слишком радикально отодвигают *начало истории* общего права Англии, утверждая, что его «можно проследить, по крайней мере, от Аристотеля и Цицерона через Книгу Исход»[3].

Однако, по Р. Паунду, если рассуждать исходя из сути общего права как особого образа или стиля правового мышления и рассуждений юриста (*a mode of thought*), то *история общего права* должна начинаться не позднее второй половины XIII века[4]. Если же воспринимать общее право как систему некоторых правовых догм и юридический конструкций (в частности, расщепленного права собственности) и систему судебных учреждений (*dogmas and judicial institutions*), то общее право имеет более *раннюю историю*, которая восходит к XII веку и реформам Генриха II[5]. И наконец, если общее право представляется как совокупность правовых принципов и способов решения правовых проблем, то его история должна рассматриваться не ранее времени правления королевы Елизаветы во второй половине XVI в.[6]

Французский компаративист *Рене Давид* предложил свою периодизацию традиции общего права, выделив в истории английского права *пять периодов*: период римского господства, когда отсутствовало обще территориальное, единое для всех право (период от императора Клавдия до начала V в.); период англосаксонского обычного права (с V века до 1066 г.); период становления общего права вплоть до династии Тюдоров (с 1066 до 1485 гг.); период расцвета общего права и его соперничества с правом справедливости вплоть до судебной реформы (с

---

[1] *Pound R.* The Spirit of the Common Law. Francestown, New Hampshire, 1921. P. 6.
[2] *Pound R.* The Spirit of the Common Law. Francestown, New Hampshire, 1921. P. 14-15.
[3] Приводятся цитаты из работ: *Aristotle*. The Nichomachean Ethics. Book V; *Cicero*. De Legibus II. 4, 10; *Exodus* 22:9.
[4] *Baker J.H.* An Introduction to English Legal History. 3rd ed. London: Butterworths, 1990; *Hudson J.* The Formation of English Common Law. London: Longman, 1996.
[5] *Brand P.* "Multis Vigiliis Excogitatam et Inventam": Henry II and the Creation of the English Common Law // The Haskins Society. 1990. Vol. 2. P. 197-202.
[6] *Pound R.* The Spirit of the Common Law. Francestown, New Hampshire, 1921. P. 40.

1485 до 1873 гг.); период развития статутного права и систематизации законодательства (до сер. XX в.)[1].

Другой французский правовед *Раймон Леже* предлагает выделять три крупных исторических этапа общего права: 1) формирование английского права после нормандского завоевания и до конца XV в.; 2) эволюция общего права при параллельном действии права справедливости и статутного права с конца XV в. до первых реформ XIX в.; 3) период модернизации английского права, начиная с 1832 г. и до «эпохи Европы», интеграции права ЕС в право Великобритании[2].

В отличие от указанных выше подход к периодизации объективной истории общего права, американский профессор *Джеральд Дж. Постема,* задавшись целью историко-теоретического переосмысления «традиции общего права», предложил свою периодизацию именно *доктринального развития* общего права (1948 – н.в.)[3].

Первый этап истории традиции общего права, или т.н. «предклассическая теория общего права» (“*pre-classical Common Law theory*”). В этот период закладывалась традиция общего права, покоившаяся на древних обычаях и устоявшихся практиках, когда общее право было *ius non scriptum*, а его подразумеваемые правила и принципы использовались в судебной практике и были записаны лишь в памяти. Так, сэр Джон Фортескью (*John Fortescue*; с. 1394–1479), будучи лордом-главным судьей Англии и Уэльса, довольно прямолинейно заявлял, что древняя традиция (*ancient vintage*) является основой общего права[4].

Второй этап истории традиции общего права, или т.н. «классическая теория общего права» (“*classical Common Law theory*”) начинается во времена сэра Э. Коука и продолжается вплоть до У. Блэкстона и Э. Бёрка[5], завершаясь учением Дж.К. Картера[6] и Г. Калабрези[7], но не охватывает концепции периода творчества Р. Дворкина[8].

---

[1] *Давид Р.* Основные правовые системы современности / Пер. с фр. М., 1967. С. 143.

[2] *Леже Р.* Великие правовые семьи современности: сравнительно-правовой подход / Пер. с фр. М., 2009. С. 9-28.

[3] *Postema G.J.* Bentham and the Common Law Tradition. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 11, 19-20.

[4] *Fortescue J.* ‘De laudibus legum Angliæ’ (1468–71) // On the Laws and Governance of England / Ed. by S. Lockwood. Cambridge, 1997. P. 26-27.

[5] Эдмунд Бёрк (*Edmund Burke;* 1729–1797) – англо-ирландский законодатель и родоначальник идеологии консерватизма. Он обосновывал такие традиционные ценности британской конституции, как: приверженность политической преемственности и естественному развитию права, уважение к практической традиции и конкретным правам подданных вместо абстрактной идеи закона и умозрительных построений, ведущих ко все более чуждым традиции юридическим нововведениям. *Бёрк Э.* Правление, политика и общество: сб. / Пер. с англ., сост., вступ. ст. и коммент. Л.В. Полякова. М.: Канон-пресс, 2001. 479 с.

[6] Джеймс Кулидж Картер (*James Coolidge Carter;* 1827–1905) – американский юрист, влиятельный теоретик права. Он приравнивал общее право к обычаю (*custom*), и осуждал законотворчество, несовместимое с местными обычаями, что отражало его магвампизм (от *mugwump* – вождь в понимании американских индейцев). Он пытался синтезировать традиционное мышление и веру в вечные объективные моральные принципы с более современным видением развивающихся обычно-правовых норм. *Grossman L.A.* James Coolidge Carter and Mugwump Jurisprudence // Law and History Review. 2002. Vol. 20.3. P. 577-629.

[7] Гвидо Калабрези (*Guido Calabresi*; 1932 г.р.) – американский юрист итальянского происхождения, экс-декан Йельской школы права. Наряду с Р. Коузом и Р. Познером, он считается основателем направления юридической школы «права и экономики» (*law and economics*). См.: *Calabresi G.* A Common Law For The Age of Statutes. Harvard

В рамках этого второго этапа, *право* воспринималось уже как «форма социального порядка, манифестированная в практике и повседневной жизни нации», и каждый ее член считал юридические правила «хорошими и разумными», подкрепленными традицией как «общее чувство принятия» (*shared sense of acceptance*)[1]. Английские правоведы XVI–XVII вв. сконструировали миф о *common law* как о возникшем до нормандского завоевания обычным праве, которое «развивалось и функционировало исключительно благодаря усилиям профессиональных юристов, а не королей»[2].

Выступая в 1610 г. в парламенте, Томас Хедли (*Thomas Hedley*) дал следующее определение: «Общее право является разумным обычаем (*reasonable usage*) на всей территории королевства, одобренным с незапамятных времен в судебных отчетах королевских судов, которые обладают юрисдикцией по всему королевству, и призванным быть полезным и выгодным (*good and profitable*) для содружества»[3].

Эта озвученная формула *«кастомизированного» определения* общего права стала популярной в юридической доктрине, начиная с юристов XVII века (*E. Coke, J. Davies, M. Hale, H. Finch, C.St. German, E. Wingate*, и др.)[4], и разногласия разворачивались вокруг нормативной силы обычаев общего права (*normative force of common law custom*) как воплощения искусственного разума юристов и степени изменения общих обычаев с течением времени.

3. *Юридико-технические черты классической традиции общего права.*

В классической концепции общего права выделяются два его основных столпа, или принципиальных качества: историчность (*history*) и разум (*reason*).

Лорд главный судья Англии и Уэльса *Эдуард Коук* (*Edward Coke*, 1552–1634) признавал «доминирующую роль» *исторического* компонента общего права, и доказывал непрерывную и в значительной степени неизменную историю права страны[5]. Вторым столпом классической традиции общего права был объявлен *разум*. Это нашло обоснование в концепции Э. Коука об

University Press, 1982; *Calabresi G.* The Costs of Accidents: A Legal and Economic Analysis. Yale University Press, 1970.

[8] Рональд Дворкин (*Ronald Dworkin;* 1931–2013) – американский и британский философ-теоретик права, создатель концепции «права как целостности/честности» (*law as integrity*). *Дворкин Р.* Империя права / Пер. с англ. М., 2020; *Ветютнев Ю.Ю.* О правопонимании Рональда Дворкина // Журнал российского права. 2005. №10. С. 93-102.

[1] *Postema G.J.* Bentham and the Common Law Tradition... P. 8, 37-38.

[2] *Tomsinov V.A.* Forging a common legal destiny // Liber Amicorum in honour of William E. Butler. London: Wildy, Simmonds & Hill Publishers, 2005. P. 31.

[3] *Hedley T.* Speech in Parliament on Royal Impositions // Proceedings in Parliament, 1610 / Ed. by E.R. Foster. New Haven: Yale University Press, 1966. Vol. 2. P. 175.

[4] *German C.St.* St. German's Doctor and Student (originally published in 1523, 1530) / Ed. by T.F.T. Plucknett, J.L. Barton. London: Selden Society, 1974. P. 45; *Finch H.* Law, or a Discourse Thereof (originally published in 1627). New York: AM Kelly Publishers, 1969. P. 77; *Wingate E.* The Body of the Common Law of England (originally published in 1655). New York, 1979. P. 1-2; *Hale M.* The History of the Common Law of England (originally written in the decade after the Restoration). Chicago: University of Chicago Press, 1971. P. 17, 30.

[5] *Coke Ed.* The First Part of the Institutions of Laws of England or a Commentary upon Littelton. London, 1628.

«искусственном разуме» (*artificial reason*), основанном на рассуждениях по аналогии и стремлении к «внутренней связности и полноте».

Эта точка зрения *Коука* была противоположной концепции Якова I Стюарта, которую в свое время разработали и подготовили для королевской интерпретации Ф. Бэкон и Т. Гоббс[1]. Как уточнял позднее *У. Холдсворт*, эта королевская доктрина общего права исходила из того, что «судьи, как и другие государственные служащие, были всего лишь чиновниками Короны, которая могла в определённый момент заменить их, если это было необходимо, и разрешить важный вопрос самостоятельно на основе своей абсолютной *прерогативы*»[2].

В противоположность бэконовской аргументации о королевском общем праве, Э. Коук утверждал, что общее право в эпистемологическом и позитивистском плане предстаёт в определенной *форме профессионального знания* и является институционализированной формой особого «искусства» рассуждения[3]. Коуковская интерпретация общего права отражает его публичный и «искусственный» характер (“*artificial” character*), вследствие чего оно всегда недоступно лицам, не обученным праву и способным пользоваться лишь своим индивидуальным «естественным» разумом (“*natural” reason*)[4].

Э. Коук полагал, что общее право должно быть найдено и применено посредством «самой процедуры аргументации в суде», и тем самым праву как искусственному основанию придавалось важное процессуальное и институциональное измерение. Анализирую эту концепцию лорда Коука, Роско Паунд выводил следующую формулу: «доктрина общего права – это доктрина разума, применяемая к опыту»[5]. Процесс судебного правотворчества заключался в разработке материалов общеправовой традиции (*the common-law tradition*) и новых правоположений, выведенных посредством известного приёма Коука: «искусственный разум юриста плюс судебное суждение о праве» (“*artificial reason and judgment of the law*”)[6].

На практике Э. Коуку неоднократно удавалось доказать свою формулу общего права и его превосходство над другими источниками. Так, в деле Т. Бонхэма (*Thomas Bonham case*) в 1610 г. он утверждал следующее: «Во многих делах *общее право* будет иметь преимущество перед актами парламента и иногда признавать недействительными, поскольку когда акт парламента противен общим правам (*common right*) и разуму, или несовместим с ним, или его невозможно исполнить, то общее право будет иметь приоритет и такой акт признает недействительным»[7].

---

[1] *Walters M.D.* Legal Humanism and Law-as-Integrity // Cambridge Law Journal. 2008. Vol. 67. P. 352-353.
[2] *Holdsworth W.* Sir Edward Coke // Cambridge Law Journal. 1935. Vol. 5. P. 332-334.
[3] *Edward Coke*. The First Part of the Institutes of the Lawes of England: Or A Commentary upon Littleton, Not the name of the Author only, but of the Law it selfe. London, 1628. URL: https://oll.libertyfund.org/title/shepherd-selected-writings-of-sir-edward-coke-vol-ii#Coke_0462-02_483 (дата обращения: 01.12.2024).
[4] *May L.* Sovereignty and Artificial Reason // Limiting Leviathan: Hobbes on Law and International Affairs. Oxford, 2013.
[5] *Pound R.* The Spirit of the Common Law. Francestown, New Hampshire, 1921. P. 183, 194.
[6] *Lobban M.* The common law mind in the age of Sir Edward Coke // Amicus Curiæ. 2001. Vol. 33. P. 18-19.
[7] Цит. по: *Фуллер Л.* Мораль права. М., 2007. С. 122-123.

Джон Селден (*John Selden*, 1584–1654), написавший историю «древней конституции» Англии в трактате «*Jani Anglorum facies altera*» («Два лика английского Януса») 1610 г., подразумевал под «английским Янусом» общее право, которое одновременно обращено как к древнему прошлому, так и к мирному процветающему будущему королевства[1].

Мэтью Хейл (*Matthew Hale*; 1609–1676) настаивал на исторически содержательном развитии общего права, которое постепенно видоизменялось и модернизировалось[2]. Важно отметить, что качественное состояние общего права вписывается в «общественную концепцию идентичности нации как народа, сформировавшего его своей коллективной историей»[3]. М. Хейл приводит в этом контексте метафору об «Аргонавте», который остался тем же кораблем, даже несмотря на то, что каждая доска, составлявшая его, могла быть заменена с течением времени[4]. Похожую позицию занимал спустя сто лет Эдмунд Бёрк, который также полагал, что общее право основывалось на общем убеждении и практике рассмотрения определенных правил и институтов как *исторически* верифицированного права страны[5].

С бывшими председателями Королевской судебной скамьи Э. Коуком и М. Хейлом, двумя ведущими теоретиками права того времени, вел дебаты Томас Гоббс (*Thomas Hobbes*; 1588–1679).

Так, на страницах своего «Диалога между философом и студентом общего права Англии» 1666 г.[6], Гоббс вступил в заочную полемику с Коуком, продолжая развивать его прежнюю дискуссию с Ф. Бэконом. Здесь у Гоббса юрист говорит от лица самого Коука, но также и от лица автора, а вот философ предстаёт в диалоге как некая помесь взглядов Бэкона и Гоббса[7]. При этом Гоббс прямо отрицал «искусственный юридический разум» (*artificial legal reason*), полагая, что человеческое сознание всегда повинуется обязательным распоряжениям государя. В свою очередь король «подчиняется законам Божиим, как писаным, так и неписаным, и никаким другим», так что он стоит выше закона, который является его выраженной во вне волей[8]. Общее право происходит путем использования королевской прерогативы и статутов, а также основывается на справедливости как естественной разумности (*natural reason*),

---

[1] *Christianson P.* Young John Selden and the Ancient Constitution, ca. 1610–18 // Proceedings of the American Philosophical Society. 1984. Vol. 128. P. 271-310.

[2] *Hale M.* The History of the Common Law of England. London, 1713; The History of the Pleas of the Crown. London, 1736.

[3] *Postema G.J.* Op. cit. P. 21-22.

[4] *Lobban M.* Postema and the Common Law Tradition // Ratio Juris. 2022. Vol. 35. No. 1. P. 71-91. P.73.

[5] *Lucas P.* On Edmund Burke's Doctrine of Prescription; Or, An Appeal from the New to the Old Lawyers // Historical Journal. 1968. Vol. 11(1). P. 35-63.

[6] Впервые был опубликован в 1681 г., через два года после смерти Т. Гоббса. См.: *Hobbes Th.* A Dialogue between a Philosopher and a Student of the Common Laws of England // The English Works of Thomas Hobbes. Vol. 6 / Ed. by Sir W. Molesworth. London, 1840. http://oll.libertyfund.org/titles/ 770#lf0051-06_head_001.

[7] *Cropsey J.* Introduction. // Thomas Hobbes, Dialogue between a Philosopher and a Student of the Common Laws of England / Ed. by Joseph Cropsey. Chicago: University of Chicago Press, 1971. P. 12, 14-15.

[8] *Hobbes Th.* Dialogue between a Philosopher and a Student of the Common Laws of England / Ed. by J. Cropsey. Chicago, 1971. P. 67.

применяемой королем в Канцелярском суде; последний поэтому является «высшим обычным судом Англии», преобладающим над другими судами, включая Суд общих тяжб и Суд королевской скамьи[1]. И поскольку общего права (*common law*) не существует ни в каком другом месте, кроме справедливости, то, следовательно, рассуждал далее Т. Гоббс, не может быть судебного права (*judge-made-law*) или монополии судей и юристов на толкование права; это всего лишь *псевдоискусство* юристов[2].

Если устойчивое и гегемонистское влияние Гоббса на юридическую мысль объясняет общий разрыв между верховенством права и концепцией права, то правовые позиции Коука оказали решающее и продолжительное влияние на развитие английского права, и он, по сути, спас английскую судебную и правовую систему от фрагментации[3].

Юридическими последователями воззрений на общее право Англии Коука были М. Хейл и У. Блэкстон, в то время как учение Гоббса имело отложенный реванш, вплоть до появления *концепций общего права* в учении Дж. Бентама и Дж. Остина.

Лорд-канцлер *Ричард Уэстбери* (1800–1873) предложил свое видение юридической природы *общего права,* его дихотомии со статутным правом и необходимости их систематизации[4]. Его знаменитая речь в парламенте в середине XIX в. была посвящена тщательному анализу недостатков правовой системы Великобритании. «Единственное, что остается в праве определённым – это его неопределённость». Ясным и доступным языком он объяснил различие между писаным, или статутным и неписаным, или общим правом (*statute law and common law*), созданным решениями судей, которые тем самым стали не только законодателями, но и худшими из законодателей – законодателями *ex post facto*.

Лорд-канцлер Уэстбери так описывал проблему правовой определенности в традиции общего права: «Мы все слышали вульгарную фразу «славная *неопределенность* права» (“*the glorious uncertainty of the law*”), и это общий позор нашей правовой системы, вошедший уже в поговорки, т.к. ни один человек не может с уверенностью сказать, будут или нет судьи следовать тому или иному конкретному кейсу, который был обнаружен записанным в отчетах ранее и, как предполагается, должно аналогично регулировать рассматриваемое дело»[5].

Судебные отчеты с выдержками из решений прежних времен составлялись под непосредственным контролем самих судей, и в них большое внимание уделяется установлению и анализу надлежащих оснований прецедентов. Лорд Уэстбери выделял такую «отличительную особенность английского правосознания» как *любовь к прецедентам* (*love of precedent*),

---

[1] *Hobbes Th.* Op. cit. P. 91.
[2] *Hobbes Th.* Op. cit. P. 93.
[3] *St-Hilaire M., Baron J.* Introductory Essay: The Rule of Law as the Rule of Artificial Reason // LexisNexis Canada Inc.: Supreme Court Law Review. Second Series. 2019. Vol. 92. P. 1-45.
[4] *Keeton G.W.* Lord Westbury and Law Reform // Current Legal Problems. 1966. Vol. 19(1). P. 13-25.
[5] *Nash Th.A.* The life of Richard Lord Westbury with selections from his correspondence. London, 1888. P. 59.

желание постоянно апеллировать к авторитету прошлых примеров, и они не приучены «заниматься абстрактными рассуждениями или общим резонированием».

Как замечал позднее лорд Э. Коук, «наши книжные шкафы являются лучшим доказательством того, *что* такое право, и иллюстрируют правило обязательного следования судебным прецедентам, если они явно не основаны на ошибочных принципах». Каждый последующий судья имел право определять, что абсурдно и несправедливо, и какова степень ошибочности того или иного правового принципа, лежащего в основе прецедента[1].

Другой особенностью английского общего права считается наличие множества юридических фикций. По комментарию лорда Уэстбери, «право *априори* содержит в себе *все* основания для разрешения каждого дела, какими бы новеллами не отличались его обстоятельства, и, соответственно судьи, рассматривающие новое дело, заявляют (на основе подобной фикции), что нашли ответ в праве не путем рассуждений, теоретических или философских исследований, а *открыли* правоположение, исследуя записи *предыдущих решений* по делам, которые предположительно аналогичны рассматриваемому случаю, а затем извлекли из этих аналогий правовое правило, которое они решают использовать для решения конкретного дела».

В своей парламентской речи лорда-канцлер Уэстбери также описал неудобства сложившейся системы неофициальных отчетов о судебных решениях (*unofficial law-reporting*), и назревшую необходимость фиксации и записи решений высших судов, которые были частью права страны[2]. Если в начале XVII в. существовали всего 50–60 томов отчетов с судебной практикой, то постепенно их количество выросло до 1,5 тысяч томов. И по мере увеличения количества судебных отчетов и отмены личного надзора над судьями не было никакой гарантии их пересмотра или сведения в дигесты или своды, поэтому возникли неудобства и коллизии, которые привели к знаменитой инициативе Ф. Бэкона о внесении поправок в законы и создании их свода (*дигест*).

Лорд-канцлер Уэстбери предложил довольно смелый проект по ревизии прецедентного права, которая могла бы привести к созданию *дигест* всего права как статутного, так и судебного. По его схеме сначала необходимо было пересмотреть все судебные отчеты (*reports*), чтобы избавиться от противоречащих друг другу судебных решений и сохранить те из них, которые с легкостью согласуются и взаимодополняют друг друга. Параллельно провести *ревизию* статутного права, исключив те из законодательных актов, которые уже потеряли юридическую силу, и распределить оставшиеся статуты по отдельным тематическим титулам. Тем самым нужно свести воедино разрозненные статуты, устранить резкие и противоречивые

[1] *Nash Th.A.* Op. cit. P. 58.
[2] *Nash Th.A.* Op. cit. P. 60.

статутные положения, и провести точный и методичный пересмотр всего законодательства, на основе чего вместе с исправленными сборниками судебных отчетов, составить Дигесты всего действующего права. В конечном итоге следует свести всё английское общее право к кодексу, резюмировал лорд Уэстбери[1].

Философ-утилитарист *Джереми Бентам* (*Jeremy Bentham*; 1748–1832) также был увлечен поиском качества правовой определённости (*certainty in the law*) в традиции общего права. Он настаивал на обязательном учете исторических тенденций и направлений развития национальной системы общего права, хотя сэр Уильям Блэкстон безоговорочно осуждал такой подход. Выделившаяся из этого направления *наука о законодательстве* сложилась как версия Гоббсовской моральной теории и одновременно как реакция на «Комментарии к законам Англии» У. Блэкстона.

В сочинениях Дж. Бентама *позитивистский подход* связан со стремлением определить, что такое *право* вообще и каковы критерии сферы его приложения. Философ выделил в качестве свойств *традиции общего права* стремление к систематичности и публичности[2]. В то же время подвергал радикальной критике саму теорию и практику общего права, пытаясь согласовать необходимую правовую определенность и стабильность с его такой же важной гибкостью применения. Бентам признается самым радикальным *сторонником кодификации* и ярым критиком общего права[3], потому что был неумолим по отношению к сложным конструкциям общего права, которое он называл «бездонным и безграничным хаосом, состоящем из фикций, тавтологии и непоследовательности, …система тщательно продуманных махинаций, которая максимизирует задержки и отказ в правосудии»[4].

В итоге, как ярко резюмировал *Г.Л.А. Харт*, «энтузиазм [Бентама] по поводу *кодификации* превратился в страсть, а его ненависть к некодифицированному, бесформенному «непознаваемому» общему праву стала почти манией»[5]. По мнению *Дж. Постемы*, исследовавшего конфликт утилитаризма Бентама с реальным состоянием общего права, была выработана конституционная основа для вынесения судебных решений в контексте *кодифицированного права*, которое бы предоставляло судьям свободу действий при вынесении решений в соответствии с их наилучшим суждением о балансе полезностей, и мотивацией принятия решений на основе подотчетности и институциональных стимулов[6].

---

[1] *Nash Th.A.* Op. cit. P. 61.
[2] *Resnik J.* Bring Back Bentham: “Open Courts,” “Terror Trials,” and Public Sphere(s) // Law & Ethics Human Rights. 2011. Vol. 5. P. 19-22.
[3] *Orth J.V.* Jeremy Bentham: The Common Law’s Severest Critic // A.B.A. J. 1982. Vol. 68. P. 710.
[4] *Judson F.N.* A Modern View of the Law Reforms of Jeremy Bentham // Columbia Law Review. 1910. Vol. 10. P. 41-42.
[5] *Hart H.L.A.* Bentham and the United States of America // J.L. & Econ. 1976. Vol. 19. P 565-566.
[6] *Postema G.J.* Bentham and the Common Law Tradition. Clarendon Press: Oxford, 1986.

§ I.1.3. «Кодистика права» в сравнительно-теоретическом и уголовно-правовом дискурсе

§ I.1.3(А). «Кодификация» и «кодистика права» в сравнительно-теоретическом дискурсе

Такие однокоренные юридико-технические термины и смежные понятия, как «кодификация права» – «кодекс / кодификационный акт» – «*кодистика права*» – «кодификационная нормография» – «юридическая кодикология» – «кодистический анализ источника» – «кодификатор юридических текстов» и др. представляют собой специфический понятийный ряд в научной систематике права, юридической компаративистике и отраслевой легистике[1]. Далее проведем этимологический и смысловой разбор значений ряда из этих ключевых для нашего исследования терминов.

1. *Этимология и история понятия «кодекс» и производных понятий*

Этимологически корень вышеперечисленных понятий восходит к латинскому «***cōdex***" (мн.ч. "*cōdices*"; архач. *caudex* – «кора дерева, разрубленный ствол, полено или брусок», от глагола *cudere* – «бить»), зародившемуся в профессиональном жаргоне кораблестроителей в Древнем Риме для описания технологии строительства кораблей. Как уточняет мексиканский правовед *Диего Валадес*, именно в связи этим римскому консулу *Аппию Клавдию* (III в. до н.э.) дали особое прозвище *Caudex*, так как он покровительствовал мореплаванию и кораблестроению, развивал римский деревяный флот[2].

Вероятно, обозначение «*кодексом*» плавучего деревянного моста из бревен или парома на Тибре, где обычно *понтифики* (жрецы-толкователи права) взимали плату и следили за обычаями, послужило своего рода смысловым мостиком перехода термина в юридический лексикон. Термином "*cōdex*" стали обозначать скрепленные вместе в виде книги деревянные дощечки (лат. *tabulae*), намазанные воском для письма, в отличие от свитков папируса (*volumen*), которые римляне переняли у греков. Так, в частности, называли первую в Риме светскую публичную кодификацию «*Codex Duodecim Tabularum*» 451/450 г. до н.э.[3], представлявший собой свод из двенадцати деревяных (медных) досок, частично зафиксировавших нормы понтификального права (таблица X). Позднее в виде т.н. *кодициллов*, связанных веревками книжек из дощечек, стали составлять постоянный *эдикт* как особую форму систематизации преторского права.

---

[1] *Трикоз Е.Н.* Кодификация и системность права в проблематике классического юспозитивизма // *Михайлов А.М., Трикоз Е.Н.* Юридический позитивизм, верховенство права и кодификация: монография. М., 2022. С. 33-96.
[2] Кодификация законодательства / Под ред. *В.М. Баранова*. Н. Новгород, 2009. С. 13.
[3] *Humbert M.* Les XII Tables, une codification? // Droits. 1998. № 27. P. 87.

Ближе ко II в. н.э. *кодексом* называли уже стопку листов *пергамента*, которые складывали слоями в удобный книжный блокнот. Как уточняет профессор К.Е. Сигалов, когда египтяне начали скрывать секрет производства папирусных свитков, то в ответ на это в малоазийском Пергаме изобрели новый материал для записи текстов из недублёной сыромятной кожи животных (нем. *pergament*, от греч. *пергамон*). Пергаментные листы стали применять в виде тетрадей-кодексов для фиксации распоряжений римской администрации и издания правовых источников[1]. В эпиграммах Марциала (ок. 40–102 гг. н.э.) воспевалась новая книжная форма, включая упоминание о юридических произведениях Цицерона и других авторов, изложенных в форме *кодекса*.

Первые известные неофициальные кодексы были составлены при императоре Диоклетиане частным образом римскими юристами Грегорианом и Гермогенианом (*Codex Gregorianus* 290-е гг. и *Codex Hermogenianus* 293-295 г.). Эти тексты были организованы по «модифицированной *дигестной системе*» (или «*Codexsystem*»), хотя методически уже далеко отошли от дигест высокого классического периода[2]. И хотя планы по официальной кодификации законов обсуждались Цезарем и Помпеем еще в I в. до н.э., первый такой публично-властный кодекс в Римской империи был принят лишь императором Феодосием II (*Codex Theodosianus*) в 428 г. н.э.

В римском обязательственном праве использовали родственный термин «*кодиций*» для долговых расписок, как прообраз литерального контракта, которым обозначали кассовые книги римлян («*Codices accepti et depensi*»), где ежемесячно велись денежные заметки по доходам и расходам (выдачи денег и кредитные средства)[3]. Нередко в деликтном праве Рима неоплатного должника приговаривали к ношению "*cōdices*" – деревяных колодок на ногах, или привязывали чурбан, волочившийся за ним повсюду (таблица III).

В римском наследственном праве термин «*кодицил*» использовался в специальном значении завещательного распоряжения. Так, известно, что в 13 г. н.э. император Октавиан Август, за год до своей смерти передал на хранение весталкам с последующим оглашением в Сенате свое завещание, инструкции по похоронам и описание состояния империи, и всё это состояло из двух кодицилов-завещаний (*codices*) и трех свитков (*volumina*) (Светоний. Август, 101; Дион Кассий. 56, 33, 2–6). Интересный случай приводится из судебной практики III в. н.э., когда римскому судье пришлось решать спор между двумя сыновьями, один из которых унаследовал «*книги*» отца: относился ли этот термин только к *свиткам* папируса или в него

---

[1] *Сигалов К.Е.* Кодификация и правовое время // История государства и права. 2007. №23. С. 35-37.
[2] *Liebs D.* Die Jurisprudenz im spätantiken Italien (260–640 n. Chr.) // Freiburger Rechtsgeschichtliche Abhandlungen. Band 8. Berlin, 1987. S. 134-137.
[3] *Нечаев В.М.* Codices accepti et depensi // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Том XVa. СПб., 1895.

входили и *кодексы*? Итоговое решение было четким и гласило, что «*кодексы* тоже следует считать *книгами*, так как мы группируем под названием «*книги*» не свитки папируса, а способ письма, направленный на определенную цель»[1].

Классический римский юрист Ульпиан в своих *«Комментариях к Сабину»* ок. 210-е гг. н.э. писал, что «названием «*книги*» объемлются всякого рода свитки, будут ли они на бумаге, пергаменте или на каком угодно другом материале. Но и в случае, если (они будут) на липовой коре, или на лыке (как делают некоторые), или на какой-нибудь другой коре, следовало бы говорить то же самое. Поэтому посмотрим, если они являются пергаментными, бумажными кодексами или же дощечками из слоновой кости или другого материала или вощеными…» (D., XXXII, 52)[2].

В раннехристианской традиции священные тексты составляли и передавали в форме компактных кодексов (*codex*), позволявших писать тексты Евангелий на обеих сторонах листа в пергаментной тетради, в отличие от свитков-томов (*volumina*) и папирусных свитков (*papyrus roll*), на которых евреи записывали свои сеферные книги Торы[3]. Как предположил Г. Кавалло, кодекс восторжествовал, потому что свитковые списки ассоциировались с элитой, а кодекс – с низшими классами и популярной литературой[4]. Кодекс с его отдельными страницами (лат. *pagina*) изменил саму организацию способа и ритма чтения, когда можно было выборочно получить доступ к определённой главе или фрагменту текста, тогда как свиток требует непрерывного чтения[5].

В средневековой традиции и духовной книжной культуре, особенно в монастырских скрипториях и городских университетах использовался формат «*manuscript codex*» как объемная написанная на латыни книга[6], имеющая нередко обложку из деревянного или кожаного переплета и оглавление с подробным описанием частей и титулов текста, как это можно видеть на примере сохранившегося кодекса франков «Салическая правда». Континуальное (непрерывное) латинское письмо кодексов с библейскими текстами, римским и каноническим правом, затрудняло понимание либо просто становилось недоступным для не знающих латыни. Так, знаменитая византийская копия Дигест Юстиниана – *Littera Florentinum* (*Codex Florentinus*, или «Пизанский кодекс») VI в., рукопись которой попала в свое время доктору Ирнерию в Болонском университете, представляла собой *пергаментный кодекс* из 907 листов, написанных в две колонки без пробелов и знаков препинания (стиль *scriptura*

---

[1] *Roberts C.H., Skeat T.C.* The Birth of the Codex. Oxford University Press, 1993. P. 32.
[2] *Harke J.D.* Libri ad edictum – Libri ad Sabinum. Walter de Gruyter GmbH & Co.KG, 2022.
[3] *Gamble H.Y.* Livres et lecteurs aux premiers temps du christianisme: Usage et production des textes chrétiens antiques. Geneve: Labor et Fides, 2012. P. 85.
[4] *Cavallo G.* Libri, editori e pubblico nel Mondo Antico: guida storica e critica. Biblioteca Universale Laterza, 2020.
[5] *Sirat C.* Du rouleau au codex // Le Livre au Moyen Âge. Paris, Brepols, 1988. P. 13-45.
[6] *Киселёва Л.И.* Письмо и книга в Западной Европе в Средние века. СПб., 2003. С. 31-32.

continua)[1]. Поэтому уже в VII в. ирландские монахи при переписывании кодексов начали отделять слова друг от друга пробелами, не имея возможности читать сплошную латинскую вязь слов.

Средневековые правоведы увидели в юридических кодексах *внешние преимущества* обработки текста и удобства трансляции с него правового знания для учеников и клиентов, так как они могли перелистывать статьи, делать заметки на полях и глоссировать текст, индексировать его по терминам и кейсам, составлять перекрестные ссылки на определенные фрагменты и т.п.[2] По заказу высокопоставленных особ нередко изготовляли пышно украшенные кодексы в рукописных свитках, с декоративными элементами, миниатюрами, заглавными инициалами[3].

Но с приходом книгопечатания дорогостоящие «*иллюминированные кодексы*» потеряли свою востребованность. Основавший в Венеции типографию в 1476 г. немецкий печатник Эрхард Ратдольт, издавший около дюжины юридических книг, впервые использовал *титульный лист*. К этому времени книжные шрифты стали соответствовать назначению каждого кодекса-книги, в частности, для юридической, а также богословской и учебной литературы использовался *готический шрифт*.

В западной традиции права в XVI–XVII вв. укрепилась тенденция к централизации правового пространства и созданию унифицированного права, что находило конкретизацию в терминологии и привело к возрождению термина «кодекс» в рамках римском его понимании. Так, появился «*Codex Statutorum Alexandrinae*» 1547 г., разработанный *Курцием*, префектом г. Алессандрии (Пьемонт, Италия)[4].

Первый юридический словарь во Франции 1776-1785 гг. «*Справочник Гюйо*» (фр. *Répertoire Guyot*) содержал следующую дефиницию «*кодекса*»: это «сборники законов, составленные либо публичной властью законодателя, либо просто стараниями отдельных юрисконсультов», а второе значение в юридическом обиходе связано с изданием крупных королевских ордонансов, хотя «во Дворце, цитируя различные законы, никто их не называет кодексами, но исключительно ордонансами»[5].

---

[1] *Harke J.D.* Römisches Recht. Von der klassischen Zeit bis zu den modernen Kodifikationen. München: Beck, 2008. S. 23.

[2] *Frank Theisen* (Hrsg.). Summe – Glosse – Kommentar. Juristisches und Rhetorisches in Kanonistik und Legistik. Osnabrück, 2000.

[3] *Lemaire J.* Introduction à la codicologie. Louvain-la-Neuve, 1989. P. 20-21.

[4] CODEX statutorum magnifice communitatis atque dioecaesis Alexandrinae. Bottega D'erasmo, 1969.

[5] Répertoire universel de jurisprudence. T. III, v. Code, par Henry. Цит. по: *Кабрияк Р.* Кодификации / Пер. с фр. *Л.В. Головко*. М.: Статут, 2007. С. 102.

Русскоязычную кальку латинизма *codex* и англицизма “*code*” (итал. *codice*, фр. *code*, исп. *codigo*, рум. *codul*) применяют к различным сферам жизнедеятельности человека[1], начиная с этических кодексов корпоративной культуры или профессионального поведения и заканчивая компьютерным кодом (техника кодирования информации)[2]. Российские юристы применяют однокоренное понятие к описанию правотворческой формы систематизации права («*кодификация*»), или к крупному отраслевому акта («*кодекс*»), созданному в результате такой систематизации с особой юрехникой и иерархическим статусом.

2. *Компаративистское понимание феномена кодификации права*

В *компаративистском понимании* кодификации и техника создания кодекса имеют разное прочтение как с точки зрения его юридической природы в *разных традициях права*, так и применительно к технической роли в структуре национальных пространств.

Описывая *континентально-европейскую модель кодификации*, пропитанную просветительской и юснатуралистской философией, профессор гражданского права *Реми Кабрияк* (*Remy Cabrillac*) отмечал, что по сравнению с практико-ориентированным римским правом *юснатуралисты* «предприняли обратный демарш, создавая *абстрактную систему,* основанную на неких идеях и определенном языке, …характеризующийся логикой и рационализмом», что способствовало кодификации, т.е. «деятельности по систематизации существующих и выработке новых правовых норм»[3]. Это новое *определение кодификации* было следствием воспевания «закона как выражение общей воли и проявление человеческого разума», а сам *кодекс* рассматривался как «обладающий внутренней логикой свод правовых норм, реформирующий действующее право»[4].

Этот взгляд поддерживает другой французский юрист *Ж.-Л. Бержель*, который полагает, что только начиная с кодификаций Наполеона во Франции можно говорить о появлении подлинной (*genuine*) кодификации. Каждый из кодексов, появившихся в результате собственно научной, технически совершенной и догматически подготовленной кодификации, являлся «систематически изложенным, комплексно и методически организованным сводом общих и неизменных норм, регулирующих одну или несколько отраслей права в данной стране»[5].

---

[1] Упоминание лат. *cōdex* непосредственно или нем. *kodex* для обозначения «собрания законов» впервые встречается у Ф. Прокоповича. См.: *Смирнов В.Г.* Феофан Прокопович. М., 1994.С. 144.

[2] «*КОДЕКС*» называется российская онлайн-платформа (https://kodeks.ru/) с почти миллионным фондом нормативных документов и справочной правовой информации.
«*CODICES*» — это название базы данных (www.CODICES.CoE.int) с текстами свыше 10 тыс. судебных решений и законов о судебных системах более 100 стран мира на 40 с лишним языках, включая всех государств-членов Венецианской комиссии Совета Европы и государств-наблюдателей.

[3] *Кабрияк Р.* Кодификации / Пер. с фр. *Л.В. Головко*. М.: Статут, 2007. С. 58.

[4] *Кабрияк Р.* Кодификации ... С. 103.

[5] *Bergel J.L.* Principal Features and Methods of Codification // Louisiana Law Review. 1988. Vol. 48(5). P. 1074.

По утверждению директора Макс-Планк-Института сравнительного и международного частного права *Рейнхарда Циммерманна*, «характерная особенность кодификации – это ее *систематическая* природа. Она базируется на убеждении, что материал законодательства …может быть сведен к рационально организованной системе. Кодификация имеет целью представление данного предмета как *логически согласованного* целого, состоящего из правовых норм и институтов. Таким образом, она способствует внутренней последовательности и логичности законодательства и облегчает его понимание»[1].

Другой немецкий юрист *У. Айзенхардт* описывает *кодификацию* как процесс исчерпывающего систематизированного упорядочения всего нормативного материала, который с точки зрения юридической *техники составления свода* должен подчиняться следующим кодистическим правилам[2]:

1) содержать *всеобъемлющее* регулирование по меньшей мере одной определенной сферы жизнедеятельности или в идеале включать в себя все нормы, имеющие какое-либо значение для гражданина государства (как, например, Прусское всеобщее земское уложение 1794 г.);

2) вырабатывать иерархическую *систему кодексов* как базовых правовых отраслей системного значения, представляющие интерес для каждого субъекта права (гражданский, уголовный и процессуальные кодексы), так и дополняющих их специальных кодексов, имеющих значение для отдельной профессиональной отрасли (в частности, торговый или банковский кодекс);

3) иметь *системное строение*, размещая нормативный материал в виде абстрактных правил и общих принципов, избегая при этом казуистики, излагая предписания ясным и *общедоступным языком*;

4) быть *единообразно применяемой* на всей территории страны, устраняя при этом локальную правовую раздробленность права и тем самым препятствуя дефрагментации правового пространства;

5) исключать *дискретное судебное усмотрение* и привязать судью к закону таким образом, чтобы он давал официальный комментарий закона, либо изначально кодекс должен включать такие принципы и правила толкования, которые позволят судье единообразное использование (как это было сделано, например, когда создавали Code civil, австрийский всеобщий гражданский кодекс, немецкий БГБ и швейцарский ГК);

---

[1] *Zimmermann R.* Codification: History and Present Significance of an Idea (A propos the recodification of private law in the Czech Republic) // European Review of Private Law. 1995. №3. P. 95-120. P. 97.
[2] *Eisenhardt U.* Deutsche Rechtsgeschichte. München, 1984. P. 284-285.

6) избегать исторических случайностей и *временных норм*, делая свои предписания более целесообразными, т.е. соответствовать своей социальной функции[1].

Большинство континентальных юристов различают два начала в природе кодификации, два целеполагания и методики проведения обработки нормативных текстов: *системообразующую* и *нормоустанавливающую*[2].

Французский правовед *Реми Кабрияк*, рассматривая двуединую юридическую природу кодификации, говорит о давнем противостоянии двух ее методов, которые при этом могут одновременно применяться в одной и той же стране: 1) *кодификация-компиляция*, связанная с системообразующей функцией, предполагающая простое собирание действующих правовых норм и их приведение в определенную форму, и 2) *кодификация-реформа*, реализующая правотворческую функцию, в ходе которой в собранные правовые нормы вносятся более или менее значительные изменения[3].

Французская трактовка двуединой природы кодификации как компиляции (*консолидации*) и как новация (*реформы*) зафиксирована в авторитетном «Юридическом словаре», где термин «кодификация права» разъясняет в общетеоретическом и международно-сравнительном смыслах: как (1) «деятельность, направленная на то, чтобы кодифицировать, и в расширительном значении – как результат этой деятельности...»; и (2) «согласованные мероприятия по составлению правовой нормы, до того существовавшей в виде (международного) обычая», или же «разновидность сугубо формальной кодификации, состоящая в объединении в одном акте базового акта и актов, его изменяющих и дополняющих, без изменения содержания указанных актов, посредством опубликования нового единого акта и отмены всех предыдущих актов; операция, в отличие от реформы, исключающая всякое изменение содержания правовых норм, но имеющая правотворческий и официальный характер, что отличает ее от простой консолидации» (в континентально-европейской правовой традиции)[4].

В отечественной теории права и доктрине кодификации одним из первых советский правовед, профессор *Д.А. Керимов* заметил эту специфику, подчеркивая, что «в отличие от текущего законодательства... кодификация упорядочивает значительную часть уже

---

[1] *Eisenhardt U.* Deutsche Rechtsgeschichte. München, 1984. S. 284-416; Handbuch der Quellen und Literatur der neueren europäischen Privatrechtsgeschichte. München, 1973. Bd. I. S. 3-7. Цит. по: *Антропов Р.В., Дондоков Ц.С., Лупенко И.Ю.* Кодификация законодательства как фактор становления единой политико-правовой системы: политико-правовые и философские доктрины Германии // Вестник Забайкальского гос. ун-та. 2014. №5. С. 121.

[2] *Рахманина Т.Н.* Кодификация законодательства. М., 2005. С. 11.

[3] *Кабрияк Р.* Кодификации / Пер. с фр. *Л.В. Головко*. М.: Статут, 2007. С. 289.

[4] Vocabulaire juridique / sous la dir. de G. Cornu. PUF, «Quadrige», 2000. Цит. по: *Кабрияк Р.* Кодификации / Пер. с фр. *Л.В. Головко*. М.: Статут, 2007. С. 98.

существующего и действующего законодательства, как правило, его изменяя, дополняя и преобразуя»[1].

Как метафорично подчеркнул профессор *П.В. Крашенинников*, «инкорпорация – это приведение в порядок жилого дома, а кодификация – это снос старого и постройка нового дома, но с частичным использованием полученных от сноса материалов»[2].

Российский правовед, цивилист-кодификатор *А.Л. Маковский* описал некоторые теоретические и юридико-технические проблемы кодификации:

1) проблема преемственности «своего» права и примыкающие к ней вопросы рецепции иностранного права и имплантации международного права в национальные кодификации;

2) проблема построения иерархии и системы связанных между собой кодификационных актов в сложносоставных государствах (первая кодификация – ряд кодексов республик, вторая кодификация – основы законодательства или федеральный кодекс, третья кодификация – модельный кодекс);

3) выделение *общих положений* кодификационных актов, экстрагированных и индуцированных из частных правил и норм;

4) определение места кодифицированного акта в системе национального законодательства, содержательных связей с другими правовыми актами, которые не охвачены кодификацией[3].

К числу этих теоретико-технических проблем кодификации добавляет профессор *К.Е. Сигалов* ее временное измерение в соотношении с целью стабилизации и консервации правопорядка. Кодификация должна сопровождаться «определенной *временной паузой*, позволяющей законодателю посмотреть на свой труд со стороны, услышать критику и проанализировать полученные результаты»[4].

Кодификация, в качестве наивысшей юридико-технической формы систематизации, предполагает *рациональное упорядочение* законодательного и иного нормативного материала, путем его редакционной юридико-технической обработки, с обязательным исключением повторений и архаизмов, устранением коллизий и противоречий, восполнением пробелов и лакун правового регулирования, преобразованием характера и направленности нормативного материала.

Утилитарное преимущество *кодификационной систематики* заключается в том, что с ее помощью в наибольшей степени достигается внутреннее единство и интеграция нормативной

---

[1] *Керимов Д.А.* Законодательная техника: Науч.-метод. и учеб. пособие. М., 2000. С. 71-103.
[2] *Крашенинников П.В.* Кодификация отечественного гражданского права // Кодификация российского частного права / Под ред. *П.В. Крашенинникова*. М., 2015. С. 22.
[3] *Маковский А.Л.* О кодификации гражданского законодательства (1922–2006). М., 2010. С. 12-15.
[4] *Сигалов К.Е.* Кодификация и правовое время // История государства и права. 2007. №23. С. 37.

сферы, взаимосвязь и взаимодействие *отраслевых кодексов* как унифицирующих и головных актов как между собой, так и с объективно сложившейся *системой права*[1].

Исследуя *юридическую систематизацию* как отдельный феномен, *Ю.Ю. Ветютнев* справедливо подчеркивает ее прикладную полезность как социокультурного феномена, что достигается в основном благодаря ее особой *интегрирующей функции*, выраженной в том, что «систематизация источников права... оказывается средством поддержания необходимого уровня социокультурного единства»[2]. По мнению *М.В. Антонова*, следует различать два значения «*систематизации права*»: как деятельности по упорядочиванию нормативно-правового материала и приведению нормативных правовых актов в консолидированную, согласованную систему (инкорпорация, кодификация, консолидация), и как деятельность представителей юридической доктрины по описанию правовой действительности и правового порядка как целостных, системных образований[3].

Аксиологическая составляющая кодификации прямо связана с ее *интегративной функцией*, направленной на обеспечение стабильности иерархии источников, приведение отраслевых норм в единую логическую систему и укрепление системообразования в национальном правовом пространстве. Такое интегрирующее воздействие кодификации, по мнению *Т.Н. Рахманиной*, проявляется «в соответствующем оформлении процесса объединения правовых норм и обособлении их в некую “общность” на определенной функциональной основе»[4].

В то же время кодификация стремится к *последовательной конвергенции* правовой отрасли или подсистемы права[5], чтобы обеспечить или усилить *когерентность отраслевых правовых норм*, устраняя их неоднозначность, приводя к взаимной согласованности и корреляции между собой во времени и пространстве[6].

---

[1] *Колыванцева М.А.* Кодификация российского законодательства в условиях модернизации социально-экономической, политической и культурной деятельности // Юридическая техника. 2023. №17. С. 298.

[2] *Ветютнев Ю.Ю.* Социокультурные функции юридической систематизации // Систематизация законодательства в России (Историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы) / Под ред. *В.М. Баранова, В.Г. Графского, С.В. Кодана*. М.; Н. Новгород, 2008. С. 336.

[3] *Антонов М.В.* Систематизация права: в поисках эффективности // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки / Под ред. *О.Л. Савенок и др.* Минск, 2013. С. 64-76.

[4] *Рахманина Т.Н.* Кодификация и системное развитие права // Кодификация законодательства: теория, практика, техника / Под ред. *В.М. Баранова, Д.Г. Краснова*. С. 91.

[5] *Третьякова О.Д.* Кодификация как средство конвергенции права // Кодификация законодательства: теория, практика, техника / Под ред. *В.М. Баранова, Д.Г. Краснова*. С. 180.

[6] *Dagan H.* Codification, Coherence, and Priority Conflicts // The Draft Civil Code for Israel in Comparative Perspective / Ed. by *K. Siehr & R. Zimmermann*. Mohr Siebeck, 2008. P. 149-155; *Свирин Ю.А.* Когерентность системы права // Актуальные проблемы российского права. 2015. №6; *Третьякова О.Д.* Когеренция правовых систем (на примере Конституции США, Афганистана и Филиппин) // Российский следователь. 2008. №10. С. 37.

В принципе любой нормативной системе присущи такие логические свойства ее состояния, как когерентность и полнота регулирования (*coherence and completeness*)[1]. В свою очередь такие сопрягаемые термины – качественные состояния права, как его когерентность, систематика и интегративность (*coherence, systematicity and integrity of law*)[2] отражают важную концепцию «единства права» (*the unity of law*), которая имеет разные прочтения теоретической науке: логическое единство правовых положений, гносеологическое единство явлений, объединенных термином «право», аксиологическое единство иерархии правовых ценностей, процедурное единство юридических рассуждений, и др.[3]

С *юрислингвистической* точки зрения кодификация приводит к *целостности нормативного текста*, которая выражается в грамматической, семантической и стилистической соотнесённости языковых единиц текста (ключевых слов и формулировок, норм-дефиниций, норм-исключений, фикций, аксиом, и др.)[4].

Дополнительная ценность *кодификационной процедуры* заключается в усовершенствовании нормативного материала как по форме, так и по содержанию, чем обеспечивается более *удобное использование* его в правореализационной практике, доступность, простота/абстрактность изложения и обозримость нормативного материала в кодексе.

С позиции позитивистской школы права принятие отраслевого *кодекса* считается наивысшей формой институционализации отрасли в ландшафте национальной системы права, а *отраслевая кодификация* сама по себе уже манифестирует созревание или взросление соответствующей отрасли права.

Будучи нацелена на построение внутренне согласованной и *иерархически* выстроенной *целостной системы* юридических источников, кодификация не верно оценивается иногда как сугубо механическая процедура или самоцель правотворчества государства. Чаще всего она используется как эффективное средство *реформирования права* и отражения горизонта его будущего развития[5]. Являясь важнейшим элементом юридической техники, кодификация

---

[1] *Navarro P.E., Rodríguez J.L.* Legal Systems and Legal Validity // Deontic Logic and Legal Systems. Cambridge Introductions to Philosophy and Law. Cambridge University Press, 2014. P. 117-149.

[2] *Antonov M.* Some Remarks about Legal Systems Integrity // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2015. №2. С. 148-165; *Antonov M.* Systemacity of law: a phantasm? // Russian Law Journal. 2015. №3; *Кухарук Т.В.* Систематика и систематизация законодательства // Изв. вузов. Правоведение. 1993. № 5.

[3] *Alchourrön C.E., Bulygin E.* Normative Systems (1971); *Teubner G.* How the Law Thinks: Toward a Constructivist Epistemology of Law (1989), *Furton E.J.* Restoring the Hierarchy of Values to Thomistic Natural Law (1994), Stone J. Legal System and Lawyers' Reasonings (1964). Их обзор приводит А.М. Антонов в своей статье: *Antonov M.* Systematization of Law: The BRICS Context and Beyond // BRICS Law Journal. 2015. №1.

[4] *Исаков В.Б.* Язык права // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 64-79; *Скурко Е.В.* Язык права. М.: Юрлитинформ, 2022.

[5] *Хабриева Т.Я.* Кодификация российского законодательства в условиях федеративного государства // Кодификация законодательства: теория, практика, техника / Под ред. *В.М. Баранова, Д.Г. Краснова*. Н. Новгород, 2009. С. 35-36.

призвана «позитивно повлиять на системность, оперативность и эффективность правового воздействия»[1].

В позитивистском дискурсе *кодификация права* трактуется как наивысшая форма систематизационной законодательной техники, которая заключается во внутренней и внешней юрислингвистической обработке действующих нормативных правовых актов, но обычно с параллельной их *новеллизацией* и автономным нормотворческим процессом, состоящем в подготовке и принятии нового кодификационного акта со статусом «*головного источника*» определенной отрасли или предметной сферы права.

С учетом *многогранности трактовок кодификации* и содержания самого кодификационного процесса можно констатировать, что для этого универсального правового явления, способствующего качественному развитию и рациональному упорядочиванию права, характерна многочисленность функций как особой юридической деятельности государства и как организационно-правовой формы законотворчества.

3. *Понятие «кодистики права» и ее интерпретация в юридическом дискурсе*

Введение в юридический оборот новых терминов, конструкций или направления в устоявшемся научном правовом ландшафте, это дело неблагодарное и критически воспринимается на первых порах.

Выделение *кодистики права* как особого учения о доктрине, технике и методике кодификации права имеет своих сторонников в современном юридическом сообществе[2]. Хотя остается дискуссионным вопрос о том, является ли *кодистика права* научной реальностью или искусственным конструктом[3].

Профессор *Д.Ю. Полдников*, рассуждая о теории законодательного правотворчества, упоминает о том, что нет консенсуса среди ученых по поводу наименования, сферы и содержания этой отрасли теоретической юриспруденции. В частности, он пишет, что «теория законодательства известна под такими названиями, как юридическая техника (или правотворчества), легиспруденция, *кодистика* (*codistics*) или нормография»[4].

Мы придерживаемся следующего теоретического определения:

«***Кодистика права*** (лат. *codistica*; англ. *legal codistics*; фр. *codistique*; нем. *kodistik des rechts*) – *это формирующееся комплексное явление, представляющее собой синтез доктрины,*

---

[1] *Малько А.В., Субочев В.В.* Законные интересы и кодификация российского законодательства // Кодификация законодательства: теория, практика, техника / Под ред. *В.М. Баранова, Д.Г. Краснова*. Н. Новгород, 2009. С. 32.
[2] *Кабрияк Р.* Кодификации / Пер. с фр. *Л.В. Головко*. М., 2007. С. 288, и др.
[3] *Трикоз Е.Н.* «Кодистика» (учение о технике кодификации) в международном праве // Правоведение. 2010. № 4 (291). С. 109-126.
[4] *Poldnikov D.* The Pattern of Russian Legal Codification in Historical and Comparative Perspectives // Law Reforms Around the World: Perspectives from National and International Law. Abingdon: Routledge, 2023. P. 108-118.

техники и практики кодификационной деятельности в пространственно-временной среде права, включающее в себя: доктринально-философские и методологические основы кодификационной деятельности; процедурно-техническую подготовку и прикладную легистику кодификационных актов; организационно-практические и инструментально-технологические аспекты кодификационных работ».

Далее мы рассматриваем *понятие* «*кодистика права*» в ее процедурно-техническом, доктринально-философском и инструментально-технологическом смыслах.

1. «***Кодистика***» в более узком, сугубо *техническом и процедурном смысле* понимается как форма законотворческой деятельности (часть *легиспруденции),* и как подвид законодательной техники в контексте парламентской процедуры (составная часть *легистики)*.

С именем английского правоведа-утилитариста *Джереми Бентама* и его знаменитой работы «Теория законодательства» (англ. *Theory of Legislation*)[1] связано концептуальное оформление интереса к *легиспруденции* (лат. *legisprudentia*) и научное обоснование теории кодификации права[2]. В своей работе Бентам уделил внимание процедуре и технике законодательного механизма, психологии работы с текстами законодателя. Призывал соблюдать утилитарный подход к нормотворчеству и его результаты соизмерять с законными ожиданиям индивидов.

Предметом легиспруденции в традиции общего права выступает рациональное изучение процесса законодательства, его связей с правовой культурой и юридической традицией, исследование принципов и проблем законодательного процесса, в особенности соотношения качества и количества норм в крупных сводных актах[3].

В российской традиции права примерно на полвека ранее творчества Дж. Бентама этот латинский термин обретает русскоязычную кальку «*законоискусство*» и научное обоснование в работе отечественного просветителя *Я.П. Козельского* (ок. 1728 – 1794), который при Екатерине II входил в состав Комиссии по разработке нового Уложения, и был автором законодательных проектов «О преимуществах дворянства» и «О положении крепостных крестьян». В своем энциклопедическом сочинении «Философические предложения» 1768 г. Козельский пояснял, что право должна изучать такая наука, как юриспруденция, а ее составная часть «*легиспруденция*» приравнивается к «знанию законов». Он сетовал на то, что «философы называют знание употребительных на свете законов *юриспруденцией* несправедливо, а лучше такое знание называть *легиспруденцией*, т.е. знанием законов, не юриспруденцией, т.е. знанием

---

[1] *Bentham J.* Theory of Legislation / Transl. from French of *E. Dumont*. London: Trübner & Co., 1864. Данная работа была опубликована после смерти Дж. Бентама его другом и издателем Э. Дюмоном на французском языке.

[2] *Schofield P., Harr J.* (eds.). Jeremy Bentham, ‘Legislator of the World’ Writings on Codification, Law and Education. Oxford University Press, 1998.

[3] *Wintgens L.J.* Legisprudence: A New Theoretical Approach to Legislation. Oxford; Portland: Hart Publishing, 2002.

права»[1]. В похожем ключе высказывался и первый в Российской империи профессор права *С.Е. Десницкий* (ок. 1740–1789), назвавший свой курс лекций «О пользе знания отечественного законоискусства» 1778 г. Но во второй половине XIX века распространилась научная концепция *законоведения*[2], важный вклад в развитие которого внесли *Н.П. Алексеев, К.А. Неволин, Л.А. Цветаев*, и др.[3]

В немецкой и швейцарской литературе и законодательной практике термин «*легиспруденция*» (нем. *gesetzgebungslehre*) описывается как теория законодательства или законотворческой деятельности[4], направленная на изучение формы и анализ содержания проектируемых правовых норм с целью выработки критериев, ориентиров и инструкций по рациональному нормотворчеству и эффективному нормопроектированию[5]. С лингвистической точки зрения легиспруденция включает аспекты терминологического единообразия, лингвистического качества, системности изложения и понятности формулировок в законодательных предписаниях[6]. С социологической точки зрения легиспруденция позволяет осуществлять систематическое рассмотрение эффективности и последствий законодательных норм и оценку их восприятия в контексте социальной жизни общества[7].

Во французской подсистеме континентальной традиции термин «*légisprudence*» распространился с легкой руки бельгийского юриста *Люка Ж.П. Винтгенса* (*Luc Justin Paula Wintgens*), предложившего новый всеобъемлющий подход к исследованию закон проектирования, который бы сочетал в себе элементы «науки, искусства и мастерства». «Используя термин «*légisprudence*», в отличие от «*jurisprudence*», мы хотим обозначить особый подход к законодательству как к дисциплине, имеющей свою собственную идентичность, какой бы расплывчатой она ни была в данный момент»[8].

В своей монографии Винтгенс определяют «*легиспруденцию*» как юридическую теорию рационального правотворчества, и исследуют метафизику легализма, рассматривая принципы

---

[1] *Козельский Я.П.* Философические предложения, сочиненные надворным советником и правительствующего сената секретарем Яковом Козельским в Санкт-Петербурге 1768 года. Санкт-Петербург: печатно при Сенате, 1768. С. 69.

[2] *Станиславский А.Г.* О ходе законоведения в России и о результатах современного его направления // Журнал министерства народного просвещения. 1853. Т. LXXX.

[3] *Цветаев Л.А.* Начертание теории законов. М., 1816; *Неволин К.А.* Энциклопедия законоведения. История философии законодательства. Т. 1-2. Киев, 1839-1840; *Дружинина Н.Л.* Общепонятное законоведение: научно-практическое пособие. М., 1898; *Алексеев Н.П.* Законоведение. Конспект лекций. М., 1899; *Владимиров Л.Е.* Учебник законоведения. СПб., 1911; *Лаврентьев Д.К.* Законоведение: учебник для средних учебных заведений и самообразования. Пг., 1916.

[4] *Noll P.* Gesetzgebungslehre. Reinbek: Rowohlt, 1973.

[5] *Handbuch der Rechtsförmlichkeit* / Bundesministerium der Justiz (Hrsg.). 3 Auflage. Köln: Bundesanzeiger-Verlag, 22 November, 2008.

[6] *Hotz R.* Methodische Rechtsetzung – eine Aufgabe der Verwaltung. Zürich: Schulthess, 1983.

[7] *Böhret C., Konzendorf G.* Handbuch Gesetzesfolgenabschätzung. Gesetze, Verordnungen, Verwaltungsvorschriften. Baden-Baden: Nomos, 2001.

[8] *Wintgens L.* Création d'une banque de données en "*légisprudence*" // LeGes – Législation & Evaluation / Société suisse de législation. 1992. Vol. 3. P. 91-94; *Wintgens L.J.* Legisprudence. Elements for a New Theory of Legislation // Associations. Journal for Social and Legal Theory. 1999. P. 185-209.

индивидуализма, рациональности и свободы в контексте законотворческой деятельности, изучает усиление легализма в отсутствии науки легиспруденции, анализирует такие принципы легиспруденции, как легитимность и легитимация, представительство и делегирование, юридико-техническая оценка (*legisprudential assessment*) рационального законодательства[1]. В другом своем исследовании бельгийский профессор рассматривает *легиспруденцию* как системную теорию принципов законотворчества, лежащих в основе деятельности законодателя (принципы альтернативности, нормативной плотности, временности и когерентности). Они накладывает нормативные ограничения на законодательную деятельность и формирует позицию законодателя как юридического (а не только политического) субъекта[2].

Л. Винтгенс был главным редактором одноименного научного журнала «*Legisprudence*. International Journal for the Study of Legislation» (2006 – 2011 гг.)[3], который публикует исследования по теории, философии и практике законодательства (т.н. "*legislative studies*", "*legisprudence*" или "*nomography*"), от философских дискуссий о законодательстве до высокопрактических исследований прикладного характера, направленных на обучение разработчиков законопроектов и кодификаторов, охватывая также вопросы нормотворческой техники (*drafting techniques, drafting, lawmaking*), полезность и необходимость кодификации права (*utility and necessity of codification*), эффективность и результативность до и после принятия кодекса и др.

В числе российских теоретико-исследователей легиспруденции выделим позицию *В.И. Червонюка*, который определяет ее как интердисциплинарную отрасль научного знания и сферу практической юриспруденции[4]. В перечень *элементов легиспруденции* он включает законодательную методологию (*материальная легистика*) и технику законодательства (*формальная легистика*), а также саму законодательную процедуру, подготовку и менеджмент законодательных проектов, социология законодательства и информирование о его состоянии, учение о законодательных технологиях, теория согласования интересов в законотворчестве, методология и методика артикулирования и агрегации правообразующих интересов[5].

В отличие от *легиспруденции*, рассматривающей собственно законодательный процесс в контексте теории права, оценивающей законодательство *ex post* и осуществляющей его мониторинг *ex ante*, с целью устранения причин инфляции и дефляции правовых норм[6],

---

[1] *Wintgens L.J.* Legisprudence: Practical Reason in Legislation. Ashgate, 2012.
[2] *Wintgens L.J.* Zakonoslovje // Revus. 2011. Vol. 15. P. 13-41.
[3] Журнал "*Legisprudence: Theory and Practice of Legislation*" (Изд-во "Hart Publishing", 2006–н.в.). В 2013 г. переименован в журнал «Theory and Practice of Legislation». URL: https://www.tandfonline.com/action/journalInformation?show=aimsScope&journalCode=rtpl20 (дата обращения: 01.12.2024).
[4] *Червонюк В.И.* Законодательная власть в зарубежных странах. Ч. II. Законодательные производства. М., 2012.
[5] *Червонюк В.И.* Теория государства и права: учебник. М., 2009. С. 51-53.
[6] *Шевчук П.П., Шулмане Д.* Легиспруденция – новый подход к вопросу о законотворчестве // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. №6(97). С. 14-20.

легистика направлена на результат самого легислативного (законотворческого) процесса, на законодательный акт как таковой и его текстологию.

В этом контексте *легистика* является особым видом нормотворческой юртехники и формой официального нормотворческого документоведения, занимая центральное место в парламентской подготовительной процедуре[1]. По мнению французского профессора *Р. Кабрияка,* в качестве специальной части легистики *кодистика* предоставляет возможность сделать оптимальный выбор, касающийся нескольких аспектов *составления кодекса*: выбор метода, выбор круга людей, выбор структуры и выбор содержания[2].

Как полагает профессор Швейцарской академии *Л. Мадер*, объединяя элементы науки, искусства и мастерства, *легистика* ставит в центр внимания как содержание законодательства, так и его форму[3]. В ряде исследований *легистику* определяют также как исследование правопроизводства (*learning of law-production*), направленное на уменьшение количества норм и улучшение их качества, а также уделяющее внимание легислативным техникам (*legislative techniques*)[4].

При соотношении с *легистикой, кодистика* предстает в качестве разновидности легислативной юртехники, направленной на разработку крупных законодательных тексов – кодификационных актов (*code-making legal technique*).

В свое время *Дж. Бентам* предложил наименовать «*кодификаторами*» специальную группу профессионалов по кодификационной юртехнике среди *драфтсменов* (англ. *draftsmen* – «законосоставители»), сведущих в особенностях английской законодательной техники[5]. В традиции общего права важное значение придается *лингвистическому* и иным аспектам *формальной легистики* при подготовке крупных законопроектов[6]. И этой специализированной работой с законопроектами обычно занимаются *специальные службы* или *правовые комиссии*.

Отдельные *вопросы легистики* в пространстве *стран общего права* и в контексте англосаксонской традиции кодификационных работ рассматриваются на доктринальном и нормативном (законодательном) уровнях, начиная с XIX века.

Так, технические аспекты легистики были урегулированы в британском законе “*Common Law Procedure Act*” (15 and 16 Vic., c. 76) от 30 июня 1852 г., который включал 236 статей, описывавших технические процедуры по принятию актов и внесению изменений в процессе

---

[1] Нормотворческая юридическая техника / Под ред. *Н.А. Власенко*. М., 2011; Юридическая техника: пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / Под ред. *Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко*. М., 2009.
[2] *Кабрияк Р.* Кодификации / Пер. с фр. Л.В. Головко. М., 2007. С. 288.
[3] Цит. по: *Денисов Г.И.* Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. №8.
[4] *Karpen U.* Comparative Law: Perspectives of Legislation // Legisprudence. 2012. Vol. 6 (2). P. 149-189.
[5] *Чашин А.Н.* Кодификаторы // Профессиональная карьера юриста. М.: «ДИС», 2009. С. 52-55.
[6] *Шумилов В.М.* Правовая система США. М., 2016. С. 56.

судебного нормотворчества, в порядок ведения дел и практику вынесения решений Вестминстерских судов общего права и высших судов графств Королевства[1].

Другой британский закон с элементами легистики и технико-юридических алгоритмами – Акт «*О правилах толкования*» 1978 г.[2], в котором были консолидированы с поправками основные положения прежнего Акта о толковании 1889 г. и некоторых других законодательных актов, касавшихся разработки и действия парламентских актов и других источников (*subordinate legislation*), с целью приведения в действие рекомендаций Правовых комиссий Великобритании и Шотландии.

В Канаде действует «*Руководство по разработке федеральных законов и регулирующих актов Правительства Канады*», где подробно изложены основные требования по организации законодательного процесса и правила законодательной техники (легистики)[3]. Также в Регламенте канадского парламента 2000 г. есть раздел, посвященный законодательному процессу и разъяснению сущности и этапов законотворческой процедуры, а также практике подготовки и внесения частных законопроектов (*private bills practice*). Законотворческая техника (*легистика*) здесь представлена в виде системы правил и приемов оптимального языкового оформления текстов законов и делегированных актов, а также методики придания им логической структуры и научной истинности содержания[4]. Непротиворечивость и эффективность системы законодательных актов в Канаде обеспечивается в первую очередь тем, что деятельностью по разработке законодательных актов занимаются т.н. *легисты,* специалисты законодательных служб Парламента и Министерства юстиции Канады[5].

К технико-юридическим аспектам кодификационных работ обращаются нередко в своих исследованиях по истории и практике кодификации в странах общего права. Профессор *Стивен Уайт*, исследуя специфику кодификационную процедуры, отмечает затянутость стадии «*Passing the Code*» и растянутые на годы парламентские дебаты по кодификации в законодательных органах Вестминстерского типа. «Дело в том, что такие законодательные органы не лучшим образом приспособлены для принятия кодификационного билля,

---

[1] An Act to amend the Process, Practice, and Mode of Pleading in the Superior Courts of Common Law at Westminster, and in the Superior Courts of the Counties Palatine of Lancaster and Durham, 1852. https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/15-16/76/enacted (дата обращения: 01.12.2024).

[2] Interpretation Act, 20th July 1978 // Legislation.gov.uk. URL: https://www.legislation.gov. uk/ukpga/1978/30/contents (дата обращения: 01.12.2024).

[3] A Manual of Instructions for Legislative and Legal Writing: The language of statutes; Style; Simple prohibitions; Analysis; Admission of attorneys / Ed. by *Elmer A. Driedger*, Department of Justice Canada. Ottawa, 1982. P. 167.

[4] House of Commons Procedure and Practice / Ed. by *R. Marleau, C. Monttpetit*. Ottawa – Ontario: House of Commons, 2000. 1152 p.

[5] *Кабышев С.В.* Техника правотворчества в Канаде // Юридическая техника. 2012. №6. С. 19-21; *Кабышев С.В.* Культура законотворчества в Канаде // Юридическая техника. 2016. №10. С. 136-142.

содержащего около 450 статей или более, особенно когда признается, что эта мера затрагивает личную свободу каждого непосредственно, как это происходит со сферой уголовного права»[1].

2. «***Кодистика***» в более широком, доктринально-философском и сравнительно-диахронном понимании рассматривается в единстве *доктрины, традиции и практики кодификации права и* в их соотношении с эволюцией различных правовых семей и нормотворческих культур[2].

Выработанный юристами в их интеллектуальной среде и отраженный доктринальных трудах системный образ права и теоретическая модель поддержания его системного состояния не всегда был адекватен реальности права и его действительности.

Как верно замечает *Л.И. Глухарева*, доктриной формируются *догматические модели* как логико-теоретические схемы для создания и практического использования такого положительного права, которое будет пониматься адекватно воле законодателя[3]. При этом *правовая догма о кодексе* не описывает какую-либо фактическую реальность позитивного (действующего) права, а имеет прескриптивный характер и предписывающую законодателю направленность кодифицирующей систематизации. Особая доктринальная модель «конструируется совместными усилиями ученых на основе представлений об образе юридической реальности, понимания должного в общественных отношениях и возможного в поступках людей»[4].

Доктринально-философский аспект кодистики предполагает разработку доктринальных (авторских, полуофициальных, официозных и частных) кодификационных проектов и учений о систематике юридического текста, а также включает теоретическую проработку особой техники и методологии воплощения этих концептуальных проектов в реальные акты официальной кодификации в различных традициях права и нормотворческих культурах.

Превращаясь постепенно в корпоративную традицию мыслить определёнными юридическими понятиями и категориями, *правовая догма* фиксирует устойчивые смыслы права и транслирует их через эпохи, передавая по традиции абстрактные схемы идеального правового явления и юридические лекала его систематического оформления[5].

---

[1] *White St.* The making of the New Zealand Criminal Code Act of 1893: A sketch // Victoria University of Wellington Law Review. 1986. Vol. 16. P. 371-372.

[2] См. подробнее об этом: Доктринальные основы юридической техники / Отв. ред. *Н.А. Власенко*. М., 2010.

[3] *Глухарева Л.И.* Юридическая догматика и догматическое мышление в российской доктрине права // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2017. №4(10). С. 104.

[4] *Глухарева Л.И.* Указ. соч. С. 105.

[5] *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 257; *Михайлов А.М.* Генезис континентальной юридической догматики. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 64.

Но с сравнительно-исторической точки зрения юридическое содержание правовых доктрин меняются в контексте различных правовых пространств и традиций права[1]. На содержание *кодификационной доктрины* как научной системы дефиниций, принципов и конструкций кодификации влияет сложившаяся в тот или иной период мировоззренческая юридическая картина и система взглядов профессионального юридического сообщества, превалирующий в среде юристов тип правопонимания и идеология той или иной школы права или направления юридической мысли (теолого-юридическое, естественно-правовое, юспозитивистское, историцистское, психологическое, социологическое и др.).

Кодистика права направлена на формирование доктринально-философских начал техники и методологии кодификации, конструирование концептуальных основ и теоретических моделей кодексов в контексте эволюции различных правовых традиций и исторических эпох.

Так, в ранней европейской традиции восприятие права как логической рациональной системы было обусловлено религиозной схоластической теорией и практикой ученых-юристов, возводивших в фетиш текстуальную форму римского права[2]. На этом идеализированном римско-византийском юридическом материале средневековые правоведы (*doctores juris*) давали доктринальные комментарии и выводили общеправовые максимы, глоссировали юридическую латынь и формировали общеевропейскую терминосистему, выстраивали когерентную дедуктивную систему и проводили предметную систематизацию[3].

Следуя за идеалами классической научной рациональности в континентальной традиции, юристы естественно-правовой школы XVII – XVIII вв. выработали проект «математизации» правоведения и «технологизации» юридической деятельности, спекулятивно выстроили системы права, создали «мыслительные модели – прообразы сознательно сконструированных, понятийных, законченных систем положительного права пандектистов»[4].

Юснатуралисты заложили основу для *«учёных» кодификаций* во Франции и Германии в XIX столетии[5]. Эти *идеальные модели* кодексов стали оказывать влияние на деятельность отраслевых юристов и парламентариев по созданию кодексов, претендующих на всеобъемлющее или приоритетное отраслевое правовое регулирование[6].

---

[1] *Царьков И.И.* Развитие правопонимания в европейской традиции права. СПб., 2006.

[2] *Тарановский Ф.В.* Историческое и методологическое взаимоотношение истории, догмы и политики права // Журнал Министерства Юстиции. СПб., 1907. №3(Март). С. 151-170.

[3] *Муромцев С.А.* Рецепция римского права на Западе. М., 1886; *Полдников Д.Ю.* Договорные теории глоссаторов. М., 2008; *Томсинов В.А.* О сущности явления, называемого «рецепцией римского права в Западной Европе в Средние века» // Общая теория государства и права / Отв. ред. *М.Н. Марченко*. М., 2001. Т. 2. С. 310-311.

[4] *Михайлов А.М.* Основные этапы генезиса континентальной юридической догматики // Право и политика. 2012. № 11(155). С. 1875-1884.

[5] *Покровский И.А.* Естественно-правовые течения в истории гражданского права. С. 31.

[6] *Антонов М.В.* Систематизация права: в поисках эффективности // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки. Минск, 2013. С. 65.

Как точно подметил Франц Виаккер, «кодификация есть единственное в своём роде тяжко обретённое и тяжело защищаемое творение правовой культуры на *западно- и среднеевропейской почве*». Как наиболее характерное образование европейского духа кодификация смогла отразить с особой выраженностью общественное и идейно-историческое своеобразие этой цивилизации[1].

В то же время особая модель развития права через систематизацию, выработанная европейскими юспозитивистами и историцистами с их особой ограниченной схемой правогенеза, не подходит для понимания истории англо-американской и других правовых семей. Широко известно настороженное отношение к практической реализации плана кодификации в Великобритании и ее колониях.

3. «***Кодистика***» в более инструментально-технологическом и праксеологическом контексте предстаёт как *особая методика, технология и инструментарий кодификационных работ*, которые представляют собой непрерывный цикл компиляции, рекодификации, реформирования и новеллизации нормативного правового материала в кодексах.

Будучи продуктом особой правотворческой традиции и систематизационной юридической культуры, *кодистика* включает в себя ряд устоявшихся юридико-технических правил и принципов кодификационной деятельности. По сравнению с общим процессом текущего правотворчества, процедура разработки и техника оформления *кодификационных актов* отличается высокой интенсивностью и трудозатратностью, повышенными требованиями к проектированию кодекса и его наполнению[2].

Специальное внимание этой стороне феномена кодификации уделял профессор *Реми Кабрияк*. Он посвятил целый раздел своей одноименно монографии «*Технике кодификации*», который включал четыре главы: выбор метода, выбор круга людей, выбор структуры кодекса, выбор предмета и пределов кодекса, эффективность кодекса[3].

А.Р. Нематов выделяет сходное понятие «*кодификационная техника*» как набор применимых в правотворческом процессе средств и приемов законодательной техники, результатом которой становится издание нового нормативного правового акта[4].

С *методической точки зрения* кодистика предлагает две схемы систематизаторской деятельности. Так, *внутренняя систематизация* направлена на новеллизацию и

---

[1] *Виаккер Ф.* Зарождение, расцвет и кризис идеи кодификации // ФЕМИС. Ежегодник истории права и правоведения. 2000. Вып. 1. С. 128-154.
[2] *Усенко И.Б.* Первая кодификация законодательства Украинской ССР. Киев, 1989. С. 30.
[3] *Кабрияк Р.* Кодификации / Пер. с фр. М., 2007. С. 282-463.
[4] *Нематов А.Р.* Правотворческая составляющая кодификации законодательства // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. №5. С. 30-35.

совершенствование содержания правовых норм, а *внешняя систематизация* – на оптимизацию формы и расположения нормативного материала[1]. Кодификацией также именуют инкорпорационную обработку законодательства и дифференцируют ее на «внешнюю обработку законодательства» (т.н. инкорпоративную кодификацию) и «кодификацию в подлинном ее значении»[2].

Также разграничивают два технических направления кодификационной систематизации – нисходящее и восходящее. *Нисходящая кодификация*, предполагающая движение от общего к конкретному, приводит сначала к принятию «основ законодательства» или «модельного кодекса», вслед за которыми вводятся в действие отраслевые кодексы и наконец специализированные сводные акты (квази-кодексы, укрупнённые статуты). *Восходящая кодификация* законодательства означает движение от конкретного к общему, когда происходит сначала сбор и учет разрозненных законов, которые затем инкорпорируются в сводный акт, утверждается консолидированный акт, в финале принимается кодификационный отраслевой акт и в идеале вводится всеобъемлющий «свод законов» (федеральный «суперкодекс»).

С *технологической стороной* кодистики связано такое особое понятие, как «*кодификационная нормография*», выступающая как необходимая технико-лингвистическая часть *кодистики права*.

В советский период впервые профессор *А.А. Ушаков* предложил выделить из науки о правотворчестве особую синтетическую и комплексную подотрасль под названием «*законография*», суть которой заключалась в объяснении целесообразности и рациональности правотворческой деятельности[3]. Законография должна охватывать методологические, методические и технические аспекты законотворчества, постановку, процедуру и психологию законодательного механизма, построение правовых норм, композицию (строение) законодательных актов и язык текста[4]. А.А. Ушаков также разрабатывал понятие «*законодательная стилистика*» как прикладное юридическое знание, технику и методику. Он предложил терминологический словарь законодательной стилистики: законодательное произведение (кодекс), тема, идея, проблема и композиция законодательного произведения[5].

В современной российской юриспруденции лидером мнений остается профессор *Ю.Г. Арзамасов*, который рассматривает понятие *нормографии* (*normography*) в соотношении с

---

[1] *Чашин А.Н.* Теория юридической систематизации: Монография. М., 2010. С. 27.
[2] *Ушаков А.А.* Важнейшие кодификационные работы на первой фазе развития Советского государства. Л., 1953. С. 6.
[3] *Ушаков А.А.* О законографии как науке о правотворчестве // Ученые записки Пермского университета. Вып. 5. Государство, право, законность. Пермь, 1974.
[4] *Ушаков А.А.* О науке законографии, ее содержании и задачах // Правоведение. 1975. № 4. С. 20-24.
[5] *Ушаков А.А.* Очерки советской законодательной стилистики. Пермь. 1967. См.: *Закомлистов А.Ф.* Теория законодательной стилистики профессора А.А. Ушакова // *Ушаков А.А.* Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык. М.: РАП, 2008. С. 33-48.

легиспруденцией и юридической лингвистикой (*legal linguistics*). В более общем смысле *нормография* представляет собой «систему научных знаний о проблемах, способах, принципах, правилах нормотворческой деятельности, приемах и средствах юридической техники и технологии подготовки нормативных правовых актов»[1]. Этот автор также подготовил учебно-методическое пособие по нормографии, включающей в себя теорию и методологию нормотворчества, а в ее обновленную версию добавил описание нормотворческих технологий[2].

С *методически-инструментальной стороны* кодистика права тесно соприкасается с *внешней историей законодательства* как источниковедческой дисциплиной[3], которая работает с отдельными юридическими документами и правовыми памятниками в пространственно-временном их развитии и изменении, с позиций конкретного исторического периода и места действия[4]. В историко-правовом контексте «внешняя история», в отличие от *внутренней истории права*, охватывает генезис и развитие юридических источников позитивного права (правовых памятников), «в которые облекались и в которых выражались юридические нормы народа в различные эпохи его существования»[5].

Рассматриваемая в составе *внешней истории* законодательства, *кодистика* специализируется на кодифицированных текстах с позиций изучения времени их создания и принятия, выявления предпосылок и причин, повлиявших на создание кодекса, установления уполномоченных на кодификацию органов и чиновников, определения подлинности авторских проектов и вторичности (степени заимствования) документа, влияния кодекса на систему законодательство, эффективности правореализации кодекса и инструментария его новеллизации и рекодификации, и т.д.[6]

В рамках понимания кодистики как *части внешней истории* позитивного права можно увидеть еще один смысловой оттенок этой сферы деятельности юристов, а именно соотношение ее с т.н. «*лексологией*» («наука законоведения»), которая происходит от лат. *lex* (закон, юридическая норма) и *logos* (слово), и означает учение (слово) о законе («теория

---

[1] Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. *Ю.Г. Арзамасова*. М., 2017.

[2] Нормография: теория и методология нормотворчества: учебник / Под ред. *Ю.Г. Арзамасова*. М., 2007; Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. *Ю.Г. Арзамасова*. М., 2017.

[3] *Морошкин Ф.* Ученые труды по части истории русского законодательства. М.: Университетская типография, 1835; *Тарановский Ф.В.* Предмет и задача так называемой внешней истории права // Записки русского научного института в Белграде. 1930. Вып. 1; *Ясинский М.Н.* Лекции по внешней истории русского права. Киев: Типография императорского университета, 1898.

[4] *Кодан С.В.* Формирование внешней истории российского законодательства как источниковедческого раздела отечественной науки истории права (вторая четверть XIX в.) // Антиномии. 2013. Том 13. №1.

[5] *Ельчанинова О.Ю.* Дореволюционная правовая доктрина о критериях универсальности, конкретности и классификационной структуры понятия "источник права" // Пробелы в российском законодательстве. 2016. №2. С. 4.

[6] *Ельчанинова О.Ю.* Указ. соч. С. 5.

закона/кодекса»)[1]. Термин «законоведение» широко использовался в дореволюционной науке и законодательстве Российской империи[2]. «Теории кодекса» на примере актов уголовно-правовой кодификации мы посвящаем отдельный подпарагаф данного раздела Главы диссертации.

«*Теорию закона-кодекса*» следует отличать от *юридической кодикологии*. Кодикология юридического текста (от лат. *cōdex* – кодекс, книга, и от греч. *-λογία* – знание, наука) имеет тесную связь с кодистической лексологией и внешней историей кодифицированных правовых памятников[3]. Французский историк и архивист *Шарль Самаран* предложил термин «*кодиография*» в 1934–1935 гг., который означал науку о рукописных книгах, отделенную от филологии в параллель изучению и библиографии печатных книг. Собственно термин «*кодикология*» был введен А. Дейном в книге «*Les manuscrits*» 1949 г. для обозначения изучения внешних особенностей рукописей[4]. Английский эквивалент кодикологии засвидетельствован в 1953 г.[5]

Среди специальных исторических дисциплин *кодикология*, которую часто называют «археологией книги», изучает своими собственными, присущими ей методами историю изготовления, состав и судьбу, форму и содержание книжного «кодекса»[6]. Первоначально она понималась как наука только о рукописях (папирусах, манускриптах), а позднее стала заниматься исследованием содержания и типологии книг, особых их признаков, таких как объем и формат, постраничная структура, титульные и библиографические данные, выяснением генеалогической связи между кодексами, характера миграции книг и др.[7]

Ее связанными частями могут выступать такие вспомогательные дисциплины, как *палеография* (от др.-греч. *παλαιός* – древний, и *γραφία* – письмо), изучающая древние почерки и материалы для письма, тем более что многие юридические кодексы писались на средневековой латыни и старофранцузском юридическом языке, *эпиграфика* (наука об отдельных надписях) и *маргиналистика* (наука о записях-маргиналиях, аннотациях, глоссах, заметках и знаках на полях), а также *текстология*, занимающаяся историей списков и редакций, языковыми и структурными особенностями текста, изменениями и развитием текста кодекса, историей

---

[1] *Неволин К.А.* Энциклопедия законоведения. Киев: Университетская типография, 1840.
[2] *Галузо В.Н.* От законоведения в Российской империи к лексологии в Российской Федерации // Государство и право. 2010. № 7. С. 35.
[3] *Киселева Л.И.* Кодикология, текстология, источники, взаимосвязь и проблемы // Историческое источниковедение и проблемы ВИД. СПб., 2002. С. 38-39.
[4] *del Barco J.* From the Archaeological Turn to “Codicologie Structurale”: The Concept of Codicology and the Material Description of Hebrew Manuscripts // Jewish Manuscript Cultures: New Perspectives / Ed. by *I. Wandrey*. 2017. P. 5.
[5] *Beal P.* “Codicology”. A Dictionary of English Manuscript Terminology 1450–2000. Oxford University Press, 2008.
[6] *Malachi B.-A.* Hebrew codicology: tentative typology of technical practices employed in Hebrew dated medieval manuscripts. Jerusalem, 1981; *Malachi B.-A.* Hebrew manuscripts of East and West: towards a comparative codicology. London, 1993; *Якерсон С.М.* Еврейская средневековая книга: кодикологические, палеографические и книговедческие аспекты. М., 2003.
[7] Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии / Отв. ред. *А.А. Романова*. СПб., 2004.

редактирования и реконструкции историко-правовых текстов, подготовки различных собраний и юридических коллекций[1].

Как уточняют С.М. Каштанов и Л.В. Столярова, *кодикология* занимается «установлением происхождения рукописной книги, определением истории её бытования (сделки, объектом которых она была, миграция, характер использования и т.д.), а также последующей её архивной (библиотечной) судьбы»[2].

Юридическая кодикология занимается изучением истории, использования и восприятия рукописи правового кодекса как культурного и текстового объекта, его роль в интеллектуальной истории права, его палеографические особенности и внешнее оформление, особенности структуры с морфологическим и синтаксическим измерениями, развитие кодистической практики и др.

В странах общего права кодикологические правовые исследования начинаются с изучения внешних аспектов такого раннесредневекового правового памятника, как «*Leis Willelme*»[3]. Изучению подвергались печатные и рукописные источники текстов этого англо-нормандского свода законов. Подлежали детальному описанию и краткому обсуждению внутренние характеристики кодекса, а именно предмет самих законов[4].

Подводя промежуточный итог относительно понимания категории *«кодистика права»* на основе вышерассмотренных интерпретаций (в доктринально-философском, процедурно-техническом и инструментально-технологическом смыслах), можно обозначить следующий *многоуровневый предмет* кодистики права (ее предметный комплекс), объединяющий различные аспекты *кодификационной правотворческой систематизации*: доктринальные основы и теоретическая модель кодификации, виды, формы и уровни кодификации в правовой системе, субъекты и методика проведения кодификационной процедуры, кодификационная нормография и легистика кодификационного акта, его логико-языковое наполнение и стиль изложения, внутренняя систематика и структурирование, внешнее оформление и юридическая символика акта, порядок принятия и вступления в силу кодекса, мониторинг (оценка действия) кодекса в юридической практике, техника новеллизации, рекодификации и декодификации.

---

[1] *Киселева Л.И.* Письмо и книга в Западной Европе в средние века: Лекции по латинской палеографии и кодикологии. СПб., 2003.

[2] *Каштанов С.А., Столярова Л.В.* О предмете и задачах кодикологии и её месте среди других специальных исторических дисциплин // Средневековая Русь. М., 2001. Вып. 3. С. 230-231.

[3] "*Leis Willelme*" – это первый после Нормандского завоевания сборник законов, анонимный юридический трактат XII века, написанный на французском языке с вкраплениями древнеанглийских слов. Он представляет собой важное свидетельство об английском уголовном и процессуальном праве. *O'Brien B.* Pre-Conquest Laws and Legislators in the Twelfth Century // The Long Twelfth-Century View of the Anglo-Saxon Past / Ed. by M. Brett, D. Woodman. Farnham: Ashgate, 2015. P. 229-272.

[4] *Sargent S.D.* An examination of the laws of William the Conqueror // Masters Theses. Master of Arts – History. University of Massachusetts, 1976. P. 43-44.

§ I.1.3 (B). «Кодифобия» и особенности кодификации в традиции общего права

1. *Феномен «кодифобия» в традиции общего права*[1]

По своей природе *кодификация* была задумана как ответная и быстрая реакция на непреодолимый кризис в нормативном правовом поле с избыточным множеством правовых источников и бессистемным ростом как правовых, так и квази-правовых регуляторов[2].

Выступая в роли компромиссного и технически совершенного ответа на потребность в большей определенности и формальной стабильности правопорядка, не справлявшегося со стремительной законодательного инфляцией[3], кодификация в колониях Британской империи была призвана обеспечить последовательную *рационализацию права*, согласованность и компактность законодательства метрополии (общего и статутного права), удобство его применения на местах.

В юскомпаративистике и зарубежном правоведении распространён неверный *стереотип о полном отсутствии* кодификации в странах общего права как в историко-правовом опыте, так и в действующем правовом поле стран этой семьи права[4]. В сравнительном западном праве (*comparative western law*) отсутствие кодификации в Англии часто выступает определяющим моментом контраста между английским правом и правом континентальной Европы[5]. «Если [английское] общее право что-то и означает, так это *отсутствие кодексов*, равно как и [европейское] цивильное право означает ровно кодификацию как таковую»[6].

Эти и другие контраргументы вызвали к жизни удивительное явление в профессиональном правосознании юристов общего права – т.н. «***кодифобия***» (англ. *codiphobia*)[7]. Этот термин был впервые использован профессором права Университетского колледжа Лондона *Эндрю Амосом*, бывшим членом Правовой комиссии Великобритании[8], с помощью которого он объяснял неспособность английского законодателя понять суть и природу кодификации и практически воплотить в жизнь кодификационный проект[9].

---

[1] Данный параграф основан на авторской статье: *Трикоз Е.Н.* Феномен «кодифобия» в традиции общего права // Право между Востоком и Западом. 2024. №2. С. 14-23.

[2] *Head J.W.* Codes, Cultures, Chaos, and Champions: Common Features of Legal Codification Experiences in China, Europe, and North America // Duke Journal of Comparative & International Law. 2003. Vol. 13. P. 52-88.

[3] *Кабрияк Р.* Кодификации / Пер. с фр. Л.В. Головко. М., 2007. С. 114.

[4] *Зивс С.Л.* Практика систематизации законодательства в капиталистических государствах / Отв. ред. *С.В. Боботов*. М., 1964.

[5] *Lieberman D.* The Challenge of the Codification in English Legal History / The Research Institute of Economy, Trade and Industry (Rieti, July 12, 2009). URL: https://www.rieti.go.jp/en/events/bbl/09061201.html (дата обращения: 01.12.2024).

[6] *Caenegem van R.C.* Judges, Legislators and Professors: Chapters in European Legal History. Cambridge, 1987. P. 39.

[7] *Masferrer A.* The French Codification and '*Codiphobia*' in Common Law Traditions // Tulane European and Civil Law Forum. 2019. Vol. 34. P. 1-32.

[8] *Трикоз Е.Н.* Феномен «кодифобия» в традиции общего права // Право между Востоком и Западом. 2024. №2. С. 14-23.

[9] *Amos A.* Ruins of Time, exemplified in Sir Matthew Hale's Pleas of the Crown. London, 1859. P. xvii.

Напомним, что по иронии судьбы английский термин «*codification*» (лат. *codicem facere* – «делать кодекс») концептуально вошел в юридический оборот благодаря британскому правоведу *Джереми Бентаму*. Он видел в кодификации важнейшее средство придания ясности и стройности системе отраслевого (конституционного, гражданского, уголовного и даже международного) права, прежде всего, в его родной стране[1]. В современном словаре общего права латинизм *codex* трансформировался в целый ряд вполне содержательных юридических терминов: ‘*law-code’,* ‘*codification’, ‘codifying’, ‘codificators’* и др.[2]

Но в то же время многие юристы общего права занимают *защитную, антикодистическую позицию*, как если бы кодексы представляли реальную *угрозу «духу общего права»*, были некими опасными для их традиции «монстрами», «дикими необучаемыми сущностями»[3]. Английский правовед *Р. Флойд Кларк* восклицал, что «истинная кодификация, предполагающая бесконечное знание, — это лишь дивная мечта»[4]. Сэр *Морис Амос* сокрушался, что «право Англии уже давно вышло за рамки любого нормально действующего механизма рационализации»[5].

Профессор *Х. Хало* сетовал о *невозможности* сохранения сути общего права при изменении его правовой формы через кодификацию, «так как в этом праве более, чем в других областях, форма и содержание неотделимы». Кодифицированное общее право невозможно для Великобритании, ибо в таком случае оно перестанет быть правом не только по форме, но и по своей сути[6].

По определению *Питера Гудрича*, будучи растянутым во времени процесс *кодификации* предстает в терминологии *разрыва с прошлым*, влечет за собой прерванность традиции и радикальную реформу, что по идее полностью *противоречит традиции общего права*, основанной на противоположной идее незримой правовой преемственности и длящегося во времени юридического континуитета[7].

Редактор «Британской энциклопедии» *Хью Чисхолм* по поводу *кодификации* в разных правовых культурах писал, что «это отнюдь не легкая задача ни в одной стране, но в Англии она окружена особыми трудностями. Независимый характер английского права предотвратил

---

[1] *Конвей С.* «Бентам и R.C. Van Caenegem, Judges, Legislators and Professors: Chapters in European Legal History (Cambridge, 1987), “Проджект» и изучение Бентама // История права: Англия и Россия / Под ред. У. *Батлера, В. Нерсесянца*. M., 1990. С. 225.

[2] *Hoad T.F.* Code // The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. URL: https://www.encyclopedia.com/humanities/dictionaries-thesauruses-pictures-and-press-releases/code-1 (дата обращения: 01.12.2024).

[3] *Lawson H.* A Common Lawyer Looks at Codification // *Lawson H.* Selected Essays: Many Laws. North-Holland Publishing Company, 1977 P. 48-49.

[4] *Clarke R.F.* The Science of Law and Lawmaking. New York, 1898. P. 45.

5 *Amos M.* Should We Codify the Law? // Political Quarterly. 1933. July. P. 366.

[6] *Hahlo H.* Here Lies the Common Law: Rest in Peace // Modern Law Review. 1967. Vol. 30(3). P. 241-262.

[7] *Goodrich P.* Reading the Law. Critical Introduction to Legal Method and Technique. Oxford, 1986. P. 24.

попытку сделать то, что уже было сделано для других систем, имеющих основу римского права, на которую можно было бы опереться при кодификации»[1].

Таким образом, *кодификация* вызывает много опасений среди юристов общего права. Некоторые относятся к кодексам безразлично, считая их «чуждыми и странными образованиями, связанными с традициями цивильного права», а другие признают, что кодификация на самом деле была и остается «животрепещущим вопросом» в истории англо-американского права[2].

В этом дискурсе о *кодификации в семье общего права* курсируют одинаковые аргументы *за и против кодификации*, в числе которых:

- кодекс предлагает ясное, предсказуемое и формально определенное регулирование там, где общее право расплывчато и неопределенно;

- кодекс, принятый законодателями в парламенте, похож на более демократичный по процедуре, хотя и более оторванный от реальности, чем нормы общего судебного права, субъективно разработанные и казуистично написанные судьями;

- кодекс обеспечивает доступность правового текста, в то время как общее право доступно только тем, кто обучен искусственному разуму профессионального рассуждения и сугубо юридического толкования;

- кодекс имеет особое качество приспособляемости к общему праву, и способен на регулярное обновление и включение прецедентных норм;

- контрдоводом выступает генетически заложенная и принципиальная некодифицируемость всего массива живого прецедентного права;

- кодекс своим существованием отрицает гибкость и рассудительность общего права, которое он заманивает в ловушку жестких концептуальных рамок закона[3];

- кодекс содержит общие абстракции, неопределенные понятия и расплывчатые нормы, что делает его практически бесполезным и повышает степень правовой неопределенности;

- кодекс в силу своей ригоричности устаревает уже на момент его введения, а потому он в лучшем случае бесполезен, в худшем – прямо опасен.

Противники кодификации полагают, что непосредственный эффект введения кодекса создает длительный период повышенной правовой неопределенности. «И только спустя

---

[1] *Chisholm H.* «Code» // Encyclopædia Britannica. Vol. 6 (11-е изд.). Издательство Кембриджского университета, 1911. С. 632-634.

[2] *Morriss A.P.* Codification and Right Answers // Chicago-Kent Law Review. 1999. Vol. 74. P. 355-391; *Masferrer A.* The French Codification and '*Codiphobia'* in Common Law Traditions // Tulane European and Civil Law Forum. 2019. Vol. 34. P. 2-4.

[3] *Anton A.E.* Obstacles to Codification // Juridical Review. 1982. P. 15-30.

десятилетия, после того как кодекс покроется толстой коркой прецедентного права, прежняя степень правовой определенности (или неопределенности) будет восстановлена»[1].

Как заметил сэр *Лесли Скарман*: «Это правда, что кодекс начинает устаревать и костенеть, как только он вступает в силу. Но если существует механизм его непрерывного пересмотра, кодекс становится не последним, а лишь *первым этапом* кодификации»[2].

Историческое *сопротивление кодификации* в рамках традиции общего права отразилась в неспособности *теории закона* разработать анализ, который был бы стол чувствителен к особенностям общего права и статутной легистики, что смог бы обосновать реальную возможность кодификации как средства упрощения, обновления и систематизации права. Вместо этого все усилия были сведены к широким обобщениям по поводу уникальности традиции общего права и его принципиальной *некодифицируемости*[3].

Неоднократный провал *проекта кодификации* в нововременной Англии и современной Великобритании, в отличии от ее бывших колоний и доминионов, наводило исследователей на очевидную мысль, что английское общее право *генетически неспособно* к такому правовому скачку в виде *радикальной кодификации*[4]. Оно будто застыло в своем досовременном, неупорядоченном и весьма анахроничным состоянии, лишенном формально определенных ясных конструкций и фиксированных правовых институтов, зациклилось на необъяснимо затянувшейся привязанности к магическому ритуалу принятия судебных решений по живым нормам общего права[5].

Метафорично выразилась профессор *Барбара Шапиро*, отметив, что там где возникают «настоящие» кодификационные движения (*"true" codification*), как, например, было в требованиях радикальных сект Английской революции XVII в.[6], или в колониальном Массачусетсе в США[7], либо же в американских кодексах Филда XIX в.[8], такие кодификации рассматриваются исключительно как чуждые, произрастающие из религиозного, радикального или бентамитского основания, и потому существенно противоречащие «величественному движению общего права»[9].

---

[1] *Hahlo H.R.* Here Lies the Common Law: Rest in peace // Modern Law Review. 1967. Vol. 30. P. 249, 253.
[2] *Scarman Leslie.* A Code of English Law? // Hull University, 1966.
[3] *Farmer L.* Reconstructing the English Codification Debate... P. 7.
[4] *Shapiro B.* Codification of the Laws in Seventeenth-Century England // Wisconsin Law Review. 1974. № 2. P. 428-465.
[5] *Farmer L.* Reconstructing the English Codification Debate... P. 4.
[6] *Nourse G.B.* Law Reform under the Commonwealth and Protectorate // L.Q.R. 1959. Vol. 75. P. 512-529; *Cotterell M.* Interregnum Law Reform: The Hale Commission of 1652 // Eng. Hist. Rev. 1968. Vol. 83. P. 689-704; *Shapiro B.* Law Reform in Seventeenth Century England // The American Journal of Legal History. 1975. Vol. 19, No. 4. P.280-312.
[7] *Haskins*, Codification of the Law in Colonial Massachusetts: Study in Comparative Law // Ind. L.J. 1954. Vol. 30. P. 1; *Haskins & Ewing*, The Spread of Massachusetts Law in the Seventeenth Century // U. Pa. L. Rev. 1958. Vol. 106. P. 413.
[8] *Cook C.M.* The American Codification Movement: A Study of Antebellum Legal Reform. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1981. P. 191-192.
[9] *Shapiro B.* Codification of the Laws in Seventeenth Century England // Wisconsin Law Review. 1974. P. 428.

Но при этом, как верно заметила *Линдси Фармер*, профессор Университета Глазго, *кодификация права* часто признается чуждой именно английской правовой традиции, но *не всей* традиции общего права[1].

По инерции и в угоду стереотипам в научной литературе рисуется *слабая фигура кодификации*, предстающая в образе некоего *призрака*, незримо преследующего на протяжении всей истории развитие как общего права в целом, так и уголовного права в англосаксонской традиции.

Французский компаративист *Рене Давид* вторит этому стереотипу, отмечая, что хотя в различных странах общего права и была «проведена кодификация по французскому образцу (в США или Индии), принятые кодексы не стали такой же правовой базой, какой являются на континенте наполеоновские кодексы… Американские кодексы неидентичны европейским. Их и толкуют иначе. В кодексах видят просто *плод консолидации*, более или менее удачной, а не основу для выработки и развития нового права, как в странах романо-германской правовой системы. Презюмируется, что законодатель хотел воспроизвести в кодексе прежние нормы, созданные судебной практикой»[2].

С некоторой неохотой любой, кто пишет в контексте англо-американской правовой традиции, всё же поднимает вопрос о *необходимости кодификации* и указывает на ее важность и эффективность, хотя этот вопрос обсуждается довольно бегло и в ограниченных рамках, с определенной долей усталости от темы[3].

2. *Юристы общего права между кодификацией и консолидацией*

В Великобритании политико-идеологическое движение за кодификацию в повестке дня и научные дебаты по досовременным кодексам (*pre-modern codes*) начались довольно рано[4]. Отправной точкой восприятия идеи кодификации стал 1549 г., когда от «*коммонеров*» впервые поступило предложение разработать совместно обеим палатам парламента «кодекс, содержащий одновременно нормы статутного и общего права»[5].

Как верно подмечает *Маркус Д. Даббер*, историки и компаративисты, изучающие англо-американское уголовное право, традиционно мало пишут об уголовно-правовой кодификации, что особенно поразительно в свете продолжающихся с конца XVIII века усилий по

---

[1] *Farmer L.* Reconstructing the English Codification Debate: The Criminal Law Commissioners, 1833 – 45 // Law and History Review. 2000. Vol. 18, No. 2. P. 1-2.
[2] *Давид Р.* Основные правовые системы современности / Пер. с фр. и вступ. ст. *В.А. Туманова*. М., 1988. С. 306, 378.
[3] *Masferrer A.* Defense of the Common Law against postbellum American Codification: Reasonable and Fallacious Argumentation // American Journal for Legal History. 2008-2009. Vol. 50. P. 355.
[4] *Pound R.* Codification in Anglo-American Law // The Code Napoleon and the Common-Law World / Ed. by Schwartz. P. 267-268.
[5] *Shapiro B.* Codification of the Laws in Seventeenth Century England // Wisconsin Law Review. 1974. P. 429.

кодификации не только в Англии и Соединенных Штатах, но также в Австралии, Канаде и Индии [1].

В семьи общего права сложилось специфическое *учение о кодификации* в его локальной специфике. Появление самого этого направления мысли диктовалось необходимостью объяснить *непрерывное усложнение* судебного и рост статутного права, в котором множились противоречивые прецеденты и законы, пытающиеся с большим или меньшим успехом сосуществовать в едином правовом пространстве метрополии и ее колоний[2].

В связи с этим англосаксонский научный дискурс о кодификации начинался с оригинальных *доктринальных оценок* отдельных авторов и сложился в теоретическое учение о кодификации, у истоков которого были *Джереми Бентам, Джон Остин* и *Джеймс Ф. Стифен*. До них если и осуществлялась практическая проработка кодификации и решение проблемы систематизации, то лишь с точки зрения внешней ревизии статутов и их инкорпорации. И даже это можно поставить в заслугу исключительно частным лицам и их неофициальным кодификациям (доктринальным проектам кодексов, сводов и дигест), которые они пытались продвигать в форме биллей через парламент метрополии или ее колоний.

В Великобритании с начала XIX века кодификация становится предметом *ожесточенных дебатов*, особенно в отношении уголовного права[3]. Теоретическая дискуссия и попытки законодательной кодификации перекинулись на колонии в США, Австралии, Канаде, Индии и других частях Британской империи[4]. Правотворчество колоний в тот период было сконцентрировано вокруг *модификации английского права* и его систематизации посредством *ревизии*, *консолидации* и частичной кодификации, главным образом уголовного права и процесса. Было обычным делом провести сначала *ревизию и техническую инкорпорацию*, в условиях нехватки профессионально подготовленных юристов, отсутствия правовой литературы и колониального узкого взгляда на правовую реформу.

Ревизия права предполагала издание лишь официальных сборников из ранее действовавших собраний законов и состояла в исключении всех уже отмененных нормативных актов или их частей, могла вносить незначительные изменения в преамбулы к ранее принятым актам, изымать из републикаций даты вступления в силу актов, перекрытых новым

---

[1] *Dubber M.* The Historical Analysis of Criminal Codes // Law and History Review. 2000. Vol. 18(2). P. 433-440.
[2] *Talion D.* La codification dans le système de Common Law // Droits. 1998. № 27. P. 39-40.
[3] *Trowbridge H.F.* English Criminal Law Reform During and After the Napoleonic Wars // Anglo-American Law Review. 1978. Vol. 7. P. 243-270; *Cross R.* The Reports of the Criminal Law Commissioners (1833-49) and the Abortive Bills of 1853 // Reshaping the Criminal Law / Ed. by *P.R. Glazebrook*. London: Stevens & Sons, 1978. P. 5-20.
[4] *Friedman M.L.* Codification in the Commonwealth: Earlier Efforts // Criminal Law Forum. 1990. Vol. 2. P. 144-160.

законодательством, и т.п. Изданные в результате такой ревизии собрания законодательства обычно назывались «*пересмотренными статутами*»[1].

В условиях позднего колониализма и его преодоления началась *унификация* структуры права и юридической практики, в ходе которой стали активнее и смелее использовать *кодификационный проект реформы*[2].

В США дебаты о возможности кодификации права возникли в XIX веке: сторонники общего права, сторонники правовой свободы и гибкости, и сторонники системы цивильного права, кодификации, жесткости и определенности[3].

Значительную роль в дискуссии сыграли доводы и проекты юриста *Дэвида Дадли Филда* (1805–1894). Как он сам полагал, «американский народ должен иметь свои законы в четырех или пяти карманных томах, по тем же причинам, по которым французский народ имеет свои собственные кодексы»[4]. Подготовленные им к 1850 г. авторские проекты ГК и ГПК (*the Field's Code*) были приняты с некоторыми изменениями в более чем 20 штатах[5]. Также в 1857 г. Филд возглавил Комиссию по кодификации законов штата Нью-Йорк. Затем был подготовлен проект УК 1865 г., ошибочно приписываемый только Филду[6], хотя он был составлен в соавторстве с другим членом Комиссии, экс-прокурором штата Уильямом К. Нойесом[7]. Данный проект УК Нью-Йорка послужил *моделью* для законодательных кодексов 18 штатов, включая его родной штат Нью-Йорк, где он был утверждён в 1881 г. Он также стал доктринальной основой для уголовно-правовой и процессуальной реформы в Великобритании, Британской Индии и других колониях[8].

Наиболее антагонистический подход к *кодификации по модели Филда* был отражен в работах Дж.К. Картера и Р.Ф. Кларка[9], что можно условно сравнить с немецкими дебатами по кодификации между А. Тибо и Ф.К. фон Савиньи[10]. Предрасположенность американцев к французской модели кодексов, отличавшейся систематичностью и лаконичностью, была

---

[1] *Касаткина Н.М.* Систематизация законодательства в странах Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда) // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. 1977. Вып. 9.

[2] *Cook M.* The American codification movement: a study of antebellum legal reform. 1981.

[3] *Cook Ch.M.* The American Codification Movement, A study of Antebellum legal reform. Wesport, Connecticut, 1981. P. 96-120; *Head J.* Codes, Cultures, Chaos, and Champions: Common Features of Legal Codification Experiences in China, Europe, and North America // Duke Journal of Comparative & International Law. 2003. Vol. 13. P. 52-88.

[4] *Field D.D.* Reasons for the Adoption of the Codes // Speeches, Arguments, and Miscellaneous Papers / Ed. by A.P. Sprague. 1884. Vol. 1. P. 372, 377.

[5] *Börner Ch.* Kodifikation des Common Law: der Civil Code von David Dudley Field // Reihe: Zürcher Studien zur Rechtsgeschichte. Band 46. Zürich, 2001.

[6] The Penal code of the State of New York (State) / Ed. by *Field D.D., Noyes W.C., Bradford A.W.* Albany, Weed, Parsons, 1865. 651 p.

[7] *Kadish S.H.* The Model Penal Code's Historical Antecedents // Rutgers Law Journal. 1987. Vol. 19. P. 521-538.

[8] *Morriss A.P.* Codification and Right Answers // Chic-Kent Law Review. 1994. Vol. 74. P. 355.

[9] *Carter J.C.* The Proposed Codification of Our Common Law (1884); *Carter J.C.* Argument of James C. Carter in Opposition to the Bill to Establish a Civil Code Before the Senate Judiciary Committee (1887); *Clarke R.F.* The Science of Law and Lawmaking 1898; *Clarke R.F.* The Code Napoleon // American Law Review. 1920. Vol. 54. P. 391-395.

[10] *Reimann M.* The Historical School Against Codification: Savigny, Carter, and the Defeat of the New York Civil Code // American Journal of Comparative Law. 1989. Vol. 37. P. 95-110.

следствием революционного наследия франкофилии президентства Т. Джефферсона и антипатии к английским законам и институтам с их объемным и неупорядоченным характером[1].

Так, известно, что среди американских юристов существовала глубокая *антипатия к Бентаму* и соответственно к его модели кодификации, а некоторые из них заявляли, что любая ассоциация Бентама с кодификацией становится «серьезной рекламной помехой», что он «настолько безумен, …что его надо держать на хлебе и воде до …некоторой терпимой меры здравого смысла»[2].

Судья Верховного суда *Оливер Уэнделл Холмс* (1841–1935) в своей статье «*Кодексы и принципы организации права*»[3] показал, что *кодекс* в традиции общего права – это соединённые воедино, обобщённые в удобную форму и систематизированные принципы и судебные доктрины. Кодекс не является научной фантазией юристов или логическими измышлениями законодательного органа, он принимается в форме парламентского закона и формирует реальную практику. При этом его содержание «не только уже давно сложилось из жизни сообщества юристов и благодаря деятельности судов, но и по-прежнему в подавляющей части остаётся в их суверенном ведении»[4].

Далее *О. Холмс* уточнял, что «*кодекс* выработан и написан фразами, санкционированными судами, или тщательно проверен правовыми комиссиями… Судебное право не кажется частью права в каком-либо другом смысле, нежели тот, который придаётся парламентарному праву… Если [судебное право] переходит в форму кодекса или свода типа *corpus juris*, то это происходит только для практического удобства юристов, и он займёт, естественно, отдельное место [в системе права]»[5].

В *австралийских колониях* систематизация местного права проводилась в двух формах: официальное опубликование актов правотворчества, размещенных в хронологическом порядке («*первичная инкорпорация*»), и целенаправленное упорядочение источников права, основными приемами которого выступали *консолидация и ревизия*.

Австралийский правовед *Д. Беннетт*, анализируя реформу права 1867 г. в колонии Квинсленда и различные компиляции статутного права, назвал их «*консолидацией*». Но не совсем в классическом ее смысле, когда существующий *корпус права* периодически и критически пересматривается в рамках конкретных предметов регулирования, а затем

---

[1] *Masferrer A.* The French Codification and '*Codiphobia*' in Common Law Traditions // Tulane European and Civil Law Forum. 2019. Vol. 34. P. 12.
[2] *Miller P.* The Life of the Mind in America. P. 23; *Cook Ch.* American Codification Movement. P. 74.
[3] *Holmes O.W.* Codes, and the Arrangement of the Law // The American Law Review. 1870. Vol. 5(1).
[4] *Лесив Б.В.* Правовой реализм: доктрина Оливера Холмса о судебном правотворчестве: Дис. …канд. юрид. наук. М., 2022. С. 221-222.
[5] *Holmes O.W.* Codes, and the Arrangement of the Law… Цит. по: *Лесив Б.В.* Указ. соч. С. 222.

обязательно инкорпорируется и издается в виде отдельного статута[1]. В Квинсленде *консолидация* предполагала процесс, в ходе которого устаревший или лишний (нерелевантный) материал технически исключался из корпуса статутного права, а изменения к отдельным актам инкорпорировались в их *репринтерные версии*.

Среди авторов доктринальных работ по австралийской кодификации выделим профессора Мельбурнского университета В.Е. Херна и главу Верховного суда Австралии С. Гриффита. Профессор *В.Е. Херн* в 1880-е гг. развернул в австралийских колониях теоретическое обоснование необходимости и процедуры систематизации права, включая *кодификация уголовного права*. Он также был автором ряда работ по аналитической юриспруденции и законодательной технике кодексов[2]. В группе важных имен доктринёров, поддерживавших кодификационное движение в Австралии, были и такие юристы, как Дж. Салмонд, Г. Патон и Э. Кэмпбел[3].

По мнению австралийского правоведа *А.С. Кастлеса*, *консолидация* права предполагает «модернизацию и инкорпорацию в смысле объединения всего массива правового материала по отдельным предметным блокам – консолидированным статутам»[4]. Это технический процесс сведения статутного материала (*reducing*) в систематизированный сборник, посвященный тематически определенной проблеме или отрасли права, с обязательным исключением повторений и противоречий между отдельными элементами консолидированного акта. Создаваемый по итогу *консолидированный акт* объединяет ряд ранее изданных парламентом законов без внесения в них каких-либо существенных изменений, хотя при его издании могут быть осуществлены дополнения либо проведена ревизия, предполагающая редакционное и сугубо техническое изменение ранее изданных актов[5].

Другой австралийский правовед *Дж. Баалман* объясняет, что при *кодификации* права, с одной стороны, «изданный акт допускает *правовой континуитет*, когда соответствующие нормы общего права продолжают применяться, а с другой стороны, статут, например, *Уголовный кодекс Квинсленда* 1899 г., направлен на замену полностью соответствующего общего права с целью сохранить значение источника права только за данным Кодексом»[6]. *Баалман* считает, что термин «*кодификация*» означает «систематическую замену общего права статутами», и отмечает, что «кодификация или любая другая инкорпорация в форме издания

---

[1] *Bennett D.* Historical Trends in Australian Law Reform // University of W.A. Law Review. 1969. Vol. 9. P. 219.
[2] *Hearn W.E.* Theory of Legal Rights and Duties: An introduction to Analytical Jurisprudence. Mealburne, 1883.
[3] *Davidson A.* Op. cit. P. 140-141.
[4] *Castles A.S.* Op. cit. P. 445.
[5] *Муромцев Г.И.* Указ. соч. С. 128.
[6] *Baalman J.* Outline of law in Australia. Sydney, 1955. P. 13.

одного статута сами по себе не предполагают внесения изменений в право – это лишь техническая мера, изменение источников права»[1].

Австралийский профессор *М. Харрингтон* подчеркивал высокий статус кодифицированных актов, уточняя, что «*кодекс* – это статут, который объединяет всё изданное право (акты парламента и делегированное законодательство) и всё прецедентное право по соответствующему предмету регулирования. И хотя *кодификация права* является характерной чертой европейских правовых систем и США, но тем не менее некоторые австралийские штаты приняли свои *уголовные кодексы*, например, Квинсленд, Тасмания и Западная Австралия»[2].

Весьма теоретично и обобщенно сэр *Лесли Скарман* сформулировал англосаксонскую дефиницию «*кодификации права*»: «это настоящий законотворческий процесс, а не просто побочная выгода, полученная в результате другого процесса – вынесения судебного решения. Кодификация обеспечивает изучение, исследование, консультации, планирование – всё необходимое для *упорядоченного развития права*: оно предвидит будущие события, а также возвращается к достижениям прошлого. Кроме того, в английском [и австралийском] контексте это процесс, который позволяет голосу непрофессионала быть услышанным в процессе законотворчества»[3].

Особо подчеркнем лидирующее мнение главного вдохновителя-теоретика и практика кодификационного движения в Британской империи XIX в., ученого-правоведа *Дж.Ф. Стифена*: «При составлении *Свода законов* той или иной отрасли права, состоящего отчасти из статутов, а отчасти из общего права, *надлежащий порядок* состоит в том, чтобы при объединении статутов учитывать не только их положение по отношению к какой-либо конкретной теории или системе, но и их историю; а также при *кодификации общего права*, с тем чтобы привести результаты существующих судебных решений и других инстанций в наиболее удобную и *систематизированную форму*, какую только можно придумать, но при этом позаботиться о том, чтобы не нарушить осуществление судебного усмотрения (или, другими словами, *эластичность общего права*) в тех случаях, когда оно все еще может быть необходимо»[4].

3. *«Миф о континентальном кодексе» в традиции общего права*

Ошибочно представлять французскую кодификацию как модельный кодекс для юрисдикций цивильного права или модель метода кодификации в западной правовой традиции в целом. Профессор Мельбурнского университета *М. Вранкен* в монографии «Западные

---

[1] *Baalman J.* Op. cit. P. 12.
[2] *Harrington M.* The Guide to Government Publications in Australia. Canberra, 1990. P. 52.
[3] *Sir Leslie Scarman.* A Code of English Law? / Hull University, 1966. Цит. по: *Zander M.* The Law-Making Process. 2004. P. 485-486.
[4] *Stephen J.F.* The Criminal Code (1879) // The Nineteenth Century – A Monthly Review. 1880. Vol. vii. P. 136-160.

правовые традиции: сравнение цивильного и общего права» исследует компаративистский *феномен кодификации*[1]. Как он замечает, континентальные кодексы строго следовали идее Просвещения о реализации систематической, абстрактной и самодостаточной формы кодекса, которая максимально полно будет разрешать все возможные вопросы и коллизии в отдельных отраслях права.

Европейские законодатели и сегодня стремятся сохранить идею таких кодексов. Так, во Франции с 1989 г. Высшая комиссия по кодификации подготовила к введению в действие новые кодексы и провела рекодификацию прежних Наполеоновский кодификаций.

Профессор Кембриджского университета *Матиас Симс* указывает на значительную разницу между моделью *кодификации общего права* и кодексами *цивильного права*, возникшими в XVIII – XIX вв.[2] Если *традиция общего права*, которая приравнивает само право к сумме решений суда, построена вокруг фактов и опирается на эксперименты или фактические события, то *традиция цивильного права* рассматривает право скорее как науку и общую теорию, предшествовавшую событиям правовой жизни[3].

В отличие от традиции общего права, в континентальной семье право возникает посредством *собирания* законодателем всех законов в правовые своды и кодексы, а сама римская или цивильная традиция права построена вокруг *концепции кодекса* и систематического свода законодательства[4].

Профессор *Ева Штайнер* полагает, что целый ряд юристов общего права весьма близоруко воспринимают кодификацию как сугубо «идеологическое предприятие, уходящее корнями в *наполеоновскую Европу*», и потому появился *миф о недостижимом идеале* совершенного Кодекса Наполеона, что обусловило приостановление проектов кодификации в ряде стран[5]. Кодекс Наполеона, в котором гражданское право Франции было помещено в 2281 параграф, каждый «примерно длиной в библейский стих», ярко контрастировал с английской традицией кодификации[6].

Своеобразная «*мифологема кодификации*» и идеологические заблуждения состояли в том, что «стандартом кодекса» может быть только Наполеоновский ГК. Многие юристы общего

---

[1] *Vranken M.* Western Legal Traditions: A Comparison of Civil Law & Common Law. Federation Press, 2015. P. 16-20.
[2] *Siems M.* Comparative Law. Law in Context. Cambridge University Press, 2022. P. 50-51.
[3] *Wagner W.* Codification of Law in Europe and the Codification movement in the Middle of the Nineteenth Century in the United States // St. Louis University Law Journal. 1952-1953. Vol. 2. P. 335.
[4] *Bercea R.* Le paradoxe de la codification européenne // SUBB Jurisprudentia. 2008. P. 66-68.
[5] *Steiner E.* Codification in England: The Need to Move from an Ideological to a Functional Approach – A Bridge too Far // Statute Law Review. 2004. Vol. 25(3). P. 209-215.
[6] *Cook Ch.M.* The American Codification Movement: A Study of Antebellum Legal Reform. Greenwood Press, 1981. P. 71.

права не могут себе представить возможность кодификации без него: «для англичан идеальной моделью кодекса является Кодекс Наполеона»[1].

Вопрос о несхожести английской и европейской модели кодификации изучил французский цивилист *Пьер Легран*[2]. Он полагал, что англосаксонские юристы до сих пор не могут избавиться от «континентальной» печати или штампа ("*Continental stamp*"), и рассматривают «континентальную» или «наполеоновскую» кодификацию в поисках модели для семьи общего права. Однако, этот кодекс как пережиток авторитарного мира Наполеона, «наследие упрощенной и механистической вселенной позитивистов», должен уйти в прошлое[3]. Нельзя отрицать полезности других «континентальных» кодексов, которые также можно считать «образцовыми» для восприятия (немецкий BGB, голландский, швейцарский, итальянский кодексы[4] и др.).

Другой француз *Жан Луи Бержель*, рассматривая основные особенности и методы кодификации глазами континентального юриста, приходит к выводу, что традиции общего права не могут приступить к кодификациям, если они не соответствуют «*континентальной модели*», как если бы «не было другого способа правильно кодифицировать»[5].

Рассматривая страстную дискуссию между юристами общего права по проблеме кодификации, испанский профессор Университета Валенсии *Анисето Масферрер* констатирует, что она закончились без согласия по поводу *понятия кодификации*, и англосаксонские юристы так и не могут до сих пор отделаться от «континентальных» типовых кодексов[6].

Немецкий компаративист *Х. Кётц* выделил специфику *английской модели кодификации* в контексте сравнения с континентальной традицией кодификации: во-первых, кодификация в Англии не должна быть аналогичной в той или иной степени тому, что происходит на континенте; во-вторых, континентальные кодексы основаны на ряде специфических и единообразных характеристик; в-третьих, законодательство Англии, следующее какому-то паттерну или модельному своду, чуждо не только английской парламентской практике, но и духу общего права (*spirit of common law*)[7]. С. Герман выделяет ряд отличительных черт континентальных цивильных кодексов в сравнении с юрисдикциями общего права[8]. По мнению

---

[1] *Tallon D.* La Codification dans le Système de Common Law // Revue Droits 1998. Vol. 27. P. 39-40.
[2] *Legrand P.* European Legal Systems are not Converging // International and Comparative Law Quarterly. 1996. Vol. 45. P. 52-55.
[3] *Legrand P.* Against a European Civil Code // Modern Law Review. 1997. Vol. 60. P. 44-59.
[4] *Cadoppi A.* The Zanardelli Code and Codification in the Countries of the Common Law // JCULR. 2000. Vol. 7. P. 116-190.
[5] *Bergel J.L.* Principal Features and Methods of Codification // Louisiana Law Review. Vol. 48, No. 5. 1988. P. 1073-1075. https://digitalcommons.law.lsu.edu/lalrev/vol48/iss5/3
[6] *Masferrer A.* The Passionate Discussion among Common Lawyers about postbellum American Codification: An approach to its Legal Argumentation // Arizona State Law Journal. 2008. Vol. 40. P. 173-201.
[7] *Kötz H.* Taking Civil Codes Less Seriously // Modern Law Review. 1987. Vol. 50. P. 1-15.
[8] *Herman S.* The Fate and Future of Codification in America // American Journal of Legal History. 1996. Vol. 40. P. 427-432.

Г. Вайса, в отличие от европейской кодификации, в системах общего права *кодификация* – это процесс преобразования права, принятого судьями, и *консолидации* его в статутное право[1].

Несмотря на отрицание неоспоримого распространения кодификации повсюду в мире общего права[2], некоторые юристы продолжают вносить свой вклад, пытаясь «защитить *общее право* от любой схемы кодификации, которая могла бы смести их собственную правовую традицию»[3].

Юристы общего права, как правило, противопоставляют материальной кодификации (*substantive codification*), которая исторически связана с «континентальной моделью», свою «административную» кодификацию (‘*administrative’ codification*), которая больше похожа на консолидацию общего права (*common law consolidation*) или ***квази-кодификацию***[4]. Они выбирают между т.н. *широкой консолидацией* и *субкодификацией*, направленной на более узкий круг правоотношений и приводящей к изданию *суррогатов,* или гибридных кодексов[5].

Англосаксонские правоведы разграничивают кодификацию и иные *формальные средства систематизации* права (*formal means of systemization*), которые направлены на то, чтобы улучшить доступность, понятность, ясность и предсказуемость права (*accessibility, intelligibility, clarity and predictability of the law*). При этом они отдают предпочтение развитию прецедентного через ограниченное законодательное вмешательство, *консолидирующее* существующие правовые нормы. Вместо континентально-европейской модели кодификации они чаще прибегают к *статутной консолидации* общего права (*common law statutory consolidation*), что можно наблюдать в современных странах Содружества Наций (Великобритания, Новая Зеландия, Австралия, Канада и др.)[6].

В середине XX века под давлением кодификационного дискурса и историко-философского бэкграунда западной традиции права были предприняты некоторые *практические шаги* в самой Великобритании. Так, был принят *Акт о Правовой комиссии Великобритании* 1965 г., среди главных целей которой обозначено «систематическое развитие и реформирование английского права», включая «последовательную *кодификацию*, отмену

---

[1] *Weiss G.A.* The Enchantment of Codification in the Common Law World // Yale Journal of International Law. 2000. Vol. 25. P. 435.
[2] *Donald B.* Codification in Common Law Systems // The Australian Law Journal. 1973. Vol. 47. P. 47-50.
[3] *Masferrer A.* Tradition and Foreign Influences in the 19th-century Codification of Criminal Law. Dispelling the Myth of the overall French Influence in Europe and Latin America // The Western Codification of Criminal Law: The Myth of its Predominant French Influence Revisited. Dordrecht, Heidelberg; London-New York: Springer, 2018. P. 3-50.
[4] *Tallon D.* Codification and Consolidation of the Law at the Present time // Israel Law Review. 1979. Vol. 14. P. 1-3.
[5] *Stoljar S.J.* Codification and the Common Law // Problems of Codification / The Australian National University. Canberra, 1977. P. 1-15.
[6] *Giliker P.* Codification, consolidation, restatement? How best to systemise the modern law of tort // International & Comparative Law Quarterly. 2021. Vol. 70(2). P. 271-305.

устаревших и ненужных законодательных актов, устранение аномалий в праве, упрощение и модернизация права в целом»[1].

Лорд Уилберфорс, выступая в Палате лордов в 1965 г., указывал на значимость выделения общих положений и принципов: «Представляя судам законодательство, составленное в простой форме с *определением общих принципов*, мы можем вернуть судьям то, что они потеряли много лет назад, к их великому сожалению; задача интерпретировать закон в соответствии с принципиальными нормами и правилами, а не мучительно пробираться сквозь джунгли детального и сложного законодательства. Поэтому я считаю, что разумно осуществленный *процесс кодификации* возродит дух общего права, а не будет противодействовать ему»[2].

Однако, законодательно закреплённое определение *кодификации* было быстро воспринято как «дикий лев» или опасный «монстр», угрожающий выживанию английского права (“*monster” threatening the survival of English law*)[3].

В статье профессора Университета Йоханнесбурга *Х.Р. Хало* под названием «Здесь лежит общее право: покойся с миром», он сокрушался, что «не существует внутренней причины, почему кодифицированная система права должна быть лучше, чем некодифицированная... Но в праве не бывает ничего просто так. И за кодификацию законодательства страны необходимо платить, а цена будет высока», включая «отмену самого судебного права»[4]. Признавая только две возможные *модели кодификации* – французскую и немецкую, Хало размышлял о возможностях *кодификации общего права*, когда она будет по образцу континентальных кодексов (*model of continental codes*) включать общую часть из систематизированных определений и принципов права. Другие английские юристы отличали французскую кодификацию от иных моделей кодексов, как более подходящих для традиции общего права.

Собственно идея о том, что составление и функционирование кодекса общего права (*common law code*) может быть эффективнее, чем цивильного кодекса (*civil law code*), была подчеркнута *Джереми Бентамом* в книге «Элементы юриспруденции»[5]. Его современник профессор *Энтони Хаммонд*, исследуя предрассудки и заблуждения в отношении кодификации, упоминал, что *противники кодексов* среди англосаксонских юристов апеллируют к их неполноте регулирования и относительной неопределенности, как это видно на примере Наполеоновских кодексов. По его мнению, рост дебатов вокруг последних был вызван

---

[1] The Law Commissions Act 1965, s. 3 (1). *Cretney S.M.* The Law Commission: True Dawns and False Dawns // The Modern Law Review. 1996. Vol. 59, no. 5. P. 631-657.

[2] H.L. Deb. Vol. 264, col. 1175-1176 (April 1, 1965). Цит. по: *Kötz Hein*. Taking Civil Codes Less Seriously // The Modern Law Review. 1987. Vol. 50. P. 1.

[3] *Masferrer A.* The French Codification and ‘*Codiphobia*’ in Common Law Traditions // Tulane European and Civil Law Forum. 2019. Vol. 34. P. 10.

[4] *Hahlo H.R.* Here Lies the Common Law: Rest in Peace // The Modern Law Review. 1967. Vol. 30 (3). P. 241, 253-255.

[5] *Bentham J.* Elements of Jurisprudence, being selections from Dumont’s Digest of the Works of Bentham / Transl. by Th.D. Ingram; ed. by W. Neilson Hancock. Dublin, 1852. P. 33.

наличием в них общих выражений и *абстрактных дефиниций*, требующих судебного толкования и широкого усмотрения судей. То же самое может сыграть на руку Англии, поскольку обладает более богатой традицией обычно-правовой и судебной интерпретации, и потому находится в лучших условиях для кодификации своего права[1]. Им вторил *Шелдон Амос*, сторонник кодификации, который резко критиковал французскую модель[2].

Но до сих пор проекты британской Правовой комиссии пока не увенчались практическим успехом в плане принятия реально действующих кодексов. В 1972 г. она приостановила работу над *Кодексом договорного права* и решила применить секторальный подход субкодификации (*topic-by-topic approach*)[3]. Дж. Фаррар описал причины провала «*Кодекса МакГрегора*» в своей книге «Правовая реформа сегодня»[4], указав на оппозицию со стороны Правовой комиссии Шотландии, вышедшей из проекта кодификации в 1971 г.[5]

Р. Гофф заметил, что юристы общего права предпочитают проводить *консолидацию* по вопросам гражданского права, в отличие от сферы публичного права с его кодифицированными конституциями и *уголовными кодификациями*, и склонны избегать больших и абстрактных статутных обобщений (*statutory generalisations*) в пользу принципов и конструкций, выведенных из конкретных дел и практики по частному праву[6].

В *постколониальный период* разные юрисдикции общего права, включая саму Великобританию, демонстрируют всё более растущую *готовность к кодификации*, а также тенденцию отхода от соблюдения *stare decisis*, сковывавшего общее право и сделавшего его непригодным для кодификации. На контрасте с этим континентально-правовые юрисдикции не показывают столь же яркой тенденции к декодификации законодательства и признанию судейского нормотворчества[7].

§ I.1.3 (C). Теория уголовного кодекса и уголовно-правовая кодистика в общем праве

Начнем с описания *теории закона* и встроенной в нее *теории кодекса* с разъяснением этимологии термина “*code*”, выделим формально-юридические признаки кодекса, рассмотрим

---

[1] *Hammond A.* A Letter to the Members of the Different Circuits. London, 1826; The Criminal Code. Game Laws. London, 1828. P. XVI-XVIII.
[2] *Amos Sh.* An English Code: its Difficulties and the Modes of Overcoming them, a Practical Application of the Science of Jurisprudence. Strahan and Co, 1873. P. 125-126; *Amos Sh.* Codification in England and in the State of New York. W Ridgway, 1867. P. 28-35.
[3] *McGregor H.* Contract Code: Drawn up on behalf of the English Law Commission. Guiffré, 1993; *Hogg M.* Codification of Private Law: Scots Law at the Crossroads of Common and Civil Law // Barker. № 7. P. 113.
[4] *Farrar J.H.* Law Reform Now: A Comparative View // ICLQ. 1976. Vol. 25. P. 214.
[5] *Wilson S.S.* The Work of the British Law Commissions: Law Reform … Now? Hart, 2017. P. 166-169.
[6] *Goff R.* The Future of the Common Law // ICLQ. 1997. Vol. 46. 3. 745-753.
[7] *Barnes W.* Contemplating a Civil Law Paradigm for a Future International Commercial Code // Louisiana Law Review. 2005. Vol. 65, No. 677. P. 37-40.

систематику кодекса и различные методики кодификации текста, и в последующим перейдем к специфике уголовного кодекса в традиции общего права.

1. *Толкование термина "code" в сравнительной теории закона*

Современное понимание теории закона нашло отражение в монографии *Ю.А. Тихомирова* «Теория закона» 1982 г., а затем в серии его статей с соавторами по теории кодистики[1], с описание квалифицирующих признаков кодекса как исключительного закона, занимающего *особое место* среди других актов[2]. Вопросам теории статут как разновидности закона в *семье общего права* посвятила ряд своих исследований профессор *И.Ю. Богдановская*[3], которая также уделяла внимание формам и технике систематизации в традиции общего права.

Вопросам *компаративистской теории закона*, включая специфику становления, оформления и действия законов на основе мировых правовых традиций и опыта зарубежных стран, посвящает свои исследования профессор *В.В. Оксамытный*[4]. Кодекс по своей технике, содержанию и роли в системе права довольно существенно отличается в разных правовых культурах. Перефразируя профессора А.В. Полякова, *кодекс – не лампочка*, и «на него нельзя смотреть как на свет, который всем светит одинаково и для всех очевиден»[5].

Гарвардская юридическая школа с 2006 года[6], как и другие англо-американские правовые факультеты ввели в учебную программу курсы «Законодательство и регулирование» ("*Legislation and Regulation*") и «Навыки юридического письма» («*Legal Research and Writing*»), где изучают законодательный процесс, теории статутного толкования (включая целеполагание и текстуализм), инструменты и методы построения законов (включая семантические каноны, содержательные каноны и использование истории законодательства); пытаются представить кодификацию как юридический метод и технику, общую для традиций континентального и общего права[7]. Студентам первого курса преподают тот факт, что сегодня законодательство обогнало прецедентное право как наиболее плодовитый и значимый источник права.

---

[1] *Тихомиров Ю.А.* Кодекс среди законов // Право и экономика. 2002. №2; *Тихомиров Ю.А., Талапина Э.В.* О кодификации и кодексах // Журнал российского права. 2003. №3. С. 47-54.

[2] *Тихомиров Ю.А.* Теория кодекса // Кодификация законодательства: теория, практика, техника / Под ред. В.М. Баранова, Д.Г. Краснова. Н. Новгород, 2009. С. 38.

[3] *Богдановская И.Ю.* Закон в английском праве. М., 1987; *Богдановская И.Ю.* Закон и судебный прецедент: эволюция борьбы за верховенство // Российское правосудие. 2015. №9(113). С. 18-26; *Богдановская И.Ю.* Законотворческий процесс в странах "общего права": сравнительные аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. №3(52). С. 405-413; *Богдановская И.Ю.* Особенность систематизации в странах "общего права" // Право и политика. 2007. № 7. С. 48-51.

[4] *Оксамытный В.В.* Сравнительная теория закона и ее место в юридической компаративистике: Открытая лекция. Киев, 2009. Вып. 16.

[5] *Волкова С.В., Малышева Н.И.* Международная научно-практическая конференция «Правовая система общества: проблемы теории и практики» // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2011. №4. С. 121.

[6] Harvard Law Bulletin. Winter 2024. Legislation and Regulation. https://hls.harvard.edu/courses/legislation-and-regulation-12/

[7] *Manning J.F., Stephenson M.* Legislation & Regulation and Reform of the First Year // Journal of Legal Education. 2015. Vol. 65. P. 45-51.

Кодекс *как юридический феномен* и *объект научно-практического изучения* предстаёт в доктринальной кодистике в двух основных аспектах – идеальном и реальном.

С одной стороны, кодекс представляет собой определенную *идеальную конструкцию*, основанную на авторской концепции систематизированного и упорядоченного права, на неких высших философских принципах и доктринальных конструкциях. С другой же стороны, кодекс – это вполне реальный документ, фиксирующий действующие законодательные и иные правовые нормы и вводящие новые предписания с официальной санкции государства.

Первая сторона рассматриваемой проблемы заключается в определении места кодекса и процесса его создания в развитии правового сознания и юридической науки той или ной правовой семьи или культуры.

Такая идеализированная *модель кодекса* в ее эволюции показана в книге *Жака Вендерлиндена* об истории концепции кодекса от Средневековья до Нового времени[1]. Он приходит к выводу, что природа самого кодекса и определение кодификации права различаются от эпохи к эпохе и от одного государства к другому, а поэтому не может быть *универсального определения кодекса*. Его же идеальная модель является скорее историческим феноменом, нежели общим или универсальным фактом.

Еще более сложная и менее изученная сторона проблемы кодистики состоит в изучении его *реального состояния*, и определении тех предпосылок и условий, при которых возможно воплощение доктринального проекта или концепции кодекса или же напротив невозможность превращения теоретической модели кодекса в реальный законодательный документ. При такой постановке центр внимания смещается с идеальной сферы философии права и теории кодификации в практическую область – сферу позитивной работы кодификаторов и технической работы толкователей и правоприменителей кодекса.

Британский словарь Чамберса насчитывает десять смысловых интерпретаций слова “*code*”, в числе которых сугубо юридическое, а именно: «систематически организованный свод законов» (“*a systematically organized set of laws*”)[2]. В «Британской энциклопедии» в словарной статье “*code*” означает полный и систематический свод законов или полное и исключительное изложение каких-либо целых частей права; приведение права к письменным кодексам представляет собой законченную и легкодоступную систему, имеющую большой исторический и практический интерес[3].

---

[1] *Vanderlinden J.* Le concept de code en Europe occidentale du XIIIe au XIXe siècle, Essai de définition. Editions de l’institut de sociologie. Bruxelles, 1967.

[2] Chambers 21st Century Dictionary, 2023. URL: https://chambers.co.uk/search/?query=code&title=21st (дата обращения: 01.10.2024).

[3] *Chisholm H.* «Code» // Encyclopædia Britannica. Изд-во Кембриджского университета, 1911. Vol. 6. P. 632-634.

Оксфордский юридический словарь выделяет наряду с термином "*code*" более техническое понятие «*кодифицирующий статут*» ("*codifying statute*"), описывая его как такой «статут, в котором закрепляется всё действующее право (т.е. как статутное, так и общее право) по конкретному вопросу. Такие законы встречаются крайне редко; примером может служить английский Закон о собственности 1925 года». Этот нетипичный вид упорядочивания права сравнивается с более широким понятием «*консолидирующий статут*» ("*consolidating statute*", а не "*consolidated*"), который «отменяет и переиздает (*repeals and re-enacts*) уже действующие статуты, относящиеся к конкретному предмету права. Его цель – закрепить воедино их комбинированный эффект и тем самым упростить изложение права. Он не преследует цели изменить право, если только в его длинном названии не указано, что он представляет собой консолидацию с поправками ("*consolidation with amendments*"). Примером консолидирующего статута является Закон о профсоюзах и трудовых отношениях (консолидация) 1992 года»[1].

В англосаксонском правовом дискурсе *кодификация* предстает как процесс сбора и переформулирования норм права (*collecting and restating*) в определенной области юрисдикции в тематических сферах права, обычно по предметам регулирования, с последующим составлением юридического кодекса (*forming a legal code*), или кодекса (свода) права (*codex or book of law*).

В американском юридическом лексиконе термин «*code*» применяется к любому *упорядоченному собранию* нормативных актов, включая сам федеральный «Кодекс законов США» (*United States Code*), федеральный свод подзаконных актов «Кодекс нормативных актов США» (*Code of Federal Regulations*) и аналогичные им *законодательные кодексы* штатов. Как подчеркивает профессор *У. Тресс*, они во многом являются «результатом длительного процесса систематизации, состоящего в переработке множества статутов или в принятии этих кодексов разными по величине частями в разное время»[2]. Кроме того, словом «*code*» американские юристы обозначают крупные усложнённые статуты как *внутренние отраслевые кодексы* в рамках тематических титулов «Кодекса законов США» (например, Внутренний налоговый кодекс – Раздел 26 U.S.C.)[3].

Отмеченная искаженность классической (континентальной) модели кодекса американский компаративист *К. Осакве* объясняет тем, что цель *американских кодексов* состоит лишь в инкорпорации разных законов и судебных прецедентов в один сборник[4]. Другой американский

---

[1] Oxford Dictionary of Law / Ed. by *Jonathan Law*. 10 ed. Oxford University Press, 2022.
[2] *Tress W.* Lost Laws: What We Can't Find in the United States Code // Golden Gate University Law Review. 2010. Vol. 40(2). P. 131-132.
[3] *Fletcher G.P., Sheppard S.* American Law in a Global Context: The Basics. N.Y., 2005. P. 33.
[4] *Осакве К.* Сравнительное правоведение: схематический комментарий. М., 2008. С. 201.

юрист *Э. Фэрнсворт* уточняет, что применяемый в странах общего права термин «*кодекс*» означает не единый сводный акт, а лишь собрание или компиляцию отдельных законов[1].

Им вторят французские и российские правоведы, исследующие терминологию кодистики в странах общего права. Так, *Р. Леже* приравнивает *англо-американские кодексы* к «компиляциям, объединяющим уже вынесенные судебные решения, и в отличие от континентальных европейских кодексов они не закладывают основы соответствующей области права»[2]. При этом *кодексы-компиляции* обычно составлены по схеме, малопонятной юристу континентальной традиции и «не направлены на законодательную реконструкцию соответствующей правовой области». «Правовая система *common law*, где тяжущийся получает норму права от судьи, а не черпает ее из кодекса, с точки зрения своей структуры уже содержит приглашение посудиться»[3].

Профессор *И.Ю. Богдановская* именует кодексы стран общего права внешними *правовым компиляциями*[4]. Она приходит к выводу, что здесь продолжаются попытки выработать приемлемую *модель кодекса*, исходя из ограниченных возможностей кодификации в ее соотношении с судебными прецедентами и прецедентами толкования[5]. Принципиально отличать консолидированный статут от кодифицированного акта, поскольку в первом случае прецедентное право продолжает действовать, а во втором – нет. Технически при консолидации акт получает новое название и дату принятия.

2. *Формальные квалифицирующие признаки кодекса в теории закона*

Многие ученые-правоведы романо-германского круга и юристы традиции общего права увлечено ищут исчерпывающий перечень *квалифицирующих признаков кодекса*, совмещающий в себе его идеальные черты и критерии реальной применимости.

В соответствии с естественно-правовой *концепцией кодекса* основная цель кодификации состояла в законодательном закреплении системности, полноты и логической непротиворечивости правового регулирования. Эти идеальные характеристики кодекса затем находили отражение в реальных законодательных актах. Сходные *признаки кодекса* выделяет французский правовед *Р. Кабрияк*, а именно самодостаточность, системность и исчерпывающее регулирование, так как «кодекс замышлялся как некий закрытый мир» и поэтому является «наиболее последовательным воплощением *идеи системы* в юридической литературе»[6].

---

[1] *Farnsworth E.A.* An Introduction to the Legal System of the United States. N.Y., 1963. P. 66.
[2] *Леже Р.* Великие правовые системы современности / Пер. с фр. М., 2009. С. 140.
[3] *Барьер Ф., Дидье Ф. и др.* Цивилистические правовые традиции под вопросом / Пер. с фр. М., 2007. С. 109, 142.
[4] *Богдановская И.Ю.* Особенность систематизации в странах общего права // Право и политика. 2007. №7. С. 49.
[5] *Богдановская И.Ю.* Источники права на современном этапе развития «общего права»: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 6.
[6] *Кабрияк Р.* Кодификации... С. 168.

Жак Вендерлинден в своей *дефиниции кодекса* указывает на полноту и доступность понимания кодифицированного закона: это «документ, который перегруппирует всё законодательство», включает в свое содержание все или большую часть законов, относящихся к одной правовой области, и обеспечивает лучшее понимание права и применение законов[1]. Венгерский правовед *И. Сабо* в числе отличительных черт кодекса как официального источника называет относительно всеобъемлющий характер, его полноту и системность[2].

Английский юрист *лорд Скармен*, председатель Правовой комиссии, выделил среди черт *кодекса* как «специфической формы писаного права», изложение правовых норм таким образом, «что в комплексном виде они образуют авторитетный, *исчерпывающий* и *единственный* источник права, (исключающий всякий другой) в данной области»[3]. Ему вторит американский юрист *Дж. Дэвис*, для которого кодекс – это «систематизированное изложение *всех принципиальных* норм в определенной области права, которое затем применяется как *акт законодательного органа*»[4].

Австралийский профессор из Университета Квинсленда *Дэн Дж. Свантессон* выделяет следующие *преимущества и качественные свойства кодификации*: упрощение; систематизация; унификация; прояснение; эволюционность; интернационализация, или совместимость с международными стандартами. Кодификация способна создать «систематическое, упорядоченное, внутренне логичное и последовательное право, которое просто недостижимо с помощью прецедентного права»[5].

Дореволюционные русские правоведы также уделяли внимание качеству и *характеристикам кодекса* и, в частности, уголовного закона[6]. В современной теории закона профессор *Ю.А. Тихомиров* уделяет особое внимание кодексу, выделяя два его *ключевых свойства*, важных для обеспечения однородности отраслей и системы права в целом: 1) обобщенная нормативная база, не допускающая отступлений или «дробления» ее положений; 2) юридический приоритет в правовом регулировании, корреляция и укрепление внутрисистемных связей в законодательстве[7].

---

[1] Le concept de code en Europe occidentale du XIIIe au XIXe siècle, Essai de définition. Editions de l'institut de sociologie. Bruxelles, 1967. P. 15-16.
[2] *Сабо И.* Социалистическое право / Под ред. В.А. Туманова; пер. с венгер. М., 1964. С. 174-175.
[3] Цит. по: *Деннис Я.* Кодификация уголовного права // СССР–Англия: юстиция и сравнительное правоведение. М., 1986. С. 13.
[4] *Hetzel O., Libonati M., Wiliams R.* Legislative Law and Process: Cases and Materials. P. 216.
[5] *Svantesson D.* Codifying Australia's Contract Law – Time for a Stocktake in the Common Law Factory// Bond Law Review. 2008. Vol. 20. Iss. 2, Art. 5. P. 5-7.
[6] *Демченко Г.В.* Неясность, неполнота и недостаток уголовного закона // Журнал министерства юстиции. 1904. Кн. VIII. С. 321-467.
[7] *Тихомиров Ю.А., Юртаева Е.А.* Кодекс в системе законодательных и иных правовых актов // Журнал российского права. 1997. №4.

В.Н. Барсукова перечисляет следующие *типологические особенности* кодифицированного акта: 1) его создание направлено на образование новых, ранее неизвестных положений, если это необходимо для достижения системности перерабатываемого законодательства; 2) он регулирует наиболее важную и обширную область; 3) он технически оформляют систему отраслей и институтов права; 4) он значителен по объему, отличается внутренним единством и целостностью, 5) системностью и согласованностью правовых предписаний, 6) он всегда выступает как новый правотворческий акт; 7) он отличается стабильностью, доступностью для правоприменителей и граждан, и согласуется с принципам законности и справедливости; 8) он имеют определенную форму сводного акта, имеющего особое наименование (кодекс, свод, устав, уложение, регламент, положение, правила, и др.)[1].

Д.В. Чухвичев выделяет в кодификационном акте такие *качественные аспекты*, как концентрированное выражение правовых предписаний в систематизируемом массиве законодательства; наличие логической структуры и внутреннее смысловое устройство кодифицируемого комплекса актов; выражение в концентрированном виде и нормативное закрепление основ правового регулирования отрасли[2].

А.М. Михайлов также подчеркивает *правотворческую природу* кодификации и направленность кодекса на новеллизации всей системы или отрасли права: он «отменяет все или большую часть законодательных актов прошлого и потому основывается на *идее дискретного юридического развития* (есть период «до» и период «после» введения в силу кодекса)»[3]. *А.Н. Чашин* к числу *неотъемлемых свойств* кодификационных актов относит такие, как: высокая целостность, внутренняя согласованность; относительная внешняя стабильность; структурное деление на части, среди которых выделяется общая часть; приоритет в структуре законодательства того же уровня[4].

Об иерархическом статусе и повышенной *юридической силе* кодексов давно говорится в литературе[5]. Так, *В.А. Толстик* обосновывает иерархический приоритет кодифицированного акта по отношению к текущим актам его особыми структурно-содержательными признаками, а также фактом принятия на уровне федеральных законов или законов субъектов федерации. При этом автор верно замечает, что установление иерархического приоритета между

---

[1] *Барсукова В.Н.* Основы структурирования кодифицированных актов / Под ред. *И.Н. Сенякина*. М., 2011. С. 8.
[2] *Чухвичев Д.В.* Кодификационные акты, их специфика и значение в системе права // Государство и право. 2009. № 8. С. 11.
[3] *Михайлов А.М.* Универсальные пути правогенеза: немецкая историческая школа права и семья общего права // Российский юридический журнал. 2009. № 4. С. 55.
[4] *Чашин А.Н.* Теория юридической систематизации (монография). М., 2010.
[5] *Бриксов В.В.* О юридической силе кодифицированных федеральных законов // Журнал российского права. 2003. №8. С. 82-92.

кодифицированными актами с *различным масштабом сводности* нецелесообразно по технико-юридическим и иным причинам[1].

Наделение правовых норм кодекса *приоритетной силой*, снабжение его системой *общих понятий*, на которых основываются специальные нормы, собственным юридическим глоссарием, а также официальное установление запрета на судебное толкование, неоднократно проявлявшееся в истории права, – всё это свидетельствует о стремлении публичной власти считать кодекс исчерпывающим актом по характеру регулирования и самодостаточным по нормативному содержанию[2].

В англосаксонской литературе, в связи с этим свойством кодекса, рассматривается вопрос о *юридической действительности* прецедентного права, принятого до введения в действие кодекса (*pre-codification case law*). Здесь сложилось две альтернативные позиции.

Прецедентное право, принятое *до введения кодекса*, может быть признано полностью нерелевантным и недействительным источником уголовного права[3]. Предшествующее прецедентное право может использоваться в качестве руководства толкования, если сам кодекс изложен недостаточно ясно и конкретно[4].

По мнению профессора *Д.Дж. Сванте́ссон*, прецедентное право посткодексного периода также будет важным механизмом эволюции кодекса, как инструмент для его интерпретации и как источник внесения поправок в кодекс[5]. «В этом заключается юридический парадокс: кодифицировать уголовное право, используя сугубо легалистский подход (*legislative-centric approach*), без параллельного законодательного регулирования того, как этот кодекс должен интерпретироваться судами»[6].

Этот тезис подтверждается предназначение *кодекса в традиции общего права*, который вечно стремится потенциально «погасить раз и навсегда мерцающее пламя судейского творчества в области уголовного права»[7].

Таким образом, резюмируя все вышеизложенные точки зрения, к числу *формально-юридических характеристик кодекса* можно отнести следующие:

---

[1] *Толстик В.А.* Иерархия источников российского права: Автореф. дис. …д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 21.

[2] *Михайлов А.М.* Универсальный путь правогенеза и семья общего права. С. 13. // Социальная сеть «ACADEMIA.edu”. URL: https://www.academia.edu/4346780... (дата обращения: 01.12.2024).

[3] Interpreting Precedent: A Comparative Study: Applied Legal Philosophy / Ed. by *N. MacCormick et al*. Dartmouth Publishing Co. Ltd., 1997.

[4] Problems of Codification / Ed. by *S.J. Stoljar*. Canberra, Australian National University, 1977. P. 3-4.

[5] *Svantesson D.* Codifying Australia's Contract Law – Time for a Stocktake in the Common Law Factory// Bond Law Review. 2008. Vol. 20. Iss. 2, Art. 5. P. 20.

[6] *Gani M.* Codifying the Criminal Law: Issues of Interpretation // Interpreting Statutes / S. Corcoran and S. Bottomley (eds.). Federation Press, 2005. P. 222.

[7] *CTM v. The Queen*, (2008) 236 CLR 440. P. 17.

1) он должен быть по своей внутренней структуре сводным результатом законодательных работ с органическим сочетанием составляющих его частей и дедуктивной связью принципов и норм (*внутренняя системность кодекса*);

2) он должен представлять своим содержанием всю систему действующего права или по крайней мере его значительную часть в виде целой отрасли или крупного института (*всеобъемлющий характер кодекса*);

3) он должен быть реальным (действующим) кодексом, имеющим прямую обязательную силу и иерархический статус базового или приоритетного источника (*юридическая приоритетность кодекса*);

4) он должен отражать результаты рационализации права, обеспечивая его лучшее познание и понимание, доступность и применимость правовых норм (*предсказуемость правового регулирования*);

5) он должен обеспечивать унификацию всей системы и ее отраслей, придавая ей статично неизменное и потому контролируемое состояние (*стабильность правового регулирования*);

6) он должен придавать правовой системе страны качество эндонормативности (*endonormative*) и юридической самодостаточности, саморегулируемости системы и нормообеспеченности;

7) он должен обладать набором официальных реквизитов документа, утвержденного и введенного в действие публичной властью (гос. символика и наименование типа акта, полное и краткое название кодекса, текст и нумерация структурных единиц, дата и место принятия, гриф утверждения и подпись, и др.);

8) он должен для отражения своего иерархического приоритета обозначаться специальным или особым наименование, титульным заголовком (кодекс, основы, устав, правила, регламент, положение)[1].

Следовательно, *кодекс* или иной подобный кодификационный нормативный акт потенциально призван обеспечивать целостность и системность, внутреннюю и внешнюю согласованность, стабильность и предсказуемость, полноту и единообразие правового регулирования соответствующей группы общественных отношений.

3. *Систематика кодекса и различные методики кодификации текста*

В данной части работы мы рассмотрим понятия *методики кодификации* и *систематики кодекса,* его структурные особенности, способы группировки предписаний и схемы (модели)

[1] *Трикоз Е.Н., Швец А.А.* Кодификация как способ революционного преобразования права // Право в эпоху революций: к 100-летию революций в России. М., 2017. С. 14-17.

рубрикации, а также методику и технику построения уголовно-правовых кодифицированных текстов.

Под «*методикой кодификации*» понимается система приемов и способов сбора, учета, формулирования, компоновки и структурирования правовых предписаний, концентрируемых в кодексе[1]. *Ю.А. Тихомиров* отмечает, что кодекс характеризуется достаточно сложно организованной и внутренне структурированной системой. Так, в параграфы, главы, разделы и части объединяются нормативные понятия, принципы и предписания правовых институтов[2].

По мнению *М.В. Антонова*, каждый вводимый в действие кодекс как *логически организованное* множество норм, упорядоченных в рамках одного нормативного правового акта, гармонично встраивается в правопорядок благодаря свойству системности права[3]. *В.А. Томин* отмечает, что «все правовые предписания, намеченные для включения в кодекс, требуется увязать и *расположить* по заранее разработанной *логической схеме*»[4]. *Н.Ф. Кузнецова* уточняет специфику законодательной техники в уголовном праве, выделяя особую подсистему правил инкорпорации, кодификации и конструирования уголовно-правовых норм и институтов, а также рубрикации Уголовного кодекса, обеспечивающих эффективность норм[5].

Структура кодекса – это важнейшая характеристика юридико-технического оформления нормативного текста, и сложилась определенная технология структурирования кодексов вместе со специфическими правилами кодистики[6]. При наличии сбалансированной структуры кодифицированный акт обладает более точным соответствием системе кодифицируемой отрасли (подотрасли, института), отражая «единство, системность, целостность, согласованность, логическая завершенность, стабильность, доступность текста для правоприменителей»[7].

Австралийский юрист *Д.Дж. Свантессон* выделяет несколько *практических аспектов кодистики*, включая достижение высокого уровня абстракции; иерархическая и логическая связь кодекса с другими законами; необходимость пересмотра и регулярных поправок в кодекс[8].

---

[1] *Чухвичев Д.В.* Основные методики кодификации. Французская школа // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 8. С. 76.
[2] *Тихомиров Ю.А., Юртаева Е.А.* Кодекс в системе законодательных и иных правовых актов // Журнал российского права. 1997. №4.
[3] *Антонов М.В.* Систематизация права: в поисках эффективности // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки. Минск, 2013. С. 65.
[4] *Томин В.А.* Юридическая техника. СПб., 2018. С. 75.
[5] *Кузнецова Н.Ф.* О законодательной технике в уголовном праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2004. №4. С. 41-53.
[6] *Барсукова В.Н.* Технология структурирования кодификационных актов Российской Федерации: Дис. …к.ю.н. Саратов, 2010.
[7] *Барсукова В.Н.* Основы структурирования кодифицированных актов / Под ред. *И.Н. Сенякина*. М., 2011. С. 3-4.
[8] *Svantesson D.* Codifying Australia's Contract Law – Time for a Stocktake in the Common Law Factory// Bond Law Review. 2008. Vol. 20. Iss. 2, Art. 5. P. 15.

Он выделяет *три методики* (*drafting methods*) или схемы кодификации: 1) метод инвентаризации*, или* подведения итогов (*stocktake method*), 2) метод заполнения пробелов (*stocktake gap-filling method*), и 3) метод новеллизации и правовой реформы (*reform method*).

Так, первичный и наиболее простой *метод инвентаризации* существующей отрасли права не может соответствующим образом переформулировать законодательство в виде выделения кратких общих положений, содержащих правовые принципы и основные конструкции отрасли. Более подробные правила, детализированные нормы и специальные формулировки и термины вводятся в кодекс при использовании двух других методик кодификации – *метод подведения итогов* или *метод заполнения пробелов*[1].

Сложность кодифицирующих законов (*codifying statutes*), которые разрабатывают частные реформаторы законодательства или парламентские драфтсмены, заключается в том, что они пытаются предусмотреть все возможные правовые случаи и ситуации[2]. Здесь уже встает не только вопрос о *стиле составления кодекса*, но и более серьезный вопрос: какую свободу действий следует оставить судьям[3]. Если кодекс составлен в виде кратких общих положений, излагающих правовые принципы, судьям будет предоставлена большая степень *свободы усмотрения* при толковании.

К этому примыкают проблемы достижения консенсуса относительно конкретных областей кодифицирования, *языка изложения* формулировок кодекса, привлечения политического внимания и парламентской поддержки проекта кодификации[4].

Кодекс, будучи результатом интеграции разрозненных норм в единую систему, сам обеспечивает более четкую дифференциацию правовых норм по различным сферам регулирования (отраслям, институтам, сферам законодательства). Поэтому для него характерна *многоуровневая систематика*, логическая завершенность и сложная структура[5], включающая большое число статей, делящихся на части, разделы и главы – по ***институционной, пандектной*** *или* ***смешанной*** *системе*[6].

Исторически *систематика кодексов* стала складываться в практике кодификации царских судебников на Востоке и полисных кодификаций в Античности[7]. В древнеримских частных систематизациях и затем в официальных кодификациях выкристаллизовывались две генеральные системы и методики кодификации цивильного права.

---

[1] *Svantesson D.* Op. cit. P. 17.
[2] *North P.M.* Problems of Codification in a Common Law System // RabelsZ. 1982. Vol. 46. P. 490-503.
[3] *Diamond A.L.* Codification of the Law of Contract // Modern Law Review. 1968. Vol. 31. P. 361-380.
[4] *Anton A.E.* Obstacles to Codification // Juridical Review. 1982. Vol. 15. P. 15-16; *Donald B.* Codification in Common Law Systems // The Australian Law Journal. 1973. Vol. 47. P. 160.
[5] *Барсукова В.Н.* Основы структурирования кодифицированных актов... С. 8.
[6] *Kupisch B.* Institutionensystem und Pandektensystem: Zur Geschichte Des Res-Begriffss // Irish Jurist. 1990. №25/27. P. 293-301; *Деханов С.А.* Пандектная и институционная модели в цивилистике // Евразийская адвокатура. 2023. № 4(63). С. 16-19.
[7] См. об этом подробнее в диссертации в § I.2. Генезис техники кодификации в ранней правовой традиции.

Сначала появилась *институциональная систематика* (институционная структура) в виде последовательной схемы расположения правовых институтов внутри свода норм. Так, наставник Марка Цицерона, римский юрист и великий понтифик *Квинт Муций Сцевола* (*Quintus Mucius Scaevola*; 140–82 гг. до н.э.) изложил в восемнадцати книгах своего труда «*Jus Civile Primus Constituit Generatim in libros decem et Octo Redigend*», беспрецедентно скомпилировал и систематизировал всё римское цивильное право, расположив его в институциональном порядке с использованием метода, заимствованного из аристотелевской и стоической диалектики (I – наследство, II – лица, III – вещи, IV – обязательства)[1]. Его методику повторили многие и другие юристы классического периода (Гай, Марциан, Флорентин, и др.), которые структурировали материал и адаптировали сложившееся частное право к требованиям преподавания[2]. Позднее «*Институции» Юстиниана* 533 г. также закрепили деление всего массива частного права на четыре институциональные книги, воспроизводя Гаевскую схему: о лицах, вещах, обязательствах и исках[3]. И хотя «Институции» посвящены в основном институтам частного, а не публичного права, фактически особый раздел об *уголовно-деликтном праве* был включен в последний титул Книги 4 (*Inst*. 4.173-183)[4].

С опорой на эту римскую схему изложения цивилистических институтов, модель *систематики кодексов* постепенно вошла в доктрину и практику западной традиции права[5], и ее элементы можно наблюдать в позднесредневековых королевских кодификациях и нововременных имперских кодексах. По этой методике выстроены две старейшие кодификации частного права в нововременной период – Французский ГК 1804 г. и ГК Австрии 1811 г.[6]

Более того, есть определенная корреляция между системой римских исков (деление на *in rem* и *in personam* / *real* и *personal actions*) и системой средневекового *common law*, которое на практике основывалось на системе исков и приказов, а не на системе субъективных прав[7]. Выбор приказа, издаваемого канцлером короля, определял материальное право и применимые

---

[1] *Tuori K.* Ancient Roman Lawyers and Modern Legal Ideals: Studies on the Impact of Contemporary Concerns in the Interpretation of Ancient Roman Legal History. Vittorio Klostermann, 2007.

[2] Исторически формулировка звучала так: «*Omne autemius, quo utimur, vel ad personas pertinet vel ad res vel ad action*» (Inst. Gai. 1,8 = Inst. Just. 1,2,12). *Гай*. Институции / Пер. с лат. Ф. Дыдынского. Под ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. М., 1997.

[3] *Birks P., Mcleod G.* Justinian's Institutes. Cornell University Press, 1987. Построчное сравнение обеих схем Институций см. в кн.: *Mears Lambert T.* The Institutes of Gaius and Justinian. 1882 (reprinted 2004).

[4] *Stein P.* The Development of the Institutional System // Studies in Justinian's Institutes in Memory of J.A.C. Thomas / Ed. by P.G. Stein, A.D.E. Lewis. 1983. P. 159.

[5] *Савельев В.А.* Юридическая техника римской юриспруденции классического периода // Журнал российского права. 2008. №12.

[6] О преимуществах институциональной системы см., например: *Mayer-Maly Th.* Die Lebenskraft des ABGB // Österreichische Notariats-Zeitung. 1986. S. 265-268.

[7] *Stein P.G.* Roman Law, Common Law and Civil Law // Tulane Law Review. 1992. Vol. 66; *Ziegenbein U.* Die Unterscheidung von Real und Personal Actions im Common Law. (Schriften Zum Prozessrecht). Duncker & Humblot, 1971.

процессуальные правила; существовало столько приказов, сколько было исков (writs / actions)[1], поэтому приказная система Англии была также известна как «формы исков» (writ-system / forms of action)[2]. Так, Ханс Питр подробно сравнивает систему реестра приказов (*register of writs*) с системой римского *edictum perpetuum*, как собрания исков, подтвержденных преторами[3]. Алан Уотсон сопоставляет древнеримскую институционную систему и деление на четыре книги «Институций» Гая с четырехтомной системой «Комментариев к законам Англии» У. Блэкстоуна и других трактатов[4].

Институциональная систематика кодекса (нем. *Institutionensystem*, или *Gaianisches System*) представляет собой наукоориентированную (доктринальную) структуру общего частного права, восшедшую из римской правовой древности и положенную в основу французской (романской) кодификационной методики[5].

Этой ***институционной модели*** сборки кодифицируемого текста присущи следующие *характерные черты*:

1) приоритетность статуса кодекса и исключение иных источников;

2) отсутствие общей части как структурной единицы кодекса;

3) наличие вводного краткого титула с координационным нормами;

4) тематические блоки основной части (институционная структура): о субъектах (*personas*), объектах (*res*) и отношениях (*actiones*)[6];

5) главы/титулы и разделы/книги кодекса соответствуют обособленным группам норм субинститутов, институтов и подотраслей;

6) наследственное право не выделяется из состава вещного права;

7) небольшое количество общих положений и норм-принципов в начале каждой части (раздела/книги)[7];

8) исчерпывающе ясные определения и простые дефиниции, повторяющиеся в разных частых кодекса;

9) минимальное количество специальной терминологии и сложных юридических терминов;

10) включение как материально-правовых, так и процессуальных норм;

---

[1] *Baker H.* An Introduction to English Legal History. 4th ed. 2002. P. 55-56.
[2] *Maitland F.W.* The Forms of Action at Common Law / Ed. by *A.H. Chaytor, W.J. Whittaker*. 1909. P. 1, 3.
[3] *Peter H.* Actio und writ. Tübingen, 1957. P. 56, 94-96.
[4] *Watson A.* Roman Law and Comparative Law. University of Georgia Press, 1991. P. 167, 175, 178; *Watson A.* Roman Law and English Law: Two Patterns of Legal Development // Loyola Law Review. 1990. Vol. 36. P. 255-259; *Kennedy D.* The Structure of Blackstone's Commentaries // Buffalo Law Review. 1979. Vol. 28. P. 231 et seq.
[5] Институциональная система кодексов в модифицированном виде распространена в ряде стран романской правовой группы (Франции, Италии, Нидерландах, Бельгии, Испании, Португалии, Румынии, Канады и странах Латинской Америки).
[6] *Affolter F.X.* Das Romische Institutionen-System: Sein Wesen Und Seine Geschichte. Kessinger Publishing, LLC, 1897.
[7] *Lasserre-Kiesow V.* La technique legislative // Etude sur les codes civils français et allemande. Paris, 2000. P. 25-26.

11) упрощенность формы и детальность изложения предписаний, доступное описание юридических конструкций и институтов[1];

12) предельный прагматизм и практичность кодификаторов;

13) единообразность толкования кодекса на основе лингвистического и логического методов интерпретации[2]; и др.

Пандектная систематика кодекса была другой одной генеральной схемой кодификации гражданского и иных отраслей права. Основные элементы этой *двухзвенной* «системы Дигест» были впервые применены римскими юристами классического и постклассического (византийского) периода[3].

Наиболее известной *пандектной моделью* современного периода выступает ГК Германии (BGB) 1896/1900 г., состоявший из Общей части (первая книга) и четырех специальных книг в Особенной части[4]. Данная методика стала весьма популярной во многих правовых системах Центральной и Восточной Европы[5]. БГБ повлиял на структуру Гражданского кодекса Бразилии, частично на ГК Японии и КНР, и опосредовано на кодексы Кореи и Уругвая[6].

Этой ***пандектной модели*** внутрисистемной кодистики характерны следующие *специфические черты*:

1) внутрисистемное деление на общую и особенную (специальную) части (двухзвенная пандектная структура);

2) общая часть концентрируют генеральные нормы и принципы, обязательные для толкования норм особенной части;

3) детальная структурированность особенной части кодекса;

4) дифференциация обязательств и вещных прав и выдвижение на первый план института обязательств;

5) разделенность материальных и процессуальных норм права;

6) высокий уровень доктринальности кодификационного акта;

7) насыщенность юридической терминологией и сложными научно-правовыми формулировками;

---

[1] *Чухвичев Д.В.* Основные методики кодификации. Французская школа // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 8. С. 76-80.

[2] *Какоурова Н.А.* Кодификация гражданского права Франции в XIX веке // Сибирский юридический вестник. 2013. № 2(61). С. 10-13.

[3] *Пименова П.Д.* Институционный и пандектный принцип изложения норм гражданского права // Colloquium-journal. 2020. №8 (60). С. 169.

[4] *Schwarz G.* Zur Entstehung des modemen Pandektensystems // Savigny-Zeitschr., Rom.Abt., Bd. 42. 1921. S. 603-610; *Антропов Р.В.* Кодификация права Германии: конец XVIII – XIX вв.: Дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.

[5] *Чухвичев Д.В.* Основные методики кодификации. Германская школа // Вестник Московского университета МВД России. 2008. №9. С. 157.

[6] *Богоненко В.А.* Опыт кодификационного нормотворчества в гражданском праве (на примере Германии) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: экономические и юридические науки. 2015. № 6. С. 130.

8) концептуальность и абстрактность определений и множество специальных юридических конструкций;

9) возведение римских догм в юридические нормы, их детальная разработанность и казуистичность описания;

10) применение специально-юридического (доктринально- профессионального) метода толкования;

11) приоритетный, но не исчерпывающий статус кодекса, который не доминирует как базовый источник, а концептуально направляет правовое регулирование.

По мнению ряда исследователей, институционная система уступает по *юридической технике и догматике* пандектной системе[1]. Как подчёркивает Стивен Бухофер, институциональная систематика римлян имела свои исторические пределы («*systematology of the Romans had its limits*»)[2]. Но свои недостатки имеет и пандектная система. Как верно заметил столетие спустя после БГБ 1896 г. цивилист М. Педамон, немецкие кодификаторы сознательно пошли на то, чтобы «создать не доступный всем гражданам популярный кодекс, а сугубо *юридическое произведение*, рассчитанное, главным образом, на специалистов-юристов»[3].

Наиболее ярким достоинством *пандектной системы* и континентальной модели кодексов стало выделение ***Общей части***, что увидим во внутренней систематике Уголовных кодексов стран общего права, бывших колоний Британии.

4. *Уголовный кодекс в традиции общего права и его специфика*

Перейдем к рассмотрению специфики *уголовных кодексов* в англо-американской традиции, их внутренней систематики, методики сборки текста и иных аспектов кодистического оформления.

В уголовно-правовой литературе вопросам специфики англосаксонских кодификаций в целом уделяли внимание ряд авторов, включая советских и постсоветских ученых[4], и современных российских юристов[5]. Современные российские юристы изучают

---

[1] *Кузнецов В.К.* Римское право. Учебное пособие. Новосибирск, 2005. С. 9.

[2] *Buhofer S.* Structuring the Law: The Common Law and the Roman Institutional System // Swiss Review for International and European Law. 2007. Vol. 5. P. 703-741. P. 711.

[3] *Pedamon M.* Le centenaire du BGB. Recueil Dalozz-Sirey, 1997. P. 107.

[4] *Гродзинский М.М.* Законодательная техника и уголовный кодекс // Вестник советской юстиции. 1928. №19. С. 558-563; №20. С. 594-597; *Ковалев М.И.* О технике уголовного законодательства // Правоведение. 1962. №3. С. 142-146; *Ковалев М.И.* Роль законодательной техники в конструировании норм уголовного законодательства // Вопросы совершенствования уголовно-правовых норм на современном этапе. Свердловск, 1986. С. 4-10; *Ковалев М.И.* К вопросу о теории уголовного кодекса // Советское государство и право. 1988. №5. С. 74-82; *Кленова Т.В.* Кодификация и текущее уголовно-правовое регулирование. Самара, 1995; *Кленова Т.В.* Принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве // Государство и право. 1997. № 1. С. 54-59; *Лопашенко Н.А.* Принципы кодификации уголовно-правовых норм. Саратов, 1989; *Никифоров Б.С., Решетников Ф.М.* Современное американское уголовное право. М., 1990.

[5] *Иванчин А.В.* Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства. Автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003; *Ситникова А.И.* Законодательная текстология уголовного права: Дис.

англосаксонскую специфику кодификации уголовного права, в частности, *И.Ю. Богдановская*[1], *Р.Н. Дусаев, Г.А. Есаков, И.Д. Козочкин, А.В. Кочемасов, А.А. Малиновский, Е.А. Петрова*, *В.Н. Сизова*[2] и др. Так, профессор *А.И. Бойко* в своем трехтомном труде анализирует генетические, управленческие и функциональные связи уголовного права в его *системной среде*[3]. Проблематике кодификации уголовного закона посвящены материалы международных научных площадок[4].

Как пишет *А. Эшворт*, принятие уголовного кодекса ясно дает понять, что «конструирование составов преступлений является прерогативой только парламента, а роль судебной власти заключается в их интерпретации, а не в добавлении или исключении из кодекса»[5]. Именно на этом основании считается, что кодексы выполняют важную демократическую и конституционную функцию[6].

Во *внутренней систематике* УК чаще всего применяется *пандектная модель* изложения норм. Так, УК Франции 1810 г. благодаря своей внутренней логике и инновационной структуре, состоявшей из Общей и Особенной части, приобрел чрезвычайный успех за пределами страны. Под его влиянием были пересмотрены и похожим образом структурированы акты уголовного законодательства в Нидерландах, Бельгии, Люксембурге, Италии, некоторых частях Швейцарии и западной части Германии[7]. При разработке УК Индии в 1830-е гг. его составитель Т.Б. Маколей также частично использовал УК Франции 1810 г.

В структуре *уголовных кодексов* семьи общего права часто встречается в завуалированной или явной форме *двухзвенная модель* кодификации – от общего к особенному, а не последовательно по институтам. Как верно заметил французский компаративист *Р. Давид*, Общая часть в кодексах свидетельствует о наиболее явном разрыве, происшедшем между

...д-ра юрид. наук. М., 2014; *Рубанова С.Н.* Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, значение и виды: Дис. ...к.ю.н. Краснодар, 2011; *Черепенникова Ю.С.* Пробелы в Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации и способы их восполнения: Дис. ...к.ю.н. М., 2010; и др.

[1] *Богдановская И.Ю.* Особенность систематизации в странах «общего права» // Право и политика. 2007. №7. С. 48.

[2] *Сизова В.Н.* Эволюция системы уголовного законодательства Англии // Вестник Санкт-петербургской юридической академии. 2020. №4(49). С. 96-103; *Сизова В.Н.* Эволюция системы уголовного законодательства Соединенных Штатов Америки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. №3(51). С. 145-150.

[3] *Бойко А.И.* Система и структура уголовного права: В 3-х тт. Т. I. Системология и структурализм в современной познавательной культуре. Ростов н/Д, 2007; Т. II. Системная среда уголовного права. Ростов н/Д, 2007; Т. III. Структура уголовного права и его идентификация в национальной юриспруденции. Ростов н/Д, 2008.

[4] В частности, см. сборник: Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее / Материалы VIII Российского Конгресса уголовного права (г. Москва, МГУ, 30 – 31 мая 2013 г.). М., 2013.

[5] *Ashworth A.* Interpreting criminal statutes: A crisis of legality? // Law Quarterly Review. 1991. Vol. 107 (July). P. 420.

[6] *Leader-Elliott I.* Elements of liability in the Commonwealth Criminal Code // Criminal Law Journal. 2002. Vol. 26. P. 28-42.

[7] *Кочемасов А.В.* Влияние европейского опыта кодификации уголовного права на кодификацию уголовного права в США в конце XVIII – начале XIX в // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. №3. С. 76-77.

немецкой наукой, где господствовали «пандектисты», и французской юридической наукой, основанной на изучении «Кодекса Наполеона»[1].

Значимость такого структурного обособления *Общей части*, включающей общие нормы для отдельных суботраслей и отрасли в целом, правовые дефиниции, отраслевые принципы и принципы толкования, общие правовые субинституты и др. Наличие такого вводного блока норм обеспечивает внутреннюю экономичность закона, разумность и целесообразность регулирования, логическую целостность и исключение повторений. *Общие положения* кодификационных актов экстрагируются и индуцируются из частных правовых норм и правил. Воздавая нормы-обобщения и нормы-принципы, кодификация движет развитие права и способствует его качественному развитию[2].

В США действует своеобразный «*Федеральный УК*», под которым подразумевается *Титул 18* «Преступления и уголовный процесс» в «Кодексе (Своде) законов США» (*Code of Laws of the United States of America; U.S. Code*)[3]. Он был принят в 1948 г. и включает пять частей, в том числе Часть I «Преступления», которая содержит 123 глав и 2721 параграфов[4]. Эта часть Титула 18 признается в доктрине и практике федеральным УК (*Federal Penal Code, Criminal Code,* или *Crimes Code*)[5].

С юридико-технической стороны этот Титул *U.S. Code*, как и другие т.н. *positive law titles,* имеет классические признаки кодифицированного акта: правотворческий характер и регулярная переработка законодательных положений; довольно четкая структура на основе пандектно-институциональной модели; деление титула на части, главы, параграфы; включение новых, перемещение действующих или удаление устаревших структурных единиц; и др.[6]

Однако, в контексте классической модели кодекса в континентальной правовой традиции американская модель УК имеет элементы *критической дисгармонии* и гибридности. Так, *Титул 18* хотя фактически и содержит деление на Общую и Особенную части, но при этом отсутствуют их тематические заголовки и концептуальное обоснование их как самостоятельных частей кодекса; также нет явной дифференциации норм на блоки общей и специальной части. К другим технико-юридическим особенностям *Титула 18* относится методика расположения и специфика конструирования уголовно-правовых запретов. Некоторые из них иногда прямо

---

[1] *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., 1967. С. 109.
[2] *Маковский А.Л.* О кодификации гражданского законодательства (1922–2006). М., 2010. С. 13-15.
[3] *Козочкин И.Д.* Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007. С. 287.
[4] Part I. Crimes (chapters 1 to 123; § 2721); Part II. Criminal Procedure (chapters 201 to 237; § 3772); Part III. Prisons and Prisoners (chapters 301 to 319; § 4353); Part IV. Correction of Youthful Offenders (chapters 401 to 403, § 5043); Part V. Immunity of Witnesses (chapter 601, § 6003).
[5] *O'Sullivan J.R.* The Federal Criminal «Code» is a Disgrace: Obstruction Statutes as Case Study // Journal of Criminal Law & Criminology. 2006. Vol. 96. №2.
[6] *Кочемасов А.В.* Проблемы кодификации федерального уголовного права США // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. №6. С. 78-79.

нарушают общую структуру и содержательный смысл уголовного кодекса как такового[1]. Другие же содержатся в иных титулах *U.S. Code,* поэтому уголовно-правовые нормы можно обнаружить в разделах, не имеющих прямого отношения к сфере уголовно-правового регулирования[2].

Так, по мнению *Дж.П. Флетчера*, титулы Свода законов США выглядят скорее как усложненные статуты, «*мини-кодексы* внутри кодекса», и не являются кодексами в «европейском смысле»[3]. В *Титуле 18* категории преступлений расположены в алфавитном порядке по наименованию предметов посягательства, нумерация глав имеет то числовое, то буквенное обозначение; только федеральные преступления инкорпорированы (свыше 5 тысяч составов), а ряд технических составов включены в другие титулы Свода.

Кроме технико-юридических проблем конструирования УК США, очевиден излишний, выходящий за разумные пределы объем *Титула 18* в виде 250 глав и свыше 3,5 тысяч статей. К тому же обозначение нечётными номерами глав *Титула 18* запутывает субъектов права и правоприменителя, а увеличения числа криминализируемых федеральных преступлений вызывает потребность в увеличении глав Титула, «которым стали присваиваться чётные номера и буквенные обозначения»[4].

Наряду с *Титулом 18* в США действуют более двух десятков крупных консолидированных актов по специальным вопросам уголовной ответственности[5]. В отличие от федерального УК США, многие УК американских штатов основаны на Примерном УК (*Model Penal Code*) 1962 г.[6], подготовленным группой ученых-правоведов Института американского права в целях унификации уголовного законодательства и отражавший обобщенную позицию экспертного сообщества по основным концепциям уголовного права США[7]. В целом, система федеральной уголовной юстиции США постепенно «приспособилась функционировать в условиях отсутствия единого уголовного кодекса»[8].

Осознание необходимости обновления и сближения кодексов отдельных штатов привело к новому *этапу уголовно-правовой реформы* в США в 1960–1980-е гг., в ходе которой в большинстве штатов была проведена рекодификация и приняты новые УК. Модельный текст

---

[1] *Боботов С.В.* Кодификация и систематизация законодательства в США // США: Экономика, политика, идеология. 1973. №10. С. 115-121.
[2] *Gainer R.L.* Federal Criminal Law Reform: Past and Future // Buffalo Criminal Law Review. 1998. Vol. 2(1). P. 66-67.
[3] *Fletcher G.P., Sheppard S.* American Law in a Global Context: The Basics. N.Y., 2005. P. 33.
[4] *Сизова В.Н.* Эволюция системы уголовного законодательства Соединенных Штатов Америки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. №3(51). С. 147.
[5] *Robinson P.H.* Reforming the Federal Criminal Code: A Top Ten List // Buffalo Criminal Law Review. 1997. Vol. 1(1). P. 230-234.
[6] Примерный уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права / Пер. с англ. *А.С. Никифорова*; под ред. *Б.С. Никифорова*. М., 1969. 303 с.
[7] *Dubber M.D.* An Introduction to the Model Penal Code. Oxford University Press, 2015.
[8] *Кочемасов А.В.* Проблемы кодификации федерального уголовного права США // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. №6. С. 73-85.

Примерного УК США 1962 г. в основном выполнил свою задачу, послужив единым ориентиром для обновления и сближения уголовного законодательства североамериканских штатов[1].

В доктрине было выработано *два критерия* оценки эффективности кодекса: он должен быть *всеобъемлющим* в описании правил поведения и должен эффективно доводить эти правила до широкой публики, т.е. обладать простотой и доступностью языка изложения (*simplicity and accessibility*).

Так, ученые Робинсон, Кэхилл и Мохаммад, рассматривая подробнее *критерий полноты кодекса*, утверждают, что «по-настоящему всеобъемлющий уголовный кодекс должен в достаточной степени определять все соответствующие термины, чтобы ссылки на внешние источники не были излишними». Под критерием эффективной коммуникации подразумевается ясность изложения и формулировок кодекса как внутри каждого правила, так и в организации самих норм в системе кодекса[2].

А. Смит обозначает, что «по крайней мере одна из характеристик кодекса заключается в том, что он должен стремиться к полноте», а также иметь свойства доступности, понятности, последовательности и несомненности (*accessibility, comprehensibility, consistency, certainty*)[3].

В Великобритании составители *проекта УК для Англии и Уэльса* 1989 г. попытались упорядочить уголовное право и сделать его более доступным, последовательным и определённым. По мнению экспертов-членов Правовой комиссии, «нет достаточно серьезных доводов против сосуществования Уголовного кодекса с традицией общего права и другими источниками в системе права, так как сохранение общего права не противоречит ни одной из основных целей кодификации»[4].

В большинстве *других стран общего права* уголовные кодекс или квази-кодексы (законы о преступлениях) имеются похожие юридико-технические проблемы и недостатки регламентации, которые можно преодолеть с помощью приемов и техник уголовно-правовой кодистики.

Для федеративных и сложносоставных государств (Британского) Содружества характерно *отсутствие унифицированности* уголовно-правовых норм в пределах национальной юрисдикции в центре и на местах. В отдельных штатах, провинциях и территориях вводятся *собственные уголовные кодексы* или квази-кодексы (консолидированные статуты о

---

[1] *Решетников Ф.М.* Системы Особенной части в уголовном законодательстве США // Проблемы уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Труды ИЗиСП. М., 1994. № 56. С. 114-115.
[2] *Robinson P., Cahill M., Mohammad U.* The Five Worst (and Five Best) American Criminal Codes // Northwestern University Law Review. 2000. Vol. 95(1). P. 5, 9.
[3] *Smith A.* The Case for a Code // Criminal Law Review. 1986. P. 285, 287.
[4] Цит. по: *Card, Cross and Jones.* Criminal Law. L., 1995. P. 17-18.

преступлениях), наряду с параллельно действующим прецедентным правом и обычным правом коренных общин[1].

5. *Система и техника* уголовного кодекса в странах общего права

Для многих УК характерны *казуистичность* и недостаточная ясность уголовно-правовых текстов, излишняя *усложненность* формулировок, логические недостатки в *структуре кодексов* без последовательной систематики институтов, отсутствие концептуально разработанных категорий *общей и особенной частей* кодекса, наличие *дублирования* и параллелизма отдельных положений кодекса, невысокий уровень юридико-технического *оформления* нормативного материала, прямая зависимость уголовно-правовых норм от *процессуальных*, и др.

Основные проблемы, с которыми сталкиваются современные кодификаторы уголовного права *в странах общего права*, могут быт сведены к следующим аспектам кодистики. Чем отличается уголовный кодекс от серии уголовных законов? Должен ли он содержать материальное уголовное право, или также нормы уголовного процесса и доказательственного права? Каковы цели уголовного кодекса с точки зрения технического пересмотра действующего права или одновременной попытки реформирования/обновления законодательства? Насколько уголовно-правовая реформа практически реализуема и эффективна?

Должен ли кодекс быть структурирован и разделен на общую и особенную части (*General Part and Special Part*)? Если да, то что именно должна содержать Общая часть? Должен ли уголовный кодекс быть исключительным (единственным) источником, или же общее право должно продолжать развиваться параллельно с кодексом? Как поддерживать актуальность уголовного кодекса?[2]

Как описывает часть ответов на эти вопросы новозеландский ученый-правовед *Р. Палмер*, «хороший *уголовный кодекс* способствует справедливости отдельного дела и долгосрочным интересам общества. Но хороший уголовный кодекс должен также доходить до людей, чьи права он призван защищать. Принципиально, чтобы он был исключительной прерогативой адвокатов и судей. Речь идет не о загадочных юридических прелестях, а о сильной и фундаментальной социальной политике. …Уголовный кодекс обучает, а также предписывает и регулирует. Это одновременно социальный и юридический инструмент»[3].

---

[1] *Трикоз Е.Н.* Обычное уголовное право аборигенов Австралии (теоретические проблемы исследования) // Право и политика. 2000. №4. С. 115-119.

[2] *Dubber M.* Penal Panopticon: The Idea of a Modern Model Penal Code // Buffalo Criminal Law Review. 2000-2001. 4. P. 53, 74-75; *Ferguson P.* Constructing a Criminal Code // Criminal Law Forum. 2009. 20. P. 139, 141.

[3] *Hon Rt., Palmer G.* The Reform of the Crimes Act 1961 // Essays on Criminal Law in New Zealand: Towards Reform? / Ed. by N.N. Cameron, S. France. VUWLR Monograph, 1990. P. 21-30.

Среди уголовных *кодексов общего права* заметна некоторая *вариативность заголовков* (официальных титулов). Встречаются такие наименования, как *Crimes Act, Penal Code, Criminal Code, Criminal Law Consolidation Act, Indictable and Summary Offences Act,* и др. Это разночтение указывает на определенные различия в *приоритетах уголовной политики*, ключевых направлениях пенологической практики, а также юридико-технических подходах к наименованию, объему и структурированию кодифицированных актов.

Так, *УК Индии 1860 г.* в актуальной редакции назывался "*Indian Penal Code*"[1]. В Канаде УК 1892 г. (в редакции 1985 г.) действует под названием "*Criminal Code*"[2].

В *Австралазии* и странах *Тихоокеанского региона*, в которых продолжается влияние моделей колониальной уголовно-правовой кодистики времен зависимости от Британии, большинство кодексов называются «***Criminal Code***» (например, *The Qld Criminal Code Act 1899, The Criminal Code Act of Papua New Guinea, 1974*) или же «***Penal Code***» (в частности, *The Penal Code of Tuvalu, 1965; The Republic of Vanuatu the Penal Code, 1981*), либо квази-кодифицированные статуты «***Crimes Act***» (например, *The NSW Crimes Act 1900*; Титул 11 "*Crimes"* в *Code of the Federated States of Micronesia, 1982*).

В самой Великобритании работа по кодификации велась на протяжении XX века и продолжается сегодня в Правовой комиссии[3]. Ее первым результатом стал *проект УК для Англии и Уэльса* (*Criminal Code for England and Wales*) 1988 г.[4], который, однако, не получил однозначной поддержки в научной среде и не вызвал энтузиазма у судей и практических работников. По мнению убежденного сторонника кодификации *П. Глэйзбрука*, этот проект УК был во многих отношениях разочаровывающим документом, основным недостатком которого было отсутствие ясных принципов структурирования материала, множество дефектов и противоречий в различных уголовно-правовых конструкциях, и др.[5]

Английский правовед *И. Деннис* подверг критике *проект УК* 1988 г., указывая в качестве основной причины его неудачи саму правовую систему Англии и традицию прецедентного права по уголовным делам, его разобщенность и неопределенность, отставание от требований времени[6].

Сегодня более двух третей государств-членов Содружества Наций (более 40 стран) имеют *свои уголовные кодексы* и поддерживают их в актуальном состоянии.

---

[1] The Indian Penal Code, 1860. Government of India. URL: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/4219?view_type=search&sam_handle=123456789/2497 (дата обращения: 01.12.2024).
[2] The Criminal Code, 1892 (R.S.C., 1985, c. C-46) / "An Act respecting the Criminal Law". URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46 (дата обращения: 01.12.2024).
[3] The Law Commission Act. 1965. S. 3(1).
[4] A Criminal Code for England and Wales. Vol. 1. Report and Draft Criminal Code Bill. Law Com No 177, April 1989.
[5] *Glazebrook P.R.* Blackstone's Statutes on Criminal Law 1999/2000. L., 2000. P. XIII.
[6] *Dennis I.* The Critical Condition of Criminal Law // Current Legal Problems. 1997. Vol. 50. P. 214.

Особенностью *уголовно-правовой кодистики* в странах *common law* является то, что большинство вопросов *Общей части* кодекса не прописаны так четко и последовательно, как это понимают «континентальные» юристы; они нередко дополнительно раскрываются и поясняются в прецедентах и доктринальных источниках[1].

Традиционно под названием «*Общие положения*» (*General provisions*) объединяются нормы, составляющие основу регулирования отдельных институтов и закрепленные в начальных статьях кодекса или его первой части. «Общая часть» призвана закрепить предмет и методы регулирования отрасли права, принципы, правила, конкретизирующие особенности и специфику институтов, составляющие Особенную часть[2].

Главные принципы уголовной ответственности, содержащиеся в УК, соответствуют тому, что известно как «Общая часть» (‘*General part’*) уголовного права, или основа (*the backbone*) уголовного права в системах общего права. Как определил профессор *Дж. Флетчер*, это та часть уголовного права, которая является «обобщаемой» (‘*generalisable’*), в отличие от конкретных преступлений и средств защиты, которые составляют «особенную часть» (‘*special part’*) уголовного права[3].

Центральное место в общей части занимает институт индивидуальной ответственности субъекта преступления, что и определяет ее отличие от специальной части[4]. Построение «общей части» уголовного права ее структурная логика в кодексе была в основном академической задачей[5], которая стала актуальной особенно в контексте философско-правовой традиции уголовного права в послевоенный период[6]. В 1953 г. был впервые опубликован основополагающий в этом контексте труд *Глэнвилла Уильямса* «Уголовное право: общая часть», который стал отправной точкой для легитимизации профессиональной кодификаторской деятельности по рационализации уголовного права и изложения его в форме пандектного кодекса[7].

С точки зрения *кодистики* Общая часть большинства англосаксонских УК имеет следующие черты:

---

[1] *Есаков Г.А.* Англо-американское уголовное право: эволюция и современное состояние общей части: монография. М., 2007. 734 с.
[2] *Барсукова В.Н.* Основы структурирования кодифицированных актов... С. 8.
[3] *Fletcher G.* Rethinking Criminal Law. New York: Oxford University Press. 2000.
[4] *Farmer L.* Making the Modern Criminal Law: Criminalization and Civil Order. Oxford, England: Oxford University Press, 2016; *Lacey N.* In Search of Criminal Responsibility: Ideas, Interests and Institutions. Oxford, England: Oxford University Press, 2017.
[5] *Horder J.* Criminal law // Oxford Handbook of Legal Studies / Tushnet M., Cane P. (eds). Oxford, England: Oxford University Press, 2003. P. 226-249.
[6] *Loughnan A.* The very foundations of any system of criminal justice': Criminal responsibility in the Australian model criminal code // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. 2017. Vol. 6(3). P. 16.
[7] *Bronitt S., Gani M.* Criminal codes in the 21st century: The paradox of the liberal promise // Regulating Deviance: The Redirection of Criminalisation and the Futures of Criminal Law / *McSherry B., Norrie A.* (eds). Oxford: Hart Publishing, 2009. P. 235-260.

1) текст структурирован с выделением вводной части, которая включает в себя такие реквизиты, как преамбула, введение и общие положения; 2) своеобразная «над-Общая часть» (*mini-General Part*), содержащая понятийный аппарат, уголовно-правовые термины и правила толкования; 2) особый подраздел о принципах уголовной ответственности по общему праву и максим справедливости по уголовным делам; 3) систематизированы нормы территориальной юрисдикции, выделенные, как правило, в самостоятельную главу; 4) включен институт уголовной ответственности юридических лиц; 5) закреплены элементы преступлений – *actus reus* и *mens rea*; 6) обособлен институт освобождения от ответственности и *общих исключений* из принципа неотвратимости наказания, 7) включены нормы *процессуального характера*, например, о бремени доказывания уголовной ответственности; 8) имплементированы принципы и составы *международного уголовного права*; 9) регламентированы различные основания защиты (*criminal defences*), как формы процессуальные защиты от обвинений; 10) выделены *специальные обстоятельства* применительно к отдельным составам в статьях Особенной части; и др.

В композиции общих положений УК традиционно нет компактной группировки норм, они рассредоточены в различных разделах кодекса вначале и конце кодекса (так, в общую часть УК Канады входят разделы I, IX, XX и др.).

Ряд важных положений и даже целые институты Общей части закрепляются в «процессуальной части» УК. Таков институт (система координационных норм) действия уголовного закона во времени и пространстве, институт ответственности соучастников преступления, отдельные нормы института ответственности юридических лиц, института невменяемости, института неоконченного преступления, и назначения наказания. Так, в процессуальном разделе XXIV «Суммарное судопроизводство» УК Канады 1955 г. содержится особый подраздел «Наказание» с материально-правовыми нормами.

Кодистические особенности *института наказания* в странах общего права были связаны с господствовавшими пенологическими теориями и пенитенциарной практикой судов общего права в бывших колониях. *С одной стороны*, англосаксонские УК отражают «лестницу» наказаний, для которой характерны закрепление в тексте разнообразия видов санкций, отсутствие градации на основные и дополнительные наказания и т.п. *С другой стороны*, большинство санкций в Особенной части кодексов имеют альтернативную конструкцию, когда предусмотренные в нормах виды наказаний могут либо заменять, либо дополнять друг друга, что допускает широту судейской дискреции при их выборе.

Архитектоника *Особенной части* англосаксонских уголовных кодексов и их типовое содержание является более четким и компактным по сравнении со структурой колониальных статутов и кодексов времен Британской империи. При этом уголовные кодексы не имеет

чёткого обозначения в качестве «Особенной части». Система норм применительно к отдельным составам преступлений условно обозначается в доктрине как «*Specific Offences*»[1].

В структурно-систематическом плане Особенная часть большинства УК состоит из разделов и глав, где обособляются блоки статей с описанием составов преступлений (*specific crimes*) по предметам посягательства и объектам уголовно-правовой охраны, которые используются в качестве системообразующего критерия Особенной части.

С точки зрения *систематики преступлений* выделяются следующие категории (группы), исходя из приоритета охраняемых уголовным законом интересов: 1) *преступления против государства*, включающие преступления, посягающие на интересы армии, флота и воздушных сил; 2) *преступления против общественного благополучия*, включающие преступления государственных служащих или направленные против них, избирательные преступления, преступления против правосудия, финансовые преступления и фальшивомонетничество, преступления, затрагивающие общественное здравоохранение и безопасность, преступления против нравственности и добрых нравов; религиозные преступления; 3) *преступления против личности*, посягающие на человеческое тело, жизнь и здоровье, похищение людей и работорговля, половые преступления, и др.; 4) *преступления против собственности*, включающие преступления против чужого имущества, в т.ч. хищения, разбой, мошенничество, вымогательство, нарушение чужих границ; преступления, связанные с документами и товарными знаками; 5) *преступления против семьи и брачных отношений*; 6) *преступления, посягающие на честь и деловую репутацию*; и др.

Как видно, структурирование Особенной части кодексов и *иерархия объектов* уголовно-правовой защиты *не* всегда соотносятся со степенью общественной опасности преступлений, расположенных в тех или иных главах. Похожая проблема и в континентальных кодексах[2].

Австралийский правовед *К.Х. Джиффорд*, анализируя *юридическую технику* кодифицированных актов как особого вида статута, отмечает следующие его черты: 1) каждый акт о кодексе имеет свой регистрационный номер, полное и сокращенное наименование в начале текста; 2) указание на дату вступления кодекса в силу и отмену ранее действовавших разрозненных актов; 3) включение преамбулы и вводного мини-титула с терминами и исключениями; 4) деление основного текста кодекса на секции, подсекции, параграфы, разделы и т.п.; 5) выделение специальной секции или главы для дефиниций важнейших понятий, встречающихся в акте[3].

---

[1] См., например: *Gaur Krishna Deo*. Textbook on the Indian Penal Code. New Delhi, 2019. P. cxxv.

[2] Так, в Особенной части УК РФ охрана жизни и здоровья человека поставлены на первое место, но по строгости наказания преступления против личности располагаются на 13 месте из 19. См.: *Кириенко М.С.* Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: Дис. ...канд. юрид. наук. Омск, 2015.

[3] *Gifford K.H.* How to understand an Act of Parliament. Sydney, 1977. P. 17.

При этом английский правовед *М. Грюнхут* уточняет, что в кодексах общего права термин «*section*» на языке закона соответствует немецкому параграфу или статье, а термины «*subsection*» и «*paragraph*» – пункту и абзацу (части) статьи[1]. Особенностью *кодистической техники* является то, что публикуемые кодексы имеют «заметки на полях» (*side notes*) Не будучи частью кодификационного акта, они воспроизводят в «*телеграфном стиле*» содержание его отдельных статей, позволяя тем самым быстро найти нужную статью по такой навигации.

В завершении остановимся на *юрислингвистических аспектах* уголовно-правовой кодистики в странах общего права. В ряде кодексов до сих пор наблюдается архаический стиль и язык текста, в описании заголовков статей и в формулировках составов времен Викторианской эпохи. Преимуществом языкового оформления было обособление специальной главы с опорными понятиями в виде уголовно-правовых дефиниций. Здесь закрепляются как общеупотребительные и ведомственные понятия, так и специфические юридические понятия.

В нормах *Общей части* кодексов встречаются обобщающие абстрактные положения, закрытые и раскрытые законодательные понятия, оценочные формулировки. В числе нетипичных формулировок, дополняющих типовые правовые нормы, можно выделить юридические презумпции (наличие *mens rea,* знание законов, наличие деликтоспособности и вменяемости), фикции (наказание юрлица), аксиомы (уголовный закон обратной силы не имеет), конструкции (закрепление *corpus delicti,* конструкция *reasonable man*).

Среди специальных *уголовно-правовых презумпций*, дополняющих основные нормы о субъекте преступления и принципах наказания, в кодексах часто используют такие, как: *презумпция повышения* тяжести содеянного с усилением наказания при совершении его в соучастии, повторно, с отягчающими обстоятельствами; и обратная *презумпция снижения* опасности личности при первом совершении преступления, в исключительной ситуации или со смягчающими обстоятельствами.

Ряд специалистов по *технике кодификации* и сами авторы-кодификаторы в семье общего права (*Дж. Бентам, Т.Б. Маколей, Поллак* и др.) высказывали мнение, что кодексы должны снабжаться *иллюстрациями* и *примечаниями* к статьям, разъясняющими их положения через сложные *юридические казусы*. *Иллюстрации* к статьям кодекса призваны выполнять техническую роль корректирования и направления практики по уголовным делам. Подобная юртехника кодекса должна органично вписываться в британскую судебно-правовую систему. По замыслу кодификаторов, уголовно-правовые прецеденты, включенные в УК, получали большую силу, чем обычные прецеденты, будучи прямо подтверждены законодательным органом и инкорпорированы в текст закона[2].

---

[1] *Грюнхут М.* Английское уголовное право // Современное зарубежное уголовное право. М., 1961. С. 238.
[2] *Russel E.* A History of the law in Western Australia. Sydney, 1980. P. 137.

Лингвистическая специфика диспозиций с составами преступлений в Особенной части выражается в том, что законодатель увлекается *казуистическими* формулировками и излишне детализированными описаниями *actus reus* преступлений, делает оговорки и исключения, добавляет иллюстрации и примечания (с дополнительными дефинициями, техническими терминами, разъяснениями нетипичных ситуаций, оснований освобождения от ответственности, либо с отсылками к судебной практике и к процедурным моментам).

В контексте англоязычной *уголовной терминосистемы* в УК общего права можем видеть полисемантику, многозначность и одновременно лаконичность юридических терминов, терминологических словосочетаний с массой синонимов. Это относится прежде всего к аким двум категориальным понятиям, которые обозначают «преступление» и «наказание». Так, для описания *уголовного правонарушения* наряду с основным термином «*crime*» используются такие равнозначные, как *criminal act, offence, wrongdoing* и *delinquency* (преступление несовершеннолетних) и *illegal / lawless* (незаконный / неправомерный) или *criminal* (уголовный либо же преступник), а также уточняющие степень тяжести преступления: *core crime* (особо тяжкие, или международные), *felony* (тяжкие уголовные), *misdemeanor* (судебно-наказуемый проступок) и *petty offense* (мелкое преступление). В синонимический ряд «наказание» включаются термины: *punishment, penalty, sentence*, а также описательные глаголы, связанные с наказанием: *to escape punishment, to impose a penalty (punishment), to serve a sentence*, или *penitentiary* (исправительный, пенитенциарный)[1].

Структурно-семантические особенности терминов для обозначения преступлений в Особенной части характеризуют *многозначность*, многокомпонентность и разветвленность интерпретации с учетом макро- и микро-контекста. Исследователи приводят в пример два самых многочисленных по составам уголовных деяния – убийство и кража.

Так, наряду с двумя «зонтичными обозначениями» убийства как *killing* (умерщвление) и *homicide* (лишение жизни), различаются виды убийства по формам вины и мотивам: *murder* (преднамеренное или умышленное убийство), *manslaughter* (непредумышленное убийство), *assassination* (политическое/религиозное убийство), *slaughter* (массовое убийство), и др. Такое же многообразие терминологических обозначений кражи (воровство) с разными смысловыми оттенками: обобщающие термины *theft, larceny* и *stealing*, и различия по размеру похищенного, способу и обстоятельствам хищения: *pilferage* (мелкая кража), *pickpocketing* (карманная кража), *shoplifting* (кража в магазине), *carjacking* (ограбление в виде угона автомашины), *robbery* (грабеж с насилием, или разбой), *burglary* (взлом жилища ночью с умыслом на фелонию)[2].

---

[1] *Алексеева Т.В., Федосеева Л.Н.* Структурно-семантические особенности и способы перевода англоязычных юридических терминов: терминосистема уголовного права // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. №2. С. 346.
[2] *Алексеева Т.В., Федосеева Л.Н.* Указ. соч. С. 348.

При изложении статей УК юристы общего права нередко применяют *отсылочно-бланкетный* способ. В статьях со *сложными конструкциями* составов ситуативно включаются открытые (примерные) и закрытые (исчерпывающие) перечни с объектами посягательства, условиями и обстоятельствами преступления, и др. В статьях Особенной части могут быть *специальные составы* – привилегированные и квалифицированные, имеющие специфические *actus reus*, свойства и виды объекта посягательства или специального субъекта. Кодифицированные акты нередко завершаются «перечнями» (*schedules*), которые в силу меньшей значимости не включаются в сам текст кодекса, хотя он и содержит отсылки к ним.

§ I.2. Генезис техники кодификации в средневековой правовой традиции

§ I.2.1. Попытки архаичной систематизации права в Римской период (I–V вв.)

1. *Зарождение кодификационной практики в древнем праве*

Дж. Филлимор утверждал, что право в своем естественном прогрессе проходит *три периода*: первый – период «младенчества» права, который характеризуется господством обычая; второй отличается усложнением и разнообразием права, в результате чего правовой массив хаотично наращивается и требует прецедентного подхода; третий период является вершиной эволюции права и это *кодификация права*, которая возводит его в ранг подлинной науки[1]. Британский юрист *Генри С. Мейн* начал свою самую влиятельную работу «*Древнее право*» 1861 г. с главы «Древние кодексы», в которой он обсуждал классические памятники права древности, такие как индусские «Законы Ману» (*Hindu Laws of Manu*) и римские «Двенадцать таблиц», противопоставляя эти кодексы современной идее кодификации[2].

Если подходить к периодизации всеобщей истории права с позиции генезиса и эволюции форм кодификационного нормотворчества, учитывая разнообразие культур нормообразования и техник систематизации, то самый древний пласт *кодификационной практики* можно обнаружить в *древневосточной правовой традиции*[3].

В цивилизационном пространстве Древнего мира сложилась *трёхуровневая модель* систематизации позитивного права: 1) обособление институционального уровня системы права («*контекст*»), 2) процесс его кодификации в правовых памятниках («*текст*»), и 3) новеллизация институтов с последующей рецепцией в социокультурной метасистеме

---

[1] *Phillimore J.G.* Private Law among the Romans from the Pandects. London, 1863. P. 16.
[2] *Maine H.* Ancient Law, its connection with the early history of society and its relation to modern ideas / With an introduction and notes by Sir Frederick Pollock. 4th American from the 10th London ed. New York, 1906.
[3] *Крашенинников П.В.* Зарождение права. М.: Статут, 2016. С. 19-20.

(«*гипертекст*»)[1]. При этом «*текстовое право*» опиралось на два типа *архаических кодексов*, которые можно выделить по их особенностям, включая юридико-технические и сугубо кодикологические: 1) *клинописно-иероглифические кодексы* (шумеро-аккадские, вавилоно-ассирийские, древнеегипетские и древнекитайские своды законов); и 2) *сакрально-жреческие кодексы* (сеферные кодексы Торы, брахманско-ведические кодексы Индии) [2].

Клинописную фиксацию права и систематизацию законов в виде «***клинописных кодексов***», впервые появившихся у древних шумеров – Кодекс царя Ур-Наммы и его сына Шульги (г. Ур, 2112 – 2095 гг. до н.э.)[3], позднее позаимствовали аккадцы, вавилоняне, хетты, ассирийцы, а также финикийская правовая культура, которая в свою очередь была положена в основу древнегреческого юридического письма (текста кодексов).

По нашему мнению, типологически *все своды законов* Месопотамии довольно близки и имеют похожее ***диахроническое измерение*** их текстов, исходя из особой *техники и схемы систематизации* права: сначала «ревизия» и «инкорпорация» (в форме т.н. «*кодексов интронизации*»), а затем «консолидация» и «квази-кодификация» обычно в конце правления царя, которые по своей технике исполнения представляли консолидированные акты – «*царские судебники*» по вопросам царской юрисдикции и отдельным институтам частного права

Эти кодексы как более зрелые виды *клинописно-монументальной кодификации* по композиции и структуре отражали достаточно высокой для того времени уровень техники систематизации (*кодистики права*). Но важно заметить, что клинописные правовые своды прошли долгий путь структурной эволюции, прежде чем сложилась их знаменитая впоследствии *трёхуровневая структура*: ***пролог – корпус – эпилог***. В центральной же части царских сводов закреплялся обычно сам *корпус* юридического текста, содержавший синкретичные протонормы и казуистические запреты (шум. *di-tilla*), которые разбивались на тематические подразделы (условные статьи и параграфы) кодекса.

Таким образом, *месопотамские своды законов* по своей *архитектонике* прошли длительный путь системно-структурной эволюции своего содержания и внешней формы. Началось структурирование юридических текстов с царских прокламаций о «восстановлении справедливости», которые в будущем выступали уже как прологи к судебникам, или вводная часть более зрелых «кодексов права». Затем перешли к использованию синкретичных с юридическими нормами сакральных санкций в строительных надписях царей, как прообраз

---

[1] *Трикоз Е.Н.* Сравнительно-историческое изучение кодификации права // Актуальные проблемы юриспруденции в России и за рубежом. Сб-к научных трудов. Вып. № 3. Новосибирск, 2016. С. 18-20.

[2] См. подробнее: *Трикоз Е.Н.* Исследование феномена кодификации права на основе сравнительно-исторического подхода // Гармонизация подходов в исследованиях и обучении праву. Жидковские чтения / Отв. ред. *М.В. Немытина*. М.: Изд-во РУДН, 2015. С. 353-358.

[3] *Трикоз Е.Н.* Кодекс древнешумерского царя Ур-Наммы: археология памятника права // Вторая Всероссийская научная конференция «Дьяковские чтения» / Исторический факультет МПГУ. М., 2015.

будущих эпилогов древневосточных кодексов. И наконец научились кодифицировать собственно юридические протонормы-запреты и казусы, систематизируя их в центральной части царских судебников.

Кодистический сравнительный анализ юридических сборников *древнего Средиземноморья* показывает интенсивное месопотамское влияние. Клинопись на аккадском и шумерском языках оставалась языком официальной переписки, делового документооборота и законодательных сводов в этом регионе[1].

Но в другой части Древнего Востока – на территории *Южного Средиземноморья* и в особенности в царствах *Древнего Египта* сложилась особая правовая цивилизация[2]. Здесь были весьма редкими попытки *систематизации* законодательства (издание царских указов и инструкций в виде *хеп* и *теп-ред*), но при *четырех фараонах* всё же были составлены правовые своды: при фараоне *Менесе* из первой правящей династии в кон. IV тыс. до н.э.; при фараоне *Сазихисе* в эпоху Древнего царства; при фараоне *Рамсесе Великом* из XX династии; при фараоне *Бокхорисе* из XXIV династии. Так, фараон *Бокхорис* (др.-егип. *Бекенренеф*, греч. *Bókchoris*; 720–715 до н.э.), сын фараона Тефнахта, основателя XXIV-й династии, с помощью своих придворных жрецов разработал сводный «*Кодекс Бокхориса*» на свитках папируса, где отводилось большое место регламентации торговых сделок и иных договоров, закреплялись формуляры частноправовых контрактов и проч. Ряд авторов полагают, что *кодификация Бокхориса* возможно никогда не существовала, а более поздняя античная традиция сложилась под влиянием политической пропаганды ранних фараонов XXVI династии.

Считается, что свод Бокхориса послужил образцом для афинского правителя *Солона* в период подготовки им собственного свода законов. Так, в 571 г. до н.э. Солон в качестве архонта-законодателя отправился в Египет для изучения местного опыта правовых реформ[3]. Впоследствии это имя использовалось греками, чтобы обосновать реформу Солона и свод его законов, как заимствованные и вдохновленные «мудростью Египта»[4].

В контексте древневосточной правовой традиции *авторские кодификации* выполняли важную доктринальную (идейно-философскую) и законопроектную (нормативно-прогностическую) роль. При этом официальная *публично-правовая кодификация* была обычно весьма консервативной и формализованной, освещенной свыше и четко отражающей процессы консолидации и централизации государственной власти. *Частные*, или *авторские кодификации*

---

[1] *Клочков И.С.* и др. Указ. соч.
[2] *Трикоз Е.Н.* Формирование древнеегипетского права: у истоков древнейшей правовой традиции // Правоведение. 2005. № 1. С. 183-193.
[3] *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания: В 2-х тт. Т. 1. М., 1994. С. 109; *Платон*. Собрание сочинений. Т. 3. М., 1994. С. 426.
[4] *Markiewicz T.* Bocchoris the Lawgiver or was He Really? // Journal of Egyptian History. 2008. Vol. 1, № 2. P. 309-330.

имели свою особую *предметную область* нормативного регулирования, будучи направлены главным образом на защиту частных и изредка также публичных интересов в сфере права.

Резюмируя отметим, что древние *царские кодексы* шумеров, вавилонян и египтян и *жреческие трактаты* индийцев были следствием и отражением особого этногенеза и психотипа древневосточной цивилизации, религиозного мировоззрения, культового и судебного календаря, специфического местного хронотопа в виде циклического мироощущения и ритуального восприятия времени-пространства[1], а также лингвистических и эпистолярных особенностей кодификаций (клинописно-монументальные кодексы и иероглифически-свитковые кодексы).

На следующем важном этапе ***генезиса*** *техники кодификации* в контексте формирования *греко-римской правовой цивилизации* накопился особый опыт систематизации права. Деятельность первых систематизаторов-*номофетов*, в числе которых *Залевк* (южноиталийские Локры), *Харонд* (сицилийская Катана), *Фейдон* (Коринф), *Филолай* (Фивы), *Питтак* (Митилена), *Драконт* и *Солон* (Афины)[2], проходила в обстановке социального противостояния простого демоса и эвпатридов (период VII–VI вв. до н.э.), что вызвало к жизни реформационное *законодательное движение*[3]. Все они выступали в роли т.н. *эсимнетов*, посредников и социальных реформаторов, с чрезвычайными полномочиями для записи норм права и систематизации законодательства. Локальные опыты архаической кодификации обычного древнегреческой общины-полиса стали первым звеном в череде уступок социальной революции в античном мире и преодоления правового вакуума, который «нужно было заполнить чёткими и твёрдыми установлениями, способными заменить родовые традиции»[4].

Систематизированное законодательство как результат социальных потрясений увенчалось изданием «*кодекса Харонда*» (ок. 620 г. до н.э.), ученика локрийского Залевка из сицилийской Катаны[5]. Позднее этот *частный кодекс* был принят в халкидских колониях Италии, и стал именоваться «νόμιμα Χαλκιδιχά» («*Халкидские законы*»)[6]. Свод законов Харонда как талантливого номофета Италии и Сицилии нередко сравнивали с «*кодексом Солона*», считавшегося лучшим образцом законодательства Афин и в целом Эллады[7].

---

[1] *Трикоз Е.Н.* Понятие «хронотоп» в различных политико-правовых культурах // Мат-лы Всероссийской научной конференции «Правовые культуры», посвященной памяти О.А. Жидкова. М.: Изд-во РУДН, 2012. С. 120-132.

[2] О деятельности древнегреческих законодателей см.: *Adcock F.E.* Literary Tradition and Early Greek Codemakers // The Cambridge Historical Journal. Vol. II. 1927. № 2. P. 95-109.

[3] См. подробнее: *Трикоз Е.Н.* Становление системы источников права в Древних Афинах // Изв. вузов. Правоведение. 2007. №4. С. 196-207.

[4] *Шишова И.А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Л., 1991. С. 67.

[5] *Gerlach F.D.* Zaleukos. Charondas. Pythagoras. Zur Kulturgeschichte von Grossgriechenland. Basel, 1858.

[6] *Lewis J.D.* Early Greek lawgivers. Bristol Classical Press, 2007.

[7] *Строгецкий В.М.* Античная традиция и современная историческая наука о законодательстве Залевка и Харонда // Среда, личность, общество: Доклады конференции. М., 1992. С. 122-126.

Своего рода ***мини-уголовный кодекс*** подготовил фесмофет Драконт (греч. Δράκων – «зоркий»; ок. 625–600 гг. до н.э.) в частном порядке во время его службы при архонте Аристэхме (622/621 г. до н.э.)[1], который представлял собой письменную фиксацию древних обычаев и законов (*θεσμοί / thesmoí*) об отдельном составе преступления – убийстве, с целью разъяснения и уточнения спорных его аспектов[2].

Свод «*Δρακόντειοι νόμοι*» предназначался для аристократических судей Афин, компетенция которых по делам об убийстве разграничивалась: умышленное убийство подлежало суду Ареопага (архонту-басилею и филобасилеям), а остальные составы рассматривались коллегиями эфетов (в Дельфинии и Палладии)[3]. Таким образом, кодекс Дракона стал важным шагом на пути к государственной монополии на насилие и официальную систематизацию.

При архонте Солоне в 594 г. до н.э. *Драконтовский свод* был подвергнут рекодификации. Появившийся в итоге «*Кодекс Солона*» содержал сокращенную перепись законов Драконта об убийствах[4]. С *кодистической стороны* этот новый *свод Солона* имел необычное внешнее оформление: его текст был разделен на *аксоны* (*ἄξων*) как на главы в виде деревянных табличек, которые вращались и были закреплены у стены. Отдельные законы Солона были выгравированы на трехсторонних стелах-*кирбах* (*κύρβεις*), поставленных на площади[5]. *Драконтовский свод* был распространён на всю территорию Аттики, что способствовало унификации права и более тесному объединению страны[6].

Если в Древней Греции авторами локальных кодификаций были эсимнеты-законодатели, то в ***Древнем Риме*** эту роль брали на себя жрецы-*понтифики*[7]. Один из них, древнеримский великий понтифик *Гай Папирий* (*Gaius* или *Sextus Publius Papirius*) в первый год Римской республики стал автором наиболее *раннего свода* сакрального права «*Jus Civile Papirianum*» (или *Jus Papirianum*)[8].

Предполагают, что этот свод был составлен сразу же после изгнания царей из Рима (ок. 509 г. до н.э.), о чём свидетельствует Тит Ливий (VI.1) и подтверждает Секст Помпоний (Dig. I,

---

[1] *Суриков И.Е.* Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. 144 с.
[2] *Gagarin M.* Dracon and Early Athenian Homicide Law. Yale University Press, 1981.
[3] *Eder W.* The Political Significance of the Codification of Law in Archaic Societies // Social Struggles in Archaic Rome. Berkeley, 1986. P. 262-300.
[4] *Schmitz W.* Leges Draconis et Solonis (LegDrSol). Eine neue Edition der Gesetze Drakons und Solons mit Übersetzung und historischer Einordnung. Stuttgart, 2023.
[5] *Davis G.* Axones and Kurbeis. A New Answer to an Old Problem // Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte. 2011. Vol. 60, no 1. P. 1-35.
[6] *Харийс Туманс.* Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII – V вв. до н.э.). СПб., 2002. С. 98-99; *Schlesinger A.C.* Draco in the Hearts of His Countrymen // Classical Philology. 1924. Vol. 19(4). P. 370-373.
[7] *Понтифики* – это самоназвание первых знатоков римского права, которое произошло от наименования особого места *pons sublicius* на деревянном мосту через р. Тибр, где обе стороны спора оставляли плату накануне судебного разбирательства, в которое был приглашён понтифик для осуществления третейского суда.
[8] *Marieluise Deißmann-Merten*. Papirius, 1-5 // Der Kleine Pauly. Band 4. Stuttgart, 1972. Sp. 488.

tit. 2). Он также поясняет, что этот понтифик не стремился дать толкование всего *lex lega*, а преследовал цель письменно зафиксировать и собрать «всеобщий свод» законов (*leges regiae*)[1].

В итоге *Гай Папирий* собрал воедино и записал религиозные постановления времён царя Нумы Помпилия и законы деревянных табличек царя Анка Марция[2]. Отдельные положения «*свода Папирия*» касались сакрального права (*jus pontificum*) и жреческого ритуала, но другие содержали нормы гражданского и уголовного права, являясь по сути отражением устоявшихся правовых обычаев и практик (*commentarii pontificum* – «записи понтификов»)[3].

Но нельзя забывать, что великому понтифику также подчинялась особая коллегия жрецов-фециалов, следивших за соблюдением международных договоров, мирными переговорами и объявлением войны. И вполне вероятно, что нормы формировавшегося в Риме международного права также вошли в свод «*Jus Papirianum*»[4].

В конце Республики (во времена Юлия Цезаря) стал циркулировать сборник законов, приписываемый некоему *Papirius* и потому получивший название «*Jus Papirianum*», ставший широко известным благодаря комментариям Грания Флакка (I в. н.э.), который называл данный свод «*De jure Papiriano*» (Dig. 50, tit. 16, s. 144).

Помимо знаменитого понтифика Папирия, отличился ещё один магистрат – цензор 312 г. до н.э. *Аппий Клавдий Цек* (*Caecus*), потомок одноименного децемвира. Он систематизировал в виде понтификальной книги «*Tabula Fastorum*», создал юридический календарь судей-понтификов – расписание судебных дней (*dies fasti и nefasti*) вместе с формулами распространенных исков (*legis actiones*), которые он подробно описал и привёл в строгую систему[5].

И, наконец, его секретарь либертин Гней Флавий (*Gnaeus Flavius*), имевший доступ к личным бумагам патрона, выманил у Аппия Клавдия эти «*фасции*» и предал их гласности, обнародовав на римском форуме (Liv. IX. 46; Gellius VII. 9). Так появилось на свет первое систематизированное «*Руководство к судебным действиям*» Флавия в виде сборника судебных формул с толкованиями норм права (*legis actiones*). К тому времени понтифики уже разработали собственную доктрину и корпус комментариев к нормам материального и

---

[1] Заслуга составления наиболее полного свода из известных нам «царских законов» семи древнеримских рексов принадлежит профессору Берлинского университета *Дирксену* (1823 г.). См. текст: *Брунс*. Fontes juris romani antiqui, Тюбинген, 1876. С. 1-11.

[2] *Broughton T. Robert S.* The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I (509 B.C.–100 B.C.). New York, 1951. P. 4.

[3] *Giovanni Baviera*. I “Monumenta” di Manilio e il Jus Papirianum. Presso la direzione dell’Archivio giuridico, 1903.

[4] Roman Law before the Twelve Tables: An Interdisciplinary Approach / Ed. by *P.J. du Plessis, S.W. Bell*. Edinburgh, 2020.

[5] *Бердников И.* Государственное положение религии в Римско-Византийской империи. Казань, 1881. Т. 1. С. 123.

процессуального права (наряду со строгой буквой «Законов XII Таблиц»)[1]. Авторский «*судебный кодекс*» Флавия был официально издан как эдикт в 304 г. до н.э. под названием «*Jus Civile Flavianum*».

Итальянский историк-романист Э. Пайс, сопоставляя этот сюжет обнародования «Руководства» Гнея Флавия с преданием о разработке «*Законов XII Таблиц*», приходит к любопытному выводу, что *компиляция из 12 таблиц* была *частным* юридическим сборником III в. до н.э., составленным не коллегией децемвиров, а двумя персонажами – Аппием Клавдием и Гнеем Флавием[2].

Рассмотрев феномен *ранних* авторских «кодексов» и полуофициальных кодификаций на примере древних правовых сводов, мы приходим к выводу, что они выполняли важную доктринальную (идейно-теоретическую) и законопроектную (нормативно-прогностическую) роль в развитии системы позитивного права и техники его систематизации.

2. *Архаичная систематизация права в римской Британии (I – V вв.)*

Далее рассмотрим попытки *архаической систематизации* с элементами римской *техники систематизации и юртехники* в римской провинции Британии. В этот письменный период правогенеза наблюдались частичная *правовая экспансия* римского нормотворческого опыта, ревизии бритто-кельтских сводов обычного права, проникновение латинских текстов и попытки их «одомашнивания» путем частичной инкорпорации, с целью включения в традиционный правопорядок.

Сложность изучения этого вопроса в раннесредневековой Британии связана с недостаточным количеством археологических свидетельств и письменных источников по правовой истории провинции, с фрагментацией нарративной традиции в ее описании и многочисленными лакунами («Записки о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря, «Жизнеописания двенадцати Цезарей» Г. Светония Транквилла, «Агрикола» Тацита и др.)[3]. Более поздние работы *св. Патрика* и *Гильды Премудрого* демонстрируют выживание латинской грамотности и

---

[1] *Сморчков А.М.* Коллегия понтификов и гражданская община (IV – II вв. до н. э.) // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994.

[2] См.: *Pais Ettore*. Storia de Roma. Vol. I. 1898; Vol. II. 1899. По кн.: *Хвостов Б.М.* Новый труд по критике римской традиции (Ettore Pais, Storia de Roma Vol. I p. 1, 1898 г., Vol. II p. 2. 1899 г.) // Доклад на заседании Исторического общества при Московском Университете, 2 декабря 1901 г. URL: http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=155#_ftn1 (дата обращения: 25.12.2024).

[3] *Tacitus*. Agricola / Transl. by *H. Mattingly* and revised by *J.B. Rives*. London: Penguin Group, 2009; *Алексеева А.И.* Нарративная традиция в истории стратегической политики Рима в Британии в I в. до н.э. – I в. н.э. // Гуманитарные исследования. 2005. № 4. С. 85-89.

типично римского образования, обучения и понимания права в элитном обществе Британии на протяжении по крайней мере V – сер. VI вв.[1]

Кроме того, при изучении *романизации* Британии исследователи сталкиваются с различной степенью римского влияния в отдельных областях острова[2]. Многочисленные надписи на западе и отчасти в северной Британия отражают практику *эпиграфики*, тексты с живой латынью и римским содержанием[3]. Латынь активно влияла на *правовые тексты* с точки зрения их структуры и внешней формы, хотя они нередко составлялись на древнеанглийском (бриттонском) языке[4]. После ухода римлян, англосаксонские племена оккупировали большую часть римской Британии, вытеснив, ассимилировав и поработив местных *романо-бриттов*[5]. Но даже во время строительства дамбы Оффа, отделявшей Уэльс от средневековой Англии, люди к западу от нее продолжали считать себя «*римлянами*», и тому подтверждение большое количество латинских надписей, датированных постримским периодом (вплоть до VIII в.)[6].

В англоязычной литературе концепцию «*романизации Британии*» развили в своих работах *П. Блэйр, Р. Джексон, Р. Коллингвуд, М. Миллет, Л. Ривел, Й. Ричмонд, Ш. Фриэр*, *Ф. Хэверфилд* и др., которые отводили главную роль в этом процессе романо-британскому урбанизму и культурной трансформации Британии[7]. Так, *Питер Блэйр* отмечает, что ко времени первой экспедиции Цезаря в Британию в 54-53 гг. до н.э. миграционные движения установили тесные связи родства и общие культурно-политические связи между народами галлов и бриттов. И настоящая история Британии начинается с *римской оккупации* и их правовой экспансии, поскольку римляне первыми оставили существенные археологические и документальные свидетельства[8]. По мнению *Руперта Джексона*, автора книги «Римская оккупация Британии и ее наследие» (2021 г.), она оставила неизгладимое наследие, в контексте которого создание Лондона как британской столицы, контуры местной дорожной системы, разделение Англии и Шотландии, которую никогда не включали в состав провинции Британия,

---

[1] *St. Patrick*: His Writings and Muirchu's Life / Ed. and trans. by *A.B.E. Hood*. Chichester, Phillimore, 1978; *Gildas*. The Ruin of Britain and other works / Ed. by *M. Winterbottom*. Chichester, Phillimore, 1978; *Гильда Премудрый.* О погибели Британии / пер. *Н.Ю. Чехонадской*. СПб.: Алетейя, 2003.

[2] *Haverfield F*. The Romanization of Roman Britain. Oxford: Oxford University Press, 1915; *Глебов А.Г.* Римская Британия в III – IV веках и ее падение // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2011. №2. С. 89-92.

[3] *Handley M.A.* The origins of Christian commemoration in late antique Britain // Early Medieval Europe. 2001. Vol. 10 (2). P. 177-200.

[4] *Schrijver P.* The Rise and Fall of British Latin: Evidence from English and Brittonic// The Celtic Roots of English / Ed. by *M. Filppula et al*. Joensuu, 2002. P. 87-110.

[5] *Arnold C.* Roman Britain to Anglo-Saxon England, 19844 *Esmonde Cleary A.S*. The Ending of Roman Britain. London, Batsford, 1989. P. 138-141.

[6] *Williams G.A.* The Welsh in their History. London: Croom Helm, 1982.

[7] *Барышников А.Е.* Римская Британия и проблема романизации: кризис традиционной концепции и дискуссия о новых подходах в современном английском антиковедении // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6. С. 200-211.

[8] *Blair P.H.* Roman Britain and Early England: 55 B.C. – A.D. 871. Edinburgh, 1963. P. 5-7.

а также проникавшее на острова римское право, которое «стало частью нашего наследия, хотя имело косвенное влияние»[1].

Кельтские общины бриттов (кельт. *brith* – «пёстрый», «разный», лат. *britanni,* англ. *britons*)[2] на протяжении примерно с сер. I по нач. V вв. были частью Римской империи в качестве обособленной провинции Британия (лат. *Provincia Britannia*)[3]. Римское господство закрепилось в центральной и южной частях острова Альбион, за исключением его северной части – Каледонии (Шотландия) и о-ва Хиберния (Ирландия).

Различают четыре основных периода в политико-правовой истории римской Британии: *цезарианский период* в честь первых римских походов полководца Гая Юлия Цезаря (55 г. до н.э. – 43 г. н.э.); *подготовка к романизации,* когда складывалась система клиентских королевств, начиная от завоевания острова Клавдием (43 – 47 гг.) и до военного наместничества Юлия Агриколы (78 – 84 гг.); *период федерализации* и расширения куриального самоуправления, когда Британия делилась на Верхнюю и Нижнюю с отдельными префектами и затем стала диоцезом из пяти провинций с романизированной системой куриалов (кон. II – III вв.); период конфедеративных тенденций вплоть до выхода Британии из состава Римской империи (407 г.). В общей сложности более трех с половиной столетий Британия оставалась в статусе окраинной римской колонии, что отразилось на ее культурной, политической и собственно юридической истории[4]. Таким образом, римская Британия сначала развивалась как система архаичных клиентских королевств, основанных на местных кельтских политико-правовых традициях, а затем как романизированный субъект Римской федерации с куриальным самоуправлением[5].

У кельтских племен бриттов до прихода римлян не было собственного письменного права, все споры решались по племенным обычаям и устным указам вождей, передававшимся на древнегалльском и собственно кельтском языке[6]. Сохранились явные лингвистические свидетельства тесных контактов между юго-западом Британии и Бретанью в доримский

---

[1] *Jackson R.* What Do We Know about Law in Roman Britain? // A talk by Sir Rupert Jackson to the Northern Legal History Group, 21 March 2024. P. 6. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.4newsquare.com/wp-content/uploads/2024/03/What-do-we-know-about-law-in-Roman-Britain.pdf (дата обращения: 30.12.2024).

[2] В «Англосаксонских хрониках» *бритты* упоминаются как отдельный народ континентальных кельтов, приплывших из области Арморики (*Бретани*), бывшей в те времена провинцией римской Галлии. См.: Из «Англосаксонских хроник» // *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов / Пер. *В.В. Эрлихмана*. СПб., 2001. С. 220-221.

[3] Древние берега Британии впервые были названы *αι Βρεττανιαι* древнегреческим географом *Пифеем* в 330-е гг. до н.э. См.: *Широкова Н.С.* Римская Британия: Очерки истории и культуры. СПб., 2016.

[4] *Сэлуэй П.* Римская Британия (около 55 до н. э. – около 440 н. э.) // История Великобритании: пер. с англ. / Ред. К.О. Морган. М.: «Весь мир», 2008.

[5] *Эзри Г.К.* Политико-правовая история римской Британии // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2014. №25. С. 43.

[6] *Collingwood R.G.* Roman Britain and the English Settlements. Oxford: Clarendon press, 1956.

период[1]. В письменный период правогенеза в обычно-правовой системе бриттонских общин, ассимилировавшихся с римских завоевателями, наблюдалась фрагментарная правовая экспансия римского опыта[2]. Это подтверждается проникновением латинских правовых текстов и государственных источников, попытками их «одомашнивания» путем закрепления в бритто-кельтских сводах обычного права, включения отдельных норм римского права в формирующийся традиционный правопорядок. В этот период центральным звеном ранней англосаксонской традиции становятся нормы вульгарного бритто-римского права (*Romano-British vulgar law*) и обычаи древнейшего ирландско-брегонского права (*Pre-Common Law Ireland and Brehon Law*)[3].

О стойкой правопреемственности с эпохой правовых обычаев писал *Джон Фортескью* (ок. 1394–1479) в своем трактате «*De Laudibus Legum Angliæ*», указывая, что Английское королевство было изначально заселено племенами бриттов и управлялось римлянами, а потом опять только бриттами, после которых пришли саксонцы и датчане, и наконец нормандцы. «И в течение всего этого времени, когда доминировало несколько народов и их королей, Англия тем не менее управлялась теми же самыми *обычаями*, которые продолжают действовать и в настоящем праве»[4].

Сохранилось не так много письменных свидетельств о применении римского законодательства в реальной жизни *романо-британцев*, социальная прослойка которых складывалась в основном в южной Британии как особая категория «римских подданных»[5]. Есть отдельные подтверждения проникновения и присутствия римского права в позднеантичной Британии[6], где оно применялось опосредованно и учитывало локальные обычаи и традиционные нормы, если они были санкционированы имперскими конституциями[7]. Тем самым создавался особый правовой симбиоз – *Roman vulgar law*[8].

Все свободные жители римской провинции Британия объявлялись *де-юре* римскими гражданами и субъектами римского права, т.к. согласно эдикту Каракаллы (*Constitutio Antonina*) 212 г. гражданство было распространено на большинство свободных жителей империи. Этот

---

[1] *Wendy D.* The Celtic Kingdoms // The New Cambridge Medieval History / Ed. by P. Fouracre. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Vol. I: c. 500 – c. 700. P. 255-261.
[2] *Revell L.* Roman Imperialism and Local Identities. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
[3] *Stevens C.E.* A Possible Conflict of Laws in Roman Britain // Journal of Roman Studies. 1947. Vol. 37. P. 132-134; *Henry of Huntingdon*. Henrici archidiaconi huntendunensis Historia Anglorum. London, 1879.
[4] Цит. по: *Tomsinov V.A.* Forging a common legal destiny // Liber Amicorum in honour of William E. Butler. London: Wildy, Simmonds & Hill Publishers, 2005. P. 29.
[5] *Collingwood R., Wright R.* The Roman Inscriptions of Britain. Vol. I: Inscriptions on Stone. Oxford: Clarendon Press, 1965; Vol. II: Instrumentum Domesticum. Oxford: Clarendon Press,1990-1991.
[6] *Birley E.* Roman Britain and the Roman Army: Collected papers. Kendal, 1953. P. 48; *Liversidge J.* Britain in the Roman Empire. New York: Frederick A. Praeger, 1968. P. 303.
[7] *Stevens C.* The Social and Economic Aspects of Rural Settlement // Rural Settlement in Roman Britain / Ed. by *C. Thomas*. 1966. P. 108.
[8] *Levy E.* West Roman Vulgar Law: The Law of Property // Memoirs of the American Philosophical Society. 1951. Vol. XXIX; *Stuhff G.* Vulgarrecht im Kaiserrecht, 1966.

эдикт считается поворотным источником в направлении *романизации окраин* и провинциализации самого римского права[1]. Тогда многие местные законы и обычаи в провинциях пришлось подвергнуть ревизии, чтобы они более соответствовали применимому праву императорского Рима.

С этой целью императорские конституции были объявлены руководящим источником права в римских провинциях, включая Британию[2]. Имперская канцелярия передавала правовые акты на латинском языке в преторианский секретариат (*Praefectura praetorio Galliarum*), откуда они рассылались отдельными копиями всем нижестоящим магистратам Галльской префектуры, включая викария Британии (*vicarius Britanniae*).

Как известно, после разделения Римской империи на четыре префектуры, Британия стала частью Галльской префектуры, и управлялась особым наместником – *викарием* из Йорка, и став в свою очередь диоцезом, была разделена на 4 провинции (*Britannia Prima, Britannia Secunda, Flavia* и *Maxima Caesariensis*) во главе со своими *префектами*[3]. Губернаторами Британии назначались сенаторы в ранге экс-консула, легионеры-*легаты* и *juridici* избирались из сенаторов более низкого ранга, а *tribuni laticlavii* были будущими сенаторами. Рядом с этими чиновниками были поставлены по двое всадников, финансовый прокуратор и префект флота. Различались три вспомогательные уголовно-правовые коллегии, работавшие по аналогии одноимённых римских магистратур, – это чиновники «*tresviri capitales*», которые были вправе арестовывать и наказывать беглых рабов, вести следствие, применять смертную казнь, осуществлять ночной полицейский надзор в городе и оказывать помощь в случае пожара, коллегия «*quattuorviri viarum curandarum*» для присмотра за улицами и лишения гражданских прав, и коллегия «*decemviri stlitibus judicandis*» из десяти присяжных для уголовных процессов[4].

Префекты провинций Британии носили титул *legatus Augusti pro praetore*, и часто назначались из бывших консулов. Они должны были совмещать роль премьер-министра, главы вооруженных сил и главного судьи в важных юридических вопросах, поддерживать отношения с местными вождями-клиентами, которые нередко поднимали бунты, разъезжать по областям провинции, выслушивая жалобы и набирая новое войско[5].

---

[1] *Сэлуэй П.* Римская Британия (около 55 до н. э. – около 440 н. э.) // История Великобритании / Пер. с англ. М., 2008.

[2] *Humfress C.* Laws' Empire: Roman Universalism and Legal Practice // New Frontiers: Law and Society in the Roman World / Ed. by *P. du Plessis*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2013. P. 73-101. P. 87.

[3] *Малюгин О.И.* Административное деление позднеримской Британии и проблема провинции Valentia в англо-американской историографии. URL: http://antik-yar.ru/events/cl-civ-2011/papers/malyuginoi (дата обращения: 25.12.2024).

[4] *Birley A.R.* The Roman Government of Britain. Oxford: OUP, 2005. P. 3-4.

[5] *Тинебекова М.Н.* Восстание бриттов под руководством Боудикки в Римской Британии // Ученые записки: Московский областной педагогический институт им. Н.К. Крупской. М., 1967. Т. 189. Всеобщая история. Вып. 9.

Так, один из самых знаменитых британских наместников провинции *Гней Юлий Агрикола* (77/8 – 83/4 гг.), проводивший успешную военную деятельность (продвижение в Шотландии (Каледонии), покорение бригантов, селговов и ордовиков в северном Уэльсе), и внесший свой большой вклад в романизацию Британии, реализуя свою «гуманитарную» программу[1]: распространение грамотности, внедрение латинского языка, обширное градостроительство, сооружение дорог и фортов[2]. Хотя, по мнению римского историка *Корнелия Тацита*, «добровольное принятие» римских обычаев и языка (британская латынь) местными племенами выступало скорее «формой рабства, а не цивилизации» (Tac. *Agricolae*. 19–21)[3].

На одну ступень ниже наместника в социальной иерархии стоял *прокуратор провинции*, бывший всадником и старшим должностным лицом по финансовым вопросам, подчинявшийся напрямую римскому императору[4]. Местные проримски настроенные аристократы и «олигархии железного века» сохраняли свой административный контроль и управление традиционными землями в рамках римских политических структур и римского законодательства[5].

В провинциальных городах постепенно перенималась муниципальная организация и судебное устройство по модели организации римской *civitas*[6]. В сенате, состоявшем из местных землевладельцев – бриттов и римлян, выбирали особых магистратов для рассмотрения уголовных и гражданских дел, с применением норм римского и обычного права. Магистраты председательствовали в судах и отправляли иные обязанности (надзор за водоснабжением, дорогами, общественными работами и проч.)[7]. Эти местные судейские коллегии в Британии были сформированы по типу римских магистратур. В *куриях* британских городов заседали романизированные *куриалы* из местных жителей, которые принимали решения по местным делам[8]. При этом местные лидеры, выражавшие поддержку и готовность примириться с римскими политико-экономическими интересами, получили привилегию от властей метрополии осуществлять локальное управление в соответствии с бриттскими обычаями и местными законами.

---

[1] *Широкова Н.С.* Гней Юлий Агрикола и его деятельность в Британии // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2010. №9. С. 231-270.
[2] *Copeland T.* Life in a Roman Legionary Fortress. Amberley Publishing Limited, 2014. P. 10-14.
[3] *Tacitus*. De vita et moribus Iulii Agricolae / Transl. by H. Mattingly and revised by J.B. Rives. London: Penguin Group, 2009.
[4] *Эзри Г.К.* К вопросу о власти и провинциальной политики в Риме. Сб. ст. Сарбрюкен, 2014.
[5] *Millet M.* The Romanization of Britain. An Essay in Archaeological Interpretation. 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Chapter 4.
[6] *Jones M.E.* The End of Roman Britain. Cornell University Press, 1998. P. 147148; *Perring D., Pitts M.* The making of Britain's first urban landscape: the case of Late Iron Age and Roman Essex // Britannia. 2006. Vol. 37. P. 189-212.
[7] *Тихонова О.С.* Римский Лондон эпохи принципата; структура городского хозяйства // Норция. 2003. Вып. 6-7. С. 230-266.
[8] *Hingley R.* Roman Officers and English Gentlemen: The Imperial Origins of Roman Archaeology. London: Routledge, 2000.

В крупных городах провинции Британии для помощи местным префектам еще при императорах Флавиях (69 – 96 гг.) была учреждена особая должность «судебного легата» (*legatus juridicus*), назначавшегося из знатоков римского права и обычного права Британии. Известно несколько имен таких британских «*юридициев*», которые приезжали из столицы империи и служили в должности по нескольку лет, такие как *Gaius Salvius Liberalis* (ок.78 – 83 гг.), *Lucius Javolenus Priscus* (ок. 84 – 90-е гг.), *Vettius Valens* (130е гг.), *Sabucius Major Caecilianus* (170е гг.) и *Antius Crescens Calpurnius* (180 – 190-е гг.)[1].

До нас дошли документы разбирательства судебных дел с участием *legatus juridicus* в провинции Британия, которым между 84 и 86 гг. был знаменитый римский юрист *Луций Яволен Приск* (ок. 60–120 гг.). Как известно, вернувшись в Рим после легатства в Британии, он был принят в коллегию жрецов-понтификов, в обязанности которой входило консультирование по сакральному праву[2]. Яволен Приск был правоведом с высокой репутацией, руководил сабинианской юридической школой при императоре Траяне, был автором ряда правовых сочинений, ироко известны его *responsa prudentium* и *quaestiones*, популярные в провинции Британия. К слову, из них более сотни фрагментов процитированы в «Дигестах Юстиниана»[3]. Кроме того, известно, что в британском Йорке свой богатый правовой опыт передавали другие авторитетные классические юристы метрополии – Папиниан, Ульпиан и Павел. Они периодически призывались в Британию, чтобы рассудить сложные правовые споры в качестве арбитров[4] либо выступить в качестве судебных экспертов[5]. Как уточняет Т. Моммзен, римское право быстро развивалось в Британии особенно во II – III вв. н.э., о чем свидетельствуют труды юристов Яволена и Ульпиана, которые обсуждали и комментировали судебные дела в римской Британии[6].

В делопроизводстве публичных властей Британии применялись отдельные принципы и конструкции римского права, так же как при разрешении частных споров[7]. Так, по свидетельству английского правоведа *П. Стейна*, по правилам и доктринам римского классического права регламентировалось в римской Британии вещное, договорное и наследственное право, и такое состояние дел продолжалось довольно долгий период[8]. Важным последствием распространения римской власти в Британии было внедрение античной

---

[1] *Criddle A.* The Real Lives of Roman Britain // World History Encyclopedia. 2016. URL: https://www.worldhistory.org/review/145/the-real-lives-of-roman-britain (дата обращения: 25.12.2024).
[2] *Birley A.R.* The Fasti of Roman Britain. Oxford: Clarendon Press, 1981. P. 214.
[3] *Яволен Приск* наиболее известен высказыванием (D. 50. 17. 202): «Всякое определение в гражданском праве опасно, ибо редки те, которые не могут быть ниспровергнуты» (*Omnis definitio in iure civili periculosa est; parum est enim, ut non subverti posset*). См.: *Nicholas B.* An Introduction to Roman Law. Oxford: Clarendon Press, 1987. P. 29.
[4] *Sherman C.P.* The Romanization of English Law // Yale Law Journal. 1914. Vol. 23, No. 4. P. 318-329.
[5] *Spence G.*, esq. The Equitable Jurisdiction of the Court of Chancery. Vol. I. London, 1846. P. 5-6.
[6] *Mommsen Th.* The Provinces of the Roman Empire from Caesar to Diocletian / Transl. from German by *W.F. Dickson*. London, 1909. Vol. I. P. 194.
[7] *Jolowicz H., Nicholas B.* Historical Introduction to Roman Law. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 470.
[8] *Spence G.*, esq. Op. cit. P. 2-3.

собственности[1]. Последствием экономической романизации в Британии стало появление вилл, которые базировалось на получении излишков сельхозпродукции[2].

Также постепенно развивалось вульгаризированное уголовное право, в котором смешивались отдельные положения римского права и бритто-кельтские нормы (*Romano-British penal law*). Они были основаны на таких римских источниках, как императорские конституции, комициальные законы и судебные решения по отдельным уголовно-правовым вопросам, комментарии римских юристов к ним, а также уголовно-правовые фрагменты кодифицированных актов империи (в частности, Книга 9 «*Кодекса Феодосия*», Книги 47 и 48 «*Дигест Юстиниана*»).

Профессор *У.Г. Миллер* исследовал ранние памятники англосаксонского права и проследил зарождение уголовно-правовых норм в римской Британии. Он отмечает, что на первом этапе становления *системы уголовных законов* они соединяли в себе как гражданские (частные) деликты, так и собственно уголовные (публичные) запреты и санкции. Но при этом «представления местного социума о преступном и уголовно наказуемом зависели от общих традиционных представлений о справедливом и неправомерном»[3].

Раннесредневековый историк *Гильдас Премудрый* (500–570 гг.) критично отзывался о традиционном праве римской Британии и местной уголовно-правовой практике: «Есть в Британии …судьи, но неправедные. Они сидят в кресле судьи, но редко стремятся к соблюдению норм законного судопроизводства …Они держат в тюрьмах множество скованных людей, которых, обременяя цепями, мучают скорее своей хитростью, нежели по заслугам»[4].

По аналогии с сочинениями римских юристов *преступления* в римско-британском праве разграничивались на три категории в зависимости от способа их преследования: 1) *publica judicia*, 2) *extraordinaria crimina*, 3) *private delicte*. Преступления первой категории «*публика юдиция*» охватывали деяния, специально запрещенные конкретными законами, и предусматривавшие серьезные наказания, начиная со смертной казни или без таковой. Такие наиболее тяжкие деликты были перечислены в титулах 4 – 15 Кн. 48 «*Дигест Юстиниана*»[5].

Английский правовед *Дж.Ф. Стифен* попытался дать юридическую оценку закреплению норм о деликтах «*публика юдиция*» в римском уголовном праве, указывая, что «они, по-

---

[1] *Перфилова Т.Б.* История Римской Британии в работах русских и советских специалистов // Европейская историография XX в. Ярославль, 1992. С. 23-32.

[2] *Ляпустина Е.В*. Виллы в Западных провинциях Римской империи // Вестник Древней истории. 1985. №1(172). С. 161-186.

[3] *Miller W.G.* Lectures on the Philosophy of Law, Designed Mainly as an Introduction to the Study of International Law. L., 1884. P. 48, 90-95.

[4] *Гильда Премудрый*. О погибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / Пер. *Н.Ю. Чехонадской*. СПб., 2003; *Чехонадская Н.Ю.* Святой Гильда и падение Римской Британии: Дис. …к.и.н. М., 2001.

[5] *Lex Julia Majestatis*, Lex Julia de Adulteriis, Lex Julia de Vi Publica et Privata, Lex Cornelia de Sicariis et Veneficiis, Lex Pompeia de Parricidis, Lex Cornelia de Falsis, Lex Julia Repetundarum, Lex Julia de Annona, Lex Julia Peculatus et de Sacrilegiis et de Residuis, Lex Julia Ambitus, Lex Fabia de Plagiariis. См.: The Digest of Justinian / Ed. and trans. *A. Watson*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2009-2011. 4 vols.

видимому, не совсем отличались от наших современных законов об уголовной консолидации, и сами их формулировки были так же тщательно проработаны и твердо выражены, как и формулировки наших собственных парламентских актов. …Так же как Консолидационные акты 1861 года определяют убийство и воровство»[1].

Преступления «*экстраординария кримина*» охватывали правонарушения, по которым жертва по своей инициативе могла возбудить уголовное преследование, но при этом не проводилось специального расследования (*quaestio*) и не устанавливалось конкретного наказания. Согласно Книге 47 *Дигест*, они обычно включали такие составы, как семейные преступления (*family offences*), незаконный аборт, исповедание новых религий, вымогательство взятки, судебная коррупция, ложное обвинение, завышение цен, кража скота, бродяжничество, разграбление могил, и др.[2] И, наконец, третья категория преступлений «*привата деликта*» охватывала перечень правонарушений, влекущих за собой определенный результат для потерпевшей стороны (например, *actio furti* и *actio injuriarum*).

Впоследствии в Англо-Нормандский период эта *римская типология преступлений*, предполагавшая разделение на три группы, косвенно сформировала известную английскую *триаду преступлений*: государственная измена и фелонии; мисдиминоры по общему праву; частные правонарушения-деликты (*torts*)[3]. Дж.Ф. Стифен справедливо заметил определенное сходство между тем, как с течением времени римские категории *publica judicia* и *extraordinaria crimina* сформировали один тип преступлений, влекущих дискреционные наказания, так же как постепенно были устранены в английском законодательстве почти все существенные различия между уголовным преступлением и правонарушением (*felony and misdemeanour*)[4].

Как отмечали *Ф. Поллок и Ф.У. Мейтленд*, преступление измены имело нечеткие очертания и не одну точку развития (‘*a crime which has a vague circumference, and more than one centre*’), развиваясь из конструкции личного предательства, которое «было обозначено в наших старых правовых книгах как *seditio exercitus vel regni*» (от лат. *seditio* – бунт, мятеж, восстание), и будучи связана с обязательством верности сеньору и не злоупотребления его доверием… Далее появляется *римский элемент*, когда вассалы начинали понемногу узнавать о *crimen laesae maiestatis*» (лат. «оскорбление величества»)[5].

Можно полагать, что так происходило заимствование состава из *римского уголовного права* через категорию «преступления против римского народа, государства или императора», закрепленную в *Lex Iulia maiestatis* 48 г. до н.э., один из главных элементов которого был

[1] *Stephen J.F.* A History of the Criminal Law of England. Cambridge University Press, 2014. P. 14.
[2] The Digest of Roman Law: Theft, Rapine, Damage and Insult / Ed. and trans. *C.F. Kolbert*. Middlesex, 1979.
[3] *Stephen J.F.* A History of the Criminal Law of England... P. 12.
[4] *Stephen J.F.* Op. cit. P. 13.
[5] *Pollock F., Maitland F.W.* The History of English Law Before the Time of Edward I. Cambridge University Press, 1898. Vol. II. P. 503.

заговор против жизни главных магистратов империи, или посягательство на величие (D. 48. 4)[1]. Данная часть римского публичного права могла проникнуть вместе с завоевателями с континента и укрепилась после учреждения здесь римской провинции[2].

При римском императоре *Клавдии* бритто-кельтская каста жрецов – *друиды* была признана преступной и объявлена вне закона. В 61 г. н.э. их священные рощи на острове Мон (Англси в северном Уэльсе) были захвачены римским полководцем Светонием Паулином, который уничтожил все сакральные убежища друидов. Здесь следует подчеркнуть, в пределах Уэльса недолгий период также действовали отдельные нормы *римского права* и судебные практики римских магистратов и их ставленников.

Впоследствии эти *реципированные нормы*, устоявшиеся в период римско-бриттского владычества, вместе с *кельтским обычным* правом и религиозными предписаниями были систематизированы в древнем *валлийском своде* под названием «*Каноны Валлици*» (лат. *Canones Wallici*) VI – VII вв.[3]

Во многих *валлийских нормах* оставались немногочисленные признаки сосуществования с *римским правом* во время имперской колонизации. Многие из норм обычного права (*Welsh tribal law*) возникли до римского завоевания Британии и сохранялись как бриттские правовые обычаи. В X веке они были систематизированы в средневековом Своде («кодексе») валлийских законов *Хивела Доброго*.

Кодистический интерес представляет техника систематизации кельтского права в *древней Ирландии*[4]. По легенде кельты пришли на Британские острова во главе с неким *судьей Брутом* (*Brithem*) и дали тем самым новое название стране – «Британия».

Речь идет о т.н. «*брегонском праве*» (англ. *brehon law*), которое получило распространение у кельтов по самоназванию местных знатоков права – *брегонов* (ирланд. *breitheamh*, англ. *brehon* – судья-арбитр). Они происходили от языческих жрецов-мудрецов *филе* (*filí* – пророки), которые считались наследственными провидцами и хранителями обычаев, составителями формул процедуры и надзирателями за точностью обрядов[5]. Руководствуюсь правовой интуицией и общим правосознанием, *брегоны* давали заключения по содержанию и толкованию древних обычаев и королевских постановлений. Выслушивая из уст *брегона* в его особой

---

[1] *Pollock F., Maitland F.W.* The History of English Law Before the Time of Edward I. Cambridge University Press, 1899. Vol. I. P. 29.
[2] *Craies W.F.* Treason // Encyclopedia Britannica. Cambridge University Press, 1911. Vol. 27. P. 223-228.
[3] *Bieler L.* Towards an Interpretation of the So-called Canones Wallici // Medieval Studies Presented to A. Gwynn, S. J., 1961. P. 387-388; *Davies W.* Land and Power in Early Medieval Wales // Past and Present. 1978. Vol. LXXXI. P. 3-4.
[4] Ancient laws of Ireland / Ed. by *W.N. Hancock et al*., text and trans. by J. O'Donovan, E. O'Curry. Vols. I-VI. Dublin, 1865-1901.
[5] *Ginnell L.* The Brehons // The Brehon Laws: A Legal Handbook, 1844. URL: libraryireland.com/Brehon-Laws/Brehons.php (дата обращения: 01.12.2024).

поэтической манере речи содержание применимого закона и комментарий, король в донормандские времена выносил окончательный приговор в сложных спорах.

Жреческо-правовая *каста брегонов* была одной из самых ранних юридических корпораций в англо-саксонском мире, которые в особых школах на протяжении почти 20 лет изучали традиционно-обычное право, религиозные каноны и практиковали поэтическое мастерство. Стоявший во главе корпорации величайший и самый учёный муж «*Rí Ollam*», по статусу приравнивался к королю (например, «*Ард-Оллам*» всей Ирландии) и отвечал за внесение записей в анналы, составление юридических записей и утверждение ежегодных официальных отчетов брегонов. Провинциальные же *олламы* в древней Ирландии сочиняли трактаты по юриспруденции и истории, обычно в поэтической форме, а также на своих землях открывали общее место для обучения и публичных лекций для всех мужчин-ирландцев, у кого был интерес к правовым и поэтическим наукам[1].

Фаза этнически-культурного самоопределения Британии в целом была сравнительно недолгой, ограничившись одним поколением быстрого перехода от военно-политической власти бриттов и римлян к новому раннесредневековому господству древнегерманских племен *англосаксов*[2]. В начале V в. римское владычество в Британии завершилось и начался короткий постримский период (*sub-Roman Britain*)[3]. Тем не менее, *правовое господство римлян* в Британии, продержавшись почти четыре века, оставило свой след в *генезисе* англосаксонской (*pre-common law*) правовой традиции, наряду с другим наследием римлян в Британии (латинский язык, роза как символ государства, муниципальная система, дорожная система, и др.). Но слишком заметная разница в *уровне цивилизованности* и правовой грамотности римлян-завоевателей и покоренных бритто-кельтов сказалась на том, что *римское право,* будучи неотъемлемой частью властного аппарата метрополии, регулировало в основном отношения между самими римлянами и затем постепенно «*покинуло»* территорию Британских островов вместе с последними римскими легионами[4].

Крушение римских административно-политических структур в Британии, которая стала первой крупной провинцией, вышедшей из состава Империи в 409 г., привело к прекращению чеканки римской монеты, отмене римской системы налогообложения и отходу от законодательства в римском стиле. Как уточняет *Гильдас Премудрый*, в начале VI в. римское

---

[1] *Higgins N.* The Lost Legal System: Pre-Common Law Ireland and Brehon Law // School of Law and Government, Dublin City University. 2014.
[2] *Dark K.* Civitas to Kingdom: British Political Continuity 300–800. London: Leicester University Press, 1994. P. 186-190.
[3] *Higham N.* From sub-Roman Britain to Anglo-Saxon England: Debating the Insular Dark Ages // History Compass. 2004. Vol. 2 (1). P. 1-29.
[4] *Лапшина И.Е.* Основные этапы развития английского права // Концепт. 2018. №10.

право еще по инерции применялось в обществе бриттов[1]. По мнению *Ф. Поллака и Ф.У. Мейтленда*, «институты, которые в настоящее время имеют самый домашний и английский вид, могут, тем не менее, в конечном итоге быть связаны через норманнские обычаи с *системой правления Римской империи*, разработанной в последние ее века»[2].

В то же время есть более критические оценки феномена романизации англосаксонской правовой традиции. Так, по мнению *П.Г. Виноградова,* «не существовало достаточно многочисленного римского населения, чтобы образовать племенной *римский элемент в праве*» хотя бы в силу того, что Британия была весьма *отдаленной провинцией* Римской империи[3]. Во всяком случае, в англо-саксонских правовых памятниках, называемых «варварскими правдами», его следы на территории Англии почти полностью отсутствуют. Русский правовед *П.И. Дегай* уточнял, что «хотя *римское право*, равно как и систематическое регулирование, издавна водворилось в Англии, но таковое учение имело мало там влияния на практику и редакцию законов»[4]. Эту позицию развивает профессор *В.А. Томсинов*, утверждающий, что нет возможности говорить о серьезном влиянии римского права на английское в период до Нормандского завоевания[5].

Мы не можем однозначно утверждать, что кодификация римского права при Юстиниане в начале VI в. прошла незамеченной в Британии, и «Дигесты» оказали вероятно косвенное влияние на законодательство пост-Римских англосаксонских королевств. Как ярко выразился профессор *Ф.У. Мейтленд*, «английское право начинает говорить как раз в тот момент, когда римское право произносит свои окончательные слова», имея в виду что «*Кодекс Этельберта*» (свод законов короля *Æthelberht*, 601/604 г.) появляется как раз в период после кодификации византийского императора Юстиниана[6]. В 596 г. в Британию прибыл посланник папы римского Григория – *св. Августин*, будущий архиепископ Кентерберийский, который продолжил не только христианизацию местного населения и в первую очередь кентского *короля Этельберта,* но и укрепил позиции постепенно возвращавшегося римского права. Вероятно, римские миссионеры привлекли внимание местного короля к кодификации и другим реформам Юстиниана, и под этим римско-византийским влиянием был издан первый свод законов

---

[1] *Higham N.* From sub-Roman Britain to Anglo-Saxon England: Debating the Insular Dark Ages // History Compass. 2004. Vol. 2 (1). P. 1-29.
[2] *Pollock and Maitland,* History of English Law. 2 ed. Vol. I. P. xxxiii.
[3] *Виноградов П.Г.* Римское право в средневековой Европе. М., 1910. С. 14.
[4] *Дегай П.И.* Пособия и правила изучения российских законов. М., 1831. С. 111.
[5] *Томсинов В.А.* Римское право в средневековой Англии // Античная Древность и Средние века. Проблемы социального развития. Свердловск, 1985. С. 124.
[6] *Maitland F.W.* Outlines of English Legal History // Social England / Ed. by *H.D. Traill*. London: Cassell, 1893. Vol. I. P. 165.

королевства «по римскому образцу» (лат. “*juxta exempla Romanorum*”), как прямо указывает *Беда Достопочтенный*[1].

Так постепенно римское право продолжало «интеллектуальную экспансию», доктринально воздействуя на правосознание местных судей и ученых, стоявших у истоков общего права, включая раннесредневековых правоведов Глэнвилла и Брактона[2]. Как выразился Мейтленд, «одна раса стояла в стороне от своих соседей, отвернулась в ранние времена от увлекательных страниц Corpus Iuris и затем как более римская, чем католики, провела грандиозный эксперимент с новой формулярной системой»[3], под которой Мейтленд подразумевал «*систему writs*», кодифицированных в «*Treatise on the Laws and Customs of the Kingdom of England*», приписываемом главному юстициарию Генриха II Ранульфу де Гленвиллу (1187/89 г.). К VII в. в большинстве англосаксонских королевств довольно широко разошлась методика изучения римского права и его прикладного применения в спорных случаях на практике[4]. Островные юристы стали пристально изучать юридические тексты бывшей метрополии, с тем чтобы впоследствии иметь возможность инкорпорировать римские конструкции и правила в королевские *своды законов* и судебную практику.

§ I.2.2. Квази-кодификация уголовного права в Англосаксонский период (VI–XI вв.)

К началу VI века маятник правовой истории качнулся от римской юридической техники в сторону англосаксонской традиции, на основе которой стала складываться *новая техника кодификации* уголовного права в *Англосаксонском периоде* (VI–XI вв.). В этом контексте особый интерес для нашего исследования имеет юридико-кодистический анализ *Anglo-Saxon royal legal corpus,* и в особенности «*Old English law codes*» и т.н. *seo domboc* (“*the book of judgments*”), издававшихся вплоть до Нормандского завоевания Англии.

Важнейшим источником по англосаксонскому уголовному праву выступает «*Кодекс Рочестера*» (лат. «*Textus de Ecclesia Roffensi per Ernulphum episcopum*»), составленный в 1122 – 1124 гг. одним писцом в Рочестерском соборе в Кенте[5]. Он представляет собой рукопись на

---

[1] *Bede*, Hist. eccl. II, Ch. 5. Цит. по: *Sherman C.P.* The Romanization of English Law // The Yale Law Journal. 1914. Vol. 23, No. 4. P. 319.

[2] *Jackson R.* What Do We Know about Law in Roman Britain?... P. 6. *Касатов А.А.* Понятие "*proprietas*" в трактате Генри де Брактона "О законах и обычаях Англии" (к вопросу о рецепции римского права) // История государства и права. 2010. №4.

[3] *Wormald P.* Papers Preparatory to The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century. Vol. II. From God’s Law to Common Law / Ed. by S. Baxter and J. Hudson. University of London, 2014. P. 2.

[4] *Winkler J.F.* Roman law in Anglo-Saxon England // The Journal of Legal History. 1992. Vol. 13(2). P. 103.

[5] “*Textus Roffensis*” был оцифрован в 2014 г. Центром визуализации наследия и ухода за коллекциями Манчестерского университета. См.: *Textus roffensis*. Ernulf, Bishop of Rochester, 1040–1124. Sheldonian Theatre printer, 1720. URL: https://www.librarysearch.manchester.ac.uk/permalink/44MAN_INST/bofker/alma9913418644401631 (дата обращения: 25.12.2024).

древнеанглийском и латинском языках (235 листов на пергаменте) и состоит из двух отдельных частей. Первая часть представляет собой *собрание англосаксонских законов* и других актов, а вторая – т.н. *дипломатический кодекс*, или картулярий (картография) монастыря, а также документы по датскому завоеванию Англии в 1016 г.[1]

«*Кодекс Рочестера*» начинается с текста самого раннего из сохранившегося сводов законов т.н. "*pre-Conquest law codes*" – это свод кентского короля Этельберта (ок. 600 г.). За ним следуют совместный кодекс его преемников – королей Хлотера и Эдрика (ок. 679–685 гг.) и Свод законов Витреда 695 г. Следующим текстом помещаются «Кодекс короля Альфреда» (*Alfred's Domboc*), Своды законов Этельстана (924–939 гг.), Эдуарда Старшего (899–924 гг.), Этельреда («Вудстокский кодекс», ок. 997 г.)[2], «Кодекс Кнута» (1016–1035 гг.) и свод законов Вильгельма I (*Willelmes cyninges asetnysse,* касающиеся судебных исков англичан против французов, 1066–1087 гг.)[3], а также иные юридические документы, включая старейшую копию коронационной Хартии вольностей Генриха I 1100 г.

Немецкий правовед *Пауль Кошакер* утверждал, что германское наследие является одним из двух основных столпов европейского права[4], и аргументировал это отсылкой к развитию *английского общего права*, где как он предполагал, «корни англо-американского права являются *чисто германскими*», поскольку Англия оставалась почти «не затронутой прямой рецепцией римского права». По мнению Кошакера, истоки английского права следует искать у *германских народов*, населявших острова до и даже после Нормандского завоевания. Английский правовед *П. Стайн* также полагал, что английское право, представляя собой разновидность германского, сложилось из двух течений – англосаксонского и нормандского[5].

И хотя сегодняшние ученые считают эту точку зрения ошибочной, долгое время концепция Кошакера пользовалась большим влиянием[6].

В период *англосаксонского господства в Британии* были составлены и обнародованы, и затем применялись на протяжении столетий несколько исторических типов кодифицированного права (т.н. *Anglo-Saxon royal legal corpus*):

1) «правовые кодексы» периода Англосаксонской гептархии;

2) кодексы периода объединенного Англосаксонского королевства;

3) своды права древнего Уэльса и древней Ирландии[7].

---

[1] *Textus Roffensis*. Law, Language, and Libraries in Early Medieval England / Ed. by *B. O'Brien, B. Bombi*. Turnhout, 2015.

[2] *Земляков М.В.* Законы кентских королей VII в. в Рочестерском кодексе (*Textus Roffensis*): Обстоятельства появления и структура // Источниковедческие исследования. 2014. Вып. 6. С. 9-31.

[3] *Maitland F.W.* The Laws of the Anglo-Saxons // The Collected Papers of Frederic William Maitland / Ed. by *H.A.L. Fisher*. 3 vols. Cambridge, 1911.

[4] *Koschaker P.* Europa und das römische Recht. Munich and Berlin: Biederstein, 1947. P. 140.

[5] *Stein P.* Legal Institutions. The Development of Dispute Settlement. L., 1984. P. 30.

[6] A Companion to Western Legal Traditions: From Antiquity to the Twentieth Century / Ed. by *A. Masferrer, C.H. van Rhee, S. Donlan, C. Heester*s. Brill; Nijhof, 2023. P. 78.

В составе ***первой группы*** *архаичных кодификаций* периода Англосаксонской гептархии (староангл. *Seofonrīċe*, англ. *Seven Kingdom*), которые также в отечественной медиевистике принято именовать «***Англосаксонские правды***»[1], мы выделяем *три подгруппы* сводов, отличавшихся по хронологии, структуре и юртехнике, но главное по наличию уголовно-правового блока:

1.1) древние *Кентские кодексы*, составленные в королевстве Кент на протяжении VII в. в виде письменных сводов законов и местных обычаев, которые дошли до нас в составе т.н. «*Рочестерского кодекса*» (*Textus Roffensis*) ок. 1124 г., включая «Кодекс Этельберта» (*Æthelberht*, 601/604 г.), «Кодекс Хлотхере и Эадрика» (*Hlothhere and Eadric*, 685/686 г.) и «Кодекс Вихтреда» (*Wihtred*, 695/696 г.)[2];

1.2) древние *Уэссекские кодексы*, кодификации права королевства Уэссекс: «Свод законов Ине» (*Laws of Ine of Wessex*) ок. 690 г. и «Кодекс законов Альфреда Великого» (871–899)[3];

1.3) древние *Мерсийско-Нортумбрийские своды*, кодификации права в королевствах Мерсии и Нортумбрии, в частности, «Свод короля Мерсии Оффы» (757–796 гг.); и частная кодификация в трактатах Вульфстана (ум. 1023 г.), где собраны нормы местного уголовного права королевств[4].

В состав ***второй группы*** *кодификаций* периода объединенного Английского королевства входят *законодательные своды* и судебники шести королей – Эдуарда Старшего (899–924 гг.), Этельстана (927–939 гг.), Эдмунда (939–946 гг.), Эдгара (959–975 гг.), Этельреда II (978–1016 гг.) и Кнута Великого (1016–1035 гг.)[5].

Кодистический анализ памятников англосаксонской уголовно-правовой кодификации предполагает: определение *датировки* создания текстов, верификацию *авторства* и разработчиков (установление роли правителей и их советников), наличие указаний на *место и время* провозглашения кодекса, определение его юридической силы, типологизация текста, анализ источников кодекса и степени влияния иностранного опыта, терминология кодекса и специфика языка, описание общей структуры текста и логики расположения структурных

---

[7] *Richardson H.G., Sayles G.O.* Law and Legislation from Æthelberht to Magna Carta. Edinburgh, 1966.

[1] *Гимон Т.В.* Англосаксонские правды // Российская историческая энциклопедия. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/anghlosaksonskiie_pravdy (дата обращения: 25.12.2024).

[2] *Земляков М.В.* Становление законодательства в раннесредневековой Англии: законы кентских королей VII в. // Средние века. 2014. Вып. 75. С. 262-272.

[3] *Санников С.В.* Не переводившиеся ранее фрагменты англосаксонских законов (*domas*) королей Инэ и Альфреда // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2008. Т. IV. Вып. 2. С. 67-70.

[4] *Carella K.* Northumbrian Law before the Vikings: A Preliminary Assessment of the Evidence // Languages of the Law in Early Medieval England: Essays in Memory of Lisi Oliver / Ed. by *Jurasinski S., Rabin A.* Leuven, Paris; Bristol: Peeters Publishers, 2019. P. 45-58.

[5] *Brackmann R.* King Cnut and His Laws in Early Modern English History and Drama // Languages of the Law in Early Medieval England: Essays in Memory of Lisi Oliver / Ed. by *S. Jurasinski, R. Andrew*. Leuven, Paris; Bristol: Peeters Publishers, 2019. P. 263-282.

частей, контекстный анализ содержательной стороны кодекса с помощью вспомогательных источников (летописей, генеалогий, нарративов), и др.

Все «*Old English law codes*» (староангл. *domas*, лат. *decreta iudiciorum*) как письменные источники издавались в виде королевских сборников законов и обычаев, и были изложены на древнеанглийском языке, хотя и включали отдельные латинские юридические термины.

Говоря о технике создания и практике применения, следует прокомментировать дискуссию специалистов вокруг юридической природы «*англосаксонских кодексов*», и определить, что именно они собой представляли и как применялись[1]. Здесь мнения ученых разделились, и различные исследователи рассматривают их как: простую коллекцию (собрание) законов, систематизацию обычного права, всеобъемлющую кодификацию местного права, или же как общеобязательный свод королевских законов.

Специалист по средневековому праву *Патрик Уормалд* склонен оценивать эти тексты именно как англосаксонские ***кодексы***, отмечая при этом, что они по аналогии со сводами прежних правителей (библейский царь Соломон, императоры Рима, франкские короли) были направлены на поддержание легитимности правления и поднятие престижа англосаксонских королей как законодателей-кодификаторов[2]. Многие англосаксонские кодексы сосуществовали вместе с квази-королевскими правовыми трактатами (*quasi-royal legal tracts*), но в последних отсутствовали прямые отсылки на первоначальные кодексы. Поэтому более реалистичным и юридически конститутивным оказывался не собственно писаный закон (*lex scripta*), а именно его устное провозглашение королем (*verbum regis*), исходя из идеологических и пропагандистских соображений[3].

Другая группа ученых оспаривает позицию *П. Уормалда* о незначительной роли кодификации англосаксонского права. Они, напротив, рассматривают англосаксонские своды (*law-books* или *dombocs*) как вполне утилитарные, эффективные на практике и применявшиеся довольно продолжительный период[4]. Приводится ссылка на *Беду Достопочтенного*, утверждавшего, что например «*Кодекс Этельберта*» (560–616 гг.), сознательно написанный по образцу римских сводов (*iuxta exempla Romanorum*), использовался на практике вплоть до VIII в.[5] При этом профессор *Стефан Юрасински* полагает, что под «римскими образцами» *Беда*

---

[1] The Anglo-Saxon Dooms, 560–975. URL: https://sourcebooks.fordham.edu/source/560-975dooms.asp#The%20Laws%20of%20%C6thelberht (дата обращения: 25.12.2024).

[2] *Wormald P.* Law Books // The Cambridge History of the Book in Britain. Vol. 1, c. 400-1100 / Ed. by *R. Gameson*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 525.

[3] *Roach L.* Law codes and legal norms in later Anglo-Saxon England // *Historical Research. 2013.* Vol. 86, Iss. 233. P. 465-486.

[4] *Pratt D.* The Political Thought of King Alfred the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 217; *Foot S.* Æthelstan: the First King of England. New Haven, Conn., 2011. P. 136-148.

[5] *Jurasinski S.* Germanism, Slapping and the Cultural Contexts of Æthelberht's Code: A Reconsideration of Chapters 56–58 // Haskins Society Journal. 2006. Vol. 18. P. 51-71.

подразумевал меровингские законодательные сборники – варварские правды *Lex Salica* и *Pactus Legis Alamannorum*[1].

В литературе показано, что, например, *Кентские кодексы* VII в. были хорошо известны и пользовались авторитетом даже спустя столетия. Юридический памятник *Grið* XI века, посвящённый процедуре избегания родовой мести, содержал в титулах 6 – 8 прямые отсылки к кодексам Этельберта и Вихтреда в виде фраз «*on Cantwara lege*» и «*on þam lagum*» (*Abt*. 1, 4; *Wi*. 2)[2]. *Кодистический анализ* сводов кентских королей выявляет технику правовых заимствований и использования иностранного опыта в процессе их составления, что и будет рассмотрено нами далее[3].

Ключевую роль в систематизации староанглийского права сыграли служители *Христианской церкви*, приход которой на британские острова означал проникновение систематизированного римского права в местную традицию права[4]. Вместе с христианством в конце VI в. пришло в Англию и римское *книжное искусство*. Сведущие в римском праве монахи смогли развить юридическую технику в Англосаксонской гептархии. Для унификации церковной юридической практики свою роль сыграли также привезенные на острова *словари* римских терминов и правовых максим[5].

По мнению *П. Уормалда*, некоторые *англосаксонские кодексы* имели однозначно гомилетический характер и составлялись опытными придворными клириками. Например, свод Этельреда и Законы Кнута разрабатывал хорошо известный монах *Вулфстан Йоркский*[6].

Важной частью *кодистического анализа* правовых сводов гептархии является собственно *техника создания* этих кодексов. Его следует начинать с оценки исторического контекста и политико-правовой ситуации в стране, определения датировки и имен правителей, их советников-разработчиков, установления способа и места утверждения и провозглашения свода, выявления источников и проч.[7]

Так, анализ *преамбул* к англосаксонским кодексам показывает, что важным считалось упоминание имен кентских королей, иногда ассамблей для провозглашения кодексов, и

---

[1] *Jurasinski S.A.* The Continental Origins of Æthelberht's Code // Philological Quarterly. 2001. Vol. 80, No. 1. P. 1-15.
[2] *Земляков М.В.* Становление законодательства в раннесредневековой Англии: законы кентских королей VII века // Средние века. 2014. Вып. 75 (1-2). С. 267.
[3] *Lendinara P.* The Kentish Laws // The Anglo-Saxons from the Migration Period to the eighth century. An Ethnographic Perspective / Ed. by *J. Hines*. Woodbridge, 1997. P. 211-244.
[4] *Biondi B.* Il diritto romano cristiano. Vol. 3. La famiglia; rapporti patrimoniali; diritto pubblico. Milano: Giuffrè, 1954; *Gaudemet J.* L'Église dans l'Empire romain (IVe-V siècles). Histoire du Droit et des Institutions de l'Église en Occident. T. III. Paris, 1958.
[5] *Ker N.R.* Catalogue of Manuscripts Containing Anglo-Saxon. Oxford, 1975; *Ker N.R.* A Supplement to Catalogue of Manuscripts Containing Anglo-Saxon // Anglo-Saxon England. Cambridge University Press, 1976. Vol V. P. 121-131.
[6] *Wormald H.* The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century. Vol. 1. Legislation and its Limits. Oxford: Blackwell, 2001. P. 238.
[7] *Keynes S.* Royal government and the written word in late Anglo-Saxon England // The Uses of Literacy in Medieval Europe / Ed. by *R. McKitterick*. Cambridge, 1990. P. 231-244.

советников королей, принимавших участие в кодификации[1]. Так, имевшие тесные связи с франкской династией *Меровингов*, кентские короли ***Этельберт I*** (ок. 552–616 гг.) и его сын *Эадбальд* (616–640 гг.) установили успешные торговые связи с континентом и затем решились на создание собственного *свода* законов и обычаев, по аналогии с франкским судебником – «*Pactus Legis Salicae*». Наряду с римским правом, франкский кодекс и другие раннегерманские кодификации оказывали влияние на текст разрабатываемого *Кодекса Этельберта*.

Как считает Б. Сайдс, кентский король и его советники, в том числе один из разработчиков кодекса – *св. Августин*, черпали вдохновение в *латинской модели кодексов* континентального (постримского) мира, таких как *Lex Salica* франков или *Кодекс лангобардов*[2]. С. Юрасински полагает, что термины и синтаксические конструкции были заимствованы из меровингских сборников – *Lex Salica* и *Pactus Legis Alamannorum* (Салической и Алеманнской правды), больше, чем из местной «оральной традиции права»[3]. Но очевидно и то, что кентские и западно-саксонские традиции кодистики заметно разделяют хронология, диалект и география[4].

Правовой кодекс Этельберта 602 г. (*Æthelberht's law code*) – это наиболее ранний из дошедших до нас систематизированных рукописных сводов[5]. Хотя в советской историографии он получил название «Правда Этельберта»[6], по аналогии с варварскими правдами – «Салической» или «Русской»[7]. Этот самый *древний рукописный кодекс* в англосаксонской Британии был обнародован на собрании с участием короля Этельберта в ***602/603 г.*** в столице Кентербери рядом с церковью, где позднее будет похоронен сам король вместе с супругой.

В отличие от большинства континентальных «варварских правд» постримского мира, написанных на адаптированной латыни, «*кодекс Этельберта*» был составлен на *древнеанглийском* языке, понятном местным жителям[8]. Вероятно, текст составляли по указанию

---

[1] *Земляков М.В.* Становление законодательства в раннесредневековой Англии: законы кентских королей VII века // Средние века. 2014. Вып. 75 (1-2). С. 265.

[2] *Sides B.* A Life's Worth: Reexamining Wergild in the Anglo-Saxon Royal Law Codes (c. 600-1035) // The Expositor: A Journal of Undergraduate Research in the Humanities. 2017. Vol. 15. P. 89.

[3] *Jurasinski S.A.* The Continental Origins of Æthelberht's Code // Philological Quarterly. 2001. Vol. 80, No. 1. P. 1-15.

[4] *Wormald P.* The leges barbarorum: law and ethnicity in the post-Roman West // Regna and Gentes: The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Ed. by *H.-W. Goetz, J. Jarnut, W. Pohl*. Leiden, 2003. P. 21-53.

[5] Свод сохранился в единственной рукописи на пергаменте «*Textus Roffensis*» («Рочестерский кодекс»), который хранится в соборной библиотеке Рочестера и датируется 1122–1224 гг. В печатном виде с параллельным переводом на современный английский язык доступен в кн.: Æthelberht's "Code" // *Oliver L.* The Beginnings of English Law. Toronto, 2002. P. 60-81. Текст кодекса также см.: https://earlyenglishlaws.ac.uk/laws/texts/abt/view/#edition/commentary-7 (дата обращения: 25.12.2024).

[6] *The Laws of Æthelberht*, King of Kent, 560–616 A.D. // Medieval Sourcebook: The Anglo-Saxon Dooms, 560–975. URL: https://sourcebooks.fordham.edu/source/560-975dooms.asp#The%20Laws%20of%20%C6thelberht (дата обращения: 25.12.2024).

[7] *Goetz L.*K. Das Russische Recht (*Russkaja Pravda*). Bd. I. Die älteste Redaktion des Russischen Rechtes. Stuttgart: Enke, 1910. 312 s.

[8] *Gates J.P.* English Legal Discourse in Quadripartitus // Languages of the Law in Early Medieval England: Essays in Memory of Lisi Oliver / Ed. by *S. Jurasinski, A. Rabin*. 2019. P. 241-262.

короля *образованные монахи*, которые отлично владели латынью. В действительности текст *кодекса Этельберта* хотя и был изложен на древнеанглийском языке, но записан с помощью букв из *латинского* алфавита и некоторых рунических символов из германского алфавита, который применялся обычно в магических целях[1]. По мнению *Н. Брукса*, *кодекс* имел архаичную природу, уходящую корнями в устные законы и обычаи Кента, которые могли быть записаны в *рунах* еще до прибытия св. Августина как инициатора систематизации местного права[2].

Содержательно *кодекс* объединил нормы церковного и частично заимствованного *римского права*, а также светского (королевского) права, которое было общетерриториальным и обеспечивало королевский мир (*мундбюрд*) и право защиты подданных всего Кента[3]. Как замечает *М.В. Земляков*, королевский *мундбюрд* (ст. 8 кодекса Этельберта) распространялся «на территорию всего Кента и одинаково защищал любого члена этого этнополитического образования»[4].

Вероятно, на текст «*Кодекса Этельберта*» оказывали влияние ирландское и кельтское обычное право. Кроме того, важным источником было королевское законодательство самого Этельберта и королей-предшественников. Кодифицированное «новое обычное право», которые племена *ютов* принесли с собой на оккупированные земли, было также частично переведено с ютских (ютландских) диалектов.

Кодистический анализ структуры и внутренней композиции «*Кодекса Этельберта*» показывает, что документ включал 90 статей (или титулов), став самым пространным среди других кентских сборников. Он содержал тематические блоки *уголовно-правовых норм* о защите церковных правоотношений (ст. 1), наказаниях за преступления против короля и королевского имущества (ст. 2–12)[5], об охране жизни и здоровья свободных людей и зависимых категорий (*лэтов*), включая дифференцированные составы убийства и побоев (ст. 13–26; 33–72), об охране права собственности на дом и двор (ст. 27–30), а также блоки норм брачно-семейного и наследственного права, о положении женщин (ст. 73–84)[6], правовом статусе зависимых людей –

---

[1] *Richardson H.G., Sayles G.O.* Law and Legislation from Aethelberht to Magna Carta. Edinburgh, 1966. P. 159-160.

[2] '*Textus Roffensis*': Law, Language, and Libraries in Early Medieval England (Studies in the Early Middle Ages, 30) / Ed. by *B. O'Brien & B. Bombi*. Turnhout, Brepols, 2015.

[3] *Jurasinski S.* Royal Law in Wessex and Kent at the Close of the Seventh Century // Languages of the Law in Early Medieval England: Essays in Memory of Lisi Oliver / Ed. by *S. Jurasinski, A. Rabin*. Leuven, Paris; Bristol: Peeters Publishers, 2019. P. 25-44.

[4] *Земляков М.В.* Становление законодательства в раннесредневековой Англии: законы кентских королей VII в. // Средние века. 2014. Вып. 75. С. 268.

[5] *Глебов А.Г.* «Если кто злоумышляет против жизни короля…»: антигосударственные преступления в раннесредневековой Англии // Средние века. М., 1997. Вып. 60. С. 229-239.

[6] *Donahue Ch.* The Status of Women in the Laws of Æthelberht // Languages of the Law in Early Medieval England: Essays in Memory of Lisi Oliver / Ed. by *S. Jurasinski, A. Rabin*. Leuven, Paris; Bristol: Peeters Publishers, 2019. P. 3-24.

esne и *þeow* (рабов) (ст. 85–90)[1]. Но в отличие от последующих англосаксонских кодификаций, этот источник еще не имел тематических *подзаголовков* статей.

Юридико-техническая конструкция *уголовных предписаний* «*Кодекса Этельберта*» демонстрирует хороший уровень их структуризации: от диспозиции к санкции, с использованием повторяющегося вводного древнеанглийского слова *gif* («если») и законодательной формулировки по типу: «Если совершит это, то следует сделать то-то» (синтаксический фрейм "*if x happens, then pay y*"). Такую же структуру нормы можно будет позднее увидеть в «*Кодексе Альфреда*» (например, в ст. 68: «Если будет причинен телесный ущерб путем ранения, пусть заплатит три шиллинга»).

Стиль изложения предписаний чрезмерно *казуистичный*, порой излишне детализированный, отсутствует техника выделения основных составов с квалифицирующими признаками, и как следствие множество дублирующих составов с дифференцированными элементами объективной стороны преступлений. В «*Кодексе Этельберта*» часто встречались диспозиции со сложно составными существительными (например, *cearwund* – «тяжело ранен, прикован к постели», *purhdirel* – «пронзён насквозь»). По частоте использования видов *санкций*, наиболее широко представлены различные денежные компенсации, которые обозначались в основном тремя староанглийскими терминами – *bot, geld* и *wite*.

В литературе отмечается значительная вариативность уголовно-правовой лексики в текстах англосаксонского периода[2]. Так, варьировалось обозначение состава «убийства»: *cwelu, bana, murthrum, moröorslege, myrörung*, и др. Существовали различные обозначения «кражи» в зависимости от способов хищения: *peofö* (кража), *peof* (вор), *peofian* (украсть) и др. При этом сам глагол «*stelan*» восходит к протоиндоевропейскому *stel-* и связан с древнеанглийским *stealcian*.

Внутри тематических подразделов Кодекса композиционное единство представляли несколько титулов, сходных по предмету регулирования или *субъектам преступления*. Так, например, титулы 18–20 объединял схожий субъект – «человек с оружием» как пособник и уплата компенсации роду пострадавшего[3]. В блоке титулов 33–72 можно найти список сумм компенсаций за различные виды телесных повреждений, в соответствии с анатомическим расположением повреждаемых частей тела: начиная с титула 33 о выдергивании волос, вплоть до титула о снятии скальпа, и затем повреждения ногтей на руках в соответствии с титулом 55,

---

[1] *Земляков М.В.* Категории зависимости в древнеанглийских правовых источниках VII – начала X в.: (анализ Textus Roffensis) // Восточная Европа в древности и средневековье. XXV Чтения памяти В.Т. Пашуто и А.П. Новосельцева (17–19 апреля 2013 г.). М., 2013. С. 108-113.

[2] *Анисимова А.Г., Капшутарь Е.С.* Особенности становления английской терминологии уголовного права в V – X веках // Научный диалог. 2016. №10 (58). С. 9-18.

[3] *Земляков М.В.* Становление законодательства в раннесредневековой Англии: законы кентских королей VII века // Средние века. 2014. Вып. 75 (1-2). С. 277.

а в конечном счете перечень преступлений доходит до повреждения ногтей на ногах в соответствии с заключительным титулом 72[1].

Как полагает *Л. Оливер*, детально закреплённые в «*Кодексе Этельберта*» тарифы на телесные повреждения имеют параллели с *Lex Frisionum* («Фризская правда») и с более поздним «*Кодексом Альфреда*», и тем самым подтверждают «длительные общие традиции англо-фризской правовой культуры»[2]. А по мнению *А. Симпсона*, этот кодекс попытался внедрить в англосаксонское общество новую идею: «брать деньги вместо крови – это нормально..., и в этих законах можно увидеть попытку, вдохновленную христианской церковью, ввести новую милосердную альтернативу в местные традиции возмездия и кровной мести»[3].

Если сравнивать «*Кодекс Этельберта*», с двумя другими более поздними судебниками Кента – «*Кодексом Хлотхере и Эадрика*» (*Law of Hlothere and Eadric*) ок. 670 г. и «*Кодексом Вихтреда*» (*Law of Wihtred*) ок. 695 г., то можно отметить следующее. В этих двух последних заметен переход от приоритета норм обычного права к королевским постановлениям и постепенное усиление роли церковной *уголовной юрисдикции*, увеличение доли титулов о защите церковных правоотношений с помощью уголовных санкций.

Так, отличительной кодистической особенностью *Свода* кентского короля *Вихтреда* (691–725 гг.) является наиболее протяженный пролог среди других актов законодательства, включающий датировку и точное место обсуждения кодекса, и указание на некоторых участников обсуждения королевского судебника (в частности, среди них архиепископ Кентерберийский Бертвальд и епископ Гефмунд).

Кентские кодексы образуют компактную группу сводов архаичного типа, отличную от основной линии, начинающейся в Уэссексе. При этом никаких явно мерсийских сводов не сохранилось. По мнению *Ф.У. Мейтленда*, кентские своды и судебники («*dooms*», от др.-англ. *dōm – judgment*, «судебное постановление») растянулись более чем на столетие, и время издания *Свода Вихтреда* совпадало со временем обнародования «*Правды Ине*» в Уэссексе[4].

Напомним, что *король Инэ* (англ. *Ine*; 688–726 гг.) наряду с крепнущим родным Уэссексом получил в наследство бунтующий Кент и недавно покорённый Сассекс[5]. Его королевский свод «***Правда Инэ***» (*Ines Asetnessa*) ок. 694 г. состоял из 76 статей и был изначально составлен на

---

[1] *Simpson A.W.B.* The Laws of Ethelbert // On the Laws and Customs of England: Essays in Honor of Samuel E. Thorne / Ed. by M. Arnold et al. Chapel Hill, NC, 1981. P. 3-17. P. 6.
[2] '*Textus Roffensis*': Law, Language, and Libraries in Early Medieval England (Studies in the Early Middle Ages, 30) / Ed. by *B. O'Brien & B. Bombi*. Turnhout, Brepols, 2015. P. 251.
[3] *Simpson A.W.B.* The Laws of Ethelbert… P. 12.
[4] *Pollock F., Maitland F.W.* The History of English Law Before the Time of Edward I. Cambridge University Press, 1899. Vol. I. P. 3.
[5] *Ivarsen I.* King Ine (688–726) and the Writing of English Law in Latin // The English Historical Review. 2022. Vol. 137. P. 1-46.

латыни, а затем переведен на древнеанглийский язык[1]. Он содержал запрет подданным «извращать» королевские веления и народные обычаи, к тому же последние были зафиксированы в кодексе в единообразном толковании и в собственной трактовке монарха[2].

«*Кодекс Инэ*», в отличие от *Свода Вихтреда*, уделял большое внимание вопросам *уголовного права*. Оба параллельно созданных кодекса имели сходные черты юртехники, включали пролог с указанием обстоятельств создания и датировки, опирались на латинские церковные каноны[3], содержали описание составов *религиозных преступлениях* (греховное супружество, злоупотребления священников, нарушения церковного закона, хищения) и отдельные статьи о наказаниях за них[4].

В «*Кодексе Инэ*» появилась идея о том, что преступления в виде *нарушения королевского мира* не должны быть искупаемы, и подлежат разбирательству с участием самого короля, как направленные на оскорбление его величия[5]. За убийство вора, убегающего с мест преступления, не привлекали к ответственности, если защищавший свою собственность открыто огласил это убийство и «родственники мертвого должны принести клятву о неотмщении (*swerian unceases að*)» (ст. 34.2).

До сих пор остается недоступным текст еще одного кодекса с уголовно-правовыми предписаниями – «*Offa 'Law–Code'*» ок. 786 г., изданного при короле Мерсии *Оффе* (757–796 гг.), на который ссылается в прологе своего кодекса законов *король Альфред* (ст. 49.9). Возможно, этот мерсийский памятник права не существовал в виде отдельного свода законов, подобного *кентским кодификациям*[6].

В Уэссексе центральное место в юридико-техническом плане занимала кодификация при ***Альфреде Великом*** (871–899/901 гг.)[7]. Он, как известно, первым стал использовать титул «король Англии» в официальных документах и включил его в свой кодекс – «*Legal Code of Ælfred the Great*» ок. 890/893 г. Этот памятник права назван адаптировано «*Doombook*» («*Dōmbōc*», буквально «*Judgment-book*»)[8], так как законодательные постановления *Альфреда*

---

[1] «Die Gesetze der Angelsachsen», hrsg. von F. Liebermann, Bd. I, Halle a. S., 1898. S. 88-122. Перевод на русский язык см.: Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. *С.Д. Сказкина*. Т. I. Раннее средневековье. М.: Соцэкгиз, 1961. С. 598-615.

[2] *Недилько Ю.В.* Толкование обычаев как один из факторов формирования средневекового английского позитивного права // Ленинградский юридический журнал. 2017. №3(49). С. 54-55.

[3] *Oliver L.* The Beginnings of English Law. Toronto: Toronto University Press, 2002. P. 165-166.

[4] *Attenborough F.L.* The Laws of the Earliest English Kings. Cambridge: Cambridge University Press, 1922. P. 24-31.

[5] *Holdsworth W.* A History of English Law. London, 1923. Vol. II. P. 49.

[6] *Wormald P.* In search of King's Offa 'Law–Code' // *Wormald P.* Legal Culture in the Early Medieval West: Law as Text, Image and Experience. L.; Rio Grande, 1999. P. 201-223.

[7] *Ли А.Б.* Альфред Великий, глашатай правды, создатель Англии / Пер. с англ. СПб., 2007.

[8] *Jurasinski S., Oliver L.* The Laws of Alfred. The Domboc and the Making of Anglo-Saxon Law. Cambridge, 2021.

именовались на староанглийском *Ælfredas domas*, и они были собраны в единый свод в виде правовой книги[1].

Христианский теолог *Ф.Н. Ли* детально проанализировал кодификацию *Альфреда* и работу его советников по составлению «*Doombook*» путем систематизации норм из *трех кодексов* саксонских королей – Этельберта Кентского (ок. 602 г.), Инэ Уэссекского (ок. 694 г.) и Оффы Мерсийского (ок. 786 г.)[2]. Тем самым *Альфред* хотел продемонстрировать *легитимность* свой власти, основанной на преемственности и сохранении традиций христианских королей-предшественников из Англии, и подкреплённой цитатами из библейских текстов и апостольских велений[3]. Его задача была сплотить всех англичан единым *кодифицированным законом* на фоне серьезных вооруженных угроз – крупномасштабных вторжений викингов-*данов* и восстания порабощённых бриттов и уэльсцев[4].

В целях поддержания внутреннего правопорядка и королевского мира *Альфред* видел в своем законодательстве средство минимизации ущерба от местных распрей и «правильно организованный контроль над кровной местью»[5]. По мнению *У. Блэкстона*, его кодекс был разработан, чтобы обеспечить прочный мир и стабильность в королевстве, «перестроить его по плану, который должен был сохраняться веками… и сформировать единое и тесно связанное целое» правовое пространство[6].

«*Кодекс Альфреда*» стал мощным образовательным инструментом для местных судей и англосаксонской аристократии[7]. В трактате персонального биографа короля и его личного учителя латыни *Джона Ассера* под названием «Жизнь Альфреда» способность справедливо применять закон приравнивалась к «обретению мудрости посредством чтения книг»[8]. Во введении к своему своду король так описывал подготовительную работу по кодификации: «Ныне я, король Альфред, собрал вместе (др.-англ. *togaedere gegaderode*) все эти (законы) и повелел переписать многие из тех, которые соблюдались моими предшественниками, те, которые одобрялись мною; и многие из тех, которые мною не одобрялись, я отбросил и с

---

[1] Древнеанглийский текст доступен на сайте университета Georgetown. URL: http://www8.georgetown.edu/departments/medieval/labyrinth/library/oe/texts/prose/laws.html. (дата обращения: 25.12.2024).
Перевод «правды Альфреда» на русский язык *С.Н. Ставровского* в кн.: Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. *В.М. Корецкого*. М., 1961. С. 67-75. Новый расширенный перевод см.: Фрагменты Кодекса короля Альфреда / предисл., перевод и коммент. *С.В. Санникова* // История государства и права. 2009. №20. С. 2-7.

[2] *Lee F.N.* King Alfred the Great and Our Common Law. P. 4. URL: http://www.dr-fnlee.org/king-alfred-the-great-and-our-common-law. (дата обращения: 25.12.2024).

[3] *Abels R.* Royal Succession and the Growth of Political Stability in Ninth-Century Wessex // The Haskins Society Journal: Studies in Medieval History. 2002. Vol. 12. P. 83-97.

[4] *Hudson J.* The Oxford History of The Laws of England. 2012. Vol. II. P. 21-24; *Charles-Edwards T.M.* Wales and the Britons 350–1064. Oxford, UK: Oxford University Press, 2013.

[5] *Lambert T.* Law and Order in Anglo-Saxon England. 2017. P. 224-227.

[6] *Blackstone W.* Commentaries, Vol. IV. P. 411, *supra* note 7.

[7] *Pratt D.* The Political Thought of King Alfred the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 232.

[8] Alfred the Great. *Asser's* Life of King Alfred and Other Contemporary Sources / Transl. with introduction and notes by *S. Keynes and M. Lapidge.* L., 2000.

согласия моих мудрых (*уитанов*) приказал внести изменения. Также я не решился записать многие из моих собственных предписаний, так как не знал, что из них одобрят те, кто после нас придут. Но найденные мною законы времен короля Инэ, моего родственника, или Оффа, короля Мерсии, или Этельберта, который первый среди английского народа принял крещение, и которые показались мне наиболее справедливыми, я собрал здесь, а остальные отбросил»[1].

Кодистический анализ текста Свода Альфреда показывает, что композиционно он содержал нормы церковного и светского законодательства, которые условно распадались на три части: теологическая (49 статей), вводная и законодательная (77 статей, включая блоки уголовно-правовых статей)[2].

В первой (теологической) части «*кодекса Альфреда*» помещался староанглийский перевод с латыни больших библейских фрагментов[3]. В законодательной части кодекса описывались такие *составы преступлений*, как измена, убийство, нанесение ран, воровство и нападение, которые, однако, если они совершены свободными людьми, являлись скорее проступками, чем преступлениями. Измена (*treason*) своему господину, особенно королю, объявлялась *capital crime*, караемым смертной казнью (ст. 4 «*Кодекса Альфреда*»), и для этого состава было достаточно простого замысла или создания плана на убийство короля, используя более поздний язык парламентского статута Эдуарда III 1352 г.[4]

Подобные составы измены встречались и в древнегерманских кодификациях (например, «Эдикт Ротаря», 1 (*Lex Langob.*); *Lex Sax.*, III. 1; *Lex Baiuw.*, II. 1; *Lex Alam.*, XXIV). Но, по мнению *Ф.У. Мейтленда*, это не означает, что была какая-либо исходная германская традиция, хотя тесная ассоциация этого преступления с *изменой* своему личному господину, который не является королем, была в высшей степени *германской*. Это нашло отражение в составе «мелкой измены» (*petty treason*) средневекового уголовного права Англии. В «*Кодексе Альфреда*» заговор против жизни лорда отделяется от заговора против жизни короля. И это вероятно наиболее раннее закрепление средневековой конструкции «большой» и «малой» измены.

Так, в ст. 4 «*Кодекса Альфреда*» раньше других текстов из *Anglo-Saxon royal legal corpus,* впервые закрепляется усеченный состав умышленного убийства: «*Если кто-либо замышляет – либо сам, либо через объявленных вне закона, которым он дал приют, либо через своих людей – на жизнь короля, пусть ответит своей жизнью и всем, чем обладает. Кто замыслит на*

---

[1] Правда (судебник) Альфреда // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. *В.М. Корецкого*. М., 1961. С. 62-64; *Санников С.В.* Не переводившиеся ранее фрагменты англосаксонских законов (*domas*) королей Инэ и Альфреда // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2008. Т. IV. Вып. 2. С. 67-70.

[2] *Wormald P.* The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century. Vol. I. Legislation and its Limits. Oxford, 1999.

[3] *Санников С.В.* Перевод пролога к кодексу короля Альфреда // Вестник Новосибирского гос. университета. Серия «История, филология». 2009. Т. VIII. Вып. 1. С. 205-209.

[4] Глебов А.Г. «Если кто злоумышляет против жизни короля…»: антигосударственные преступления в раннесредневековой Англии // Средние века. М., 1997. Вып. 60. С. 229-239.

жизнь своего господина (глафорда), тот отвечает своею жизнью и всем, чем обладает». И обособляется ответственность за сам предумысел на убийство короля или своего ленд-лорда, т.е. начинается *криминализация* состава простой угрозы убийством (*mere threat of homicide*).

Убийство (*homicide*) встречается в англосаксонских кодексах (*the Anglo-Saxon dooms*) как основание для ответственности за причинение смерти в драке. Дополнительные публичные наказания назначались в особо отягчающих случаях, например, когда убийство совершалось в присутствии короля или иным образом нарушало королевский мир. Особой защитой короля пользовались чужеземцы (мерсианцы в Кенте, уэссексцы в Мерсии, и т.д.), и поэтому две трети вергельда (*wer*) за убитого чужеземца уходила в казну короля. Здесь наметилось разграничение между двумя видами убийства – *murder* и *manslaughter*, но не по форме вины (*wilful* и *other killing*), а по способу совершения убийства как открытого или тайного.

Преступление «*morð*» (др.-сканд. «убийство», позднее – *murder*) не подлежало извинению по обстоятельствам совершения, и убийцу могли передать родственникам жертвы. В ситуации случайного причинения смерти, например, когда один из дровосеков, работая вместе с другим в лесу, случайно уронил на потерпевшего дерево, которое придавив убило его, то такое дерево считалось принадлежавшим родственникам погибшего, которые могли забрать его в течение тридцати дней (ст. 13 «*Кодекса Альфреда*»).

Более половины статей «*Кодекса Альфреда*» были посвящены конкретным составам телесных повреждений. Так, например: «*Gif him mon aslea oper eare of geselle XXX scill. to bote*» *(«Если один мужчина ударил другого по уху, пусть отдаст 30 шиллингов в качестве компенсации»)* (ст. 46). Причинение телесных повреждений и нападение на человека (*assaults*) преследовались на основе дробной системы фиксированных размеров компенсаций, которая была закреплена в постнормандских правовых компиляциях[1]. Но за незначительные раны и посягательства чаще всего применялись *обесчещивающие санкции*, путем связывания свободного человека, бритья головы в насмешку или сбривание бороды (ст. 35 «*Кодекса Альфреда*»). Наказание за ущерб человеку, причиненный в ходе нападения собак, отражалось в детальной шкале компенсации, возрастающей после каждого последующего укуса (ст. 23 «*Кодекса Альфреда*»). Также человек, чье животное ранило другого, мог отказаться от него и отдать в качестве альтернативы денежной компенсации (ст. 24 «*Кодекса Альфреда*»).

Наиболее распространенным и тяжким преступлением признавалась *кража* (*theft*) крупного рогатого скота и лошадей. Часть статей в «*домбоке Альфреда*» касалась наказаний за нарушения общественного порядка. Большинство из них устанавливали выплату компенсации по формуле «если – то». Например, в статье 4 кодекса: «Если кто-то замышляет против жизни

[1] *Rabin A.* Gang Violence in the Laws of Alfred the Great: The Problem of *Hloð-Sliht* // Notes and Queries. 2016. Vol. 63. № 4. P. 516-521.

короля..., пусть он несет ответственность своей жизнью и отдаст всё, чем он владеет» (*Gif hwa ymb cyninges feorh sierwe... sie he his feores scyldig calles paes de he age*).

Хотя «*Кодекс Альфреда*» сравним с «*Правдой Ине*» по количеству глав, но текст Альфреда значительно меньше фокусируется на *вергельде*, лишь около десяти глав четко упоминают его. Большая часть *кодекса Инэ* имеет ту же условную структуру «если – то», что и *свод Альфреда*, с немного большим акцентом в содержании на воровство и управление рабами. Например: «Если кто-то ворует, не сообщая о своем проступке его жене и детям, то он платит королю 60 шиллингов. Если он затем ворует, раскрывая свой план всей его семье, все они попадают в рабство» (ст. 7-7.1 «*Правды Ин*э»).

В законодательстве Альфреда выкристаллизовывается понятие *преступления* как вызова всему общественному порядку и королевскому миру. Свободные англосаксы, достигавшие 12-летнего возраста, должны были поклясться не совершать преступлений и доносить о таковых. Ограничивается кровная месть: родственники более не отвечают за преступления членов рода. Штрафы выплачиваются как жертвам, так и королю, причем роль штрафов, выплачиваемых королю, со временем возрастает.

Если в «*Правде Ине*» ответственность за определенные преступления была тесно связана с признанным статусом человека, то в «*Кодексе Альфреда*», как и во всём Уэссексом корпусе текстов, применяется дифференцированная денежная шкала вергельда, и само наказание более четко сформулировано как сумма индивидуальных вергельдов (в форме 200-, 600- и 1200-шиллинговой схемы)[1].

Тодд Престон, изучая роль «*Doombook*» в формировании английской этно-идентичности и англосаксонской ***традиции общего права***, отмечает следующие примеры его идеолого-политического использования.

Так, в сборниках законов *I – II Cnut* (составлены после датского завоевания), *Institura Cnuti* и *Quadriparsitus* (составлены после Нормандского завоевания) содержатся отсылки к статьям «*Кодекса Альфреда*» с целью облегчения перехода к пост-конкистскому правлению и узаконения господства датчан и норманнов над англосаксами.

Завоевание Англии викингами в 1015–1016 гг., гораздо более масштабная и жестокая кампания, чем Нормандское завоевание полвека спустя[2], вылилось в итоге в грандиозную политическую кампанию датского *принца Кнута*[3], ставшего во главе целой «Империи северного моря» (Дании, Норвегии и Англии)[4].

---

[1] Sides P. 93-94.

[2] *М.М. Горелов* проводит сравнительный анализ завоеваний Англии Кнутом Великим и Вильгельмом Завоевателем, выявляя общее и особенное в их последствиях для страны. См.: *Горелов М.М.* Датское и нормандское завоевания Англии в XI в.: итоги и последствия // Средние века. 2003. Вып. 64. С. 220-245.

[3] *Bartlett W.B.* King Cnut and the Viking conquest of England 1016. Gloucestershire, Amberley Publishing, 2018.

[4] *Thomas H.M.* The English and the Normans: ethnic hostility, assimilation, and identity, 1066 – c. 1220. Oxford, 2003.

Датский король ***Кнут(д) Могучий*** (Великий) (др.-англ. *Cnūt se Micela*, дат. *Knud den Store*; 994/995–1035 гг.) начал правление на завоеванных англосаксонских территориях (1016–1035 гг.) прежде всего с подготовки и издания собственного «***Кодекса законов Кнута***» (*Code of Canute the Dane*) ок. 1018 – 1020 гг., но при этом содержавшего прямые цитаты и отсылки к «*Doombook*» Альфреда Великого[1]. В 1018 г. в Оксфорде между датчанами и англичанами было подписано соглашение с целью признания в качестве правовой основы объединенного государства англосаксонских законов «монастырского короля» Эдгара I (959–975 гг.), при котором царили «мир и благополучие»[2].

Текст первой версии ***Кодекса Кнута*** – «*Cnut's Oxford Code* (Cn 1018)»[3] подготовил архиепископ Йоркский *Вульфстан* (1002–1023 гг.)[4], используя отсылки к «*Кодексу Альфреда*» и адаптированную редакцию «*Кодекса Этельреда*»[5].

Важно отметить с позиций *кодистической техники* то, что переписчик текста кодекса под диктовку Вульфстана и других советников делал свои разделения на структурные части, указывал их с помощью рубрикации и больших начальных букв. Вульфстан выстроил свой законотворческий стиль при составлении сводов для Этельреда и Кнута по образцу своих же проповедей и других работ, посвященных церковному праву, религиозной догматике, нравственным дилеммам и понятию справедливости. Он использовал при разработке законодательных сводов свои риторические и пастырские навыки[6].

В преамбуле к «Оксфордскому кодексу» Кнута 1018 г., который был довольно кратким (36 статей) по сравнению с будущей финальной версией, отражена цель его принятия: *сохранение множества хороших прецедентов англичан и юридическое подтверждение мирного союза датчан и англичан вместо их прежней вражды*[7]. Зимой 1019/20 г. во время похода Кнута в польское Поморье[8], он вероятно встречался с киевским князем *Георгием Мудрым* (Ярославом Владимировичем, 1016–1054 гг.), и заключил с ним внешний союз, который скрепил браком

---

[1] *Brackmann R.* King Cnut and His Laws in Early Modern English History and Drama // Languages of the Law in Early Medieval England: Essays in Memory of Lisi Oliver / Ed. by *S. Jurasinski, R. Andrew*. Leuven, Paris; Bristol: Peeters Publishers, 2019. P. 263-282.

[2] *Wormald P.* The Making of English Law: King Alfred to the 12th Century. Oxford, 1999. Vol. I. P. 346-347.

[3] *Kennedy A.* Cnut's Law Code of 1018 // Anglo-Saxon England. 1983. Vol. 11. P. 57-81.

[4] То, что именно Вульфстан был ответственен за разработку свода Кнута, указывают несколько автором, см.: *Jost K.* Wulfstanstudien. P. 13-35; *Whitelock D.* Archbishop Wulfstan, Homilist and Statesman // TRHS. 1942. 4th ser. 24. P. 25-45; *Whitelock D.* Wulfstan and the Laws of Cnut // HER. 1948. Vol. 63. P. 433-452; *Liebermann F.* Wulfstan und Cnut // ASNSL. 1899. Vol. 103. P. 47-54.

[5] К слову, именно при Этельреде начинают использоваться судебные приказы (*first royal writs*), адресованные чиновникам и тэнам графского двора, и вводится впервые должность шерифа. См.: Richard Sharpe. The use of writs in the eleventh century // ASE. 2003. Vol. 32. P. 247-292.

[6] *Stafford P.* The Laws of Cnut and the History of Anglo-Saxon Royal Promises // *ASE* 10 (1982), 173-190.

[7] Текст "Cnut's Oxford code" доступен по ссылке: https://earlyenglishlaws.ac.uk/laws/texts/cn-1018/view/#translation/commentary-5 (дата обращения: 25.12.2024).

[8] *Bolton T.* The Empire of Cnut the Great: Conquest and the Consolidation of Power in Northern Europe in the Early Eleventh Century // The Northern World. North Europe and the Baltic c. 400–1700 AD: Peoples, Economies and Cultures. Leiden, Boston: Brill, 2009.

своей сестры Эстрид с сыном Ярослава Илией. Поэтому у русских появилась возможность вплоть до 1022 г., когда Русь присоединилась к Шведско-норвежской коалиции, изучать текст «*Кодекса Кнута*» и других англосаксонских правд и вероятно частично заимствовать в правовую культуру Киевской Руси[1]. Как известно, спустя совсем небольшое время появилась «*Правда Ярослава*», считающаяся древнейшим памятником светского права Древнерусского государства.

По возвращению из континентальной Европы *король Кнут* распорядился доработать свой «*Оксфордский кодекс*», и поручил составить новую, дополненную редакцию архиепископу *Вульфстану*[2]. На Рождество 1021 г. во время собрания двора в Уинчестере король утвердил доработанный и расширенный Кодекс из 72 статей[3]. Финальная версия *свода Кнута*, обнародованная как «*Винчестерский кодекс*» (*Cnut's Winchester code*)[4], сохранилась в трех староанглийских вариантах и ряде латинских адаптаций уже после Нормандского завоевания.

Новым в структурировании этого Кодекса 1021 г. стало разделение его на два блока норм – церковного права и светского законодательства. Это было закреплено в ст. 1 «Винчестерского кодекса»: «Пусть установится правда божья, и пусть отныне каждый, бедный и богатый, будет под защитой народного права, и да судят их по справедливости»[5]. Далее в ст. 18 уточнялось по поводу применимого права: «И пусть присутствуют на собраниях графства епископ и олдермен, и оба они должны наставлять как в божеском, так и в светском праве».

Сравнительно-текстологический анализ обоих редакций Кодекса Кнута – «*Оксфордской*» и «*Винчестерской*» показывает, что это не просто две версии (укороченная и расширенная) одного и того же по смыслу текста, а все же более различные по содержанию памятники права.

Если «Оксфордский кодекс» 1018 г. скорее напоминает церковный устав, регулирует религиозные правоотношения и вопросы христианской веры сквозь призму толкования королевских советников, то «Винчестерский кодекс» 1021 г. представляет собой светский *уголовный* и процессуальный кодекс.

С точки зрения *уголовно-правовой терминосистемы* этот Кодекс намного более богаче современных ему континентальных «судебников». В нем широко представлены и корректно используются такие юридически значимые термины, как decree, councilors, divine laws, observe

---

[1] *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX – XII вв. М., 2001. С. 476-504; *Назаренко А.В.* О русско-датском союзе в первой половине XI в. // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1991; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 21-142.

[2] Die Gesetze der Angelsachsen / Ed. by *F. Liebermann*. 3 vols. Halle, 1903–1916. Vol. 1. P. 278-370.

[3] *Richards M.P.* I-II Cnut: Wulfstan's summa? // English Law before Magna Carta: Felix Liebermann and Die Gesetze der Angelsachsen / Ed. *S.A. Jurasinski e.a*. Leiden, 2010. P. 137-156.

[4] *Kennedy A.* Cnut's Law Code of 1018 // *Anglo-Saxon* England. Camb., 1983. Vol. 11. P. 57-81.

[5] Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. *В.М. Корецкого*. М.: Госюриздат, 1961. 950 с.

laws, protection of king, justice of God, customary rights, the rights of a thegn, power of judgment, outlaws, serious and trivial offences, ordeals, rendering of oaths, debt, compensation, forfeit, fine и др.

Анализируя содержательную сторону «*Кодекса Кнута*», обратимся к перечню криминализированных деяний, в числе которых в тексте указаны *archcriminals, secret murderers, killers and perjurers, violators of the clergy and adulterers, liars, robbers and plunderers,* и др. Выделялся состав преступного сговора с ворами (*collusion with thieves*), и Кнут требовал от каждого мужчины старше 12 лет поклясться, что он не был ни вором, ни сообщником воров (ст. 21 «Винчестерского кодекса»). Применялись особые наказания в случае покушения на кражу, когда вор смог ускользнуть или не смог забрать награбленное по причине начавшегося шума и крика соседей (ст. 29 «Винчестерского кодекса»).

Основным наказанием в случае, когда вор не мог возместить ущерб, считалось обращение его в уголовное рабство[1]. Хотя эту санкцию можно рассматривать как частную отработку долга, а не наказание. В то же время вся семья преступника могла лишиться свободы как соучастники его преступления. Так, *Вульфстан* в своей проповеди нач. XI в. сетует на то, что «дети с колыбели» несправедливо вовлечены в рабство своих родителей[2]. Исключение делалось на случай, когда жена вора могла под присягой оправдать себя от причастности к обнаруженному в их доме украденному скоту (см. аналогичные нормы в ст. 7 и 57 «*Правды Инэ*»).

Укажем также на то, что именно при *Кнуте Великом* появился мини-отраслевой кодекс дружинного права – *датский* ***Воинский устав*** о дисциплинарных проступках и наказаниях для служащих королевского войска, дружинников-хирдманнов (от др.-сканд. *hirð* – «семья», «свита», «подворье», «суд»)[3]. Он был составлен отдельно от общегосударственного свода, и носил название «*Дружинный устав короля Кнута*», который также известен как «*Vederlov*» (от *withærlagh* – «штраф», «наказание»). Устав дошёл до нас в пересказах конца XII – XIII вв., например, в хронике Саксона Грамматика[4], а также в сочинении датского историка кон. XII в. Свена Аггесена «Закон о наказаниях Кнута»[5].

Юрисдикционный дуализм нашел отражение в целом ряде предписаний «*Кодекса Кнута*», когда за одно и тоже преступление, назначаются наказания по английскому или по датскому уголовному праву – «*English jurisdiction*» или «*the Danelaw*» (например, ст. 26.4 и 27 «Оксфордского кодекса», ст. 15 «Винчестерского кодека»).

---

[1] *Jurasinski S.* The Old English Penitentials and the Law of Slavery // English Late before Magna Carta: Felix Liebermann and “Die Gesetze der Angelsachsen" / Ed. by *S. Jurasinski, L. Oliver, A. Rabin*. Leiden: Brill, 2010. P. 97-118.
[2] *Pollock F., Maitland F.W.* The History of English Law Before the Time of Edward I. Cambridge University Press, 1899. Vol. I. P. 33.
[3] *Hollister C.W.* Anglo-Saxon Military Institutions on the Eve of the Norman Conquest. Oxford: Clarendon Press, 1962. P. 16-17.
[4] *Саксон Грамматик.* Деяния данов. 10.18.1 – 10.18.16.
[5] *Holman K.* Historical Dictionary of the Vikings. Scarecrow Press, 2003. P. 134.

Впоследствии «*Кодекс Кнута*» 1021 г. был положен в основу системного развития правового пространства его империи, и объединил право несколько северных государств (Англии, Норвегии, Дании и частично Швеции), послужив примером первой в англосаксонской истории ***кодификации*** как средства «конвергенции этнического публичного права». *Кнут Великий* как прагматичный законодатель, для которого законы, наравне с религией, были оплотом королевской власти, следовал давней англосаксонской традиции и скорее «систематизировал и дополнял старые законы, нежели создавал новые»[1].

Объем и разработанность положений «*Кодекса Кнута*» характеризуют его создателя как одного из самых выдающихся законодателей «*Тёмных веков*». Ценность его свода заключалась не столько в оригинальности юртехники, сколько в том, что он провозгласил защищенность прав людей и охрану правопорядка в стране, закрепил общекоролевские гарантии справедливости, стал надежным инструментом для разрешения споров и улаживания распрей.

Ряд исследователей *англосаксонских сводов* соглашаются, что они появлялись как часть вопроса, требовавшего переформулирования существующего устного закона или как совокупность неписаных конвенций и обычаев[2]. Это не отменяет политической функции *кодекса*[3], распространение которого было важным политико-идеологическим актом, помогавшим королям англосаксов занять достойное место среди великих королей прошлого[4].

Как верно замечает *Тодд Престон*, когда правовой культуре одного народа бросают вызов изнутри или снаружи, именно *свод законов* как культурный символ может стать связующим звеном в цепочке общей политико-правовой родословной, и обеспечить мирную преемственность для побежденного народа и стабильность для светских и духовных лидеров, разработавших кодифицированные тексты законов, охраняющих королевский мир и уголовно-правовой порядок[5].

§ I.2.3. Кодистика уголовного права в Нормандско-Тюдоровский период (XI–XIV вв.)

Возникновение на крупнейшем острове Великобритания отдельного политически суверенного *королевства Англия* относят к 927 г., когда оно сформировалось из разрозненных англосаксонских королевств, и затем просуществовало вплоть до Унии с Шотландией 1707 г., объединившись в Королевство Великобритания (*Kingdom of Great Britain*).

---

[1] *Гвин Дж*. Викинги. Потомки Одина и Тора. М.: Центрполиграф, 2010.
[2] *Griffits B.* An Introduction to Early English Law. Hockwold cum Wilton (Norfolk), 1995.
[3] *Yorke B.* Kings and kingdoms of early Anglo-Saxon England. London, 1997.
[4] *Wormald H.* The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century. Vol. 1. Legislation and its Limits. Oxford, 2001. P. 282.
[5] *Preston T.* King Alfred's book of laws: study of the Domboc and it influence on English entry, with a complete translation. McFarland & Company, 2012. P. 7.

Новая волна *правовой «экспансии»* в раннесредневековой Англии началась после вторжения на британские острова нормандских завоевателей в 1066 г. во главе с *герцогом Вильгельмом* (*William the Conqueror*, Duke of Normandy; 1028–1087 гг.)[1]. К моменту вторжения англосаксонский регион в юридическом смысле был дефрагментирован на *три правовые подсистемы* Уэссекса, Мерсии и Денлау (область Датского права)[2].

1066 год обычно называют годом зарождения ранней *традиции общего права* (*common law)*[3], когда формирование единого (общего) права началось сразу после Нормандского завоевания[4]. Но это не означает, что в прежние времена не прорастали уже семена раннего королевского приказного и судебно-обычного права, и попытки его кодификации в англосаксонский период[5].

В историко-культурном смысле XII и частично XIII век называют подлинным «*Юридическим веком*». Именно в этот период закладывался своего рода *генетический код традиции общего права* и в особенности англосаксонской юридической техники, первородной основой которой стала судейская интерпретация и авторитетное толкование учеными-юристами. Последние обращали свои взоры на древние нормы и принципы, заложенные в ранних *кодификациях англосаксонских правителей* и первых статутах королей континентальной династии. В период Англо-нормандской монархии (*Anglo-Norman Monarchy*), включая правление Вильгельма I, Вильгельма II и Генриха I, а также Стефана Блуаского, были заложены базовые основы средневекового английского права, сочетавшего англосаксонские обычно-правовые элементы и феодальные правовые конструкции французского образца[6]. Развитие практики систематизации и техники кодификации уголовного права Англии приходится на период Высокого средневековья (1050–1300 гг.) и продолжается на протяжении всего *Нормандско-Тюдоровского правления*, которое можно условно разделить на несколько *следующих периодов*.

Первый период. Обратимся к анализу уголовно-правовой систематизации и ее техники в рамках первого из вышеобозначенных периодов – т.н. *Нормандско-Анжуйская эпоха* (XI – XII вв.).

Профессор Кембриджского университета *М. Чибналл* в книге «Англо-нормандская Англия 1066–1166 гг.» выделил правотворческую роль *Вильгельма I* Норманнского (*William the*

---

[1] *Дуглас Д.Ч.* Норманны от завоеваний к достижениям. СПб.: Евразия, 2003. С. 77-79.
[2] *Berman H.J.* Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition. Cambridge, 1983. P. 406.
[3] *Баранов В.Ф.* Возникновение и развитие английского общего права в XII–XVII вв.: Дис. …канд. юрид. наук. М., 2012.
[4] *Богдановская И.Ю.* Эволюция судебного прецедента в «Общем праве» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. №2. С. 77.
[5] *Stuart M.* The Vital Common Law: Its Role in a Statutory Age // U. Ark. Little Rock Law Journal Review. 1996. Vol. 18. P. 555-572; *Restivo J.J.* Insuring Punitive Damages // Natural Law Journal. 1995. Vol. 24. P C-1; *Wright B.F.* American Interpretations of Natural Law: A Study in the History of Political Thought. 1931. P. 5-6.
[6] *Хатунова С.Ю.* Преступление и наказание в средневековой Англии (англосаксонский, англо-нормандский, анжуйский периоды). М., 2003.

Conquero; 1028 –1087), который направил все свои усилия на упорядочение уголовного правопорядка и системы юстиции в завоеванных англосаксонских землях. Впоследствии был сделан особый акцент на послевоенном урегулировании в контексте укрепления заложенной *традиции общего права* королевства[1].

В ходе первого столетия англо-нормандского феодализма началось укрепление т.н. административного королевства ("*administrative kingship*"), и складывалось смешанное (гибридное) уголовное право, своеобразное «*Anglo-Norman criminal law*». На технику его гармонизации и систематизации оказывали влияние такие факторы, как обособление уголовной юрисдикции церкви, раннее реформационное движение, распространение грамотности и правовой просвещённости при королевском дворе и за его пределами, в феодальных куриях и баронских судах на местах, расширение торговой городской сети с ее коммунальными правопорядками, укрепление системы королевской юстиции на основе указного права королей и решений придворных судей.

В реорганизации судебной системы нормандской Англии и выделения ассизных судов важная роль принадлежала архиепископу Ланфранку и французскому епископу Жоффруа де Монбрею (*Geoffrey de Montbray*). Последний участвовал в подготовке и издании в 1088 г. двух томов знаменитой «Книги Страшного суда» (*Domesday Book*)[2].

"*Domesday Book*" была первым крупным опытом систематизации важных юридических положений на латыни. Этот памятник помогал впоследствии регулировать разрешение судебных споров о правах на землю в англосаксонских поместьях и манорах графств, а также конструировать составы имущественных преступлений, в частности, в виде незаконного землевладения или вторжения в чужие владения[3].

Английский секретарь Вильгельма I – аббат *Ингульф* (*Ingulf*; ум. 1109) из Кроулендского монастыря предпринял попытку записать и систематизировать первые законы и приказы короля. В составленной им «Хронике Кроулендского аббатства» *Ингульф* изложил на французском языке документ под названием "*Leis Willelme*" (1100–1120 гг.)[4], представлявший собой адаптацию Вильгельмом Завоевателем англосаксонского права и обобщение «законов, которые Вильгельм I даровал своим новым подданным после завоевания»[5]. Исследователи "*Leis Willelme*" подразделяют этот своеобразный кодекс на три части: 1) часть, содержащая свод

---

[1] *Chibnall M.* Anglo-Norman England 1066–1166. Oxford: Basil Blackwell, 1986. 240 p.

[2] Другое название Винчестерский свиток (*Winchester Roll*) или иногда «Книга казначейства» (*Book of the Treasury*). В самой книге слов «судный день» или «страшный суд» не встречается. Однако, в Диалоге о Казначействе, написанном Сакаррио ок. 1176 г., объясняется, что это была метафора библейского Судного дня, поскольку решения по итогам Всеанглийской переписи, как и решения Страшного суда на небесах, являются неизменными.

[3] *Maitland F.W.* Domesday Book and Beyond: Three Essays in the Early History of England. Cambridge, 1897.

[4] Джон Мацке в результате филологического сравнения пришел к выводу, что архетип произведения "*Leis Willelme*" был составлен между 1150 и 1170 гг. или даже ранее. См.: *Matzke J.E.* Lois de Guillaume le Conquérant, en français et en latin; textes et étude critique. Paris, 1899. P. xxvii.

[5] *Ingulf's* Chronicle of the Abbots of Croyland / Ed. by *H.T. Riley*. London, 1854. P. 175.

некоторых древнеанглийских обычаев (*Old English usages*) с норманнскими дополнениями, 2) часть, основанная на римском праве, и 3) часть, воспроизводящая статьи «*Кодекса Кнута*»[1].

Важной частью кодистического анализа "*Leis Willelme*" и научной дискуссии вокруг него стали включенные в текст древнеримские заимствования. Исследователи сопоставляют статью 33 "*Leis Willelme*" и титул 19 Книги 48 «*Дигест Юстиниана*», где содержится аналогичный запрет на применение смертной казни в отношении беременной женщины, и этот смысл первоначального римского закона воспроизводится с использованием почти идентичных латинских фраз.

Нормандская династия привнесла в местную уголовно-правовую систему ряд новых понятий и конструкций, в том числе заимствованных древнегерманских институтов и приспособленных к местной судебной практике. Так, франкское понятие *фелония* (от старофр. *félonie* – «зло, грех, преступление») вошло в особенную часть англосаксонского уголовного права. Но у франков этот термин обозначал простую нелояльность и неподчинение вассала своему сеньору, нарушение им феодальных уз по вассальному контракту. Это рассматривалось как обычное преступление против чести, за что вассал подвергался конфискации феода. Напротив, в раннесредневековой Англии понятие «*фелония*» приобрело более широкое значение, охватывая все наиболее тяжкие проступки и особо опасные правонарушения, а не только затрагивающие феодальные связи лорда и рыцаря[2]. Такие *фелонии* наказывались конфискацией земли и иного имущества в виде феодального владения, и могли повлечь за собой дополнительные наказания, а также смертную казнь[3].

Профессор *Дж. Гебель*, изучая *франкское уголовное право*, перекочевавшее частично на британские острова после Нормандского завоевания, описывал т.н. «голые места» и пробелы в нем. Они заполнялись путем использования англосаксонских правовых обычаев и королевских указов, а также ломбардских и вестготских материалов. В результате складывалась «систематическая структура правового порядка, искусственного по своей сути и весьма шаткого, когда вопрос заходил о фундаменте, на котором этот порядок был воздвигнут изначально»[4].

Другой важной особенностью *англо-норманнского уголовного права* была система уголовно-правовых средств, направленных на борьбу с общегосударственными тяжкими и религиозными преступлениями[5]. В их среде обособился и затем был кодифицирован такой институт, привнесенный в

---

[1] *Pollock F., Maitland F.W.* The History of English Law Before the Time of Edward I. Cambridge University Press, 1899. Vol. I. P. 102-103.

[2] *Wormald P.* Making of English Law w: King Alfred to the Twelfth Century: Legislation and its Limits. Oxford, 2000. P. 144-149; The Laws of the Earliest English Kings / Ed. *F.L. Attenborough*. Cambridge, 1922. P. 27, 39, 51.

[3] *Wigmore J.H.* Evidence in trials at common law. Little Brown, 1979. P. 520.

[4] *Goebel J.* Felony and Misdemeanor: A Study in The History of English Criminal Procedure. Vol. I. New York: The Commonwealth Fund, 1937. Reprinted 2006. P. 4.

[5] В этом параграфе используются материалы авторской статьи: *Трикоз Е.Н.* Формирование статутного права в уголовном праве Англии в эпоху Высокого средневековья // Право и общество: эволюция во взаимодействии. Жидковские чтения: Материалы Международной научной конференции (г. Москва, 28–29 марта 2014 г.) / Под ред. *Г.И. Муромцева, М.В. Немытиной*. М.: Изд-во РУДН, 2015. С. 323-333.

англосаксонскую традицию с континента, как «*appeal of felony*». Этот юридический инструмент позволял легально выдвинуть частное обвинение в тяжком преступлении (*фелонии*) и инициировать судебное преследование. Такое право на *appeal of felony* предоставлялось только родственникам жертвы, самому вассалу или господину потерпевшего, причем обвинитель при неблагоприятном для него исходе дела подвергался высокому денежному штрафу.

Яркой особенностью *кодистической практики* рассматриваемого периода стала новая традиции *авторских кодификаций* законов и обычаев Англии. В числе таких наиболее ранних юридических трактатов, которые неофициально систематизировали и подвергали квази-кодификации уголовные предписания, выделим шесть сборников: "*Instituta Cnuti", "Consiliatio Cnuti", "Quadripartitus", "Leges Henrici Primi", "Leges Edwardi Confessoris" и "Willelmi Articuli*".

Так, первый из них под названием «*Институты Кнута и других королей Англии*» ("*Instituta Cnuti*", 1095–1124 гг.) представлял собой юридический сборник, составленный англо-нормандским священником в Вустере[1]. В нем в латинском переводе систематизирован избранный нормативный материал по древнеанглийскому праву, тематически разделенный на три раздела. Первые два включали с поправками и комментариями составителя отрывки из двух сводов законов Кнута, а третий раздел содержал выдержки из кодексов Инэ, Альфреда и Эдгара.

Отдельный интерес с позиции кодистической истории норманнско-британского уголовного права представляет «*Кодекс законов Генриха I*» ("*Leges Henrici Primi*") в 1114–1118 гг.[2] Это был юридический трактат на латинском языке, посвященный формирующемуся *общему уголовному праву*, написанный анонимным нормандцем, вероятно тесно связанным с администрацией короля *Генриха I* (1100–1135), сына Вильгельма Завоевателя[3].

Неизвестный автор "*Leges Henrici Primi*" действовал в контексте уголовной политики Генриха I, который стремился сохранить правовую систему англосаксонского периода и практически не издавал нового законодательства[4], и поэтому систематизировал в этом сборнике правовые обычаи и судебные традиции раннесредневековой Англии, а также перечислил законы прежних королей. В числе вошедших в состав этого кодекса актов самого Генриха были указаны коронационная хартия вольностей 1101 г., денежный закон 1100 г. и судебные постановления 1108 г.[5]

В целом, свод "*Leges Henrici Primi*" содержал не только оригинальное описание уголовного права XII века, но и отредактированные фрагменты юридических текстов до Нормандского завоевания и дополнительные исходные материалы[6]. Структурно свод включал 94 главы и состоял из двух коротких прологов, восхваляющих правление Генриха I, за которым следуют две хартии короля (коронационная и

---

[1] *O'Brien B.* The Instituta Cnuti and the translation of English law // Anglo-Norman Studies. 2003. Vol. 25. P. 177-197.
[2] *Leges Henrici Primi* / Ed. and trans. by *L.J. Downer*. Oxford: Clarendon Press, 1972.
[3] *Green J.A.* The Government of England under Henry I. Cambridge, 1986.
[4] Henry I / Ed. by *C.W. Hollister, A.C. Frost*. New Haven, London: Yale University Press, 2003. P. 351, 356.
[5] Speculum. 1974. Vol. 49, № 3. P. 556-557.
[6] *Pollock and Maitland*. History of English Law... Vol. I. P. 100.

дарованная Лондону), а затем шли две небольшие тематические главы общего характера, посвященные теоретической модели справедливого суда и разным видам судебной риторики и аргументации. После этого шла более пространная глава по делам церковной юрисдикции, а затем уже начиналась Основная часть трактата, в которой разъяснялись отдельные правовые конструкции и институты светской юрисдикции. Здесь кодекс охватывал широкий круг вопросов уголовного права, включая ответственность по делам церковной юрисдикции, наказания за госизмену, убийство, воровство, штрафы по феодальным земельным спорам, санкции за неуплату «датских денег» (др.-англ. *danegeld*), суммы иных судебных штрафов.

Наконец, последние два систематизирующих трактата назывались "*Willelmi Articuli decem*" и "*Leis Willelme*". Первый из них представлял собой сборник «Десяти статей» и появился ок. 1110–1150-е гг.[1] Он был анонимным юридическим сборником законов, написанным на латинском и французском языках с вкраплениями староанглийских терминов, и объединял в десяти крупных статей нормы уголовного и процессуального законодательства, начиная с указов Вильгельма Завоевателя[2]. Терминология, используемая в латинской версии этого кодекса, указывает на то, что автор был вероятно знаком с римским юридическим словарем.

По своей технике "*Willelmi Articuli*" представлял компиляцию из «*Instituta Cnuti*», фрагменты которого были помещены в пролог и в статьи первую, пятую, восьмую, девятую и десятую[3]. Статья вторая закрепила норму о верности королю, подразумевая *состав измены* в случае ее нарушения. Статья третья была посвящена уголовно-правовой защите французов от убийства. Статья четвертая приравнивала французских мужчин, натурализованных до 1066 года, к правовому положению с подданными согласно английскому законодательству[4]. Статья шестая была сокращенной версией подлинного приказа Вильгельма об оправдании (*writ concerning exculpation; Willelmi Articuli*). Седьмая описывала законы короля Эдуарда с поправками, внесенными Вильгельмом, и содержала перефраз статьи 13 коронационной Хартии *Генриха I* [5].

Второй период. Перейдем к анализу техники уголовно-правовой систематизации на следующем этапе развития *Нормандско-Анжуйской династии* в XII в.

Государственная политика по преследованию преступлений в Нормандско-Анжуйской Англии получила свое развитие и юридическое закрепление благодаря правлению *Генриха II Плантагенета* (1154–1189), первого представителя Анжуйской династии[6].

---

[1] Die Gesetze der Angelsachsen / Ed. by *Felix Liebermann*. Vol. 1. P. 486-488; *Robertson*. Laws. P. 238-243.
[2] *Wüest J.* Die "Leis Willelme": Untersuchungen zum altesten Gesetzbuch in französischer Sprache. Bern: Francke, 1969.
[3] Select Charters and Other Illustrations of English Constitutional History / Ed. by *W. Stubbs*. 9th ed. Rev. by *H.W.C. Davis*. London: Macmillan and Co., 1913. P. 98-99.
[4] *Pollock and Maitland*. History of English Law. Vol. I. P. 97-98.
[5] *Sargent S.D.* An examination of the laws of William the Conqueror // Masters Theses. Master of Arts – History. University of Massachusetts, 1976. P. 10-11.
[6] *Anderson J.* The Angevin Dynasties of Europe, 900–1500. Malborough, 2019; *Davies R.R.* The First English Empire. Power and Identities in the British Isles 1093–1343. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Так, его *Кларендонская ассиза 1166 г.* была записана летописцем Роджером из Хаудена (ок. 1170-1201) в его *Chronica.* Ассиза включила положение о судебном преследовании такого нового состава преступления, как «бродяжничество» (*vagrancy crime*)[1]. Он складывался из ряд объективных действий: запрет горожанам под угрозой ареста предоставлять какому-либо бродячему человеку (*vaivus*) или бродяге (*vagus*) пристанища в бургах более чем на одну ночь (ст. 15); после истечения этого срока бродяга должен быть подвергнут аресту (*capiatur*) и помещен в тюрьму (*teneatur*) до тех пор, пока не явится его сеньор (*dominus*) или пока он не найдет надежных поручителей (ст. 16)[2].

В *Кларендонской ассизе* был очерчен круг уголовных преступлений, обвинение в совершении которых входило в сферу королевского правосудия: это разбой, тайное убийство, грабеж, укрывательство данных преступлений (ст. 1). Была четко зафиксирована процедура выдвижения обвинения и применения мер пресечения (ст. 2–4), отдельные положения процедуры «*habeas corpus*» (ст. 4, 6) и рассмотрения дел разъездными судьями с участием коллегии присяжных (ст. 2, 5 и др.). Были включены некоторые гарантии объективного суда и неотвратимости наказания. Так, если присяжные скрывали преступление или делали нелепое, ложное заявление под присягой, королевские судьи налагали на них денежные штрафы[3].

В *Ассизе* также было положено начало новому виду уголовного наказания в виде королевского предписания об «*объявлении вне закона*» лиц, скрывающихся от уголовного правосудия. В частности, подвергались аресту лица, бежавшие из другого графства, где они были обвинены в разбое, убийстве, грабеже или укрывательстве их, либо ранее были объявлены вне закона или обвинены в нарушении законов о королевских лесах (ст. 17). Всем шерифам предписывалось составлять списки таких «беглых» и объявлять их на собраниях графств и разъездным судьям, чтобы они разыскивались по всей Англии, а их имущество было конфисковано в казну короля (ст. 18)[4].

В целом, *уголовно-правовые ассизы Генриха II* нанесли первый удар по жесткой судебной зависимости рыцарей и свободных держателей от сеньориальной курии, которой владели лорды-иммунисты[5]. Эти последние постепенно лишались таких привилегий, как: получение денежного штрафа, наложенного судом на вассала; конфискация имущества вассалов, совершивших фелонию; право иметь свою виселицу для быстрой расправы над ворами, пойманными с поличным; право устанавливать позорный столб для наказания преступников; и др.[6]

---

[1] The Assize of Clarendon, 1166 (Latin text) // Select Charters and Other Illustrations of English Constitutional History / Ed. by *William Stubbs*. 9th ed. Rev. by *H.W.C. Davis*. Oxford, 1921. P. 170-173.
[2] Памятники истории Англии XI – XIII вв. / Пер. и введение *Д.М. Петрушевского*. М., 1936. С. 60.
[3] Памятники истории Англии XI – XIII вв. / Пер. и введение *Д.М. Петрушевского*. М., 1936. С. 60-61.
[4] Памятники истории Англии XI – XIII вв. / Пер. и введение *Д.М. Петрушевского*. М., 1936. С. 62.
[5] *Гутнова Е.В.* Ограничение иммунитетных прав английских феодалов при Эдуарде I // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. 1947. № 6.
[6] *Марчанукова Д.Э.* Иммунитетные права феодалов в Англии в период правления Эдуарда I: правооснование, процедура проверки, виндикация: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. С. 12-13.

Третий период. Новый этап в истории систематизации уголовного права Англии связан с *королевскими хартиями и статутами* династии Плантегенетов XIII – XIV вв., ряд из которых был направлен на кодификацию норм о преступлениях и наказаниях.

Особое значение в этой контексте имела *Великая Хартия вольностей* (*Magna Charta Libertatum*) 1215 г., подписанная королем *Джоном Безземельным* (1199–1216)[1]. По своему жанру это был своего рода мирный договор с сословиями, скрепленный клятвенным обещанием («*pacem reformatum*» в ст. 1, 61 и 62 Великой хартии), наподобие немецких «статутов о мире». Одновременно это была своего рода *систематизация* и запись древних обычаев и включение в сферу публичного права норм фьефного права[2]. Особое значение имели статьи Великой хартии о мерах по унификации системы королевского правосудия и разграничении юрисдикции по уголовным делам между королем и магнатами[3].

Процессу унификации королевского правосудия и созданию свода единообразных уголовных и процессуальных норм («*suits of court*») мешала практика судебных курий пэров и манориальных судов, а также такие две феодальные оговорки, как «*privilegium fori*» («привилегия духовенства») и «*exeptio villenagii*» («исключение вилланства»). Собственно формула «*legale judicium*», встречающаяся в ст. 39 и ряде статей *Великой хартии* 1215 г., по сути своей была первыми попытками кодификации элементов принципа *верховенства права*[4].

Вслед за общим судебным правом королевское уголовное законодательство официально признало принцип «исключения вилланства» («*exceptio villangii*»). Он означал, в частности, не распространение *общего уголовного права* на вилланов и исключение их из предусмотренных общим правом привилегий в отношении свободных.

Статьи 40 и 45 *Великой хартии* 1215 г. в целях унификации уголовной политики и стимулирования обращения подданных за уголовно-правовой защитой именно в королевский суд, закрепили новые принципы королевского правосудия, а именно объективный, равный, законный, справедливый и скорый суд. Важное значение получила закрепленная в ст. 55 особая коллегия в виде баронского совета во главе с архиепископом, которые занимались пересмотром дел и вынесения приговора (*judicium*) с наложением денежных штрафов (*fines*) и взысканий (*amerciamenta*), несправедливо зачисленных в казну короля или наложенных против закона страны («*injusta et contra legem terre*»). В ст. 62 Великой хартии объявлялось о

---

[1] *Aurell M.* The Plantagenet Empire, 1154–1224. London, New York: Pearson Longman, 2007.

[2] *Чиркин С.В.* Великая хартия вольностей 1215 г. // Документы по истории зарубежного права / Под ред. *Н.А. Крашенинниковой*. М., 1987. С. 106, 109-110.

[3] Если исходить из текста ст. 14 «Magna carta» и анализировать социальный состав первых английских парламентов XIII в., то категория «*магнаты*» включала архиепископов, епископов, аббатов-держателей короля «*per baronium*»; эрлов (графов), которых всего было 11 (в 1283 г. присоединился 12-й – принц Уэльсский), и непосредственных держателей короля (*in capite*), среди которых выделялись старшие бароны (*barones majores*).

[4] Английский термин «*principle of legality*», или «*rule of law*» отличается от континентального правила «*rule by law*». Он относится скорее лишь к законности судейского решения и согласно классической формулировке А. Дайси означает, что «никто не может быть подвергнут наказанию иначе, как за явное нарушение права, установленное надлежащим судом». Цит. по: *Грюнхут М.* Английское уголовное право // Современное зарубежное уголовное право. М., 1961. С. 246.

всеобщей политической и уголовной амнистии (помиловании), что сопровождалось выдачей «открытых удостоверений» («*testimonials patentes*»).

Мальбросский (Мальбриджский) статут (Statutum de Marlebridge / The Statute of Marlborough) 1267 г., направленный на укрепление системы правосудия по уголовным делам, были издан королем *Генрихом III* (1216–1272), и представлял собой обширный свод из 30 тематических глав[1]. Этот *статут* криминализировал подобные деяния и тем самым частично кодифицировал эту часть королевского уголовного права. В ст. 4 устанавливался штраф для виновных в угоне скота за пределы графства, приравнивая его по размеру к штрафу за нарушение королевского мира. Статут запрещал под страхом наказания брать что-либо за правильное ведение уголовного дела, криминализовав новый состав как «*par beau pleyder*», т.е. незаконный побор с тяжущихся в королевском суде (должностная взятка). Ст. 21 закрепляла требование, чтобы местный шериф безотлагательно возвращал скот, незаконно отобранный у любого лица. Ст. 25 отменила уголовное преследование за привилегированный состав убийства, если оно было совершено случайно, и такие деяния квалифицировались в королевских судах как иные составы причинения смерти или вреда здоровью.

Другим важным шагом при короле Генрихе III в деле уголовно-правовой систематизации стало издание *авторского трактата Г. Брактона* в виде своего рода доктринальной кодификации судебных обычаев и норм общего права. Этот трактат под названием «*О законах и обычаях Англии*» («*De legibus et consuetudinibus Angliæ*» / "*On the Laws and Customs of England*") был составлен на латыни в 1254–1256 гг. (по другим данным, ок. 1258 г.) вероятно *Генри де Брактоном* (Henry of Bratton / Henricus de Brattona; ок. 1210–1268), доктором права Оксфорда и королевским судьей «*Coram rege*» (позднее *King's Bench* – «Суд королевской скамьи»)[2]. В то время королевские судьи общего права уже были в тесном контакте с римским правом и его преподавали в университете[3], и первые трактаты по английскому праву использовали *римскую модель систематизации.*

При короле *Генрихе III* сложились предпосылки для унификации судебных приказов общего права и систематизации их правовых норм[4]. Это и было сделано в вышеуказанном *трактате Брактона*, который историк права *Ф.У. Мейтленд* метафорично назвал «венцом и цветком английской юриспруденции»[5]. Около 450 решенных судебных дел было отражено в «*Записной книжке*» Брактона.

---

[1] *Томсинов В.А.* Прерогативы королевской власти в Англии в первые десятилетия XVII в. и Петиция о праве 1628 г. // Проблемы истории государства и права. М., 2009. С. 77-79.

[2] *Brand P.* The Age of Bracton // The History of English Law, Centenary Essays on Pollock and Maitland / Proceedings of the British Academy. 1996. Vol. 89. P. 66-73.

[3] Уже в 1145 г. Вакарий преподавал римское право в Англии, но в течение второй половины XII в. король Стефан запретил изучение римского права в Англии. См.: *Сорокина Е.А.* Преподавание римского права в Англии: магистр Вакарий (magister Vacarius) // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2014. №4. С. 67-73; *Buhofer S.* Structuring the Law: The Common Law and the Roman Institutional System // Swiss Review for International and European Law. 2007. Vol. 5. P. 715-716.

[4] *Святовец О.А.* Генри Брактон и трактат «О законах и обычаях Англии»: Из истории политической мысли XIII века: Дис. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2000. С. 3.

[5] "The crown and flower of English medieval jurisprudence". Цит. по: *Brunner H.* The Sources of English Law // Select Essays in Anglo-American Legal History. 1908. Vol. II. P. 35.

Некоторые исследователи условно называют трактат «*О законах и обычаях Англии*» в контексте развития английского общего права «*кодексом*, в котором впервые были зафиксированы неписаные нормы английского права», изложенные по определённой системе[1]. Примерно за сто лет до Брактона определенную модель системного изложения предложил вероятно юстициарий *Ранульф Глэнвилл* в трактате «*De Legibus et Consuetudinibus Regni Angliae*», 1187/89 гг.[2] Его внутренняя систематика представлена в Книге I, главы 1–4: материальное деление судебных приказов (*pleas/writs*) на уголовные и гражданские; королевские цивильные иски (*civil pleas*) делятся на собственнические и посессорные, а уголовные судебные приказы относятся либо к короне (Книга XIV, главы 1-7), либо к шерифам графств (Книга XIV, глава 8)[3].

Более влиятельный трактат Брактона был построен уже по классической *институциональной схеме* применительно к *общему праву*. Оригинальный текст трактата, состоявший из 6 томов, поделенных на книги и параграфы, был утерян, к тому же он так и не был полностью закончен автором[4]. В тексте заимствуются иногда дословно римские положения из «*Институций*», «*Дигест*» и других памятников, также на основе трактата «*Summa Azonis*» итальянского глоссатора *Азо* (*Azzone dei Porci*; ок. 1190-1230) и других средневековых знатоков римского права[5].

Во внутренней структуре трактата Брактона прослеживается разделение на *три институционные части – persons, things, actions*. Часть об исках содержала общее введение (fs. 98–99), трактовку обязательств (fs. 99–101 b) и общую часть о классификации исков и регулировании процессуальных вопросов (fs. 101b и след.). Затем следует Часть трактата "*Of criminal actions*" (*Of the pleas of the crown*) о преступных действиях и наказаниях (fs. 115b – 159b), которые подразделяются на две категории – "*Of capital crimes*" (f. 118) и "*Of minor crimes*" (f. 155), т.е. преступления, влекущие смертную казнь, и менее тяжкие преступления-мисдиминоры.

При Брактоне влияние *институциональной системы* римского права достигло своего пика и сам его трактат стал важным за долгое время примером, где общее право излагалось как система материальных норм (*system of substantive rules*)[6].

Четвертый период. Следующим этапом консолидации общекоролевского уголовного права на основе королевских статутов стала эпоха *короля Эдуарда I* (*Edward «Longshanks»*; 1272–1307).

На этом этапе систематизация продолжилась через законодательные антииммунитетные меры королевского двора[7]. Так, *Первый Вестминстерский статут* (*Statute of Westminster*) 1275 г. представлял

---

[1] *Крючков М.А.* Учения Генри Брактона // European research. 2015. №4 (5). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ucheniya-genri-braktona (дата обращения: 25.01.2024).

[2] The Treatise on the Laws and Customs of the Realm of England commonly called *Glanvill* / Ed. & trans. by *G.D.H. Hall*. 1965. P. Xxx.

[3] Перевод Е.В. Гутновой на русский язык в кн.: *Тесля А.А.* История государства и права средневековой Англии VI – XII вв: хрестоматия. Хабаровск, 2006.

[4] Существует множество расходящихся рукописей, искаженных дополнениями, пропусками, неверными переводами. *Thorne S.E.* Henry De Bracton, 1268 – 1968 // Essays in English Legal History. 1985. P. 75-84.

[5] *Maitland F.W.* Select Passages from the Works of Bracton and Azo // Selden Society Publications. 1895. 8. P. Xiv-Xvii.

[6] *Milsom S.F.C.* Historical Foundations of the Common Law. 2nd ed. 1981. P. 41-43.

собой крупный консолидированный акт (51 статья)[1], составленный лордом-канцлером короля Робертом Бёрнеллом (*Robert Burnell*), который отвечал за документооборот королевского двора и выполнял роль спикера палаты лордов[2].

Юридическую технику *Вестминстерского статута* высоко оценивал британский историк *Уильям Стаббс*: «Перед нами акт, который сам по себе является почти кодексом; он содержит пятьдесят один пункт и охватывает всю сферу законодательства. Его язык то напоминает язык короля Кнуда или Альфреда, то предвосхищает язык наших дней»[3].

Целый ряд статей Вестминстерского статута содержали положения Общей части уголовного права – «*General principles of criminal law*». Так, ст. I воспроизводила заявление короля о том, что «одинаковое право (равная правовая защита) должно предоставляться всем, как богатым, так и бедным, не взирая на личность», а уголовное наказание должно налагаться «согласно тяжести и роду преступления и тому, как это сочтет удобным король в своей курии». Согласно ст. VI, никто не будет «штрафоваться без достаточных оснований, и (только) в соответствии с тяжестью преступления».

Вестминстерский статут обратил внимание на виллана как субъекта преступления. Манориальный лорд обладал правом открытого и немедленного преследования виллана, если тот объявлялся «беглым» («fugitivus») в случае отказа возвращения в манор и неуплаты поголовного налога «chevagium». Лорд был вправе захватить виллана на любой территории, насильно возвратить в свой манор и подвергнуть наказанию в своем суде[4]. Так, в ст. VI Статута говорилось, в частности, что вилланы (как и все свободные, и купцы) должны «штрафоваться только по решению их равных (lour piers)».

В ст. II Статута подтверждалось исключающее наказание обстоятельство в виде «привилегии духовенства» («*privilegium fori*»), которая означала передачу клирика, подозреваемого в тяжком преступлении (felonie), суду епископа для должного очищения «так, чтобы королю не нужно было изыскивать для этого другие уголовные средства». В статуте были кодифицированы нормы о соучастии в преступлении и о прикосновенности к его совершению[5].

Вестминстерский статут 1275 г. выделил в особенную категорию общегосударственные преступления, назвав их «проступки против приказов короля и королевского мира». В частности, речь шла о посягательствах на собственность прелатов и злоупотреблениях гостеприимством монастырей со

---

[7] *Prestwich M.* Plantagenet England 1225–1360. Oxford: Clarendon Press, 2005.

[1] Statute of Westminster the First // The Statutes at Large: From the Magna Charta, to the End of the Eleventh Parliament of Great Britain, Anno 1761 / Ed. by *D. Pickering*. Cambridge, 1762. Vol. I. P. 74-107.

[2] *Huscroft R.* The Political Career and Personal Life of Robert Burnell, Chancellor of Edward I. University of London, 2000. 594 p.

[3] *Stubbs W.* The Constitutional History of England in Its Origin and Development. The Clarendon press, 1875.

[4] Свою прерогативу на правосудие лорд мог реализовать в манориальной курии, включавшей всех членов манора (самого лорда, его управляющего (стюарда), надсмотрщика (reeve), надзирателя за посевами (hayward), надзирателя за лесными угодьями (*woodward*), сборщиков манориальных пошлин и всех сервов). Судьями (suitors) являлись все «граждане манора», без всяких различий как в отношении прав и обязанностей судить, так и в отношении собственно судебной процедуры. См.: Вестминстерские статуты / Пер. с лат. и старо-франц. *Е.В. Гутновой*. М., 1948. С. 12.

[5] *Tomlins Th.E., Raithby J.* Statute of Westminster 1275 [3 Edw. I. – A.D. 1275 Statute I]. 1810. P. 26-39.

стороны магнатов, основателей или патронов этих монастырей либо королевских чиновников. В числе уголовных наказаний за такие преступления были тюремное заключение, штраф и возмещение ущерба в двойном размере, а при уклонении от королевского правосудия (неявка в суд после троекратного вызова) – наложение «большого ареста» («*le grand destrece*»), что означало конфискацию земель и движимого имущества (ст. I)[1].

В эту же категорию преступлений были систематизированы нормы о посягательствах на гарантированную королем свободу выборов в собраниях графств, когда кто-нибудь «силой оружия или (с помощью) коварства, мешал бы (кому-либо) осуществить свободные выборы» (ст. V). К категории преступлений, ведущих к «обесславлению короля», были причислены злоупотребления с займами из королевской казны, королевскими перевозками, поставками для королевского двора или гарнизонов замков (ст. XXXII).

В качестве государственного преступления было криминализировано распространение опасных для государства слухов, что напрямую было связано с «баронской войной» во времена Генриха III (1258–1267 гг.) (ст. XXXIV). В данный разряд преступлений включались такие традиционно тяжкие деяния, как измена королю, фальшивомонетничество, подделка королевской печати и злостные поджоги (ст. XV).

Следующей категорией общеуголовных преступлений в Статуте признавались *имущественные преступления*. Разграничивались такие составы, как: кражи в парках и водоемах (ст. XX); незаконный арест имущества приезжих людей в городах, бургах, торговых местечках, на ярмарках и рынках (ст. XXIII); захват с целью грабежа земли или движимого имущества либо с помощью насилия или оружия, хотя бы и без цели грабежа (ст. XXXVII).

Статут впервые выделил в особую подгруппу *должностные преступления*, в частности, когда шериф, коронер или бейлиф за взятку или по просьбе или из-за родственных связей скроет, согласится или попытается скрыть тяжкие уголовные преступления, совершенные в его округе, или не задержит и не арестует преступника (ст. IX); незаконный отпуск на поруки либо незаконное задержание в тюрьме с целью получить выгоду (ст. XV); получение взяток за выполнение своих обязанностей шерифа, судебного клерка, исчитора (escheator), расследователя (inquerors) или другого королевского чиновника (ст. XXVI–XXVII); совершение обмана в отношении королевских судей, сговора или соглашения в королевском суде со стороны какого-либо служителя суда, пристава или защитника (ст. XXIX).

Принятие *Второго Вестминстерского статута 1285* г. (49 статей) стало следующим шагом уголовно-правовой систематизации при Эдуарде. Статут частично затрагивал порядок отбывания наказания в тюрьме «Флит» в Лондоне и процедуру исполнения наказания в виде «объявления вне

[1] Вестминстерские статуты / Пер. с лат. и старо-франц. *Е.В. Гутновой*. М., 1948. С. 7-9.

закона» (ст. XI). Он запрещал судьям принимать к рассмотрению обвинения от лиц, не имеющих достаточного имущества для привлечения их к ответственности за ложное обвинение (ст. XII)[1].

Статут 1285 г. содержал очередное свидетельство распространения суда присяжных на все уголовные дела. Лицам, преследуемым по обвинению в воровстве и других преступлениях самолично шерифом (или бейлифом лорда-иммуниста) без привлечения присяжных, то есть незаконно, предоставлялось право возбуждать против такого чиновника уголовный иск с помощью приказа об аресте (*breve de inprisonemento*) (ст. XIII).

Этим же Статутом был криминализирован новый состав имущественного преступления в виде мошенничества, которое предполагало, что умышленный захватчик чужой земли с корыстной целью (для продолжения получения ренты и иных доходов) и для недопущения «ассизы о новом захвате», делал «ложные заявления о том, будто уже ранее эта ассиза имела место между теми же тяжущимися сторонами», или же ложно утверждал, что «между ними ведется неразрешенный спор по приказу более высокого значения по поводу той же земли»[2]. Такому мошеннику грозили имущественные санкции и годичное тюремное заключение (ст. XXV).

В Статуте были впервые систематизированы в особую группу преступления против личности и против нравственности, тесно связанные с посягательством на частные имущественные интересы. В их числе были выделены такие составы, как похищение и незаконное задержание детей-наследников, повлекшее за собой нарушение чужого права выдачи замуж (или женитьбы) либо право опеки над их наследством (ст. XXXV); насильственное похищение девушки или замужней женщины, похищение имущества ее супруга, побег с монахиней из монастыря и др., под угрозой наказания в виде возмещения монастырю и выплаты штрафа королю (ст. XXXIV); а также незаконные аресты имущества и иные насильственные действия на основании ложных жалоб в отношении лиц, подвластных лордам, имеющим курии, и бейлифам с целью вымогательства у них денег, в связи с чем потерпевшим предоставлялся приказ «о правонарушении» («*de transgressione*») (ст. XXXVI–XXXVII).

В данном *Статуте 1285 г.* продолжилась криминализация составов должностных преступлений и преступлений против королевского правосудия. Отдельного внимания заслуживает ст. XLVII *Статута 1285 г.,* которая впервые устанавливала уголовное наказание за браконьерство – ловлю сетями лососей в запрещенный период: в первый раз у правонарушителя конфисковывались и уничтожались рыболовные сети и приспособления, во второй раз браконьер подвергался тюремному заключению.

Правление *Эдуарда I* было критическим периодом в развитии блока уголовно-правовых норм, касающихся ответственности за злоупотребления в сфере судебной процедуры. Было принято несколько положений, направленных против такого поведения, как злоупотреблением властью и влиянием в

---

[1] Так как «многие (люди) по злому умыслу, желая причинить вред другим, возбуждают ложные обвинения в убийстве и других тяжких уголовных преступлениях с помощью обвинителей (*appellatores*)». См.: Вестминстерские статуты / Пер. с лат. и старо-франц. *Е.В. Гутновой*. М., 1948. С. 60.

[2] Вестминстерские статуты... С. 68-69.

судебном процессе (*abuse of power u influence in legal process*): Вестминстерский статут I 1275 г. (ст. 25, 28 и 33); Вестминстерский статут II 1285 г. (ст. 12 и 49); Статут *Articuli Super Cartas* 1300 г. (ст. 11)[1]; Ордонанс о заговорщиках (*Ordinatio de Conspiratoribus*) 1293 г.; Ордонанс о преступном сговоре 1305 г.; Ордонанс о дубинщиках 1305 г. и др.

Так, изданный *Эдуардом I* Ордонанс о преступном сговоре (*Ordinance Concurrent Conspirators*) 1305 г.[2] стал первым статутом, содержавшим дефиницию «заговорщика» (*conspirator*) и начавшим кодификацию норм *общее право* по вопросам *common-law conspiracy*: «Заговорщиками являются те, кто вступает в сговор или связывает себя клятвой, соглашением или другим союзом, направленным на то, чтобы каждый из них обязывался помогать друг другу и поддерживать общее предприятие, состоящее в том чтобы ложно и злонамеренно обвинять или заставлять обвинить или ложно оправдать людей, либо ложно выдвигать или поддерживать иски в суде». Эти ордонансы о преступном сговоре *кодифицировали* существовавшие ранее принципы общего права, касающиеся незаконных объединений (*unlawful combinations*), и предусматривали «надлежащую процедуру для суда и наказания заговорщиков»[3].

Еще один статут Эдуарда – *Указ о дубинщиках* (*Ordinatio de trailbaston*) 1305 г. касался любых нарушителей закона, скрывавшихся от правосудия, главным образом грабителей. Таким лицам запрещалось давать убежище, и они должны были подвергаться изгнанию, что в действительности снова толкало их на путь разбоев и грабежей на больших дорогах[4].

Пятый период. Во время правления *Эдуарда III* (1312–1377) были предприняты законодательные шаги по криминализации и суботраслевой кодификации *статутов об измене*.

Несмотря на активную законодательную деятельность XIII века, при короле Эдуарде III продолжилась отраслевая систематизация статутных и прецедентных норм, касавшихся преступного сговора и составов несанкционированной поддержки в суде (*criminal maintenance*) и его подвида т.н. *чамперти* (*criminal champerty*). Многие из этих статутов были продуктом петиций Палаты общин к Короне, в которых «*коммонеры*» выражали обеспокоенность поведением приближенных магнатов, злоупотреблявших законом для достижения своих корыстных интересов[5].

Статут об измене (*Treason Statute) 1351 г.*[6] можно считать особым этапом уголовно-правовой реформы ***Эдуарда III***, направленной на суб-институциональную консолидацию норм о преступлении государственной измены (*treason*). Этот статут был принят для того, чтобы прояснить и ограничить

---

[1] *Articuli Super Chartas* (28 Edw., ch. 10) // The Statutes At Large of England and of Great-Britain: From Magna Carta to the Union of the Kingdoms of Great Britain and Ireland. 1811. Vol. 1. P. 292.
[2] *Bryan J.W.* The Development of the English Law of Conspiracy. New York: Da Capo Press, 1970. P. 11, 15.
[3] *Bryan J.W.* The Development of the English Law of Conspiracy. New York: Da Capo Press, 1970. P. 22.
[4] *Rose J.* Legal Responses to the Corruption of Justice // Maintenance in Medieval England. Cambridge Studies in English Legal History. Cambridge University Press, 2017. P. 30-64.
[5] *Richardson H.G., Sayles G.O.* Parliaments and Great Councils in Medieval England // Law Quarterly Review. 1961. Vol. 77. P. 227-228.
[6] Авторский перевод Вестминстерского статута дан в приложении к настоящей диссертации. См. также: Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. Том 1. Древний мир и Средние века / Сост. *Лысенко О.Л., Трикоз Е.Н.* М., 2024. С. 560-565.

законодательную дефиницию государственной измены и впервые консолидировать отдельные положения об уголовной ответственности за эту категорию преступлений[1].

Этим документом король постепенно расширял сферу своей юрисдикции над такими изменническими действиями, преследуя цель захватывать (*to seize*) и удерживать земли постоянно растущего числа преступников-фелонов и предателей-изменников (*felons and traitors*). Согласно пояснению *С. Милсома*, право короля основывалось на древнем английском институте уголовной конфискации, а право лорда конфискации земли связывалось с совершением феодального преступления, заключавшегося в нарушении клятвы верности и вассального договора[2].

Но такие конфискуемые земли получали разные люди в разные периоды, поэтому определение законных границ между этими двумя категориями преступлений нередко приводило к конфликту и правовым коллизиям[3]. Ленд-лорды постепенно теряли свою уголовную юрисдикцию, по мере роста королевской подсудности по таким фелониям и передачи большего количества исков в суды короля, а не лордов[4].

Как пояснял *Ф.У. Мейтленд*, «*измена* – это преступление, имеющее неопределенную сферу и более чем один центр», подразумевая под смысловыми центрами конструкции этого состава германский и римский содержательные элементы (*seditio и laesa maistatis*). Если древнегерманский элемент связывал преступление измены с идеей предательства и злоупотребления доверием (*treubruch*) человеком по отношению к своему господину, то римский элемент основывался на идее maiestas, как оскорблении лиц, обладающих государственной властью, с посягательством на их величие[5]. Знаменитый римский закон «*Lex Julia de maiestate*», приписываемый Юлию Цезарю, не сохранилось, но его текст частично реконструируется на основе комментариев к нему в Книге 48 *Дигест Юстиниана*[6].

В Объединенном королевстве до сих пор действуют положения «*Статута об измене*». Так, в 1946 г. британский подданный *Уильям Джойс* на основании этого Статута получил обвинительный приговор за сотрудничество в годы войны с Третьим рейхом, и был повешен за измену британской Короне.

Шестой период. Во время правления *династии Тюдоров* (1485–1603 гг.) были приняты специализированные уголовно-правовые статуты и крупные ордонансы.

Этот период развития техники систематизации и уголовно-правового нормотворчества был связан с эпохой правления боковой ветви династии Плантагенетов – *домом Ланкастеров* (1399–1471 гг.)[7]. Но с

---

[1] Исходя из анализа английского сайта официальной правовой информации, данный Статут действует до сих пор. URL: https://www.legislation.gov.uk/aep/Edw3Stat5/25/2/section/II (дата обращения: 01.11.2024).
[2] *Milsom S.F.C.* Historical Foundations of the Common Law. London, 1981. P. 405-406.
[3] *Patten J.K. van.* Magic, Prophecy, and the Law of Treason in Reformation England // American Journal of Legal History. 1983. Vol. 27. P. 4.
[4] *Pollock F., Maitland F.W.* The History of English Law Before the Time of Edward I. Cambridge, 1895. Vol. II. P. 465-501, 508.
[5] *Pollock F., Maitland F.W.* The History of English Law Before the Time of Edward I. P. 503.
[6] *Cuttler S.H.* The Law of Treason and Treason Trials in Later Medieval France. Cambridge University Press, 2003. P. 7.
[7] *Dodd G.* The Reign of Henry IV: the Revolution of 1399 and the Establishment of the Lancastrian Regime // Henry IV: The establishment of the Regime, 1399–1406 / Ed. by G. Dodd, D. Biggs. Woodbridge, 2003.

гибелью *Ричарда III Йорка* (1483–1485) в битве при Босворте, завершила свое существование не только династия Плантагенетов, но и многолетняя борьба Ланкастеров и Йорков («война Алой и Белой Роз»).

Король ***Генриха V*** (1413–1422 гг.) из династии *Ланкастеров*, основатель девиза страны "*Dieu et mon droit*" (англ. "*God and my right*") , издал консолидированный *воинский устав – Ордонанс 1419 г.,* который среди дисциплинарных и административных норм содержал также компактную группу уголовно-правовых норм и процессуальных предписаний[1]. В тексте Ордонанса король указывал, что признаёт ситуацию разрастания беспорядков и недисциплинированности в обществе и военном строю, в связи с чем приказал собрать воедино все правила воинской дисциплины, нормы об ответственности за военные проступки и правила судопроизводства в военных судах[2].

Этот *Ордонанс 1419 г.* обязывал как офицеров, так и рядовых солдат подчиняться воинскому порядку под угрозой наказания и потери денежного довольствия или другого имущества. Это представляло собой серьезную попытку предотвратить неподчинение армии путем создания вертикальной цепочки командования, при которой солдаты подчиняются своему непосредственному начальству и выполняют его приказы, а капитаны подчиняются констеблю и маршалу, и т.д. Констебль и маршал имели делегированные им полномочия осуществлять уголовное преследование в военных судах в отношении любого солдата, который участвовал в таких *воинских преступлениях*, как дезертирство или нарушение дисциплинарного устава, и др.[3]

При новой династии *Тюдоров* были предпринята попытки отраслевой квази-консолидации норм о тяжких преступлениях, чем закладывался фундамент т.н. «*Кровавого уголовного кодекса*», а также начался новый виток доктринальных проектов по уголовно-правовой систематизации. В целом парламенты *династии Тюдоров* приняли более 15 уголовно-правовых законов, каждый из которых создавал новые составы преступления с градуированными санкциями вплоть до смертной казни[4].

Уже при *Генрихе VII* (1485–1509 гг.) трое юристов-цивилистов, инициативных профессора, выдвинули *проект преобразования английского права* по модели кодификации римского права, хотя их невыполнимые на тот момент планы не получили должной поддержки при королевском дворе[5]. У юристов-канонистов тоже были свои шаги в этом направлении правовой кодификации. В частности, в 1534 г. была обнародована популярная *схема реформы*

---

[1] 1419 ordinances by Henry V of England, The Essential Portions of Nicholas Upton's De Studio Militari, before 1446, from Allmand, Society at War, 94.

[2] *Whittington K.E.* The Social Impact of the Hundred Years War on the Societies of England and France // Honors Undergraduate Theses. 2016. Vol. 115. P. 30.

[3] *Christopher A.* The Hundred Years War: England and France at War 1300-1450. Cambridge University Press, 1988. P. 50.

[4] 31 Henry VIII, c. 14; 5&6 Edward VI, c. 11; 5 Elizabeth I, c. 14, 16. См.: *Kesselring*. Mercy and Authority. P. 35-36.

[5] *Baker J.H.* Introduction to English Legal History. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 232.

права, которая должна была начинаться с кодификации церковного права[1]. Парламентские статуты с 1485 г. издавались полностью на английском языке, в связи с чем *Растелл* особо восхвалял *Генриха VII* как «достойного называться вторым Соломоном», благодаря которому удалось в течение следующих пятидесяти лет достичь очень высокого уровня технического мастерства составления законов[2].

При короле *Генрихе VIII* (1509–1547 гг.) был принят *Акт о консолидации уголовных законов* (*Penal Statutes Act*) 1509 г. (1 Hen. VIII c. 4). Спустя четверть века продолжилась суб-институциональная консолидация норм об отдельных категориях преступлений. Так, в 1536 г. были приняты два новых консолидированных акта – «*Закон о хищениях*» и «*Закон о преступлениях на море*» (28 Hen. VIII, c. 15), или «Акт о наказании пиратов и разбойников на море» (*Act for punysshement of Pyrotes and Robbers of the See*).

Печально известный «*Закон об отравлении*» 1531 г. (*Acte for Poysoning*, 22 Hen. VIII, c. 9) квалифицировал в качестве измены (*treason*) убийство с помощью яда, и предусматривал, что при этом у подсудимого должна быть конфискована земля, как в случае обычной *фелонии*, то есть она переходила его сюзерену, а не королю. Это гарантировало, что лорд феода не потеряет свою землю в пользу государственного фонда в случае назначения конфискации за это преступление его вассала[3].

Здесь сыграл свою роль более ранний прецедент, связанный с изданием при *Генрихе VI* уголовно-правового Акта (*8 Hen. VI, c. 6*) о том, что угроза поджогом с целью вымогательства денег приравнивалась к государственной измене, наказание за которую должно было обязательно включать конфискацию имущества, как в случае обычной *фелонии*. В проекте «*Закона об отравлении*» 1531 г. убийство с помощью яда было обозначено как *фелония*, но позже его переименовали в измену (*treason*) для того, чтобы преступник не мог воспользоваться привилегией духовенства (*benefit of clergy*) и избежать наказания. При этом повторим, что конфискация была указана именно как санкция фелонии, что гарантировало лорду сохранность его феодальных владений[4].

В правление *Марии I Тюдор* (Bloody Mary, 1553–1558), старшей дочери Генриха VIII, уголовное право в отношении фелоний было упрощено путем отмены устаревших актов и заменено законодательством, часть из которого оставалось в силе до XIX века[5]. Отметим также попытки доктринальной уголовно-правовой систематизации в это время.

---

[1] *Baker J.H.* Op. cit. P. 141.
[2] *Baker J.H.* The Oxford History of the Laws of England: 13 vols. Vol. VI: 1483-1558. Oxford, 2003.
[3] *Baker J.H.* Year Books of Henry VIII: 12-14 Henry VIII (1520-1523). Selden Soc. 2002. Vol. 119; *Baker J.H.* Reports in the Time of King Henry VIII, Vol. I. Selden Soc. 2003. Vol. 120. 492 p.; Vol. II. Selden Soc. 2004. Vol. 121. 452 p.
[4] *Kesselring K.J.* A Draft of the 1531 “Acte for Poysoning” // English Historical Review. 2001. №116. P. 894-899.
[5] *Glazebrook P.* The making of English Criminal Law. 3 – The reign of Mary Tudor // Criminal Law Review. 1977. October. P. 582-591.

Так, сэр *Уильям Стаунфорд* (*William Staunford*, 1509–1558 гг.), судья общего права и лектор в Грейс-Инн, будучи старейшим английским теоретиком уголовного права, выдвинул в 1540-е гг. идею подготовки «Дигест общего права» (*Digest of the common law*), структурно развивая схему заголовков из знаменитого трактата «*La Graunde Abridgement*» 1514 г. юриста общего права *Энтони Фицгерберта* (1470–1538 гг.)[1]. Это была первая попытка краткого и систематического изложения общего права, содержавшая описание и толкование почти 14 тыс. решений, расположенных в алфавитном порядке на старофранцузском языке в виде выдержек «*most significant case-notes*» из древних «*Year Books*» (или *Liber Assisarum*)[2].

Стаунфорд получил в 1553 г. от королевы *Марии I* титул королевского сержанта (*Serjeant-at-Law*), представлял корону в суде, выступая в качестве прокурора по уголовным делам и представителя по гражданским искам[3], а затем в 1554 г. получил должность судьи Суда общих тяжб, что позволило ему составить новый трактат «*The Pleas of the Crown*» ("*Les Plees del Coron*") 1557 г., который стал по сути первым учебником английского уголовного права[4]. Этот систематизированный трактат, основанный на сочинении *Г. Брэктона* и Ежегодниках («*Year Books*»), был разделен на три части. Первая часть содержала описание составов правонарушений, вторая – анализ юрисдикции, составление обвинительного заключения, процедура защиты в суде и подачи апелляции, и третья часть имела дело с судопроизводством и вынесением приговора. Английский историк-правовед *Уильям Фулбек* так описывал роль У. Стаунфорда в своем *«Руководстве или подготовке к изучению права»* 1600 г.: «В мастере Стаунфорде есть сила и вес, и нет обычного стиля; в деле никто не превзошел его, в разуме никто не обогнал его; Он прославился как суждением в вопросах своей профессии, так и своим большим искусством в прогрессивном учении, и, несомненно, его метод может стать императивом для авторов правовых трактатов, которые придут ему на смену»[5].

Важную роль в научном осмыслении систематики уголовного права сыграл также английский правовед *Смит*, автор трактата «*De republica Anglorum*» 1565 г., который представляет собой сжатый компендиум государственного, уголовного и гражданского права Англии. Отметим еще один заметный памятник английской литературы – частную компиляцию (в форме *инкорпорации*) всех статутов, начиная с ВХВ 1215 г. и вплоть до статутов сер. XVI в., составленную Уильямом Растеллом (*Rastell William*, 1508–1565)[6].

---

[1] Sir *Anthony Fitzherbert*. La Graunde Abridgement. London: Richardi Tottelli, 1577.
[2] *Boersma F.L.* An introduction to Fitzherbert's Abridgement. Abingdon, Oxon.: Professional Books, 1981.
[3] *Baker J.H.* The Oxford history of the laws of England. Oxford: Oxford University Press, 2003. Vol. 7.
[4] Sir *William Staunford*. Les Plees Del Coron, 1557: with an Introduction by the General editor *P.R. Glazebrook*. Professional Books Limited, 1971. 369 p.
[5] Цит. по: *Elton G.R.* The rule of law in sixteenth-century England // Studies in Tudor and Stuart Politics and Government. Cambridge University Press, 1974. Vol. I. P. 264.
[6] *Rastell W.*, Compiler. A Collection of all the Statutes, From the Beginning of Magna Carta, Unto this Present Yere of Our Lord God. [London]: In Aedibus Richardi Tottelli, 1574. 689 p.

ВЫВОДЫ. В *первом параграфе Главы I* диссертации раскрыто содержание категории «*кодистика*» в традиции общего права, учитывая дискуссионность термина, трактуемого как особое учение о доктрине, методике и технике проведения кодификационных работ. Нами сформулировано следующее теоретическое определение: «***Кодистика права*** *является формирующимся комплексным понятием, представляющим собой синтез трех аспектов кодификационной деятельности в пространственно-временной среде права, а именно: (1) кодификационная доктрина, как философско-теоретический и сравнительно-диахронный аспект этих работ, (2) методика кодификационных работ, как сугубо прикладной легистский, или процедурно-технический аспект такой деятельности, и (3) практика кодификационной деятельности, как инструментально-технологический и процессуальный аспект*».

Анализ взаимосвязанных понятий «*кодификация*» и «*кодистика*» в сравнительно-теоретическом дискурсе позволил установить значение термина «*кодекс*» (*caudex, codices, кодицил*) с его этимологической и историко-генетической точек зрения. Рассматривая в *компаративистском прочтении* не только феномен *кодификации*, но и саму *технику создания* кодекса, выявлено разное понимание юридической природы и технической роли кодекса.

На основе анализа встроенной в легистику *теории кодекса*, нами сформулированы юридические *признаки кодекса*, его внутренняя структура, методика и стиль изложения текста. Описана многоуровневая *систематика кодекса* в трех ее разновидностях: институционная, пандектная и смешанная системы (модели сборки) кодифицируемого текста. Раскрываются их генезис, стилевые особенности и характерные черты в разных юрисдикциях. В завершении показана теоретически обобщенную модель *уголовного кодекса* в традиции *общего права*.

Во *втором параграфе* исследованы процессы *диахронной кодистики*, а именно зарождения техники кодификации и начальная кодификационная практика в *древних цивилизациях*, включая генезис архаической систематизации в *римской Британии* и формирование уголовной кодистики в *Англосаксонский период*.

Диахронная кодистика на примере архаической систематизации в *римской Британии* (I–V вв.) характеризуется отдельными элементами правовой экспансии римской кодистики и проникновения латинских текстов, практики их приспособления к *бритто-кельтским сводам* обычного права. Это привело к появлению смешанного бритто-кельтского уголовного права (*Romano-British criminal law*), частично основанного на актах римских императоров, комициальных законах, систематизациях империи, и др. В сводах права *Англосаксонского периода* (VI–XI вв.) наблюдается зарождение особой *техники кодификации* уголовного права в донормандских *dombocs* (“*книгах правосудия*”), среди которых выделяются квази-кодифицированные тексты: 1) «правовые кодексы» англосаксонской Гептархии; 2) «правды» объединенного Англосаксонского королевства; 3) своды древнего Уэльса и Ирландии.

Юридико-кодистический анализ «*Англосаксонских правд*» показал, что они различались по хронологии, структуре и технике написания (древние кентские кодексы; уэссекские королевские судебников; мерсийские кодификации). *Кодистический анализ* в подгруппе уэссекских кодификаций выявил ряд сходных черт юртехники этих судебников: они включали пролог с указанием обстоятельств создания и датировки, опирались на латинские церковные каноны, содержали описание религиозных преступлений, отдельный блок статей о наказаниях, и др. Композиционно в них выделялся блок принципов уголовной политики и норм о различных составах преступлений, с элементами заимствований из римского уголовного права.

Диахронные процессы кодистики в *Нормандско-Тюдоровской Англии* (XI–XVI вв.) свидетельствуют о появлении новой техники и практики уголовно-правовой систематизации, развитие которой проходит *шесть периодов*. *Первый период* характеризовался попыткой соединения и гармонизации англосаксонского и нормандского уголовного права (*Anglo-Norman criminal law*). *Второй период* отличался систематизацией статутного уголовного права во время *Анжуйской державы*, когда уголовно-правовые *ассизы Генриха II* сформировали королевскую уголовную юрисдикцию и сократили подсудность сеньориальных частных курий по уголовным спорам. *Третий период* был связан с консолидацией ряда уголовно-правовых положений в крупных королевских хартиях, включая Великую хартию, Мальбросский статут и др. *Четвертый период* приходится на становление общекоролевского уголовного права в эпоху *Эдуарда I*, на основе Вестминстерских статутов, целый ряд статей которых содержал положения общей части уголовного права, и были выделены в особую группу преступления против личности и против нравственности, преступления против службы и правосудия. *Пятый период* сопровождался криминализацией новых деяний при *Эдуарде III* и попыткой суботраслевой кодификации статутов и практики по делам об измене (*Treason statute* 1351/1352 гг.), норм о преступном сговоре, несанкционированном доступе в суд и других составах. *Шестой период* отличался появлением специализированных уголовно-правовых статутов и ордонансов королей *династии Тюдоров*, которые продолжали линию по консолидации тяжких преступлений и закладывали фундамент т.н. «*Кровавого уголовного кодекса*» Англии (в частности, Закон о консолидации уголовных законов 1509 г., Закон о хищениях и Закон о преступлениях на море 1536 г., и др.). Тем самым постепенно английский законодатель, с помощью *юридической техники* парламентских уголовных статутов вывел за скобки имущественные санкции, сделав смертную казнь определяющим юридическим последствием тяжких преступлений-фелоний.

ГЛАВА II. СИНХРОННАЯ КОДИСТИКА ПРАВА В НОВОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ТРИДИЦИИ

§ II.1. Научная систематика права периода *ius commune* в Европе

В нововременной период (*Early Modern History*) отмечается особое стремление европейских академических юристов к систематизации правового материала в контексте адаптируемых ими римских и канонических текстов (т.н. *ренессансные кодификации*).

Начиная с XVI и по XVII вв. возникают настойчивые попытки «привести в более стройную систему материал, унаследованный от римских юристов»[1]. При этом суверенные монархи и вольные города не проявляли слишком поспешного интереса к необходимости всеобъемлющего и научного определения права, продолжающего действовать в их юрисдикциях хаотично и бессистемно. Однако именно в этот период удается монополизировать судебную юрисдикцию и уменьшить влияние канонического права, хотя гражданское право по-прежнему разрозненно регулируется нормами обычного, кутюмного, франкского, германского, земского и римского права, применявшегося на основе положений *ius commune*[2]. И хотя было издано множество местных статутов по вопросам в основном публичной политики[3], посвященных государственному и уголовному праву, но вплоть до окончания *эпохи Ренессанса* так и не сложилось достаточных условий для создания всеобъемлющего кодификационного законодательства даже в этой сфере.

В эпоху Ренессанса классические образцы древнегреческой философско-правовой *систематики* и римской правовой *кодификации* становятся основным источником теоретического вдохновения для юридических трактатов, сочинений комментаторов, юридической техники официальных текстов позитивного права.

Ренессансно-гуманистический поворот в новоевропейской юриспруденции повлек за собой существенное изменение природы права, самой юридической науки и техники. Ученые-правоведы постепенно отказывались от традиций римского и канонического права, объединённых вместе в систему *ius commune*, в пользу естественного права, а также изменили свой методологический подход к пониманию и развитию права[4]. Важно иметь в виду, что с *ius commune* сосуществовали такие универсальные и систематически упорядоченные *правовые*

---

[1] *Новгородцев П.И.* Историческая школа юристов // Немецкая историческая школа права. М., 2020. С. 27.

[2] *Reinhard W.* Geschichte der Staatsgewalt. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte Europas von den Anfängen bis zur Gegenwart. Beck, München, 2002. S. 281, 291.

[3] *Heinz Mohnhaupt.* Gesetzgebung des Reichs und Recht im Reich vom 16. bis 18. Jahrhundert // Gesetz und Gesetzgebung im Europa der Frühen Neuzeit / Ed. by *B. Dölemeyer, D. Klippel*. 1998. P. 83-97, 101.

[4] *Полдников Д.Ю.* Научная доктрина ius commune как формальный источник права в Западной Европе // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 64-80; *Полдников Д. Ю.* Этапы развития научной доктрины ius commune в Западной Европе в XII–XVIII вв. // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2013. №1. С. 87-108.

подсистемы, как средневековая «моральная теология» и рационалистическое «естественное право»[1].

На этапе проторенессанса *поздняя юридическая (догуманистическая) схоластика* попыталась сконструировать своего рода *готическую архитектонику* системности права и систематизации местного законодательства. С точки зрения кодикологической характеристики и в особенности палеографии кодистических текстов условно можно выделить период т.н. «*готической*» *кодификации права*, которая распространилась в ряде европейских стран с середины XII по XVII вв.[2] Разработанные французскими и английскими писцами готические буквы были в некотором роде графическим эквивалентом перехода от прежнего *романского стиля* письма с округлыми небольшими буквами к *архитектурной готике* с устремленными вверх соборами и взмывающим ввысь острым шпилем.

Необходимость «заключить» правовой текст в упорядоченное *геометрическое пространство* была тесна связана с изменениями в мировоззрении, искусстве, архитектуре и науке. Поэтому для *готики* характерен расцвет светской литературы, книжной миниатюры, иллюстрированных рукописей, распространение «*готического письма*». Готические тексты помещаются в строгие форм книг, а не свитков или артефактов, элегантные буквы размещаются на страницах *кодекса* путем разделения на две симметричные колонки, показательно отделённые друг от друга, что позволяет ученому-комментатору размещать свои аннотации и глоссы на полях и между столбцов текста.

В стилистике *готического письма* заметно как вместо прежней округлой линии букв начинает использоваться прерывистая, ломанная линия и выраженная вертикальная тяга в их начертании[3]. Такое письмо считалось хоть и более элегантным, но в силу плотности написания трудночитаемым и с темными смыслами написанного, изобилующее сокращениями, особенно в юридических и медицинских кодексах. Вследствие этого в англоязычных странах готический шрифт называли «чёрным письмом» (англ. *Blackletter*).

---

[1] *Coing H.* The sources and characteristics of the *ius commune* // The Comparative and International Law Journal of Southern Africa. 1986. Vol. 19, No. 3. P. 485.

[2] Вероятно, сам термин «*готика*» был использован впервые великим итальянским гуманистом-историком Флавио Биондо в его сочинении «*Italia Illustrata*» 1474 г., где он утверждал, что эту письменность изобрели германские лангобарды после их вторжения в Италию в VI веке. В его эпоху гуманисты считали этот стиль письма варварским по сравнению с классическим латинским письмом. К слову, Биондо считается первым антикваром эпохи Возрождения, предложившим полные путеводители по руинам Древнего Рима, и поэтому его также обычно считают знатоком археологического метода. Он первым предложил *хронологию европейской истории* по трем периодам или эпохам: древний век, средневековье и новое время, изначально вложив пренебрежительный оттенок в название *medium aevum* в своем сочинении «*Historiarum ab inclinatione romanorum imperii decades*» 1483 г. См.: *Clavuot O.* Biondos „*Italia Illustrata*“ – Summa oder Neuschöpfung? Über die Arbeitsmethoden eines Humanization. Tübingen, 1990.

[3] *Paoli C.* Scrittura gotica // Programma scolastico di paleographical latina e di diplomatica / Firenze G.C. Sansoni editore, 1901. Vol. 1. P. 32-35.

Первые печатные книги с *готическим юридическим текстом* появились в Италии и Франции в конце XV в. Такие рукописи и трактаты набирались с помощью особого шрифта под названием «*текстура*» (от лат. *textus fractus*, «ткань»), когда вытянутые латинские буквы плотно с переплетением и равномерно покрывали всю страницу[1]. Пример характерного готического письма с угловатыми, вытянутыми и геометрическими очертаниями видим в «*Кентерберийской Библии*» нормандской Англии.

Этому способствовал повышенный интерес к жизни текста первоисточников, который поддерживался в рамках *гуманистического антикварианизма* в период XIV – XV вв. Начиная с итальянских интеллектуалов и университетских юристов, *антикварная метода* из простого увлечения переросла в осознанный *способ работы* с древнеримскими правовыми и сопутствующими текстами, свидетельствами о систематизации права Юстиниана. Коллекции и сочинения антиквариев состояли из копирования, описания и анализа правовых рукописей, античных терминов, словесных конструкций, эпиграфических памятников и др.

Постепенно происходят существенные перемены в *антикварианизме* применительно к общеевропейскому *ius commune,* а именно происходит выработка *научного метода* восстановления прошлого и, в частности, *историко-юридической реконструкции*. К монопольно господствовавшему ранее *схоластическому методу*, основанному на формальной логике, добавились историко-гуманистический подход и приемы филолого-грамматического толкования правовых текстов. Однако подлинная трансформация традиционных схоластических черт *ius commune* и новая методика его *систематизации* была инспирирована юснатуралистским движением и развитием естественных наук, использованием в праве математических формулировок и геометрических схем.

В эпоху *латинского Ренессанса* происходил генезис доктринальной *теории систематики*, начальной *кодистической практики* и новой модели кодификации права. В целях нашего исследования можно условно выделить две модели европейского подхода к этому процессу: 1) *франко-итальянская* модель кодистики «Романского Ренессанса»[2], и 2) *немецко-голландская* модель кодистики «Северного Ренессанса»[3].

---

[1] *Petrucci A.* Breve storia della scrittura Latina. Roma: Bagatto Libri, 1989.

[2] Под «*Rinascimento*» понимают интеллектуально-культурное движение и его политико-правовое ответвление, зародившиеся в Италии с XIV по XVI вв., представители которого признавали образцы классической античности высшей культурой, достойной чтобы ее восстановить и, по возможности, превзойти (по формуле *translatio, imitatio* и *aemulatio* – «интерпретация, имитация и эмуляция»).

[3] Под «*Northern Renaissance*» понимается североевропейский или германо-скандинавский вариант Возрождения, который получил вдохновение из бургундских и испанских Нидерландов и затем быстро распространился по территории Германии и Скандинавии, т.е. за пределами Италии, к «северу от Альп».

§ II.1.1. Итальянская *vs.* немецкая доктрина систематики права

1. *Итальянская теоретическая модель систематики. Подсистема regula juris Ф. Децио*

В странах латинского Запада в эпоху «Романского Ренессанса» (итал. "*Rinascimento Giuridico*") XIV–XVI вв. сложились предпосылки для начальной практики доктринальной систематизации римского права и параллельно франко-галльского обычного права[1]. Сначала в самой Италии и затем во Франции сформировалась особая схема систематики права, условно назовем её *итальянская модель*[2].

В основе генезиса этой модели лежали новые методы и техники научно-доктринальной обработки текстов, пришедшие на смену схоластическим и сугубо и антикварным. Они предполагали обособление принципов доктринального анализа и правил техники ресистематизации *Corpus Juris*[3], создание авторских кодификаций с филологическими и историко-политическими комментариями и на их основе разработку законодательных сборников.

Для итальянских городов-коммун такая практика была обусловлена, как замечает *Д.Ю. Полдников*, поиском «эффективной системы решения споров в условиях политических конфликтов, децентрализации власти, разрозненности источников права»[4].

Благодаря школе постглоссаторов появилась более завершенная *системность*, самостоятельность и авторитетность *ius commune* в противоположность *ius proprium* (как локальному и партикулярному, «собственному праву» территорий). Под *ius commune* (итал. *diritto commune*) понималось общее римско-каноническое право[5], или «право учёных», которое возникло в североитальянских университетах, и «изначально мыслилось универсальной системой для всего западного христианского мира»[6]. Оно включало систему методов и практик по толкованию, комментированию, экспертной оценке и выведению доктринальных понятий из общего юридического массива[7].

---

[1] *Witt R.G.* The Two Latin Cultures and the Foundation of Renaissance Humanism in Medieval Italy. Cambridge University Press, 2012.

[2] Данный параграф написан с использованием авторской статьи: *Трикоз Е.Н.* Итальянская модель систематики права. Подсистема *regula juris* Ф. Децио // Правовая культура и правовая традиция: Сборник статей памяти профессора Н.А. Крашенинниковой / Под общ. ред. *С.И. Нагих, О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз*. М., 2023. С. 86-94.

[3] См., например: *Schioppa A.P.* 11 ruolo della Cultura Giuridica in alcuni atti giudiziari italiani dei secoli XI e XII // Nuova Rivista Storica. 1980. №64. P. 265-289; *Nicolaj G.* Cultura e prassi di notai preirneriani. Alle origini del Rinascimento Giuridico // *Ius Nostrum*. Studi e testi pubb. dall' Istituto di Storia di Diritto Italiano dell' Università di Roma, 19. Milan: Giuffre, 1991.

[4] *Полдников Д.Ю.* Этапы развития научной доктрины *ius commune* в Западной Европе в XII–XVIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. №1. С. 93.

[5] *Coing H.* The Roman Law as Jus commune on the Continent // Law Quarterly Review. 1973. Vol. 89. P. 512.

[6] Полдников Д.Ю. Указ. соч. С. 96.

[7] *Котляр И.А.* Понятие «Jus commune» в европейской правовой традиции // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2009. №5. С. 89-91.

В числе новой волны итальянских постглоссаторов выделим *Филиппо Деччио,* или Децио (лат. *Philippus Decius,* 1454–1535 гг.). Это был яркий представитель догуманистической схоластической традиции *ius commune* и видный ученик юридической школы Павии (*La scuola di Pavia*)[1]. Последователь Чиноса, Бартолуса и Бальдуса, он был весьма плодовитым комментатором, закрепив в Итальянском королевстве традицию систематики учёного феодального права.

Этот знаменитый миланец внес значимый вклад в дело выделения общих принципов и максим римского права, техники доктринальной систематизации и толкования реципированных юридических правил в *Corpus Juris*.

Доступная в период его обучения в Павии средневековая версия *Corpus Juris* рассматривалась как основа *ius commune* путем смешения юстинианowского права и реформированного на его основе канонического права[2]. Используемый в научном сообществе постглоссаторов и практических консультациях систематизированный корпус отглоссированной версии *CIC* включал обычно пять книг: 1) «*Digestum vetus*», начиная с книги 1 по титул 2 книги 24 Дигест Юстиниана; 2) «*Digestum infortiatum*», включая фрагменты вплоть до титула 2 книги 38 Дигест Юстиниана; 3) «*Digestum novum*», оставшиеся фрагменты плоть до последней книги 50 Дигест; 4) тексты «Институций Юстиниана» и «Кодекса Юстиниана» (только первые девять книг); 5) «*Tres libri*», оставшиеся книги 10–12 «*Кодекса Юстиниана*», и дополнительный том «*Volumen Parvum*», состоявший из книги «*Authenticum*» в виде собрания феодальных обычаев и законов (включая «Книгу феодов» – *Libri feudorum*» и коллекцию эдиктов германских императоров XI – XIII вв.).

Децио также изучал древнегерманское и лангобардское обычное право. Так, в Пизе имела хождение письменная версия ломбардского кодекса «*Libri feudorum*»[3]. Старейшим средневековым текстом по уголовному праву и процессу ок. сер. XII в. «*Tractatus criminum*»[4]. Децио был доступен текст «Эдикта короля Ротари» 643 г.[5] и его более расширенный свод с комментариями «*Edictum regum Langobardorum*», которые имели хождение в тот период в итальянской юрисдикции[6].

---

[1] *Schioppa A.P.* La cultura giuridica // Storia di Pavia. Milan, 1987. Vol. 2. P. 219-235.

[2] *Марей А.В.* К осмыслению феномена рецепции римского права: формирование *ius commune* в Западной Европе в XII – XIV вв. // Государство и право. 2012. № 5. С. 96-102.

[3] См.: *Montorzi M.* I giuristi e il diritto feudale // Il Contributo italiano alla storia del Pensiero – Diritto / Ist. Encicl. Italiana. Roma, 2012.

[4] *Montorzi M. Tractatus criminum* saeculi XII editionem criticam congessit // *Giovanni Minnucci*. Archivio per la Storia del diritto medioevale e moderno, Studi e Testi, 2. Bologna: Monduzzi, 1997. P. CXIV+70.

[5] *Bognetti G.P.* L'editto di Rotari come espediente politico di una monarchia barbarica (del 1957) // L'età longobarda. Milano, 1968. Vol. IV. P. 113-135.

[6] *Radding Ch.M.* Legal Theory and Practice in Eleventh-Century Italy // Law and History Review. 2003. Vol. 21 (2). P. 377-381.

В систематике «*Эдикта Ротари*» Децио привлекала новация по сравнению с *пандектной систематикой* «Дигест» Юстиниана, где как известно нормы *уголовного права* содержались лишь в завершающей части (Книга 47). Напротив, в сборнике лангобардского права уголовно-правовая охрана была поставлена во главу угла. Поэтому Часть первая «*Эдикта Ротари*» представляла собой *мини-уголовный кодекс* из более 150 статей, разделенных на тематические блоки категорий преступлений: статьи 1–14 о наказании за политические преступления; статьи 15–145 о наказании за преступления против личности; статьи 146–152 о наказаниях за преступления против собственности. Другой элемент юридической техники «*Эдикта Ротари*» заключался в практике обнародования кодекса и создания его официальной версии: отныне ни одна его копия не могла считаться действительной, если в точности не совпадала с заверенным нотарием официальным текстом, хранившимся в королевском дворце Павии[1].

Приступая к своему главному сочинению «*In titulum De regulis iuris*» Ф. Децио уже обладал знанием специфики важнейших источников «учёного права», лежавших в основе внутренней систематики позднесредневекового *ius commune*: лучшие из находившихся в Пизе списки «Дигест» и «Кодекса» Юстиниана, феодальный сборник права Милана, пизанский свод «*Constituta legis et usus*», ломбардский кодекс «*Libri feudorum*», версия которого имела хождение в Пизе.

Сначала Децио издал свой труд «*De regulis iuris*» в краткой форме под названием «*Лекция на тему "нормы права" применительно к книге Дигест Юстиниана о юридических регулах*» (терминах и определениях римского права) 1521 г.[2] Затем уже в Венеции появился один из самых обширных трудов Децио для того времени – «*Комментарии к первой части старых Дигест, а также к другим гражданским частям*» 1523 г.[3] Параллельно Децио занимался выделением из «Кодекса» Юстиниана 534 г. общих правил и максим, подходящих для современной судебной практики и местного обычного права итальянских городов[4].

Его авторский свод «*In titulum De regulis iuris*» представляла собой ресистематизацию и глоссированное толкование Титула XVII «О различных правилах древнего права» Книги 50 Дигест Юстиниана. Децио изложил своего рода методологические правила построения системы «общих норм», принципов и максим с комментариями к общему римскому праву. Он

---

[1] *Шервуд Е.А.* Законы лангобардов: обычное право древнегерманского племени (к раннему этногенезу итальянцев). М., 1992.С. 64.

[2] *Philippi Decii*. Lectura super titulo de regulis iuris ff. edita in florentissima universitate Valentiae ubi tunc residebat & legebat cu[m] summo apparatu & maximo scolasticor[um] co[n]cursu... Venetiis: impressa a Philippo Pincio, 1521. Последующее расширенное издание было в Лионе: *D. Philippi Decii*, Mediolanensis, legum interpretis clarissimi. In titulum De regulis iuris. Commentaria non contemnenda sane inter iustitiae proceres. Lyons, Giunta, 1546. 490 p.

[3] *Philippi Decii*. Commentaria in primam Digesti veteris partem: necnon in alias partes civiles... Venetiis: De Tortis, 1523.

[4] См. его последующие издания, дополненные новыми комментариями редакторов: *Philippi Decii*. In Digestum vetus et Codicem commentaria. Venice: Giovanni Battista Somasco & fratelli, 1570; *Philippi Decii*. In Digestum Vetus, & Codicem commentarij / Cum doctissimorum illustriumque iurisconsultorum adnotationibus, tum maxime Iacobi Menochii. apud Iuntas, 1596.

анализирует природу правил, конституирующих право (*regulas constitutivas juris*), и выделяет в их числе нормы-исключения, которые способны эксплицировать само общее правило[1].

При составление своего авторского свода Децио находился под догматическим влиянием трактата «*Expositio ad Librum Papiensem*» 1070 г., изученным им в Павии, где настоящие «мастера юриспруденции» провели определенное восстановление римского права, определив его нормы как «*lex generalis omnium*» в целях использования для выведения принципов толкования и восполнения пробелов. Они также применяли по сравнению с антикварными учеными более инновационный способ изучения права, толкования и сопоставления различных юридических регул-правил на основе применения техническим приемов, принципов и юридической тактики интерпретации, включая такие способы, как коллизионный механизм соотношения общей и специальной норм права или правило правопреемства норм права во времени (темпоральные коллизии)[2].

Для целей нашего исследования важно подчеркнуть, что в подобных работах постглоссаторов и гуманистов, как в сочинении Децио, закладывались методологические и юридико-технические основы будущих проектов по систематизации и кодификации позитивного права нововременной Европы.

Можно также полагать последующее теоретическое влияние работ Децио, который систематизировал правовые максимы и принципы разрешения коллизий, составил комментарии к прообразу «Общей части» системного свода. Этот трактат Децио позднее стал настольной книгой у юного *Фрэнсиса Бэкона*, который считается создателем *теории легистики* как части юридической техники в Англии[3].

2. *Немецкая теоретическая модель кодистики. «Геометрический подход» Г. Лейбница*

В Германии наиболее раннюю историю *ренессансной кодификации* следует начинать с избирательных конституций Саксонии 1572 г. и романизированной редакции городского Устава Фрайбурга, которую составил известный профессор римского права *Ульрих Цазий* в конце XVI в. В этом же ряду стоит издание первого датского кодекса «*Danske Lov*» 1681 г., который в свою очередь послужил образцом для кодификации в Норвегии, Швеции и Пруссии.

---

[1] *«[P]ropter hoc quia exceptiones sunt de genere regulae dicimus quod exceptio declarat regulam: quia ex qualitate exceptionis declaratur de quo genere regula loquatur … Similiter licet exceptiones sint contra regulam in casibus exceptuatis: tamen in aliis casibus non exceptis exceptiones confirmant regulam … Et ratio videtur: quia regula sub generalitate omnes casus includit. Unde si aliqui casus specialiter excipiuntur: alii remanent sub regula*». Цит. по: *Philippi Decii.* Mediolanensis, legum interpretis clarissimi. In titulum De regulis iuris. Lyons, 1546. P. 9-10.

[2] *Padoa-Schioppa A.* La Scuola di Pavia: alle fonti della nuova scienza giuridica Europea // Storia di Pavia. Milano, 1987. Vol. II. L'alto medioevo. P. 219-235.

[3] См. об этом: § II.2.1. «Дигесты законов Англии» *Ф. Бэкона* 1623 г. и вопросы легистики.

Мы также особо выделяем как удачный опыт одну из ранних территориальных кодификаций – общепортугальский свод «*Ordenacoes Manuelinas*» (*Código Manuelino*) 1521 г.[1], изданный королем Мануэлем I (1469–1521 гг.). Этот статут преследовал цель обобщить действующее территориальное право в королевстве, подвести итог реформированию судебной и налоговой системы, идеологически подкрепить абсолютизацию власти и частично регламентировать применение доктрины *ius commune*[2].

Что же касается уголовно-правовой систематизации, то наиболее ранним примером следует признать немецкую Каролину (*Constitutio Criminalis Carolina*) 1532 г. На западную традицию кодификации права всегда оказывали сильное влияние протестантские реформы и специфические лютеранские идеи[3]. Именно в Германии усилиями первых протестантских мыслителей и гуманистических философов-юристов (*Альтузий, Конринг, Лейбниц, Пуфендорф, Кокцеи,* и др.) появлялись проекты реформ системы общего римского права и систематизации немецкого права с последующей его кодификацией[4]. Последовавшая за этим в течение XVIII в. рецепция их проектов в католических государствах Франции, Австрии и Северной Италии обеспечила уже внедрение идеи правовой систематики и кодификации в качестве одной из основ общеевропейской правовой традиции[5].

На протяжении второй половины XVI – начала XVIII вв. среди *немецких правоведов* постоянно раздавались жалобы на пробельность и запутанность *Corpus Juris*, его неочевидную систематику, и связанные с этим несовершенство научной юриспруденции и неопределенность судебной практики. На их фоне впервые открыто было заявлено «желание выйти из этого состояния при помощи *кодификации*»[6].

Так, в одном из первых немецких проектов кодификации нач. XVII в., принадлежащем *Герману Конрингу* (*Hermann Conring*, 1606–1681 гг.), «высказывается желание, чтобы *новый кодекс*, по возможности, ближе подходил к существующему нраву – во избежание затруднений в юридическом обороте»[7].

---

[1] Ordenacoes Manuelinas. Liv. 1-5. Lisboa, 1984. См.: *Espinosa Gomes da Silva N.J.* Historia do Direito Portugues. Lisboa, 1985. Vol. 1. Fontes do Direito. P. 207-209; *Coing H.* Europäisches Privatrecht. München, 1985. Bd. 1. S. 122-123.

[2] См.: *Gama A.B.* As Ordenações Manuelinas, a tipografia e os descobrimentos: a construção de um ideal régio de justiça no governo do Império Ultramarino português // Revista Navigator – Dossiê Iconografia e cartografia no Medievo e Modernidade. 2011. Vol. 7 n. 13. P. 21-35.

[3] *Berman G.J.* Law and Revolution. Vol. II. The Impact of the Protestant Reformations on the Western Legal Tradition. 2003. P. 138-154.

[4] *Caroni Pio*. Lecciones de historia de la codificación / Ed. de adela Mora Cañaday Manuel Martínez Neira. Madrid, Universidad Carlos III – Editorial Dykinson, 2012. 213 p.

[5] *Schmoeckel M.* Leges et in carmina redigendae sunt. Die Erfindung der Kodifikation als Konzept durch Melanchthon und deren Rezeption in katholischen Staaten bis 1811 // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Kanonistische Abteilung. 2009. № 95. S. 397-436.

[6] *Новгородцев П.И.* Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьба (М., 1896) // Немецкая историческая школа права. М.; Челябинск: Социум, 2020. С. 28-29.

[7] *Baron J.* Franz Hofmann's Antitribonian. Ein Beitrag zur den Codificationsbestrebungen vom XVI. bis XVIII. Jahrhundert. Bern, 1888. S. XXVII.

Главной целью т.н. *гуманистической юриспруденции* стало формирование новых систем как прообраза упорядоченного «пандектного права», на основе критической обработки, филологического анализа и исторической систематики с последующим переизданием источников римского права[1].

На основе философского *учения рамизма* эти юристы выстраивали свой систематический метод, предполагавший движение от общего ко всё более частному в правовой систематике[2]. В Германии одним из первых последователей *рамистической систематики* и гуманистического течения в юриспруденции был *Иоганн Альтузий* (1557–1638 гг.). Под особый влиянием рамизма находился и другой представитель гуманистической юриспруденции и раннего юснатурализма *Готфрид Вильгельм Лейбниц* (1646–1716 гг.)[3].

После защиты диссертации «О сложных судебных разбирательствах» («*Disputatio Juridica de Conditionibus*»), за которую Лейбниц получил докторскую степень, в его жизни наступил важный насыщенный «*майнцский период*» (1667–1672 гг.). Едва достигший 21-летнего возраста доктор права получил престижную должность во Франкфурте-на-Майне в качестве советника при дворе курфюрста архиепископа Майнцского И.Ф. фон Шёнборна, а затем члена Апелляционного суда и Ревизионной комиссии[4]. В своем сочинении «Новый метод изучения и преподавания юриспруденции» («*Nova Methodus Discendae Docendaeque Jurisprudentiae*…») 1667 г.[5], Лейбниц рассуждал о месте права в системе наук и о надлежащем систематическом методе изучения юриспруденции, по сути, призывая к стандартизации юридических трудов, критикуя схоластический метод «во имя естественности, систематичности и научности юриспруденции»[6]. Здесь же он развивал свою идею о новом юридическом своде (*new legal corpus*), который должен быть «написан полным, кратким, упорядоченным образом». Поэтому он пристально рассмотрел порядок и схему расположения материала в *Своде Юстиниана*, и раскритиковал т.н. легальный порядок источников. Лейбниц выделял в систематике пандектного свода Особенную часть как «*pars specialis*», ограниченную только юриспруденцией («*ad solam Jurisprudentiam restricta*»), в то время как Общая часть («*pars generalis*») не была таковой.

---

[1] *Astuti G.* L'Humanisme Chrétien dans la renaissance du droit // Pensée humaniste et tradition chrétienne aux XVe et XVIe siècles / Ed. by H. Bédarida. Paris, 1950. P. 136-137; *Kisch G.* Humanistic Jurisprudence // Studies in the Renaissance. 1961. Vol. 8. P. 71-87.

[2] *Рамизмом* именуется философское учение XVI – сер. XVII вв., построенное на жесткой критике аристотелевской схоластики исходя из гуманистических и рационалистических оснований. Его основателем является французский философ-гуманист Петрус Рамус (Пьер де Ла Раме, 1515–1572), и его главный труд «Диалектика институтов» (*Animadversiones Aristotelicae*) 1543 г.

[3] *Artosi A., Sartor G.* Leibniz as a jurist // The Oxford handbook of Leibniz / Ed. by *M.R. Antognazza*. Oxford University Press, 2016. P. 641-663.

[4] *Antognazza M.R.* Leibniz: An Intellectual Biography. Camb., 2009. P. 81-87.

[5] *Leibniz Gottfried Wilhelm (von)*. Nova Methodus Discendae Docendaeque Jurisprudentiae, Ex Artis Didacticae Principiis in parte generali praepraemissis, experientiaeque luce. Francofurti, 1667.

[6] *Hartmann G.* Leibnitz als Jurist und Rechtsphilosoph. Tubingen, 1892.

Но выявленные им недостатки *систематики Свода Юстиниана* не мешали восхищаться наследием римских правоведов: «Он сравнивал по строгости логических выводов римское право с геометрией и математикой»[1]. В своих работах Лейбниц применяет к праву свой парадигмальный «геометрический метод», как схему математических теорем и логические методы[2]. Утверждая, что в основе всего лежат дефиниции, а не аксиомы, он своим «*геометрическим методом*» показывает высокую рациональность римского права, создатели которого были хорошими учениками логиков-стоиков[3]. На страницах своей «*Doctrinam Conditionum*» он приводит около 80 юридических определений и выводит на их основе семьдесят правовых теорем (сложные высказывания, образованные из простых)[4].

Оценив по заслугам способности Лейбница, архиепископ Шёнборн назначил его помощником своего хофрата, майнцского юриста Германа А. Лассера, совместно с которым они начали подготовку по пересмотру *Кодекса законов* курфюрста и доктринальную работу по *Своду Юстиниана*. Как пишет *В.И. Герье*, «Лейбниц стал членом Комиссии для пересмотра законов и тогда принялся перестраивать на новых началах изучение римского права и применение его к действительному законодательству»[5].

В результате появилось сочинение Лейбница «*Ratio Corporis Juris Reconcinnandi*» («Принципы исправления Свода законов») 1668 г., в котором он предложил общую программу *упорядочения законов* и нового расположения источников, педантично изучив действующее частное право Священной Римской империи и правовую систему Майнцского курфюршества, в основе которой лежало традиционное право *Corpus iuris*[6].

Появившийся трактат Лейбница состоял из более 150 параграфов, где автор детально рассматривал структуру и научную систематику *Corporis Juris* во всех четырёх византийских сборниках Юстиниана[7]. В качестве предисловия Лейбниц поместил свое письмо «*Epistola ad amicum de Naevis et Emendatione Jurisprudentiae Romanae*», в котором доказывалась необходимость создания нового законодательства, хотя и признавал, что «*(leges Romanae) quanquam quoad maximam partem cum rationis praeceptis consentiant*» («римские законы согласуются с заповедями разума»).

---

[1] *Lerminier*. Introduction generate a l'histoire du droit. 1829. P. 153.
[2] *Luig K.* Leibniz' concept of *jus naturale* and *lex naturalis* – defined 'with geometric certainty' // Daston L., Stolleis M. (eds.). Natural law and laws of nature in early modern Europe. Farnham/Surrey: Ashgate, 2008. P. 183-198.
[3] *Armgardt M.* Zur Bedingungsdogmatik im klassischen römischen Recht und zu ihren Grundlagen in der stoischen Logik // TR. 2008. Vol. 76. P. 219-235.
[4] Например, теорема №27 устанавливает равные права сторон, имеющих одинаково сильные процессуальные требования; теорема №49 запрещает сговоры между наследником и отказополучателем (легатарием), ведущие к ущербу бенефициара легата.
[5] *Герье В.И.* Лейбниц и его век. СПб., 1868-1871. (переизд. СПб., 2008). С. 24.
[6] *Luig K.* Die Rolle des deutschen Rechts in Leibniz' Kodifi kationsplänen // Akten des II. Internationalen Leibnizkongresses in Hannover, 1973. P. 165 (168f).
[7] *Leibniz G.W.* Philosophische Schriften. Band 2: 1663–1672 / *W. Kabitz, H. Schepers*. Leibniz-Forschungsstelle der Universität Münster. Walter de Gruyter, 2012. S. 93-113.

Как верно заметил немецкий пандектист *Юлиус Барон* по поводу критики Лейбницем римско-византийской систематики права: «он борется именно с формой компиляции, с вырыванием отрывков с их первоначальных мест, с плохой последовательностью их, со стократным повторением одних и тех же принципов в разных местах, включением в корпус правовых принципов, которые были отменены уже более поздними законами»[1].

Лейбниц сетовал на то, что *Corporis Juris* дошел до его времени в сокращенном и искаженном интерполяциями виде, судя по доступному тогда изданию из Галлии, составленному Карлом Ганнибалом Фабротом[2]. Здесь сложилось разнообразие порядка расположения книг в разных частях Свода – Дигестах, Кодексе, Институциях и папских Декреталиях, или вообще нет такого структурного плана, как в *Novellis* и *Decrete* (§ 32 трактата). Сравнивая *систематику* частей Дигест и Кодекса Юстиниана, он приходит к выводу, что принципиальной схемой является *пандектная*, а в кодексе она лишь дополняется, точнее включает более дробные титулы с частными заголовками (§ 37 трактата). По мнению Лейбница, сам Трибонинан и его комиссия при составлении книг нередко отходили от устоявшейся *системы расположения* текстов по порядку, изначально заведенному в «Вечном преторском эдикте» Юлиана, и поэтому принципиально отклоняет символическое деление Дигест на семь частей.

Вместо этого Лейбниц предлагает свою схему деления цивилистического свода на девять частей: *Generalia Juris et Actionum, Personae, Iudicia, Iura Realia, Contractus, Successiones, Delicta, Ius Publicum, Ius Sacrum* (§ 39 трактата). Далее по его логике расположения материалов внутри каждой из 9 частей предполагалось выделять институты и субинституты, располагая по степени обобщения: сначала *Materiae Generales*, потом *Materiae Subalternae*, и затем *Materiae Speciales*.

В целом, «*Corpus iuris civilis reconcinnatum*» Лейбница включал 4 большие части. Самая важная первая часть «*Elementa iuris naturalis*» содержала положения деонтической логики и моральной философии, т.к. Лейбниц разрабатывал собственную теорию естественного права. Вторая часть «*Elementa iuris civilis communis hodierni*» представляла собой, по сути, *авторскую кодификацию* гражданского права, доктринальную обработку с учетом современных реалий[3].

---

[1] *Baron J.* Franz Hofmann's Antitribonian. Ein Beitrag zur den Codificationsbestrebungen vom XVI. bis XVIII. Jahrhundert. Bern, 1888. S. IX, XXVIII.

[2] Хотя первым печатным изданием Дигест с остальными тремя частями свода Юстиниана – Институциями, Кодексом и Новеллами – считается опубликованное в Женеве в 1583 г. под авторством составителя французского юриста Дени Годфруа (Dionysius Gothofredus). См.: *Corpus Iuris Civilis Romani*, in quo *Institutiones*, *Digesta* ad *Codicem Florentinum* emendata, *Codex* item et *Novellae*, nec non-Justiniani Edicta, Leonis et aliorum imperatorum Novellae, Canones apostolorum, Feudorum libri, Leges XII tabb., et alia ad jurisprudentiam ante-justinianeam pertinentia scripta, cum optimis quibusque editionibus collata, exhibentur / Cum notis integris *Dionysii Gothofredi*. Geneva, 1583.

[3] *Luig K.* Leibniz's Elementa Iuris Civilis and the private law of his time // *Cairns J.W., Robinson O.F.* (eds.). Critical studies in ancient law, comparative law and legal history. Oxford; Portland, 2001. P. 267-282.

Последняя часть должна была содержать сборник древнеримского права как историческую основу нового Кодекса.

Как следует из письма Лейбница к *Томасу Гоббсу* от 13/23 июля 1670 г., его «Элементы римского права» (*Elementa romani juris*) вероятно были первым вкладом в общий *проект по систематизации* права и создание нового *Кодекса законов* во Франкфурте. Давняя мечта Лейбница еще с того времени, как он «впервые ступил на стезю юриспруденции»[1].

В другом письме к философу-теологу Антуану Арно 1671 г. Лейбниц уже подробнее описывал *авторский проект кодификации*: «Я работаю над ядром римских законов, в котором будут собраны и выражены теми же словами данных законов, сжато и в надлежащем порядке, как новый пример нового «вечного эдикта», соответствующие положения истинного права во всем корпусе, действительно актуальное (*novum*) и эффективное право, которое может иметь действительную силу и теперь. Кроме того, я подумываю резюмировать «Элементы римского права» в краткой таблице, которая будет включать несколько ясных и понятных норм, сочетание которых поможет решить все дела, и, кроме того, даст новые меры для сокращения судебных процессов… Вдобавок к ним я планирую собрать в небольшой книге «Элементы естественного права», в которой все будет продемонстрировано только на основе определений»[2].

Наконец, в еще одном письме к Луи Феррану 1672 г., содержалось описание *структуры проекта кодификации* Лейбница, над которым он работал в качестве помощника Германа А. Лассера: «Я работаю вместе с ним над «Ядром римского права» (*Nucleum legum romanarum*), тогда как «Элементы римского права» (*Elementa romani juris*) и «Элементы естественного права» (*Elementa juris naturalis*) были моим собственным вкладом»[3]. Кроме того, проект кодификации включал четвертую часть – собственно «Свод римского права», за которую изначально отвечал Лассер.

Лейбниц вел речь не просто о пересмотре общего римского права в Германии, но о создании полной, ясной и рациональной системы законодательства (*jurisprudentia rationalis*) в качестве предельной цели законотворческой деятельности. Такая *систематика права* постепенно должна была быть усвоена не только всеми немецкими княжествами, но и европейскими христианскими народами. Последовательно действуя как гениальный математик в области права, Лейбниц не мог принять сложившейся в его время поразительной

---

[1] Leibniz to Hobbes, 1670 // *Leibniz G.W.* Sämtliche Schriften und Briefe / Ed. by the Academy of Sciences of Berlin. Series I–VIII. Darmstadt; Leipzig; Berlin, 1923. Ser. II, vol. i. P. 106.
[2] The Leibniz-Arnauld Correspondence // Die Philosophischen Schriften von Leibniz, herausgegeben von K. I. Gerhardt. 1879. Vol. 2.
[3] Letter to Louis Ferrand, 1672 // *Leibniz G.W.* Sämtliche Schriften und Briefe / Academy of Sciences of Berlin. Series I–VIII. Darmstadt; Leipzig; Berlin, 1923. Ser. I. P. 181.

запутанности и неясности многих юридических вопросов, поэтому призывал упростить по возможности саму юридическую науку и *систематизировать законодательство*.

Размышляя в этом направлении, Лейбниц хотел извлечь из *Corpus iuris* принципы и максимы права, презумпции и аксиомы права в качестве *elementa juris*, как существенные (основные) истины[1]. «*Максимы права*» по Лейбницу и критикуемый им подход к их определению у *Джона Локка* являют собой типичный образец различения между характерной немецкой и британской мыслью.

Так, разворачивая свою критику в предисловии к «*New Essays Concerning Human Understanding*» 1703 г.[2], Лейбниц возражает Локку по поводу его позиции о том, что некоторые *юридические максимы* якобы выполняют конститутивную функцию и «устанавливают содержание права» («*constituting the law*»). Не соглашаясь с этим, Лейбниц упускал из виду тот факт, что в ***традиции общего права*** формы «максим права» принимали нередко правовые обычаи и конвенциональные нормы.

Типичный *английский подход* предполагал, что разум (*reason*) выполняет функцию подведения частных норм под более общие конвенциональные нормы[3]. Лейбниц же исходил из *немецкой концепции* «максим права», которая развивалась в традиции римского права, предполагая отражение в *общих нормах* требований естественного разума (*natural reason*) и превращая их в принципы естественного права. Поэтому Лейбниц предлагал преобразовать расплывчатые и запутанные средневековые «*брокардики*»[4], широко используемые юристами для аргументации и толкования, в том числе с целью определения разумных «максим права», способных показать естественно-правовую основу всех юридических институтов[5].

Но следуя за философом *Ф. Бэконом*, сочинения которого были доступны Лейбницу с детства в отеческой библиотеке[6], он разграничивал «разумные нормы» права на две категории: «*афоризмы*» и «*максимы*». По его мнению, «*афоризмы права*» происходят из юридической

---

[1] *Armgardt M.* Presumptions and conjectures in Leibniz's legal theory // Past and present interactions in legal reasoning and logic: Shahid Rahman, Laurent Keiff, Logic, argumentation and reasoning, Interdisciplinary Perspectives from the Humanities and Social Sciences / *Armgardt M., Canivez P., Chassagnard-Pinet S.* (eds). Springer, Dordrecht, 2015. S. 55-73; *Трикоз Е.Н., Швец А.А.* Роль фикций и презумпций как юридико-технических средств развития системы «общего права» // Общество и право. 2021. № 1. С. 124-129.

[2] *Leibniz G.W.* New Essays on Human Understanding / Transl. by P. Remnant, J. Bennett. Cambridge, 1996.

[3] *Jolowicz H.F.* Roman Regulae and English Maxims // L'Europa e il diritto romano. Studi in memoria di Paolo Koschaker. Milan, 1954. Vol. I. P. 213-223.

[4] Термин «*брокард*» (позднелат. «брокарда», «брокардика» и др.) является средневековым, и означает юридическую максиму, аксиому или правило (*regula juris*). Как уточнил английский профессор Генри Гауди, «брокарды и максимы имеют определенную пользу в концентрации идей, стимулировании памяти и в других целях, и они широко использовались как классическими юристами Рима, так и великими юристами Средневековья». *Goudy H.* Two Ancient Brocards // Essays in Legal History, Read Before the International Congress of Historical Studies Held in London in 1913 / Ed. by *P. Vinogradoff.* Clark, New Jersey: The Lawbook Exchange, Ltd., 2004. P. 215.

[5] *Blank A.* Leibniz, Locke, and the Early Modern Controversy over Legal Maxims // History of European Ideas. 2015. Vol. 41. P. 1080-1092.

[6] См. подробнее: *Трикоз Е.Н.* Систематизация права Англии в начале XVII века: значение идей Фрэнсиса Бэкона // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 54. С. 660-688.

практики и выводятся из действующего права, в то время как «*брокарды права*» являются «расплывчатыми и неясными изречениями (*brocardica*), которые были когда-то введены авторитетами [правоведения]; хотя некоторые из этих правил можно было бы реформировать так, чтобы они тоже стали разумными и практически полезными»[1]. Лейбниц различает общие и специальные «*максимы права*», т.е. юридические аксиомы и теоремы; правообразующий характер наиболее отчетливо проявляется в максимах-аксиомах, ведь они наиболее «фундаментальные максимы, конституирующие само право; среди них такие, которые затрагивают все иски, защиты, экспликации в праве и проч.», как, например, римская максимы *ne quis alterius damno fiat locupletior* (лат. «никто не должен обогащаться в результате вреда, причиненного другому»)[2].

Таким образом, в основе творчества Лейбница лежал его план ***рационального упорядочивания*** всего корпуса права («*rational ordering of the entire body of law*»)[3]. К сожалению, вследствие ослабления интереса курфюрста Майнцского план Лейбница по реформе законодательства и ре-систематизации общего римского права так и не осуществился. Но этот «майнцский период» сформировал у Лейбница убежденность в принципиальной возможности и актуальности создания единой *универсальной системы* права[4].

После непродолжительного «парижского периода» (1672–1676 гг.) Лейбниц поступил в 1677 г. на службу при Ганноверском дворе в должности хофрата (судебного советника). Здесь появляется важная его теоретическая работа «*De legum interpretatione, rationibus, applicatione, systemate*» (1678/1679 гг.)[5]. Также он приступил к разработке плана «*Кодекса Леопольда*» (*Codex Leopoldinus*) 1678 г., который предполагалось утвердить императором в Вене и ввести в действие для всей Священной Римской империи[6]. В развитие этого поручения Лейбниц, пребывая в г. Гарце, успел составить несколько драфтов и написать вводный титул «Гарцского проекта кодекса» примерно между 1680 и 1685 гг., но они так и не были воплощены в жизнь[7].

Также он создал еще один теоретический набросок по кодификации – «*Codex iuris gentium Diplomatus*» («*Дипломатический кодекс права наций*») 1693 г.[8]. Хотя, по сути, это была инкорпорация, хронологическое собрание актов публичного права, документов и трактатов с конца XI по XVII вв., в предисловии к которому он поместил уточненное изложение доктрины

---

[1] *Leibniz G.W.* New Essays on Human Understanding / Transl. by *P. Remnant*. Cambridge, 1996. P 425.
[2] *Leibniz G.W.* New Essays on Human Understanding / Transl. by *P. Remnant*. Cambridge, 1996. P 425.
[3] *Artosi A., Sartor G.* Leibniz as Jurist // The Oxford Handbook of Leibniz / Ed. by *M.R. Antognazza*. Oxford University Press, 2018. P. 3.
[4] *Armgardt M.* Das rechtslogische System der Doctrina Conditionum von G.W. Leibniz, Computer im Recht. Elwert, Marburg, 2001.
[5] Перевод на англ. язык см. в кн.: *Dascal M*. G.W. Leibniz, The Art of Controversies. Springer, 2008. P. 77ff.
[6] *Armgardt M.* Leibniz as Legal Scholar // Fundamina. 2014. Vol. 20 (1) P. 31.
[7] *Luig K.* Die Rolle des deutschen Rechts in Leibniz' Kodifi kationsplänen // Akten des II. Internationalen Leibnizkongresses in Hannover, 1973. P. 56.
[8] *Antognazza M.R.* Leibniz: An Intellectual Biography. Cambridge, 2008. P. 330.

естественного права и дал свое выстраданное определение справедливости: «*Iustitiae est caritas sapientis*» (лат. «справедливость как мудрое милосердие»). Основой всего позитивного права он снова провозглашает моральную философию и законы естественного права[1].

Наконец, отметим важный этап в *кодификационной линии* карьеры Лейбница, связанный с *Российской империей*. После нескольких встреч с русским *царем Петром I* он был принят на русскую службу в 1712 г. Тогда он получил прямое поручение «представить свои соображения и проекты относительно судоустройства и законодательства в России»[2]. Это задание по *упорядочиванию русского законодательства* дал ему лично царь через первого канцлера, графа *Гавриила Головкина*[3]. Дошедший до нас рассказ о *беседе Петра I с Лейбницем* сопровождался описанием того, как русский царь понимал конечную целью своих реформ, а именно формирование общих для Европы и России правил политической и юридической жизни[4]. Начиная с 1712 г. будучи в звании *тайного юстиц-советника* он на протяжении четырех лет готовил для русского царя Петра и его окружения докладные записки и планы, в том числе приступил, хотя и безуспешно, к *проекту по ревизии и упорядочению* Российских законов[5]. Так, в личном письме царю Петру I от 26 октября 1713 г. Лейбниц указывал на те работы, к которым готов приступить по вопросам пересмотра законодательстве в России: он «для этой цели несколько познакомился с мудрым Уложением славной памяти царя Алексея и сделал некоторые замечания сообразно с изменившимися к лучшему обстоятельствами».

Возможно, делая замечания по тексту *Соборного Уложения 1649 г.,* Лейбниц так и не смог приступить к обработке всего массива русских законов, о чем жалуется в письме к Бурге: «Я еще не успел заняться русскими законами; другие занимаются этим предметом, но я, может быть, когда-нибудь пересмотрю то, что они сделали. Я сомневаюсь, чтобы царю нужны были юристы, и мне кажется, что он скорее желает обойтись без них из опасения ввести вместе с ними кляузничество»[6].

Но Петр I издал указ «О вершении дел по Уложению, а не по Новоуказным статьям» 15 июня 1714 г., чтобы добиться не только устранения накопившихся за полстолетия расхождений

---

[1] *Riley P.* Leibniz' Universal Jurisprudence: Justice as the Charity of the Wise. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996; *Goldenbaum U.* All you need is love …Leibniz's Vermittlung von Hobbes' Naturrecht und christlicher Nächstenliebe als Grundlage seiner Definition der Gerechtigkeit // *G. Abel, H.J. Engfer, C. Hubig* (eds.), Neuzeitliches Denken: Festshrift für Hans Poser zum 65. Geburtstag. Berlin, 2002. P. 209-231.

[2] *Герье В.И.* Лейбниц и его век. СПб., 1868-1871. (переизд. СПб., 2008). С. 724.

[3] Точкой отсчёта нового витка кодификационного процесса в России XVIII – первой трети XIX вв. считается деятельность специальной Палаты об Уложении, которая была создана царским указом от 18 февраля 1700 г. для составления нового уложения посредством соединения («снесения») Соборного уложения 1649 г. со всеми изданными после него правовыми актами. См.: Материалы для истории русского законодательства. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1865. Вып. 1. Палата об Уложении. 64 с.; *Пахман С.В.* История кодификации гражданского права. СПб., 1876. С. 68.

[4] Эта анонимная рукопись сохранилась в архиве М.М. Сперанского. См. в приложении к: *Мальцева С.А.* Социально-философская концепция М.М. Сперанского, 1772–1838 гг.: Дис. …канд. филос. наук. Л., 1983.

[5] *Antognazza M.R.* Leibniz: An Intellectual Biography. Camb., 2009. P. 469-472.

[6] Текст приводится в переводе по кн.: *Герье В.И.* Лейбниц и его век. СПб., 1868-1871. (переизд. СПб., 2008). С. 738.

и коллизий законодательства, но и достичь единообразия судебной практики. Впредь «суд был всем повсюду равный» и «всякие дела делать и вершить все по Уложению ...разве тех дел, о которых в Уложении нимало не помянуто, а учинены на то не на перемену, но в дополнение Уложения новоуказные пункты»[1]. Вот именно такие дополнительные «новоуказные» статьи и должны были войти в качестве глав «Сводного уложения»[2].

Затем, как известно, последовал новый виток систематизационных планов Петра, и он качнулся в сторону уже шведского, а не немецкого опыта[3], а вместо русской модели свода – в сторону европейской модели кодекса[4]. Поэтому созданной в 1720 г. *специальной Комиссии* из иностранцев и русских чиновников было поручено «взять из права эстляндского и лифляндского», а затем внести разработанное для рассмотрения в Сенат[5]. Одной из причин неудач петровской и последующей екатерининской *систематизации* стало отсутствие необходимых знаний о правилах *кодификационной техники*.

В целом, Лейбниц в качестве советника при различных дворах «был и всегда оставался постоянным техническим экспертом»[6] и на протяжении жизни он создавал кодификационные проекты в сочинениях и набросках. И как замечает *М. Армгардт*, всего через 40 лет после смерти Лейбница был опубликован первый *государственный свод* – «*Codex Maxmilianeus Bavaricus civilis*» 1756 г., что показало принципиальную востребованность и реалистичность плана Лейбница в его «*Corpus Iuris Civilis reconcinnatum*»[7].

В итоге на смену *итальянской модели* систематики права (с характерным для нее выделением из структуры CIC генеральной подсистемы общих правил и принципов – *regula juris*), которую мы ассоциируем прежде всего с трактатом итальянского правоведа *Ф. Децио*, пришла *германская модель* систематики права (со свойственной ей геометрической структурой и схематизацией права). Отныне интерес сосредоточился на общих принципах и правилах юридической доктрины, а не на описанных в *Corpus Juris* судебных казусах, мнениях или попутно сказанных сентенциях.

---

[1] Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Тома I – XL. № 2828.

[2] *Тараборин Р.С.* Управление кодификационными процессами гражданского законодательства России в период реформ Петра I (1700 – 1725 гг.) // Вопросы управления. 2014. №4 (10). С. 194.

[3] Поэтому перешедший на русскую службу шведский военный юрист *Эрнст Фридрих Кромпейн* (*Ernst Friedrich Krompein*) стал главным разработчиком двух ранних петровских кодификаций – «Артикула воинского» и «Краткого изображения процессов или судебных тяжеб». См.: *Серов Д.О.* Забытые редакции Артикула воинского и «Краткого изображения процессов или судебных тяжеб» (из истории кодификации военного законодательства России XVIII в.) // Lex Russica. 2013.№2. С. 113-121.

[4] *Шершеневич Г.Ф.* История кодификации гражданского права в России. Казань: Тип. Императорского университета, 1898. С 69-70.

[5] Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. СПб.: Тип. II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. Тома I – XL. № 3626.

[6] Leibniz's Legacy and Impact / Ed. by *J. Weckend, L. Strickland*. Routledge, 2020. P. 280.

[7] *Armgardt M.* Leibniz as Legal Scholar // Fundamina. 2014. 20 (1) P. 33.

Предложенный немецким философом-юристом *Г.В. Лейбницем* «геометрический метод» позволил провести реорганизацию текстов *Corpus Juris* по следующей схеме: сначала правила и принципы права, а затем специальные случаи и основания, к которым они могут быть применены. Это впоследствии повлекло за собой *ресистематизацию* и доктринальных сочинений, когда вместо прежних комментариев к титулам *CIC* и текстам *ius commune* появляются догматические монографии, авторские частные кодификации по отраслям *civil law,* с выделением в особую модель уголовно-правовых кодификаций. Благодаря попыткам кодифицировать право, Лейбница считают «силой, стоящей за немецкой моделью юридической науки и связанным с ней стремлением к правовой кодификации, которая прокатилась по всей Европе (и большей части Азии и Латинской Америки) в XIX веке»[1].

Особую модель систематики права представляла архитектоника правовых систематизаций и доктринальных кодификаций *периода «Тюдор-Ренессанса»*, включая Елизаветинскую и Яковианскую эпохи XVI – начала XVII вв., когда наступил «золотой век» доктринальной систематики общего права Англии, начавшийся под знаменем антисхоластической научной систематики лорда-канцлера *Фрэнсиса Бэкона* (1561–1626 гг.).

§ II.1.2. Естественно-правовая vs. историко-философская модели кодификации

На новом этапе были предприняты кодификационные усилия представителями *естественно-правовой школы*, и прежде всего в лице канцлера и министра юстиции Пруссии, видного немецкого юриста *Самуэля фон Кокцеи* (1679–1755 гг.)[2].

Согласно указу прусского короля Фридриха II Великого от 31 декабря 1746 г., была организована *законодательная комиссия* с привлечением «всех сословий, судов и университетов», под руководством канцлера *С. фон Кокцеи*[3]. Поставленные задачи по систематизации, унификации и рационализации права должны были решаться на основании

---

[1] *Berkowitz R.* The Gift of Science: Leibniz and the Modern Legal Tradition. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005. P. 69.

[2] См. работы *С. Кокцеи* как юснатуралиста и систематизатора права: *Samuelis de Cocceji*. Jus civile controversum, ubi illustriores juris controversiae...: Opus ad illustrationem compendii Lauterbachiani Ps. 1. Francofurti; Lipsiae Conradi, 1729; *Cocceji Samuel*. De Cocceji Novum Systema Iustitiae Naturalis Et Romanae: In Quo Praemisso Principio Generali Omnia Iustitiae Naturalis Praecepta Complectente I. Iura Dei in Homines Demonstrantur, II. Iura Hominum Inter Se Iuxta Tria Iuris Romani Obiecta Exponuntur Simulque Universum Ius Romanum in Artem Redigitur. Halae, 1748.

[3] *Friedrich II*, Preisi kuningas, *Christian Albrecht Gäbert*, and *Samuel von Cocceji*. Project Des Codicis Fridericiani Marchici, Oder Eine, Nach Sr. Königl. Majestät Von Preussen Selbst Vorgeschriebenem Plan Entworfene Cammer-Gerichts-Ordnung, Nach Welcher Alle Processe in Einem Jahr Durch Drey Instantzen Zum Ende Gebracht Werden Sollen Und Müssen: Nebst Dem Project Einer Sportul-Ordnung Und Eines Pupillen-Collegii. Berlin: Verlegts, Christian Albrecht Gäbert, Königl. Preuss. Hof-Buchdrucker, 1748.

естественного права, принципов разумности и *рациональной систематики*[1]. В развитие идеологии Просвещенного абсолютизма необходимо было разработать *кодекс*, основанный на началах чистого разума и всеобщего применения, способный устранить все недостатки исторически сформировавшейся системы местного права Пруссии, включавшего нормы римского, обычного и статутного права[2].

Первая часть *кодификации* была подготовлена Кокцеем в 1749 г., а вторая часть проекта закончена в 1751 г.[3], и затем передана на рассмотрение государю под общим названием свод законов «*Corpus Juris Fridericianum*»[4]. Параллельно для удобства пользования этим кодексом Кокцеи подготовил инкорпорированное издание «*Novum Corpus Constitutionum*» 1753 г., собрание действующих в Пруссии и Бранденбурге указов, приказов, мандатов, рескриптов и других источников[5].

Поскольку создание *кодекса* было задумано и как широкое идеологическое предприятие в духе Просвещенного абсолютизма, текст проекта получил достаточно широкое распространение и был переведен на иностранные языки. Основная причина неудачи данной попытки усматривается в следовании *Кокцея* принципам естественного права, в изначальной установке на создание единого права для всех стран и времён. В результате такого подхода проект представлял собой скорее собрание философских принципов, чем точных и определенных юридических норм, которые могли бы быть положены в основание судопроизводства[6].

Следовавшие за гуманистической школой *системы «пандектного права»* нередко являлись крайне противоречивыми, а действующее право все больше «имело вид человеческой головы, прикрепленной к лошадиной шее, обросшей перьями и оканчивающейся рыбьим хвостом»[7].

---

[1] *Trendelenburg*. Friedrich der Große und sein Großkanzler Samuel von Cocceji: Beitrag zur Geschichte der ersten Justizreform und des Naturrechts // Philologische und historische Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Aus dem Jahre 1863. Berlin, 1864.

[2] *Forsthoff E.* Deutsche Verfassungsgeschichte der Neuzeit. Stuttgart, 1961.

[3] *Медушевский А.Н.* Кодификация права в странах Восточной Европы эпохи Просвещенного абсолютизма. Сравнительное историко-правовое исследование // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода: сб. статей. М., 1993. С. 83.

[4] *Code Fréderic*; ou Corps de droit, pour les états de sa majesté le roi de Prusse: fondé sur la raison, & sur les Constitutions du Pays; dans le quel le roi a disposé le droit romain dans un ordre naturel ...Traduit de l'Allemand par A.A. de C. ...Avec l'exposition abrégée du plan du roi, pour la reformation de la justice, par M. Formey. Curatore: *Cocceji Samuel*. Berlin, 1752. 384 p.

[5] *Cocceji Samuel*. Novum Corpus Constitutionum Prussico-Brandenburgensium Praecipue Marchicarum, Oder, Neue Sammlung Königl. Preussl. Und Churfürstl. Brandenburgischer, Sonderlich in Der Chur- Und Marck-Brandenburg, Wie Auch Andern Provintzien Publicirten Und Ergangenen Ordnungen, Edicten, Mandaten, Rescripten, &c. &c. Vom Anfang Des Jahrs 1751. Und Folgenden Zeiten. Berlin: bey den Factoren der königl. Preussischen Academie der Wissenschaften, 1753.

[6] *Медушевский А.Н.* Кодификация права в странах Восточной Европы эпохи Просвещенного абсолютизма. Сравнительное историко-правовое исследование ... С. 84.

[7] *Стоянов А.* Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия. Харьков: Тип. Чеховского и Зарина, 1862. 276 с.

Широкий резонанс в немецкой юриспруденции получила *доктринальная дискуссия* "*Kodifikationsstreit*" о сущности и пользе кодификации права, развернувшаяся в 1812 – 1816 гг. с участием видных немецких юристов разных теоретических школ[1]. В постнаполеоновской Германии на обломках первого Рейха зарождалось и крепло патриотическое стремление немецких юристов незамедлительно *приступить к унификации* конституционного права и *кодификации* общегерманского гражданского (цивильного) права, к которому в то время причисляли не только частное право, но также уголовное и процессуальное право[2].

Одним из первых это требование времени озвучил *Антон Фридрих Юстус Тибо*, яркий оппонент *Карла фон Савиньи*, представитель историко-философского направления, профессор римского права в Гейдельберге, где уже к тому времени были введены в действие *французские кодексы*, активно развивавший идею принятия в немецких землях единого кодекса. В академическом споре с Савиньи о целесообразности кодификации гражданского, уголовного и процессуального права для всей Германии уверенный подход Тибо позднее возымел особую политическую важность и практическое воплощение в деле унификации права немецкоязычных земель.

Будучи судьей в высшей инстанции Франкфурта и имея высокий академический пост[3], А. Тибо опубликовал в 1802 г. критические комментарии к сочинению *Пауля Йохана Ансельма фон Фейербаха* об уголовно-правовой кодификации в Баварии, которые по своему содержанию были весьма близки *позиции Джереми Бентама*[4].

Другой англичанин, философ-позитивист *Джон Остин*, обучаясь в Германии, познакомился со взглядами просветителя и юриста-криминолога *Чезаре Беккария*[5], а также

---

[1] Хотя формально дискуссию начал в 1812 г. П.И.А. фон Фейербах, затем она разгорелась вокруг вопроса о путях развития немецкого права после освобождения немецких государств от французской оккупации. См.: *Кресин А.В.* Дискуссия исторической и историко-философской школ: вопрос о социальных и компаративных основаниях права и юридической науки // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. 2016. С. 85.

[2] *Антропов Р.В., Дондоков Ц.С., Лупенко И.Ю.* Кодификация законодательства как фактор становления единой политико-правовой системы: политико-правовые и философские доктрины Германии // Вестник Забайкальского гос. ун-та. 2014. №5. С. 119.

[3] А. Тибо окончил факультет юриспруденции Геттингенского университета, после этого обучался в Кёнигсберге на курсе Иммануила Канта, и также был сокурсником Бартольда Георга Нибура в Кильском университете. См.: *Нечаев В.М.* Тибо, Антон-Фридрих-Юстус // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907. С. 152.

[4] Подробнее о модели уголовно-правовой кодификации в Баварии см.: *von Walter.* P.J.A. Feuerbach Gelehrter, Gesetzgeber und Richter // Koch/Kubiciel/Löhnig/Pawlik, Feuerbachs Bayerisches Strafgesetzbuch, 2014. 19 ff.; *Koch.* Die Entwicklung des Strafrechts zwischen 1751 und 1813 // Ibid. 39 ff.; *Zopfs.* Von der Folter zu den Lügen- und Ungehorsamsstrafen // Ibid. 69 ff.; *Löhnig.* Wie souverän war das junge Königreich Bayern? Zum Einfluss napoléonischen Rechts auf die bayerische Rechtsreform zu Beginn des 19. Jahrhunderts // Ibid. 81 ff.; *Müßig.* Die französischen Strafrechtskodifikationen 1808/1810 // Ibid. 95 ff.; *Härter* (Feuerbach, das Bayerische Strafgesetzbuch von 1813 und das Polizeistrafrecht // Ibid. 129 ff.; *Hilgendorf.* Paul Johann Anselm von Feuerbach und die Rechtsphilosophie der Aufklärung, ibid., 149 ff.); *Brandt.* Feuerbach und Kant. Anmerkungen zu ihrem Staats- und Strafrecht // Ibid. 171 ff.; *Frisch.* Feuerbachs Straftheorie und seine Strafbemessungslehre // Ibid. 191 ff.; *Jakobs.* Feuerbachs Verbrechensbegriff: Rechtsverletzung // Ibid. 209 ff.

[5] Его сочинение было переиздано на английском языке в Лондоне: An Essay on Crimes and Punishment translated from the Italian with a Commentary attributed to *Mons. Voltaire,* Translated from the French (4th ed.). London: E. Newbery, 1785 [1775].

германиста *Карла Жозефа Антона Миттермайера,* выступавшего за кодификацию и уголовную компаративистику[1].

А. Тибо в своем знаменитом трехтомном сочинении «*System des Pandektenrechts*» 1803 г. изложил теоретические основы немецкой *пандектологии* (нем. *Pandektenwissenschaft*), которая понималась им как догматическая обработка сущности и основных начал римско-немецкой юриспруденции с целью более высокого технического и концептуального оснащения позднейших *кодификаций*, прежде всего общегерманского Гражданского кодекса[2]. Научному методу Тибо и его четкой классификации правовых институтов по *пандектной системе* были обязаны во многом создатели будущего общегерманского *Bürgerliches Gesetzbuch* 1879 г.[3]

В содержательном плане эссе А. Тибо «*О необходимости общего гражданского законодательства для Германии*» 1814 г. было небольшим (всего 67 страниц)[4], без особой структуры, включавшее вводные положения, описание печального состояния разобщенных локальных правовых систем германских княжеств и наоборот положительные аспекты возможностей кодификации в Германии, постановка акцента на общей пользе кодификации для экономики и торгового оборота, практики правоприменения и преодоления коллизионных проблем, для доктрины и юридического образования[5]. Тибо обосновывал естественное стремление немцев к единой *общенациональной кодификации права*, на основе гуманистического мировоззрения, в целях улучшения правовой ситуации в немецких землях и возможности выведения специальных юридических положений из «общих принципов разума и природы». В итоге он предложил *единый кодекс* частного, уголовного и уголовно-процессуального права для всех немецких земель на основе «простого немецкого духа» как реконструкции древнегерманского права: «в Германском духе с Германской силой»[6].

При этом Тибо призвал опереться как на действующие *немецкие кодификации* (прусскую, австрийскую, саксонскую, баварскую), так и на совершенные в техническом плавне кодексы Франции[7]. «Можно также рассчитывать на то, что окончание работы может произойти через два, три, четыре года, так как мы видим так много важного в прусском и австрийском своде

---

[1] См., в частности: *Mittermaier C.J.A.* Das deutsche Strafverfahren in der Fortbildung durch Gerichts-Gebrauch und Partikular-Gesetzbücher und in genauer Vergleichung mit dem englischen und französischen Straf-Prozesse. Heidelberg: Mohr, 1st ed., 1832.

[2] *Stern Jacques* (Hrsg.). Thibaut und Savigny. Ein programmatischer Rechtsstreit aufgrund ihrer Schriften. Nachdruck Darmstadt, 1959.

[3] *Fortunato S.F.* Vom römisch-gemeinen Recht zum Bürgerlichen Gesetzbuch // ZJS. 2009. 4. S. 327-338.

[4] *Thibaut Anton Friedrich Justus*. Über die Notwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts in Deutschland, Nachdr. der Ausg. Heidelberg 1814 (Goldbach 1997. Seite: III). 67 s.

[5] Имеется в виду сочинение немецкого юриста и философа Августа Реберга: *Rehberg August Wilhelm*. Über den Code Napoleon und dessen Einführung in Deutschland. Hannover: Hahn, 1814.

[6] *Тибо А.Ф.Ю.* Указ. соч. С. 119-121.

[7] *Тибо А.Ф.Ю.* Указ. соч. С. 126.

законов, во французском кодексе и в том, что есть поучительная подготовительная работа, недавно проведенная в Саксонии и Баварии»[1].

Англичанин *Джон Остин*, который был многим обязан *А. Тибо*, описывал его как «того, кто по проницательному остроумию, правоте суждений, глубине изучения и красноречию изложения может быть поставлен рядом с Фридрихом Карлом фон Савиньи, во главе всех ныне живущих гражданских лиц»[2]. Позднее в своих английских лекциях по *теории кодификации*, Остин критиковал французский поход к кодификации и цитировал в поддержку своей позиции самого А. Тибо, «который, хотя и является решительным *сторонником кодификации*, питает безграничное презрение к авторам французского кодекса, говорит о них, что всякий раз, когда они натыкались на предмет, который не знали, как связать, они предоставляли его юриспруденции: т. е. к действовавшему ранее старому закону, к таким новым распоряжениям, которые впоследствии могут быть введены судами, или к простому арбитражу трибуналов»[3].

Как потом напишет *Остин*, «я никогда не встречался с каким-либо немецким практиком, который бы не смеялся над возражениями, выдвинутыми в отношении кодификации профессорами в университетах. Правда в том, что в Германии *враги кодификации* не являются практикующими адвокатами, …и этот страх совершенно необоснован в отношении римского права и истории немецкого законодательства»[4].

Спустя 15 лет слушая в Берлинском университете лекции оппонента Тибо – профессора *Карла фон Савиньи*, Дж. Остин отмечал, что его незаслуженно позиционировали как ярого *противника кодификации* права как таковой, к тому же отрицавшего компаративистику и иностранные заимствования как инструменты законодательный техники, что было в действительности не так. В первой же своей знаменитой работе 1814 г. Савиньи подчеркивал, что как только народное право (нем. *Recht eines Volkes*) достигнет вершины своей готовности в доктринально-научном и практическом плане, может появиться «*хорошая*» кодификация (нем. *“gute” Kodifikation*)[5]. Более двадцати лет (1826–1848 гг.) Савиньи был активным участником прусской Комиссии по пересмотру законодательства, а затем и главой Министерства законодательства, где содействовал созданию общего для всех немцев *Вексельного устава* и проекта *Уголовного уложения* в германском Таможенном союзе, включавшего новые законы об отмене квалифицированной смертной казни, телесных наказаний, конфискации имущества и др.

---

[1] *Thibaut A.F.J.* Über die Notwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts in Deutschland, Nachdr. der Ausg. Heidelberg 1814. S. 34-36, 65.
[2] *Austin J. Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law*. 2 vols / Ed. and rev. by R. Campbell. London: John Murray, 1885. Vol. II. P. 773.
[3] *Austin J. Op. cit.* P. 695.
[4] *Austin J. Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law*. 2 vols / Ed. and rev. by R. Campbell. London: John Murray, 1885. Vol. II. P. 694.
[5] *Savigny F.K.* Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft, 1814. S. 8-15.

В своей работе «*Голоса за и против новой кодификации*» 1816 г. Савиньи видел возможность осуществления кодификации германского права (т.н. *Gesetzgeberische vereinheitlichung*) лишь после создания в Германии единой «органично развивающейся правовой науки»[1].

Впоследствии *Дж. Остин* учитывал эту главную мысль и как предпосылку для возрождения академической юриспруденции и доктринальной основы систематизации права в его родной Англии. К середине XIX в. на английский язык были переведены сразу несколько томов из наиболее крупных произведений Савиньи, профессионально комментировавшего римские тексты[2]. Лекции в судебных иннах Англии в значительной степени опирались на его работу «*System des Heutigen romischen Rechts*»[3].

Савиньи и последователи школы исторической юриспруденции в Германии, Швейцарии, Италии и Англии создали особую методику исторического и систематического изучения права в качестве основы для догматической обработки *кодифицированного территориального права* (нем. *kodifizierten Territorialrechte*).

Во время своего пребывания в Германии *Дж. Остин* на практике смог убедиться, как работает систематизированное законодательство, в особенности *партикулярные кодификации* по пандектной модели, практически воплотившие систематику римского права[4]. Немецкие романисты XVII–XVIII вв. придерживались «легальной системы» римского права согласно порядку титулов, закрепленному в «Пандектах» Юстиниана[5]. Пятичастной *пандектной системе* следовало большинство учебников римского и немецкого права конца XIX века, а затем проектов кодификации права в территориальных юрисдикциях.

Как отмечет австро-немецкий историк *Пауль Кошакер*, *исторической школе права* в Германии, благодаря переоценке *поздних пандектистов* и концептуально оформленной *методологии систематизации* права, удалось «создать единую немецкую правовую доктрину, основанную на римском праве»[6], которая была положена в основу *немецкой модели кодификации* законодательства и современном теории систематизации.

Дж.Ф. Стифена, автор проекта УК для Англии и Уэльса 1878/79 г., так оценивал *историко-философский проект* кодификации: «Обязанность кодификатора (как я понимаю) – изучать, выражать, оформлять право …Тех, кто желает, чтобы этот вопрос был доведен до

---

[1] *Savigny F.K.* Stimmen für und wider neue Gesetzbücher // Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft. 1816. Band 3. S. 9.

[2] Это прежде всего шеститомный труд Ф.К. фон Савиньи «*Geschichte des romischen Rechts im Mittelalter*», опубликованный между 1815 и 1831 гг., и его восьмитомный труд «*System des Heutigen romischen Rechts*», опубликованный между 1840 и 1849 гг.

[3] *Савиньи Ф.К. фон.* Система современного римского права. Т. I / Пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011. 510 с.

[4] *Schwarz A.B.* John Austin and the German Jurisprudence of His Time // Politica. 1934. Vol. 1. P. 178-199.

[5] *Барон Ю.* Система римского гражданского права. С. 9.

[6] *Koschaker P.* Europa und das Römische Recht. Münch., 1947 (4. Aufl. 1966). S. 259.

всеохватывающего кодека, можно отослать к *трактату Савиньи* о призвании нашего века к законодательству и к *критике Остина* по этому поводу (II, 698 и др.). *Савиньи* был сторонником кодификации существующего права, но считал опасным предвосхищать будущее его развитие. Моя точка зрения почти совпадает с этим… Право, как и всякая другая отрасль человеческого знания или предмет человеческого изучения, *никогда не может быть полным*, пока оно является правом живой и растущей нации. Органом, с помощью которого оно развивается, является обсуждение – в нашей стране толкование в судах — новых проблем, которые время от времени возникают в праве»[1].

Очевидно, что распад первого Рейха немецких земель и французская оккупация инициировали широкую *научную дискуссию о кодификации* и унификации права, об юридико-техническом состоянии уголовного права и его реформировании с последующей отраслевой кодификацией. Это стало возможным сначала путем принятия *локальных кодексов* в немецких государствах Рейнской конфедерации (1806–1813)[2] и затем посредством *унификации общеуголовного права* Германского союза (1815–1866)[3].

В пространстве отдельных немецких земель начиналась т.н. «*горизонтальная унификация*» и правотворческая кодификация, имевшая первоначально простую форму тематической инкорпорации всех накопившихся актов, действовавших в пределах отдельной земли в составе Рейнской конфедерации и затем Германского союза[4]. Это были довольно успешные попытки конструирования «территориальных кодексов» на основе модели «*юснатуралистских кодификаций*» и с учетом модели французского *Codé pénal* 1791/1810 гг.

Последний – *УК Франции* импонировал местным кодификаторам по причине того, что в нем были впервые закреплены важные уголовно-правовые начала: принцип равенства перед законом и судом, ограничение уголовно-наказуемых деяний предусмотренными законом составами, независимость и подзаконность судей, невмешательство исполнительной власти в уголовное правосудие, непосягательство государства на свободу и неприкосновенность личности, и др.[5]

---

[1] *Stephen J.F.* The Criminal Code (1879) // The Nineteenth Century – A Monthly Review. 1880. Vol. VII. P. 136-160.

[2] *Fehrenbach E. Der Kampf um die Einführung des Code Napoleon in den Rheinbundstaaten //* Institut für Europäische Geschichte Mainz Vorträge. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1973. Nr 56. P. 7-39; *Fehrenbach E.* Traditionale Gesellschaft und revolutionäres Recht. Die Einführung des Code Napoleon in den Rheinbundstaaten. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1974.

[3] *Härter K.* The Influence of the Napoleonic Penal Code on the Development of Criminal Law in Germany: Juridical Discourses, Legal Transfer and Codification // The Western Codification of Criminal Law. Studies in the History of Law and Justice / Ed by A. Masferrer. Springer, Cham, 2018. Vol. 11.

[4] *Blasius D.* Strafrechtsreform und Kriminalpolitik in Preußen 1794–1848 // Politischer Wandel, Gesellschaft und Kriminalitätsdiskurse. Beiträge zur interdisziplinären wissenschaftlichen Kriminologie. Festschrift für Fritz Sack zum 65. Geburtstag / Ed. by Trutz v. Trotha. Baden-Baden, 1996. P. 223-235; *Gergen Th.* "Der Einfluss des Code d'instruction criminelle in den deutschen Territorien": 200 Jahre Code d'instruction criminelle – Le Bicentenaire du Code d'instruction criminelle / Ed. by Heike Jung et al. Baden-Baden: Nomos, 2010.

[5] *Brandt Ch.* Die Entstehung des Code pénal von 1810 und sein Einfluß auf die Strafgesetzgebung der deutschen Partikularstaaten des 19. Jahrhunderts am Beispiel Bayerns und Preußens. Frankfurt, 2002.

Наиболее важные импульсы по кардинальной реформе[1] и *кодификации уголовного права* пришли из Баварии и Пруссии[2]. Так, в Баварии в 1804 г. *Иоганн Пауль Ансельм фон Фейербах* приступил к разработке *Уголовного уложения*[3], проект которого затем почти десять дет будет обсуждаться в правительстве и комиссии по законодательству[4]. Накануне его принятия в 1812 г. Фейербах решил опубликовать теоретическую статью о своем опыте составления кодификационных проектов в Баварии с рецепцией французской модели кодексов, подчеркивая, что «заимствование в праве выступает нормальным средством развития национального права» при условии адаптации к условиям страны и с учетом индивидуальности национального права.

Именно *Уголовный кодекс Фейербаха* 1813 г. превратится со временем в *образец кодистики* не только в землях Германии, но и в других странах Европе[5]. Он использован при разработке Уголовного уложения в России при Г.А. Розенкампфе и М.М. Сперанском. Кроме того, *Баварский УК 1813 г.* положил начало либеральной государственно-правовой эпохе в уголовном праве Германии в целом, т.к. под его влиянием стали появляться или рекодифицироваться *уголовные кодексы* Саксонии, Вюртемберга, Ганновера, Тюрингии и др.

Все эти немецкие «*горизонтальные кодификации*» и их европейские аналоги, в т.ч. русское «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», послужили затем основой для *Уголовного уложения* Северо-Германского союза 1870 г. и его частичной рекодификации в качестве общеимперского Уголовного уложения, единого для всего Второго рейха[6]. Действующий уже более 150 лет *УК 1871 г.* был построен по *пандектной модели* с разделением на две части: 79 параграфов в Общей части и 271 параграфов в Особенной части[7]. Как отмечает Р.В. Антропов, «значение немецких кодификаций конца XVIII–XIX вв. далеко вышло за пределы национальных рамок, о чем свидетельствует его влияние на право ряда стран – Австрии, Швейцарии, Швеции, Финляндии, Сербии, России и др.»[8].

---

[1] *Regge J.* Das Reformprojekt eines “Allgemeinen Criminalrechts für die preußischen Staaten” (1799–1806) // Das nachfriderizianische Preußen 1786–1806. Rechtshistorisches Kolloquium 11–13. Juni 1987, Christian-Albrechts-Universität zu Kiel / Ed. by H. Hattenhauer & G. Landwehr. Heidelberg: Müller, 1988. P. 189-223.

[2] *Härter K.* Kontinuität und Reform der Strafjustiz zwischen Reichsverfassung und Rheinbund // Reich oder Nation? Mitteleuropa 1780–1815 / Ed by H. Duchhardt & A. Kunz. Mainz: von Zabern, 1998. P. 219-278.

[3] Feuerbachs Bayerisches Strafgesetzbuch. Die Geburt liberalen, modernen und rationalen Strafrechts / *Arnd Koch* et al., eds. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014.

[4] *Hellmann U., Satolin V.N.* The history of the German Criminal Code // Journal of the Belarusian State University. Law. 2019. Vol. 2. P. 118-124.

[5] *Härter K.* Die Entwicklung des Strafrechts in Mitteleuropa 1770–1848: Defensive Modernisierung, Kontinuitäten und Wandel der Rahmenbedingungen // Verbrechen im Blick. Perspektiven der neuzeitlichen Kriminalitätsgeschichte / Ed by R. Habermas & G. Schwerhoff. Frankfurt am Main/New York: Campus-Verlag, 2009. P. 71-107.

[6] «Уголовный кодекс для Северо-Германского союза» был провозглашен 31 мая 1870 г., а 15 мая 1571 г. получил статус имперского закона.

[7] Закон «О редактировании Уголовного уложения Северогерманского альянса в Уголовное уложение Германского рейха» был опубликован 14 июня 1871 г. в «Сборнике законов Рейха» и вступил в силу 1 января 1872 г. См.: 4 Strafgesetzbuch für das Deutsche Reich (1871).

[8] *Антропов Р.В.* Кодификация права Германии: конец XVIII – XIX вв. Екатеринбург, 2006.

Профессор А. Тибо, стоявший у истоков формулы «правовой стандартизации» и *вертикальной кодификации* в немецких землях, уделял особое внимание разработке *общей пандектологии* (нем. *Pandektenwissenschaft*)[1], основанной на традиционной системе римского права, изучал происхождение самой «идеи кодификации» (нем. *Kodifikationsgedankens*), проанализировал особенности *юснатуралистского проекта кодификации* и реализованные в его контексте «кодексы естественного права» (нем. *Naturrechtskodifikationen*)[2].

Сама *идея юснатуралистской кодификации*, основанной на естественно-правовых началах гуманного обращения с человеком и равного отношения ко всем перед лицом *законов природы* и правового государства, вызревала в трудах философов эпохи Просвещения[3] и в недрах гуманистического направления уголовно-правовой доктрины. Одним из ярких ее представителей в Германии кон. XVIII века был *Карл Людвиг фон Грольман*[4]. «Три человека, которых давно уже причисляет к своим корифеям не только юридическая Германия – фон Грольман, фон Фейербах и Тибо, наряду со многими другими заслугами имеют еще и ту, что они первыми настояли на расширенном толковании науки о праве»[5].

Профессор *К.Л. Грольман* держал в своих руках процессы кодификации права в Великом герцогстве Гессен. По поручению *герцога Людвига I* он вошел в состав Законодательной комиссии и вместе с другими принял участие в Гессенской конференции[6]. Будучи председателем этой Комиссии с 1816 г. и поддерживая дружеские отношения со своим оппонентом *П.А. фон Фейербахом*, Грольман стал, по сути, творцом превентивной теории уголовного наказания, в противовес «теории психологического принуждения»[7], которую он попытался кодифицировать в проектах Законодательной комиссии. Основы своей уголовно-правовой теории он изложил в книге «*Grundsaetze der Criminalrechtswissenschaft*» 1798 г.[8] и с использованием этого трактата был создан *Уголовный кодекс* герцогства Гессен 1842 г.

---

[1] *Pandektenwissenschaft* – это практико-догматическая юриспруденция в Германии, которая была основана главным образом на анализе систематизации римского права при Юстиниане «*Corpus Iuris Civilis*», в частности на его одноименных Пандектах.

[2] *Brauneder W.* Die naturrechtlichen Kodifikationen der Habsburgermonarchie als Modernisierungsprozeß // Comparative Law. 2007. Vol. 24. P. 113-130.

[3] *Birtsch G.* Reform Absolutism and the Codification of Law: The Genesis and Nature of the Prussian General Code (1794) // Rethinking Leviathan: The Eighteenth-Century State in Britain and Germany / Ed. by *J. Brewer, E. Hellmuth*. London, 1999.

[4] *Cattaneo M.A.* Karl Grolmans strafrechtlicher Humanismus. Baden-Baden, 1998; Die Bedeutung der Strafgesetzgebung in der deutschen Aufklärungsphilosophie // *Cattaneo M.A.* Aufklärung und Strafrecht. S. 225-285.

[5] *Gans E.* Das Erbrecht in weltgeschichtlicher Entwickelung. Eine Abhandlung der Universalrechtsgeschichte von Dr. Eduard Gans. Bd. 1. Das Romische Erbrecht in seiner Stellung zu vor- und nachromischem. Berlin: in der Maurerschen Buchhandlung, 1824. S. XIX.

[6] *Будзинский С.* Теория частного предупреждения (*Грольман*) // Начала уголовного права. Варшава, 1870. С. 358-363.

[7] *Grolman Karl.* Sollte es denn wirklich kein Zwangsrecht zur Prävention geben? // Magazin für die Philosophie und Geschichte des Rechts und der Gesetzgebung. 1800. №1. S. 241 ff.

[8] *Grolman, von D. Karl.* Grundsätze der Criminalrechtswissenschaft nebst einer systematischen Darstellung des Geistes der deutschen Criminalgesetze. Giessen: Heyer, 1798; *Grolman, von D.K.* Über die Begründung des Strafrechts und der

Соединение догматических уголовно-правовых систем К.Л. Грольмана и П.А. Фейербаха породило позднее и специфическое *уголовно-правовое учение Дж. Бентама*, в рамках которого он требовал как общего, так и частного предупреждения (превенции) преступности как главной цели уголовно-правовой кодификации. Созданная Бентамом *модель кодификации*, дошедшая до европейского континента благодаря переводам его друга бернского юриста Дюмонта, начиная с 1803 г. активно проникала в немецкую академическую среду и законопроектную деятельность.

§ II.2. Доктринальные основы уголовно-правовой кодистики в Англии

§ II.2.1. «Дигесты законов Англии» Ф. Бэкона 1623 г. и вопросы легистики

На Британских островах сформировалась особая *модель правовых систематизаций* и сложился свой теоретический опыт доктринальных кодификаций. В Елизаветинскую и Яковианскую эпохи (XVI – нач. XVII вв.) наступил «золотой век» доктринальной систематизации английского права под знаменем *научной систематики* и легистики *Фрэнсиса Бэкона*[1]. В нововременной Англии Ф. Бэкон признается идейным вдохновителем движения за систематизацию права и создание «организованного свода права». Он впервые предложил королю свой проект *систематизации общего права* в конце XVI в. и позднее создал на его основе доктринальную работу – *Дигесты статутного права*.

Как известно, английские юристы выстраивали свой систематический метод на основе философии *рамизма*, предполагавшего движение от общего ко всё более частному[2]. Эта *рамистская традиция* укоренилась в Кембриджском университете в 1580-х гг., с легкой подачи сэра У. Темпла в 1580 г.[3] Первой попыткой применения *рамистского метода* к английскому праву был трактат *Генри Финча* под названием «Номотехника» 1613 г.[4]

Ф. Бэкон, будучи выпускником Кембриджского университета (*Trinity College*)[5], был знаком с принципами *рамизма* со студенческих лет, критиковал отождествление *dispositio* с самим *methodus*, считая расположение материала неадекватным для подлинного научного

Strafgesetzgebung: nebst einer Entwickelung der Lehre, von dem Maasstabe der Strafen und der juristischen Imputation. Heyer, 1799.

[1] Данный параграф основан на статье: *Трикоз Е.Н.* Систематизация права Англии в начале XVII века: значение идей Фрэнсиса Бэкона // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. Вып. 54. С. 660-688.

[2] *Berman H.J.* Law and revolution, II: The impact of the protestant Reformations on the Western legal tradition. Cambridge, 2003. P. 111.

[3] *Simon J.* Education and Society in Tudor England. 1979. P. 319.

[4] *Coquillette D.R.* Francis Bacon. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1992.

[5] *De Montmorency J.E.G.* Francis Bacon // Journal of the Society of Comparative Legislation. 1905. Vol. 6(2). P. 263-283.

исследования и догматической систематизации[1]. В результате он «изобрел» новый феноменологический элемент, озвученный им на латыни как *schematismus*, на основе которого им были разработаны «неписанный конституционализм и научный эмпиризм как два отличительных символа *английского Модерна*»[2].

Бэкон считается «отцом-основателем» науки правоведения в Англии («*the father of modern Jurisprudence*»)[3]. В самом начале своей юридической карьеры в 1580-е гг., он поставил амбициозную цель по *систематическому изложению* теории закона, преобразованию английского общего права и упорядочению статутного права[4]. Бэкон разработал специфическую *модель «правовой реформы»* и авторскую *схему систематизации* права, смело предложив ее самому суверену – сначала королеве *Елизавете I Тюдор*, а затем более успешно королю *Джеймсу I Стюарту*. Стремление Бэкона к *«римской модели» кодификации законов* не могло быть отделено от его преданности «королевской особе как ключевому автору реформы»[5].

К началу профессиональной карьеры Ф. Бэкона дуализм влиятельных корпораций *цивилистов* и «*коммонлойеров*»[6] перерос в противостояние *догматических дискурсов цивильного и общего права*[7]. Отчетливо проявилось интеллектуально-политические, институционально-корпоративное и даже сугубо лингвистическое противоборство «Общины докторов» и «Судебных иннов»[8]. Хотя обе корпорации ратовали за «необходимую систематизацию профессионального знания и *кодификацию практик*»[9].

Спустя три года обучения в Кембридже, Бэкон перешел в коллегию *Грейс Инн* при Королевском суде и параллельно занялся карьерой дипломата в составе английского посольства. Во время своего долгого турне по европейским городам и княжествам на континенте, он изучал континентальное цивильное право и сблизился со знаменитым

---

[1] *Manzo S.* Certainty, laws and facts in Francis Bacon's jurisprudence // Intellectual History Review. 2014. Vol. 24(4). P. 457-478.

[2] *Wheeler H.* Francis Bacon's "*VERULAMIUM*" the common-law template of the modern in English science and culture // Angelaki. 1999. Vol. 4(1). P. 7-26.

[3] *Kocher P.* Francis Bacon on the Science of Jurisprudence // Journal of the History of Ideas. 1957. Vol. 8 (1). P. 3-26.

[4] *Warden G.B.* Law Reform in England and New England, 1620 to 1660 // The William and Mary Quarterly. 1978. Vol. 35, No. 4. P. 668-690.

[5] *Geng P.* Jurisprudence by Aphorisms: Francis Bacon and the "Uses" of Small Forms // Law, Culture and the Humanities. 2019. P. 1-24.

[6] Русская калька с термина, обозначающего юристов общего права. См.: *Tubbs J.W.* The Common-law mind: medieval and early modern conceptions. Baltimore, 2000.

[7] *Паламарчук А.А.* Композитарная монархия и правовой полиморфизм в раннестюартовской Англии: к постановке проблемы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 1(65).

[8] *Паламарчук А.А.* Плодотворное заимствование или национальное достояние? Спор Ф.У. Мейтленда и У. Стаббса о роли цивильного права в средневековой Англии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2015. № 53. С. 352-360.

[9] *Chroust A.-H.* The Beginning, Flourishing and Decline of the Inns of Court: The Consolidation of the English Legal Profession After 1400 // Vanderbilt Law Review. 1956. Vol. 10. P. 79-123; *Паламарчук А.А., Федоров С.Е.* Конструируя корпоративное прошлое: раннестюартовские юристы в поисках социопрофессиональной идентичности // Англоведение в современной России. М., 2019. С. 143-153.

правоведом того времени *Барнабе Бриссоном* (*Barnabé Brisson*, 1531–1591 гг.), президентом Парижского парламента. Возможно, они обменивались опытом законодательных реформ и судебно-правовых преобразований в своих странах.

Бриссон вполне мог передать Бэкону подготовленный им накануне по распоряжению французского короля «*Кодекс Генриха III*» 1587 г. (*Le Code du Roy Henry III, Roy de France et de Pologne rédigé en ordre par messire Barnabé Brisson*). В структурном плане этот «Кодекс» был составлен с учетом предмета правового регулирования и частично воспроизводил структуру византийского «*Кодекса Юстиниана*», но был изложен в 20 (а не 12) книгах[1].

Ф. Бэкон разрабатывал свой особый феноменологический элемент «*schematismus*» как «упорядоченность–систематичность» (лат. *schematismi sive systematis*), что дополнялось вспомогательными средствами и классификационными таблицами, которые были направлены на систематизацию эмпирического материала, а также приёмами правовой интерпретации и юридической формализации[2]. Бэкон попытался возродить схематичный план по *ревизии права*, направленный на сокращение объема английских статутов, которых было «такое множество, что простые люди не могли даже наполовину их применять, а профессионалы-юристы не в достаточной степени их понимали»[3].

В 1616 г. Бэкон совместно со своими соратниками *Уильямом Ноем*, автором трактата «Об основах и максимах законов этого королевства» 1641 г., и *Генри Финчем*, автором знаменитой «*Nomotexnia*» 1613 г., а также с другими членами специальной Комиссии, предприняли попытку «кодифицировать статутное право»[4]. Он лично подготовил «Проект для Его Величества касательно составления и внесения поправок в законы Англии» 1616 г.[5], где призывал к созданию *Дигест общего права* и статутных актов, с целью их пересмотра и поддержания в актуальном состоянии[6].

«*Схематизм*» реформирования общего и статутного права по Бэкону должен был последовательно включать в 4 *следующих этапа:*

I. На *первом этапе* с целью придания праву формальной определенности должна быть составлена книга с римскими правовыми текстами и материалами по истории права – «*De antiquitatibus juris*», содержащая некий реестр авторитетных юридических документов[7]. Тем самым поставить под контроль запутанную практику судей общего права, которые нередко

---

[1] *Захватаев В.Н.* Кодекс Наполеона. М., 2012. С. 189; *Шершеневич Г.Ф.* Очерки по истории кодификации гражданского права: Франция. Казань, 1897. С. 34.

[2] *Макулин А.В.* Эволюция табличного метода в истории философии: от мистики Древнего Востока до новоевропейского мышления // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 24-26.

[3] *Baker J.H.* Introduction to English Legal History. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 232.

[4] *Seipp D.J.* The Structure of English Common Law in the Seventeenth Century // Legal history in the making: proceedings of the ninth British Legal History Conference / Ed. by W.M. Gordon, T.D. Fergus. Glasgow 1989. P. 76.

[5] *Bacon F.* A Proposition Touching the Amendment of the Law // Works of Francis Bacon... Vol. XIII. P. 61-71.

[6] *Baker J.H.* Op. cit. P. 232.

[7] The Works of Francis Bacon / Ed. by *J. Spedding, R.L. Ellis & D.D. Heath*. Vol. XIII. P. 68.

ссылались на т.н. «*sanctified law*», неопределённые и относящийся к «незапамятным временам», что в действительно было фикцией, маскировавшейся в антикварных терминах[1].

II. На *втором этапе* реформа должна была заключаться в систематизации судебного права, наподобие знаменитых римско-византийских Дигест (*Digest of Roman Law*). Это предполагало всеобъемлющий свод, содержащий обобщенные и организованные по темам ранее вынесенные авторитетные *прецеденты*. При этом должны были быть изъяты все дублирующее и противоречащие друг другу судебные решения. По мнению Бэкона, в процессе этой реформы судебные отчёты с описанием аргументов сторон и доводов судей следовало очистить от неюридических положений и попутных сообщений[2]. По сути, это должен был получиться своего рода юридический прообраз, предшественник современных «*рестейтментов*»[3], которые готовятся экспертами, например, под эгидой Американского института права (ALI)[4].

III. На *третьем этапе* реформирования должна проводится *инкорпорация ордонансов* «*Ordinances in Chancery*» – собрание издаваемых лично королем повелений и указов, имевших часто временный характер и подчиненное положение по отношению к парламентским актам (статутам)[5]. Этот проект Бэкона включал более сотни *правил*, которые были изложены по знакомой всем англосаксонским юристам процессуалистам схеме[6]. Так, в правилах с 1 по 6 описывался порядок обжалования постановлений суда («*decree of the Chancery*») с помощью протокола проверки на основе вновь открывшихся обстоятельств (т.н. *bills of review*)[7]. Далее описывались доступные в суде канцлера средства защиты – *remedies* (правила 7 – 12), способы отклонения поводов к разбирательству (правила 13 – 17), запрет дублирующей подачи иска «по одной и той же причине» в суд общего права и суд канцелярии (правила 18 – 19); судебный приказ о запрете действий – *injunction* и приказ о секвестре (правила 20 – 30); порядок исполнения постановлений других судов (правила 31 – 32); иски после вынесения приговора

---

[1] *Coquillette D.R.* Past the Pillars of Hercules: Francis Bacon and the Science of Rulemaking // University of Michigan Journal of Law Reform. 2013. Vol. 46. P. 571.

[2] The Works of Francis Bacon / Ed. by *J. Spedding, R.L. Ellis & D.D. Heath*. Vol. XIII. P. 69.

[3] Сегодня *рестейтмент* – это важный вторичный источник права США, авторитетное правовое средство гармонизации права штатов и инструмент унификации общефедерального права с целью сближения и координации их разрозненных, неопределенных и коллидирующих правоположений, направленный на достижение некоего доктринального единства в системе американского общего права путем его своеобразной официозной, *академической квази-кодификации*.

[4] *Акчурин Т.Ф.* Рестейтмент права США: природа, понятие и аксиологическое измерение // Евразийский юридический журнал. 2016. № 9(100). С. 99–106.

[5] Бэкон назвал этот свой проект по инкорпорации «Ордонансы в Канцелярии» (*the Ordinances in Chancery*; полное название – «*Court of Chancery, England and Wales. Ordinances made by the Right Honorable Sir Francis Bacon ... being then Lord Chancellor for the better and more regular administration of justice in the Chancery, to be daily observed saving the prerogative of this court*»). См.: The Works of Francis Bacon / Ed. by *J. Spedding, R.L. Ellis and D.D. Heath*. London: Longman, 1864. Vol. VI. P. 757-774.

[6] The Federal Rules of Civil Procedure, 2017 / Printed for the use of The Committee on The Judiciary House of Representatives. U.S. Government Publishing Office Washington, 2018.

[7] *Dyer P.J.* A Practical Guide to the Equitable Bill of Review // Texas Bar Journal. 2007. Vol. 70. P. 20-22.

(правила 33 – 34); возможные злоупотребления со стороны регистраторов канцелярии (правила 35 – 44) и правила применительно к профессионалам – адвокатам и их клиентам (правила 45 – 52); возражения (правила 57 – 60), ответы (правила 61 – 66), показания и допросы (правила 68 – 74), письменные показания под присягой (правила 75 – 76), петиции (правила 80 – 83), специальные предписания (правила 84 – 92), специальные комиссии (правила 93 – 97), и т.д.

IV. На *четвертом этапе* правовой реформы Бэкон предлагал выпустить вспомогательные юридические книги (*auxiliary books*), которые представляли собой догматическую и технико-юридическую основу будущей кодификации английского права[1]. Это должны были быть своего рода справочно-методические правовые *«мини-своды»*, включая:

1) авторитетный юридический словарь «*De verborum significationibus*», собрание терминов и понятий, наподобие того словаря, который был знаком Бэкону с юности в его юридической семье и затем в университетской библиотеке, а именно словарь понятий римского права «*De Verborum Quae ad Jus Civile Pertinent Significatione*» французского правоведа Бриссона 1559 г.;

2) учебник основ гражданского права «*Institutions*», официальный свод по образцу «Институций» Юстиниана, «с которого студенты начинают изучать право» в университете;

3) свод общих правил и принципов «*De regulis juris*», содержавший аксиомы и максимы толкования права. Прообразом послужил для Бэкона древнеримский корпус правил и принципов токования, а также свод канонических брокардиков[2]. К тому же Бэкон с университетской скамьи был хорошо знаком с Титулом XVII книги 50 «Дигест Юстиниана», которая как раз содержала «*211 Regulae iuris*»[3].

Так, в адресованном королеве Елизавете I «Сборнике основных правил и максим общего права» (*Maxims of the Law*) 1596 г. Бэкон предложил авторский *проект систематизации* ключевых положений общего права и важнейших судебных максим[4]. Его целью при этом было выделить имплицитно заложенные в огромном числе прецедентов *общие принципы* и регулы-максимы (*regulae juris*), а также правила юридической техники, направленные на искомую формальную «определённость права» (*legal certainty*)[5]. Он выделил *25 regulae juris*, перечислив их в своеобразном систематическом перечне. Эти универсальные *максимы права* представляли по его замыслу «Общую часть» цивильной (римско-правовой) легистики. Эта часть включала в себя технико-юридические правила и координационные нормы-максимы, а также отраслевые

---

[1] The Works of Francis Bacon / Ed. by *J. Spedding, R.L. Ellis & D.D. Heath*. Vol. XIII. P. 70.
[2] *Stein P.G.* Regulae iuris: from juristic rules to legal maxims. Edinburgh, 1966.
[3] *Bacon F.* Works of Francis Bacon… Vol. I. P. 823.
[4] Среди них такие, как: «В обязанности хорошего судьи входит расширение своей юрисдикции, то есть своих полномочий». «Долг хорошего судьи – устранять причины судебных разбирательств». «Хороший судья выносит решения по праву и справедливости, и предпочитает справедливость строгому закону». «Судьи отвечают перед законом, присяжные – перед фактами». «Практика суда – это закон суда».
[5] *Дмитриев И.С.* От «номоса» к «фюсису» и обратно (концепция «закон природы» в философии Ф. Бэкона) // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 2. С. 190.

аксиомы вещного и уголовного права. Бэкон также настоятельно рекомендовал парламентариям создавать законы более краткими и определёнными, т.к. их множественность приводит к нарушению правовой определенности, которая, по его мнению, считается главным вызовом стабильности всей правовой системы[1].

Мы полагаем, что представленная в бэконовском трактате «*Maxims of the Law*» 1596 г. система правовых максим и аксиом в определённой мере сблизила две *европейские правовые традиции* – английское «общее право» и континентальное «цивильное право». Бэкону удалось объединить в этом проекте практические аспекты кейс-метода в традиции прецедентного «общего права» и теоретические основы систематизации в традиции статутного «цивильного права»[2].

И всё же *высшей формой систематизации* Ф. Бэкон считал *гибридную кодификацию,* которая представляла собой, по сути, статутную консолидацию[3]. В качестве подготовительных действий кодистической практики философ выделял *три шага* этого процесса. *Во-первых,* он рекомендовал парламенту прекратить переиздание тех статутов, предмет регулирования которых с течением временем перестал существовать (например, по вопросу еврейских ломбардов или чеканки галльских монет), а также тех, которые долго время не используются как архаические. *Во-вторых*, он считал необходимым провести гуманизацию уголовно-правовых статутов, остающихся в законной силе, но содержавших не соответствующие времени по степени тяжести виды и меры наказаний. *В-третьих*, философ выступал за постепенное сведение параллельно действующих по сходному предмету и конкурирующих между собой статутов к одному, более единообразному статуту (консолидация)[4].

После назначения лордом-канцлером в 1618 г., Бэкон стал действовать более настойчиво как «вице-канцлер», получивший контроль над Судом справедливости и всей ветвью его юрисдикции[5]. Он активизировал усилия по упорядочению уголовного и судебного права. В итоге передал лично королю свой проект «*Меморандум относительно ревизии уголовных законов и поправок к общему праву*»[6]. В этом документе Бэкон предложил учредить *комиссию* из «12 юристов и 12 джентльменов, имеющих опыт работы в стране, для ревизии уголовных законов и отмены тех, которые устарели и являются ловушками, а также для предложения там,

---

[1] *Bacon F.* Maxims of the Law // The Works of Francis Bacon / Ed. by *J. Spedding, R.L. Ellis, D.D. Heath*. London: Longman, 1864. Vol. XIV. P. 171-177.
[2] *Manzo S.* Certainty, laws and facts in Francis Bacon's jurisprudence // Intellectual History Review. 2014. Vol. 24(4). P. 460.
[3] *Coquillette D.R.* Past the Pillars of Hercules: Francis Bacon and the Science of Rulemaking // University of Michigan Journal of Law Reform. 2013. Vol. 46. P. 572-573.
[4] *Bacon F.* Maxims of the Law // The Works of Francis Bacon. London, 1864. Vol. XIII. P. 71.
[5] *Coquillette D.R.* Past the Pillars of Hercules: Francis Bacon and the Science of Rulemaking // University of Michigan Journal of Law Reform. 2013. Vol. 46. P. 573.
[6] *Bacon F.* A Memorial touching the Review of Penal Laws and the Amendment of the Common Law // Op. cit. Vol. XII. P. 84-86.

где это необходимо, законов более мягких и своевременных», и для разработки «законопроектов для следующего парламента»[1].

Спустя пять лет Бэкон подготовил эссе «*Предложения королю Дигест из законов Англии*» 1621 г.[2], которое стало своего рода «программой фундаментальной реформы». Этот его авторский «*дайджест*» представлял собой законодательную консолидацию накопившихся за долгие столетия разрозненных, многословных и дезорганизованных юридических источников[3]. Он инициировал систематический обзор существующего законодательства, резкое сокращение количества статутов и объединение статутных норм в соответствии с общим предметом регулирования в унифицированные и более последовательные парламентские акты[4].

Следует также выделить работу Бэкона – «*Трактат об источниках права*» 1623 г.[5], в котором великий правовед последовательно изложил свои взгляды на правовую определенность («*legal certainty*») как концептуальное свойство права и описал технико-юридические основы правовой реформы[6]. В этом трактате впервые в англосаксонской юриспруденции были заложены *основы легистики*, под которой понималась система координационных норм, правотворческих приёмов и способов законодательной техники парламента. Хотя за несколько лет до его появления получило известность другое сочинение по номотехнике его соратника, юриста *Генри Финча* (*Henry Finch*, 1558–1625 гг.)[7], которое публиковалось на английском языке, а в 1613 г. вышло на юридическом французском языке.

С учетом своего парламентского опыта, Бэкон подробно описал в «*Трактате об источниках*» правила составления преамбулы и структурных частей законопроектов (аф. 65–71)[8]. Он изложил способы толкования текста законов, описание которых занимало почти треть содержания трактата (аф. 72–93). Он также выделял разновидность «основополагающих законов» и норм «общественного права» (в противоположность «частному праву» (аф. 3–4).

Описывая основы *легистики* как законодательной техники статутного права, Бэкон включил в нее ряд правил и приемов по преодолению *коллизий* статутов и т.н. правовых

---

[1] The Works of Francis Bacon… Vol. XII. P. 84–89.
[2] *Bacon F.* An Offer to the King of a Digest to Be Made of the Laws of England (1621) // Works of Francis Bacon… Vol. XIV.
[3] *Shapiro B.J.* Sir Francis Bacon and the Mid-Seventeenth Century Movement for Law Reform // American Journal of Legal History. 1980. Vol. 24. P. 331-362.
[4] *Bacon F.* De Augmentis Scientiarum. Book 8, Chapter 3, Title 1 // The Works of Francis Bacon. Vol. V. P. 101-103.
[5] Полное название – «*Exemplum Tractatus de Justitia Universali, sive de Fontibus Iuris, in uno titulo per Aphorismos*». В русском переводе: «Образец трактата о всеобщей справедливости, или об источниках права, в одной главе, в форме афоризмов» [3, т. 1, с. 484-512] *Бэкон Ф.* Сочинения: В двух томах. М., 1977. Т. 1. С. 484-512.
[6] *Bryson W.H.* Bacon, Example of a Treatise Touching Universal Justice // The Formation and Transmission of Western Legal Culture: 150 Books that Made the Law in the Age of Printing / Ed. by *S. Dauchy et al*. Springer International Publishing, 2016. P. 170-172.
[7] *Finch Henry*. Nomotechnia; cestascavoir, Un description del common leys dangleterre solonque les rules del art. London: Societie of Stationers, 1613.
[8] *Bacon F.* Reading on the Statute of Uses // Works of Francis Bacon. Vol. 7.

антиномий. Он планировал в рамках Комиссии по правовой реформе проводить работы по собиранию и изучению всех старых законов и составлению рекомендаций парламенту по *ревизии* статутного права (аф. 55–56). Его проект *юридической ревизии* был направлен на уменьшение сложности и сокращения объема английского законодательства, путем постепенной отмены устаревших и фактически не действующих статутов (аф. 57). Оставшуюся после ревизии и очищения статутную массу он предлагал включить в единые, укрупненные и унифицированные по форме акты по тематике правового регулирования[1].

Выступая за скорейшую *систематизацию* права, направленную против неясности и «чрезмерного обилия» законов, Бэкон так метафорично описывал состояние английского права: «Нет худших сетей, чем сети законов, *особенно уголовных*; они бесчисленны, с течением времени стали бесполезны, не освещают путь, а запутывают ноги путника» (аф. 53).

В трактате 1623 г. Бэкон специально выделил группу максим-правил по *технике систематизации* и методике создания *свода законов*, или как он сам его называл – «***дигестов***» (термин он позаимствовал из римской юриспруденции). Он изложил свою аргументацию в пользу постепенного и компетентного подхода к разработке «*правовых дигест*» (аф. 59–64). При этом он апеллировал к систематизационному опыту византийского императора Юстиниана и его команды во главе с дворцовым квестором Трибонианом (аф. 61)[2]. Наряду с римским опытом, оказывал влияние опыт правовой компиляции в соседней Франции, а именно «*Кодекс Генриха III*» 1587 г. Успешно реализованный его французским коллегой *Бриссоном* план кодификации хорошо сочетался с основной идеей Бэкона о систематическом изложении норм права и упорядочении юридической науки как таковой.

При структурировании *«Дигест»* Бэкон использовал *пандектную модель* по аналогии с древнеримскими текстами. В итоге он логически разделил «*Дигесты английского права*» на две части – *общую и специальную*. Он запланировал «отдельно поместить те положения, которые составляют *общее право* и существуют как бы во все времена, и, с другой стороны, разместить постановления, присоединяемые к ним время от времени». В приложении к руководству по составлению «*Дигест*» Бэкон дал перечень вспомогательных источников по юридической науке и практике (аф. 79–88), а именно: словари юридической терминологии (*De Verborum*); сборник правовых аксиом и правил (*De diversis Regulis*); суммы и институции (*Summae et Institutiones*); собрание процессуальных формул (*Agendi formulae*); свод юридических древностей (*Antiquitates legum*).

Бэкон призывал юристов общего права к составлению не только «*свода прецедентов*», включая частные сборники описаний процессов и приговоров, но и *статутного свода*, или

[1] *Кочемасов А.В.* Кодификация уголовного права в США. М., 2016.
[2] *Honoré T.* Tribonian. London, 1978; *Waldstein W.* Tribonianus // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Romanistische Abteilung. Bd. 97. 1980. S. 232-255.

«*Дигест законов*». Такой сводный документ должен был объединить основополагающие законы и статуты всего Королевства. При этом он ратовал за постепенную реформу и *гибридную кодификацию* общего права, для чего ввел термин «***Свод законов частного права***»[1].

Авторская концепция Бэкона по *технике систематизации* определила на долгий период эффективную модель подготовительных работ и организационно-теоретических основ реформы права не только в родной Англии, но и в соседних правовых системах. На основе предложенных Бэконом классификационных таблиц и приемов *schematismus* («упорядоченность–систематичность»), была разработана схематичная модель правовой реформы и сопутствующая ей *поэтапная систематизация*: сначала *ревизия* и пересмотр статутного права, затем хронологическая *инкорпорация* статутов и прецедентов, после нее *гибридная кодификация* (или предметная консолидация) и, наконец, *создание «дигест»* (свод законов) как итоговый документ.

Важным юридико-техническим новшеством в проектировании правовой систематизации по *схеме Бэкона* стало выделение таких этапов, как разработка юридического вокабулярия и создание сборника правовых максим. Впоследствии это станет неотъемлемым элементом *Общей части кодексов* (в качестве самостоятельные главы об определении юридических терминов и о принципах права) в странах англо-американской семьи. Наряду с теоретическими основами «Общей части» реформируемого права, Бэкон обращал внимание на отдельные отрасли и институты права. В частности, в приоритете у него оказалось уголовное и процессуальное право («*Меморандум относительно пересмотра уголовных законов*»).

§ II.2.2. «Комментарии к законам Англии» У. Блэкстона 1769 г. и систематика права

Вплоть до появления авторитетных систематизационных разработок *У. Блэкстона*, в уголовно-правовой доктрине Англии не предпринималось особых усилий по установлению предметных границ отрасли[2], которые закрепили бы уголовное право, как отдельный компонент государственно-правового порядка. Не было также заметных попыток по выявлению тех характерных особенностей, которые служат определению этой сферы именно как уголовно-правовой, и описанию его предмета в контексте традиционных категорий общего права *felonies* и *trespasses*[3].

---

[1] *Neustadt M.* The Making of the Instauration: Science, Politics, and Law in the Career of Francis Bacon: The Johns Hopkins University. ProQuest Dissertations Publishing, 1987. P. 70-71.

[2] *Трикоз Е.Н., Швец А.А.* Доктринальные основы систематизации права в Англии (К 300-летию У. Блэкстона, автора "Комментариев") // Общество и право. 2023. № 2(84). С. 100-107.

[3] *Lieberman D.* Mapping Criminal Law: Blackstone and the Categories of English Jurisprudence // Law, Crime and English Society, 1660–1830 / Ed. by *N. Landau*. Cambridge University Press, 2002. P. 139-141.

Уильям Блэкстон (1723–1780 гг.) в бытность студентом Оксфордского университета был хорошо знаком с английской юридической доктриной, а затем практикуя *барристером* столкнулся с плачевным состоянием *систематики* общего права[1]. В те времена большой популярностью у юристов пользовались сборники судебных отчетов в алфавитном порядке, т.н. *abridgements* («своды права»). Это был особый жанр юридической систематизационной литературы по процессуальному общему праву.

Три наиболее авторитетных сочинения XVII – XVIII вв. регулировали такие уголовно-правовые вопросы, как определения преступлений (убийство, изнасилование, грабеж, кража со взломом, кража, подлог и нападение), ответственность соучастников, общие основания защиты и др., а именно это были: Третья книга «Институций» Эдуарда Коука (*Edward Coke's Third Institute*, 1644 г.); «История коронных жалоб» Мэтью Хейла (*Matthew Hale's History of the Pleas of the Crown,* 1736 г.); и «Жалобы короны» Уильяма Хокинса (*William Hawkins's Pleas of the Crown,* 1716–1721 г.). Эти трактаты были дополнены очень небольшим объёмом прецедентного права, о котором сообщалось в источниках. Судьи признавали, что для того, чтобы признать поведение *уголовным проступком* и преступлением, караемым смертной казнью, требуется либо незапамятный правовой обычай об этом деликте, либо акт парламента о его криминализации.

Общая категория *отрасли уголовного права* и его отдельные конструкции сложились на основе ряда уголовно-правовых работ (*treatises of criminal law*) английских юристов XVIII века, таких как «Трактат о делах короны» Уильяма Хокинса (*Hawkins W.*, '*Treatise of the Pleas of the Crown'*, 1716 г.), «История уголовного права» лорда Кеймса (*Kames H., 'History of the Criminal Law'*, 1758 г.) и «Принципы уголовного права» Уильяма Идена (*Eden W.*, '*Principles of Penal Law'*, 1771 г.)[2]. Постепенно сформировалась уголовно-правовая терминология как единообразная и обязательная.

Пользовавшийся авторитетом трактат *У. Хокинса* стал, по мнению его редактора, «тем самым восхитительным трактатом по уголовному праву», как формирующейся и ищущей свои границы уголовно-правовой отрасли, вокруг которой шли самые жаркие научные дебаты[3]. В частности, это были дискуссии о терминологии, принципах назначения и строгости уголовных санкций, участники которой легко жонглировали такими понятиями, как собственно «уголовное право» ('*penal law'*), «уголовный кодекс» ('*criminal code'*), «уголовные или

---

[1] *Трикоз Е.Н.* Блэкстон (*Blackstone*) Уильям // Большая российская энциклопедия. Т. 3. М., 2022. С. 615-616.
[2] *Henry Home, Lord Kames*. History of the Criminal Law // Historical Law-Tracts, 2 vols. Edinburgh, 1758. Vol. I. P. 1-90; *William Eden*. Principles of Penal Law. 1771. 3rd ed. London, 1775.
[3] *Hawkins W.* A Treatise of the Pleas of the Crown. 1716 / by Thomas Leach. 2 vols. Dublin, 1788. Preface to the Present Edition. Vol. I, n.p.

криминальные законы» (‘*the penal or criminal laws’*) «уголовная юрисдикция» (‘*penal jurisdiction*’), и «судебно-исполнительная юстиция» (‘*executive justice’*)[1].

Напомним, английский юрист *Уильям Иден* (1745–1814), будучи членом британского парламента и идейным предшественником Дж. Бентама, сыграл значительную роль в гуманизации пенитенциарной системы и создании уголовного кодекса[2]. Следуя идее упорядочения и упрощения уголовного законодательства, Иден подготовил свой главный труд «*Принципы пенитенциарного права*» («*Principles of penal law*») 1771 г., где попытался критически рассмотреть систему и институты Общей части уголовного права Англии[3]. С точки зрения *систематики* уголовно-правового материала Иден в своей книге, которую он называл “*penal code*”, применил *пандектную схему*[4].

В Общей части кодекса, спроектированного Иденом, было выделено 11 тематических глав. В Главе I “*The Origin of Legislation*” рассматривались основы законодательной власти, в особенности в отношении применения наказаний. В Главе II “*Of Penal Laws*” описывались цели наказания в виде предотвращения преступлений, запрет безмерного ужесточения наказаний, принцип соразмерности санкции злостности преступления, соотношение интересов безопасности общества с задачами правосудия и принципом гуманности, последствия безнаказанности. Глава III “*Of the Infliction of Death*” была посвящена смертной казни, включая историю ее применения, и обоснованию ее назначения в исключительных случаях. В Главе IV “*Of Banishment*” рассматривалась ссылка как уголовное наказание по общему праву, выдвигались сомнения в отношении правомерности наказания смертной казнью за незаконное возвращение из ссылки. В Главе V “*Of Forfeiture, and Corruption of Blood*” разбирались такие санкции, как конфискация имущества в пользу короны и «осквернение крови», т.е. запрет осужденному передавать по наследству свое имущество и наследуемые земли и титулы своим детям[5]. Глава VI “*Of Imprisonment*” регулировала тюремное заключение и запрет особой жестокости тюремщика. В Главе VII “*Of Corporal Punishments, and of Insamy*” размещались правила применения телесных наказаний и инсамии, и о том позоре, который подрывает будущее доверие к преступнику, об умеренном использовании закона о телесных наказаниях английским законодателем. Глава VIII “*Of Fines*” закрепляла право судьи на свободное

---

[1] *Eden W.* Principles of Penal Law… P. 3; *Wooddeson Richard.* A Systematical View of the Laws of England, 3 vols. London, 1792-1793. Vol. II. P. 544; *Madan Martin.* Thoughts on Executive Justice, with respect to our Criminal Laws. London, 1785. P. 7, 19-20.

[2] *Васильева С.А.* Уильям Иден в парламентской борьбе за изменение уголовного закона // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 99-111.

[3] *Eden W.* Principles of Penal Law. London, 1771. 332 p. Текст доступен: https://books.google.ru/books?id=1EUpAQAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 25.12.2024).

[4] *Throness L.* A Protestant Purgatory: Theological Origins of the *Penitentiary Act*, 1779. Aldershot, 2008. P. 124.

[5] В Англии и Уэльсе порча крови была отменена “Законом о порче крови” 1814 г. См.: An Act to take away Corruption of Blood save in certain Cases, 1814 (54 Geo. III, c. 145).

усмотрение при определении размера штрафа, но с учетом обстоятельств конкретного преступления. Глава IX "*Of the Disposial of the dead Body of the Criminal*" имела дело с правилами обращения с трупами преступников, регулировала порядок позорного захоронения самоубийц, вскрытия преступников, проведения при жизни медицинских экспериментов. Глава XI "*Of Crimes*" давала определение преступления, отличного от греха (*crime* и *sin*), закрепляя, что по каждому конкретному преступлению должны быть различимы формы и степени вины (*gradations of guilt*).

В Особенной части кодекса У. Иден выделил 15 специализированных глав по категориям преступлений, а именно: Глава XII "*Of Crimes relative to Religion*"; Глава XIII "*Of Crimes relative to the Law of Nations*"; Глава XIV "*Of Treasons*"; Глава XV "*A Digression relative to the English Trials in Cases of high Treason*"; Глава XVI "*A further Digression relative to the gradual Improvements of criminal Process*"; Глава XVII "*Of other Crimes immediately relative to the State*"; Глава XVIII "*Of Murder*"; Глава XIX "*Of Duelling*"; Глава XX "*Of Suicide*"; Глава XXI "*Of other Crimes relative io the Persons of Individuals*"; Глава XXII "*Of Crimes relative to Property*"; Глава XXIII "*Of Crimes of positive Institution*"; Глава XXIV "*Of the Composition and Promulgation of Laws'*; Глава XXV "*Of the Execution of Penal Laws*"; Глава XXVI "*Of the Importance of this Subject*"[1]. Правотворческая активность Идена увенчалась принятием «*Статута о халках*» 1776 г.[2] и «*Пенитенциарного (тюремного) статута*» 1779 г.[3], подготовленных совместно с сэром Уильямом Блэкстоном и Джоном Говардом.

Представитель классической школы уголовного права *Джон Говард*, автор трактата «*State of prisons in England and Walles*» 1777 г., обосновал коренную реформу системы наказаний и порядка их исполнения, необходимость сокращения составов преступлений со смертной казнью и проч.[4] С этой работой Дж. Говарда и основанным на ней законопроекте У. Идена о каторжных работах за отдельные преступления был знаком и Дж. Бентам. Он отреагировал позитивным образом: «После прочтения сочинения мистера Говарда о тюремной системе, появилась уникальная идея о реформе системы наказания таким образом, чтобы одиночное тюремное заключение было соединено с принудительным трудом осужденного. Такое важнейшее усовершенствование *уголовного кодекса* я жажду увидеть»[5].

---

[1] *Eden W.* Principles of Penal Law. London, 1771. P. 91-330.

[2] *Халки* – «плавучие тюрьмы», организованные на списанных кораблях в порту р. Темзы. См.: An Act to authorize, for a limited time, the Punishment by Hard labour of offenders, 1776 (16 Geo. III, c. 43).

[3] «Закон о разъяснении и внесении поправок в законы, касающиеся транспортации преступника, тюремного заключения и других видов наказания» (19 Geo. III, c. 74).

[4] *Cornil P.* John Howard, European Penal Reformer // Changing Concepts of Crime and its Treatment / Ed. By *H.J. Klare*. Oxford, 1966. P. 177-183.

[5] *Bentham J.* A View of the Hard-Labour Bill, Being an Abstract of a Pamphlet, intituled «Draught of a Bill, to Punish by Imprisonment and Hard-Labour, Certain Offenders' and to Establish Proper Places for their Reception». Interspersed with Observations Relative to the Subject of the Above Draught in Particular, and to Penal Jurisprudence in General. London, 1778. P. ii-iii.

Профессор права в Оксфордском университете Ричард Вуддесон (*Richard Wooddeson*, 1745–1822) опубликовал свой трехтомный труд «*Систематический взгляд на законы Англии*» 1792–1793 гг.[1], на основе прочитанной им серии лекций. Это была авторитетная работа, ставшая значительным вкладом в собственно *теорию систематизации* права и практику доктринальной консолидации норм общего права.

В этом трактате Вуддесон применил адаптированную *институциональную систему* с элементами *пандектного деления*, разделив всю структуру английского права на Общую часть и три большие специальные части:

1) *Предварительный дискурс* (законы природы; цивильное, позитивное или институционное право; главные функции магистратов; право наций; законы Англии в общем виде и соотношение различных источников; обучение и практика английских законов (разделы I–VI); *Часть первая* «Законы, относящие к лицам» (разделы VII–XX); *Часть вторая* «Законы, относящие к вещам, или собственности» (разделы XXI–XXXV); *Часть третья* «Законы, относящие к искам» (разделы XXXVI– LX).

Уголовно-правовой проблематике в этом трактате Вуддесона была посвящена *Третья часть*, первый раздел которой назывался «Об уголовных обвинениях» (*Criminal prosecutions*)[2] и содержал шесть подразделов: общие положения о преступлениях и наказаниях; классификация различных преступлений; преступления против официальной национальной религии; основания и способы привлечения к уголовной ответственности; судебное преследование пэров королевства; парламентские импичменты; билли об опале[3], а также билли о штрафах и наказаниях[4].

Здесь Вуддесон широко использует термин «***уголовный кодекс***» (*penal / criminal code*). В поисках историко-философского обоснования понятия преступления и его деления на тяжкие и мелкие правонарушения автор обращается к античному, греко-римскому наследию (Солон, Платон, Цицерон) и к трактатам философов-просветителей (Гроций, Блэкстон, Баррингтон, Фостер, Хокинс). Он дает *систематический взгляд* на типологию преступлений по английскому праву: те преступления, которые более непосредственно направлены против Бога, и те, которые более непосредственно направлены против человека. В свою очередь, светские правонарушения (*temporal offences*) по английскому могут быть разделены на четыре группы: 1) государственная

---

[1] A Systematical view of the laws of England, as treated of in a course of Vinerian lectures, read at Oxford; v. 2 / by *Richard Wooddeson*. London, 3 vols.; Dublin, 1792–1794. Второе издание было отредактировано Уильямом Россером Уильямсом в 1839 году (London; Филадельфия, 1842).

[2] Текст тома II. P. 487 см.: https://books.google.ru/books?id=hCZNkc_dQEIC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 25.12.2024).

[3] Билль об опале (*Bill of attainder*) представлял собой парламентский акт, приговаривавший к смертной казни во внесудебном порядке по обвинению в госизмене.

[4] Билль о наказании (*Bill of pains and penalties*) представлял разновидность парламентской санкции, в случае процедуры по привлечению к иному наказанию, чем смертная казнь; но в отличие от импичмента она не требовала судебного разбирательства в парламенте.

измена; 2) фелонии как тяжкие преступления, совершенные без привилегии духовенства (*benefit of clergy*); 3) фелонии как тяжкие преступления, не влекущие за собой смертную казнь; 4) мисдиминоры как внутренние правонарушения (*interior misdemeanors*).

У. Блэкстон перейдя на должность профессора Оксфордского университета, решил прочитать инновационный курс лекций по английскому праву, используя накопившиеся авторитетные трактаты по систематизации правовых норм разных отраслей.

Так, он составил свою первую книгу «*Analysis of the Laws of England*» 1754 г. по отраслевому принципу, используя систему обзоров средневековых юристов (*Р. де Гленвилла, Г. де Брэктона, М. Хейла* и др.), научную методологию и систематику *Ф. Бэкона, Г. Финча и Э. Коука*[1]. Сначала им было дано общетеоретическое введение в юриспруденцию и основы права, затем он изложил нормы конституционного, гражданского и уголовного права, с разделением норм публичного и частного права, а также материального права и права процедуры.

Стремление *Блэкстона* к упорядочению и *систематике* общего права привело его к созданию наиболее полного и систематического обзора современного права в виде знаменитых «***Комментариев к законам Англии***» (1765–1769 гг.), выдержавших только при жизни автора около десяти переизданий[2].

В этом четырехтомном трактате Блэкстон «впервые привел в порядок и взаимосвязь необработанное и хаотичное нагромождение «правовых глыб», которое представляло собой в то время «английское прецедентное право, бесформенное, со случайными вкраплениями законодательных актов, которые еще более запутывали его очертания»[3]. Создавая утилитарные и удобные в пользовании дигесты законов (*handy digest of the laws*) Англии, Блэкстон пытался через свои «*Комментарии*» сделать общее право более доступным для всех. Впоследствии за свою попытку кодифицировать общее право (*to codify the common law*) он подвергался резкой критике со стороны профессионального сообщества судей[4].

Тем не менее Блэкстон все же смог постепенно подорвать власть судей как единственных «хранителей законов» с их якобы уникальной способностью поддерживать и разъяснять действующее право «путем своих собственных высказываний»; таким образом «кодифицируя законы Англии в фиксированной форме»[5].

Как замечает *Э. Кэмпбелл*, благодаря усилиям Блэкстона удалось постепенно «вывести английское право из области неразумного заучивания наизусть в лоно доктринальной науки,

---

[1] *Kennedy D.* The Structure of Blackstone's Commentaries // But. Law Review. 1979. Vol. 28. P. 205, 209-211, 381-382.
[2] *Lieberman D.* Mapping Criminal Law: Blackstone and the Categories of English Jurisprudence // Law, Crime and English Society, 1660 – 1840 / Ed. by *Norma Landau*. 2002.
[3] *Цвайгерт К., Кетц Х.* Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. I. Основы / Пер. с нам. М., 1998. С. 297.
[4] *Brunon-Ernst A.* Bentham, Common Law and Codification / Lecture in the Common Law Seminar at Panthéon-Assas University. Paris, 2014. P. 8.
[5] *Brunon-Ernst A.* Op. cit. P. 11-12.

которая может быть пронизана широкими общими принципами, а также привести к классификации и систематизации правовых норм»[1]. Его знаменитые «Комментарии» «впервые привели в теоретическую систему всё право Англии, в том числе и *уголовное* – общее и статутное»[2].

Вследствие эклектичности мировоззренческих установок и политико-правовой ориентации Блэкстоуна сложно отнести однозначно к позитивистскому направлению юриспруденции. Как отмечает У. Пест, временами восхваляя «Два трактата о правительстве» Джона Локка и естественно-правовую школу, Блэкстоун также делал гоббсовские заявления о «суверенной и неконтролируемой власти» и «деспотической власти» парламента издавать законы[3].

По мнению историка английского права *У.С. Холдсвоурта*, будучи последователем философски-политических взглядов Локка, Блэкстон также с огромным уважением и даже пиететом относился к итальянскому ученому-криминалисту и просветителю Ч. Беккария: «если мы станем сравнивать книгу Беккариа с высказываниями Блэкстона по вопросам наказания, то не может быть сомнения в том, что Блэкстон многим обязан Беккария… Хотя он и не на всё смотрел глазами Беккариа (он стоял, например, за более широкое применение смертной казни), но ясно, что именно благодаря влиянию Беккариа в отношении уголовного права Англии он занял более критическую позицию по сравнению с другими отраслями права»[4].

Сложные поиски адекватной *дефиниции преступления* нашли отражение в трактатах авторитетных правоведов. У. Блэкстон как один из первых сторонников *материального определения преступления* признавал уголовным правонарушением не только причинение ущерба какому-либо определенному частному лицу, но и “нарушение публичных прав и обязанностей, существующих в отношении общества как такового”[5].

Блэкстон разработал систему необходимых *признаков преступления*, в числе которых виновность, противоправность и социальная опасность (потенциальная или реальная вредоносность) деяния. “Для наличия преступления против человеческих законов должны быть, во-первых, преступная воля и, во-вторых, противозаконность действия, вытекающего из этой преступной воли”[6]. В своих «*Commentaries*» он охарактеризовал уголовное право Англии в соответствии с его состоянием, описанным в трудах Хейла, Хоукинса и Фостера.

---

[1] *Campbell E.* German Influences in English Legal Education Jurisprudence in the 19th Century // U.W. Australian Annual Law Review. 1959. Vol. 4. P. 359.
[2] *Исаев М.М.* К вопросу о политической оценке идей классической школы уголовного права в первой половине XIX века. М.: тип. Военно-юридической академии, 1947. С. 23.
[3] Blackstone and his critics / Ed. by *A. Page, W. Pest*. Oxford [UK]; Portland, Oregon: Hart Publishing, 2018. P. xvii.
[4] *Holdsworth W.* An History of English Law. London, Methuen, 1903–1966. 17 vols. 1938. Vol. XI. P. 578.
[5] *Blackstone W.* Commentaries on the laws of England. London, 1876. Vol. IV. P. 5.
[6] Цит. по кн.: *Дженкс Э.* Указ. соч. С. 138.

В целом, *блэкстоуновская модель* институциональной систематики общего права Англии позволяет отнести его к т.н. «систематизаторскому крылу движения естественного права»[1]. Систематические аспекты и принцип структурирования «Комментариев к законам Англии» Блэкстона обсуждаются в ряде работ[2].

Предпринятые У. Блэкстоном усилия в «Комментариях» представляли собой важный доктринальный и юридико-технический опыт в английской истории *систематизации права*, тем более что до него систематическим подходом отличались очень редкие юридические трактаты[3].

§ II.2.3. «Основные начала Уголовного кодекса» Дж. Бентама 1802 г.

В конце XVIII в. наиболее энергично вопрос о кодификации был поставлен правоведом-утилитаристом *Джереми Бентамом* (1748–1832)[4]. Он стал автором доктринального *проекта* ***Уголовного кодекса*** *1802 г.*[5]

В отношении политико-правового мировоззрения Дж. Бентама сложно ответить однозначно, являлось ли оно позитивистским или сугубо философски-историческим[6]. В одной из своих работ «*О пределах уголовной отрасли юриспруденции*» Бентам расширил командную теорию *Т. Гоббса*, разработал дополняющую теорию «имперации» (*imperation*), «которая позволила ему включить в командную модель ряд различных типов правовых норм, помимо обязывающих приказов и запретов»[7].

---

[1] *Finnis J.M.* Blackstone's Theoretical Intentions // Natural Law Forum. 1967. Vol. 12. P. 163.

[2] Систематические аспекты и принцип структурирования «Комментариев к законам Англии» Блэкстона обсуждаются в ряде работ, например: *Cairns J.W.* Blackstone, An English Institutist: Legal Literature and the Rise of the Nation State // Oxford Journal of Legal Studies. 1984. Vol. 4. P. 339; *Watson A.* The Impact of Justinian's Institutes on Academic Treatises: Blackstone's Commentaries // Roman Law and Comparative Law. University of Georgia Press, 1991. P. 186-188.

[3] *Simpson A.W.B.* Legal Theory and Legal History: Essays on The Common Law. 1997. P. 273-320.

[4] *Bentham J.* An Introduction to the Principles of Morals and Legislation, 1789 / Ed. by *J.H. Burns & H.L.A. Hart*. Oxford: Oxford University Press, 1996.

[5] *Bentham J.* Traités de législation civile et pénale. Tome 2. Ouvrage extrait des manuscrits de M. Jeremie Bentham, jurisconsulte anglois / par *Et. Dumont*. Paris: Bossange, 1802. P. 235-434. URL: Traités de législation civile et pénale - Jeremy Bentham - Google Книги (дата обращения: 25.12.2024).

Далее в нашем исследовании мы пользовались текстом 1820-го издания, хранящийся в фондах РГБ (г. Москва): *Bentham J.* Traités de législation civile et pénale: ouvrage extrait des manuscrits de M. Jeremie Bentham, jurisconsulte anglois / par *Et. Dumont* membre du conseil represéntatif de Genève. Tome 2. Paris: Chez Bossange, Pere et Fils, Chez Rey et Gravier, 1820. 379 p.

[6] *Покровский П.А.* Бентам и его время. Пг., 1916; *Ярош К.Н.* Иеремия Бентам, его отношение к учению о праве. Харьков, 1886; *Остроух А.Н.* Учение Бентама о праве: Дис. …канд. юрид. наук. М., 2002; *Колосов И.В.* Юридический позитивизм Джона Остина и утилитаризм Иеремия Бентама: диалектика соотношения // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 3А. С. 51-59.

[7] *Postema G.J.* Legal Positivism: Early Foundations // The Routledge Companion to Philosophy of Law / Ed. by *A. Marmor*. New York, London: Routledge, 2012. P. 37-38.

Эта работа Бентама с учетом того, что он уже начиная с 1780–1782 гг. занимался *теорией систематизации* законодательства, стала наиболее ранней развернутой версией его законодательной программы по созданию единого и всеобъемлющего «*Панномиона*», «совершенного во всех его ветвях свода законов»[1].

Укажем еще на одну работу Бентама в этом направлении под названием «*Границы юриспруденции определены*» 1789 г.[2], где он стремился прояснить значение многих юридических понятий и структуру правовых норм, тем самым предвосхищая семантическую юриспруденцию и *аналитические концепции* права (представители *Дж. Остин, У.Н. Хохфельд, Г. Кельзен* и др.)[3]. В этом сочинении Бентам дает одно из ранних определений ***уголовного кодекса*** (*penal code*), который должен был состоять главным образом из карательных законов (*punitive laws*), и «включать императивные нормы из числа гражданских законов; наряду с которыми, вероятно, также должны быть найдены различные смежные материалы, относящиеся не к гражданским, а сугубо к штрафным нормам законам. С этой позицией вполне согласуется *свод уголовного права*, утвержденный некогда королевой Марией Терезией»[4].

В поздних работах Дж. Бентам уделял много внимания *стилистически-грамматическим проблемам* законодательства, таким как их избыточность, многословность, неустойчивость выражений, сложность изложения, запутанность, неопределённость и т.п.[5] Как полагал Бентам, важным способом, с помощью которого можно было облегчить восприятие юридического текста и «промульгацию» закона, является разделение кодифицированного права на различные *субкодексы*, «которые направлены на регулирование деятельности только определенного круга лиц или сообщества людей»[6].

Начало масштабного кодификационного замысла (*ambitious utilitarian code*) Бентама было заложено в критическом эссе 1776 г., с которым он обрушился на лекции *У. Блэкстона*, негативно оценив предложенную им «институциональную систематику» при отсутствии даже намека на реформирование и обновление действующего уголовного права. Будучи 16-летним студентом Оксфорда, Бентам посещал лекции У. Блэкстоуна по английскому праву[7].

---

[1] *Lieberman D.* Of the Limits and the Theory of Legislation // The Legal Philosophy and Influence of Jeremy Bentham… 2014.

[2] *Bentham J.* The Limits of Jurisprudence Defined / Ed. by *Ch.W. Everett*. New York: Columbia University Press, 1945. 358 p.

[3] *Morgenthau H.J.* The Limits of Jurisprudence Defined. Jeremy Bentham, Charles Warren Everett // The Journal of Modern History. 1946. Vol. 18, № 1. P. 77.

[4] *Bentham J.* The Limits of Jurisprudence Defined… P. 332.

[5] *DiFilippo T.* Jeremy Bentham's Codification Proposals and Some Remarks on Their Place in History // Buffalo Law Review. 1972. Vol. 22. P. 243.

[6] The Works of Jeremey Bentham / Ed. by *J. Bowring*. 1962. Vol. 4. P. 454.

[7] Свою первую критику на трактат Блэкстона он изложил в брошюре: A Fragment on Government; or a Comment on the Commentaries: Being an examination of what is delivered on the subject of government in general, in the introduction to Sir William Blackstone's Commentaries. With a preface, in which is given a critique on the work at large. By *Jeremy Bentham*, esq. of Lincoln's Inn. 1776. См. также: *Cross R.* Blackstone v. Bentham // Law Quarterly Review. 1976. Vol.

Введенный Бентамом в юридический дискурс термин «***кодификация***» (англ. *codification*)[1] предполагал именно широкомасштабную реформу, основанную на обоснованной критике английского общего права и амбициозной *науке о законодательстве* (*легистике*) с целью подготовки проекта всеобщей кодификации права[2].

В работе «*Опыт политической тактики*» 1791 г. Бентам увлекся научным исследованием *техники законодательства*[3]. Одна из глав была посвящена законодательной систематике и технике, где было подчеркнуто значение технической процедуры и регламента с описанием правил юртехники законотворческой и систематизационной[4]. В бентамовской трактовке легистика включала такие важные элементы, как познавательный, формально-юридический и нормативно-структурный.

С 1806 г. в своих письмах Бентам начинает активно употреблять термин «*кодификация*»[5]. Пальма первенства Дж. Бентама в статусе родоначальника современного *кодификационного процесса* и применения термина «*кодификация*» редко оспаривается в литературе[6].

Приведем позицию немецкого юриста *Матиаса Шмекеля*, который ставит под вопрос этот факт первенства Бентама в создании термина «*кодификация*» хотя бы потому, что он был подданным государства, которое никогда не имело всеобъемлющего системного законодательства. По мнению Шмекеля, английский правовед всего лишь заимствовал или перехватил кодификационную идею из контекста протестантской Реформации[7]. Истоки кодификации нужно возводить к работам *Меланхтона*, учение которого было распространено во всех протестантских церквях и было известно Бентаму[8].

Как видно из корреспонденции Бентама, он начал свой первый кодификационный проект под названием «*План уголовного кодекса*» в 1788 г. Он разрабатывал его в течение пяти лет как

---

92. P. 516-517; *Posner R.A.* Blackstone and Bentham // The Journal of Law & Economics. 1976. Vol. 19, no. 3. P. 569-606.

[1] *Mertens B.* Gesetzgebungskunst im Zeitalter der Kodifikationen. Theorie und Praxis der Gesetzgebungstechnik aus historisch-vergleichender Sicht. Tübingen, 2004. S. 497 ff.

[2] *Bentham J*. The Theory of Legislation / Ed. by *E. Dumont, R. Hildreth, C.K. Ogden*. London: K. Paul, Trench, Trubner & Co. Ltd., 1931.

[3] Друг и последователь Е. Дюмон переработал это сочинение и издал на французском языке после смерти автора в 1845 г. под названием «Тактика законодательных собраний».

[4] *Бентам И.* Тактика законодательных собраний / Пер. с англ. СПб., 1907. С. 75.

[5] *Dinwiddy J*. Bentham, Selected Writings of John Dinwiddy / Ed. by *V.W. Twining*. Stanford, 2004. P. 55.

[6] *Caroni P*. Saggi sulla storia della codificazione. Milano, 1998; *Mertens B*. Gesetzgebungskunst im Zeitalter der Kodifikation. Tübinger Rechtswissenschaftliche Abhandlungen, 2004. №98; *Mohnhaupt H.* Grundlinien in der Geschichte der Gesetzgebung auf dem europäischen Kontinent vom 16. bis 18. Jahrhundert // ZNR. 28. 2006. S. 124-174; *Petronio U*. La lotta per la codificazione // II Diritto nella Storia, 10. Torino, 2002; *Schmoeckel M*. Leges et in carmina redigendae sunt. Die Erfindung der Kodifikation als Konzept durch Melanchthon und deren Rezeption in katholischen Staaten bis 1811 // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Kanonistische Abteilung. 2009. Vol. 95, no. 1. P. 397.

[7] *Васильева С.А.* Рационалистическая теология английских протестантов XVIII века и ее влияние на уголовное правосудие // Историческая психология и социология истории. 2015. №2.

[8] *Schmoeckel M.* Leges et in carmina redigendae sunt. Die Erfindung der Kodifikation als Konzept durch Melanchthon und deren Rezeption in katholischen Staaten bis 1811 // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte: Kanonistische Abteilung. 2009. №95. S. 397-436.

своего рода теоретическую модель, которую затем стал предлагать не только своем правительству в Великобритании, но и ряду зарубежных правителей и чиновникам в британских колониях[1]. «Все существующие *уголовные законы* должны быть заменены всеобъемлющими положениями, изложенными в рациональной, последовательной и доступной форме, основанными на принципе полезности, эффективной правореализации и минимальной судебной дискреции»[2].

Введя в юридический дискурс термины *codification* (кодификация) и *codifier* (кодификатор), Бентам посвятил большую часть своей жизни разработке последовательной *теории законодательства* и попыткам применить ее на практике. Это было, по его словам, «величайшее дело его жизни» («*the great business of my life*»)[3].

В начале XIX в. Бентам становится интеллектуальным лидером утилитаристов, активно пропагандировавшим свою *кодификационную теорию*[4]. В работе «*Общий взгляд на полный кодекс законов*» 1802 г. он подверг резкой критике бессистемность и некодифицированность английского права. Развивая свой радикальный взгляд на план кодификации, он рассматривал ее в качестве окончательной и исчерпывающей формы законодательства[5].

В другой работе «*Принципы законодательства*» 1802 г. Бентам выделил важнейшие отрасли законодательства, которые «должны возглавляться кодексами» и разработал их теоретические модели: «Основы законодательства», «Руководящие основы конституционного кодекса для всех государств», «Основы гражданского кодекса» и «Основы уголовного кодекса»[6]. Бентам четко различал основополагающее (материальное) уголовное право (*substantive criminal law*) и дополнительное уголовное право (*adjective criminal law*), а также процессуальное законодательство[7].

Рассматривая *кодификацию в методологическом смысле* и с позиций методики обновления и упорядочения материала, Бентам разрабатывал свои рекомендации по

---

[1] From George Wilson to Jeremiah Bentham, 30 November 1788; From Jeremiah Bentham to Samuel Bentham, March 1789, B.L. V: 24–7. Цит. по: The Correspondence of Jeremy Bentham, Vol. 4. The Collected Works of Jeremy Bentham / Ed. by *J.R. Dinwiddy*. London: UCL Press, 2017. P. 15.

[2] *Wright B.* Renovate or Rebuild? Treatises, Digests and Criminal Law Codification // Law Books in Action: Essays on the Anglo-American Legal Treatise / Ed. by *A. Fernandez, M.D. Dubber*. London: Hart Publishing. 2012. P. 181-201.

[3] *Bentham J.* Traité des sophismes politiques // Oeuvres de J. Bentham, jurisconsulte anglaise / Éd. *E. Dumont*, Bruxelles, 1829. Vol. I. P. 493.

[4] *Bentham J.* Pannomial Fragments (n.d.) // The Works of Jeremy Bentham / Ed. by *J. Bowring*. Edinburgh: William Tait, 1843. Vol. 3. P. 211-30; *Bentham J.* Papers Relative to Codification and Public Instruction (1817) // The Works of Jeremy Bentham / Ed. by *J. Bowring*. Edinburgh: William Tait, 1843. Vol. 4. P. 451- 553.

[5] *Bentham J.* A General View of a Complete Code of Laws (1802) // The Works of Jeremy Bentham / Ed. by *J. Bowring*. Edinburgh: William Tait, 1843. Vol. 3. P. 155-295.

[6] *Оксамытный В.В.* Уголовная политика Англии в свете правового утилитаризма И. Бентама // Вестник БГУ. 2012. №2 (1).

[7] *Tulkens F.* Les Principes du Code Penal de Bentham // Actualite de la Pensee Juridique de Jeremy Bentham. Bruxelles, 1987. P.619.

применению синтетического (абстрактного) метода законотворчества[1]. Для него *кодекс* – это прежде всего инструмент утилитарной реформы, комплексной охватывающей все наболевшие сферы: от тюремной системы, судопроизводства и системы доказательств до концептуальных отраслей международного, конституционного, гражданского и уголовного права. По сути, кодификация, реформа и утилитарность – это три неразделимые концепции для Бентама[2]. Здесь он унаследовал *понимание кодификации* представителей естественно-правовой трактовки эпохи Просвещения[3].

В 1818 г. философ приступает к разработке «*Руководящих начал конституционного кодекса для всех государств*». К концу 1820-х гг. Бентам опубликовал довольно обширные тексты, содержавшие *теоретические модели* конституционного кодекса, уголовного кодекса, кодекса судебной процедуры, судоустройственного кодекса (о судебных учреждениях), кодекса о доказательствах и др.[4] В 1827 г. неутомимый правовед делает «*Набросок Кодекса международного права*».

На протяжении всей жизни как неутомимый «мировой законодатель»[5], Дж. Бентам искал контакты с той нацией, которая будет готова практически реализовать его «*утилитарные кодексы*»[6]. Так, в 1782 г. Бентам впервые предложил кодифицировать законы в колониальной Индии[7]. Затем в 1790 г. опубликовал авторский проект «Кодекса организации судебной системы» для Франции[8]. По словам юриста *Ж. Праделя*, наполеоновский УК 1810 г. был вдохновлен преимущественно идеями утилитарной теории Бентама, особенно при конструировании института уголовной ответственности[9]. В Швейцарии подготовительная комиссия представила проект УК в 1817 г., текст которого находился под заметным влиянием Бентамовского проекта, привезенного в страну его другом и переводчиком Этьеном Дюмона[10].

---

[1] *Аннерс Э.* История европейского права / Пер. со швед. М.: Изд-во «наука», 1994.
[2] *Ost François*. Codification et Temporalité dans la Pensée de J. Bentham // Actualité de la pensée juridique de Jeremy Bentham. Bruxelles, 1987. C. 163-165.
[3] *Carbonnier J.* La passion des lois au siècle des lumières // Essais sur les lois, s.l. 1979. P. 203-223.
[4] *Bentham J.* Principles of Penal Law (n.d.) // The Works of Jeremy Bentham / Ed. by *J. Bowring*. Edinburgh: William Tait, 1843. Vol. 1. P. 365-580; *Bentham J.* Principles of the Civil Code (n.d.) // The Works of Jeremy Bentham / Ed. by J. *Bowring*. Edinburgh: William Tait, 1843. Vol. 1. P. 297-364; *Bentham J.* Justice and Codification Petitions (n.d.) // The Works of Jeremy Bentham / Ed. by *J. Bowring*. Edinburgh: William Tait, 1843. Vol. 5. P. 437-548; *Bentham J.* Principles of Judicial Procedure, with the Outlines of a Procedure Code (n.d.) // The Works of Jeremy Bentham / Ed. by *J. Bowring*. Edinburgh: William Tait, 1843. Vol. 2. P. 1-188.
[5] *Schofield P.* Jeremy Bentham: Legislator of the World // Current Legal Problems. 1998. Vol. 51. P. 115-147.
[6] *Колосов И.В., Сигалов К.Е.* Действительно ли И. Бентам был первым правовым утилитаристом? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 2. С. 438-471.
[7] *Vesey-FitzGerald*. Bentham and the Indian Codes // Jeremy Bentham and the Law / Ed. by *G. Keeton*. 1948. P. 222.
[8] *Bentham's* Draught of a Code for the Organization of the Judicial Establishment in France, March 1790.
[9] Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении / Под ред. *Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой*. М., 1999. С. 568.
[10] *Roth R.* Pratiques pénitentiaires et théorie sociale: L'exemple de la prison de Genève (1825-1862). Paris-Geneve, Droz, 1981. P. 111.

Философ предлагал проекты кодификации права во время испанской и португальской революций, отправлял проекты в Грецию, в том числе конституционный проект после освобождения от Османского господства. Мы также знаем о консультации Дж. Бентама по поводу проекта УК Испании, который должен был быть представлен Кортесам в 1821 г. Продвигая свой проект уголовно-правовой реформы в Латинской Америке, Бентам успешно вел переговоры с президентами Аргентины и Колумбии, и был в тесном контакте с южноамериканским революционером *Боливаром*[1]. Наконец, уголовно-правовое учение Бентама получило популярность в Российской империи в период реформ *Александра I* и разработки *проекта Уголовного уложения* 1813 г.[2]

Вплоть до великих неоклассических кодификаций конца XIX века в Германии, Италии, Голландии, Бельгии и др., доктринальный проект *уголовной кодификации Бентама* служил источником вдохновения во время разработки и принятия многочисленных европейских актов уголовного законодательства.

В отдельных *странах общего права* влияние кодификационных проектов Бентама привело к не менее заметным результатам. Он вел переписку с президентом США, а также писал в легислатуры различных американских штатов. Так, в письме 1811 г. президенту Джеймсу Мэдисону он предложил создать кодекс, который освободит Соединенные Штаты от «ига в форме бессловесной, безграничной и бесформенной формы общего права, называемого неписаным законом, которое все еще остается на ваших шеях»[3]. В результате на основе доктринального проекта УК Бентама был во многом основан *Уголовный кодекс штата Луизиана*, разработанный в 1821 г. Ливингстоном, как и *Уголовный кодекс Индии*, составленный Т.Б. Маколеем в 1833 г.

На своей родине в Англии в 1811 г. Бентам получил приглашение министра Сидмоута (*Lord Sidmouth*) представить и обсудить авторский проект правовой реформы. Неутомимый философ-утилитарист на волне патриотичного вдохновения предложил самолично и без всякого вознаграждения подготовить ***Уголовный кодекс*** (*Penal Code*) для Англии и Уэльса. Но неожиданно для себя получил отказ родного правительства.

С кодистической точки зрения доктринальный УК Бентама отличался известной самостоятельностью и оригинальностью, хотя и впитал в себя основные идеи *классической*

---

[1] *Brunon-Ernst A.* Bentham, Common Law and Codification / Lecture in the Common Law Seminar at Panthéon-Assas University. Paris, 2014. P. 7.

[2] *Орлов А.А.* «Пусть Иеремия Бентам приготовит… кодекс!» Трактат Дж. Бентама «План всеобщего и вечного мира» (1786 – 1789 гг.) и его влияние на Россию // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2015. №2. С. 53-62.

[3] Letter from Jeremy Bentham to President James Madison (Oct. 30, 1811) // *Jeremy Bentham*, The Correspondence of Jeremy Bentham / Ed. by Stephen Conway. 1988. Vol. 8. P. 182.

школы уголовного права (*Ч. Беккариа, Ш.Л. Монтескьё* и др.)[1]. По сути, Бентам позаимствовал у Монтескьё саму естественно-правовую *концепцию кодекса* и идею о необходимости упорядочения и упрощения уголовного законодательства[2].

Многие уголовно-правовые институты были подвергнуты Бентамом тщательному юридическому анализу, оценены на предмет их эффективности и соответствия *принципу утилитарности* в смысле «величайшего счастья для наибольшего числа людей»[3]. Это касалось понятия преступления и его признаков, объективной и субъективной сторон преступления, классификации преступлений; понятия и целей наказания; системы наказаний; принципов назначения наказаний и т.п.[4] По его собственному признанию, наибольшее влияние на него оказали идеи *Ч. Беккариа*[5], у которого он воспринял идею соответствия наказания природе преступления, а его суровости – тяжести содеянного, а также выделения в качестве обязательного признака преступления причинение обществу вреда, а в качестве главной цели наказания – предупреждение преступности[6].

«*Основные принципы уголовного кодекса*» («*General Principles of Criminal Code*») 1789 г. представляли собой Общую часть уголовного права[7]. Она имела огромный теоретический потенциал для развития уголовно-правовой кодистики, став этапным проектом в уголовно-правовой теории и техники кодификации. В некоторых фрагментах данной работы есть свидетельства того, что бентамовский проект УК был составлен не только для Англии, но являлся

---

[1] *Решетников Ф.М.* «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление в уголовном праве. М., 1985. В России классическая школа уголовного права была представлена И.М. Наумовым («Разделение преступлений против права гражданского и против порядка уголовного». 1813), О. Гореглядом, сочинение которого («Опыт начертания Российского уголовного права. Ч.1: О преступлениях и наказаниях вообще», 1815) послужило вместе с проектом Уголовного уложения 1813 г. источником составления первого раздела (Общей части) Свода законов уголовных 1832 г. Аналогично практический характер имела работа П. Гуляева «Российское уголовное право» 1826 г., и др. См.: *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. Т. 1. М., 1994. С. 21-22.

[2] *Hart H.L.A.* Essays on Bentham. Jurisprudence and Political Theory. Oxford, 1982. P. 46.

[3] *Burns J.H.* Happiness and Utility: Jeremy Bentham's Equation // Utilitas. 2005. Vol. 17(1). P. 46-61.

[4] *Bentham J.* Works / Ed. by *J. Bowring*. 11 vols. Edinburgh, 1838–1843; *Stephen L.* The English Utilitarians. London, 1900; Jeremy Bentham and the Law / Ed. by *G.W. Keeton, G. Schwarzenberger*. London, 1948; *Бентам И.* Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начал законоположения и всеобщего начертания полной книги законов и с присовокуплением опыта и влияния времени и места относительно законов. М., 1805; *Бентам И.* Избранные сочинения Иеремии Бентама / Пер. по англ. изд. Боуринга и фр. Дюмона, А.Н. Пыпина и А.Н. Неведомского. Т. 1: Основные начала уголовного кодекса. Санкт-Петербург: Рус. книж. торговля, 1867.

[5] К слову, первый перевод на английский язык книги Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях» 1764 г. появился в Лондоне и Дублине в 1768 г. Английский юрист Делэни в своих «Очерках о преступлениях и наказаниях» 1767 г. критически комментирует «знаменитый памфлет Беккариа», сопровождая это переводом многочисленных фрагментов «бессмертного произведения». См.: *Оксамытный В.В.* Система уголовных наказаний в Англии. Киев, 1977. С. 14.

[6] *Герасимова Д.А.* Уголовно-правовые воззрения Чезаре Беккариа и Иеремиа Бентама // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2012. №4; *Левенсон П.Я.* Беккария и Бентам. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1893.

[7] *Bentham J.* Principes du code pénal / Trad. par Dumont. Paris, 1789; *Bentham J.* Traité des legislation civile et penale. 3 vols, E. Dumont. Paris, 1802. См. перевод: *Бентам И.* Основные начала уголовного кодекса // Избранные сочинения Иеремии Бентама. Том I. СПб., 1867.

своего рода «офертой» всем цивилизованным государствам[1]. Подготовленная им в итоге теоретическая модель Общей части состояла в системном изложении основных принципов и институтов уголовного права. Эта работа Бентама выступила неким «теоретическим мостиком» между трактатом У. Идена «*Principles of penal law*» 1771 г. и проектом УК Дж.Ф. Стифена («*Digest of criminal law*») 1883 г.[2]

Бентам последовательно развивал уголовно-правовые идеи *Уильяма Пейли* (*William Paley,* 1743–1805 гг.), который придерживался утилитаристских позиций и выступал за тюремную реформу[3]. Его влияние особенно заметно в работе Бентама «*Введение в основания нравственности и законодательства*», а именно в главе IX книги VI «О преступлениях и наказаниях»[4].

Дж. Бентам следовал этим и другим философам-правоведам и пеналистам-классикам, так как ему импонировала их сосредоточенность на сугубо догматическом, абстрактно-доктринальном анализе правовых институтов. Такой подход позволил внедрить идею конструирования *Общей части* уголовного права. Для складывания «ассоциации норм» о преступлении в рамках Общей части важное значение имела теории *состава преступления* (лат. *corpus delicti*), которую активно развивали классики-криминологи.

В доктринальном *проекте УК 1789/1802 г.* Бентама особенно заметно влияние такой *идеи классической школы* уголовного права, как необходимая логическая системность изложения материала по *пандектной схеме и* четкое деление кодекса на Общую и Особенную части, включая классическую *схему построения* Общей части, состоявшую из учения об уголовном законе, учения о преступлении и учения о наказании.

В трактате «*Основные начала Уголовного кодекса*» 1802 г.[5] Бентам выделил *четыре крупные структурные части*, придерживаясь пандектной модели позитивистского кодекса:

Часть I «О преступлениях» (Главы I – XIV), которая была посвящена институту преступного деяния, раскрывала понятие и признаки преступления, категоризацию преступлений, обстоятельства, влияющие на степень общественной опасности и средства оправдания; Часть II «Политические средства против зла преступлений» (Главы I – XVIII), которая описывала различные превентивные меры безопасности, карательно-полицейские меры и криминологические вопросы противодействия преступности; Часть III «О наказаниях» (Главы I – V), которая содержала понятие наказания и систему мер уголовной репрессии, институт назначения наказания; Часть IV «О непрямых средствах предупреждения преступлений»

---

[1] См., например: *Бентам И.* Основные начала уголовного кодекса... С. 477.
[2] Вклад Стифена и его доктринальный проект будут рассмотрены нами далее – в § II.3.3. Разработка Уголовного кодекса для Англии и Уэльса 1878 г.
[3] *Paley W.* The Principles of Moral and Political Philosophy, 1785.
[4] *Radzdcwicz L.* A History of English Criminal Law. Vol. I. The movement for Reform. London, 1948. P. 248.
[5] *Бентам И.* Основные начала уголовного кодекса ... С. 473, 493.

(Главы I – XXII), где Бентам призывал к систематизации и опубликованию всего уголовного законодательства, к разъяснению отдельных его положений несведущим лицам, к учету криминологического портрета и психологии преступного поведения[1].

Своим преемникам Бентам завещал последовательную заботу о *систематике права* и его дальнейшей *кодификации*. Он заслуженно претендует на звание интеллектуального отца кодификации (*father of codification*), хотя никогда не принимал практического участия в правовой комиссии / комитете[2]. Бентам увлекался научным исследованием техники и систематики законодательства (*легистики*), подчеркивал значение технической процедуры и регламента и описывал правила законотворческой и систематизационной юртехники.

Бентамовские идеи о наиболее широкой систематизации статутного права и разработке отраслевого *кодекса-реформы* нашли отклик у многих его последователей из *школы аналитического позитивизма* и правоведов *исторической юриспруденции* (Дж. Остин, С. Ромильи, Р. Пиль, Т.Б. Маколей, Гамонд, лорд Бруэм, Дж.Ф. Стифен, Дж. Салмонд, У. Маркби, Т.Э. Холланд, Ш. Амос, Г.С. Мэйн, Мэкинтош, Ф.У. Мейтланд, Ф. Поллок, Д. Ллойд и др.)[3].

Американский правовед *Г. Сэнфорд* показал мощное доктринальное влияние *кодификационных проектов Бентама* на североамериканских законодателей: «Кодифицирующее реформистское рвение Бентама, Ливингстона и Маколея исчерпало себя и было заменено более ограниченными стремлениями переформулирования и консолидации уголовного права. Это, безусловно, историческое явление, что составители Модельного уголовного кодекса смогли возродить давно бездействующую утилитаристскую (Бентамовскую) традицию»[4].

В эпоху формирующейся уголовно-правовой доктрины и расширяющейся казуистики прецедентного права Дж. Бентаму удалось сформулировать *теоретические основы* и схему построения Уголовного кодекса, выделить положения Общей части, продумать логическую систематику Специальной части кодекса, зафиксировать прогрессивные для того времени принципы и юридические конструкции уголовно-правовых институтов. В его доктринальном проекте УК (*Penal code*) было заметно влияние идей *классической школы* уголовного права, логическая системность изложения по *пандектной системе*.

---

[1] *Tulkens F.* Les Principes du Code Penal de Bentham // Actualite de la Pensee Juridique de Jeremy Bentham. Bruxelles, 1987. P. 632.

[2] *Kadish S.* Codifiers of the Criminal Law: Wechsler's Predecessors // Columbia Law Review. 1978. Vol. 78. P. 1098.

[3] *Austin J.* Lectures on Jurisprudence, Being the Sequel to "The Providence of Jurisprudence Determined". London, John Murray, 1863; *Salmond J.* The First Principles of Jurisprudence. London, Stevens and Haynes, 1893; *Sir John Salmond*. Jurisprudence: or the Theory of the Law. London: Stevens & Haynes, 1902; *Markby W.* Elements of Law Considered with reference to the Principles of General Jurisprudence. Oxford, Clarendon Press, 1871; *Erskine Holland*. The Elements of Jurisprudence. Oxford, Clarendon Press, 1880; *Frederick Pollock*. A First Book of Jurisprudence for Students of the Common Law. London, Macmillan and Co, 1896. См. подробнее: *Михайлов А.М., Корженяк А.М., Зройчикова А.П., Костикова А.А.* Ранний юридический позитивизм в Англии, Германии и Испании второй половины XIX – начала XX века: антология. М., 2021.

[4] *Sanford H.K.* The Model Penal Code's Historical Antecedents // Rutgers Law Journal. 1987. Vol. 19. P. 521-538.

§ II.2.4. Основы кодификации в «Философии позитивного права» Дж. Остина

Возникновение *юридического позитивизма*[1] нередко связывают с развитием западноевропейской легистики и кодификации, так как для легистского направления значимость имело только «позитивное право» (“*positive law*”) как действующее право, реально-эмпирически данное (*posited,* или *given its position*) и установленное официальными властями[2].

Как замечает *Р. Давид*, кодексы вопреки вдохновлявшей их естественно-правовой идее «вызвали к жизни юридический позитивизм, усиленный национализмом... Во всех европейских странах, правда в разной степени, право отождествлялось с приказами суверена, но перестало отождествляться со справедливостью. Подобное изменение позиции проявилось, само собой разумеется, в каждой стране лишь после проведения национальной кодификации»[3].

Джон Остин (1790 – 1859 гг.), разрабатывавший «универсальную юриспруденцию» (философию позитивного права), познакомился с Джереми Бентамом в начале 1820-х гг., от которого «Остин унаследовал тройную страсть к законодательству, классификации и *кодификации*»[4].

В лондонском доме супругов Остинов на Куин-сквер нередко собиралась большая интеллектуальная компания, их соседями были *Дж. Бентам* и *Дж.С. Милль*, сложился своего рода эпицентр движения за либеральные реформы и систематизацию права («кружок Бентама»)[5].

После возвращения из научной командировки в Германии, Остин получил практическую возможность применить полученный им опыт, войдя в 1833 г. в состав Комиссии по реформе уголовного права (*Criminal Law Commission*). Она была создана по инициативе лорда-канцлера *Бруэма* и состояла из пяти практикующих юристов (Дж. Остин, Эндрю Амос, Генри Белленден Керр, Томас Старки и Уильям Вайтман). Их целью было сведение в один статут («*to digest into one statute*»), т.е. *консолидация* всех действующих статутов и постановлений по вопросам наказания за преступления и судебного преследования, а также систематизация с возможным изданием *кодифицирующего акта* всех уголовно-правовых норм общего (прецедентного) права.

---

[1] В работах немецкого философа права Йозефа Колера можно найти наиболее раннее упоминание термина *позитивизм* к контексту права – “*legal positivism*”. См.: *Kohler J.* Philosophy of Law / Trans. by *A. Albrecht*. Boston, 1914. P. xliii (Предисловие автора, Берлин, октябрь 1908 г.).

[2] Впервые термин был введен средневековым философом-теологом *Фомой Аквинским*, который предложил «философски рассматривать все право политического сообщества как позитивное право». См.: *Finnis J.* The Truth in Legal Positivism // The Autonomy of Law: Essays on Legal Positivism / Ed. by *R.P. George*. Oxford, 1999. P. 195-214.

[3] *Давид Р.* Основные правовые системы современности. М., 1996.

[4] *Stein P.* Continental Influences on English Legal Thought, 1600–1900 // La Formazione Storica del *Diritto Moderno in Europa, Atti del III Congresso Internazionale della Societa Italiana di Storia del Diritto.* 1977. №3. P. 1105.

[5] *Rumble W.E.* Doing Austin Justice: The Reception of John Austin's Philosophy of Law in Nineteenth Century England. London: A&C Black, 2004. P. 15.

Следующей задачей Комиссией должен был стать отчет о целесообразности объединения консолидированных статутов в один свод уголовного права, в виде отраслевой кодификации («*to combine both these statutes into one Body of the Criminal Law*»), и с одновременной отменой всех других законодательных источников, а также дальнейшее исследование вопроса о возможности и полезности консолидации других отраслей английского статутного права.

Будучи вовлеченным в *практическую деятельность* по систематизации и имея желание связать практическую кодистику с общей теорией юриспруденции, Остин перед самым началом работы в Комиссии по систематизации уголовного права и в год смерти своего наставника Дж. Бентама, опубликовал свою первую научную работу «*Область юриспруденции определена*» 1832 г.[1]

Прослужив в правовой Комиссии три года и приняв участие в составлении двух ее ежегодных отчетов по систематизации (*First Report 1834* о модели уголовно-правовой кодификации и *Second Report 1836* о преступлениях, караемых смертной казнью), Остин остался разочарованным ее медлительностью и бесперспективностью с точки зрения радикальной кодификации, был удручен ограниченностью ее полномочий, явно недостаточных для воздействия на парламент с целью «фундаментальных реформ, которые могли привести к лучшим изменениям» в английском праве[2].

Как отмечает У.Е. Рамбл, наилучшей формой позитивного права Дж. Остин считал *кодексы*, как и его наставник Бентам, за что его также называли «поборником кодификации» (*champion of codification*). Вероятно, уже перед самым уходом из Комиссии он признался своей супруге-компаньону Саре Остин, что если бы ему дали двухгодичное жалование и оставили одного, то он бы заперся у себя на чердаке и «*would produce a complete map of the whole field of Crime, and a draft of a Criminal Code*»[3]. И в том же году супружеской чете предоставилась такая практическая возможность, когда они отправились в командировку одну из британских колоний[4].

Их сопровождал на Мальту бывший ученик Остина, поклонник его теории «общей юриспруденции» сэр *Джордж Корнуолл Льюис*[5], который вместе Джоном и Сарой Остинами

---

[1] Небольшие фрагменты в русском переводе см.: *Остин Дж.* Определение области юриспруденции / Пер. с англ. *В.В. Безбах* // Антология мировой правовой мысли. М., 1999. Т. 3. С. 400-404.
[2] *Rumble W.E.* Doing Austin Justice… P. 19.
[3] Цит. по: *Rumble W.E.* Doing Austin Justice… P. 20.
[4] Сару Остин иногда сравнивали в силу ее причастности к творческому наследию знаменитого супруга-правоведа и участника кодификационного движения в Великобритании с византийской просвещённой правительницей Феодорой, супругой императора Юстиниана. См.: *Hershey S.R.* Notable Women: Sarah Austin – A Modern Theodora // The Century; A Popular Quarterly. 1896. №0051(6). P. 952-954; *Hamburger L., Hamburger J.* Troubled Lives: John and Sarah Austin. University of Toronto Press, 1985.
[5] Lewis, Sir George Cornewall // Encyclopedia Britannica / Ed. by *H. Chisholm*. Cambridge University Press, 1911. Vol. 16. P. 522.

отправился на остров в 1836 г.[1] Они провели там более двух лет, в том числе успели составить юридико-технические отчеты о кодификации и обзорный доклад о политической ситуации на острове[2].

Одной из основных целей обоих уполномоченных Королевской комиссии была разработка нового *Свода законов для Мальты* (*new code of laws*) и привлечение мальтийцев к ответственному управлению островом[3]. Как известно за пять лет до этого, в 1831 г. британский монарх *Вильгельм IV* учредил специальную Комиссию, состоящую из четырех британских и трех мальтийских юристов, для разработки *пяти кодексов* (гражданского, коммерческого, уголовного, гражданско- и уголовно-процессуального); она называлась «*Commission for the formation of new Codes of Law for the Island of Malta*»[4].

Будучи одним из уполномоченных в этой Комиссии, Дж. Остин получил указание контролировать работу по составлению *сводов законов* Мальты на принципах, правилах и по модели наиболее признанных современных кодексов, прежде всего, итальянских и французских[5]. Принимая деятельностное участие, Остин столкнулся со сложностями юридико-технического характера, включая дискуссии о языке изложения и степени заимствования римской и английской уголовно-правовой традиции[6]. Впоследствии перебравшись снова в Германию, Остин был вовлечен в *проект кодификации* права в рамках Таможенного союза немецких земель[7].

Подчеркнем его пристальное внимание к практике законотворчества в обеих правовых Комиссиях, где он принимал участие в разработке «свода позитивного права». В своих поздних лекциях Остин отграничивал от своей «*General jurisprudence*» (философии позитивного права) технические юридические науки и практику законотворчества («*the science of legislation*»). Комментируя предмет позитивной юриспруденции, Остин указывал, что заслуживают внимания «труды римских юристов; решения английских судей нашего времени; и нормы французских и прусских кодификаций»[8].

---

[1] *Hugh W.* Harding. Maltese Legal History Under British Rule: 1801-1836. Valletta: Progress Press, 1980.
[2] *Ganado A.* The Historical Development of the Criminal Code. Part I // The Law Journal. 1949. Vol. II, No. 4. P. 211-231; Part II // 1950. Vol. II. No. 5. P. 258-277.
[3] *Rumble W.E.* The Thought of John Austin: Jurisprudence, Colonial Reform, and the British Constitution. Athlone Press, 1985.
[4] The Role of Judges in Mixed Legal Systems // Journal of Civil Law Studies. 2011. Vol. 4. P. 244-245.
[5] *Ganado A.* The Historical Development of the Criminal Code. Part III // The Law Journal. 1950. Vol. II. No. 6. P. 358.
[6] До приезда Остина в местной администрации уже были попытки кодификации, в частности, под руководством прежнего мальтийского комиссионера (уполномоченного) Министерства колоний и экс-судьи Высокого суда Англии, сэра Джона Ричардсона здесь был разработан, но так и не завершен проект Уголовного кодекса Мальты 1825 г. См. ныне действующий УК Мальты от 10 июня 1854 г.: Malta Penal Code («To amend and consolidate the Penal Laws and the Laws of Criminal Procedure»).
[7] См. его обзорную статью: *Austin J.* List on the Principles of the German Customs-Union // Edinburgh Review. 1842. Vol. 75. P. 515-556.
[8] Цит. по: *Rumble W.E.* Doing Austin Justice… P. 31-32.

В своем более позднем произведении «*Философия позитивного права*», Остин рассматривает *вопрос о кодификации,* возможность разработки наиболее полных кодексов («*complete codes*»), принятия сводов статутного права («*complete bodies of statute law*») и создания всеохватывающей системы статутного права[1].

Сопоставляя преимущества и недостатки судебного права, Остин в то же время сравнивает его со статутным правом, отмечая, что «вся юридическая система или весь *corpus juris* неизбежно представляет собой чудовищный хаос… Статутное право не является целостным само по себе, а образовано или сформировано на основе судебного права и во всем молчаливо отсылает к тем ведущим терминам и принципам, которые разъяснены судебной властью. Отсюда… возникает величайшая *трудность кодификации*. Ибо для того, чтобы исключить судебное право и сделать кодекс завершённым *сводом законов,* судебные термины и принципы не должны приниматься молчаливо, но должны заново быть определены и изложены в самом кодексе». Остин утверждает, что «судебное право является позитивным, действительным правом, и поэтому оно несомненно может быть *кодифицировано*»[2].

При этом Остин различал «простой корпус законов», фрагментированный на основе судебных решений, и т.н. «полный свод» статутного права ("*complete body of statute law*"), который является «систематическим, компактным и поэтому познаваемым (*cognoscible*), говоря на языке г-на Бентама»[3]. Он подчеркивает целесообразность *кодекса* как полного или исключительного свода статутного права, «поскольку чудовищны пороки судебного законодательства». Но при разработке «*позитивного кодекса*» призывает стремится не к самому лучшему из возможных или мыслимых кодексов, а к такому, который будет соответствовать сложившимся обстоятельствам развития данного общества, и никто не должен легкомысленно относиться к процедуре кодификации (*attempt to codify*)[4].

Остин, ссылаясь на *К. фон Савиньи,* утверждает, что «сейчас нужны люди компетентные в трудной задаче успешной кодификации права», и ни один рациональный сторонник кодификации не станет отрицать или сомневаться в огромных трудностях эффективной кодификации и ее целесообразности[5]. Остин довольно детально разбирает *pro et contra* по проблеме *кодификации права*. Один из контраргументов, который он анализирует, это отсутствие необходимой *полноты кодекса* как акта статутного права в странах с прецедентной традицией.

---

[1] *Austin J. Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law*. 2 vols / Ed. and rev. by *R. Campbell*. 5th ed. London: John Murray, 1885. Vol. II. P. 669-704.
[2] *Austin J.* Lectures on Jurisprudence... P. 666.
[3] *Austin J.* Lectures on Jurisprudence... P. 659.
[4] *Austin J. Lectures on Jurisprudence...* P. 660.
[5] *Austin J. Lectures on Jurisprudence...* P. 660.

Также он негативно оценивает позицию редакторов-составителей «*Кодекса Наполеона*» 1804 г., которых называет «почти врагами кодификации, желающими подорвать цель кодекса, который они должны были составить»[1], ссылаясь на позицию французского цивилиста *Порталиса*, по мнению которого кодекс всегда неполный и не способен охватить различные возникающие на практике случаи, поэтому многие вопросы даже после принятия кодекса должны решаться судьями на основе таких исходных начал, как *le bon sens* (фр. здравый смысл) и *l'équité* (лат. *aequitas* – справедливость)[2].

В то же время Остин также считает ошибочным утверждение немецкого правоведа *Г. Гуго* о якобы всеобщей полноте кодекса, который должен предусматривать все возможные конкретные правовые случаи (цитируется его пассаж из работы Савиньи)[3]. Но, по мнению Остина, этого «невозможно добиться ни одним законом (статутным или писаным)»[4].

К сожалению, Остин частично заблуждается, описывая юридическую *природу кодификации* только через ее формальный критерий, как сугубо техническую систематизацию и упорядочивание действующего нормативного материала, и не признавая при этом в кодексе элементов новеллизации и правотворческой составляющей.

Он пишет, что «кодификация не влечет за собой каких-либо нововведений по существу действующего права... Рассматривая кодификацию, я рассматриваю право с его чисто технической стороны или с точки зрения последствий, хороших или плохих, в отношении организации и внешнего выражения»[5]. «Кодификация – это переформулирование действующего в настоящий момент права. Хотя, сам кодекс может быть неполным из-за недосмотра разработчиков»[6].

Остин признает, что «ни один кодекс не может быть полным или совершенным. …Но он должен быть кратким, компактным, систематическим и, следовательно, до конца познаваемым».

Более детально анализируя историю разработки и *технику* текста *ГК Наполеона*, рассеивая все сугубо софистические контраргументы и возражения против французской модели кодификации, Остин указывает на такой «вопиющий недостаток кодекса как полное отсутствие определений технических терминов и объяснений основных принципов и различий, на которых он основан..., в силу чего отдельные положения кодекса становятся дефектными и бессвязными, а его формулировки сомнительными». На практике это безусловно приводило к затруднениям в

---

[1] *Austin J. Lectures on Jurisprudence...* P. 664.
[2] См.: *Portalis*, Conférence, t. 1, p. 29; *Boulay,* Moniteur an X. N. 86, p. 343. Цит. по: *Савиньи Ф.К. фон.* Система современного римского права. Т. I / Пер. с нем. *Г. Жигулина*. М., 2011. С. 164.
[3] *Savigny F.C.* von. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft. Heidelberg: Mohr und Zimmer, 1814. S. 24.
[4] *Austin J. Lectures on Jurisprudence...* P. 665.
[5] *Austin J. Lectures on Jurisprudence...* P. 663.
[6] «For codification is the re-expression of existing law». Цит. по: *Austin J. Lectures on Jurisprudence...* P. 664.

интерпретации положений кодекса судьями и правоприменителями. Остин приводит один из технических приемов для успешной кодификации, описывая метод, примененный составителями *Уголовного кодекса Индии* 1860 г., а именно сочетающий краткое изложение *общих* уголовно-правовых принципов с иллюстрацией их на основе практических примеров из судебной практики и гипотетических фабул дела (в виде *примечаний* к статьям)[1].

Остин призывал к применению системного и формально-логического толкования положений кодекса, ни одно из которых «никогда не может быть полным само по себе: если его не рассматривать в сочетании с другими детальными положениями и ведущими принципами»[2]. В то же время он сам критически оценивал системные свойства и структурный баланс ГК Наполеона в качестве «свода законов, образующего материальное целое», усматривая причину его ложной краткости, которой так восхищались поклонники этой модели кодификации, в слишком «вольной абстракции изложения прежнего законодательства», переходящей порой в техническую инкорпорацию, «простой указатель совокупности законов, существующих сами по себе»[3].

В целом, Остин считал это главным недостатком «*естественно-правовой концепции кодекса*» как у французов в ГК Наполеона, так и у пруссаков в их Ландрехте (*Allgemeines Landrecht*) 1794 г. Эти кодификации, будучи основанные на технически сложной терминологии и конструкциях римского права, к тому же не покрывали собой всего правового пространства, сохраняя юридическое значение прежних субсидиарных и общеимперских источников права. И поэтому составители европейских кодификаций нарушили сразу *три правила римско-византийской кодистики,* которые Остин далее описывал таким образом.

Во-первых, Юстиниан в своей вводной конституции *Tanta* («Об утверждении Дигест») 533 г. запретил судьям и всем подданным после вступления в силу систематизации использовать старое римское право или ссылаться на авторитет старого закона[4]. Остин, упоминая этот юридико-технический *признак всеохватности и полноты* Юстиниановской кодификации, сетует на то, что в вводных законах и титулах к европейским кодификациям допускалось применение иных источников права наряду с самими кодексами.

Во-вторых, Остин ссылается на такой юридико-технический прием, который использовала комиссия Юстиниана при подготовке Дигест, как включение в корпус текста специальных

---

[1] *Campbell R.,* editor // *Austin J.* Lectures on Jurisprudence... P. 666.
[2] *Austin J. Lectures on Jurisprudence...* P. 692.
[3] *Austin J. Lectures on Jurisprudence...* P. 693.
[4] Конституция «*Tanta*»: «19. Преклонитесь перед этими законами и соблюдайте их, оставив в покое все предыдущие. И да не осмелится кто-либо из вас сравнивать их с прежними или искать разноречий между прежними и новыми... И ни в суде, ни в ином споре, где законы необходимы, никто не должен ссылаться или указывать на другие книги, кроме как на составленные и обнародованные нами Институции, Дигесты и Конституции. Нарушитель будет подлежать строжайшей ответственности за подлог вместе с судьей, который допустит рассмотрение дела по старым законам» // Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; Отв. ред. *Л.Л. Кофанов*. Т. I. М., 2008. С. 65.

титулов с глоссарием и т.н. регуляторием («собранием общих правил»). Он имел в виду два важнейших титула в последней *Книге 50* Дигест, т.к. «авторы компиляций Юстиниана, несмотря на их общую некомпетентность, имели некоторое представление о необходимости разъяснения в самом кодексе его основных принципов и дефиниций технических юридических терминов. Составители французского кодекса, кажется, вообще не имели такой идеи»[1].

В-третьих, Остин описывает такой юридико-технический прием, использованный в Дигестах Юстиниана, как перечисление важнейших правовых норм и юридических правил (*regulæ juris*), которые пронизывали бы всё право в его целостной системе. Об этом приеме юртехники кодификации свидетельствует *Титул XVII* Дигест «О различных правилах древнего права».

В целом, для английских правоведов было традиционным обращение к римскому нормотворческому опыту и, в частности, юстиниановским Дигестам[2]. Пользовались популярностью работы *Френсиса Бэкона* в виде его авторских «Дигест законов». Остин приходит к выводу, что даже при *идеальной кодификации* невозможно дать разъяснение в самом кодексе всех основных принципов и провести разграничение правовых категорий, а также сформировать дефиниции технических юридических терминов[3].

Остин выделял такое правило успешной *техники кодификации,* как философско-догматические основы кодификации, научно-доктринальная подготовленность и начитанность кодификаторов. «Если история и философия права не будут хорошо поняты, нельзя будет создать и выстроить хороший *кодекс*: и если эти отрасли знаний не будут изучаться, хороший кодекс, даже если он был принят, будет безвозвратно ухудшаться»[4].

Супруга *Сара Остина* в предисловии к посмертному изданию «Философии позитивного права» написала, что обнаружила в архиве Остина немало его собственных набросков по *кодификации права,* “Эссе по интерпретации” и “Экскурс по аналогии”, а также начатый Остином при жизни авторский «*проект Уголовного кодекса*»[5].

По мнению Остина, *идея о кодексе* как о полном и исключительном своде законов возникла только с середины XVIII века. В частности, он приводит в пример кодификации права в Пруссии 1747 г.[6], Австрии 1753 г.[7], России 1767 г.[8] и Франции 1793 г.[9].

---

[1] *Austin J. Lectures on Jurisprudence...* P. 693-694.

[2] Юридический жанр систематизации в форме *Дигест* получил развитие еще в классическом римском праве. Так, юрист *Публий Ювентий Цельс* (67–130 гг.) был автором теоретического сочинения и практического руководства – «Дигесты», объединивших институты цивильного и преторского права. Известны также «Дигесты» юриста сабинианской школы *Юлиана* в 90 книгах. См.: Дигесты Юстиниана / Пер. с лат.; отв. ред. *Л.Л. Кофанов*. М., 2008. Т. 1. С. 12.

[3] *Austin J. Lectures on Jurisprudence...* P. 694.

[4] *Austin J. Lectures on Jurisprudence...* P. 695.

[5] *Austin J. Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law*… P. 26.

[6] В 1747 г. прусскому правоведу и канцлеру *Самуилу Кокцею* было дано поручение короля *Фридриха II* составить проект Прусского кодекса, в результате чего были подготовлены и представлены королю две части кодификации в

Но сама *концепция кодекса* в виде «систематического и полного корпуса статутного права, призванного заменить все другие законы», является современной ему и стала воплощаться на практике именно в XIX веке[1]. Несовершенство этой концепции и расплывчатые ее формулировки Остин считает, ссылаясь также на *Дж. Бентама*[2], причиной несовершенства всех недавних попыток кодификации, вследствие которой «кодификаторы оставили на судебное усмотрение по сути пустыню, с которой они не знали, как поступить»[3].

Рассматривая вопрос обновления кодексов позитивного права, Остин приводит пример *прусского Ландрехта* 1794 г. и деятельность кодификационной комиссии по его новеллизации, которая подготовила «декларативные законы, издаваемые прусской юридической комиссией». Если судьи, в обязанности которых входит судебное толкование положений Прусского кодекса, расходятся в своем понимании правовых норм и не могут однозначно разъяснить их смысл, то затем решение последнего апелляционного суда передается в Юридическую комиссию по новеллизации Прусского кодекса, так как она уполномочена на изменение законодательства *in futurum*, «декларируя то, что будет считаться законом в будущем»[4].

Обсуждая взгляды Остина на практическую реализацию кодификации в традиции общего права, профессор *Брюс Дональд* отмечает следующее. Остин признавал, что *ни один кодекс* не может быть абсолютно полным и всеохватывающим. Но вместо того, чтобы принять это в

1749 и 1751 гг. (проект «Свода фридриховых уставов»). В то же время был принят «Свод баварских уголовных законов» 1751 г., который стал первым новым кодексом эпохи «Просвещенного абсолютизма» в Германии. См.: *Чухвичев Д.В.* Основные методики кодификации. Германская школа // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 9. С. 158-159.

[7] Остин имеет в виду начало работы в 1753 – 1755 гг. специальной комиссии по составлению Гражданского уложения в Габсбургской империи. В итоге подготовленный в 1767 г. проект «*Codex Theresianus*» был отклонен Правительственным советом, в частности, из-за его излишней романизации и громоздкости (8 томов). Более успешной была уголовно-правовая кодификация в Австрии: сначала приняли Уголовное уложение Марии-Терезии (*Constitutio cruninalis Theresiana*) 1768 г., а затем его сменило «Уголовное уложение Йозефа II» (*Constitutio criminalis Josephiniana*) 1787 г. («Йозефина»). В июне 1811 г. «Всеобщее гражданское уложение Австрии» было подписано императором Францем II и вступило в силу с 1812 г. См.: *Kwiatkowski Ernest*. Die Constitutio criminalis Theresiana: ein Beitrag zur Theresianischen Reichs- und Rechts-Geschichte. Innsbruck, 1904; Всеобщий гражданский кодекс Австрии = Allgemeines Bürgerliches Gesetzbuch / Пер. с нем. С.С. Маслов. М., 2011.

[8] В «Наказе, данном Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» 1767 г. российская императрица Екатерина II изложила развернутую программу кодификации законодательства, руководящие правила и принципы (22 главы и 655 статьи); вопросам уголовной политики и уголовного судопроизводства посвящены главы VIII – X (ст. 80-250). См.: Проект нового Уложения, составленного законодательной комиссией 1754 – 1766 / Текст под ред. *В.Н. Латкина*. СПб., 1893; *Медушевский А.Н.* Наказы в Уложенную комиссию 1767 – 1769 гг. как источник изучения социальных противоречий эпохи // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987.

[9] 24 июня 1793 г. Национальный Конвент поручил своему Комитету гражданского, уголовного и феодального законодательства подготовить единый для страны Кодекс гражданских законов. Первый проект ГК в этом же году представил *Ж.Ж.Р. Камбасерес*. См.: *Какоурова Н.А.* Кодификация гражданского права Франции в XIX веке // Сибирский юридический вестник. 2013. №2. С. 9-14.

[1] *Austin J.* Lectures… P. 635. *См.: Дудырев Ф.Ф.* Формирование юридической техники в процессе кодификации законодательства стран Западной Европы в XVIII – начале XIX вв. // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2014. №2.

[2] *Bentham J.* Principles... P. 328.

[3] *Austin J. Lectures… P. 636-637.*

[4] *Austin J. Lectures… P. 637.*

качестве аргумента против кодификации, философ предложил систему последовательного мониторинга и обновления кодекса[1].

Остин писал по этому поводу, что «должно быть постоянное положение об изменении (кодекса – *E.T.*) по предложениям судей, которые занимаются его применением и которые находятся в наилучшей ситуации для наблюдения за его недостатками. Таким образом, рост судебного права, разъясняющего и дополняющего кодекс, на самом деле не может быть полностью предотвращен, но [*sic*] может быть сохранен в пределах умеренного объема, время от времени будучи *инкорпорирован в сам кодекс*»[2].

Таким образом, целесообразность *кодекса* как полного и исключительного свода статутного права Дж. Остин обосновывал, опираясь на своею теорию правовой системы с ее единой внутренней и внешней структурой. В своей «Философии позитивного права» довольно детально разобрав все *pro et contra* по поводу *кодификации,* Остин все же односторонне оценивал юридическую природу кодификации только через ее формальный критерий как сугубо техническую систематизацию, не признавая при этом в кодексе правотворческой составляющей с элементами новеллизации. Нам удалось выявить в учении Остина несколько кодистических признаков для идеального *позитивистского кодекса*. Он выделяет три правила римско-византийской кодистики, распространяя их на современные попытки кодификации и дополняет их философско-догматическими основами кодификации.

§ II.3. Практика уголовно-правовой кодистики в Великобритании

§ II.3.1. «*Bloody Penal Code*» и попытки консолидации права в XVII – нач. XIX вв.

Серию актов уголовного законодательства, принятых в Англии, Уэльсе и Ирландии между 1688 и 1815 гг. с целью установления смертной казни за широкий круг преступлений, принято именовать “*Bloody Penal Code*” («*Кровавый кодекс*», или же “*capital code*”). Этот термин закрепился за уголовно-правовой системой из-за большого числа преступлений, влекущих за собой в качестве наказания лишение жизни преступника[3]. Как верно заметил, выступая в 1810 г. в Палате представителей сэр *Сэмюэл Ромилли*, ярый противник смертной казни, что «нет другой страны в мире, в которой такое большое разнообразие человеческих действий

[1] *Donald B.* Codification in Common Law Systems // Australian Law Journal. 1973. 47. P. 165.
[2] Austin’s Jurisprudence / Ed. by *Campbell*. 5 ed. 1885. P. 675.
[3] Последние случаи смертной казни в Соединенном Королевстве состоялись в 1964 г. и была отменена в 1969 г. (в Северной Ирландии – в 1973 г.). Хотя формально юридически она оставалась исключительной мерой наказания за ряд составов преступления в уголовно-правовых статутах (в частности, за “высокую измену”). В 2004 г. после ратификации 13-го протокола Европейской конвенции о правах человека в Соединенном Королевстве было запрещено восстановление смертной казни.

наказываются смертью, как в Англии»[1]. Королевство Ирландия разработало аналогичный «*Кровавый кодекс*», хотя он не содержал столь большое число преступлений против личности и собственности, караемых смертной казнью[2].

Собственно название "*Bloody Penal Code*", ставшее впоследствии нарицательным в отношении наиболее репрессивной части английского законодательства и проведенной консолидации статутов в XVII–XVIII вв., появилось в 1819 г., с лёгкой подачи членов *Комитета по уголовно-правовой реформе*. В материалах этого *Комитета Макинтоша* подробно анализировалась и критиковалась «монолитная масса *драконовских* уголовно-правовых мер, нередко случайно принятых в прежнюю, более варварскую эпоху». В число применявшихся жестоких антигуманных мер наказания входили также кастрация (за изнасилование или убийство оленя в королевском лесу), ослепление (за охоту в королевском лесу), обрезание языка (за лжесвидетельство) и др.[3]

Историк-аболиционист *Уильям Уилберфорс* отмечал, что британская нация обременена «*Кровавым кодексом*» (‘*that code of blood’*), под которым подразумевалось множество законов со смертной казнью за «ошеломляюще широкий круг преступлений», вследствие чего уголовное право буквально «дышало духом мстительности» (*vindictive spirit*)[4]. Радикальная газета «*Горгона*» жаловалась на то, что «даже законы о подделках и наш жестокий *Уголовный кодекс* ("*our ferocious criminal code*") обошли молчанием» в парламентских дебатах с участием короля. Большое жюри Миддлсекса в своем обращении в Олд-Бейли выразило «надежду, что вскоре начнется давно назревшая ревизия *Уголовного кодекса* (*revision of the Criminal Code*) и, в особенности, законов об уголовно наказуемой подделке банкнот»[5].

Указанные негативные отзывы о сущности «*Кровавого кодекса*» и его повсеместная критика продержались довольно долго и прочно. Лишь недавно историки поставили под сомнение происхождение «*Кровавого кодекса*» в XVI – XVIII вв., установив, что целый ряд из его положений были продуманным ответом на адекватно воспринимаемую угрозу обществу со стороны возрастающей преступности[6]. Как пишет историк *Дуглас Хэй*, «Англия XVIII века не была страной свободного рынка патронажных и честных отношений, а скорее обществом, охраняемым Кровавым уголовным кодексом (*Bloody penal code*) и оберегаемым правящим

---

[1] *Romilly Samuel*. The speeches of Sir Samuel Romilly in the House of Commons. 2 vol. Vol. I. London: James Ridgway and Sons, 1820. P. 108.

[2] *Doyle D.M., O'Callaghan L.* Capital Punishment in Independent Ireland: A Social, Legal and Political History. Oxford University Press, 2020. P. 11-13; *Garnham N.* Courts, Crime and the Criminal Law in Ireland. 1692 – 1760. Dublin: Irish Academic Press, 1996. P. 25.

[3] *Beattie J.* Policing and Punishment in London 1660–1750; Urban Crimes and the Limits of Terror. Oxford, 2001.

[4] *McGowen R.* Making the ‘Bloody code’? Forgery legislation in eighteenth-century England // Law, Crime and English Society, 1660–1830 / Ed. by *N. Landau*. 2002. P. 144.

[5] *The Gorgon*, 30 January, 1819; *The Philanthropist*, 1819, 7, p. 344. См.: *McGowen R.* From Pillory to Gallows: The Punishment of Forgery in the Age of the Financial Revolution // Past and Present. 1999. Vol. 165. P. 107-141.

[6] *Beattie J.* London crime and the making of the "Bloody code", 1689–1718 // *Davison L. et al*. Stilling the Grumbling Hive. New York, 1992.

классом, который манипулировал кодексом в своих интересах и преподавал народу необходимые уроки справедливости, террора и милосердия»[1].

Начиная с первых *Стюартов* (1625–1660 гг.) свое критическое отношение к хаосу уголовных статутов и прецедентов высказывали разные высокопоставленные политики и авторитетные правоведы[2]. Призывы к правовой реформе в виде консолидации и доктринальной кодификации, а также созданию более гуманного «*statute code*», что было озвучено и самим королем Яковом I. В одной из речей в парламенте он высказался следующим образом:

«В системе *общего права* руководят противоречивые судебные отчеты и различные прецеденты; и это искажение распространятся на статуты и акты парламента, что приводит к различным столкновениям и сковыванию статутов, а некоторые из них написаны таким образом, что их можно толковать в самых противоположных смыслах; и поэтому Я хотел бы, чтобы такие статуты и судебные отчеты, акты парламента и судов общего права были когда-нибудь здраво подвергнуты *ревизии и согласованию* (*reviewed and reconciled*), и чтобы не только все противоречия были вычеркнуты из наших правовых книг, но даже те *уголовные законы*, которые созданы только для временного применения (и при нарушении которых никто не может быть освобожден), и теперь не соответствуют условиям нашего времени, были исключены из числа наших правовых книг…; такая *реформация права*, по моему мнению, могла бы стать достойным делом и вполне заслуживает того, чтобы парламент был специально созван для такой цели»[3]. Король сравнивал состояние уголовного законодательства с «Авгиевыми конюшнями», т.к. оно, будучи лишено собственного *свода законов*, представлялось настолько большим конфузом, что требовалось посвятить его реформе не одну сессию парламента.

Сэр *Эдуард Кок* будучи главным судьей при Стюарте в предисловии к своим «*Судебным отчетам*» сформулировал научные рекомендации по поводу королевского призыва к правовой реформе и оценил перспективы *систематизации уголовного права* в Англии[4]. Такое же предложение о ревизии и консолидации чуть ранее высказывал при королеве *Елизавете* и затем при *Якове Стюарте* их лорд-хранитель печати, сэр *Фрэнсис Бэкон*[5].

Процесс *суботраслевой уголовно-правовой квази-кодификации* при Якове I начался П с издания консолидированного уголовного статута «*Act against Conjuration and Witchcraft*» 1604

---

[1] *Hay D. Property, Authority and the Criminal Law. 1976. P. 62-63.*

[2] *Baker J.H.* The Refinement of English Criminal Jurisprudence 1500–1848 // Crime and Criminal Justice in Europe and Canada / Ed. by *L. Knafla*. Calgary Institute for the Humanities, 1981. P. 17-42.

[3] *Tayler W.* A Statistical and Historical View of the Statute Law of the Realm, and of the Number of Statutes Passed in Each Reign from the Earliest Recorded Period to the Present Time // Journal of the Statistical Society of London. 1854. Vol. 17, No. 2. P. 143-158.

[4] Lord Coke's Remark on this Speech // The Reports of Sir Edward Coke. George Wythe Collection, Wolf Law Library, College of William & Mary, 1738. Vol. 4.

[5] См. об этом подробнее выше: § II.2.1. «Дигесты законов Англии» Ф. Бэкона 1623 г. и вопросы легистики (стр. 201-210 диссертации).

г., включавшего в себя все возможные составы преступлений, связанных с колдовством и ведунством, за которые грозило наказание в виде «испытания боли от смертной казни и потери привилегии духовенства и преимуществ священнослужителей»[1].

Последующий этап суботраслевой кодификации был связан с вопросами военного уголовного права, что было инспирировано мятежом военных после Революции и практикой дезертирства времен *Реставрации Стюартов*. Так, 15 марта 1688 г. королевский шотландский полк (*Royal Regiment of Foot*), в котором большинство личного состава оставалось верным *Якову II Стюарту*, ожидая транспорта во Фландрию, взбунтовался и самовольно отправился в королевство Шотландия, отказавшись подчиняться приказам нового короля *Вильгельма III Оранского*. Так как этот военный мятеж произошел на территории Англии в мирное время, то над военными полка сохраняли свою юрисдикцию суды общего права и справедливости, по соответствующим статутам о смертной казни («*Кровавый кодекс*»)[2]. Однако их полномочия не включали в себя право приводить в исполнение приговоры за мятеж, который признавался преступлением приоритетно по военному уголовному праву, а не по общему деликтному праву. Поэтому не было предпринято никаких юридических действий или вынесено судебных запретов, чтобы остановить бунт полка и наказать военнослужащих[3].

На фоне этого события парламент принял «*Закон о мятеже*» 1688 г. (*Mutiny Act,* 1 Will. & Mar., c. 5)[4], который криминализировал дезертирство, военный мятеж и подстрекательство офицеров и солдат. Эти преступления подлежали разбирательству в военных трибуналах (*court martial*)[5], и были наказуемы смертной казнью. Принятие этого консолидированного акта положило начало *кодификации* военного уголовного права в Великобритании[6]. Спустя пять лет закон был дополнен путем инкорпорации в него нового статута о наказании офицеров и солдат, которые взбунтовались или дезертировали со службы в Королевстве, а также о наказании за осуществление неправомерных сборов или невыплату компенсации за расквартирование солдат на постой (обновленный «*Закон о мятеже*» 1692 г., 4 Will. & Mar., c. 13).

В эпоху *династии Гановеров* (1714–1901 гг.) «санкция виселицы и риторика смертного приговора в *георгианской Англии* были центральным пунктом во всех отношениях власти со своим народом»[7]. Но впоследствии произошёл важный этап рекодификации и дальнейшей гуманизации «*Кровавого кодекса*».

---

[1] An Act against Conjuration, Witchcraft and dealing with evil and wicked Spirits, 1 James 1, c. 12. URL: https://statutes.org.uk/site/the-statutes/seventeenth-century/1604-1-james-1-c-12-an-act-against-witchcraft/
[2] *Stuart-Smith J.* Military Law: Its History, Administration, and Practice // Military Law Review. 1975. Iss. 24. P. 28.
[3] *Fortescue J.* The Empire and The Army. London: Cassell and Company Ltd., 1928. P. 41.
[4] William and Mary, 1688: An Act for punishing Officers or Soldiers who shall Mutiny or Desert Their Majestyes Service. [Chapter V. Rot. Parl. pt. 5. nu. 2 // Statutes of the Realm: Vol. 6, 1685-94 / Ed. by J. Raithby (s.l., 1819). P. 55-56.
[5] Halleck H.W. Military Tribunals and Their Jurisdiction // Military Law Review. 1975. Iss. 14. P. 15.
[6] *Winthrop W.* Military Law and Precedents. Government Printing Office, 1920.
[7] *Gatrell V.A.C.* The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868. Oxford, 1994. P.32.

На *первом этапе* был сделан важный шаг на пути консолидации уголовно-правовых положений об ответственности в виде смертной казни, пополнявших «Кровавый кодекс». Были приняты три консолидированных акта – «Закон о государственной измене» (*Statute of Treason*) 1708 г., «Закон о пиратстве» (*Piracy Act*) и «Закон об уголовной ссылке» (*Transportation Act*) 1717 г. Виселица грозила за целый ряд преступлений, начиная от убийств, грабежа, взлома домов, кражи лошадей, крупного рогатого скота и овец, и вплоть до кражи товаров на сумму более 12 пенсов. Мужчин приговаривали к смерти за изнасилование, содомию и гомосексуализм, а женщин сжигали на костре за убийство мужей (*crime of petit treason*) и вешали за то, что они «ложно выдавали себя за жену моряка с целью получения пенсии». Список преступлений, дополнявших с годами «Кровавый кодекс», постоянно расширялся за счет весьма казуистичных составов, включая, например, сжигание строений, отправка угрожающих писем, разрушение Вестминстерского моста или Фулхэмского моста, и т.п.[1], причём каждый из этих составов имел отдельный статут.

Второй этап систематизации уголовного законодательства связан с принятием консолидированного «*Чёрного акта*» (*Black Act,* или *Criminal Law Act*) 1723 г.[2] Этот акт просуществовал вплоть до отмены в 1823 г., после вступления в силу законопроекта о реформе Р. Пиля[3]. «*Чёрный акт*» получил такое необычное название в связи с практикой бандитских набегов браконьеров на владения лендлордов в Виндзорском лесу, известных как «*банда чёрных*» из-за их привычки чернить лица (самая известная банда *«Waltham Blacks»*)[4]. Более политизированная версия гласит, что группы «чёрных» изначально были контрабандистами-якобитам (*Jacobites*), сторонниками восстановления на престоле дома Стюартов[5]. Данный закон 1723 г. с последующими редакциями постепенно расширял и ужесточал т.н. «Кровавый кодекс» Англии, инкорпорировав в итоге более 200 новых составов и увеличив количество преступлений, наказуемых смертной казнью, до 350 составов, включая переодевание в лесу, браконьерство, рыболовство, ношение оружия в лесу, охоту на зайцев, разрушение прудов с рыбой, уничтожение деревьев, убийство скота в лесах, написание писем с угрозами и др.[6] «Чёрные банды» были настолько безжалостными и устрашающими, что в «*Black Act*» включалось всё больше преступлений, пока он не превратился в «сборник сельских беспорядков» (*compendium of rural disorder*). «Ни один другой закон, принятый в XVIII веке, не

[1] *Radzinowicz L.* A history of English criminal law and its administration from 1750. Vol. 1: List movement for reform. London: Stevens & Sons Ltd., 1948. Appendix 1.
[2] An Act for the more effectual punishing wicked and evil disposed Persons going armed in Disguise and doing Injuries and Violence to the Persons and Properties of His Majesty's Subjects, and for the more speedy bringing the Offenders to Justice, 9 Geo. 1., c. 22.
[3] *Emsley C.* Crime and Society in England: 1750 – 1900. Routledge, 2013. P. 325.
[4] *Rogers P.* The Waltham blacks and the Black Act // The Historical Journal. 1974. Vol. 17(3). P. 465-486; *Thompson E.P.* Whigs and Hunters: The Origin of the Black Act. London: Allen Lane, 1975.
[5] *Monod P.K.* Jacobitism and the English People, 1688–1788. Cambridge University Press, 1993. P. 116.
[6] *Cannon J.A.* Waltham Black Act, 1722. // The Oxford Companion to British History. Oxford University Press, 2009.

мог сравниться с [*Чёрным актом*] по своей строгости, и ни один из них не предусматривал смертную казнь за столь многочисленные случаи»[1]. И преступником по этому закону признавался любой, кто был с зачернённым лицом или иным образом замаскирован, носил маску или иным образом скрывал свое лицо, либо был соучастником постфактум или просто «любым другим лицом» в лесу ("*any other person or persons*")[2]. «*Чёрным актом*» вводилась круговая порука и коллективное наказание для целых деревень и поселений, которым не удавалось найти и привлечь к ответственности предполагаемых преступников из банды[3].

К началу XVIII в. возобладало стремление к ревизии уголовно-правовых статутов, их частичной отмене в процессе гуманизации пенальных предписаний и последующей консолидации. Эти самые первые призывы к упорядочению и консолидации уголовного права, несмотря на растущую ежедневную путаницу статутов и предостережение ученых-антикваров о том, «что, если это сделать, то будет разрушена большую часть важнейшего рационального опыта», были весьма желанным проектом и были реализованы будущим поколением юристов.

Следующим, *третьим этапом* систематизации стало принятие *Закона об убийстве* (*Murder Act*) 1751/1752 г.[4], который ввел в качестве дополнительного к смертной казни наказания посмертное вскрытие осужденных за убийство[5]. Цель заключалась в том, чтобы усилить ужас от такого наказания и публичное устрашение населения[6]. Закон содержал норму о том, что «для лучшего предотвращения ужасного преступления в виде умышленного убийства», к наказанию должен быть «добавлен еще какой-то ужасающий и особый знак позора (*the mark of infamy*)»[7], и «ни при каких обстоятельствах не будет позволено хоронить тело убийцы без предварительного рассечения и анатомированного вскрытия тела» и затем подвешивания трупа в цепях на виселице, по усмотрению судьи на всеобщее обозрение (ст. 5)[8]. Закон также предусмотрел, что лицо, признанное виновным в убийстве, должно быть казнено через два дня после вынесения приговора, и описывал порядок обращения с осужденным смертником в тюрьме, ограничивая возможность апелляций и переговоров с целью добиться более мягкого приговора.

---

[1] *Radzinowicz L.* The Waltham Black Act: A study of the legislative attitude towards crime in the eighteenth century // Cambridge Law Journal. 1945. Vol. 9(1). P. 56-81.
[2] *Radzinowicz L.* Op. cit. P. 57, 60.
[3] Black Act 1723 // Britain in the Hanoverian Age, 1714 – 1837: An Encyclopedia / Ed. by *A.J. Graham Cummings, J. Fruchtman*. 1997. P. 58.
[4] An Act for better preventing the horrid Crime of Murder, 25 Geo. 2, c. 37. Был отменен: Statute Law (Repeals) Act 1973, s. 1(1) & Sch. 1, Pt. V. Текст см.: https://statutes.org.uk/site/the-statutes/eighteenth-century/1751-25-geo2-c37-murder-act. Из-за сложностей введения Григорианского календаря в Великобритании в 1750 г. и началом юридического года, некоторые источники ссылаются на Закон об убийствах 1751 г.
[5] *Radzinowicz L.* A History of English Criminal Law and Its Administration from 1750. Macmillan Co., 1948. P. 801.
[6] *Tarlow S., Battell E.* Harnessing the Power of the Criminal Corpse. Palgrave Macmillan, 2018. P. 90.
[7] *Banner S.* Death Penalty: An American History. Harvard University Press, 2003. P. 77.
[8] *Devereaux S.* The Murder Act: Hanging in Chains, 1660–1834 // Execution, State and Society in England, 1660–1900. Cambridge University Press, 2023. P. 197-243.

Отдельный состав пособничества побегу из тюрьмы был криминализирован как разновидность *фелонии*: «Если какое-либо лицо будет силой освобождено или спасено, или попытаются спасти или освободить любое такое лицо, которое было осуждено или признано виновным в убийстве, или уже идущее на казнь или во время следования на смертную казни», то каждый такой пособник приговаривался также к смертной казни (ст. 9). В случае похищения тела казненного за убийство и приготовленное к хирургическому вскрытию каждый будет признан виновным в фелонии и осужден на уголовную ссылку в заморские колонии (ст. 10).

Несмотря на регрессивный характер *Murder Act* 1751 г., которым вводилось публичное анатомирование умерщвленных убийц, вызывавшее любопытство и сдерживаемый ужас, он в действительности по своим целям и последствиям почти полностью ограничил вскрытие только случаями приговоров за убийство, положив конец беспорядкам во время казней и обеспечив легальное снабжение врачей-анатомов «телами» для хирургических манипуляций[1]. Он закрепил тем самым законную роль медицинских работников в системе уголовного правосудия.

Заключительным, *четвертым этапом* стала частичная ревизия «*Кровавого кодекса*» в правление *Георга III Ганновера* (1760–1820 гг.) в виде принятия серии консолидированных ***Законов об уголовном праве*** (*Criminal Law Act*) с 1772 по 1782 гг. Эти одноимённые законы были посвящены таким вопросам, как более эффективное преследование лиц, не признающих вины в совершении ими фелоний или пиратства; эффективное предотвращение воровства, а также скупки или уничтожения краденого имущества (свинца, железа, меди, латуни, колокольного металла, льняных и хлопчатобумажных изделий и др.); введение наказания за определенные преступления в виде ссылки на каторжные работы в заморские колонии и плантации Его Величества; и др.[2]

В период между 1688 и 1820 гг. количество преступлений, караемых смертной казнью, в Англии и Уэльсе возрастало в геометрической прогрессии с 50 до почти трех сотен. В число составов «*Кровавого кодекса*» включались самые экстравагантные, как например, «нахождение в компании цыган в течение не менее одного месяца», «убедительные доказательства злобы у ребенка в возрасте 7–14 лет», бродяжничество солдат и матросов по суше без пропусков, вырубка хмельных лоз, выдача себя за пенсионеров из Гринвича, уничтожение текстильного оборудования, и даже воровство из кроличьей норы.

По подсчетам польско-британского криминолога *Леона Радзиновича* в его «Истории английского уголовного права», приложение «Статуты, влекущие смертную казнь

---

[1] *Devereaux S.* The Murder Act: Anatomization, 1752–1832 // Execution, State and Society in England, 1660–1900. Studies in Legal History. Cambridge University Press, 2023. P. 141-196.
[2] *Woods G.D.* A History of Criminal Law in New South Wales: The Colonial Period, 1788–1900. Federation Press, 2002. P. 122.

восемнадцатого века» заняло почти полсотни страниц[1]. Точного списка 225 преступлений «*Кровавого кодекса*» он не приводит, хотя утверждает, что почти каждое из них было криминализировано отдельным законом. Л. Радзинович классифицировал такие преступления, выделив более 20 категорий по предмету посягательства и защищаемых интересов: 1) государственная измена (*high treason*), включая преступления против престолонаследия (*protestant succession*) и протестантского истеблишмента; 2) другие преступления против государства; 3) преступления против общественного порядка, включая мятеж и разрушение мостов; 4) преступления против отправления правосудия; 5) преступления против общественного здоровья; 6) преступления против государственных доходов, включая контрабанду; 7) мелкая измена и убийство (*petty treason* и *murder*); 8) нанесение ножевых ранений, нанесение увечий и стрельба по любому человеку; 9) изнасилование, насильственное похищение и другие преступления сексуального характера; 10) простая крупная кража (*grand larceny*) и смежные правонарушения; 11) кража со взломом (*burglary*) и смежные правонарушения; 12) воровство у человека (*larceny from the person*); 13) воровство и растрата (*embezzlement*) со стороны слуг, служащих почты, клерков и других агентов; 14) шантаж и вымогательство (*blackmail*); 15) преступления банкротов; 16) подделка (*forgery*) актов, облигаций, векселей, акций, завещаний, марок, банкнот и др.; 17) ложное выдача себя за другое лицо с целью обмана (*defraud*); 18) уничтожение кораблей с причинением ущерба страховым компаниям; 19) преступления, связанные с чеканкой монет (*coinage offences*); 20) злонамеренное причинение ущерба собственности, включая поджоги; 21) пиратство.

В период консолидации и ревизии «*Кровавого кодекса*» форма законотворчества была хаотичной и крайне непоследовательной по своей *юридической технике*. Между предложением законопроекта и собственно принятием билля обычно проходило время жизни не менее двух поколений. К тому же затраченное парламентом время на рассмотрение любого всеобъемлющего акта постоянно растягивало процесс реформы уголовного материального права, которую так долго ждали даже судебные юристы, несмотря на их профессиональную оппозицию консолидации и кодексам.

Лорд-канцлер *Лафборо* (*Loughborough*) заявлял в 1786 г., что любое предложение об изменении уголовного законодательства должно либо исходить от судей, либо одобряться ими до представления билля в парламент. Уголовно-правовая реформа по рекодификации «*Кровавого кодекса*» и непрерывной консолидации уголовного права должна была ограничить юрисдикцию и дискреционные полномочия судебных органов, широта усмотрения которых всегда была одной из ярких характеристик английского уголовного права.

---

[1] *Radzinowicz L.* A History of English Criminal Law and its Administration. Vol. I: The Movement for Reform. London: Stevens & Sons, 1948. P. 611-659. Appendix I: Capital Statutes of the Eighteenth Century.

Английский государствовед и историк, депутат *Томас Б. Маколей* (*Thomas Babington Macaulay*; 1800–1859), впоследствии разработчик колониального УК Индии 1860 г., так описывал английское уголовное законодательство, требующее немедленного реферирования: «*Уголовный кодекс*, одновременно слишком кровожадный и слишком мягкий, наполовину написанный кровью, как у Драконта в Афинах, а наполовину неопределенный и свободно толкуемый, как обычное право племен дикарей... Проклятие и позор страны уголовный кодекс, который имеет серьезные недостатки как по существу, так и по форме, и многие аспекты парламентской процедуры и той, в соответствии с которой он применяется, в равной степени неудовлетворительны». По его подсчетам вначале XIX в. действовало более 200 уголовных законов в составе «*Кровавого кодекса*», предусматривавших смертную казнь за самые различные преступления, как тяжкие, так и тривиальные, которые варьировались от государственной измены и умышленного убийства до простой мелкой кражи и содомии.

Хотя *Маколей* признавал при этом, что кодекс, регулирующий эти преступления, был в его время уже малоэффективным, но все еще несвоевременно жестоким и каучуковым. Смертные приговоры приводились в исполнение менее одного случая из двадцати. «Вероятность того, что правонарушитель действительно подвергнется суровому наказанию, которым ему грозит закон, невелика, и поэтому его сдерживающий превентивный эффект незначителен. Боле того, вероятность того, что преступник может понести смертную казнь, удерживала многих истцов от начала реального судебного разбирательства, многих свидетелей от дачи показаний, а присяжных от вынесения обвинительного приговора».

Публикация «Отчета об уголовных законах» (*Report on Criminal Laws*) в 1819 г. стала первым «официальным» предложением исключить «кровавые законы» из общеуголовных сводов законов (*the statute books*) Англии. На основе этого отчета *Джеймс Макинтош* (*James Mackintosh*; 1765–1832) представил законопроект о реформе.

Сэр *Макинтош* был шотландским публицистом-историком и адвокатом, служил в Индии главным судьей Бомбея, был членом парламента и правительства Великобритании[1]. Он продолжил дело *Сэмюэля Ромилли* по реформированию уголовного кодекса Англии (*to reform the Criminal code*). Его либерально-вигская позиция не позволила однозначно принять утилитарный подход *Джереми Бентама* и его «План парламентской реформы» 1817 г. Тогда Макинтош решил лоббировать отмену «*Чёрного акта*» 1723 г. как составной части “*Bloody Penal Code*”, и представил в Палату общин законопроект о реформе уголовного законодательства, который однако не нашел поддержки в Палате лордов. В 1823 г. он снова представил в парламент меморандум об отмене серии законов о смертной казни из «*Кровавого кодекса*», а спустя несколько месяцев уже от имени министра внутренних дел *Роберта Пила*

[1] *O'Leary P.* Sir James Mackintosh: The Whig Cicero. Aberdeen: Aberdeen University Press, 1989. P. 3.

внес билль об отмене большей части «*Чёрного акта*», за исключением составов поджога и убийства. Полностью этот акт с огромным перечнем наказываемых смертной казнью составов был аннулирован особым «Законом об отмене уголовных законов» 1827 г. (*Criminal Statutes Repeal Act*, 7 & 8 Geo. 4, c. 27)[1].

Как писал *Ч. Филлипс* в середине XIX в., «каждая страница нашего свода законов (*statute book*) пропахла кровью. Страшно оглядываться назад на кровавый уголовный кодекс… Нас подвергали повешению за всё – за шиллинг, за пять шиллингов, за сорок шиллингов, за пять фунтов, и просто за то, что срубили деревце! Нас вешали за овцу, лошадь, скот, за чеканку монеты, за подделку и даже за колдовство, хоть его и не существовало»[2]. По мнению *В. Гатрелла*, в Англии начала XIX века было повешено больше людей, чем когда-либо с начала современной эпохи; но в британском обществе постепенно менялось отношение к смерти и страданиям преступника, «чувствительности» и «сочувствию», что привело в итоге к длительному отказу от публичного повешения и сокращению сферы «*Кровавого кодекса*», хотя произошло это скорее из-за нового способа исполнения наказания и обеспечения соблюдения законов, растущей брезгливости и страха богатых классов перед толпой на эшафоте[3].

Американский профессор *Макс Радин* напомнил, что всепроникающий свет эпохи Просвещения был прямо направлен на «самый кровавый и самый дикий свод уголовных законов (*bloodiest and most savage penal statute-book*), которым когда-либо обладала любая цивилизованная нация, даже если взять за основу для сравнения полулегендарный Драконовский кодекс. Потребовалось три поколения, чтобы гуманизировать английское уголовное право»[4]. Развивая эту историческую оценку, профессор *Д. Хэй* утверждал, что «*Кровавый кодекс*» сыграл свою решающую идеологическую роль, поддержав режим повышенной защиты частной собственности в условиях отсутствия полицейского надзора в стране, и нередко приговоры на основе данного кодекса подвергались смягчению или отмене по прерогативе милосердия, чем поддерживался дух патернализма и уважения к власти правящей дворянской элиты[5]. По мнению *Джона Пратта*, «*Кровавый кодекс*» Англии не был какой-то допросвещенческой исторической случайностью (*pre-Enlightenment accident*), которую смогли преодолеть последовавшие в постпросвещенческий период режимы рациональности и гуманизма; напротив, этот кодекс был неотъемлемой частью того, что правящий класс

---

[1] *Handler Ph.* Forgery and the End of the ‘Bloody Code’ in Early Nineteenth-Century England // The Historical Journal. 2005. Vol. 48(3). P. 683-702.
[2] *Phillips Ch.* Vacation thoughts on capital punishments. London: W. & F.G. Cash, 1857. P. 3-4.
[3] *Gatrell V.A.C.* The Hanging Tree: Execution and the English People, 1770–1868. Oxford University Press, 1994.
[4] *Radin M.* Book Reviews: A History of English Criminal Law and Its Administration from 1750. The Movement for Reform, 1750–1833. By Leon Radzinowicz. The Macmillan Co. 1948 // Journal of Criminal Law & Criminology. 1949-1950. Vol. 40. P. 494-495.
[5] *Hay D.* Property, authority and the criminal law // *Hay D., Linebaugh P., Rule J.G., Thompson E.P., Winslow C.* Albion’s Fatal tree. London: Verso, 2011. P. 17-63.

осуществлял свою элитарную власть налагать наказания. И то, что он действительно позднее видоизменился, было обусловлено классовым противоборством и сопротивлением беднейших сословий, и потребностью в карательных уголовных стратегиях промышленного капитализма[1].

Проблематикой юридической техники «*Кровавого кодекса*» и систематизации уголовных статутов занимались различные авторы. Отдельное внимание уделялось институциональным аспектам и технике проведения уголовно-правовой реформы, с целью пересмотра и отмены «*Кровавого кодекса*»[2]. Важной частью сравнительных кодистических исследований «*Bloody Code*» выступал мониторинг практики его применения в масштабах страны и в ее регионах и колониях. Профессора *П. Кинг* и *Р. Уорд,* изучая географию его действия, выявили резкие различия правоприменительной практики в столице и на периферии, в английских провинциях и уэльских графствах[3]. Если в столице ежегодно отправлялись на виселицу десятки преступников, то в провинциях это наказание использовалась гораздо реже и экономнее[4].

Однако, реформаторские усилия *Сэмюэля Ромилли* и *Джеймса Макинтоша* по систематизации и гуманизации английского уголовного права были решительно сорваны правительством тори и консервативным большинством британского общества[5]. По их мнению, избирательно применявшийся «*Кровавый кодекс*» мог еще послужить действенным сдерживающим фактором и выглядел более предпочтительным, чем превентивная полицейская активность на местах и широкое применение позорящих или имущественных наказаний.

§ II.3.2. Квази-кодификация уголовного права в 1800 – 1860-е гг.

В отличие от более радикальных реформ следующей *Викторианской эпохи,* правовые изменения вплоть до XVIII в. редко приводили к необратимому прямому демонтажу сложившихся правовых практик и источников уголовного права. Вместо этого институциональные изменения внешне консервировали унаследованный уголовный

---

[1] *Pratt* J. Explaining the History of Punishment // Crime and Empire 1840 – 1940: Criminal justice in local and global context / Ed. by B.S. Godfrey and G. Dunstall. Willan Publishing, Cullompton, England, 2012. P. 30-31.

[2] *McGowen R.* The image of justice and reform of the criminal law in early nineteenth-century England // Buffalo Law Review. 1983. Vol. 32, no. 1. P. 89-124; *Hilton B.* The gallows and Mr. Peel // History and biography: Essays in honour of Derek Reales / Ed. by *T.C.W. Planning, D. Cannadine*. Cambridge, Cambridge University Press. 1996. P. 88-112.

[3] *King P., Ward R.* Rethinking the Bloody Code in eighteenth century Britain: Capital punishment at the centre and on the periphery // Past & Present. 2015. Vol. 228. P. 159-205.

[4] *Richard W.* Ireland, Land of white gloves. A history of crime and punishment in Wales. London: Routledge, 2015; *Riggs P.T.* Prosecutions, juries, judges and punishment in early nineteenth-century Scotland // Journal of Scottish Historical Studies. 2012. Vol. 32, no. 2. P. 166-189.

[5] *Devereaux S.* The “Bloody Code” Debated, 1808–1821 // Execution, State and Society in England, 1660–1900. Studies in Legal History. Cambridge University Press, 2023. P. 244-283.

правопорядок, действуя посредством постепенной корректировки уголовно-правовых конструкций и адаптации институциональных органов уголовного правосудия[1].

Юристы общего права предшествующей эпохи пытались идентифицировать и четко определить *границы уголовного права* как системного и автономного феномена, специфического компонента национального правопорядка, разграничивая при этом правовые категории «публичного» и «частного» деликта и проводя различие между «уголовной» и «гражданской» санкцией. Был сформулирован особый подход к *законодательной систематизации* уголовного права, которая получила название «*консолидация статутов*» и была напрямую связана с программой реформы, инициированной еще *Фрэнсисом Бэконом* и его «Дигестами законов Англии»[2].

Этот чисто английский проект «*консолидации статутов*» был концептуализирован в противовес альтернативной модели «законодательной кодификации» на континенте. Как по политическим причинам, так и в силу сугубо юридико-технических препятствий, идеал «*консолидации статутов*» оставался организующим элементом реформы английского уголовного права на протяжении всего наступающего XIX столетия[3].

Уголовное право Великобритании не было полностью консолидированной системой, основываясь на исторической дихотомии средневековых составов измены и фелонии (*treason and felonies*), крупной и мелкой кражи (*grand and petty larcenies*), преступлений с привилегией духовенства и без таковой (*clergyable and non-clergyable offenses*); деликтов *прамунира* и *недоразумения* (*praemunire and misprision*).

Но дух реформирования и кодификации уголовного права достигает своего апогея лишь в середине следующей эпохи, которую профессор *А. Дайси* назвал *периодом Бентамизма*[4]. Как гласила заметка о кодификации в английской газете «*Таймс*» 1850 г.: «Истинные интересы общественности и юристов идентичны, и чтобы не мешать попыткам провести реформу права успешно, мы должны побудить юристов стать такими реформаторами... В наших умах (по отношению к *Нью-Йоркскому кодексу*)[5] обычно возникают такие чувства, как восхищение и зависть. Однако надежда должна нас поддерживать, ибо то, чего родственный нам народ таким образом счастливо и рано добился, мы, несомненно, также можем достичь: и та степень благородства и просвещенности, которой достигли юристы штата Нью-Йорк, мы надеемся

---

[1] *Beattie J.M.* Crime and the Courts in England 1660 – 1800. Princeton, 1986. P. 619.

[2] *Trikoz E.* The Idea of Codification in the Doctrine of British Juspositivism: F. Bacon // Scientific report at the International Scientific and Practical Conference "Baikal Comparative Readings" (February 14, 2022), Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=4126523.

[3] *Lieberman D.* The Challenge of the Codification in English Legal History / Paper given at the Research Institute of Economy, Trade and Industry (Rieti, July 12, 2009). URL: https://www.rieti.go.jp/en/events/bbl/09061201.html (дата обращения: 25.12.2024).

[4] *Dicey A.V.* Law and Public Opinion in England during the Nineteenth Century. 1963. P. 63-64.

[5] The penal code of the state of New York / Ed. by *Field, David Dudley*, 1805-1894; and Noyes, William Curtis, 1805-1864, and Bradford, Alexander W., 1815-1867. Albany, Weed, Parsons. 1865.

также для профессиональных собратьев в нашей стране будет пределом достижений и желаний»[1].

Постепенно проект уголовно-правовой реформы из доктринального перерос в самостоятельное парламентское движение. С новой силой развернулась *уголовно-правовая квази-кодификация,* оттачивая технику и ускоряя темпы систематизации, двигаясь постепенно к *статутной кодификации*.

Мы предлагаем следующую авторскую хронологию этого процесса, который объединил *четыре содержательных этапа*: I) *ревизия и консолидация* уголовно-правовых статутов; II) серия тематических статутов в контексте *гуманитарного утилитаризма*; III) работа королевской уголовно-правовой комиссии и *проект УК* Англии; IV) принятие «*статутов Гривза*» в виде шести *консолидированных уголовно-правовых актов* 1861 г., которые стали итогом квази-кодификации со специфической юртехникой.

I. На ***первом этапе*** в 1800–1810-е гг. были сделаны важные шаги по *ревизии и консолидации* уголовно-правовых статутов Великобритании под руководством С. Ромилли и Дж. Макинтоша.

Первоначально парламент принял пять ***консолидированных статутов*** – «Закон об умалишенных преступниках» (*Criminal Lunatics Act*) 1800 г., «Закон об уголовном правосудии» (*Criminal Jurisdiction Act*) 1802 г., «Закон о наказании за контрабанду» (*Smuggling Act*) 1805 г., «Закон о преступлениях на море» (*Offences at Sea Act*) 1806 г., «Закон об убийствах, совершенных вне жилища» (*Murders Abroad Act*) 1817 г.

Здесь свою роль сыграл субъективный фактор в виде активной позиции и инициативы тех чиновников и юристов, которые внесли весомый вклад в продвижение статутной реформы и уголовно-правовой систематизации: *С. Ромилли, Дж. Макинтош, Р. Пиль, Г. Брум и Гривз*[2].

Так, *Самуэль Ромилли* (*Samuel Romilly,* 1757–1818) был одним из наиболее эффективных политиков и юристов в деле уголовно-правовой реформы, усилия которого были направлены на либерализацию карательной политики и гуманизацию государственного принуждения. Парламентское движение за реформу уголовного права было инициировано в 1810 г. его попыткой декриминализации составов мелкого воровства, перевода их из фелоний, караемых смертной казнью, в мисдиминоры. Затем после его смерти в 1819 г. по предложению его соратника по партии *Дж. Макинтоша* был учрежден для реализации проектов Ромилли специальный комитет Палаты общин «с целью рассмотреть множество уголовных законов,

[1] The Times. November 30, 1850 (cit. 13 Law Review 213. 218 (1850)).
[2] *Ashworth A.* The Making of English Criminal Law, (4) Blackstone, Foster and East // Criminal Law Review. 1978. P. 389-399.

которые устанавливали смертную казнь за тяжкие преступления, и сообщать о своих наблюдениях и мнениях по поводу их состояния и реформы»[1].

И Ромилли, и Макинтош были учениками философа-правоведа *Дж. Бентама*, чьи идеи и труды пронизывали каждое их предложение по реформе уголовного права в XIX в.[2] В тот самый период, когда 16-летний Дж. Бентам посещал в Оксфорде юридические лекции У. Блэкстоуна и затем начал критиковать его подход к систематизации права[3], молодой *Ромилли,* находясь примерно в этом же возрасте, закончил университет и поступил барристером в коллегию *Gray's Inn*. В 1786 г. он опубликовал свой первый критический очерк по тюрьмоведению «Размышления о реализации правосудия» (*Thoughts o Executive Justice*)[4]. Затем в трактате «Мысли о вероятном влиянии Французской революции на Великобританию» он исследовал процедурную технику в законодательной деятельности парламента[5]. Ромилли поддерживал отношения с «*кружком Бентама*» и кодификационные разработки своего наставника, помогая в издании перевода его авторской кодификации уголовного права[6].

Начиная с 1808 г., С. Ромилли принимал активное участие в разработке *консолидированного уголовного статута* об ограничении составов со смертной казнью, что, по сути, означало «*декодификацию*» (размывание) печально известного «*Кровавого кодекса*». По его утверждению, на тот период времени насчитывалось более 200 таких преступных посягательств, поэтому он заключил, что «право нашей страны, действительно, написано кровью»[7].

В своей брошюре «Замечания по уголовному праву Англии: относительно наказаний смертной казнью и порядка их применения»[8] С. Ромилли возобновил общественную дискуссию о состоянии уголовного права в стране и необходимости его *ревизии и кодификации*[9]. Он, по сути, стал основоположником нескольких уголовно-правовой концепций: теории общих начал назначения наказания, учения о смягчающих и отягчающих обстоятельствах, концепции социальной превенции преступности, лестницы гуманных наказаний. Впоследствии его взгляды

---

[1] *Handler Ph.* James Mackintosh and early nineteenth-century criminal law // The Historical Journal. 2015. Vol. 58, no. 3. P. 757-779.
[2] *Beattie J.* Crime and the Courts in England 1660 – 1800. Oxford, 1986. P. 635.
[3] В 1758–1766 гг. профессор Блэкстоун возглавлял кафедру общего права в «Колледже всех душ» в Оксфордском университете. С 1765 по 1769 гг. он опубликовал свое четырёхтомное сочинение «Комментарии к законам Англии» (*Commentaries on the Laws of England*).
[4] *Тепляшин П.В.* Истоки и развитие английского тюрьмоведения: Монография. Красноярск, 2005.
[5] *Romilly Samuel.* Thoughts on the probable influence of the late revolution in France upon Great Britain. Dublin: Printed by P. Byrne, 1790.
[6] *Bentham J.* Traités de legislation civile et pénale, 3 vols / Transl. by *E. Dumont*. Partis: Boussange, Masson & Besson, 1802.
[7] *Romilly S.* Memories of the Life of Sir Samuel Romilly, written by himself; with a selection from his Correspondence / Ed. by his sons. Vol. I. London: John Murray, Albemarle Street, 1840. P. 278.
[8] *Romilly S.* Observations on the Criminal Law of England: as it relates to capital punishments, and on the mode in which it is administered. London, 1811. 102 p.
[9] *King P.* Crime, Justice and Discretion in England 1740 – 1820. Oxford, 2000. P. 278.

многократно цитировались различными *Комиссиями по реформе права* на протяжении XIX в., котоыре были призваны пересмотреть ту или иную часть уголовного законодательства Англии.

Джеймс Макинтош (*James Mackintosh,* 1765–1832), шотландский юрист и вигский историк, сыграл свою значимую роль на следующем этапе уголовно-правовой консолидации. Вернувшись со службы в Индии и заняв место в парламенте, Макинтош сменил на посту *С. Ромилли* и продолжил его усилия по реформе уголовной политики и созданию уголовного кодекса[1].

В 1819 г. был учрежден особый комитет Палаты общин по уголовным законам, касающимся смертной казни, – ***Комитет Макинтоша*** (*Mackintosh's committee*)[2]. Он проводил официальное крупномасштабное исследование уголовного права и ревизию практики его применения. Подготовленный в итоге доклад с подробными статистическими отчетами о приговорах и смертных казнях по «*Кровавому кодексу*», с хронологическим обзором статутного права послужил образцом для официальных отчетов по уголовному праву XIX века.

Комитет Макинтоша представил конструктивный *план уголовно-правовой реформы*[3], выдвинув новую концепцию уголовной политики и принципы назначения наказаний. Согласно этой модели, наказание должно быть четко определенным, соразмерным тяжести преступления и согласующимся с общественным мнением. Такой образ уголовно-правовой справедливости заменил прежнюю конструкцию института наказания, который требовал сурового и субъективного воздаяния преступнику[4].

Судьи начала XIX века были печально известны тем, что активно защищали «*Кровавый кодекс*» и сопротивлялись попыткам кодифицировать уголовное право, проявляли открыто нежелание разрабатывать и применять общие принципы ответственности за вину и другие доктрины классического уголовного права. В ответ реформаторы обличали таких судей как явных реакционеров, чье инстинктивное сопротивление реформе серьезно препятствует попыткам создать единообразную и кодифицированную, основанную на общих правилах систему уголовного правосудия[5]. По мнению *А. Бриггса*, «настоящий поворотный момент [для реформы] наступил не в 1822 г., когда Р. Пиль возглавил Министерство внутренних дел, а в 1819 г., когда предложение сэра *Джеймса Макинтоша* о назначении Комитета по исследованию уголовных законов было вынесено на рассмотрение парламента»[6].

---

[1] *Finlay Ch.J.* Mackintosh, Sir James, of Kyllachy (1765–1832) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford University Press, 2004.
[2] Report of the Select Committee appointed to consider so much of the Criminal Law as relates to Capital Punishment in Felonies / Parliamentary Papers. 1819. VIII. 1 (SC 1819).
[3] *Radzinowicz L.* A History of English Criminal Law from 1750. 4 vols. London, 1948. Vol. 1. P. 541.
[4] *McGowen R.* The Image of Justice and Reform in early Nineteenth Century England // Buffalo Law Review. 1983. Vol. 32. P. 96.
[5] *Handler Ph.* Judges and the Criminal law in England 1808–1861. London, 2012. P. 138-156.
[6] *Briggs A.* The Age of Improvement 1783 – 1867. 2nd ed. Harlow, 2000. P. 189.

В своих рекомендациях *Комитет Макинтоша* обратился к парламенту со следующими предложениями: 1) *консолидировать* статутное право о преступлениях и начать с законов, которые связаны с подделкой банкнот и подлогом в торговых операциях; 2) *аннулировать* двенадцать явно устаревших уголовно-правовых статутов и внести поправки в пятнадцать других законов; 3) *пересмотреть* и довести до завершения предложенную С. Ромилли уголовно-правовую ревизию, начатую с отмены устаревших составов имущественных преступлений, влекущих смертную казнь; 4) *депенализировать* и отменить смертную казнь за все преступления, связанные с подделкой, подлогом и фальшивомонетничеством (*crime of forgery*)[1]. Почти треть повешенных в Лондоне за период 1800–1818 гг. преследовались именно как фальшивомонетчики[2].

Хотя рекомендации *Комитета Макинтоша* встретили решительную оппозицию и были сначала отвергнуты парламентом, почти все они были постепенно реализованы до конца 1830-х гг. Доклад Комитета был назван «документом непреходящей ценности» и ярким «пропагандистским произведением»[3]. В приложении к нему был помещен *Билль об уголовно-правовой ревизии*, который затем в 1821 г. прошел три публичных чтения в Палате общин. *Дж. Макинтош* внес резолюцию, обязывающую депутатов рассмотреть в начале парламентской сессии «способы повышения эффективности уголовных законов путем их пересмотра и снижения чрезмерной строгости»[4].

II. На ***втором этапе*** в 1820–1830-е гг. были проведены дальнейшие мероприятия по *консолидации* уголовного права Англии во главе с *Р. Пилем*.

Роберт Пиль (*Robert Peel*, 1788–1850), дважды премьер-министр и министр внутренних дел (глава *Home Office*), активно содействовал уголовно-правовой, полицейской и тюремной реформам. В 1823 г. Пиль дал поручение провести обширный пересмотр уголовного статутного права и тюремного законодательства с целью его *конструктивной ревизии,* выявления устаревших положений и недействующих статутов с последующей их отменой[5]. Второй задачей этой реформы была объявлена подготовка к *кодификации уголовного права* Англии и Уэльса путем принятия серии тематических консолидированных актов и сведения их в один «корпус текста»[6].

---

[1] *Bailey V.* Nineteenth Century Crime and Punishment. Vol. II: Justice, Mercy, Death. 2021.
[2] *Handler P.* Forgery and Criminal Law Reform in England, 1818–1830: Unpublished PhD Thesis, University of Cambridge, 2002.
[3] *McGowen R.* The Image of Justice and Reform in early Nineteenth Century England // Buffalo Law Review. 1983. Vol. 32. P. 112.
[4] The Parliamentary Debates. London, 1822. Volume 7, Issue 2. P. 790.
[5] *Gash N.* Mr. Secretary Peel: The Life of Sir Robert Peel to 1830. New York: Longmans, 1961. Vol. 1. P. 477-488.
[6] *Radzinowicz.* A History of English Criminal Law and Its Administration from 1750. London, 1948. Vol. 1. The Movement for Reform. P. 806.

По сравнению с прежней репрессивной политикой в государстве возобладала новая сбалансированная политика противодействия преступности на основе доктрины *гуманитарного утилитаризма*. В соответствии с этим строгое следование «*Кровавому кодексу*» и максимально возможная суровость обращения с преступниками уступили место политике исправления и ресоциализации лиц[1].

В итоге были разработаны шесть *консолидированных статутов*: Закон о смертном приговоре 1823 г. (*The Judgment of Death Act*, 4 Geo. 4. c. 48), Закон о тюрьмах 1823 г. (*The Gaol Act*, 4 Geo. 4. c. 64), и еще четыре других статута, систематизировавших около полутора сотен преступлений со смертной казнью. Как следствие, радикально сократилось число смертных преступлений: с 200 в 1826 г. до всего лишь 4 составов в 1861 г., а также была отменена публичная порка женщин, позорный столб, высылка в колонии за простую кражу, и большинство телесных наказаний[2]. Обновленный в результате ревизии уголовный закон требовал, чтобы судьи открыто фиксировали в протоколах основания смертного приговора и помилования, заменяли на тюремное заключение[3].

Следующим шагом реформы стал проект Р. Пиля по консолидации отдельных групп преступлений, объединенных в *тематические статуты* с инкорпорацией норм общего права по этим уголовным составам. В конце 1820-х гг. под влиянием работ Дж. Бентама и его кодификационного проекта была выбрана модель *отраслевой консолидации* материального уголовного права. В своей статье в "*Quarterly Review*" Р. Пиль ратовал за поэтапные изменения уголовного права с его устаревшими статутами, лишенными последовательности и соразмерности регулирования, когда судье общего права приходится подменять собой законодателя во избежание грубой несправедливости и принимать решение в явном противоречии со статутным правом.

Яркую оценку уголовного права Англии первой трети XIX в. с позиций континентального юриста дал профессор *К.С. Цахарие*[4]. «Английское уголовное право улучшилось с принятием известных парламентских актов, которые обычно называются *Peel's six Acts*, актов хотя и не новых, но преимущественно улучшенной формы. Посредством этих законов (как *нового Уголовного кодекса*) большое количество устаревших актов парламента утратило силу; действующее уголовное право, которое до этого момента должно было изучаться по огромному

---

[1] *Кенни К.* Основы уголовного права / Пер. с англ. С. 570.

[2] *Abel-Smith B., Stevens R.* Lawyers and the Courts: A Sociological Study of the English Legal System, 1750 – 1965. Cambridge, Massachusetts, 1967. P. 29-30.

[3] Act for enabling Courts to abstain from pronouncing Sentence of Death in certain Capital Felonies. 04 July 1823. URL: http://statutes.org.uk/site/the-statutes/nineteenth-century/1823-4-george-4-c-48-judgement-of-death-act/

[4] *Карл Соломон Цахарие фон Лингенталь* (1769–1843) – немецкий правовед из Гейдельбергского университета, автор сочинений по законоискусству (трактат «Наука законодательства» 1806 г.) и технике толкования права («Попытка общей герменевтики права», 1805 г.). Будучи членом Законодательной комиссии Бадена, он участвовал в создании Баденской конституции и разрабатывал *Уголовный кодекс Бадена*.

количеству книг и актов парламента, было обобщено и консолидировано; то, что срочно требовало улучшений в уголовном законодательстве, было изменено»[1].

По итогу реформы были изложены в новой редакции уголовно-правовые акты о посягательствах на личность, о краже и о повреждении вещей. Постепенно в период 1827–1830 гг. были подвергнуты ревизии и объединены 316 актов парламента, вместо которых появились 4 новых консолидированных статута.

Так, *Закон о воровстве* 1827 г. (*Larceny Act*, 7 и 8 Geo. 4, c. 29), объединил и упорядочил содержание 92 прежних статутов об этом виде преступления. *Закон о злонамеренном нанесении ущерба имуществу* 1827 г. (*Malicious Damage Act*, 7 и 8 Geo. 4, c. 30) консолидировал и пересмотрел формулировки 48 законов. *Закон о преступлениях против личности* 1828 г. (*Offences against the Person Act*, 9 Geo. 4, c. 31) охватил и систематически переработал 56 статутов о посягательствах наличность, жизнь и здоровье человека. *Закон о подлоге* 1830 г. (*Forgery Act*, 11 Geo. 4 & 1 Will. 4, c. 66) собрал под один заголовок около 120 разрозненных статутов по этому составу преступления. Таким образом, *консолидированные статуты Р. Пиля* полностью отменили устаревшие нормы, заполнили пробелы в законах и внесли другие поправки, но так и не вобрали в себя соответствующие нормы общего права и необходимые новеллы.

Так, *Закон о подделке документов* не включал определения подлога (вплоть до 1913 г.). *Закон о преступлениях против личности* не был дополнен дефинициями разных видов убийств (умышленного убийства, непредумышленного убийства, нападения и изнасилования)[2]. В *Законе о воровстве* не содержалось ряда важных дефиниций, таких как определение воровства и форм вины. Сначала были отменены лишь два состава воровства, влекущих смертную казнь (*capital offenses of theft*), затем еще четыре вида хищения были объединены, а два оставшихся – воровство в будках и воровство в церквях были исключены лишь в самом конце. Кроме того, Законом 1827 г. было отменено разграничение крупного и мелкого воровства (*larceny*), а также средневековое правило о ссылке на *привилегию духовенства* (*benefit of clergy*)[3] для условного освобождения от ответственности.

И ходя *ревизия статутного уголовного права,* проведенная под руководством Р. Пиля, заметно улучшила саму форму законодательства, но не привела к снижению строгости и произвола в сфере уголовного права. Вопреки желанию банковского и коммерческого сообщества, Р. Пиль до 1830 года включительно выступал за сохранение смертного приговора

---

[1] *Цахарие К.С.* О цели журнала [«Критического журнала зарубежной юридической науки и законодательства»]. Вместо предисловия / Пер. с нем. *В.В. Эмих* // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2016. №3 (19). С. 250-251.
[2] Criminal Law Reform: England Legislation, 1823–1849. URL: https://law.jrank.org/pages/866/Criminal-Law-Reform-England-Legislation-1823-1849.html (дата обращения: 25.12.2024).
[3] *Трикоз Е.Н., Швец А.А.* Роль фикций и презумпций как юридико-технических средств развития системы "общего права" (на материалах средневековой Англии) // Общество и право. 2021. №1 (75).

за подделку документов и др. Однако, уже в 1832 г. глава Торгового совета *Джордж Иден* выступил с инициативой и пролоббировал «Закон о преступлениях, связанных с чеканкой монет» (*Coinage Offences Act*, 2 & 3 Will. 4, c. 34) 1832 г., который *консолидировал* в один статут все накопившиеся нормы и акты об этой категории преступлений, и отменил смертную казнь за любое деяние, связанное с фальшивомонетничеством. Сам Р. Пиль и поддерживавшие его судьи высказывали критику на этом этапе консолидации. Но затем в течение двух лет был сделан еще один важный шаг – отменено наказание в виде смертной казни за несколько форм кражи, взлом жилища, подделку документов и грабеж, которое было заменено на уголовную ссылку в колонии или пожизненное заключение.

Джон Рассел (*John Russell*; 1792–1878), ученик С. Ромилли и член *Комитета Макинтоша*, сменивший Р. Пиля на посту министра внутренних дел, в 1835 г. провел через парламент десять уголовно-правовых законопроектов, семь из которых непосредственно касались отмены смертной казни. В 1837 г. Рассел также внес в Палату общин новый билль об отмене смертной казни за все преступления, «кроме фактически совершенного умышленного убийства» (“*actual murder*”). В результате этой реформы число преступлений, караемых смертной казнью, сократилось с 37 до 16 составов насильственных посягательств на личность.

III. На ***третьем этапе*** в 1830–1850-е гг. продолжилась институционализация уголовно-правовой реформы и учреждение специальных органов – *королевских Комиссий* по подготовке биллей по уголовному праву.

Кодификационные *проекты Дж. Бентама*, законодательные усилия по ревизии *С. Ромилли* и билли по консолидации *Р. Пиля* привели к постановке вопроса о создании особой Комиссии для подготовки объединения в одном *Уголовном кодексе* статутных и прецедентных преступлений[1]. В состав этой Комиссии вошло много идейных последователей Дж. Бентама – судья Вайтман, Генри Белленден Кер, Томас Старки, Эндрю Амос и *Джон Остин*.

Первой попыткой создания такого органа была *Комиссия по уголовному праву* в 1833 – 1849 гг.[2] Она была учреждена по распоряжению лорд-канцлера *Бруэма*, но подготовленные ею законопроекты не вызвали в парламенте особого энтузиазма[3].

Генри Бруэм (*Henry Peter Brougham*; 1778–1868), занимавший пост лорд-канцлера в правительстве Эрла Грея, бывший другом и последователем учения *Бентама* о кодификации,

---

[1] *Lobban M.* How Benthamic Was the Criminal Law Commission? // Law and History Review. 2000. 18(2). P. 427-435.

[2] *Cross R.* The Reports of the Criminal Law Commissioners (1833–1849) and the Abortive Bills of 1853 // Reshaping the Criminal Law / Ed. by *Glazebrook*. London, 1978. P. 5.

[3] *Bowers F.* Victorian Reforms in Legislative Drafting // The Legal History Review. 1980. 48. P. 329-330; *Manchester A.H.* Simplifying the Sources of the Law. I. Lord Cranworth’s Attempt to consolidate the Statute Law of England and Wales; II. James Fitzjames Stephen and the codification of the criminal law of England and Wales // Anglo-American Law Review 1973. 2. P. 395, 527.

инициировал важный этап этой реформы. Он распорядился подготовить билль, который стал первым из трех проектов по кодификации уголовного права (*codification of English criminal law*).

По распоряжению Бруэма в 1833 г. была назначена *Королевская комиссия по реформе уголовного права* из 5 практикующих юристов, с целью «создать *Дигесты* и свести в один статут все законодательные нормы, касающиеся преступлений, их судебного рассмотрения и назначения наказания, а затем объединить в другой единый статут все положения *общего права*, касающиеся тех же вопросов; а также исследовать и подготовить отчет, насколько может быть целесообразно объединить оба этих статута в один свод уголовного права (*one body of the Criminal Law*), отменяющий все другие статутные положения; или же пояснить, насколько может быть целесообразным принять в качестве закона хотя бы первый из вышеупомянутых крупных статутов»[1].

В *Первом отчете* Комиссии уполномоченных Его Величества по уголовному праву от 24 июня 1834 г. рассматривалась необходимость *кодификации* как таковой и анализировался наилучший способ ее достижения в условиях Англии[2]. К нему прилагался проект *Дигест по уголовному праву* о хищении с комментариями. При составлении отчетов по уголовному праву было трудно отойти от французской модели *Наполеоновской* кодификации, французского УК 1810 г. (стр. 49-51 отчета) и американского «*Кодекса Луизианы*» (стр. 43–49 отчета)[3]. Как уточняет *Энтони Хаммонд*, «этот отчет об Уголовном кодексе содержал Дигесты судебных решений, консолидацию постановлений парламента, выдержки авторов доктринальных трактатов и фрагменты законов Шотландии и Франции»[4].

После этого члены Комиссии получили более расширенные полномочия, включая право давать *рекомендации* по проведению реформы и изменению уголовного законодательства, «какие частичные изменения являются необходимыми или целесообразными для более уточненного и полного определения преступлений и наказаний, а также для более эффективного отправления уголовного правосудия»[5].

В последующие годы Комиссия подготовила отчеты с законопроектами об убийстве (*homicide*), преступлениях против личности, кражах, мошенничестве и преступном ущербе (*Четвертый отчет* 1839 г.); биллями о кражах со взломом (*burglary*), о преступлениях против исполнительной власти и отправления правосудия, о подлогах и о преступлениях против

---

[1] Criminal Law Reform: England. The Criminal Law Commissioners, 1833–1849. URL: https://law.jrank.org/pages/867/Criminal-Law-Reform-England-criminal-law-commissioners-1833-1849.html#ixzz7KmQaSyj0 (дата обращения: 25.12.2024).

[2] First Report from his Majesty's Commissioners on the Criminal Law (24th June 1834). London, 1834 // Reports from Commissioners. Session 4 February – 15 August 1834. Vol. XXVI (1834). P. 117-177.

[3] The First Report from his Majesty's Commissioners on the Criminal Law, 24th June 1834 (Ordered, by The House of Commons, to be Printed, 30 July 1834).

[4] *Hammond A.* A Letter to the Members of the Different Circuits. London, 1826. P. III.

[5] Criminal Law Reform: England. The Criminal Law Commissioners, 1833–1849. Op. cit.

общественного спокойствия (*Пятый отчет* 1840 г.); о преступлениях против государства и религии, о клевете и о незаконной чеканке монет (*Шестой отчет* 1843 г.)[1].

Наконец, *Седьмой отчет* 1844 г. содержал проект ***Кодекса материального уголовного права*** (*Code of the criminal law*), с полной ревизией дигест законов, собранных в предыдущих отчетах Комиссии. Последовав примеру *американского УК Ливингстона*, составители закрепили классификацию преступлений по степени их тяжести и видам наказаний. Разрабатывая Общую часть *проекта УК 1844 г.,* они подчеркивали, что если система наказаний не будет применяться единообразно, а хаотично без соблюдения общих критериев и принципов назначения, то она потеряет сдерживающий превентивный эффект. В этом же *Отчете* было указано 45 видов наказаний (*classes of punishment*), вместо прежних почти полутора сотен. *Восьмой отчет* Комиссии 1845 г. содержал проект Уголовно-процессуального кодекса (*draft Code of criminal procedure*), объединивший в законодательной форме нормы как общего, так и статутного уголовного права.

Подготовленные в течение этих десяти лет тематические отчеты были слишком обзорные и достаточно консервативные по своей сути, хотя и были «направлены на составление Дигестов уголовного права, не имеющих обязательного характера»[2].

Проект ***Кодекса материального уголовного права*** (*draft Code of substantive criminal law*) был внесен *лордом Бруэмом* как отдельный билль в Палату лордов в 1844 г.[3] Через год другой лорд-канцлер *Джон С. Копли*, барон Линдхерст (*John Singleton Copley, baron Lyndhurst,* 1772–1863) назначил новую королевскую Комиссию для пересмотра и ревизии этого УК. Она подготовила пять отчетов за период с 1845 по 1849 гг., где было рекомендовано продвигать дальше уголовно-правовую *реформу по кодификации* и ускорить статутную ревизию, но без радикальных изменений, на основе проекта Кодекса предыдущей редакции.

Пересмотренный *Кодекс материального права* (*Revised Criminal code*) 1848 г., ставший приложением к отчету этой Комиссии, был внесен в Палату общин, а после передан на рассмотрение специального Комитета парламента. В его докладе было предложено депутатам голосовать за *проект УК* по двум частям.

В итоге *первая часть проекта УК* была внесена на первое чтение под названием «Билль об уголовно-правовых изменениях» (*The Criminal Law Amendment (No. 1) Bill*). Она систематизировала нормы целого ряда институтов ***Общей части***, таких как общие принципы уголовной ответственности, основания защиты (исключающие обстоятельства), и др., а также

---

[1] *The Criminal Code. Coining*. London, Printers to the King's Most Excellent Majesty, 1825.

[2] *Brunon-Ernst A.* Bentham, Common Law and Codification / Lecture in the Common Law Seminar at Panthéon-Assas University. Paris, 2014. P. 13.

[3] *Есаков Г.А.* Кодификация уголовного права Англии: К 160-летию первого проекта Уголовного кодекса // Уголовное право. 2004. С. 495-502.

частично отражала институты *Особенной части* кодекса, а именно описывала составы убийства и иных преступлений против личности.

Позднее была внесена *вторая часть проекта УК* в виде другого билля (*The Criminal Law Amendment (No. 2) Bill*), который касался таких вопросов ***Особенной части***, как наказания за воровство и другие преступления имущественного характера (*indictable offences*)[1].

Лорд-канцлер *Крэнворт* разослал оба законопроекты судьям, ожидая их комментариев по поводу необходимости и полезности для системы уголовного правосудия упорядочения всего уголовного права – статутного и общего права в одном статуте (*the policy of bringing*), а именно путем кодификации, а не простой консолидации[2]. Поступившие ответы судей показали, что они готовы признать преимущества дальнейшей уголовно-правовой консолидации, но единогласно против приведения общего прецедентного права к статутной форме[3].

Судебная враждебность к проектируемому УК была почти единодушной. Они возражали на том основании, что кодекс заменит собой неписаные доктрины общего права писаными, фиксированными и неподвижными правилами[4]. Как выразился один из них, «нецелесообразно терять преимущества и возможности применения принципов общего права к новым преступлениям и стечениям обстоятельств, возникающим время от времени»[5]. По мнению *барона Парка* (*Baron Parke*), «нормы общего права ясны и понятны, понимаются легко и обладают неисчислимыми преимуществами, состоящими в способности применять их ко всё новым сочетаниям обстоятельств, постоянно возникающим и меняющимся»; прежде чем заявлять о том, чтобы «свести неписаное общее право к статуту, придется отказаться от одного из величайших благ, которыми мы на протяжении веков наслаждались в правилах, допускающих гибкое применение»[6].

Наконец, в 1853 г. билль с *проектом УК* был рассмотрен Палатой лордов во втором чтении и отклонён. После этого королевский адвокат *Чарльз Спренгел Гривз* (*Ch.S. Greaves, Q.C.*; 1802–1881), известный уже как составитель *Закона об уголовном судопроизводстве* 1851 г.[7], был назначен драфтсменом и получил задание ограничиться разработкой *консолидирующих статутов*, с целью заменить прежние уголовно-правовые статуты *Р. Пиля* 1830-х гг. Такая *реконсолидация* нужна была и потому, что смертная казнь к тому времени была отменена за

---

[1] Report of the Royal Commission appointed to consider the Law Relating to Indictable Offences 1879 (C-2345] // Edinburgh Review. 1854. Vol. 99. P. 573.

[2] Criminal Law Reform: England. The Criminal Law Commissioners, 1833–1849. URL: https://law.jrank.org/pages/867/Criminal-Law-Reform-England-criminal-law-commissioners-1833-1849.html#ixzz7KmQaSyj0

[3] *Manchester*. Simplifying the Sources of the Law. I. Lord Cranworth's Attempt to Consolidate the Statute Law of England 1853 – 1859 // Anglo-American Law Review. 1973. Vol. 2. P. 395.

[4] *Holdsworth W.* History of English Law. London, 1965. Vol. 15. P. 153-154.

[5] Criminal Law Reform: England. The Criminal Law Commissioners, 1833–1849. Op. cit.

[6] Criminal Law Reform: England. The Criminal Law Commissioners, 1833–1849. Op. cit.

[7] The Act for Further Improving the Administration of Criminal Justice (14 & 16 Vict. c. 100).

многие преступления, и сокращены основания для уголовной ссылки (*Penal Servitude Act,* 1857, 20 & 21 Vict., c. 3).

Когда в 1854 г. проект уголовно-правовой кодификации окончательно застрял в парламенте, *Эндрю Эймос* (*Andrew Amos*), один из самых активных членов Комиссии по уголовному праву, выдвинул идею о т.н. «***кодифобии***» (“*Codiphobia*”), которая якобы заразила как английское правительство, так и юристов общего права, которые подорвали все доктринальные усилия по кодификации[1].

IV. На ***четвертом этапе*** в 1860–1870-е гг. были проведены важные *консолидационные мероприятия* по упорядочению уголовного статутного и прецедентного права, и были приняты «*Статуты Гривза*» (***Greaves's Acts***).

Ричард Уэстбери (*Richard Bethell, baron Westbury,* 1800–1873), лорд-канцлер Великобритании и доктор цивильного права[2], сыграл важную роль в одной из важных правовых реформ, а именно в принятии «Закона о дальнейшем пересмотре Свода законов» (*Act for the further revision of the Statute-book*) 1863 г., направленного на ревизию и отмену устаревших и неработающих законов.

Выступая в парламенте с этим биллем, *Уэстбери* заявлял, что конечной целью реформы должна быть *кодификация всего английского права*. Однако текущее состояние права страны не готово к этому процессу, так как «существует абсурдное разделение между сферами общего права и справедливости, а также не достает должной точности формулировок, полного и устоявшегося юридического словаря, а также точности в построении и составлении законодательных актов»[3].

Другой инициативой канцлера *Уэстбери* стало создание *Дигест прецедентного права* по уголовным делам, которые планировалось составить спустя три года, распределив судебные решения под такими же тематическими заголовками, которые предлагалось использовать в *Своде статутного права*. «*Дигесты* статутного и прецедентного права не рассматриваются мной как финальная работа, — пояснял сам *Уэстбери*. — Это всего лишь материалы, необходимые для формирования будущего *Кодекса*». Канцлер планировал поручить ревизию судебных отчетов шести королевским адвокатам и суперинтендантам, в обязанности которых входило исключение каждого кейса, который не касался, не иллюстрировал или не уточнял применение какой-либо части или нормы действующего статутного или общего права. В

---

[1] *Amos A.* Ruins of Time: Exemplified in Sir Mathew Hale's History of the Pleas of the Crown. Deighton, Bell and Co, 1856. P. xvi, xix. Цит по: *Lieberman D.* The Challenge of the Codification in English Legal History / Paper given at the Research Institute of Economy, Trade and Industry, Rieti, July 12, 2009.

[2] *Keeton G.W.* Lord Westbury and Law Reform // Current Legal Problems. 1966. Vol. 19(1). P. 13-25.

[3] *Nash Th.A.* The life of Richard Lord Westbury with selections from his correspondence. London, 1888. P. 62.

оставшихся судебных прецедентах разрешалось сокращать, которые больше не являются необходимыми или полезными в практике[1].

После такой ревизии и редакционной обработки *прецедентное уголовное право* надлежало распределить предметно по главам, и, таким образом, составить *Дигесты кейсов*, которые объединяют, иллюстрируют и показывают применение действующего права. При этом лорд *Уэстбери* не предлагал аннулировать или запретить цитирование отклоненных в процессе систематизации судебных решений. Это входило в обязанности самих судей, хотя им бы не рекомендовалось применять приоритетно кейсы, не обнаруженные в *Дигестах*[2].

В 1860 г. *Уэстбери* объявил о плане упорядочения и упрощения английского статутного права. По его *схеме систематизации права* должны были быть назначены три комиссара: один по уголовному праву и два по гражданскому законодательству. Он четко сформулировал задачи *ревизии статутного права* и выделил принципы, на которых должен осуществляться этот пересмотр с последующей консолидацией. Выступая в Парламенте с биллем о ревизии законодательства (*Statute Law Revision Bill*) 1863 г., Уэстбери отметил, что «Свод законов Англии (*Statute Book*) должен быть подвергнут *ревизии* с целью изъятия из него тех постановлений, которые больше не имеют силы, а также систематизация статутов и их тематическая классификация под соответствующими заголовками, дабы свести воедино разрозненные статуты и ордонансы, устранив диссонирующие и противоречивые положения. И тем самым получить гармоничное целое кодекса, вместо хаоса непоследовательных и противоречивых постановлений»[3].

Далее, по замыслу лорда Уэстбери, *ревизия статутного права* должна быть направлена на достижение четырех основных задач: (i) обновление (*renovation*), которое достигается путем «отсеивания» устаревших законодательных актов; (ii) порядок и симметрия (*order and symmetry*), которые могут быть введены путем упорядочения и классификации реально действующих законов; (iii) легкий доступ к законодательству (*easy access*), поддерживаемый посредством консолидации и «соединения разрозненных статутов»; и (iv) гармония (*harmony*), достигаемая путем «устранения противоречивых и коллидирующих положений»[4].

В итоге возобладал подход более *умеренных реформаторов*, настаивавших на поэтапной уголовно-правовой реформе без резких скачков в систематизации. Поэтому были приняты т.н. «***Статуты Гривза***» (*Greaves's Acts*) 1861 г.

---

[1] *Lobban M.* The Common Law and English Jurisprudence 1760–1850. Oxford, 1995.
[2] *Nash Th.A.* The life of Richard Lord Westbury... P. 63.
[3] *Lord Westbury.* Parliamentary Debates. 1863. 3rd Series. Vol. 171, col. 775, quoted by Lord Simon of Glaisdale and Webb Consolidation and Statute Law Revision // Public Law. 1975. P. 285.
[4] *Lord Westbury.* Parliamentary Debates. 1863. 3rd Series. Vol. 171... P. 291.

В этот момент процесс *консолидации уголовного права* достиг своей высшей точки, объединив в крупные группы такие составы, как хищение, повреждение вещей, подлог, монетные преступления и преступления против личности. Соответствующие нормы статутного и частично прецедентного права подверглись переформулированию и усовершенствованию, будучи консолидированы в следующие 6 *парламентских уголовно-правовых актов*:

1) *Accessories and Abettors Act* (24 & 25 V., c. 94) 1861 г.;

2) *Larceny Act* (24 & 25 V., c. 96) 1861 г.;

3) *Malicious Damage Act* (24 & 25 V., c. 97) 1861 г.;

4) *Forgery Act* (24 & 25 V., c. 98) 1861 г.;

5) *Coinage Offences Act* (24 & 25 V., c. 99) 1861 г.;

6) *Offences against the Person Act* (24 & 25 V., c. 100) 1861 г. [1]

Они напоминали по своей юртехнике ***квази-кодифицированные суботраслевые акты***, так как были направлены на приведение действующего уголовного права в соответствие со сложившейся практикой и обновление многих прежних положений консолидированных статутов времен *Роберта Пиля* (1827 г.)[2].

Юридическую технику одного из этих актов, наиболее крупного по объему – «*Закона о преступлениях против личности*» (сокр. "*OAPA 1861*") проанализировал *Дж.Ф. Стифен*, впоследствии автор *проекта УК для Англии и Уэльса 1878 г.* Он сравнил этот Статут 1861 г. с римской систематизацией норм о госизмене и других преступлениях путем их консолидации из статей «*Кодекса 12 таблиц*», *Lex Gabinia, Lex Apuleia, Lex Varia* и *Lex Cornelia*, и создания на их основе одного крупного акта – «*Lex Julia Majestatis*» 48 г. до н.э.[3]

При этом английский статут "*OAPA 1861*" также объединил в 80 статьях все действовавшие нормы из ряда разрозненных законов, в том числе из «Статута о ножевых ранах» 1603 г., «Ковентри акта» 1670 г., Закона Уолтема Блэка 1722 г., «Закона о консолидации» Георга IV 1825 г.[4], Закон лорда Лэнсдауна (*Offences Against the Person Act*) 1828 г., «Закон об уголовном судопроизводстве» 1851 г. (14 & 15 Vict., c. 100), и др.

Дж.Ф. Стифен также сравнивал консолидированные «*Статуты Гривза*» 1861 г. со своим *проектом УК Англии 1879 г.,* и раскритиковал их систематизационную технику: «Наиболее близкое приближение к Уголовному кодексу, которым мы располагаем в настоящее время, можно найти в *Актах о консолидации 1861 г.* Они даже не приближаются к какой-то своей

[1] Текст законов см.: URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/24-25/100/contents

[2] *Greaves Ch.S.* The Criminal law consolidation and amendment acts of the 24 & 25 Vict. / With notes, observations, and forms for summary proceedings. V. & R. Stevens, Sons, and Haynes (etc.), 1862.

[3] *Stephen J.F.* Op. cit. P. 13.

[4] George IV Act for consolidating and amending the Laws relating to Conveyances and Transfers of Estates and Funds vested in Trustees, who are Infants, Idiots, Lunatics, or Trustees of unsound Mind, or who cannot be compelled or refuse to act; and also the Laws relating to Stocks and Securities belonging to Infants, Idiots, Lunatics, and Persons of unsound Mind. URL: https://www.abebooks.com/first-edition/George-Act-consolidating-amending-Laws-relating/31258939962/bd

полноте изложения и полны технических недостатков в деталях. В них содержится немногим более половины всей массы нашего уголовного права. Они предполагают отыскание всех определений и дефиниций преступления в общем праве и привлечение других доктрин общего права, относящихся к уголовной сфере. Некоторые их части составлены таким образом, что едва ли можно разобрать написанное [см., в частности, *Закон о подделке документов*, 24 и 25 Vic. c. 98], и критическое рассмотрение их, составлявшее важную часть работы Комиссии по уголовному кодексу, выявило в каждом из них ошибки в составлении, о наличии которых едва ли можно сомневаться… Но однако они [*Статуты 1861 г.*] действительно расчистили Свод законов полностью или частично от 107 прежних статутов, привели наиболее важную и наиболее часто используемую часть уголовного права в умеренный баланс... Как было подсчитано, Суд по делам Короны в течение 16 лет вынес не менее 30 решений по смыслу отдельных норм этих Статутов»[1].

Продолжая юридико-технический анализ, мы можем выявить следующие особенности этой *крупной суботраслевой реконсолидации* уголовного права.

Так, в статуте «*Offences against the Person Act*» 1861 г. статьи об изнасиловании были прямо исключены (ст. l), но смертная казнь оставалась наказанием в случае отравления ядами, нанесения повреждений с умыслом на убийство и совершения *берглэри*, сопряженного с насилием (ст. 3 и 4). Статьи 1–3 касались наказания за убийство (*murder*) в виде смертной казни. В ст. 5 предусматривалось, что лицо, признанное виновным в непредумышленном убийстве (*manslaughter*), подлежит тюремному заключению пожизненно или на определенный срок. Статьи 6–8 были посвящены разграничению форм обвинения в *murder* и *manslaughter*, извинительному убийству (*homicide*) и мелкой измене (*petty treason*). Статьи 9–10 закрепляли экстерриториальную юрисдикцию в отношении убийств (*homicides*), совершенных британскими подданными за рубежом. В статьях 11–15 перечислялись различные способы покушения на убийство (*attempts to murder*)[2]. В некоторых случаях нормы Статута отражали политический контекст, имевший тогда большое значение, например, запрещение такого способа, как оставление бочки со взрывчаткой в общественных местах, независимо от того, повлекло это за собой травмы или нет (ст. 28–30 и 64). Точно так же независимо от последствий наказанию подлежали дети, которые бросали камни в проходящие железнодорожные поезда[3].

Чарльз Гривз, который отвечал за консолидацию и издание комментариев к этим статутам, уточнял, что “*OAPA 1861*” не содержал «ни одной новой нормы, переписанной или замененной

---

[1] *Stephen J.F.* The Criminal Code (1879) // The Nineteenth Century – A Monthly Review. 1880. Vol. vii, January-June. P. 136-160.
[2] *Saunders T.W.* Edward W. Cox, eds. The Criminal Law Consolidation Acts, 1861. London: John Crockford, 1862. P. 240-242.
[3] *Davis J.E.* The Criminal Law Consolidation Statutes of the 24 & 25 of Victoria. Butterworths, 1861. P. 266-268.

на новые формулировки; напротив, каждая из его норм содержала уже ранее известные постановления, взятые из разных законов, принятых в разное время и с разными подходами, часто контрастно отличающимися друг от друга, в т.ч. по фразеологии»[1].

Значительная часть норм этого «*Закона о преступлениях против личности*», как и «*Закона о подстрекателях и пособниках*» 1861 г. остаются в силе до сих пор в судах Англии и Уэльса, а некоторые статьи продолжают действовать в Ирландской Республике[2]. Но статут "*OAPA 1861*" активно критикуется и вызывает явное пренебрежение со стороны современных адвокатов по уголовным делам, а его положения в британском Апелляционном суде названы «непроницаемыми джунглями», непроходимыми по своей казуистике[3]. Палата лордов тоже неоднократно показывала недовольство «иррациональным результатом этого фрагментированного законодательства»[4]. Правовая комиссия Великобритания считает эти Статуты «неудовлетворительными во многих отношениях»[5]. *Дж. Брук*, давая оценку новому законопроекту, подготовленному в Комиссии[6], раскритиковал практику применения старого "*OAPA 1861*" как «позор» системе уголовного правосудия, неприязнь к которому разделяют во всех уголках страны[7].

Дж. Гардинер же полагает, что подобная критика обоснована по отношению лишь к некоторым статьям "*OAPA 1861*", касающихся ординарных преступлений против личности (*workaday offences against the person*) несмертельного и несексуального характера, а именно статьи 18, 20 и 47 этого Статута. Так как в судах обвинения по этим статьям подпадают под сразу два широких заголовка, а некоторые обвинения выдвигаются на основании трех положений по отдельности, что лишь подтверждает трудности понимания и адаптации этого архаичного языка с причудливыми формулировками, которые альтернативно и непоследовательно толкуются[8].

Сегодня многие статьи "*OAPA 1861*" были отменены в соответствии с «*Законом о преступлениях против личности без смертельного исхода*» 1997 г. (*Non-Fatal Offences Against the Person Act*) и «*Законом об уголовном праве*» (*Criminal Law Act*) 1997 г., которые сняли различие между уголовным преступлением и проступком (*felony–misdemeanour distinction*) и отменили каторжные работы и ссылку.

---

[1] *Greaves Ch.S.* The Criminal law consolidation and amendment acts of the 24 & 25 Vict. with notes and observations. V. & R. Stevens & sons [etc.], 1861.
[2] British Public Statutes Affected: 1861 // Irish Statute Book. 12 December 2023. 1861 (24 & 25 Vict.) c. 100.
[3] *R v. Parmenter* [1992] 1 A C. 699 at 712 *per* Mustill L.J.
[4] *R v. Savage*; *R. v. Parmenter* [1992] I A.C. 699 at 752 *per* Lord Ackner.
[5] *Ashworth A.* Principles of Criminal Law. Oxford, 1991. P. 281.
[6] Legislating the *Criminal Code*: Offences Against the Person and General Principles // The Law Commission. No. 218. London, 1993.
[7] *Brooke J.* Call for new law on assault // The Guardian. 17 November 1993.
[8] *Gardner J.* Rationality and the Rule of Law in Offences against the Person // The Cambridge Law Journal. 1994. Vol. 53, no. 3. P. 502-523.

Остальные же четыре «*Статуты Гривза*» 1861 г. действовали вплоть до начала XX в., и последовательно были заменены другими купными обновленными актами. В их числе новые «Закон о лжесвидетельстве» (*Perjury Act*) 1911 г., «Закон о подделках» (*Forgery Act*) 1913 г., «Закон о воровстве» (*Larceny Act*) 1916 г., «Закон о подделке монет» (*Coinage Offences Act*) 1936 г., «Закон о злонамеренном ущербе» (*Malicious Damage Act*) 1971 г. и др.

Уголовно-правовая реформа XIX в. в виде создания *квази-кодифицированных* «*Статутов Гривза*» *1861 г.* не закончилась на этом этапе. Спустя пять лет, в 1866 г. новый *лорд-канцлер* ***Крэнворт*** (*Robert Monsey Rolfe*) учредил *Королевскую комиссию*. Ее основная задача была в том, чтобы исследовать и критически проанализировать юридические своды, дигесты, сборники, и другие акты систематизации для более удобного и легкого доступа к прецедентному уголовному праву.

Председателем этой Комиссии стал сам *лорд Крэнворт*, а после его смерти – снова *лорд Уэстбери*. Но когда и Уэстбери ушел в отставку, это привело к утрате центральной поддержки кодификационного движения. Интерес к уголовно-правовой реформе сместился в сторону *традиционной ревизии* статутного права и отраслевой консолидации уголовно-процессуальной и судебной системы, результатом чего стало принятие консолидированных «*Законов о судебной власти*» (*Judicature Acts*) 1873–1875 гг.

Британский политик-юрист, сэр *Уильям Бест* (1767–1845), не желая чтобы английская кодификация уголовного права пошла по пути *французского УК*, поскольку краткость и сжатость кодекса Наполеона 1810 г. «фактически передала бы в руки судей абсолютную власть», предупреждал об основных трудностях такой законодательной модели.

Но к концу XIX в. юртехнику кодекса и дигест (*code and digest*) стали смешивать, отождествляя кодекс как таковой с французским опытом кодификации, и это явно «затрагивало британскую гордость и собственный опыт консолидации 1861 г.»[1].

§ II.3.3. Разработка Уголовного кодекса для Англии и Уэльса 1879 г.

Ведущую практическую роль в кодификационном движении сыграл ученый-правовед и судья Викторианской эпохи *Джеймс Фицджеймс Стифен* (*James Fitzjames Stephen*, 1829–1894)[2], автор эссе по философии, истории и уголовному праву[3]. Приобретая степень бакалавра права в Лондонском университете, Стифен всерьез занялся изучением теории кодификации Дж.

---

[1] *Hostettler J.* The Politics of Criminal Law Reform in the Nineteenth Century. Chichester, 1992. P. 39-40.

[2] Одну из лучших биографий на английском языке написал его брат Лесли Стифен: *Stephen Leslie*. The Life of Sir James Fitzjames Stephen. London, 1895.

[3] *Stephen J.F.* The Characteristics of English Criminal Law // Cambridge Essays. 1857. Vol. 16.

Бентама. Его сочинение «*Общий взгляд на уголовное право Англии*» 1863 г.[1] стало первой попыткой систематически изложить принципы и институты уголовной юриспруденции, после Книги IV «Комментариев к законам Англии» *У. Блэкстоуна* 1769 г.[2]

Дж.Ф. Стифен стал политически заметной фигурой благодаря его службе в Индии[3], где он будучи членом Совета вице-короля (*Viceroy's Legislative Council in India,* 1869–1872 гг.), сменив на этом посту *Генри Дж. Самнера Мэна* (Мейна)[4], успешно разработал 12 законов и 8 других постановлений по вопросам местного права. Среди его главных достижений были *Уголовно-процессуальный кодекс* Индии, два консолидированных *Закона о доказательствах* и *Закона о контрактах* 1872 г.

По возвращению в Англию он сохранил свой профессиональный интерес к кодификационным работам[5], и попытался адаптировать индийские кодексы к английской специфике систематизации. Стифен был уверен, что ему пригодится приобретенный в Индии практический *опыт уголовно-правовой кодистики*, и это случилось, когда его «попросили подготовить законопроект, регламентирующий конструкцию состава умышленного убийства... Соответственно, я разработал, и мы совместно согласовали законопроект, который я держу в руках, и который *кодифицирует* все законодательство об умышленных убийствах... Г-н Рассел Герни внес мой законопроект в парламент, и он был впервые прочитан в один из последних дней прошлой сессии»[6].

В этом же своем эссе Стифен описывал сущность *кодификации права* следующим образом: «Я не думаю, что между этими двумя процессами (кодификация и консолидация – *Е.Т.*) существует какое-либо существенное различие, хотя, если рассуждают о *понятии кодекса*, то подразумевают, что большая и важная часть кодифицированного предмета права впервые сводится к письменной форме официальным образом; тогда как *консолидация* – это процесс объединения нескольких законодательных актов в один. Но каждый *кодекс* всегда включает в себя большую или меньшую степень консолидации, поскольку по каждому предмету существует большее или меньшее количество норм статутного права. С другой стороны, от *консолидации* будет очень мало пользы, если только тот, кто консолидирует, не почувствует

---

[1] *Stephen J.F.* General View of the Criminal Law of England. L., 1863; *Стифен Дж.Ф.* Уголовное право Англии в кратком очертании / Пер. с англ. *В. Спасовича*. СПб., 1865.

[2] *Roach J.* James Fitzjames Stephen (1829–94) // Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1956. No. 1/2. P. 1-16.

[3] *Knaplund P.* James Stephen and the British colonial system, 1813–1847. Madison, 1953.

[4] *Henry James Sumner Maine* (1822–1888), являлся членом Совета при вице-короле Индии с 1863 по 1869 гг., и составил планы по кодификации индийского права, которые были реализованы его преемниками – Дж.Ф. Стифеном и Уитли Стоуксом. См.: *Pollock F.* Sir Henry Maine and his Work // Oxford Lectures. London: Macmillan Company, 1890. P. 147-168.

[5] *Stephen J.F.* Codification in India and England // Fortnightly Review. 1872. Vol. 18. P. 644-654. URL: https://fitzjames-stephen.blogspot.com/2017/01/codification-in-india-and-england.html (дата обращения: 25.12.2024).

[6] *Stephen J.F.* Codification in India and England… P. 650.

себя свободным переделывать и перестраивать статуты, и формировать их язык так, чтобы судебные решения оказывали влияние на их смысл»[1].

«Но что же на практике подразумевается под *кодификацией*… Значит ли что кодифицировать право – это выработать связанную систему положений, которая была бы похожа на научное изложение, как Евклид описывал элементу геометрии. Конечно, если принять такой взгляд, то кодификацию права вполне можно рассматривать как работу, почти вне поля нашей досягаемости. Если же мы взглянем на дело более верно и практично, и будем думать о действительных законах, а не об абстрактных, и если мы будем рассматривать эти законы как систему правил, выработанных для практических целей в свете общего опыта, то мне кажется столь же абсурдным сомневаться в возможности изложить их простыми словами и придать им ясную и систематическую форму, как и сомневаться в возможности выполнения другого квалифицированного труда» по кодификации права[2].

В 1872 г. к Стифену обратился Генеральный прокурор *Дж. Кольридж* (*John Coleridge*) и попросил использовать его индийский опыт по созданию местного «Закона о доказательствах» для подготовки английского билля «*Доказательственный кодекс*». И Стифен завершил его довольно быстро к февралю 1873 г.[3] Затем подготовил кодифицированный «*Акт об убийствах*» (*Homicide code*) и вскоре представил свой авторский *проект Уголовного кодекса*. Однако эти три билли Стифена так и не были приняты парламентом, хотя и обсуждались в 1873, 1874 и в 1878-1882 гг. соответственно[4]. Стифен открыто критиковал тех, кто был против его проектов и, в частности, выступил с громкой речью перед Специальным комитетом по биллю «*Homicide code*»[5].

В этот период Стифен написал две важные научно-практические работы, представлявшие собой его доктринальные проекты кодексов – «Дигесты доказательственного права» (*Digests of the English law of evidence*) 1876 г. и «Дигесты уголовного права» (*Digests of the Criminal Law: Crimes and Punishments*) 1877 г. Эти две Дигесты преследовали главную цель выработать модель законодательного кодекса (*model for a legislative code*). Позднее они пользовались большим успехом как академические сочинения и получили особое признание в США и других странах общего права.

В предисловии к своему трактату «*Общий взгляд на уголовное право Англии*» он рассуждает о содержании уголовно-правовой науки и кодистики права, утверждая, что его

---

[1] *Stephen J.F.* Codification in India and England // Fortnightly Review. 1872. Vol. 18. P. 644-654. URL: https://fitzjames-stephen.blogspot.com/2017/01/codification-in-india-and-england.html (дата обращения: 25.12.2024).
[2] *Stephen J.F.* Codification in India and England… P. 649.
[3] Selected Letters of Leslie Stephen / Ed. by *J.W. Bicknell*. Vol. 1. 1864 – 1882. L., 1996. P. 118.
[4] *Hostettler J.* The Politics of Criminal Law Reform in the 19th Century. 1992. P. 182-189; *Hostettler J.* Politics and Law in the Life of Sir James Fitzjames Stephen. 1995. P. 175-197.
[5] *Smith K.J.M.* James Fitzjames Stephen: Portrait of a Victorian Rationalist. L., 1988. P. 62.

«необходимо рассматривать не просто как ремесло, но как искусство, основанное на науке, искусство создания мудрых законов, наука понимания и правильной классификации крупных областей человеческого поведения»[1]. Большая часть этого сочинения Стифена посвящена объяснению идеи систематизации и структурирования материального уголовного, процессуального и доказательного права[2].

Стифен обратился к новому Генеральному прокурору *Дж. Холкеру* и предложил ряд новелл в уголовное законодательство Англии, утверждая, что его «*Дигесты» 1877 г.* вполне могут составить основу для Уголовного кодекса»[3]. В итоге сэр Дж. Холкер и лорд-канцлер Кэрнс официально поручили Стифену преобразовать его «Дигесты» в законодательный проект Уголовного кодекса. Он завершил законотехническую подготовку текста в октябре 1877 г.

14 мая 1878 г. сэр Холкер передал на *первое чтение* в Палату общин подготовленный Дж.Ф. Стифеном ***билль №178*** под названием «Законопроект о создании Кодекса преступлений, подлежащих обвинительному заключению (*indictable offences*), и процедуре производства по ним»[4]. По распоряжению Палаты общин спустя месяц были опубликованы пояснения самого Дж. Стифена к биллю и его комментарии[5]. Газета "*The Law Times*" опубликовала семь аналитических статей под общим заголовком «*Новый Уголовный кодекс*» с анализом содержания данного законопроекта[6].

17 июня 1878 г. законопроект прошел *второе чтение* и после непродолжительных дебатов «был принят весьма благосклонно»[7]. И хотя он не успел стать законом, считается первой серьезной попыткой в истории Англии создания "*comprehensive criminal code*", полной кодификации отдельной отрасли права как таковой[8].

Как пояснил сам прокурор *Дж. Холкер*: «Поскольку билль №178 содержал не только кодификацию или консолидацию значительной части уголовного закона страны, но и включал несколько радикальных изменений, было сочтено целесообразным использовать интервал между окончанием сессии парламента (16 августа 1878 г.) и началом нынешней сессии (5 декабря 1878 г.), и передать законопроект для более тщательного и исчерпывающего изучения

---

[1] *Stephen J.F.* A General View of the Criminal Law of England. 1863. P. vi, 337.
[2] *Maitland F.W.* The Life and Letters of Leslie Stephen. 1906. P. 429.
[3] *Cross R.* The Making of English Criminal Law: (6) Sir James Fitzjames Stephen // Criminal Law Review. 1978. P. 656-657.
[4] Bill 178 [41 Vict.], "A Bill to establish a Code of Indictable Offences, and the Procedure relating thereto" // British Parliamentary Papers, 1878 (178) II.5. The short title of the (proposed) Act as stated in clause 1 of the Bill is "the *Criminal Code (Indictable Offences*), 1878".
[5] House of Commons, "Memorandum [by Sir James Stephen] 'Showing the Alterations proposed to be made in the existing Law by the *Criminal Code (Indictable Offences) Bill* [Bill 178], if Amended, as proposed by the Attorney General'", number 276 in Sessional Papers. [British Parliamentary Papers]. 1878. Vol. 63. P. 159-175.
[6] The Law Times: Journal and Record of the Law and The Lawyers. London, 1878 (May – October). Vol. 65. P. 80, 116, 136, 155, 189, 209, 228, 348.
[7] *Manchester A.H.* Simplifying the Sources of the Law: An Essay in Law Reform // Anglo-American Law Review. 1973. Vol. 2. P. 532.
[8] *Mosley B.L.* The New Criminal Code // The Law Magazine and Review. 1878-79. Vol. 4. P. 31-58.

и обзора. Было также сочтено целесообразным воспользоваться возможностью распространить его положения на Ирландию и таким образом ассимилировать и привести в гармонию и согласие в значительной степени уголовное право двух стран»[1].

Была учреждена специальная *королевская Комиссия* по доработке проекта УК (*Criminal Code Bill Commission*)[2]. В ее состав вошли, кроме самого Дж.Ф. Стифена, также лорд Колин, барон Блэкберн (председатель), и два судьи – лорд-судья Роберт Лаш и Чарльз Роберт Барри (ирландский юрист)[3]. Также секретарем этой Комиссии по уголовному праву стал *Чарльз С. Гривз*, автор-разработчик консолидированных статутов 1861 г.[4]

Как описывал позднее Стифен, «почти всё это время мы заседали *ежедневно* около пяти месяцев, а именно с ноября 1878 по май 1879 года… и обсуждали каждую строчку и почти каждое слово каждого его раздела. Итоговый *проект Кодекса*, приложенный к Отчету комиссии, говорит сам за себя. Он несколько отличается от *проекта УК 1878 г.* Подробности различий были изложены в Отчете, прилагаемом к *проекту УК 1879 г.* …Но сам отчет был представлен слишком поздно, чтобы Кодекс мог быть принят в 1879 г. Затем в 1880 г. произошло изменение состава Кабинета министров, и в 1882 г. часть Кодекса, касающаяся процедуры, была объявлена в речи *Королевы Виктории* важной правительственной мерой. Однако его пришлось отложить, как и многие другие вопросы из-за дел более неотложного характера»[5].

Комиссия представила итоговый доклад, составленный самим Стифеном, где описывался круг ведения и основные достижения Комиссии, которая «оперативно исследовала и рассмотрела положения *проекта Кодекса*, касающиеся уголовных преступлений, подготовленный для представления в парламент»[6]. В качестве приложения к докладу был включен «*Проект Кодекса*» (***the English Draft Code***) *1879* г., состоящий из 552 статей[7]. В изначальный *проект УК Стифена* было добавлено 127 новых статей, в т.ч. подробные положения о самообороне, защите собственности и превенции преступлений.

Проведя сравнение двух проектов – *билля 1878 г.* и *билля 1879 г.,* Дж.Ф. Стифен выявил следующие различия: «Сравнение показывает, что, хотя в билле 1879 г. опущен ряд законодательных актов, включенных мною в проект УК 1878 г. (наиболее важными были акты, относящиеся к работорговле, закону о вербовке иностранцев и закону о коррупции), он

---

[1] Hansard's Parliamentary Debates. 3rd ed., 41 Vict., 1879. Vol. 245, cols. 311-312.
[2] *Holdsworth W.* A History of English Law. London, Vol. XV. P. 146-149.
[3] *Brown D.H.* The Genesis of the Canadian Criminal Code 1892. Toronto: University of Toronto Press, 1989. P. 27-29.
[4] *Boase F.* Greaves, Charles Sprengel // Modern English Biography: A – H. Netherton and Worth, 1892.
[5] *Stephen J.F.* A History of the Criminal Law of England. 1883. Vol. 1. P. vi-vii.
[6] URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://lareau-legal.ca/EnglishDraftCodeONE.pdf (дата обращения: 25.12.2024).
[7] *Criminal Code Bill Commission*, Report of the Royal Commission Appointed to Consider the Law Relating to Indictable Offences: With an Appendix Containing a Draft Code Embodying the Suggestions of the Commissioners. London: HMSO, 1879. 209 p.

содержит только два статутных преступления, которые я упустил ранее из виду, а именно: Статут 23 и 24 Vic. c. 75, s. 12, который наказывал за пособничество побегу сумасшедшего, и Статут 50 Geo. c. 59, s. 2, который преследовал государственных служащих, делающих ложные заявления. Комиссия проверила содержание билля, обратившись к различным указателям и комментариям к Своду законов и к каталогам преступлений, подлежащих обвинительному заключению, имевших большую или меньшую силу, среди которых я могу особо упомянуть списки, подготовленные г-ном *Р.С. Райтом* для Комитета по пересмотру статутного права»[1].

Параллельно с работой Комиссии действовал и сам Генеральный прокурор, который 03 апреля 1879 г. внес ***билль №117*** «*Criminal Code (Indictable Offences*)»[2], подготовленный Комиссией по Уголовному кодексу. 12 мая 1879 г. он был рассмотрен парламентом во *втором чтении*, а затем передан в Специальный комитет для редакционной доработки. Но Палата общин получила отрицательный отзыв в 20-страничном письме от лорда-главного судьи *А.Э. Кокберна*[3]. На него позднее ответил Дж.Ф. Стифен, уточняя свое видение *кодистической природы* УК: «Всё, что должно стать частью нашего уголовного права, независимо от того, вытекает ли оно из *общего права* или *статутного права*, должно быть воплощено в предполагаемом Уголовном кодексе и являться его частью, но не посредством ссылок на акты парламента, которые можно найти в статутах в целом, а путем их фактического присутствия в Кодексе»[4].

Но дальнейшее разбирательство по ***биллю №117*** было *остановлено* в связи с закрытием сессии парламента 15 августа 1879 г. На следующей сессии 6 февраля 1880 г. правительство внесло ***билль №2*** (43 Vict.) «*Законопроект о принятии Кодекса правонарушений для Англии и Ирландии и описании процедуры обвинительного заключения для наказания правонарушителей*» (499 статей), который прошел первое чтение без обсуждения[5].

В 1880 г. правительственный *билль №2* был передан на рассмотрение *Специальной комиссии*. Но в апреле 1880 г. после смены Кабинета министров – падения консервативного *правительства Дизраэли*, у этого кодификационного *билля №2* уже не было шансов стать законом. Кроме того, внимание парламента отвлекли проблемы, связанные с активизацией борьбы Ирландии за самоуправление.

---

[1] *Stephen J.F.* The Criminal Code (1879) // The Nineteenth Century – A Monthly Review. 1880. Vol. vii, January-June. P. 136-160.

[2] *Criminal Code Bill*. Report of the Royal Commission Appointed to Consider the Law Relating to Indictable Offences: with an Appendix Containing a Draft Code Embodying the Suggestions of the Commissioners. Reports of commissioners. 1878–1879. Cambridge: Proquest LLC, 2006.

[3] *Cockburn A.E.* Copy ‘of Letter from the Lord Chief Justice of England dated the 12th day of June 1879, containing Comments and Suggestions in relation to the Criminal Code (Indictable Offences) Bill // British Parliamentary Papers. 1878 – 1879. Vol. 59. P. 233-252, paper N 232.

[4] *Stephen J.F.* The Criminal Code (1879) // The Nineteenth Century – A Monthly Review. 1880. Vol. vii. P. 136-160.

[5] Bill to Establish a Code of Offences for England and Ireland and to prescribe the Procedure by Indictment for Punishment of Offenders. The short title of the proposed Act is the Criminal Code, 1880 // Sessional Papers [British Parliamentary Papers]. 1880. Vol. 2. P. 1-222.

Тогда же в 1880 г. в Палату общин был внесен новый, альтернативный Стифеновскому биллю, проект об Уголовном кодексе (*Criminal Code (Indictable Offences*) *Bill*)[1]. Его автором был лондонский адвокат *Эдвард Диллон Льюис* (*Edward Dillon Lewis*), который составлял его медленно три года подряд и «не видел никаких перспектив для решения этой задачи иным образом», а затем опубликовал свой проект УК в виде книги небольшим тиражом[2]. Этот *проект УК 1880 г.* остался совершенно незамеченным в юридической сообществе возможно из-за того, что он, как и правительственный билль, провалился в парламенте[3]. В феврале 1882 г. Законопроект о кодификации (*Codification bill*) был представлен в речи королевы Виктории в Палате лордов[4].

Повторный критический отзыв лорда-главного *судьи Кокберна* усугубился тем, что им был проведен сравнительно-кодистический анализ *стифеновского УК* с проектом *УК колонии Ямайка*, который был составлен в 1874–1877 гг. доктором *Р.С. Райтом* (*R.S. Wright*). Впоследствии этот УК стал одной из популярных *моделей* для ряда стран Британской империи, как официальная версия кодекса от Министерства по делам колоний (*Colonial Office*)[5].

Вторая редакция *билля об УК 1879 г.* включала восемь разделов (титулов) и 552 статьи: Раздел I. Вводные положения; Раздел II. Преступления против общественного порядка, внутреннего и внешнего; Раздел III. Преступления, затрагивающие отправление правосудия и поддержание общественного порядка; Раздел IV. Преступления против религии, нравственности и общественной пользы; Раздел V. Преступления против личности и репутации; Раздел VI. Преступления против имущественных прав или прав, вытекающих из договоров; Раздел VII. Судебные процедуры; Раздел VIII. Отмена[6].

С кодистической (юридико-технической) точки зрения в *проекте УК 1879 г.* заметна *пандектная схема* расположения разделов. Так, первый и второй разделы (титулы) составляли своеобразную *Общую часть УК*. При сравнении объема *билля №117* 1879 г. (552 ст.) с предыдущим *биллем №178* 1878 г. (425 ст.), заметно увеличение числа статей почти на 100, что объяснялось «включением более подробных положений, касающихся применения силы в целях самообороны, защиты имущества и норм о превенции преступности»[7].

---

[1] H.C. Bill No. 47. H.C. Papers, 1880. Vol. 2. P. 223.
[2] *Lewis E.D.* A Draft Code of Criminal Law and Procedure. London: Beccles, 1879.
[3] *White St., Smith K.J.M.* Law Reform by Private Enterprise: *Edward Dillon Lewis'* Draft Criminal Code // The Life of the Law: Proceedings of the Tenth Legal History Conference, Oxford 1991. Hambledon Press, 1993. P. 235-256.
[4] P. Debs. (U.K.), ser. 3, v. 266, col. 6 (H.L., 7 February 1882).
[5] *Friedland M.L.* R. S. Wright's Model Criminal Code: A Forgotten Chapter in the History of the Criminal Law // Oxford Journal of Legal Studies. 1981. 1. P. 307-330; *Friedland M.L.* A Century of Criminal Justice: perspectives on the Development of Canadian Law. Carswell, Agincourt, Ont., 1984.
[6] Criminal Code (Indictable Offences) Bill, 1879. URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.hl4rpq&seq=7 (дата обращения: 25.12.2024).
[7] *Cross R.* The Making of English Criminal Law: (6) Sir James Fitzjames Stephen // Criminal Law Review. 1978. P. 659.

Часть *проекта УК*, регулировавшая процедурные аспекты, была внесена в качестве отдельной правительственной меры (*Government measure*) в 1882 г. и была передана на рассмотрение Большого комитета по законодательству (*Grand Committee on Law*), созданного в экспериментальном порядке в том же году. Но после нескольких заседаний, на которых не было достигнуто никакого прогресса, билль был отклонен окончательно. Неудача этой меры надолго задержала процесс *законодательной кодификации* уголовного права в Англии и Уэльсе.

С идеологической точки зрения взгляды Дж.Ф. Стифена на *сущность кодификации* уголовного права и его попытки законопроектного оформления сыграли особую роль. Как справедливо отметил судья *О. Холмс*, он был «самым способным из агитаторов кодификации»[1], а по мнению сэра *К. Ильберта*, «самым последовательным сторонником кодификации английского права»[2].

Дж.Ф. Стифен неоднократно обращался к *законотворческой стороне кодификации*, анализируя законодательную процедуру в парламенте по принятию кодекса как особую часть *легистики*. Он полагал, что парламент должен обсуждать Уголовный кодекс раздел за разделом и при этом не должен делегировать свои законодательные полномочия. «По *хронологии движения в парламенте* билль об Уголовном кодексе проходит следующие этапы: 1) подготовка законопроекта, 2) внесение законопроекта в Парламент, 3) обсуждение его в Парламенте».

Стифен также описывал процедуру подготовки проекта УК, которую рекомендовал начинать с *организационно-институционального этапа*, путем учреждения отдельной правительственной Комиссии, поручив ей разработать упомянутый билль. Он советовал нанять профессионального «законодательного чертежника» (*single draftsman*), чтобы тот завершил написание проекта и передал его на проверку в Комиссию. После голосования по подготовленному и обсужденному в Комиссии проекта УК, «его следует не только опубликовать в газете с полным изложением целей и причин, но и направить для рассмотрения и критики каждому лицу или органу, который может высказать по нему ценное мнение»[3].

Далее Стифен описывал схему *кодификационной работы* и техническую процедуру в правительственной Комиссии. После доработки проекта УК и подготовки ее членами отчета о внесенных изменениях, в результате полученных с мест замечаний, рекомендовалось передать проект УК лорду-канцлеру и юридическим советникам Кабинета. Они его должны также обсудить и если одобрят, то внести *в Палату лордов* или *общин*, какая из них будет предпочтительнее. «Если они этого не сделают, то им следует указать причины отклонения

---

[1] Mr. *Justice Holmes*. Speech to Suffolk Bar Association Dinner, 5 February 1885 // The Essential Holmes / Ed. by *R.A. Posner*. 1996. P. 222.
[2] *Ilbert C.* Indian Codification // Law Quarterly Review. 1889. Vol. 5. P. 347, 366.
[3] *Stephen J.F.* Codification in India and England // Fortnightly Review. 1872. Vol. 18. P. 652.

проекта. И Комиссия должна записывать все их доводы, опубликовать все материалы с целью публичного информирования вместе с остальной частью их работы».

Стифен настаивал на этапе *чтения кодекса* в Парламенте, чтобы действовало правило о передаче составленного Комиссией проекта (*Commissioners' Bill*) в специальный парламентский Комитет (*Select Committee*), в котором должен присутствовать представитель правительственной Комиссии. Он также считал большим преимуществом, если после прохождения билля через Комитет, его бы вернули снова в правительственную Комиссию для рассмотрения текста уже не с законодательной, а с сугубо юридико-технической, редакционной точки зрения[1]. По итогам работы парламентский Комитет (*Select Committee*) должен отчитаться перед Палатой общин, и далее кодификационный билль начнет двигаться своим курсом.

Важной *догматической основой* уголовно-правовой кодификации, по мнению Дж.Ф. Стифена, должно быть использование особого типа *юридической литературы*, такой как правовые обзоры и уголовные дигесты (*general digest of the law*). «У нас есть лучшие из всех возможных дигестов. Я имею в виду не просто работы, которые проходят под этим названием (хотя, признаюсь, думаю, что было бы очень трудно сделать лучше, чем "*Common Law Digest*" г-на Фишера)[2], я имею в виду бесчисленные учебники по каждой отрасли права. И какие могут быть более лучшие дигесты уголовного права, чем современная книга «Рассел о преступлениях» ("*Russell on Crimes*"), а также авторитетнее трактаты *Арчболда* и *Роско*[3], не говоря уже о разделе «Уголовное право» в трактате "*Fisher's Digest*"».

Среди догматических источников Стифен выделял работу *Джона Фредерика Арчболда* (*John Frederick Archbold*, 1785–1870), наиболее пригодную как доктринальная основа *кодистики уголовного права*, – «*A Digest of Pleas of the Crown*» 1813 г. Они включали в себя все уголовные статуты, кейсы и авторитетные источники по «искам Короны» (уголовно-правовым жалобам). Это был первый из трех томов его будущих «Дигест уголовного права» ("*A Digest of Criminal Law*")[4], которые Арчболд опубликовал в 1824 г.

В завершении приведем ряд *причин неудачи проекта УК Стифена* по уголовно-правовой кодификации[5]. Среди них бесчисленные изменения, внесенные в его проект УК отчетами

---

[1] *Stephen J.F.* Codification in India and England // Fortnightly Review. 1872. Vol. 18. P. 653.

[2] *Mr. Fisher.* A Digest of the Reported Decisions of the Courts of Common Law, Bankruptcy, Probate, Admiralty, and Divorce, together with a selection from those of the Court of Chancery and Irish Courts: From 1756 to 1883 inclusive. Founded on *Fisher's Digest*. In 7 vols. / By John Mews, assisted by C.M. Chapman, Harry H.W. Sparham and A.H. Todd. London, 1884.

[3] *Roscoe Henry* (1800–1836). Digest of the Law of Evidence in Criminal Cases. L., 1835.

[4] *Carlyle E.I.* Archbold, John Frederick // Dictionary of National Biography (1st supplement) / Ed. by Lee S. London: Smith, Elder & Co., 1901.

[5] *Ilbert C.* Legislative Methods and Forms. 1901. P. 69-70, 127-128; *Manchester*. Simplifying the Sources of the Law-IL James Fitzjames Stephen and the Codification of the Criminal Law of England and Wales // Anglo-American Law Review. 1973. Vol. 2. P. 527; *Cross R.* The Making of English Criminal Law. (6) Sir James Fitzjames Stephen // Criminal Law Review. 1978. P. 652; *Friedland*. R.S. Wright's Model Criminal Code: A Forgotten Chapter in the History of the Criminal Law // O.J.LS. 1981. Vol. 1. P. 319-325.

Королевской комиссии, обеспокоенность ряда влиятельных фигур по поводу качества изложения текста в проекте; нехватка парламентского времени и смена правительства; обеспокоенность юридического сообщества по поводу практических последствий ряда положений проекта УК; и др.[1] Была также критика по поводу т.н. «*частичной кодификации*», разработчики которой сохранили ряд конструкций *общего права* и исключили из сферы кодекса некоторые преступления, подлежащие уголовному преследованию[2].

После 1883 г. уже не было реальных попыток крупномасштабной *кодификации* уголовного права. Публичные отчеты по *УК Стифена* и комментаторская литература по нему показали, что английские юристы, судьи и политики принципиально не возражают против кодификации как таковой, которая была вполне естественной для традиции общего права в 1850-х годах[3].

Сэр *Кортни Ильберт*, главный правительственный нормотворец (*government draftsman*), сетовал на то, что «невозможно принять без известной степени унижения полное прекращение в последние годы каких-либо попыток *улучшить форму* английского права и сопутствующую этому апатию по вопросу *кодификации*». При этом отсутствие до сих пор *УК Англии* «создает явные практические и существенные неудобства». Ильберт сравнил кодификатора Дж.Ф. Стифена с одиноким «циклопическим строителем», сбрасывавшим со скалы «огромные глыбы неотесанных и грубых законов»[4]. И хотя потом эти статутные блоки складывались в вполне прочное *архетипичное здание* ***кодекса Стифена***, но они по-прежнему не были должным образом отточены и отполированы с кодистической точки зрения. «Хотя многое можно простить в Кодексе человека, который искренне ожидал и верил, что другие вернутся к этой задаче в ближайшие десятилетия»[5].

ВЫВОДЫ. Первые *два параграфа Главы II* диссертации посвящены процессам *синхронной кодистики* в *Нововременной период* в истории Европы (*Early Modern history,* XV–XVIII вв.). Здесь параллельно рассматриваются вопросы доктринальной систематики и учения об уголовно-правовой кодификации в континентальной Европе и в островной Англии, компаративистский анализ доктринальных моделей и авторских проектов кодификации.

В основе генезиса *итальянской модели систематики*, для которой характерно выделение из «кодификации Юстиниана» генеральной подсистемы общих принципов и правовых максим (*CIC regula juris*), лежит трактат итальянского правоведа *Ф. Децио*, с его особым методом

---

[1] Report of the Royal Commission on the Law Relating to Indictable Offences. 1879. Cmnd. 2345. P. 6-7.
[2] Paper No. 232. 1879, Parl. Papers (Accounts and Papers 1878-9). *Hansard* (H.C.), 23 February 1880, vol. 250, col. 1239.
[3] *Есаков Г.А.* Кодификация уголовного права Англии (к 160-летию первого проекта уголовного кодекса) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2004. С. 495-502.
[4] *Ilbert C.* Sir James Stephen as a Legislator // Law Quarterly Review. 1894. Vol. 10. P. 222, 224.
[5] *Hostettler J.* The Politics of Criminal Law Reform in the Nineteenth Century. 1992. P. 182-189.

научно-доктринальной обработки текстов. Такая модель систематики с выделением прообраза «общей части» стала позднее руководством для английского правоведа *Фрэнсиса Бэкона*.

Пришедшая на смену *германская модель систематики* исходила из геометрического метода, предложенного немецким философом-юристом *Г.В. Лейбницем*. Он предложил реорганизацию сводных текстов по дигестной (*пандектной*) схеме: сначала общие правила и принципы, а затем специальные случаи и основания, к которым они могут быть применены (особенная часть кодекса).

Немецкая дискуссия *о сущности кодификации* (нем. *Kodifikationsstreit*) резюмировала юридико-техническое состояние уголовного права и способы его реформирования путем отраслевой кодификации. Немецкий профессор А. Тибо, стоявший у истоков формулы «правовой стандартизации» и *вертикальной кодификации*, внес значительный вклад в разработку общей пандектологии (нем. *Pandektenwissenschaft*), основанной на традиционной систематике римского права, и показал специфику естественно-правовой модели кодификации. В итоге были разработаны *локальные кодексы* в государствах немецкой конфедерации («*горизонтальные кодификации»)* и успешно проведена *унификация общеуголовного права*.

Во *втором параграфе Главы II* проанализированы теоретические основы уголовно-правовой кодистики в нововременной Англии, начиная с зарождения учения о легистике (нормотворческой статутной технике) в работах философа-правоведа *Фрэнсиса Бэкона*. Юридико-техническим новшеством реформирования права по схеме Бэкона стали призывы к *гибридной кодификации* (предметной консолидации права) и созданию *дигест законов* Англии, с добавлением к ним юридического вокабулярия и сборника правовых принципов-максим. Впоследствии они станут неотъемлемым элементом *Общей части кодексов* (в качестве отдельных глав с терминами и принципами) в традиции общего права.

В отличие от Ф. Бэкона с его дигестной (пандектной) систематикой, английский правовед *Уильям Блэкстон* в «*Комментариях к законам Англии*» стремился упорядочить общее право по институциональной систематике, в контексте которой он изложил наиболее полный и систематический обзор институтов уголовного права (Книга IV «Комментариев»). Он же впервые в уголовно-правовой доктрине Англии предпринял теоретические усилия по определению предметных границ отрасли, которые закрепили уголовное право как отдельный компонент государственного правопорядка.

Его ученик и ярый оппонент, правовед-утилитарист *Джереми Бентамом*, внедривший в юридический дискурс термины *codification* и *codifier*, посвятил себя *теории систематизации законодательства* и попыткам применения ее на практике. Он увлекался научным исследованием техники и систематики законодательства (*легистики*), технической процедуры законотворчества, регламента работ и правил систематизационной юртехники. В своем

доктринальном труде «*Основные начала Уголовного кодекса*» Бентам различает основополагающее (материальное) и дополнительное (процессуальное) уголовное право, и выделяет в систематике УК (*Penal code*) четыре основные части: «О преступлениях», «Политические средства против зла преступлений», «О наказаниях» и «О непрямых средствах предупреждения преступлений». Будучи интеллектуальным отцом кодификации, он внес значительный вклад в методологию кодификационных работ и институционализацию их на практике (создание правовой комиссии / комитета по реформе права).

Наконец, один из последователей Бентама, юрист-позитивист *Джон Остин,* имея практический опыт работы в Комиссии по реформе уголовного права, разработал проект кодификации как наилучшей формы позитивного права, полного и исключительного свода статутного права. Остин противопоставлял «высокий идеализм» немецкой философии эмпирическому наследию английских юристов, в частности ссылаясь на учение о систематизации права Ф. Бэкона и Дж. Бентама. В «Философии позитивного права» он детально разбирает *pro et contra* кодификации права. Хотя и частично заблуждается, сводя юридическую природу кодификации только к ее формальному признаку как технической систематизации с целью упорядочения действующего позитивного права. Достоинством кодификационной теории Остина является выделение им кодистических признаков, необходимых для создания идеального позитивистского кодекса.

В *третьем параграфе Главы II* диссертации нами предпринят историко-правовой анализ техники уголовно-правовой кодификации и ее практической реализации в Великобритании нововременного периода (XVII – XIX вв.).

«*Кровавый кодекс*» (“*Bloody Penal Code*”, или “*Capital code*”) в период 1680–1800 гг. рассматривается как специфическая консолидация уголовно-правовых статутов Англии, Уэльса и Ирландии, предусматривающих смертную казнь за широкий круг преступлений. Прослежено несколько *исторических этапов*, когда были предприняты практические шаги по квази-консолидации и доктринальной кодификации, с целью создания более гуманного уголовно-правового «*statute code*» королевства. Так, на *первом этапе* после реставрации Стюартов начался процесс суботраслевой кодификации военного уголовного права. На следующем этапе при династии Ганноверов произошла гуманизирующая ревизия «*Кровавого кодекса*», и был приняты консолидированные акты – Законы об измене 1708 г., о пиратстве и ссылке 1717 г., «Чёрный акт» (*Black Act,* или *Criminal Law Act*) 1723 г. На *третьем этапе* важную роль сыграл консолидированный Закон об убийстве 1752 г. На завершающем *четвертом этапе* проведена частичная ревизия «*Кровавого кодекса*» в 1772–1782 гг. путем консолидированных актов.

В следующую эпоху *Бентамизма* в 1800–1880-е гг. идеологический проект уголовно-правовой реформы достигает своего апогея и переходит в важную *практическую стадию*

реализации. Предпринятая в этот период *квази-кодификация* уголовного права Великобритании проходит несколько этапов, постепенно усиливая темпы и совершенствуя технику (по нашей авторской периодизации): от технической *ревизии* уголовно-правовых статутов, проводившейся медленно и фрагментарно, через *отраслевую консолидацию* статутов по определенным группам преступлений, переходя к *статутной кодификации* в парламентских проектах.

На *первом этапе* в 1800–1810-е гг. были сделаны важные шаги под руководством *С. Ромилли* и *Дж. Макинтоша* в направлении *ревизии* и начальной *консолидации* уголовно-правовых статутов. На *втором этапе* в 1820–1830-е гг. под руководством *Р. Пиля* продолжилась консолидация уголовного права путем принятия серии тематических актов на основе доктрины *гуманитарного утилитаризма*. На *третьем этапе* в 1830–1850-е гг. произошла институционализация уголовно-правовой реформы, путем учреждения королевских Комиссий по подготовке законов о преступлениях. Впервые по инициативе лорда-канцлера *Г. Брума*, последователя учения Бентама о кодификации, был подготовлен официальный *проект УК* Англии и Уэльса (*draft Code of Substantive Criminal Law*). Наконец, на *четвертом этапе* в 1860–1870-е гг. было заметно упорядочено уголовное статутное и прецедентное право, в результате чего появились т.н. «*Статуты Гривза*» (*Greaves's Acts*): шесть консолидированных *уголовно-правовых актов* 1861 г., которые напоминали квази-кодификацию.

Нами проведен кодистический обзор *официального проекта УК*, предложенного *Дж.Ф. Стифеном* на основе его «Дигест уголовного права» 1877 г. Установлено, что Стифен регулярно изучал *законотворческую сторону* кодификации, анализируя законодательную процедуру в парламенте по принятию кодекса как особую часть *легистики*, и специфику *кодификационных работ* в Королевской комиссии, членом которой он являлся.

Представленный им парламенту проект *Уголовного кодекса для Англии и Уэльса* считается первой серьезной попыткой в британской истории полной кодификации отдельной отрасли как таковой ("*comprehensive Criminal code*"). Специальная Комиссия в период 1877–1881 гг. дорабатывала стифеновский проект, и представила его новый вариант (*English Draft Code*) в 1879 г. С юридико-технической (кодистической) точки зрения этот проект УК был построен по *пандектной схеме*, где первый и второй титулы составляли своеобразную Общую часть УК, а нормы об отдельных группах преступлений по общему и статутному праву были кодифицированы в Специальной части.

ГЛАВА III. ВНУТРИСИСТЕМНАЯ КОДИСТИКА ПРАВА В КОЛОНИАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

§ III.1. Модели УК во внутрисистемной кодистике права колоний

§ III.1.1. Внутрисистемная техника колониального уголовного права

Существовало немало заимствований из английского уголовного права в право колоний терминов, конструкций и институтов (т.н. *criminal law transplants*), которые внедрялись как демократические новеллы якобы с целью обогащения и модернизации уголовно-правового опыта традиций и культур, изначально далеких от традиции *common law*[1]. И сегодня английское уголовное право продолжает оставаться для многих стран «влиятельной *моделью права*, которой возможно и не следует во всем следовать по тем или иным соображениям, но необходимо продолжать поддерживать к ней всеобщее уважение и авторитетность»[2].

Рассмотренный нами ранее *этап догматизации кодистики* в британской метрополии был заменен вскоре на *практический этап* воплощения этого «***архетипа кодификации***» (*теоретической юспозитивистской модели*) в отдельных британских колониях[3]. Развиваясь в определенном социокультурном и историко-догматическом контексте, *архетип кодификации* в странах общего права стал важным *инструментом управления* сферой обращения правовых моделей в типологически близких странах Британского мира[4].

В Британской колониальной империи таким «архетипом» кодификации служила *теоретическая модель Уголовного кодекса*, составленная на основе работ английского юриста-утилитариста Джереми Бентама в первой трети XIX в. Это была, по сути, *позитивистская модель* отраслевой кодификации (*Bentham's code design*), структурированная по *квази-пандектной схеме* с выделением Общей и Особенной частей в кодексе, и др.

Специфика *колониального уголовного права* лежит на уровне социального содержания и особенностей колониальной антикриминальной политики Британской империи, обуславливается спецификой местных политических и социально-экономических структур[5]. Колониальное уголовное право складывалось прежде всего как свод принципов, состоящий из

---

[1] *Матинян М.А.* Парламентское законодательство в правовой системе Англии (XI–XX вв.): историко-правовой анализ: Дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 5.

[2] *David R., Brierly J.* Major Legal Systems in the World Today. London, 1985. P. 308.

[3] *Трикоз Е.Н., Швец А.А.* Правовые трансплланты и модельные кодексы в странах со смешанной правовой системой // Общество и право. 2023. № 1(83). С. 93-100.

[4] *Trikoz E.* Positivist Theory "Code-Conception of Law" in Criminal Law of the (British) Commonwealth of Nations // International scientific round table "Theory and practice of interaction of legal systems in the modern world" (Tashkent, Republic of Uzbekistan, October 29, 2022). Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=4267380.

[5] *Игнатенко Г.В.* От колониального режима к национальной государственности. М., 1966; *Томсинов В.А.* Источники британского «колониального права» в Тропической Африке (начало XIX–середина XX вв.): Дис. …канд. юрид. наук. М., 1981.

имперского законодательства, актов колониальных властей, английского общего и статутного права, а также местного обычного права, частично санкционированного в колониях[1].

В англоязычной литературе господствуют *две точки зрения* на процесс распространения английского уголовного права в колониях: одни считают, что имела место *рецепция* конструкций общего права, другие используют в этих целях термин «юридический колониализм» или «импорт/экспансия общего права»[2]. Проводится различие между передачей суверенитета метрополии путем сецессии по договору (*by treaty*) с колонией или путем ее завоевания, с одной стороны, и получением юрисдикции путем переселения (*by settlement*), с другой. При этом предшествующее право сохранялось в первой группе случаев, а во второй ситуации «переселенческих колоний» применялось сугубо английское право[3].

Вопрос об унификации правового пространства в колониях Великобритании был поднят на высокий уровень еще в XVII в., когда знаменитый правовед и судья *Фрэнсис Бэкон* представил короне свой «*Имперский проект*» 1608 г., направленный на развитие масштабной колонизационной деятельности Британского королевства[4]. Параллельно он разработал «*юнионистский проект*» правового объединения с Шотландией, который был направлен на *гармонизацию* цивилистической (континентально-романской) правовой системы и успешное ее соединение с английским общим правом[5]. Будучи в составе Комиссии по англо-шотландской унии, Бэкон подготовил для короля Джеймса I предложения в виде записки «*Приготовление к объединению законов*» (1606–1607 гг.)[6]. Рассуждая о *правовой унификации* двух государств, Бэкон пояснял по поводу юридической силы английского и шотландского обычного права и использования *трансплантов* зарубежного права. Он, в частности, отмечал фактор времени для подлинного и долгосрочного *правового единения* двух государств, т.к. «прививка к стволу не скоро станет продолжением дерева (*continuum*), а еще долго будет лишь его чужим приростком (*contiguum*)»[7].

Как известно, Ф. Бэкон выступал протагонистом унии и уравнивания прав *postnati* и *antenati*, т.е. подданных, рожденных до и после смерти королевы Елизаветы Тюдор[8]. В развитие

---

[1] *Elias T.* British Colonial Law. London, 1962. P. 6.
[2] *Allot A.* Essays in African Law. London, 1960; *Daniels W.C.* The common law in West Africa. London, 1964; *Castles A.C.* An Introduction to Australian Legal History. Sydney, 1971; *Finn P.* Law and Government in Colonial Australia. M., 1987; *Park A.E.* The sources of Nigerian Law. London, 1963.
[3] *Roberts-Wray K.* Commonwealth and Colonial Law. London: Stevens, 1966.
[4] *Сапрыкин Д.Л.* Regnum Hominis. (Имперский проект Френсиса Бэкона). М., 2001.
[5] *Bacon F.* Preparation toward the Union of Laws // The Works of Francis Bacon… Vol. VII. P. 727–743; *Кондратьев С.В.* Юнионистская идея в первые годы правления Якова I // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2015. Т. 1, № 1 (1). С. 137–144.
[6] *Bacon F.* A Preparation toward the Union of Laws // *Bacon F.R.* Letters and Life of Francis Bacon including all his occasional works. London, 1872. Vol. VII. P. 727–743.
[7] *Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Натурфилософские и политические аргументы в юнионистском дискурсе Френсиса Бэкона // Вестник Тюменского государственного университета. 2014. № 10. С. 58.
[8] *Паламарчук А.А.* «Дело Кальвина» и проблемы англо-шотландской унии 1603 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2014. №4. С. 78.

этой концепции он принял решение выступить в громком *судебном деле* – ***Calvin's case*** 1608 г.[1], или т.н. «деле о *Post-Nati*»[2]. Решение по делу малыша Кальвина считается ведущим прецедентом (*leading case*) в англо-американском конституционном праве Модерна[3].

Ф. Бэкон составил хорошую аргументацию и предложил разумное решение по *делу Кальвина*: автоматическая натурализация англичан и шотландцев, если они родились уже после «объединённой коронации» Джеймса I Стюарта[4]. Следовательно, и те, и другие приобретали соответствующий правовой статус в обоих государствах по типу «двойного подданства». Творческая вовлеченность Бэкона в процесс поиска «общего знаменателя» для *правового пространства* союзного англо-шотландского государства и зарождавшейся Британской империи, где непременно должен был возникнуть юридический плюрализм[5], привели к проекту Бэкона по созданию *Свода* единых правовых норм[6].

Разработанные в это время доктрины *легального колониализма* и *парламентского верховенства* были положены в основу уголовно-правовой политики Великобритании и циркуляции в колониях типовых моделей статутов, включая *архетип* уголовного кодекса[7].

Тайный Совет открыто признал в 1722 г.: «Если английскими подданными будет открыта новая необитаемая страна (*territorium nullius*), то поскольку английское право есть *неотъемлемое право каждого* из них и поскольку везде, где подданные Короны находятся, они *несут на своих плечах* свои законы, поэтому такая новооткрытая страна будет управляться посредством *законов Англии*»[8]. Так, в австралийских колониях распространение *common law* в XVIII в. было оправдано на основании концепции «права первого владения» (*right of first possession*), поскольку эти английские переселенческие колонии считались де-юре никем незанятыми (лат. *terra nullius*), хотя фактические предпосылки этого утверждения были порой весьма сомнительными[9].

Английский государствовед *А. Дженнингс* подчеркивал, что парламент Великобритании «может издавать *законы для всех лиц и всех мест*». Другой английский юрист *С.А. де Смит* писал, что «парламент Соединенного Королевства компетентен издавать *какой угодно закон* для

---

[1] Calvin's Case, 77 ER 377, (1608) Co Rep 1a, Trin. 6 Jac. 1.
[2] *Price P.P.* Natural Law and Birthright citizenship in Calvin's Case (1608) // Yale Journal of Law and Humanities. 1997. Vol. 9 (1). P. 73–145.
[3] *Price P.J.* Natural Law and Birthright Citizenship in Calvin's Case (1608) // Yale Journal of Law & the Humanities. 1997. Vol. 9. P. 73–75.
[4] *Bacon F.* The Argument of Sir Francis Bacon . . . In the Case of the Post-Nati of Scotland // Bacon F.R. Letters and Life of Francis Bacon including all his occasional works. London, 1872. Vol. VII. P. 637–679.
[5] *Benton L., Ross R.J.* Empires and Legal Pluralism: Jurisdiction, Sovereignty and Political Imagination in the Early Modern World // Legal Pluralism and the Empires, 1500–1850 / Ed. by *R.J. Ross*. New York, 2013. P. 1–20.
[6] *Shapiro B.J.* Codification of the Laws in Seventeenth-Century England // Wisconsin Law Review. 1974. P. 428–465.
[7] *Merry S.E.* Law and colonialism // Law and Society Review. 1991. Vol. 25. P. 889-922.
[8] *Forsyth W.* Cases and Opinions on Constitutional Law. London, 1869. P. 21.
[9] См.: *Mabo and others vs. Queensland* (No. 2) (1992) 175 CLR 1.

какой угодно *части мира*, а суды Соединенного Королевства обязаны придавать действие любому подобному закону»[1].

Уголовно-правовое регулирование в колониях также строилось на данном особом принципе, согласно которому английское право является *глобальным регулятором* всех без исключения социальных, политических и субъектных отношений, складывавшихся в любом регионе колониального мира.

Как правило, английское общее и статутное уголовное право вводилось в колониях Британской империи по состоянию *на определенную дату*. Английский ученый *Э. Эллотт* объяснял такой подход стремлением, с одной стороны, создать в колониях общую с метрополией *основу правовых систем*, а с другой, – представить возможность независимого их развития, начиная с *ограничительной даты*, поскольку судьи развивали здесь местное право с учетом реалий колонии[2]. Появилось особое понятие «*импортированное право*», под которым понималось распространённое на колонии право метрополии и его отдельные *уголовно-правовые трансплантты*, в то время как акты колониальной администрации оставались составной частью местного в географическом смысле права[3].

Такие «юридические пересадки» или трансплантации были возможно не всегда лишь в силу факта доминирования системы общего права, но и также вследствие социального факта престижности[4]. «Престиж» мотивирует подражание, так как в его основе лежит желание иметь то лучшее, что есть у другой правовой системы, что способно вызвать трансплантацию или рецепцию[5]. Описывая историю института уголовного преследования в Англии и его распространения в канадских колониях, Дуглас Хэй подчеркивает, что канадские историки «более склонны говорить о правовых трансплантах, о навязывании права и введении военного положения, а также медленном и противоречивом пути, которым английское право стала частью нашей культуры»[6].

Вводимое английское уголовное право представляло более высокий тип права по сравнению с традиционным правом в колониях, и оно не могло применяться без адаптации напрямую в местных условиях колоний. Поэтому даже по прошествии многих десятилетий так

---

[1] *Jennings I.* The law and the constitution. London, 1954. P. 154; *Smith S.A.* Constitutional and administrative law. London, 1972. P. 79.
[2] *Allott A.* New essays in African law. London, 1970. P. 48.
[3] *Муромцев Г.И.* Источники права в развивающихся странах Азии и Африки. Система и влияние традиции. М., 1987. С. 13.
[4] *Ajani G.* By Chance and Prestige: Legal Transplants in Russia and Eastern Europe // The American Journal of Comparative Law. 1995. Vol. 43, no. 1. P. 93-117.
[5] *Trikoz E.N., Gulyaeva E.E.* The Communicative Function of Legal Transplants in Mixed Legal Systems // Kutafin Law Review. 2023. Vol. 10(3). P. 515-543.
[6] *Hay D.* The Criminal Prosecution in England and Its Historians // Modern Law Review. 1984. Vol. 47. P. 24.

и не смогли добиться реального «единства общего права» (*unity of the common law*) в пределах Британской империи[1].

Во второй половине XIX в. наметилась *тенденция к унификации* как социально-политических структур и политико-правовой культуры колоний, так и собственно структуры местного права и его упорядочения путем консолидации и кодификации. Во многих британских владениях правотворчество сконцентрировалось на *модификации английского права* и систематизации местных актов. В колониальном дискурсе под «*систематизацией*» понимался двоякий юридический процесс: с одной стороны, преодоление *дуализма права* и придания правовым системам колоний типологической завершенности, а с другой, – юридико-техническая процедура в виде поэтапного применения типичных способов систематизации.

Систематизация уголовного права в британских колониях и доминионах осуществлялась в двух основных формах: 1) официальное издание объединённых актов правотворчества, которые размещались в хронологическом или алфавитном порядке (*первичная инкорпорация*), и 2) целенаправленное упорядочение источников права, основными приёмами которого выступали *ревизия* и *консолидация права*. Причем ревизия местного права приводила к изданию официальных сборников статутов (*пересмотренные своды*), которые готовились на основе ранее действовавших собраний законодательства[2].

В колониях Великобритании во второй половине XIX – начале XX вв. в действующие уголовно-правовые статуты в целях их эффективной инкорпорации и *консолидации* стали включать все изменения, накопившиеся в колониальном законодательстве и судебной практике[3]. Так, в Западной Австралии был принят Ордонанс о консолидации уголовного права (*Criminal Law Consolidation Ordinance*) 1865 г., в Южной Австралии – Консолидированный уголовно-правовой статут (*Criminal Law Consolidation Act*), в Новом Южном Уэльсе – Закон об уголовных преступлениях (*Crimes Act*) 1900 г.[4]

Условно колонии могут быть поделены на две группы: «*Common Law jurisdiction*» и «*Criminal Code jurisdiction*»[5]. В первой из них приоритет отдавался прецедентному уголовному праву, хотя инкорпорация продолжалась и принимались консолидированные акты. Во второй группе превалировал кодифицированный уголовный закон, создававшийся в контексте циркуляции юспозитивистского архетипа уголовно-правовой кодистики.

---

[1] *Keith K.J.* The Unity of the Common Law and the Ending of Appeals to the Privy Council // The International and Comparative Law Quarterly. 2005. Vol. 54, no. 1. P. 197-210.

[2] *Касаткина Н.М.* Систематизация законодательства в странах Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда) // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. М., 1977. Вып. 9.

[3] *Russel E.* A History of the law in Western Australia. Sydney, 1980. P. 137.

[4] *Трикоз Е.Н.* Систематизация уголовного права Австралии во второй половине XIX – XX вв. // Актуальные проблемы истории государства и права, политических и правовых учений: Мат-лы международной конференции. Самара, 2002. С. 420-424.

[5] *Lang M.E.* Codification in the British Empire and America. Amsterdam, 1924. P. 4.

§ III.1.2. Колониальные модели уголовно-правовой кодистики

В XIX в. параллельно с неудачными попытками законодательной кодификации в самой метрополии, в колониях развернулась кардинальная уголовно-правовая реформа и упорядочение законодательства в качестве *правового эксперимента*, прямо направленного на *кодификацию права*[1].

Министерству колоний Великобритании удалось создать т.н. *бюрократическую модель* кодификации для колониальных поселений, сохранившуюся как в постколониальных заморских владениях, так и в некоторых свободных демократических странах. Колониальная модель законодательной кодификации рассматривается как систематизационная процедура, позволившая постколониальным демократиям сознательно сохранить и продлить действие законодательства метрополии.

Это относится и к *уголовным кодексам*, несмотря на их предполагаемую негативную роль в репрессивном механизме контроля метрополии и местных чиновников над колониальным населением[2]. В литературе исследуется *эффект расширения* в мире общего права и *территориального действия* модельных кодексов в британских владениях[3]. Под *моделью кодекса* подразумевается «главный образец техники и юридического инструмента» (*paramount exponent of technique and legal tool*)[4].

Разработанная для колоний *модель кодекса*, описывавшая содержание и форму уголовного законодательства, зависела как от субъективных факторов в лице *архитекторов кодекса*, участвовавших в его разработке и правореализации, так и от объективных факторов, политического и институционного контекста процесса кодификации[5].

В числе *архитекторов кодификационной модели* для колоний наиболее ярко выделяется *Джереми Бентам*, который был идейным вдохновителем движения англо-американских кодификаторов и заложил основы уголовной кодификации в целом ряде англоязычных юрисдикций[6]. Как подчеркнул федеральный министр юстиции Австралии, представляя в

---

[1] *Chalmers M.D.* An Experiment in Codification // Law Quarterly Review 1886. Vol. 2. P. 125-130.
[2] *Leader-Elliott I.* Benthamite reflections on codification of the general principles of criminal liability: Towards the Panopticon // Buffalo Criminal Law Review. 2006. Vol. 9(2). P. 391-452.
[3] *Limpens J.* Territorial Expansion of the Code // The Code Napoleon and the Common-Law World / Ed. by *B. Schwartz*. New York, 1956. P. 93-109.
[4] *Masferrer A.* The French Codification and '*Codiphobia'* in Common Law Traditions // Tulane European and Civil Law Forum. 2019. Vol. 34. P. 1-32. P. 5.
[5] *Sebba L.* The creation and evolution of criminal law in colonial and post-colonial societies // Crime, history and societies. 1999. Vol. 3. P. 71-91.
[6] *Kadish S.H.* Codifiers of the Criminal Law: Wechsler's Predecessors // Columbia Law Review. 1978. Vol. 78. P. 1098.

парламенте Закон о федеральном Уголовном кодексе 1995 г., «кодификация уголовного права уходит своими корнями в работы юриста XVIII века Джереми Бентама»[1].

Его *теоретическая модель* уголовно-правовой кодификации стала концептуальной основой юспозитивистского архетипа – проект Уголовного кодекса (*Benthamite' Criminal Code*) как всеобъемлющего и беспробельного модельного акта, не имеющего дефектов и лакун (*criminal code having 'no blank spaces'*), который должен быть внутренне согласованным и самодостаточным. Бентамовская «*беспробельность*» кодекса с отсылкой к '*no blank spaces*' была связана с позитивистской неприязнью Бентама к судебному нормотворчеству, поскольку созданные судьями правоположения были неписаными, неопределенными и ретроспективными[2]. Тем самым Уголовный кодекс по его модели должен был свести к минимуму значение норм *общего права* и судебной интерпретации, будучи максимально полным в описании правил поведения и запретов, и одновременно понятным и доходчиво изложенным для местной публики в колониях.

Дж. Бентам также заложил основы европейской *легистики* (техники законотворчества и законодательной тактики) и увлеченно работал над *техникой кодификации* («*legal codistics*»), и он же разработал юридико-технические правила *трансплантации права* в новых колониях[3]. Кстати, метафору «*transplant*» в этом особом контексте распространения права метрополии стал впервые использовать именно этот английский философ-утилитарист. В своем сочинении «О влиянии времени и места относительно законов» ("*Of the Influence of Time and Place in Matters of Legislation*") 1782 г.[4] он предложил применять общие принципы «пересадки» права в контексте распространения английского общего права – "*Rules Respecting the Method of Transplanting Laws*". В частности, он предупреждал, что «когда делаются попытки пересадить (*made to transplant*) законы без их пересмотра из одной страны в другую, то последствия таких попыток оказывались пагубными». Бентам указывал на трудоемкость процесса правовой трансплантации, призывал учитывать как внешние факторы, так и внутреннее состояние юридического мышления и правосознания принимающего трансплант общества. Но это не значит, по мнению философа-правоведа, что «законы варварских народов должны быть вечными, тогда как законы наиболее цивилизованных требуют изменения» при пересадке

---

[1] *Duncan Kerr*, Minister for Justice // Commonwealth, Parliamentary Debates House of Representatives, 1 March 1995. Iss. 1. P. 331.

[2] *Hemming A.G.* Is Bentham's Vision of a Comprehensive Criminal Code Suitable as a Model Design for a Code? / Dissertation (Doctor of Philosophy). Darwin, 2013. P. 131.

[3] *Bentham J.* Of the Influence of Time and Place in Matters of Legislation // Traités de législation civile et pénale. Paris, 1802. T. III.

[4] Опубликовано в трехтомном издании трудов: *Bentham J.* Traités de législation civile et pénale. Paris, 1802. T. III.

("*laws of barbarous nations should therefore be eternal, while those of the most civilized demand a change*")[1].

Австралийский правовед *Эндрю Дж. Хемминг* в своей докторской работе задается вопросом, была ли эффективной *Бентамовская модель* комплексного и беспробельного кодекса в качестве Типового проекта или Модельного УК[2]. Такая беспробельная позитивистская модель «*кодекса Бентама*» не могла стать универсальной для всех юрисдикций общего права и тем более единственно возможной. Так, австралийские кодексы были построены по *модели судьи Гриффита* (*the Griffith Codes*): Уголовный кодекс Квинсленда, Уголовный кодекс Западной Австралии, Уголовный кодекс Тасмании и Уголовный кодекс Северной Территории. Они не прошли бы этот своеобразный *тест Бентама* на беспробельность (*no terrae incognitae*), несмотря на то что каждый из них содержал главы в Общей части об уголовно-правовых принципах и основах учения о преступлении и наказании.

Э.Дж. Хемминг подверг критике устаревшие положения и анахронизмы ряда австралийских *уголовных кодексов* Квинсленда, Западной Австралии и Тасмании[3], созданных еще в колониальный период. Он обращает внимание на необходимость разработки *типового (модельного) УК* для всей федерации Австралийского Союза[4], признавая недопустимым неконтролируемый «*импорт общего права*», который лишь размывает тексты уголовных кодексов в штатных юрисдикциях[5].

В контексте *Бентамовской модели* законодательный орган позиционировался как способный четко формулировать цели и намерения в нормативном уголовном своде, в достаточной степени для того, чтобы обычный подданный мог полностью осознавать свою уголовную ответственность, ознакомившись с текстом кодификации[6]. Но с сожалением приходится констатировать проблему оставалась неизбежной двусмысленности языка и запутанности изложения колониальных кодексов. А это приводило к несоответствию между *модельным актом* парламента и кодификационной и правоприменительной практикой. Ближайшим следствием такого радикального эксперимента в колониях стал *структурный дуализм* правовых систем, иногда даже в рамках одного и того же государства.

---

[1] *Huxley A.* Jeremy Bentham on Legal Transplants // The Journal of Comparative Law. 2007. Vol. 2. P. 177.
[2] *Hemming A.G.* Is Bentham's Vision of a Comprehensive Criminal Code Suitable as a Model Design for a Code? / Dissertation (Doctor of Philosophy). Darwin, 2013; *Hemming A.* Why Bentham's Vision of a Comprehensive Criminal Code Remains Viable and Desirable as the Model Design for a Code // University of Notre Dame Australia Law Review. 2012. Vol. 14. P. 125-130; *Hemming A.* When is a Code a Code? // Deakin Law Review. 2010. Vol. 15(1). P. 65-70.
[3] *Hemming A.* Why the Queensland, Western Australian and Tasmanian Criminal Codes Are Anachronisms // University of Tasmania Law Review. 2012. Vol. 31(2). P. 1-10.
[4] *Hemming A.* In Search of a Model Code Provision for Complicity and Common Purpose in Australia // University of Tasmania Law Review. 2011. Vol. 30(1). P. 53-55.
[5] *Hemming A.* Impermissibly Importing the Common Law into Criminal Codes // James Cook University Law Review. 2011. Vol. 18. P. 113-115.
[6] *Hemming A.G.* Is Bentham's Vision of a Comprehensive Criminal Code Suitable as a Model Design for a Code? / Dissertation (Doctor of Philosophy). Darwin, 2013.

В целом к концу XIX в. в качестве *моделей уголовно-правовой кодификации* для колоний Британской империи выделилось *4 типа кодексов*, которые при случае «экспортировались» в их юрисдикции: это «кодекс Бентама» (*Bentham Code*), «кодекс Стифена» (*Stephen Code*), «квази-кодексы» (*Partial Codes*)[1], и «кодекс Наполеона» (*French Code*)[2].

На основе *критерия кодифицированности* уголовного права все колонии, доминионы и территории Британской империи, или т.н. *красные территории* (*red parts of an Empire*)[3], могут быть разделены на **две группы**:

I. *Некодифицированное* *уголовное право* – сами Британские острова (Англия с Уэльсом и Северная Ирландия), Республика Ирландия, три колонии-штаты Австралии, колонии Карибского бассейна (Антигуа и Барбуда, Барбадос, Доминика и др.) и Южноафриканского Союза (Лесото, Намибия и др.).

II. *Кодифицированное* *уголовное право* – большинство стран Британской империи и постколониальные страны Содружества Наций, в которых условно различаются *6 типологических моделей кодексов*:

1) «*Индийская модель*» в виде УК Индии (*Macaulay Utilitarian Penal Code*) 1860 г., основанного на Бентамовском проекте и доктринальном кодексе *Т.Б. Маколея*, который затем повлиял на кодексы ряда стран *Южной Азии* (УК Цейлона, УК Пакистана, Бангладеша и Бирмы, УК Шри-Ланки 1979 г.) и стран *Африки* (УК Судана 1889 г., УК Египта 1883 и 1904 г.);

2) «*Канадская модель*» в виде УК Канады (*Burbidge Criminal Code*) 1892 г., подготовленного канадским правоведом *Дж.У. Бербиджем*, который затем повлиял на кодификацию в Карибском бассейне;

3) «*Австралийская модель*» в виде локальных УК (*Griffith Criminal Code*), разработанных по типовому кодексу судьи *С. Гриффита*, который в свою очередь основывался на УК Стифена, УК Нью-Йорка и УК Италии, и затем повлиял на разработку трех кодексов австралийских штатов (УК Квинсленда 1899 г., Западной Австралии и Тасмании 1913 г.), а также частично УК Новой Зеландии 1893 г. и УК Новой Гвинеи;

4) «*Вест-индийская модель*» в виде УК Райта 1877 г., повлиявшего на кодификацию в карибских колониях Вест-Индии (УК Гондураса 1888 г., УК Сент-Люсии 1889 г., УК Гренады 1897 г.), а также воспринятая в ряде других британских владений;

5) «*Министерская модель*» в виде типового УК, разработанного Министерства по делам колоний на основе УК Гриффита 1899 г. и УК Нигерии 1916 г. и повлиявшего на разработку

---

[1] В частности, по такой модели были составлены т.н. «*Статуты Гривза*» (*Greaves's Acts)*, консолидированные крупные статуты по отдельным уголовно-правовым институтам 1861 г.

[2] *Hostettler J.* The Politics of Criminal Law Reform in the Nineteenth Century. Chichester, 1992. P. 210-211.

[3] Так их называли потому, что на политических картах мира, выпускаемых Великобританией в XIX – нач. XX вв., все части Британской империи традиционно изображались красным цветом. См.: *Hemming A.G.* Is Bentham's Vision of a Comprehensive Criminal Code Suitable as a Model Design for a Code? Darwin, 2013. P. 79.

ряда кодексов стран Африки (УК Кении, Уганды и Танганьики 1930 г.; УК Занзибара и Гамбии 1934 г., УК Египта 1937 г., и др.) и британских земель Океании (УК Науру 1921 г., УК Фиджи 1945 г., УК Соломоновых Островов 1963 г., УК Островов Гилберт и Эллисе 1965 г. и др.);

6) «*Гибридная модель*» в виде смешанного типа консолидации с элементами кодификации, который был вдохновлен министерской и австралийской моделями кодексов, и по ее образцу были созданы австралийский Закон о преступлениях 1914 г. и Закон о преступлениях Новой Зеландии 1961 г., а также УК Кипра 1928 г. и УК Израиля 1936 г.[1]

Наиболее успешным воплощением «Бентамовского кодекса» и позитивистской кодификационной традиции (*Benthamite codification tradition*) считается *УК Индии* (*Indian Penal Code*) 1860 г.[2] Его архитектор-кодификатор, английский чиновник и правовед *Т.Б. Маколей* написал в Калькутте свой *проект УК Индии 1837* г., находясь под сильным влиянием уголовно-правовых идей Бентама. Другой важной моделью и воплощением архетипа стал проект *УК Дж. Стифена* 1879 г., который был положен в основу *УК Канады* 1892 г. и *УК Новой Зеландии* 1893 г., а также ряда австралийских штатов и колоний Вест-Индии[3]. Канадский юрист М. Фридленд полагает, что, если бы не появился *Кодекс Дж.Ф. Стифена,* то проект юриста из Ямайки Р.С. Райта (*R.S. Wright*) о постепенном переходе к статутной кодификации был бы реализован, и Великобритания в настоящее время имела бы собственный действующий УК[4].

Проект УК Райта для колонии Ямайка был составлен в 1874–1877 гг. Хотя подготовленные им билли об УК и УПК, принятые местным парламентом, так и не вступили в силу по ряду причин, именно этот *УК Райта* в итоге был взят в качестве *модели кодекса* для ряда стран Британской империи и положен в основу официального проекта Министерства по делам колоний (*Colonial Office*)[5].

Наконец отметим и четвертый модельный акт – типовой *УК Гриффита* (*Griffith' Criminal Code*)[6], разработанный в 1899 г. судьей Верховного суда Австралии С. Гриффитом, был принят сначала как УК Квинсленда 1899 г., УК Западной Австралии 1902 г. и УК Тасмании 1924 г., а затем стал *«мигрировать»* как *уголовно-правовой трансплант* в другие юрисдикции – Папуа Новая Гвинея, Нигерия[7], Фиджи, Соломоновы острова, и ряд владений в Африке[8].

---

[1] В подмандатной Палестине 4 декабря 1936 г. был принят *Ордонанс об уголовном законе* (ивр. *Pkudat ha-hok ha-plili*), вступивший в силу с 1 января 1937 г. До этого действовал Оттоманский Уголовный кодекс, в котором было заметное французское влияние УК 1810 г.

[2] *Postema G.* Bentham and the Common Law Tradition. Oxford, England: Clarendon Press, 1986.

[3] *Kadish* Codifiers of the Criminal Law: Wechsler's Predecessors // Columbia Law Review. 1978. Vol. 78. P. 1098; *Lang M.E.* Codification in the British Empire and America. Amsterdam, 1924.

[4] *Friedland M.* A Century of Criminal Justice. Toronto, 1984. P. 21.

[5] *Friedland M.L.* R. S. Wright's Model Criminal Code: A Forgotten Chapter in the History of the Criminal Law // Oxford Journal of Legal Studies. 1981. Vol. 1. P. 307-330.

[6] *Wright B.* Self-Governing Codifications of English Criminal Law and Empire: The Queensland and Canadian Examples // University of Queensland Law Journal. 2007. Vol. 26. P. 39.

[7] *Morris H.F.* How Nigeria got its code // Journal of African Law. 1970. Vol. 14. P. 137-154.

[8] *O'Regan R.* The Migration of the Griffith Code // New Essays on the Australian Criminal Codes. Sydney, 1988.

Указанные практические примеры были в контексте британской стратегии «*diffusion of the common law*» в колониальных владениях, многие из которых в постколониальный период благодаря этой практике имперских властей трансформировались в страны со смешанной уголовно-правовой системой[1]. Такие системы, коммуницируя с иной правовой традицией и юридической практикой, заимствовали и «пересаживали» в свою внутригосударственную почву новые институты права, юридические процедуры и правовые конструкции.

При этом сам процесс циркуляции юспозитивистского архетипа уголовно-правовой кодистики и некоего идеального уголовного кодекса, составленного в кабинетах британских чиновников, протекал более подвижно и менее преднамеренно, чему способствовал общий язык и сходная политическая культура, сближение нормотворческих техник и интеллектуальный обмен доктринальными моделями кодексов. В этом аспекте для обозначения *добровольной трансплантации* юспозитивистского архетипа уместны такие термины, как «правовая циркуляция» (‘*legal circulation’*), «распространение» (‘*diffusion’*), «миграция» (‘*migration’*) или «взаимное опыление» (‘*cross-fertilization’*)[2]. Сегодня в условиях возрождения риторики неоколониализма и многополярности возрастает актуальность проблематики *юридической экспансии*[3]. Введение иностранного уголовного права нередко подкрепляется постоянным политическим контролем или даже военным присутствием более могущественной державы (страны-донора или метрополии). Установленный таким образом уголовно-правовой порядок во главе с «пересаженным» кодексом порождает двойственные и противоречивые представления о законности «правовых трансплантов» и неравенстве в юридическом миксте[4].

§ III.2. Индийская модель кодификации уголовного права

§ III.2.1. Источники и техника проекта Уголовного кодекса Т.Б. Маколея

Уже более 160 лет прошло с момента введения в действие *Уголовного кодекса Индия 1860 г.*[5], первого в истории Британской империи и старейшего из ныне действующих кодексов федеративных государств[6].

---

[1] *Трикоз Е.Н., Швец А.А.* Правовые трансплланты и модельные кодексы в странах со смешанной правовой системой // Общество и право. 2023. № 1(83). С. 93-100.

[2] *Perju V.* Constitutional Transplants, Borrowing, and Migrations // The Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law / Ed. by M. Rosenfeld, A. Sajo. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 1306-1308.

[3] *Benton L.* Law and Colonial Cultures: Legal Regimes in World History, 1400–1900 (Studies in Comparative World History). Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

[4] *Baxi U.* The Colonialist Heritage // Comparative Legal Studies: Traditions and Transitions / Ed. by *P. Legrand, R. Munday*. Cambridge University Press, 2003. P. 46-75.

[5] Central Act XLV of 1860, или “IPC” (Indian Penal Code) // The Acts of the Legislative Council of India of 1861, with an Analytical Abstract Prefixed to Each Act. Vol. 5. Calcutta, 1862. P. 129-266.

[6] *Трикоз Е.Н., Крашенинникова Н.А.* Сравнительное уголовное право (Индия): учеб. пос. М., 2020. 178 с.

Эклектичное политико-правовое устройство Индии предопределяется территориально-языковым и религиозно-культурным разнообразием, что в свою очередь обуславливает *смешанный тип правовой системы* Индии. В XVIII – XIX вв. территория Индии заселялась английскими, французскими и португальскими *колонизаторами*, которые вводили своё национальное уголовное право[1].

Благодаря ранней *кодификации уголовного права* в индийских колониях и его гармонизации с местными правопорядками сформировалась первая отрасль территориального права – общеиндийское уголовное законодательство[2]. До этого в большинстве регионов Индии применялись нормы *мусульманского уголовного права*[3], которые безраздельно распространялись на индусов, христиан, буддистов, евреев и других жителей индийских княжеств в составе тимуридского государства Великих Моголов (1526–1858 гг.)[4]. При этом по целому ряду вопросов применялись индусские правовые обычаи и религиозные нормы[5].

По поручению первого губернатора Индии *У. Гастингса* (1773–1785 гг.) и при поддержке Ост-Индской компании была проведена большая работа по изучению традиционного права индусов и систематизации индусского права[6]. Англичане долгое время сохраняли для подавляющей части индусов мусульманское уголовное право с его архаическими концепциями (отсечение руки за кражу и др.), и только в 1832 г. приняли закон об отмене применения норм шариата к немусульманам[7].

Несогласованность колониального правопорядка в Индии усугубляла бесконтрольная *практика толкования* судов Ост-Индской компании и децентрализация судебной системы колонии в целом[8]. Британские власти признали, что создание общеиндийского *Кодекса уголовного права* на основе принципов и институтов английского «общего права», является

---

[1] *Ковешникова Ю.Н.* Англо-французская борьба за Индию // В мире научных открытий. 2010. № 4-12. С. 46-47.

[2] *Умралкар Подмакар Бхикаджи.* Современное уголовное право Индии (Основные институты): Автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 1975. С. 4-5; *Fisch von Jorg*. Cheap lives and dear limbs: the British transformation of the Bengal criminal law 1769 – 1817. Wiesbaden: Steiner, 1983. 154 p.

[3] *Anderson M.R.* Islamic Law and the Colonial Encounter in British India // Institutions and Ideologies: A SOAS South Asia Reader / Ed. by *D. Arnold, P. Robb*. Richmond, UK, 1993. P. 165-185; *Barnejee T.K.* The substantive criminal law prior to the Indian Penal Code // Essays on the Indian Penal Code: published on the centenary of the Indian Penal Code / Ed. by *S. Govindarajulu*. Bombay, 1962. P. 1-32. Anderson M.R. Islamic Law and the Colonial Encounter in British India // Institutions and Ideologies: A SOAS South Asia Reader. Richmond, UK: Curzon, 1993. P. 165-185.

[4] *Синха Н.К., Банерджи А.Ч.* История Индии / Пер. с англ. М., 1954; *Фурсов К.А.* Отношения английской Ост-Индской Компании с Могольским султанатом: проблема периодизации // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2004. №2.

[5] *Betai R.S.* State of criminal law in Kautilya's Arthashastra // Journal of the Gujarat Research Society. 1977. Vol. 39(4). P. 3-17.

[6] *Banerjee A.Ch.* English Law in India. New Delhi, 1984. P. 42-43.

[7] *Крашенинникова Н.А.* Индусское право: история и современность. М., 1982. С. 27-28.

[8] *Kolsky E.* Codification and the rule of Colonial Difference: Criminal Procedure in British India // Law and History Review. Fall 2005. Vol. 23(3). P. 631-683.

абсолютно необходимым и прогрессивным решением в колонии, где действовало одновременно мусульманское и индусское уголовное право[1].

Это стало возможным лишь к середине XIX века, благодаря смелому проекту британских властей по согласованию местных индийских постановлений и английского общего права по уголовно-правовым вопросам[2]. Более полутысячи суверенных индийских княжеств переходили на *уголовное законодательство* по образцу Британской метрополии. Хотя в некоторых продолжало субсидиарно действовать ранее принятое французское и португальское уголовное право.

В 1833 г. в Калькутте был учрежден Законодательный совет при генерал-губернаторе Индии, куда наряду с другими чиновниками и судьями Высшего суда был включен специально назначенный *советник по правовым вопросам*, исторически ключевая фигура в деле кодификации уголовного права Индии [3].

Первым таким советником был назначен *Томас Бэбингтон Маколей* (*Thomas Babington Macaulay*, 1800–1859 гг.). Он был видным британским историком-государствоведом, блестящим парламентским оратором, который получил образование в Кембриджском университете и «*Lincoln's Inn*» в Лондоне. По предложению Совета директоров Ост-Индской компании, Т. Маколей стал главой *Правовой комиссии* в период в 1834–1837 гг., впервые созванной в Калькутте в составе еще трёх юристов (*Маклеод, Андерсон и Миллец*).

В *период 1833–1838 гг.,* который сам Маколей называл счастливым «индийским заточением», он занимал пост правового советника при генерал-губернаторе *Уильяме Г.К. Бентинке*, который проводил важные судебные реформы, ликвидировал провинциальные и выездные суды, привлек в суды местных индийцев, перевел судопроизводство на английский язык вместо санскрита и фарси.

Но в отсутствии единообразного *уголовного кодекса*, Бентинку пришлось вести борьбу с местной традиционной и ритуальной преступностью, связанной с человеческими жертвоприношениями и религиозными обрядами, с помощью своего «указного права» и внесудебной расправы. Так, особым распоряжением Бентинка в 1828 г. был введён уголовно-правовой запрет на бесчеловечный *обряд сати*, самосожжения индийских вдов[4]. По местным воззрениям это была вполне легальная практика самоубийства (по типу японского обычая *харакири*), получившая статус обязательного ритуала в брахманизме для жён правителей

---

[1] *Bhattacharyya-Panda N. Appropriation and Invention of Tradition: The East India Company and Hindu Law in Early Colonial Bengal.* Delhi: Oxford University Press, 2008.

[2] *Bhattacharya N.* Remaking Custom: The Discourse and Practice of Colonial Codification // *Tradition, Dissent and Ideology* / Ed. by *R. Champakalakshmi, S. Gopal*. Delhi, 1996. P. 20-51.

[3] *Крашенинникова Н.А.* Индусское право: история и современность. М., 1982. С. 71-72.

[4] *Ковтун Г.С.* Истоки и священный смысл ритуала сати: социологическая интерпретация // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2008. № 2. С. 50-51.

(раджей и принцев крови), военачальников и знатных людей, которые не могли уклониться от смерти на погребальном костре мужа[1]. Такое почётное самоубийство предписывалось священными книгами индусов и было их религиозно-этическим долгом («*дхарма вдовы*»)[2].

Другое направление жёсткой уголовно-правовой политики У. Бентинка было связано с такой формой «ритуальной преступности», как религиозный бандитизм группировок *тугов* (англ. *thuggee* – «душители»), которые промышляли грабежами, ритуальными убийствами, жертвоприношениями в честь индусской богини *Кали*. Британский полковник У.Г. Слиман так их описывал: «Душители не были преступниками в обычном смысле, они были побуждаемы непреодолимым влечением к убийству. Эта их увлекательная игра – выслеживать и душить людей стала наркотиком, неистребимой привычкой…, и это беспокоило британских судей»[3]. За десять лет под руководством У. Бентинка случаи массовой внесудебной ликвидации *тугов* разрослись до печальной статистики: повальные аресты, смертные казни, пожизненные заточения в тюрьмах без долгих судебных разбирательств[4]. В условиях отсутствия унифицированной уголовной политики и уголовного кодекса эти внесудебные исключительные меры с точки зрения британских чиновников были неотложными и обоснованными[5].

В этих причинах кроется важность губернаторского *поручения Т. Маколею* как можно скорее изучить запутанную местную ритуально-криминальную практику и специфические формы преступности индусов и мусульман, а затем приступить к систематизации колониального уголовного права и разработать *теоретический проект УК Индии*, общего для всех жителей и судов колонии.

Подготовленный Маколеем *проект Уголовного кодекса* был доработан первым составом Правовой комиссии в Калькутте (британские юристы Маклеод, Андерсон, Миллец). Будучи учеником Дж. Бентама и находясь под влиянием его проекта УК («*General Principles of Criminal Cod*e») 1789 г., Маколей развивал эту идею в своей кодификационной практике в Правовой комиссии. Основываясь на бентамовских разработках, Маколей рассчитывал на рациональную апробацию своего проекта УК в местных индийских условиях, преследуя важную утилитарную цель *получить опытный образец* для кодификации уголовного права в самой Великобритании[6].

---

[1] См.: Индийская жена: исследования, эссе. М., 1996. 247 с.
[2] *Гусева Н.Р.* Индуизм: История формирования. Культовая практика. М., 1977. С. 133.
[3] *Sleeman W.* The Thugs // The Calcutta Magazine. 1832. No. XXXIII. September. P. 505.
[4] См. отчёт: *Tornton E.* Illustrations of the History and Practices of the Thugs, and Notices of Some of the Proceedings of the Government of India, for the Suppression of the Crime of Thuggee. London, 1837.
[5] Crime and Criminality in British India / Ed. by *A.A. Yang*. Tucson, Ariz., 1985. 192 p.
[6] *Mith K.J.M.* Macaulay's Utilitarian Penal Code: An Illustration of the Accidental Function of Time, Place and personalities in Law Making // Legal History in the Making: Proceedings of the Ninth British Legal History Conference. London; Rio Grande, Ohio, 1991. P. 145-164.

Дж. Бентам предсказывал успех кодификации права в британских колониях и прежде всего в Индии[1]. Известно, что он отсылал письма о реформе законодательства генерал-губернатору У. Бентинку и консультировал по этому вопросу своего ученика Дж. Милля в Контрольном совете Ост-Индской компании. Неспроста Бентама называли «мёртвым законодателем Британской Индии», имея в виду что и после своей смерти, случившейся накануне отправки Т. Маколея в Индию, он все еще вдохновлял на кодификацию колониального права[2].

Как вспоминал Дж.Ф. Стифен, продолжавший его дело в этой колонии, «юридический гений» Т. Маколея так развернулся, что подготовленный им УК Индии вполне можно сравнить по значимости с наполеоновским УК 1810 г. и немецким УК 1871 г., как тот самый «*недостающий паззл в картине всемирной кодификации*»[3].

Во время своей парламентской речи о необходимости его принятия, Т.Б. Маколей так высказался: «Я верю, что ни одна страна так сильно не нуждается в кодексе как Индия, и я верю также что нет такой страны, где бы это можно было бы так легко выполнить. *Кодекс* – это едва ли не единственное возможное благодеяние, которое абсолютистское правительство может даровать в более подходящей для народа форме, нежели само народное правительство»[4].

Уникальность *проекта УК Маколея* состояла в том, что он был продуктом соответствующего времени и места, четко отражая как культурно-исторический контекст правовой экспансии Британской Индии, так и классические принципы английского уголовного права. *УК Маколея* представлял собой переработку английских статутов и прецедентов, очищенных от устаревших институтов и сложных категорий англосаксонского права[5].

Маколей проводил консультации со знатоками индусского права и брахманами-богословами (*пандитами*), изучал и систематизировал городские судебные архивы, проводил опросы среди местных активистов и «криминальных элементов» из туземного населения, по поводу специфики ритуальной преступности и составов традиционных правонарушений.

---

[1] *Vesey-Fitzgerald S.* Bentham and the Indian Codes // Jeremy Bentham and the Law: A Symposium / Ed. by G.W. Keeton, G. Schwarzenberger. London, 1948. P. 222.

[2] *Bentham J.* On the influence of time and place in matters of legislation (1782) // The Works of Jeremy Bentham / Ed. by *J. Bowring*. 11 vols. Edinburgh, 1843. Vol. I. P. 169-194.

[3] *Stephen J.F.* Codification in India and England // The Fortnightly Review. 1872. Vol. 18. P. 644-645. В третьем томе его «Истории уголовного права Англии» отдельная глава посвящена индийскому уголовному праву, см.: *Stephen J.F.* A History of the Criminal Law of England. London: Macmillan and co., 1883. 3 vols.

[4] *Wright B.* Macaulay's Indian Penal Code: Historical Context and Originating Principles // Codification, Macaulay and the Indian Penal Code: The Legacies and Modern Challenges of Criminal Law Reform. Surrey: Ashgate Publishing Limited, 2016. P. 19-58.

[5] *Patra A.C.* An Historical Introduction to the Indian Penal Code // Essays on the Indian Penal Code: published on the occasion of the centenary of the Indian Penal Code / Ed. by *S. Govindarajulu*. Bombay, 1962. P. 33-46.

Большое влияние на УК Маколея оказало французское уголовное право, причём как сам *УК Наполеона 1810 г.* с точки зрения его формы и техники, так и его американский вариант – *УК Луизианы*[1].

О последнем кодексе стоит сказать отдельно, т.к. сам Т. Маколей рассматривал его в качества важного образца, наряду с Бентамовским проектом УК. В североамериканском штате Луизиана юрист Э. Ливингстон (*Edward Livingston,* 1764 – 1836), будущий американский посол во Франции, подготовил сразу несколько проектов – уголовный, уголовно-процессуальный и гражданский кодексы. Отправной точкой для написания УК Луизианы послужил трактат Дж. Бентама «Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении» («*Traité de Législation Civile et Pénale*»)[2]. В 1826 г. Ливингстон закончил уголовно-правовой свод статутных и прецедентных норм, который отличался простотой и ясностью изложения. Этот т.н. «Кодекс Ливингстона» состоял из следующих книг (мини-кодексов): 1) процессуальный кодекс; 2) кодекс доказывания; 3) кодекс тюремной дисциплины; 4) кодекс преступлений и наказаний (690 ст.)[3]. Кодекс был высоко оценен европейскими законодателями, в отличие от местных консервативных юристов и членов легислатуры Луизианы, издан большими тиражами в Англии, Германии и Франции, рассматривался как важный доктринальный источник[4]. Сам Ливингстон справедливо полагал, «что его кодекс был первой реальной попыткой, по крайней мере в англо-американском мире, систематизировать уголовное право на такой ясной научной основе»[5].

Систематика «Кодекса Ливингстона» заметно повлияла на проект УК Т. Маколея, который пришёл к выводу о необходимости обособления «общей части» в структуре кодекса, о последовательной гуманизации санкций в УК Индии, особенно в части минимизации составов со смертной казнью, о размежевании в два самостоятельных кодекса норм уголовного права и уголовного процесса.

Официально Комиссия Т. Маколея приступила к переработке всех этих зарубежных образцов и колониального законодательства в 1835 г., когда генерал-губернатором было дано специальное указание о разработке УК Индии (распоряжением от 15 июня 1835 г.). Тогда в помощь Маколею назначили двух новых помощников – Джона Маклеода и Чарльза Камерона,

---

[1] Penal Code of the French Empire // American Review of History and Politics. 1811. Vol. 2. Appendix. P. 1-69; *Pound R.* Codification in Anglo-American Law // The Code Napoleon and the Common-Law World: The Sesquicentennial Lectures Delivered at the Law Center of New York University, December 13-15, 1954 / Ed. by B. Schwartz. New York, 1954.

[2] Livingston E. Edwards Livingston to Bentham // The Works of Jeremy Bentham / Ed. by J. Bowring. Vol. 5. P. 23.

[3] A Code of Crimes and Punishments // The Complete Works of Edward Livingston on Criminal Jurisprudence. 187. P. 13-181 (reprinted 1968); Hall J. Edwards Livingston and His Louisiana Penal Code // American Bar Association Journal. 1936. Vol. 22. №. 3. P. 196.

[4] См.: *Кочемасов А.В.* Исторический опыт кодификации уголовного права в США в XIX – начале XXI в.: Дис. ...канд. юрид. наук. М., 2015. С. 92-96.

[5] Цит. по: *McClain.* Criminal Law Reform: Historical Development in the United States // Encyclopedia of Crime and Justice. 1983. Vol. 2. P. 505.

которые, однако, спустя год не смогли продолжить сотрудничество по состоянию здоровья. В результате он самостоятельно заканчивал уголовно-правовую систематизацию и разработку проекта УК. Поэтому завершил его только летом 1837 г., а затем в октябре официально передал новому генерал-губернатору лорду Оклэнду[1].

Комиссионеры также представили свой *первый доклад*, в котором обосновали реальную возможность выработки *трех кодексов* для Британской Индии: 1) кодекс, который бы систематизировал персональные нормы мусульманского права; 2) кодекс, систематизирующий нормы индусского права; и 3) кодекс, который содержит нормы территориального уголовного права, общеиндийского и обязательного для всех этносов и конфессий на территории индийских колоний.

Лорд Т.Б. Маколей покинул Индию в 1838 г., и вскоре правительство Индии фактически отвлеклось от уголовно-правовой кодификации. Катастрофы и триумфы афганской войны, борьба с сикхами под предводительством лорда Хардинга, завоевание Пенджаба, аннексия лорда Далхаузи и мятеж 1857 г. повернули умы людей в другом направлении. Об этом писал в работе «*Codification in India and England*» Джеймс Ф. Стифен (*James Stephen*, 1829–1894), прибывший правовым экспертом в Совет при вице-кроле Индии и разрабатывавший там законопроекты по консолидации и кодификации уголовного и процессуального права Индии[2].

После отбытия Маколея в 1838 г. в Англию, его проект УК подвергался неоднократным редакциям. В апреле 1845 г. он был направлен в новую *Правовую комиссию* и спустя примерно год ее члены – юристы Ч.Х. Кэмерон и Дж. Эллиот представили свой доклад о поправках в проект УК Маколея.

Затем в 1851 г. стали приходить отзывы на проект от судей Верховного суда, Генерального атторнея из Мадраса, других индусских правоведов. Пересмотренный проект был передан на голосование в Законодательный совет Индии 28 декабря 1856 г. Спустя месяц он был опубликован в официальном источнике – правительственной газете «*Calcutta Supplementary Gazette*» (выпуски от 21, 24 и 28 января 1857).

Вспыхнувший весной 1857 г. *мятеж сипаев* – индийских солдат британской армии в Бенгалии, разросшийся в кровопролитное национальное восстание, ускорил *доработку УК Индии* с целью подавления практики безнаказанности и мятежных настроений. Его лично

[1] *Cameron C.H., Elliott D.* The Indian Penal Code as Originally Framed in 1837 and the First and Second Reports. Madras, 1888.
[2] *Stephen J.F.* Codification in India and England // The Law Magazine and Review. London, 1872. Vol. 1. P. 967-969.

отредактировал председатель Верховного суда Калькутты, сэр Б. Пикок. Официально датой подписания УК Индии генерал-губернатором считается *6 октября 1860 года*[1].

Значимость завершения этой уголовно-правовой реформы изданием полноценного Кодекса связана с тем фактом, что год спустя после подавления бунта сипаев было окончательно отменено правление британской Ост-Индской компании и британское правительство перешло на прямое управление. В 1877 г. королева Виктория была коронована императрицей Индии, ставшей «алмазом в британской короне».

Важно подчеркнуть, что проходившая в тот период систематизация колониального права Индии была комплексной и межотраслевой, она содержала как элементы кодификации, так и консолидации. Последняя была более характерна дал самой метрополии, где в 1860-е годы проходила отраслевая реформа английского уголовного права. В то же время такого успеха как в Индии достичь не удалось из-за половинчатости преобразований и традиционно англосаксонского неприятия феномена кодификации. Как верно подметил современник, «сравнивать *индийский Уголовный кодекс* с английским уголовным правом – это всё равно, что сравнивать космос с хаосом. Любой здравомыслящий человек, интересующийся данным вопросом, сможет получить весьма полное и точное представление об уголовном праве Индии всего за несколько часов прочтения её Уголовного кодекса»[2].

Активно развернувшееся в 1859–1882 гг. в Индии движение за реформу права и модернизацию местного законодательства привело к ускорению процесса принятия ряда кодексов и крупных консолидированных актов.

Успешность введения УК Индии на практике была связана с систематическим подходом реформаторов, которые параллельно выработали в колонии и другие базовые кодексы: Гражданско-процессуальный кодекс 1859 г., Уголовно-процессуальный кодекс 1861 г.[3], консолидированные Законы о полиции 1861 г. и доказательствах 1872 г. Были также утверждены консолидированные статуты Индии – Закон о наследовании 1865 г., Закон о надлежащем выполнении договорных обязательств 1872 г., Закон о ценных бумагах 1881 г., Закон о передаче права собственности 1882 г., Закон о доверительной собственности 1882 г.

В основе успеха широкомасштабной систематизации и унификации колониального права[4], в особенности уголовного законодательства, лежали довольно веские утилитарные

---

[1] Central Act XLV of 1860, или “IPC” (Indian Penal Code) // The Acts of the Legislative Council of India of 1861, with an Analytical Abstract Prefixed to Each Act. Vol. 5. Calcutta, 1862. P. 129-266.

[2] *Lelan L.* Law and the Study of Law // The Canadian Monthly and National Review. 1878. Vol. 13(1). P. 199.

[3] *Mukherjee Mithi.* Codification and the Rule of Colonial Difference: Criminal Procedure in British India // Law & History Review. Fall 2005. Vol. 23(3). P. 589-630; Уголовно-процессуальный кодекс Индии / Пер. с англ. М., 1959. В современный период действует УПК Индии 1973 г., созданный по англо-американскому образцу и вступивший в силу с 1 апреля 1974 г.

[4] The Anglo-Indian codes / Ed. by *Wh. Stokes*. Oxford: Clarendon Press, 1887-1888. 2 vols. Vol. 1. Substantive law; Vol. 2. Adjective law.

причины. Прежде всего, британским властям необходимо было обеспечить надежное управление и правопорядок на обширной территории нестабильных индийских княжеств, с их разрозненной правовой системой, господством традиционного (индигенного) права, «права хинди» и шариата, коррупцией в огромных масштабах, спорадическими восстаниями индусского населения[1].

В то же время никто не мог рассчитывать на скорейшую и эффективную «уголовно-правовую аккультурацию» местных жителей по британскому образцу. Это объяснялась рядом причин, в том числе несоответствием прогрессивных правовых идей и принципов уровню развития местной правовой культуры, и возможностям запуганного репрессиями и по большей части необразованного населения, ортодоксальная верхушка которого выступала против радикальных западных преобразований.

К тому же колониальная администрация мало что предпринимала в направлении эффективного внедрения нового УК 1860 г., повышения правовой грамотности, создания институтов и гарантий исполнения уголовных законов[2]. По словам Г.В. Вызинского, русского биографа Т. Маколея, подготовленный им проект УК обладал целым рядом теоретических достоинств, но и весомыми практическими недостатками. «Он был, можно сказать, слишком хорош для индийского населения. Индусы еще не доросли до таких законов. Различие туземных пород сделало почти невозможным его применение»[3].

Но, с другой стороны, *успешный эксперимент* по принятию колониального УК Индии 1860 г. отразился на правосознании и практике жизни местных английских чиновников, судей и британских подданных. Вот как об этом особом отношении к новому УК в среде местных англичан рассуждал *Дж.Ф. Стифен*, прибывший сюда в 1870-е гг.: «Вы, естественно, спросите, как удался этот процесс кодификации… Знания каждого гражданского лица, которого вы встретите в Индии, об *Уголовном кодексе* и двух процессуальных кодексах совершенно удивляют английского юриста. …(Они) знают Уголовный кодекс наизусть и рассказывают о мельчайших деталях его положений с повышенным интересом. Меня неоднократно информировали о том, что право — это предмет, который с удовольствием изучают местные студенты в университетах, и что влияние кодифицирующих законов, как простого инструмента образования, едва ли можно преувеличить. …Правительству Пенджаба задали вопрос, есть ли у него какие-либо предложения относительно специальных законов для управления такой дикой границей, как районы между Индом и горами. Они ответили, что не могут предложить ничего лучше, чем *Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс* Индии с парой небольших изменений и дополнений. …Однажды мне довелось посоветоваться с местным военным

[1] *Rankin G.G.* The Indian Penal Code // Law Quarterly Review. 1944. Vol. 60. P. 37-50.
[2] *Singha R.* A Despotism of Law: Crime and Justice in Early Colonial India. Calcutta; Oxford, 1998.
[3] *Вызинский Г.В.* Лорд Маколей, его жизнь и сочинения. СПб., 1860. С. 65.

офицером по некоторым вопросам, связанным с закоренелыми преступниками. Его особой обязанностью было подавление бандитов-тугов. После моего замечания он вытащил из кармана небольшой Уголовно-процессуальный кодекс, переплетенный как записная книжка, открыл именно тот раздел, который относился к рассматриваемому делу, и указал, что он действует с совершенной точностью и *в соответствии с кодексом*!»[1].

§ III.2.2. Кодистические особенности УК Индии 1860 г.

УК Индии (23 главы и 511 статей) был построен по условно *пандектной системе*, хотя не имел чёткого обозначения «Общей части» и «Особенной части». Как подчеркивает видный индийский криминолог Кришна Део, все положения Кодекса можно классифицировать на две категории: (i) *General Principles*, и (ii) *Specific Offences*[2].

«Общую часть» индийского УК можно прежде всего выделить в виде первых шести глав и заключительная глава кодекса, а именно:

Глава I «Введение» (ст. 1–5); Глава II «Общие определения» (ст. 6–52A); Глава III «О наказаниях» (ст. 53–75); Глава IV «Об общих исключениях» (ст. 76–106); Глава V «О соучастии» (ст. 107–120); Глава VA «О преступном сговоре» (ст. 120A–120B), и Глава XXIII «О попытках совершения преступлений» (ст. 511).

В Главе первой «Введение» УК Индии, включающей статьи 1 – 5, рассматриваются вопросы применения и юрисдикции действия «*the Penal Code*» 1860 г. Он, как поясняется в преамбуле, создавался как общий кодекс для всей территории Индии.

Глава вторая УК Индии, состоящая из 47 статей, содержит статутные определения и *дефиниции уголовно-правовых терминов*, конструкций и институтов (ст. 6–52A). При этом действуют два правила системного толкования: 1) согласно ст. 6, любое определение преступления в Кодексе, или иное уголовно-правовое положение, или любая иллюстрация к составу преступления и наказанию, должны применяться с учетом исключений, содержащиеся в Главе IV об обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность; 2) согласно ст. 7, любая формулировка, которая используется в статьях Кодекса, должна пониматься одинаково в каждой части Кодекса в соответствии с данными вначале Кодекса определениями и дефинициями. В этой «словарной части» Кодекса приводится более 50-ти дефиниций и

[1] *Stephen J.F.* Codification in India and England // Fortnightly Review. 1872. Vol. 18. P. 644-654. https://fitzjames-stephen.blogspot.com/2017/01/codification-in-india-and-england.html
[2] *Gaur Krishna Deo*. Textbook on the Indian Penal Code. New Delhi, 2016. P. cxxv.

разъяснений терминов, ключевых для конструкции составов преступлений и индивидуализации ответственности[1].

В статье 2 УК Индии было положение о *запрете обратной силы* уголовного закона, и содержалась фраза, исключённая позднее законом 1873 г. о том, что предписания УК применяются по состоянию 1 мая 1861 года и *на будущее время*, т.е. не могут быть обращены в прошлое.

По правилам *действия в пространстве* УК Индии применяется независимо от гражданства правонарушителя или места его жительства, а в зависимости от места совершения преступления (территориальная юрисдикция). Так, если солдат индийской армии совершает, например, убийство в каком-либо иностранном государстве (например, в Непале), находясь на службе, он может быть привлечен к ответственности на территории Индии, и будет нести наказание таким же образом и в той же степени, как если бы деяние было совершено им в пределах территориальной юрисдикции Индии[2].

Столь широкие границы *пространственного действия* УК Индии отражали амбициозные устремления его автора Т.Б. Маколея создать в будущем *общий Кодекс для всех земель Британской империи*[3].

Правила действия УК *по кругу лиц* начинаются с объяснения понятия «*лицо*» в ст. 11 УК Индии. Речь идет прежде всего о физическом лице – человеке (мужчине или женщине, определения которых содержатся в ст. 8 и 10, а также в статье о гендере в УК). Уголовная ответственность возможна по достижении 9-летнего возраста, в соответствии со ст. 2 Закона о внесении изменений в УК Индии 2004 г.[4] В целях уголовно-правовой защиты «*лицом*» признается еще *не родившийся ребенок*, находившийся в утробе матери и подвергшейся опасности для его жизни или здоровья.

В индийское учение об уголовном законе также входит раздел об *определении, структуре и признаках преступления*. Но в Общей части УК Индии можно найти лишь разрозненные

---

[1] В их числе такие термины, как: «лицо», «мужчина» и «женщина», «жизнь» и «смерть», «публика», «статья», «специальный закон» и «местный закон», «незаконный», «преступление», «действие» и «бездействие», «сознательно», «вред», «добросовестно», «бесчестно», «обманный способ», «неправомерное приобретение», «сокрытие», «судья» и «суд», «правительственный служащий», «должностное лицо», «присяга», «движимое имущество», «имущество жены, прислужника или слуги», «документ», «ценная бумага», «завещание», «животное», «судно», «род» и «число», «год» и «месяц», и др.

[2] См.: Indian Army Act, 1950. Подробнее в кн.: *Nawaz Khader*. Criminal Jurisdiction and International Law. 1962; Indian Year Book of International Affairs, Vol. I. P. 210.

[3] *Balasubrahmanyam V.* Jurisdiction // Essays on the Indian Penal Code: published on the centenary of the Indian Penal Code / Ed. by *S. Govindarajulu*. Bombay: N.M. Tripathi, 1962. P. 47-55.

[4] The Indian Penal Code (Amendment) Act, 2004 (Act No. XXIV of 2004). В Великобритании возраст ответственности был повышен сначала до 8, а затем и до 10 лет (Закон о детях и молодых людях 1933 г.).

признаки такого центрального понятия, как *«преступление»*. Его четкое и полное материальное определение отсутствует, что характерно для англосаксонской правовой традиции[1].

Однако, в «*explanation*» к статье 4 УК Индии содержится объяснение, согласно которому понятие «*offence*» включает в себя любое действие, совершенное в том числе за пределами Индии[2], если оно, будучи совершено в пределах Индии, наказывалось бы по Уголовному кодексу Индии[3].

Более того, в статье 40 «*Правонарушение*» УК Индии раскрывается понятие *offence,* которое здесь обозначается как «что-либо, признанное уголовно наказуемым в соответствии с настоящим Кодексом» (*by this Code*). Остальные же ситуации и деяния, описанные в Главе IV «Обстоятельства, исключающие ответственность» и Главе VA «Преступный сговор», а также в целом ряде статей Особенной части УК Индии, признаются наказуемыми либо на основании предписаний УК Индии (*under this Code*), либо специального и местного законодательства.

При этом в ст. 41 УК поясняется значение термина «*специальные законы*» (*special laws*), например, акты об акцизах, азартных играх, железнодорожных перевозках, обороте опиума, посягательстве на рогатый скот, и т.п., предусматривающие новые составы правонарушения и соответствующие наказания, которые не установлены в УК Индии. Также по смыслу ст. 41 являются специальными актами такие, как Закон о внесении изменений в УК Индии 1932 г.[4], Закон о таможне 1962 г.[5] и Закон о наркотических препаратах и психотропных веществах 1985 г.[6] В ст. 42 УК разъясняется понятие «*местное законодательство*» (*local law*), под которым понимается закон или иной источник права, применимый к данной определенной части Индии (провинция, штат, союзная территория). Например, принятый в штате *Мадрас* «Закон об охране общественного порядка» 1947 г. остается до сих пор местным уголовным правом, применимым к этому же штату, переименованному в Тамилнад. Аналогичным образом «Закон о борьбе с организованной преступностью» штата *Махараштры* признается актом местного уголовного права (*local law*). Важно уточнить, что когда местный закон *союзной территории или штата* Индийского Союза закрепляет уголовно наказуемое деяние в виде нарушения его предписаний, то такое деяние будет приравниваться к «*преступлению*» в том же смысле, как оно толкуется по ст. 40 федерального УК 1860 г.

---

[1] *Епифанова Е.В.* Понятие преступления в уголовном праве Индии: традиции и современное состояние // Очерки новейшей камералистики. 2017. № 2. С. 32-34.

[2] *Rambharthi.* 1923 // 25 Bom LR 772; 47 Bom 907.

[3] *Pheroze v. State,* 1964 (2) Cr LJ 533 (Bom). К сожалению, исключение по-прежнему составляют случаи «детских браков», заключенных индийскими гражданами за границей, хотя они и являются уголовно наказуемыми в соответствии с индийским «Законом о запрещении детских барков».

[4] *Arunagirinath,* (1939) Mad 87.

[5] *Supdt. Of Customs & Central Excise, Nagercoil v. R. Sundar,* 1993 Cr LJ 956 (Mad).

[6] *Daulat Raghunath Derale v. Stale of Maharashtra,* 1991 Cr LJ 817.

Наконец, согласно абз. (3) ст. 40 УК Индии, понятие «*преступление*» имеет аналогичное значение в следующих статьях – 141, 176, 177, 201, 202, 212, 216 и 441 Кодекса, при условии что такое деяние *наказывается* по специальному или местному закону в виде лишения свободы на срок шесть месяцев или более, со штрафом или без такового[1].

В целом, в кодифицированной части уголовного права Индии прямо не используется термин *crime*, но он применяется как эпитет (*criminal*) при определении тяжкого социально опасного деяния, для отграничения его от гражданского деликта (*'civil wrong'* или *'tort'*). В то же время в уголовно-правовой доктрине уже давно предпринимаются попытки выработать понятие *crime*[2].

В тексте УК Индии нет определения *corpus delicti* (состава преступления) как основания уголовной ответственности. Его два ключевых элемента – *actus reus* (или *conduct elements of offences*) и *mens rea* (лат. «виновная мысль», или *fault elements of offences*) объясняются в Главе второй Кодекса.

1) Внешняя (физическая), или объективная сторона преступления – ***actus reus*** в форме преступного деяния раскрывается в ст. 32 – 33 УК, через интерпретацию двух терминов – «*act*» и «*omission*». При этом уточняется, что понятие «действие» включает как серию действий, так и единичный поступок; точно также понятие «бездействие» предполагает как единичное, так и многократное длящееся бездействие.

2) Внутренняя, или психическая составляющая преступления традиционно обозначается в англо-индийской доктрине термином *mens rea*. В ст. 39 УК Индии описывается волевой элемент виновности, и раскрывается термин «свободоволие» (*voluntarily),* позаимствованный частично из английского уголовного права как аналог термина *wilfully* (преднамеренно)[3]. Целый ряд преступлений может быть совершен не только с умышленной формой вины (преступное намерение и знание), но и по неосторожности: осознанная неосторожность (*wilful negligence*, или *recklessness*), и неосознанная неосторожность (*inadvertent negligence* – неумышленная халатность, или *negligence*)[4].

Нормы о соучастии в УК Индии сосредоточены в специальной Главе V «О соучастии» (“*Of Abetment*”), состоявшей из 15 статей (ст. 107 – 120). Они регламентировали такие вопросы, как: определение видов соучастников, признаки субъекта соучастия, основание ответственности, различия в *mens rea* и *actus reus* соучастников, совокупность соучастия, присутствие соучастника на месте преступления, соучастие в неоконченном преступлении,

---

[1] Цит. по: *Ratanlal and Dhirajlal*'s the Indian Penal Code. 28th ed. New Delhi, 1999. P. 45.
[2] *Gaur K.D.* Criminal Law Cases and Materials. Butterworths, 2008; *Gaur K.D.* Personal Liberty and National Emergency under Indian Law: A Critical Appraisal // Sao Paulo Conference on the Law of the World, 1981. P. 28-34.
[3] См.: *Hall J*. General Principles of Criminal Law. Indianapolis, 1960. P. 70-77.
[4] См.: *Флетчер Дж., Наумов А.В*. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998. С. 18, 283.

соучастие правоохранительных чиновников, массовое соучастие (участие более 10 лиц), сокрытие замысла преступления[1].

Все статьи этой Главы УК Индии имели собственные названия, порой весьма пространные, описательные по несколько предложений. В этом была специфика юридической техники, колониальной юриспруденции и в большей мере *авторский стиль* самого Т.Б. Маколея, известного на родине как плодовитый писатель, историк и государствовед.

Почти все статьи Главы о соучастии были снабжены отдельными «*объяснениями*» (например, к ст. 108 прилагается сразу пять пояснений), а также сопровождались особыми «*оговорками*» (например, *proviso* в ст. 111) и «*иллюстрациями*» с описанием судебных примеров, гипотетических криминальных ситуаций (кроме ст. 110, 114 и 120).

С точки зрения *юридической техники* института соучастия Т. Маколей выбрал известный приём: перечисление категорий (видов) соучастников преступного сообщества, создаваемого для совершения преступления путем подстрекательства, сговора или содействия.

Ряд норм, помогающих в толковании понятия «соучастие», можно также найти в Главе II УК Индии «Общие объяснения». Кроме положений о соучастии, непосредственно закрепленных в Общей части УК, этот институт регулярно встречается в диспозициях статей Особенной части Кодекса.

Продолжением казуистической регламентации института соучастия стала его законодательная реформа в 1913 году, когда был внесен ряд важных поправок в Уголовный кодекс Индии. Во-первых, его Глава V была дополнена специальной нормой о принципе территориальности применительно к институту соучастия. Во-вторых, была введена новая Глава VA «Преступный сговор» (“*Criminal Conspiracy*”, ст. 120A – 120B), инкорпорированы нормы «общего права» об этом устаревающем институте *conspiracy*.

Институт наказания был закреплен в отдельной Главе III «*О наказании*» (ст. 53–75) УК Индии, с детальным описанием принципов и методов назначения и исполнения наказания, что было политически востребовано в колониальный период. Это было обусловлено ситуацией регулярных колониальных бунтов, антибританских восстаний, ростом религиозной, коррупционной и организованной преступности в Индии.

На формулировки этой Главы УК Индии оказывала концептуальное влияние английская уголовно-правовая доктрина и господствовавшая в колонии «пенологическая модель» (направление уголовной политики и особая практика применения наказаний).

В период создания Кодекса и его последующего введения в действие была распространена превентивно-репрессивная модель уголовной политики[2]. Всего можно выделить три основные

[1] См. подробнее: *Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н.* Формирование института соучастия в уголовном праве Индии XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Том 22, № 1. С. 66-90.

«*пенологические модели*» в колониальный и постколониальный периоды в Индии. В своем основании они имели различные представления о сущности и целях наказания и обусловили соответствующие уголовно-пенитенциарные практики на местах: (1) карательно-пенитенциарная, (2) превентивно-репрессивная и (3) гуманистически-реформационная[1].

Глава III «О наказании» содержала специальную статью 53, в которой иерархически перечислялись шесть видов наказаний: 1) смертная казнь; 2) уголовная ссылка (*transportation*), которая лишь в 1956 г. была заменена на пожизненное тюремное заключение; 3) телесное наказание – порка *(whipping),* отмененное только в 1949 г.; 4) срочное тюремное заключение *(imprisonment),* которое могло быть двух видов – простое и строгое лишение свободы; 5) конфискация имущества; 6) денежный штраф.

Специфика указанной системы наказаний объясняется двумя пенологическими особенностями, характерными и для современного состояния уголовного права Индии.

Во-первых, это разнообразие видов («лестница») наказаний и широта судейской дискреции при их выборе, с характерным отсутствием градации на основные и дополнительные наказания. Поэтому большинство санкций в Особенной части УК Индии отличаются альтернативным характером, и предусмотренные в них наказания могут либо заменять, либо дополнять друг друга.

Во-вторых, это гуманистическая направленность системы наказаний и исключение из их перечня религиозно-сакральных и порочащих санкций, а также телесных и членовредительских наказаний, с постепенным сужением круга преступлений, караемых смертной казнью или неопределенными сроками лишения свободы. Подобные тенденции были продиктованы проникавшей в колониальную Индию утилитаристской философией и превентивно-репрессивной моделью наказания[2]. Но напомним, что в УК Индии этот вид наказания был включен в виде порки (англ. *whipping*) и практиковались вплоть до 1955 г., когда был окончательно запрещен как негуманный и устаревший вид наказания.

За прошедшие полтора века уголовная политика и пенологическая практика не ограничивались лишь УК Индии, нередко отклоняясь от строгой системы кодифицированных санкций. Индийским судьям предоставлено право широкого выбора между различными дополнительными мерами принуждения (увольнение с места работы или учебы, принудительные работы, коллективные штрафы, арест, и др.)[3].

---

[2] *Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н.* Институт наказания в Уголовном кодексе Индии 1860 г.: пенологические теории // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т.12(3). С. 431-443.

[1] *Малиновский А.А.* Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М., 2002. С. 152.

[2] *Трикоз Е.Н.* Уголовный кодекс Индии 1860 г.: эволюция понятия и целей наказания // История государства и права. 2018. № 1. С. 29-35.

[3] *Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н.* Цели и система наказаний в Уголовном кодексе Индии 1860 г. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2018. № 1. С. 23-43.

В современный период в Индии сложилась *плюралистическая* система мер уголовно-правового принуждения, которая включает четыре подуровня:

1) *основная система наказаний*, закрепленная в Главе III «О наказании» Уголовного кодекса Индии 1860 г.;

2) перечень уголовных санкций, закрепленных в нормах «общего права» и индийских антикриминальных актах – *меры предупреждения* (пробация, судебное предупреждение, выговор), и *меры безопасности* (запрет заниматься профессией, выдворение из страны иностранцев, лишение водительских прав, конфискация орудий преступления и др.);

3) *принудительные меры* для несовершеннолетних («*ювенальные наказания*»), в частности пребывание в школе-реформатории от 3 до 7 лет[1];

4) подсистема *наказаний для военнослужащих*, установленная в специальных военно-уголовных законах Индии.

В Общей части УК Индии особо стоит выделить Главу IV под заголовком «Общие исключения» (“*General Exceptions*”)[2]. Именно здесь впервые был закреплен субинститут *обстоятельств, исключающих ответственность* (*circumstances in which there is no criminal responsibility*), который получил свое статутное институциональное оформление в Кодексе. Здесь были сгруппированы все т.н. *общие обстоятельства* (англ. *general defences*), нашедшие детальное описание в статьях 76 – 106 по «чётким, кратким и понятным категориям»[3].

В Главе IV «Общие исключения» УК Индии объединены 18 отдельных защит (как *justifcations*, так и *excuses*), и соответственно можно выделить семь подгрупп (категорий) исключающих обстоятельств[4]: 1) действия по закону (*judicial acts*), (ст. 77 и 78 УК); 2) фактическая ошибка (*mistake of fact*), (ст. 76 и 79 УК); 3) случай (*accident*), (ст. 80 УК); 4) отсутствие умысла (*absence of criminal intent*), (ст. 81–86, 92–94 УК); 5) согласие (*consent*), (ст. 87–91 УК); 6) малозначительность деяния (*trifling*), (ст. 95 УК); 7) частная защита (*private defence*), (ст. 96–106 УК)[5].

Наряду с ними в указанный субинститут включаются также *специальные обстоятельства,* выделенные применительно к отдельным составам преступлений в статьях Особенной части УК Индии[6].

---

[1] См.: The Central Children Act, 1960; various “Children Acts” of the different States.

[2] *Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н.* Система исключающих ответственность обстоятельств в Уголовном кодексе Индии (*Статья первая*) // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2018. № 5. С. 26-49.

[3] *Rankin G.C.* Background to Indian Law. Cambridge: University Press, 1946. P. vii.

[4] *Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н.* Типология обстоятельств, исключающих ответственность, в уголовном праве Индии // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 5. С. 19-22.

[5] Цит. по: *Ratanlal R., Dhirajlal K.Th.* Op. cit. P. 75. Проблеме классификации исключающих обстоятельств в УК Индии посвящена отдельная статья: *Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н.* Типология обстоятельств, исключающих ответственность, в уголовном праве Индии // История государства и права. 2018. № 12.

[6] *Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н.* Система исключающих ответственность обстоятельств в Уголовном кодексе Индии (статья вторая) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2019. № 3. С. 68-85.

УК Индии 1860 г. не имеет чёткого обозначения «***Особенной части***», хотя ее обычно называют в доктрине как «*Specific Offences*»[1].

В структурно-систематическом плане Особенная часть УК Индии состоит из *шестнадцати глав*. Каждая из них содержит описание составов самых различных преступлений (*specific offences*). Среди них есть и весьма специфические составы: криминализация храмовой проституции, тугизма и дакоитизма; ответственность за осквернение мест религиозных церемоний и предметов культа; наказание за сожжение вдов на костре (обряд сати), за доведение до самоубийства из-за приданного, двоебрачие и многоженство (кроме мусульман).

В целом, *specific offences* в Особенной части У Индии можно условно разделить на **шесть категорий** в зависимости от предмета посягательства.

1) *Преступления против государства* – эта подгруппа объединяет две главы: Глава VI: статьи 121–130 «О преступлениях против государства», и Глава VII: статьи 131–140 «О преступлениях, относящихся к армии, флоту и воздушным силам».

2) *Преступления против общественного благополучия* («*the Common well being*») – данная категория включает в себя предписания десяти глав: Глава VIII: статьи 141–160 «О преступлениях против общественного спокойствия»; Глава IX: статьи 161–171 «О преступлениях государственных служащих или относящиеся к ним»; Глава IXA: статьи 171A – 171I «О преступлениях, относящихся к выборам»; Глава X: статьи 172–190 «О неуважении к законным полномочиям государственных служащих»; Глава XI: статьи 191–229 «О фальсификации доказательств и преступления против публичного правосудия»; Глава XII: статьи 230–263 «О преступлениях, связанных с монетой и государственными марками»; Глава XIII: статьи 264–267 «О преступлениях, связанных с определением веса и меры»; Глава XIV: статьи 268–294 «О преступлениях, затрагивающих общественное здравоохранение, безопасность, удобство, порядочность и нравственность»; Глава XV: статьи 295–298 «О преступлениях, связанных с религией»; Глава XIX: статьи 490–492 «О преступном нарушении контрактов предоставления услуг (найма)».

3) *Преступления против личности* сосредоточены лишь в одной отдельной главе – это Глава XVI «О преступлениях, посягающих на человеческое тело» (статьи 299–377)[2], которая в свою очередь разделена на тематические блоки статей: «О преступлениях, посягающих на жизнь» (статьи 299–131), «О производстве выкидыша, вреда неродившимся детям, оставлении младенцев и сокрытии рождений» (статьи 312–318), «О телесном вреде» (статьи 319–338), «О неправомерном ограничении и неправомерном лишении свободы» (статьи 339–348), «О преступном насилии и угрозе насилия» (статьи 349–358), «О похищении детей, похищении

[1] Gaur Krishna Deo. Textbook on the Indian Penal Code. New Delhi, 2016. P. cxxv.
[2] См.: *Хасан Мохаммад Джеаул*. Преступления против жизни и здоровья по уголовному праву Индии и Бангладеш: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 170 с.

человека, работорговле и принудительном труде» (статьи 359–374), «О сексуальных преступлениях, включая изнасилование и содомию» (статьи 375–377)[1].

4) *Преступления против собственности* – эта подгруппа деяний объединяет две большие главы: Глава XVII «О преступлениях против имущества» (статьи 378–462); и Глава XVIII «О преступлениях, связанные с документами и товарными знаками» (статьи 463–489-Е);

5) *Преступления против семьи* – данная категория включает в себя предписания двух следующих глав: Глава XX «О преступлениях, связанных с браком»: статьи 493–498; и Глава XXA «О жестокости со стороны мужа или родственников мужа»: статья 498-А.

6) *Преступления, посягающие на репутацию* – специфическая для индийской традиционной религиозной культуры глава, которая объединяет две главы: Глава XXI «О диффамации» (статьи 499–502); и Глава XXII «О преступном запугивании, оскорблении и раздражении» (статьи 503–510).

Выделим специфику *юридической техники* и *структурные особенности* УК Индии. И хотя сам Т.Б. Маколей утверждал, что предписания УК весьма определённые и четкие, «без технических излишеств», но на практике применять Кодекс было весьма сложно и по настоящее время такая трудность сохраняется, если пытаться самостоятельно его интерпретировать, не опираясь на авторитетные комментарии и прецеденты толкования[2].

Многие статьи УК Индии содержат многочисленные прибавления – субсидиарные части: это «объяснения», «оговорки», «исключения» и «иллюстрации». Такие *юридико-технические единицы* являются составной частью уголовно-правовой нормы и представляют собой выдержки из статутов и судебной практики. Они изначально были призваны оказать содействие местным судьям в применении уголовного закона единообразно на всей индийской территории.

Так, «*иллюстрации*» преследуют особую цель – дать более полное разъяснение соответствующих составов и иных положений Кодекса на основе описания реальных и гипотетических событий обычной жизни или судебной практики[3]. Яркий пример подобного технического приёма представляет статья 108 УК Индии, которая наряду с общим определением соучастника в преступлении содержит пять «объяснений» и восемь «иллюстраций». По поводу их юридической природы было подчеркнуто в литературе, что если правовые нормы могут создаваться судебными решениями, то они с таким же успехом могут формулироваться в иллюстрациях[4].

---

[1] *Трикоз Е.Н.* Государство и сексуальность: рекриминализация гомосексуальности в постлиберальном обществе Индии // Границы прав и свобод личности с точки зрения либертарно-правовой теории (К 80-летию В.С. Нерсесянца). Воронеж, 2018. С. 91-98.

[2] Codification, Macaulay and the Indian Penal Code: The Legacies and Modern Challenges of Criminal Law Reform / Ed. by *Wing-Cheong Chan, Barry Wright, Stanley Yeo*. Burlington: Ashgate, 2011. P. 3-4.

[3] *Sapru T.B.* Encyclopedia of General Acts and Codes of India. Butterworths Co., 1930. Vol. II. P. 9.

[4] *Rankin G.* Background to Indian Law. 1946. P. 203.

Нередко *диспозиция* нормы УК Индии размещена в одной статье, а её *санкция* – в другой. Отдельные статьи настолько громоздки, что содержат казуистическое *описание состава* преступления на нескольких страницах. В этом проявляется свойственная англосаксонскому уголовному праву детализированность и судебная казуистичность. Причём такие статьи содержат только описание состава преступления, в то время как собственно мера наказания будет предусмотрена в совершенно других статьях.

По замыслу разработчиков УК Индии должен был соответствовать принципам *юридической мультикультурности*, единообразия применения, понятности, точности и определенности изложения, отображать единый стандарт справедливости и открытого правосудия, направленных на укрепление верховенства права.

Но, к сожалению, в своем оригинальном виде кодекс был лишен юридической определенности и точности формулировок, понятности и доступности простым жителям. Этот негативный бэкграунд был впоследствии успешно преодолен, а трудности правоприменения скорректированы благодаря титаническому труду двух опытных правоведов-криминологов Индии конца XIX века – *Ранчходдж Ратанлал и Кешавлал Дхираджлал*.

Именно эти два автора издали в 1896 г. первый подробный научно-практический *комментарий к УК Индии*, чем ознаменовали важный этап рассвета индийской юридической доктрины[1]. Классический труд Р. Ратанлала и К. Дхираджлала стал впоследствии самым подробным авторитетным комментарием. Так, в его предпоследнем 34-м издании, вышедшим в 120-ю годовщину с момента первой публикации, насчитывалось более 1500 страниц, что сделало этот комментарий самым объемным и цитируемым в официальных кругах Индии, свидетельствовало уже по сути о его «библейской ценности» для местных юристов[2].

Кодистическое удобство постатейного комментария Р. Ратанлала и К. Дхираджлала заключается в том, что он в структурном плане изложен линейным образом, толкование дается после каждой статьи Кодекса, дополняется сравнительным анализом национальных актов, законов штатов и международно-правовых документов. Комментарий по каждой статье УК условно делится на три структурные части: «общее введение», «текстуальный анализ» и «краткие выводы».

В Комментарии Р. Ратанлала и К. Дхираджлала сначала излагается эволюция того или иного уголовно-правового института, описывается современное состояние его правового регулирования; а затем идет пофразовый разбор и толкование терминов в тексте соответствующей статьи; и наконец, в резюме приводится беглый взгляд на весь комментарий и

---

[1] *Ratanlal and Dhirajlal*'s the Indian Penal Code. 34th edition. Revised by Justice K.T. Thomas and M.A. Rashid. LexisNexis, 2017.

[2] *Ratanlal & Dhirajlal*. The Indian Penal Code. 22 ed. / Revised by Dhirajlal Keshavlal Thakore and Manharlal Ratanlal Vakil. Bombay: Bombay law reporter office 1959. 544 p.

дается информация, касающаяся необходимой доработки и новеллизации Кодекса. Еще одной примечательной особенностью этого авторитетного Комментария к УК Индии является *табличное описание* руководящих прецедентов и правовых доктрин, установленных высшими судебными инстанциями федерации и штатов Индии.

В 1970-е гг. Правовой комиссией Индии была проведена полная ревизия УК 1860 г. и подготовлен план о рекодификации уголовного права, внесен соответствующий законопроект в Раджа Сабху. Этот билль – *Indian Penal Code (Amendment) Bill 1972*, впоследствии был неоднократно рассмотрен парламентом[1].

§ III.3. Канадская модель кодификации уголовного права

§ III.3.1. Дуализм и периодизация уголовно-правовой системы Канады

До настоящего времени отечественные ученые недостаточно уделяли внимания проблеме *кодификации уголовного права Канады*, останавливаясь либо на общей характеристике канадской правовой системы[2] и юридической технике, подчеркивая ее особое состояние в виде биюридизма (*bijuralism*)[3] и непрекращающийся диалог французской и английской правовых традиций[4], или же обращая внимание лишь на отдельные институты уголовного права[5].

Несмотря на то, что в Канаде действует колониальный ***Уголовный кодекс 1892 г.*** (в редакции 1985 г. с последующими изменениями и дополнениями), уголовное право этой страны представляет особый интерес для исследователей в контексте бурного развития федерального законодательства, законодательства провинций и союзных территорий по вопросам борьбы с преступностью.

---

[1] Law Commission of India, 42nd Report. New Delhi, 1971. P. 353-361.

[2] См.: *Карнаушенко Л.В., Трикоз Е.Н., Швец А.А., Яблонский И.В.* Правовые системы государств Содружества Наций (Австралия, Канада, Индия). Краснодар, 2019; *Донцов П.В.* Правовая система Канады. Внутригосударственные и международные компоненты. Саарбрюккен, 2015; *Донцов П.В.* Канадская доктрина международного права. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2016.

[3] *Des Ormeaux A., Lessard J.-M.* Legal Dualism and Bilingual Bisystemism: Principles and Applications. Department of Justice Canada, 2013.

[4] *Кабышев С.В.* Обучение юридической технике в Канаде // Юридическая техника. 2009. №3; *Кабышев С.В.* Культура законотворчества в Канаде // Юридическая техника. 2016. №10; *Кабышев С.В.* Гармонизация законодательства: опыт Канады // Юридическая техника. 2017. №11.

[5] См., например: *Малешина А.В.* Ответственность за преступные деяния против жизни в странах общего права: на примере Англии, США и Канады: Дис. ...к.ю.н. М., 2009; *Сулейманова С.Т.* Уголовное право Канады: основные институты общей части, их особенности и эволюция: Дис. ...к.ю.н. М., 2013; *Исраелян Е.В.* Насилие в отношении женщин: Поиски путей искоренения: (Из опыта Канады) // США–Канада: Экономика. Политика. Идеология. 1996. №3. С. 38-44; *Ковалев М.И., Козаченко И.Я., Воронин Ю.А.* Социально-экономические и правовые аспекты эффективности лишения свободы в Канаде // Правоведение. 1978. № 5. С. 111-115; *Ковалев М.И., Козаченко И.Я.* О реформе уголовного законодательства Канады // Советское государство и право. 1990. №5. С. 131-135; *Ковалев М.И., Козаченко И.Я.* Уголовное законодательство Канады о преступлениях против государства // Правоведение. 1992. №1. С. 103-107; и др.

Канадское уголовное право представляется весьма специфичным явлением, которое имеет свою особую форму и содержание, собственную внутреннюю логику, кодистическую технику и юридические конструкции. В целях уяснения ряда положений УК Канады и разрешения возможных трудностей при их интерпретации обратимся к *историческому экскурсу* по вопросу становления канадской уголовно-правовой системы[1].

С 1534 г. после открытия Жаком Картье территории Канады французская корона утвердила свое управление этой частью Северной Америки (фр. *la Nouvelle France*) и вместе с переселенцами начиная с 1663 г. импортировала французское, в т.ч. уголовное, право. Но затем Парижский мирный договор 1763 г. объявил провинцию Квебек английской колонией, где в качестве основного применимого в судах источника было признано *общее право*. При этом формально было санкционировано и обычное право коренного населения Канады – индейцев, метисов, инуитов-эскимосов (*Royal Proclamation, 1763*)[2]. Местным судам разрешили учитывать в своей практике прежние французские обычаи и законы, применявшиеся в Квебеке до 1 октября 1764 г.[3] Местные законодатели и правоприменители, унаследовавшие многие черты традиции *common law*, широко использовали законодательный опыт других британских доминионов и колоний, в том числе по институционализации уголовно-правовой реформы и систематизации права[4].

Для исследования своеобразия источников и основных институтов уголовного права Канады, некоей «привязанности» и преемственности правовой традиции, важное значение приобретает *периодизация истории* возникновения и развития уголовно-правовой системы страны[5]. В литературе встречается несколько подходов к такой периодизации, но большинство проводят ее в тесной связи с основными этапами эволюции *канадской государственности*, в процессе развития которой изменялись и представления о преступном деянии, и взгляды на цели и систему наказания, и подходы к криминализации новых деяний[6].

Исходя из особенностей социально-экономической системы и применительно к отдельным этапам государственно-правового развития Канады, можно выделить наиболее крупные периоды развития национального права: 1) период вхождения Канады в состав Британской

---

[1] *Трикоз Е.Н.* Становление уголовно-правовой системы Канады // Журнал российского права. 2004. №8. С. 138-146.
2 *Соколов В.И.* Глобализация и аборигенное население Канады // США Канада: экономика, политика, культура. 2002. № 5. С. 47-59.
[3] *Brunet M., Frtfgault G., Trudel M.* Histoire du Canada par les textes. Montreal, 1952. P. 112-115.
[4] *Кананыкина Е.С.* Правовая система Канады: ее отличие от стран содружества // Международное публичное и частное право. 2009. № 2. С. 40-53.
[5] *Gall G.L.* The Canadian Legal System. Toronto: Carswell, 1983.
[6] *Verdun-Jones S.N.* Criminal law in Canada: cases, questions, and the Code. Toronto: Harcourt Brace & Co. Canada, 1997. P. 56-57.

колониальной империи, 2) период ее членства в составе Британского Содружества наций в качестве доминиона, 3) период полностью независимого государства[1].

Так, канадские криминологи *А. Мьюитт* и *М. Мэннинг*, принимая во внимание особенности конституционного развития страны, условно выделяет *три периода* в истории развития уголовного права Канады: 1) период, предшествовавший 1867 г., 2) период 1867 – 1982 гг., 3) период, наступивший после 1982 г.[2] При этом решающая роль в процессе образования единой, согласованной и цельной системы национального, в том числе уголовного права, отводится нормам конституционного права.

В рамках этих периодов мы предлагаем выделить несколько качественно *своеобразных этапов,* отражавших последовательную унификацию и кодификацию уголовного права Канады:

1) рецепция уголовного права метрополии и его адаптирование к местным условиям в канадских колониях;

2) отраслевая систематизация и структуризация уголовного права в отдельных канадских колониях-провинциях (ревизия, инкорпорация и консолидация);

3) становление федерального уголовного законодательства после 1867 г. и принятие УК доминиона Канады 1892 г.;

4) конференции по унификации федерального уголовного законодательства и разработке модельных проектов с 1920-х гг.;

5) серия ревизий УК Канады и его рекодификация в 1955 г.;

6) вторая ревизия УК Канады в 1985 г. и проект нового УК 1986 г.

7) модернизация структуры и содержания УК Канады в 2000-е гг.

В период колонизации Канады для официального введения на ее территории уголовного права метрополии использовались юридические акты об учреждении первых колониальных судов либо конституционные акты, закреплявшие за канадскими колониями статус самоуправляющихся. Как правило, английское общее и статутное право вводилось по состоянию *на определенную дату*, под которой подразумевалась дата первого поселения в той или иной переселенческой колонии Канады, либо дата начала деятельности местной легислатуры, либо дата завоевания, как в случае с территорией Квебека[3].

Рецепированное канадскими колониями *статутное уголовное право* метрополии, вводившееся наряду с *общим правом* и *доктринами справедливости*, подвергалось временному

---

[1] *Козлова Н.Ю.* Конституционное развитие Канады (1867–1967). Историко-юридическое исследование. М., 1989.
[2] *Mewett A.W., Manning M.* Mewett & Manning on Criminal Law. Toronto, 1995. P. 3.
[3] В итоге такой фиксированной датой был октябрь 1763 г. – для Квебека; январь 1758 г. – для колоний Новой Шотландии, Нового Брансуика и Острова Принца Эдуарда; 17 сентября 1792 г. – для Онтарио; 19 ноября 1858 г. – для Британской Колумбии; и 15 июля 1870 г. – для Альберты, Манитобы, Саскачевана, Северо-Западных территорий и Территории Юкон.

ограничению на основании «ограничительных дат», а также тем видоизменениям, которых требовали местные условия колониальной территории и интересы её жителей. В целом, уголовное право британской Канады, складывавшееся под определяющим влиянием права метрополии, было в достаточной мере унифицированным, но постепенно пришло в такое состояние, что нуждалось в целенаправленном упорядочении и отраслевой кодификации[1].

Во второй половине XIX в. были предприняты первые попытки систематизации уголовного права, в частности путем периодического издания особых сборников пересмотренных статутов – «*Revised Statutes*» в тех или иных колониях Канады, в которых статуты были подвергнуты детальной ревизии и тематической консолидации, а затем расположены в алфавитном порядке по предметам регулирования.

В отдельных канадских колониях были также попытки частичной *кодификации* статутного и прецедентного уголовного права. Так, в Новой Шотландии был подготовлен своеобразный *Кодекс 1851 г.* в виде одного, весьма объемного тома книги, куда помещалось все публичное статутное право колонии, а в последней, его четвертой тематической части, разделенной на 15 глав, было систематизировано все уголовное право.

Акт о Британской Северной Америке 1867 г. (*Loi constitutionnelle de 1867*) закрепил особую модель федеративного государства-доминиона и соответствующую систему источников права, что положило начало федеральному уголовному законодательству Канады[2]. Дуалистический федерализм, а фактически «жестко централизованное квазифедеративное государство», предполагало примат федерального права и разграничение сфер предметной компетенции с субъектами (провинциями и территориями)[3]. При этом до сих пор во всех провинциях и территориях уголовное преследование возбуждается «*от имени Короля Канады по праву*» (*in the name of the King in Right of Canada*).

В Конституционном акте была определена сфера исключительной компетенции федерации, в том числе «по вопросам *уголовного права*, за исключением организации судов уголовной юрисдикции, но включая судопроизводство по уголовным делам» (п. 27 ст. 91 Акта). Но провинциям было разрешено законодательствовать по вопросам «*наложения наказаний* в виде штрафов, других взысканий или лишения свободы в целях обеспечения соблюдения законов провинции, изданных по любой категории дел, перечисленных в этой статье» (п. 15 ст. 92

---

[1] *Трикоз Е.Н., Швец А.А.* Особенности кодификации права в бывших доминионах Британской империи (на примере Австралии, Канады и Новой Зеландии) // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: мат-лы VI Всерос. науч.-практ. конференции. Краснодар, 2017. С. 157-161.

[2] «Акт для Союза Канады, Новой Шотландии и Нью-Брансуика и управления им; и для целей, связанных с этим». The Constitution Act, 1867, 30 & 31 Victoria (U.K.), c. 3. URL: http://canlii.ca/t/ldsw/ (дата обращения: 25.12.2024).

[3] 10 провинций – Альберта, Британская Колумбия, Квебек, Новая Шотландия, Новый Брансуик, Ньюфаундленд, Манитоба, Онтарио, Остров Принца Эдуарда, Саскачеван и 3 административно-территориальные единицы на севере страны – Северо-Западные территории, территория Юкон и территория Нунавут. См.: *Мелкумов А.А.* Канадский федерализм: теория и практика. М., 1998; *Кокотов С.А.* Конституционные конвенции в истории государственного строительства Канады // США – Канада: Экономика. Политика. Культура. 2002. № 7. С. 71-72.

Акта). Результатом такой противоречивости норм Конституции стало формирование нескольких уровней уголовно-правового регулирования: федерального и провинциального, либо территориального[1].

Дуализм уголовно-правовой системы Канады имеет давние исторические корни и конституционные основания. Провинции вправе самостоятельно регулировать вопросы ответственности за нарушение законов провинции, которые могут повлечь наказание в виде штрафа, лишения свободы или иных мер, установленных законом[2]. Конституционная доктрина признает за провинциями право устанавливать уголовную ответственность только за *преступления небольшой тяжести*, рассматриваемые в порядке суммарной юрисдикции.

Специфика федеративной модели Канады придала ряд дополнительных черт и уголовно-правовой системе, в которой заметно влияние *франкоканадского фактора* с его самобытными культурно-правовыми традициями; перманентный политико-экономический и идейно-философский регионализм, конфликты крупнейших провинций (Западных и Атлантических, Онтарио и Квебек)[3]; проблема статуса коренных народов и *юридический плюрализм*, и др.[4] Также весьма специфично наличие в национальном праве ярко выраженного *процессуального компонента*. Объединение материальных и процессуальных норм в «*Уголовном кодексе*» – это и дань традиции, сложившейся в странах общего права, и отпечаток юридической стилистики актов XIX века, и значительная доля здравого прагматизма и практицизма канадских юристов (прежде всего, правоприменителей). Они отводят решающую роль в уголовной юстиции не материальному, а процессуальному праву («уголовному праву в жизни, в действии»).

Для уголовно-правовой системы Канады было характерно и то, что большинство вопросов *Общей части*, как она понимается романо-германскими юристами, в УК Канады не были прописаны четко и последовательно, а нередко содержались в прецедентах и доктринальных источниках. Но здесь важно подчеркнуть такую специфику канадской *уголовно-правовой модели*, связанную с доктриной верховенства закона (*legislative supremacy*), как иерархия источников уголовного права Канады во главе с федеральным УК и ограниченную роль судебных прецедентов по уголовным делам. Важное значение для понимания специфики правоприменения имеют научные труды, учебные пособия и комментарии по уголовному праву, обзоры судебной практики по уголовным делам[5] и иные информационные источники[6].

---

[1] *Roach K.* Criminal law. Concord, Ontario: Irwin Law, 1996. P. 16-17.

[2] Конституция Канады // Конституции зарубежных государств. М., 1997. С. 525-529.

[3] *Шило В.Е.* Практика канадского федерализма: достижения и противоречия // Канада: Взгляд из России. Экономика, политика, культура. М., 2002. С. 86-87.

[4] Human Rights, Citizenship and Multiculturalism Act (R.S.A. 2000, c. H-14). См.: *Владимирова М.А.* Канадская самобытность и политика многокультурности // США Канада: экономика, политика, культура. 2004. №6. С. 45-56.

[5] Criminal Records Act (R.S.C. 1985, c. C-47) //http://laws-lois.justice.gc.ca

[6] Эти и другие источники размещены на официальном сайте Департамента юстиции Канады: http://justice.gc.ca. База правовых данных по Канаде: https://www.canlii.org/en/

§ III.3.2. Техника создания УК Канады 1892 г. и его рекодификация

Начало федеральному уголовному законодательству Канады было положено *Законом об уголовном процессе* 1869 г.[1] В это время началась *реформа уголовного права*, направленная на унифицированное переиздание британских и канадских актов, относящихся к уголовно-наказуемым деяниям.

На *первом этапе этой реформы* был издан *Закон о консолидации* 1869 г., объединивший девять уголовных статутов и позаимствовавший целый ряд положений из британского Акта о консолидации 1811 г., включив нормы о фальшивомонетничестве, денежных преступлениях, нападениях, причинении вреда собственности, а также об уголовной процедуре, мировой юстиции и суммарном производстве.

На *втором этапе реформы* была создана Комиссия по подготовке единого и общегосударственного *УК Канады*, в который включили большинство принципов и норм прецедентного права, как английского, так и канадского, а также новые уголовно-правовые институты[2]. В этот период проявилась одна из особенностей федерального уголовного права, а именно *смешение* материальных и процессуальных *норм* права и отсутствие четкой *внутриотраслевой дифференциации* права[3].

Уголовный кодекс Канады (фр. *Code criminel*) 1892 г., вступивший в силу 1 июля 1893 г.[4], состоял из 983 статей, объединенных в 10 титулов, первые шесть из которых (532 ст.) содержали собственно нормы материального уголовного права[5].

Этот первый в истории страны кодекс был основан на модели «*Кодекса Стифена*», подготовленного сэром Дж.Ф. Стифеном в 1879 г. для королевской Правовой комиссии в Англии[6]. Однако, его адаптировал к канадским условиям судья Федерального суда Канады *Джордж У. Бербидж* (*George Wheelock Burbidge*, 1847–1908 гг.). В первые годы работы в суде он подготовил к печати «*Дигесты уголовного права Канады*»[7], которые сильно повлиял на новаторский УК 1892 г., принятый федеральным парламентом.

---

[1] Criminal Procedure Act 1869 (32-33 Vict., Ch. 29).
[2] *Macleod R.C.* The Shaping of Canadian Criminal Law, 1892 to 1902 // Historical Papers. 1978. P. 64.
[3] *Stuart D.* Canadian criminal law: a treatise. Toronto, Ontario: Carswell, 2014. P. 34-36.
[4] The Criminal Code, 1892 (55-56 Vict., c. 29). Ottawa, 1892.
[5] Official Debates of the House of Commons of the Dominion of Canada. Second Session 1892. Vol. 1, col. 1321. April 12, 1892. col. 1312.
[6] *Radzinowicz L.* Sir James Fitzjames Stephen 1829-1894 and his Contribution to the Development of Criminal Law. London: Bernard Quaritch, 1957.
[7] *Burbidge G.W.* A Digest of the Criminal Law of Canada (Crimes and Punishments). Toronto: Carswell & Co., 1890. 659 p.
Текст доступен: https://archive.org/details/cihm_00331/page/4/mode/1up

В свою очередь *Дигесты Дж. Бербиджа* 1890 г. были основаны на одноименных «Дигестах уголовного права (Преступления и наказания)» Дж.Ф. Стифена 1877 г.[1], и также содержали шесть глав: Глава I. Предварительные положения; Глава II. Преступления против общественного порядка, внутреннего и внешнего; Глава III. Злоупотребления и препятствия публичной власти; Глава IV. Действия, наносящие вред обществу в целом; Глава V. Преступления против личности, супружеских и родительских прав, против репутации личности; Глава VI. Преступления против прав собственности и прав, вытекающих из договоров.

Идейный вдохновитель и один из соавторов УК Канады, премьер-минитср *Джон С. Дэвид Томпсон* (*John Sparrow David Thompson*, 1845–1894) отмечал, что УК Канады 1892 г. был основан на *четырех документах*: английском проекте УК 1880 г., Дигестах Стифена 1887 г., Дигестах Бербиджа 1890 г. и канадском статутном праве[2]. Он так прокомментировал состоявшуюся реформу: «в результате этой кодификации была проведена редакция существующего уголовного и уголовно-процессуального права, осуществлено более четкое структурирование нормативного материала, а также освобождение его от технических недостатков, противоречий и неясностей»[3].

В УК 1892 г. своего рода *Общую часть* составляли три главы – Титулы I, VI и VIII, которые содержали такие блоки норм, как интерпретация терминов, лестница наказаний, исключающие обстоятельства, покушение, соучастие и преступный сговор[4]. Новеллой было правило о неприменении в отношении любого преступления законов британского парламента, «если такой закон не является, в соответствии с его явными условиями или каким-либо другим законом такого парламента, применимым к Канаде или какой-либо ее части как части территорий или владений Ее Величества».

Другой новеллой была стандартизация возраста уголовной ответственности, а именно непривлечение малолетнего ребенка в возрасте до 7 лет. Несовершеннолетний возраст от 7 до 13 лет мог быть осужден только если он был «компетентен осознавать характер и последствия своего поведения и понимать, что оно было неправильным».

Особенная часть УК 1892 г. состояла из шести глав (титулов) и включала 468 статей, объединенных в 37 разделов по группам преступных деяний в зависимости от важности уголовно-охраняемого блага (интереса): 1) преступления против публичного порядка,

---

[1] *James Fitzjames Stephen*. A Digest of the Criminal Law (Crimes and Punishments). 1st ed. London: Macmillan, 1877. 411 p.

[2] *Taschereau H.E.* The Criminal Statute Law of the Dominion of Canada, Relating to Indictable Offences, With Full Text as Revised in 1886, and Put Into Force By Royal Proclamation on the 1st Day of March, 1887, and Cases, Notes, Commentaries, Forms, etc. Toronto: Carswell, 1888. 1155 p.

[3] *Waite P.B.* The Man from Halifax: Sir John Thompson, Prime Minister. University of Toronto Press, 1985.

[4] *Lear W.E.* The Criminal Code of the Dominion of Canada: as amended in 1907; with annotations, commentaries, precedents of indictments, etc., Toronto, 1908. P. 15-20.

внутригосударственного и внешнего; 2) преступления против исполнения законов и правосудия; 3) преступления против религии, морали и общественной нравственности; 4) преступления против личности и репутации; 5) преступления против собственности и прав, возникающих в результате заключения договоров; 6) преступления, связанные с торговлей[1]. При этом к *государственным преступлениям* были причислены дуэли, азартные игры, подстрекательство индейцев, пиратство и др. Различались должностные преступления (коррупция и др.) и преступления против правосудия. В третью группу *преступлений против личности* были включены преступления против личности и репутации. Кроме посягательств на жизнь и здоровье, в этой части УК закреплены такие составы, как издание аморальных книг, проституция индейских женщин, покушение на содомию, «ньюснс», бродяжничество и др.[2] Детальной регламентации подверглись *имущественные преступления*; в соответствующем титуле в рамках отдельных частей содержались дефинитивные нормы, описание составов кражи со специальным субъектом и в особом месте, состава жестокого обращения с животными.

На следующем, *третьем этапе реформы* в УК 1892 г. многократно вносились изменения и дополнения. В период 1890-х – 1970-е гг. была создана новая *Комиссия по правовой реформе*. И за это время всего лишь четыре сессии федерального парламента прошли без обсуждения биллей о внесении изменений, дополнений или даже об отмене действующего УК и его рекодификации.

Параллельно в Канаде проводилась *ревизия статутного права*, по результатам которой публиковались собрания законов в изданиях «*Revised Statutes of Canada*» 1886, 1906, 1927[3], 1952, 1970[4] и 1985 гг. Так, согласно канадскому «Закону о пересмотре статутов» (*Statute Revision Act*) 1974/76 г., термин «*ревизия*» (англ. *revision*, фр. *révision*) означал упорядочение, пересмотр и консолидацию основных государственных законов Канады при непосредственном участии особой Комиссии по пересмотру статутов, учрежденной при Департаменте юстиции Канады в составе трех членов экспертов.

В процессе *ревизии текста УК Канады* 1892 г. из него исключались нормы, время действия которых закончилось или было приостановлено, либо они были аннулированы. Частично изменялась общая композиция и структура различных частей Кодекса и других структурных единиц закона, а также их нумерация; делались усовершенствования языка уголовного закона в

---

[1] *Barnhorst S., Barnhorst R.* Criminal Law and the Canadian Criminal Code. Toronto, 1996.

[2] *Ведерникова О.Н.* Теория и практика борьбы с преступностью в условиях современной западной демократии: Канадская уголовно-правовая модель // Государство и право. 2004. №6. С. 85-94.

[3] Canada, Code criminel, Statuts revisés du Canada, 1927, chapitre 36 // L'historique des dispositions et table de concordance; pdf et internet terminés le 11 Mai 2007.

[4] Canada, Criminal Code, Revised Statutes of Canada 1970, chapter C-34 / Code criminel, Statuts revisés du Canada 1970, chapitre C-34.

целях уточнения целей законодателя и правоприменительной практики; устранялись противоречивые предписания и коллизии норм; корректировалась общая редакция кодекса, устранялись грамматические и типографские ошибки в тексте УК, и др.

С 1918 года в Канаде начали ежегодно проходить *Конференции по унификации права*, в которых участвовали представители легислатур и правительств федерации и провинций. Они обсуждали недостатки и пробелы федерального уголовного законодательства, формировали предложения по поправкам, готовили модельные законы, рекомендуемые провинциям для преодоления различий в уголовном и ином законодательстве[1]. В 1938 г. Королевская комиссия по исследованию уголовно-правовой системе опубликовала свой критический отчет[2].

К середине XX в. стало очевидным несоответствие состояния исторически сложившегося уголовного права Канады, его архаичных и казуистичных положений и устаревших институтов современному уровню юридической науки и законодательной техники. Свою роль сыграло и то, что в 1949 г. Канада получила достаточно суверенный статус в составе реформированного Британского Содружества наций[3], в связи с чем Верховный суд Канады, вместо Судебного комитета Тайного Совета Великобритании, был признан высшей апелляционной инстанцией страны. Это способствовало *унификации прецедентного права* страны, в том числе по уголовно-правовым вопросам.

В 1947 г. была создана специальная *Королевская комиссия*, которая в 1952 г. подготовила соответствующий Доклад о порядке ревизии УК Канады[4]. В 1953 г., уже подвергнутый ревизии кодекс был издан в качестве *нового статута* (Ch. 51) и вступил в законную силу 1 апреля 1955 г.[5] Так завершилась *рекодификация уголовного права* Канады, следствием которой стало появление модифицированного федерального УК Канады 1955 г. Как справедливо отмечает А.Е. Попл, был принят по сути дела новый кодекс, который содержал многочисленные изменения и дополнения, представляя собой не просто консолидацию предшествующего уголовного права, но его детальную и глубокую ревизию и переработку с включением законодательных новелл[6].

Федеральный УК 1955 г. по сравнению с его оригинальной версией 1892 г. был частично реструктурирован. Теперь он состоял не из 6 Титулов, а из 26 Разделов, а количество и

---

[1] *Кабышев С.В.* Культура законотворчества в Канаде // Юридическая техника. 2016. №10. С. 136-142.
[2] Canada, Royal Commission to Investigate the Penal System of Canada, Report of the Royal Commission to Investigate the Penal System of Canada. Ottawa: Printer to the King's Most Excellent Majesty, 1938. 418 p.
[3] Акт об исправлении Акта о Британской Северной Америке 1867 года в том, что касается поправки к Конституции Канады, 16 декабря 1949 г.
[4] Report of Royal Commission on the Revision of Criminal Code. Ottawa: Edmond Cloutier Queen's Printer, 1954. 45 p. О работе по пересмотру Кодекса см.: *MacLeod A.J., Martin J.C.* The Revision of the Criminal Code // Canadian Bar Review. 1955. 33. P. 3-19; *MacLeod A.J., Martin J.C.* Offences and Punishments under the New Criminal Code // Canadian Bar Review. 1955. 33. P. 20-40; *MacLeod A.J., Martin J.C.* Procedure under the New Criminal Code // P. 41-62.
[5] Criminal Code (1955). http://www.lareau-legal.ca/Codecriminel 1955Tabledesmatieres.pdf
[6] Snow's Criminal Code of Canada / Ed. by *A.E. Popple*. Toronto, 1955. P. III.

нумерация статей были увеличены до 753 статей, за счет добавления новых статей[1]. В предпоследнем разделе УК «Переходные положения и последствия» было объявлено об отмене прежнего УК в редакции 1927 г. (R.S.C. 1927, ch. 36) и о вступлении в силу нового УК с 1 апреля 1955 г. (ст. 745). При этом источниками уголовного права по-прежнему признавались отдельные федеральные статуты (Закон о контроле за наркотиками, Закон о продовольствии и наркотиках, и др.) и судебные прецеденты[2].

Рекодификация 1955 г. была направлена в основном на закрепление суверенитета Канады в сфере уголовного права, что нашло отражение в трех новых статьях. Так, в ст. 5 закреплялось положение о том, что никто не может быть обвинен на основе этого УК или любого другого акта парламента Канады в преступлении, совершенном *вне пределов* страны. Видимо, оказало влияние широкое обсуждение в Англии вопроса об ответственности по английскому праву британских подданных, совершивших преступления за границей[3].

В ст. 7 УК Канады провозглашалось, что уголовное право Англии, действовавшее в отдельных провинциях на момент вступления в силу УК Канады новой редакции, сохраняет свою значимость только, если не отменено, модифицировано или иначе изменено этим кодексом или любым другим актом парламента Канады. В ст. 8 провозглашался принцип «*nullem crimen sine lege, nulla poena sine lega*» и фактически объявлялось об отмене всех преступлений по общему праву (*common law offences*) и преступлений, предусмотренных в имперских актах и актах предконфедеративного периода[4].

В специальном докладе Комиссии по ревизии УК отмечалось, что в новую версию Кодекса были инкорпорированы такие *преступления по общему праву*, как незаконное освобождение от обязанности уплатить залог (п. d ч. 2 ст. 119), причинение вреда обществу (ст. 120), отказ от судебного преследования за материальное вознаграждение (ст. 121), преступный сговор (ч. 2 ст. 408). Конструкции некоторых преступлений по общему праву были признаны устаревшими и архаичными, а значит подлежащими исключению из УК (например, «*champerty*», т.е. ведение чужого дела с получением предмета спора или исковой суммы; неправомерная поддержка одной из тяжущихся сторон; сутяжничество; грубая брань женщины, нарушающая общественный порядок; отказ отправлять свои служебные обязанности). Но одно-единственное преступление по общему праву – *неуважение к суду* было сохранено в качестве такового, о чем содержалась специальная оговорка в статье 8 УК.

Что касается композиции *Общих положений* УК, они по-прежнему не были компактно сгруппированы, а рассредоточены в различных разделах кодекса: Раздел I без названия, Раздел

---

[1] *Martin J.C.* The Criminal Code of Canada, Toronto, 1955. 1206 p.
[2] *Sedwick J.* The New Criminal Code: Comments and Criticisms // Canadian Bar Review. 1955. 33. P. 63-73.
[3] *R. v. Page*, 37 Cr. App. Rep. 189 to 193.
[4] *Colvin E., Anand S.* Principles of criminal law. Toronto: Thomson Carswell, 2007.

XIII «Покушения, сговор, пособники», Раздел XXIII «Назначение наказание» и др.[1] Кроме того, ряд важных положений Общей части закреплялись в «процессуальной части» УК, а именно: действие уголовного закона в пространстве, уголовная ответственность соучастников после факта, уголовная ответственность юридических лиц, невменяемость, вердикты при оконченном и неоконченном преступлении, порядок назначения наказания и др. В разделе XXIV «Суммарное судопроизводство» содержался особый подраздел «Наказание» с материальными уголовно-правовыми нормами.

По сравнению с УК редакции 1927 г. в новом УК 1955 г. общее количество статей вводных и общих разделов сократилось с 73 до 45. Более четкой и предметно выдержанной стала их внутренняя структура: выделение подразделов «Общие положения» (общие условия уголовной ответственности) и «Стороны преступлений» (соучастие и покушение), а также пяти подразделов об основаниях защиты – «Охрана лиц, применяющих и обеспечивающих исполнение законов», «Пресечение мятежей», «Защита личности», «Защита собственности», «Охрана уполномоченных лиц».

Что касается *Особенной части* УК 1955 г., то в нее входили Разделы II – X (ст. 46-390), что по сравнению с УК редакции 1927 г. говорит о явном сокращении количества статей примерно на 100. Структура стала более четкой и компактной: вместо прежних 37 разделов осталось всего 8, было исключено деление на титулы, хотя в рамках отдельных частей УК выделялись блоки статей по группам преступлений с соответствующими заголовками для удобства пользования текстом кодекса. Но во многом сохранились архаический стиль и язык изложения, и даже отдельные нормативные предписания Викторианской эпохи.

Поэтому был неизбежным *четвертый этап реформы* канадского уголовного права, который состоялся в период 1970 – 1990-х гг. и был связан с расширением и укреплением суверенитета Канады.

1 июня 1971 г. была создана *Комиссия по правовой реформе Канады*, в числе задач которой было обозначено: «изучать и держать под контролем продолжение и систематическую основу статутов и других законов, составляющих право Канады с целью выработки рекомендаций по их улучшению, модернизации и реформе»[2]. Комиссия подготовила несколько важных уголовно-правовых докладов: об общих принципах уголовного права (1973 г.), о значении вины и строгой ответственности (1974 г.)[3], о пределах криминализации: непристойность (1975 г.), об ответственности за групповую преступность (1976 г.), субсидиарная ответственность: соучастие и неоконченное преступление (1985 г.), и др.[4]

---

[1] Criminal Code of Canada / Annotations and Notes by *J.C. Martin*. Toronto: Cartwright & Sons, 1955. 1206 p.
[2] *Law Reform Commission Act*, S.C. 1969-70, c. 64, s. 11.
[3] Law Reform Commission of Canada. *The Meaning of Guilt: Strict Liability.* Ottawa: Information Canada, 1974. 38 p.
[4] *Linden A.M.* Recodifying Criminal Law // Queen's Law Journal. 1989. 14. P. 3-30.

В 1982 г. произошла т.н. «*патриация*», или постановка Основного закона Канады под юрисдикцию федерального правительства страны, что было оформлено *Конституционным актом 1982 г.*, включавшим в качестве своей составной части «*Хартию прав и свобод*»[1]. Отныне ни один акт британского парламента не имел законной силы на территории Канады в связи с обретением ею полного суверенитета в конституционной области.

Канадские исследователи отмечают, что *Конституционный акт 1982 г.* «коренным образом изменил внутреннюю структуру и философию уголовного права Канады», закрепив равенство всех перед законом, презумпцию невиновности, запрет жестокого и необычного обращения или наказания, а также иные права и свободы, которые могут подлежать «только таким разумным ограничениям, которые могут быть признаны необходимыми в свободном и демократическом обществе», в соответствии с принципами «фундаментального правосудия». С принятием данного акта уголовное законодательство Канады подверглось ревизии с позиций соответствия конституционной доктрине прав человека.

В 1985 г. была осуществлена *новая редакция УК Канады*, которая включала его консолидированную версию со всеми изменениями и дополнениями на 31 декабря 1984 г.[2] Тем самым, была отменена прежняя, пересмотренная в 1970 г. версия Уголовного кодекса. Новый текст УК 1985 г. был опубликован в томе VIII «Пересмотренных статутов Канады» под названием «*Акт, касающийся уголовного права*». Эта новая систематизация уголовно-правовых норм, сопровождавшаяся как *криминализацией*, так и *декриминализацией* ряда уголовно-наказуемых деяний, привела к преобразованию всей *структуры кодекса*, которая во многом сохраняется и в наши дни[3].

В середине 1980-х гг. в Канаде была предпринята попытка более глубокой реформы уголовного права, основным двигателем которой стала *Комиссия по правовой реформе,* образованная в 1971 г. и наделенная правом законодательной инициативы и подготовки текстов проектов с обязательными пояснениями и комментариями. В декабре 1986 г. эта Комиссия опубликовала *Доклад о новой кодификации уголовного права* Канады, представлявший собой, по сути, *проект нового УК* страны, каждая статья которого сопровождалась комментариями экспертов Комиссии. Представленный Комиссией проект УК 1986 г. был во многом *образцовым* для стран общего права, со следующими особенностями: 1) структурное выделение своеобразной «*над-Общей части*», содержавшей развернутый понятийный аппарат и правила толкования законов, а также особый подраздел о принципах уголовной ответственности; 2) нормативное закрепление правила совокупного установления в преступном поведении

---

[1] *Canadian Charter of Rights and Freedoms*, Part I of the *Constitution Act, 1982* being Schedule B of the *Canada Act, 1982,* U.K. Statutes 1982, c. 11.

[2] Criminal Code (R.S., 1985, c. C-46) // http://laws.justice.gc.ca/en/C-46. (дата обращения: 25.12.2024).

[3] *Del Buono V.M.* Toward a New Criminal Code for Canada // Criminal Law Quarterly. 1985-86. 28. P. 370-389.

физического и психического элементов преступления (*actus reus* и *mens rea*); 3) оригинальные конструкции, описывающие институт освобождения от уголовной ответственности и 16 оснований защиты (*criminal defences*); 4) систематизированные правила территориальной юрисдикции, выделенные в самостоятельную главу[1].

К сожалению, проект УК 1986 г. не был принят парламентом Канады, хотя отдельные его положения были включены в действующее уголовное законодательство. Так, например, в УК Канады включили самостоятельный подраздел, содержащий *толкование терминов*, а также в него вошли положения, направленные на имплементацию норм международного уголовного права. В марте 1992 г. внутри Постоянного комитета Палаты общин Канады по вопросам юстиции начинает свою работу *Подкомитет по рекодификации Общей части* УК Канады. В феврале 1993 г. он публиковал свой важный доклад «*Принципы: Рекодификация Общей части Уголовного кодекса Канады*», где было рекомендовано «внести в парламент законопроект о рекодификации Общей части Уголовного кодекса. …В случае несоответствия между Общей и Специальной частью УК последняя часть имеет преимущественную силу. ...Поправки, приводящие Особенную часть в соответствие с рекодифицированный Общей частью, должны быть введены как можно скорее»[2].

§ III.3.3. Кодистический анализ новой редакции УК Канады

В действующей редакции *УК Канады 1985 г.*[3] включает 849 статей, объединенных в 28 разделов, из которых только 15 можно отнести к материальному уголовному праву, что составляет свыше 500 статей[4]. Несколько разделов УК имеют *смешанный* материально-процессуальный характер, а остальные включают процессуальные нормы, положения о юрисдикции судов, полномочиях судей, требованиях к присяжным, образцы процессуальных документов. Ежегодно УК продолжает пополняться новыми разделами и статьями. Например, в 2001 г. был дополнен новым Разделом II.1 «*Терроризм*», включающим статьи с 83.01 по 83.33, т.е. всего 33 новых статьи[5]. В 2004 г. УК Канады был дополнен институтом уголовной ответственности *юридических лиц* (организаций)[6].

---

[1] Law Reform Commission of Canada. *Recodifying Criminal Law.* Vol. 1. Ottawa: Law Reform Commission of Canada, 1986. 117 p.

[2] Canada. House of Commons. Minutes of Proceedings and Evidence of the *Sub-Committee on the recodification of the General Part of the Criminal Code* of the Standing Committee on Justice and the Solicitor General. Ottawa: Queen's Printer for Canada, 1992-1993. 11 Issues.

[3] Criminal Code (R.C.C. 1985 c. C-46) //http://laws-lois.justice.gc.ca (дата обращения: 25.12.2024).

[4] Ряд положений данного параграфа основаны на неопубликованной рукописи из архива автора: *Ведерникова О.Н., Трикоз Е.Н.* Вступительная статья к переводу УК Канады. М., 2003 (рукопись).

[5] Anti-terrorism Act (S.C. 2001, c. 41) //http://laws-lois.justice.gc.ca (дата обращения: 25.12.2024). См.: *Трикоз Е.Н., Швец А.А.* Особенности преступления «терроризм» в уголовных кодексах Австралии, Канады, Индии //

В своеобразной над-Общей части УК Канады даются дефиниции используемых терминов и понятий. В ст. 2 «Толкование» понятие «*обвинительный акт*», которое является базовым для принятой в Канаде *классификации преступлений*. В самом УК она отсутствует, но предусмотрена «Законом, касающимся толкования статутов и постановлений» 1985 г. В нем специальная статья 34 под названием «Преступления» устанавливает *трехзвенную классификацию* преступлений в зависимости от уголовно-процессуального порядка расследования и рассмотрения дел: a) преступления, преследуемые по обвинительному акту (*indictable offence*); b) преступления, наказуемые в суммарном порядке (*punishable on summary conviction*); c) смешанные преступления (*hybrid offences)*, которые могут рассматриваться по обвинительному акту либо в суммарном порядке[1].

По мнению канадских юристов, данная классификация также отражает *степень тяжести преступлений* и может служить для разграничения более тяжких (*more serious*) от менее тяжких (*less serious*) преступлений (т.е. суммарных)[2]. Основанием для такого разграничения является предельный *размер наказания*, которое может быть назначено за совершение суммарных преступлений. Согласно ч. 1 ст. 787 УК Канады, преступление, наказуемое в суммарном порядке, может повлечь наказание в виде штрафа в размере до 2 тыс. долларов либо лишение свободы на срок до шести месяцев, либо то и другое.

Раздел I УК Канады содержит несколько глав. Глава «Общее» (*General*) включает нормы, определяющие презумпцию невиновности (ч. 1 ст. 6), действие закона в пространстве (ч. 2 ст. 6, ст. 7–8) и во времени (ст. 15), источники уголовного права Канады (ст. 9), возраст уголовной ответственности (ст. 13), невменяемость (ст. 16) и др. Согласно ст. 2 УК, определяющей понятие «*преступник*», таковым может быть признано только лицо, вина которого установлена судом на основе признания виновного или собранных доказательств[3].

Хотя концептуальные положения канадского права относительно понятия преступления имеют английские корни, следует отметить, что канадцы наиболее близко подошли к понятию *состава преступления*, используя такие фразы, как «составить преступление» (*constitute an offence*), «составные элементы преступления» (*constituent elements of a crime*) и др.[4]

Статья 463 Раздела XIII «*Покушения, сговор, пособники*» устанавливает *наказание* за пособничество после факта, которое зависит от тяжести деяния лица, которому оказывалось

Эффективное противодействие преступности в условиях глобализации: проблемы и перспективы: Мат-лы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2018. С. 30-38; *Данилов С.Ю.* Борьба с терроризмом: правовой опыт Канады // История государства и права. 2009. № 2. С. 38-39.

[6] An Act to amend the Criminal Code (criminal liability of organizations), Chapter 21 of the Statutes of Canada, 2003 [Bill C-45]. 31 March 2004.

[1] Martin’s Annual Criminal Code 2001, Aurora, Ontario, 2001. P. 737.

[2] Mewett & Manning on Criminal Law. Toronto: “Butterworths”, 1994. P. 24-25.

[3] *Stuart D.A* Case for a General Part: Lessons from Canada’s Experience with Stephen’s Code Since 1892 and Entrenched Charter Standards Since 1982 // Criminal Law Forum. 2009. Vol. 20. P. 113-137.

[4] См..: *Martin’s* Annual Criminal Code 2001. Aurora, Ontario, 2001.

пособничество. При этом недоносительство (*misprision*) карается только в случае несообщения о готовящейся государственной (высокой) или простой измене (ст. 50 (1)(б). В Главе УК «*Соучастники преступлений*» содержатся нормы о неоконченном преступлении (*unfulfilled offence*). Покушением (*attempt*) признается умышленное действие или бездействие, направленное на совершение преступления (ст. 24). Понятие сговора (*conspiracy*) как вида неоконченного преступления в законе не установлено. Согласно общему правилу, участники преступного сговора несут такое же наказание, как и исполнители оконченного преступления[1].

Из 45 статей Раздела I больше половины посвящены *исключающим преступность обстоятельствам*. Большинство являются традиционными для англо-американского права. В ст. 15 УК «Повиновение фактическому праву» речь идет об одном историческом анахронизме, уходящем корнями в историю английского уголовного права, ко временам гражданской войны Алой и Белой Розы 1455–1485 гг. Тогда власть периодически переходила из одних рук в другие и провозглашались всё новые короли, а гражданское население нередко оказывалось перед выбором, подчинятся королю *de facto* или королю *de jure*. В результате, была разработана норма, оправдывающая повиновение действующему правопорядку. Согласно положениям ст. 8 УК, ряд обстоятельств, устанавливающих основания для оправдания или извинения деяния, предусмотрены общим правом и в УК прямо не указаны – это т.н. «защиты по общему праву» (*common law defences*). К их числу относятся: ошибка, случай, необходимость, опьянение, автоматизм, вовлечение в ловушку (*entrapment*), конструктивная небрежность или преступный умысел потерпевшего, наличие алиби, «*de minimis non curat lex*» («закон не касается мелочей»).

В *Особенной части УК 1985* г. преступления группируются в однородные блоки, которые размещаются в тексте закона при помощи *линейно-предметной системы*: 14 разделов, каждый из которых подразделяется на подразделы (в целом около 115), объединяющие статьи с 46 по 462.5 УК (вместе с новыми статьями – около 540 статей)[2]. Здесь же имплементированы общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров Канады. Например, ч. 3 ст. 7 «Преступление против лиц, пользующихся международной защитой»; ч. 3.1 ст. 7 «Захват заложников»; ч. 3.71 ст. 7 «Преступление против Организации Объединенных Наций или связанного с ней персонала»; ч. 3.76 ст. 7 «Военное преступление»; ч. 1 ст. 74 «Пиратство по международному праву»; ст. 76 «Угон самолета»; подразделы «Финансирование терроризма» и «Замораживание собственности»; ч. 2 ст. 318 «Геноцид».

Также встречаются отсылки к международным договорам Канады, устанавливающим составы т.н. *конвенциональных преступлений*, включая Конвенцию о борьбе с незаконным

---

[1] *Дунмэй П.* Актуальные проблемы уголовного права Канады, Китая и России // Право и политика. 2007. № 2. С. 60-65.

[2] *Hermida J.* Canada. Criminal Law / Ed. by *R. Blanpain, M. Colucci*. The Netherlands: Kluwer Law International, 2008.

захватом воздушных судов 1970 г., Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г., Конвенцию о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 г., Конвенцию о борьбе с захватом заложников 1979 г., Конвенцию о физической защите ядерного материала 1980 г., Конвенцию о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г., Конвенцию о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.

Большинство разделов *Особенной части УК* начинается с подразделов о *правилах толкования* и терминологии. Целый ряд статей содержит отдельные части под названием «*Определения*» или «Для большей ясности», разъясняющие смысл правовых категорий и понятий, более развернутые дефиниции которых нередко содержатся в иных федеральных законах и подзаконных актах или даже прецедентах. В некоторые статьи включены самостоятельные части, содержащие описание обстоятельств, исключающих или смягчающих вину («*привилегированные составы*»), либо исключающих наказание[1].

Нередко материальные нормы в УК Канады сопровождаются *процессуальными пояснениями*, юрисдикционными нормами, руководствами и наставлениями правоприменителям и целыми подразделами процедурного характера. Например, ст. 55 «Доказательство внешнего акта»; ч. 6 ст. 57 «Юрисдикция»; подразделы «Список субъектов», «Судебное разбирательство и ужесточение наказания» и «Судебное следствие» Раздела II.1. Терроризм; и др.

Юридическая техника УК Канады обусловливает описательный, *казуистичный характер норм* Общей и Особенной части, отсутствие точных формулировок, наличие большого числа отсылочных норм и др. Особенностью кодекса являются *«английские» правила обозначения* структурных единиц статьи, включая части, пункты и подпункты, согласно которым в отсылочной статье дается указание на пункт соответствующей статьи, но слова «часть» или «статья» отсутствуют.

Интернет-версия УК Канады содержит текст кодекса, в котором наименования статей и частей расположены в отдельной *колонке слева* от основного текста. В печатных изданиях, в том числе в «Карманном уголовном кодексе» (*Pocket Criminal Code*) данные наименования включаются в текст статьи. В комментированном УК (*Martin's Annual Criminal Code*) эти структурные элементы вынесены за рамки основного текста и представлены в виде своеобразной преамбулы к каждой из них. Таким образом, составители не придают большого значения единообразию текста и унификации внешней формы.

---

[1] Например, подраздел «Привилегированные лица» Раздела III «Огнестрельное и другие виды оружия» (ст.ст. 117.07–117.1); ч. 3 ст. 117.14; ч. 2 ст. 141 УК Канады.

Таким образом, *внутрисистемная кодистика* уголовного права Канады выступает как самостоятельная модель уголовно-правовой системы в традиции общего права[1]. Наряду с типичными признаками, ее своеобразие состоит в специфической терминосистеме, пояснениях к статьям кодекса, оригинальных теоретических доктринах и законодательных конструкциях, в особых формах и методах практического осуществления задач уголовного права.

§ III.4. Австралийская модель кодификации уголовного права

§ III.4.1. Техника уголовно-правовой консолидации в колониях Австралии

Австралазийская правовая традиция демонстрирует несколько достижений и неудач в кодификации уголовного права[2]. Но до сих пор Австралия не кодифицировала свое национальное законодательство полностью[3]. Фактически на протяжении последних 130 лет успешно шаг за шагом было кодифицировано лишь уголовное право и процесс, по крайней мере в трех штатах и на федеральном уровне[4].

Начиная с 1830–1840-х гг. в австралийских колониях стали появляться благодаря усилиям энтузиастов *частные собрания* местного статутного материала (*privately-sponsored collections*) в виде неофициальной инкорпорации. Самым известным примером была «Коллекция статутов Каллагана», включавшая один из самых ранних сводов актов и ордонансов губернатора Нового Южного Уэльса, 1824 – 1837 гг., а также первый сборник «*Digest of Acts of Council*» 1841 г. с комментариями Росса Донели[5].

В 1861 г. появились официальные сборники законодательства как форму *официальной инкорпорации* и разновидность «ревизованных собраний актов» Нового Южного Уэльса[6]. В них

---

[1] *Manning M.* Rethinking Criminal Law in the Age of the Charter of Rights and Freedoms: The Necessity for a 21st Century Criminal Code // The Criminal Law Quarterly. 2003. 47(4). P. 406-437.

[2] *Castles A.C.* An Australian Legal History. Sydney: The Law Book Company, 1982. P. 354-355, 445-449, 480-492; *Трикоз Е.Н., Швец А.А.* Особенности кодификации права в бывших доминионах Британской империи (на примере Австралии, Канады и Новой Зеландии) // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории. Краснодар, 2017. С. 157-161.

[3] *Трикоз Е.Н.* Уголовное законодательство Австралии // Полный курс уголовного права: в 10 тт. Том X. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство / Под ред. *А.И. Коробеева*. СПб., 2021. С. 1082-1113.

[4] *Finn J.* Codification of the Criminal Law: The Australian Parliamentary Experience // Crime and Empire. 1840–1940 Criminal Justice in Local and global Context / Ed. by *B. Godfrey, G. Dunstall*. Willan Publishing, Cullompton, 2005. P. 224-237.

[5] *Callaghan*. Acts and Ordinances of the Governor and Council of New South Wales and Acts of Parliament Enacted For, and Applied to, the Colony. 1844. Vol. 1. В данном издании весь материал был расположен в хронологическом порядке по аналогии с британским изданием «*Statutes of the Realm*», с приложением хронологической таблицы и подробного индекса. Собрание статутов Каллагана позднее было дополнено вторым томом, охватив весь объем законотворческой работы парламента с 1824 по 1852 гг.

[6] *Cary*. A Collection of Statutes affecting New South Wales (1861); *Oliver*. A Collection of Statutes of Practical Utility, 1824-1879 (1879); *Tarleton*. A Collection of the Private Acts of Public Utility in force in New South Wales embracing

около 700 устаревших статутов были аннулированы, другие статуты консолидированы и подвергнуты «инвентаризации», освобождены от устаревших формулировок и проч. Появились серии «*Statute Law Revision Acts*», отчетливо демонстрировавшие содержавшиеся в законодательстве устаревшие и аномальные положения. В 1900 г. был принят первый консолидированный «*Закон об уголовных преступлениях*», действующий с изменениями в штате Новый Южный Уэльс и в современный период (*Crimes Act 1900 (NSW)*)[1].

В колонии Тасмания во второй половине XIX в. периодически издавались правовые коллекции и своды статутов[2]. Вплоть до 1930-х гг. не предпринимались попытки по упорядочению тасманийского статутного права. Исключением стала успешная консолидация и кодификация уголовного права путем издания *Уголовного кодекса Тасмании* 1924 г.[3]

В колонии Южная Австралия в отличие от других отраслей права, в сфере уголовного права удалось провести успешную консолидацию статутов путем принятия *Criminal Law Consolidation Act*. Затем в 1936 – 1940 гг., следуя модели правовой реформы в штате Виктория, местный парламент аннулировал около 700 статутов, издал 72 консолидированных акта, смягчив традиционное неприятие к структуре и содержанию статутного права.

В колонии Западная Австралия в 1865 г. был принт Ордонанс о консолидации уголовного права (*Criminal Law Consolidation Ordinance*. 29 V., No. 5), в результате которого ряд прежних уголовных законов были отменены и рецепированы консолидированные английские акты 1861 г. с определенными изменениями. Так, в местном Законе о преступлениях против личности (The Offences against the Person Act) статьи, которые содержали положения об изнасиловании, были прямо исключены (ст. l Ордонанса), и смертная казнь оставалась наказанием за изнасилование в Западной Австралии (ст. 3 Ордонанса), несмотря на отмену в Англии. Эта исключительная мера наказания сохранялась и в случае совершения преступлений в виде отравления ядами, нанесения повреждений с умыслом на убийство и совершение "*берглэри*", сопряженного с насилием (ст. 3 и 4 Ордонанса)[4]. В 1896 г. в целях упрощения использования имперских (британских) статутов, действовавших в колонии, появилось трехтомное собрание «*Statutes of the Realm adopted by Ordinances and Acts of Council*», где статуты располагались в хронологическом порядке. В 1938 г. принимается «*The Amendments Incorporation Act*», который

---

private legislation from 1832 to 1885 (1886); *Cockshott and Lamb*. Statutes of New South Wales of Practical Utility (1898-1919).

[1] *Woods G.D.* A History of Criminal Law in New South Wales. The Colonial Period, 1788-1900. The Federation Press, 2002.

[2] Acts of Lieutenant-Governor of Van Diemen's Land (1826–1844). 2 vols. 1840, 1844; Acts of Governor and Council of Tasmania, 7 Geo. IV to 19 Vic., 2 vols. (1856–1865); Acts of Governor and Council of Van Diemen's Land, 1826–1856 (1873).

[3] *O'Regan R.* New Essays on the Australian Criminal Codes. Sydney, 1988. P. 150.

[4] *Russel E.* A History of the law in Western Australia. Sydney, 1980. P. 137.

предписывал осуществление некоторых изменений в коротких заголовках (*short titles*) статутов и редактирование постраничных сносок и примечаний к статутному материалу.

В колонии Виктории, в отличие от других австралийских территорий, к концу XIX в. реформа статутного и общего права привела к консолидации и частичной кодификации права, в т.ч. по вопросам уголовного права. В Виктории начала осуществляться последовательная *консолидация статутного права*. Так, в 1863 г. пересмотру подверглось около 400 статутов, а в 1864 г. парламенту колонии были представлены сразу 20 законопроектов о консолидации права. В том же году вступил в силу консолидированный «Закон об уголовном праве и процессе» (*Criminal Law and Practice Act*).

Главными вдохновителями систематизации считаются судья Верховного суда Виктории *Джордж Хигинботам* и декан факультета права Мельбурнского университета *Уильям Эдвард Херн*. Так, Дж. Хигинботам, опираясь на знание практики Верховного суда Виктории, описывал комичную ситуацию, когда только два юриста были действительно знакомы с уголовно-правовым законодательством, применявшимся в Виктории в 1860-е гг., настолько оно было громоздким хаотичным. В деле систематизации права консолидация рассматривалась им как первый необходимый шаг на пути к кодификации права Виктории. В 1880-е гг. Хигинботам поддержал движение за всеобщую кодификацию колониального права, итогом которой должны были стать ряд тотальных кодексов, заменяющих множество статутов и судебных решений[1].

Лидером этого непопулярного тогда движения в австралийских колониях был Уильям Э. Херн (*Edward W. Hearn*), который, пользуясь своим политическим положением как депутат Законодательного собрания Виктории[2], в 1879 г. представляя свой первый законопроект о кодификации. Выступая с речью, он ссылался на образцы кодификации Юстиниана, Наполеона и Фрэнсиса Бэкона, чтобы привлечь поддержку к его программе всеобщей кодификации. Он, апеллируя к «патриотической гордости», самонадеянно полагал, что будущие комментаторы причислят и его в ряд квадрумвирата великих кодификаторов (*quadrumvirate of great codifiers*)[3].

Затем в 1884 г. он представил парламенту проект «*Substantive Law Consolidation Bill*». Год спустя он решился на обнародование своих проектов, рассчитывая заручиться поддержкой практиков, не столь консервативных как академические юристы. Вышла из печати книга Херна «*The Theory of Legal Duties and Rights*», где он изложил методику кодификационных работ[4].

---

[1] *Morris E.A.* Memoir of George Higinbotham. L., 1895. P. 128.
[2] *La Nauze J.A.* Hearn, William Edward // Australian Dictionary of Biography. Melbourne University Press, 1972. Vol. 4. P. 370-372.
3 См.: Victoria Parliamentary Debates, 1879. Vol. 31. P. 1612.
[4] *William Edward Hearn,* The Theory of Legal Duties and Rights: An Introduction to Analytical Jurisprudence. Melbourne, John Ferres, Government Printer, 1883.

В 1885 г. был опубликован текст законопроекта «*The General Code*», автором которого был У. Херн[1]. Он объяснял появление этого проекта необходимостью «изготовить в компендиумной и комплексной форме свод материального общего права колонии» (*the substantive general colonial law*). По его мнению, «*The General Code*» должен был стал бы моделью для других юрисдикций общего и гражданского права: «если бы [программа кодификации] осуществлялась с разумной осторожностью и при разумной энергии мы бы имели свод законов, который, как завещал нам лорд Бэкон, является подарком, достойным короля, — кодекс, который принес бы нам честь и, возможно, подражание не только в Англии, но и во всей Европа и Америке, — кодекс, на который наши дети и дети наших детей будут смотреть с восхищением и гордостью»[2].

«*Кодекс Херна*» содержал 624 статьи, разбитых на 16 тематических глав, заключительная глава 17 содержала перечень статутов, подлежащих отмене. Основные положения этого Кодекса были посвящены *уголовному праву*, невменяемости, правосудия, торговому, вещному и деликтному праву, и др.

Однако, даже у сподвижников Херна возникли сомнения в целесообразности такой всеобъемлющей классификации предметов регулирования и в жизнеспособности такой межотраслевой кодификации. Несмотря на большой объем кодекса, в его тексте содержались довольно *абстрактные формулировки* и определения правовых категорий, некие окончательные и безапелляционные суждения о довольно подвижных правовых явлениях и конструкциях в мире прецедентного права. Юристам общего права казалось почти нереальным, чтобы многие главы Кодекса могли эффективно применяться в жизни, минуя апробацию в длительных судебных тяжбах. Вскоре после смерти Херна в апреле 1888 г, энтузиазм сторонников его модели кодификации стал уменьшаться. На открытии сессии парламента 1888 г. губернатор Виктории отметил, что правительство будет поддерживать движение во имя великой цели кодификации, но она «не должна подвергать серьезной опасности и существенно тревожить ни одну традиционную область права»[3].

Парламент Виктории учредил *Комиссию по кодификации*, которая пришла к выводу, что представленный проект кодекса Херна содержит слишком много погрешностей и принятие его в таком виде представляет опасность для правовой системы колонии. В отчете содержались предложения «отложить рассмотрение проекта на определенное время» и провести менее

---

[1] The General Code 1885: Being a Bill to Declare Consolidate and Amend the Substantive General Law. Prepared and Brought into the Legislative Council of Victoria by *William Edward Hearn*. Melbourne, John Ferres, Government Printer, 1885.

[2] *Masferrer A.* The French Codification and '*Codiphobia*' in Common Law Traditions // Tulane European and Civil Law Forum. 2019. Vol. 34. P. 27.

[3] *Castles A.S.* Op. cit. P. 483.

радикальные меры, а именно ревизию и коррекцию статутного права и второй этап консолидации права.

Наконец, в колонии Квинсленд парламент также начал большую работу по систематизации права и принятию консолидированных сводов («*statute book*»)[1]. В 1867 г. была проведена инкорпорация статутного права путем принятия «*Acts Shortening Act*», а в 1908 г. был издан «*Statute Law Revision Act*», исключивший из статутов весь лишний правовой материал, попутные комментарии, архаизмы.

§ III.4.2. Типовая модель УК Гриффита и её новеллизация

В сфере уголовного права Квинсленда были предприняты более последовательные шаги по его упорядочению и кодификации. В 1899 г. принимается первый ***Уголовный кодекс Квинсленда*** (*Queensland Criminal Code*)[2], который представлял собой не просто унифицированное переиздание британских и колониальных актов по уголовным правонарушениям, но включал многие общие уголовно-правовые принципы и новые конструкции и институты[3].

Идейным вдохновителем кодификационных работ в штате Квинсленд был сэр *Сэмюэль Гриффит* (*Samuel Walker Griffith*; 1845–1920)[4], один из «отцов федерации», соавтор Конституции Австралии 1901 г.[5], и разработчик первого в австралийских колониях УК Квинсленда 1899 г.[6]

Одни называли его «наиболее опасным революционером австралийских колоний», другие оценивали его как символ борьбы либеральных представителей Квинсленда против слепого копирования английских порядков. Его путешествия по Европе и Англии (1865–1867 гг.) и изучение итальянского языка имели особое значение при разработке УК Квинсленда на основе *УК Италии 1889 г.*[7]

---

[1] Сборник «Statutes in force in the Colony of Queensland" 1862–1864 гг. отражал новый, более прогрессивный подход к изложению (внутреннему расположению) материала – не в хронологическом, а в *алфавитно-предметном порядке*. См. также: *Handy*. Queensland Statutes, 4 vols. (1874); *Cooper*. Statutes in force in the Colony of Queensland, 4 vols. (1881); *Pain and Woolcock*. Queensland Statutes, 5 vols. (1889); The Public Acts of Queensland (Reprint), 11 vols. (1826–1936).

[2] Criminal Code Act (1 & 1 Edw. VII, No. 14) 1902 г.

[3] *Edwards E., Harding R., Campbell I.* The Criminal Codes. Sydney, 1992.

[4] *Graham A.D.* The Life of the Right Honourable Sir Samuel Walker Griffith. Brisbane, 1939. P. 5.

[5] *Macrossan J. et al.* Griffith, the Law and the Australian Constitution. Royal Historical Society of Queensland, Brisbane, 1998.

[6] Draft of a code of criminal law: prepared for the Government of Queensland / by Sir *Samuel Walker Griffith*; together with an explanatory letter to the Attorney-General, a table of contents, and a table of the statutory provisions proposed to be superseded by the Code. Brisbane: Govt. Print., 1897

[7] *Cadoppi Alberto*; Justice Cullinane. The Zanardelli Code and Codification of the Countries of the Common Law // James Cook University Law Review. 2000. Vol. 7. P. 116, 134.

С 1872 по 1893 гг. Гриффит был депутатом нижней палаты парламента, два срока подряд занимал должность Премьер-министра Квинсленда и был деять лет главным судьей Квинсленда. С 1903 по 1919 гг. занимал пост Главного судьи Высокого суда Австралии, играя нередко руководящую роль в развитии местной судебно-правовой системы. Так, он подготовил «*Rules of Court*» 1902 г., в которых продемонстрировал свой талант к детальному скрупулезному анализу, дополненный великолепным умением применять широкую эрудицию в правотворческой работе. В ходе работы над Регламентом было пересмотрено и изменено около 80% текста старых английских судебных правил, что существенно усовершенствовало работу Суда Квинсленда[1].

Гриффит приступил к разработке Уголовного кодекса в 1896 г.[2], а окончательный вариант завершил в августе 1897 г.[3] К своему проекту он приложил пояснительную записку Генеральному прокурору от 29 октября 1897 г., в которой указывал, что уголовное право Квинсленда, помимо имперских законов, разбросано почти по 250 статутам, не говоря уже о принципах общего права, которые также вольно применялись. Также он подверг критике английский проект Дж.Ф. Стифена – УК для Англии и Уэльса 1878 г.[4]

Большинство исследователей отмечает, что С. Гриффит «специально и довольно тщательно изучал все существовавшие британские и иные проекты уголовного кодекса»[5]. Гриффит неоднократно заявлял, что «получил большое подспорье», когда ему прислали Уголовный кодекс (*Penal Code*) Италии 1883 г.[6], который он считал «наиболее полным и совершенным Уголовным кодексом из существующих». Как можно судить из докладной записки Гриффита правительству Квинсленда, он руководствовался в своей работе также УК штата Нью-Йорк[7]. Еще более значимым текстом для подготовки первого австралийского кодекса был Уголовный кодекс Индии 1860 г., созданный на основе проекта УК Т.Б. Маколея 1837 г., находившегося под влиянием УК Франции 1810 г. и работ Э. Ливингстона по уголовному праву Луизианы[8].

Проект кодекса Гриффита 1897 г. был принят в качестве Закона об Уголовном кодексе Квинсленда 1899 г. (*Queensland Criminal Code Act, 63 Vic. No 9*) и получил одобрение самого сэра Сэмюэля Гриффита в качестве исполняющего обязанности губернатора 28 ноября 1899 г.[9]

---

[1] *Castles A.S.* An Australian Legal History. Sydney, 1982. P. 488.

2 *Samuel Griffith*, A Digest of the Statutory Criminal Law in Force in Queensland on the First Day of January, 1896, (which it is within the competence of the Parliament of Queensland to repeal or to Amend,) with A Table of the of the Statutes, prepared by The Honourable Sir Samuel Walker Griffith, G.C.M.G., Chief Justice of Queensland. Brisbane, Edmund Gregory, Government Printer, 1896.

3 *Joyce R.* Samuel Walker Griffith. St Lucia, University of Queensland Press, 1984. P. 219.

4 *Sir Samuel Griffith*. Explanatory Letter to Draft of a Code of Criminal Law. Brisbane, Government of Queensland, 1897. P. iv.

[5] *Barry, Paton and Sawer*. An Introduction to the Criminal Law in Australia. Sydney, 1948. P. 16-17.

[6] Letter of Samuel Griffith to the Attorney-General for Queensland, 29th Oct., 1897.

[7] Carter's Criminal Law of Queensland. Sydney, 1979. P. VII.

[8] *Lord Macaulay*. Complete Works. 12 vols (Albany Edition). Vol. 11. 1898. P. 3-25.

Уголовный кодекс Квинсленда 1899 г. представлял собой масштабный статут, содержавший 733 статьи, охватывающие вопросы уголовной ответственности, обстоятельств защиты, системы преступлений и процессуальные аспекты. Но он не мог охватить всего многообразия материального уголовного права Квинсленда, и регулировал по существу лишь наиболее серьезные уголовные правонарушения, рассмотрение которых не входило в компетенцию судов суммарной юрисдикции[1].

Так, ст. 5 УК Квинсленда 1899 г. гласила: «С момента вступления в силу данного УК ни одно лицо не может преследоваться в судебном порядке или подвергаться уголовному наказанию на территории Квинсленда иначе, как на основании положений данного УК или иных статутов штата или имперских законов, непосредственно действующих в штате или во всех доминионах Ее Величества»[2]. В ст. 3 уточнялось, что все нарушения законодательства Квинсленда являются уголовными преступлениями (*criminal offences*), за исключением тех, которые специально отнесены к регуляторным правонарушениям (*regulatory offences*). Это означало, что даже самые незначительные правонарушения и мисдиминоры (например, публичное мочеиспускание) классифицируются как преступления[3].

Одной из новелл данного УК было введение вместо одного состава преступления «*homicide*» трех новых составов убийства – «*willful murder*» (предумышленное злостное убийство), «*murder*» (простое убийство) и «*manslaughter*» (непредумышленное убийство). В отношении других преступлений звучали более ригоричные формулировки и фиксировались более точные конструкции, чем в общем (прецедентном) праве.

Эта юридико-техническая точность относилась также к институту обстоятельств, исключающих уголовную ответственность (*criminal defenses*, или основания защиты). В частности, УК содержал более детальное определение «*defense of insanity*» (невменяемости как обстоятельства, исключающего ответственность). Определенные отличия от положений общего права имела и регламентация такого основания защиты, как провокация в делах об убийстве (*defense of provocation*)[4].

УК 1899 г. различал в самостоятельных статьях такие составы государственных преступлений, как измена (*treason*), мятеж (sedition) и другие преступления против штата. С учетом положений «Закона о диффамации» Квинсленда (*Defamation Act*) 1889 г. в кодекс была включена самостоятельная статья об уголовно-наказуемой диффамации (ст. 366). Еще в 1897 г.

---

[9] *Mackenzie G.* An Enduring Influence: Sir Samuel Griffith and His Contribution to Criminal Justice in Queensland // QUTLJJ. 2002. Vol. 2. No 1. P. 59-60.

[1] Wilson W.F., Graham A.D. Criminal Code of Queensland. Brisbane, 1901.

[2] Royal Commissions. Queensland. On a Code of Criminal Law. Report and Draft Bill. 1899.

[3] Criminal Code Act 1899. Reprint current from 1 February 2024 to date. https://www.legislation.qld.gov.au/view/html/inforce/current/act-1899-009 (дата обращения: 25.12.2024).

[4] *Wells H.D.* The Griffith Code – Then and Now // Griffith Law Review. 1994. 3. P. 205-212.

Гриффит писал, что он включил в свой проект основную конструкцию *состава диффамации*, т.е. разглашения позорящих другое лицо правдивых сведений, дополнив их новыми положениями. В итоге было устранено архаичное разделение действий в виде диффамации на «*slander*» (устная клевета, оскорбление словом) и «*libel*» (пасквиль, письменная клевета), что еще до этого сделали в Новом Южном Уэльсе в 1847 г. (*Injuries to Character Act*). Устанавливалось, что ссылка в свое оправдание на гражданско-правовую диффамацию (*defense of civil defamation*) является такой же хорошей защитой от уголовного обвинения, как и другие виды защит в уголовном праве[1].

После вступления в силу УК Квинсленда в январе 1901 г. его уникальная в австралийских условиях модель была заимствована в штате Западная Австралия[2].

Составитель проекта УК Западной Австралии 1902 г.[3] солиситор короны В.Ф. Сейер (*crown solicitor Sayer*) отмечал, что «главной причиной принятия данного проекта было то, что большая часть нашего уголовного права содержалась не в статутах штата, а в имперских статутах, и для распространения законов Англии достаточно было прежде объявить, что уголовные статуты, перечисленные в данном Акте, считаются действующими на данной территории (*criminal statutes designated in this Act are hereby adopted*); отсюда возникали серьезные трудности при необходимости ознакомления с содержанием английских законов»[4]. Министр земель А. Яменсон (*A. Jamenson*), предлагая ко второму чтению законопроект об Уголовном кодексе, подчеркнул, что «это мера, упрощающая и закрепляющая наше уголовное право, и, таким образом, вполне отвечающая прогрессивному духу нашего времени. Действительно, во всех прогрессивных странах есть уголовный кодекс. Я знаю, что это относятся к Франции и Италии, а также ко всем северным штатам Америки. И в Новой Зеландии, и в Квинсленде есть уголовный кодекс. Действительно, УК Квинсленда является основным источником, из которого был взят наш проект кодекса»[5].

В 1905 г. был издан Закон Западной Австралии о государственной тайне (*Secret Commissions Act*) и закрепленные в нем преступления, преследуемые в обвинительном порядке, впоследствии были включены в УК Западной Австралии, который в измененном виде был принят в 1913 г.[6] В 1902 г. был опубликован проект *УК штата Южная Австралия*, подготовленный профессором права Университета Аделаиды *Ф.В. Пенефатером*, некоторое

---

[1] *Sir Samuel Griffith*. Explanatory Letter of the Attorney-General Queensland with Draft Code. 1897.
[2] *Goode M.* Codification of the Australian Criminal Law // Criminal Law Journal. 1992. Vol. 16. P. 5; *Russel E.* A History of the law in Western Australia. Sydney, 1980. P. 234-235.
[3] The Criminal Code of Western Australia, and the Criminal Practice Rules of 1902, with Index to the Act (1 & 2 Edw. VII., No. 14).
[4] *Russel E.* A History of the law in Western Australia and its Development from 1829 to 1979. Sydney, 1980. P. 233-238.
5 Western Australian Parliamentary Debates, 22 January 1902. XX. 2446.
[6] An Act to Amend the Criminal Code (Assented to 14th December, 1906, Western Australia). Perth, Government Printer, 1906. The current code of Western Australia is the Criminal Code Act 1913.

время занимавшим судейскую должность в Верховном суде Новой Зеландии[1]. В объяснительной записке к своему проекту Пенефатер, по-видимому, с большой неохотой признал, что имеются основания для восхищения *кодексом Квинсленда*, но все же он «содержит слишком много бесполезных повторений и детализированных положений»[2].

В отличие от Сэмюэля Гриффита и его проекта, Пенефатер находился под большим влиянием колониальных правовых традиций и старался придерживаться английских судебных прецедентов. Как следствие, предложенный им проект УК был довольно консервативен и не учитывал особенностей австралийской уголовной и судебно-правовой системы, поэтому не получил поддержки в местном парламенте. Так, в октябре 1904 г. состоялось второе чтение проекта УК Пенефатера, в ходе которого было решено отправить его для экспертизы в Верховный суд Южной Австралии[3]. В ноябре 1904 г. парламент постановил отложить данный билль на неопределенное время[4]. Сегодня в Южной Австралии вместо кодекса действует обширный консолидированный акт – Закон о консолидации уголовного права (*Criminal Law Consolidation Act (SA)*), 1935 г.

Парламент штата Виктория в 1905 г. также приступил к рассмотрению собственного проекта Уголовного кодекса. Он состоял из 544 статей и отличался «большой оригинальностью и скрупулезностью правового регулирования»[5]. Однако, этот проект почти не оставил следов в истории уголовного права Виктории, так как не перешел даже на второе чтение в местном парламенте[6]. Вместо кодекса в Виктории действует более или менее обширный закон о консолидации уголовных преступлений – Закон о преступлениях (*Crimes Act 1958 (Vic)*) 1958 г. Наконец, в 1924 г. Тасмания вступила в «*лигу штатов с кодифицированным правом*», приняв собственный УК[7] и осуществив модернизацию основ уголовного права, состоявшего ранее из противоречивых прецедентов, имперских статутов и колониального законодательства[8].

Впоследствии влияние *типовой модели «Кодекса Гриффита»* (*the Griffith Code*) приобрело транснациональный размах. Он получил широкое распространение либо как теоретическая основа, либо в качестве проектного текста в ходе уголовно-правовой

1 *Pennefather F.W.* Draft of a Code of Criminal Law, prepared for the Government of South Australia; together with Explanatory Letter, Notes, Schedules, and Tables. South Australia, C.E. Bristow, Government Printer, Adelaide, 1902.
2 Draft of a Code of Criminal Law (1902), «Explanatory Letter» / Legislative Council Paper, 1902, No. 32. P. 3-4.
3 *Taylor G.* Dr. Pennefather Criminal Code for South Australia // Common Law World Review. 2002. Vol. 31. P. 62-70.
4 Parl. Deb. (S.A.), 17th Parl., 3rd sess. Legislative Council, 25th Oct., 1904, p. 280 (2nd reading). P. 310-311. Address to obtain report from judges of the Supreme Court; 24th Nov., 1904, p. 501 (shelving of the Bill).
5 *Taylor G.* The Victorian Criminal Code // U. Queensland L.J. 2004. Vol. 23. P. 170-179.
6 *Barry, Paton and Sawer.* An Introduction to the Criminal Law in Australia. Sydney, 1948. P. 21.
7 The Criminal Code Act, 1924 (14 Geo. V., No. 69). Tasmania, Government Printer. [Reprinted from Butterworth's Consolidated Tasmanian Statutes, 1936].
8 *Blackwood J.* The Tasmanian Criminal Code. Part I. General Principles, Cases and Materials. Teaching Materials in the Tasmania Law School, 1978.

кодификации в Папуа-Новой Гвинее, в Нигерии и через нее в других африканских странах, в Израиле, на Фиджи, Соломоновых Островах и Сейшельских островах[1].

Хотя *УК Гриффита 1899 г.*, разработанный в Викторианскую эпоху, продолжает действовать, пришедшее к власти в Квинсленде лейбористы предприняли его пересмотр в 1990 – 1995 гг.[2] Это завершилось рекодификацией и внесением новой версии УК 1995 г., который должен был заменить действующий «Кодекс Гриффита». Но он так и не вступил в силу, а был отменен новым коалиционным правительством (*Criminal Law Amendment Act (Qld.)*) 1997 г.[3]

Последняя из наиболее крупных новеллизаций УК Квинсленда была предпринята в 2000 г., когда в него вносились существенные изменения. В частности, это коснулось определения уголовно наказуемого «сексуального проникновения» (*carnal knowledge* или *sexual penetration*); были добавлены новые составы половых преступлений, такие как публикация непристойного характера (включая изображения, созданные компьютером), увечье женских половых органов (*female genital mutilation*), уточнен состав изнасилования, включено толкование «сексуального согласия»; более детально расписан состав сексуального насилия; введены более строгие наказания за похищение женщины[4].

Многие викторианские уголовно-правовые запреты «*Кодекса Гриффита*» продолжают существовать в УК Квинсленда, в их числе те, которые должны быть отменены как пережитки колониальной эпохи и устаревшие составы, либо как подпадающие под общесоюзную юрисдикцию в УК Австралии 1995 г.: государственная измена и мятеж («Закон о преступлениях» Содружества с 1901 г.); клевета на иностранных правителей (ст. 53 УК Квинсленда); преступления контрабанды (ст. 67, 68 и 76, несмотря на федеральную подведомственность таможенного дела); занятие колдовством или гадание (ст. 432); преступления, связанные с денежным обращением, почтой и телеграфом (в юрисдикции Содружества); вызов на дуэль (ст. 73); борьба в призовом бою (ст. 74 «*prize fight*»)[5].

§ III.4.3. Техника кодификации федерального уголовного права

В 1900 г. парламентом Великобритании был принят *Акт о Конституции Австралийского Союза*[6], что сопровождалось изданием королевской прокламации – учредительного документа

---

[1] *O'Regan R.* The Migration of the Griffith Code // New Essays on the Australian Criminal Codes. Sydney: The Law Book Co., 1988.
[2] Queensland Department of the Attorney-General, First Interim Report of the Criminal Code Review Committee to the Attorney-General. Brisbane, March 1991.
[3] *Kift S.* How Not to Amend a Criminal Code // Alternative Law Journal. 1997. Vol. 22. P. 215-221.
[4] См.: Report of the Taskforce on Women and the Criminal Code / Office of Women's Policy. Brisbane, Government of Queensland, 1999.
[5] *Mackenzie G.* An Enduring Influence: Sir Samuel Griffith and His Contribution to Criminal Justice in Queensland // QUTLJJ. 2002. Vol. 2. No 1. P. 60-61.
[6] The Commonwealth of Australia Constitution Act (63 & 64 Vic., c. 12).

об образовании австралийской федерации («*Commonwealth of Australia*»)[1]. Это была Конституция не полностью независимого в современном понимании государства, а *самоуправляющейся колонии* (впоследствии *доминиона*) Великобритании.

Властная вертикаль Австралийского Союза наряду с первым, верхним (*федеральным*), и вторым, нижним (*штатным*), уровнями распределения властных полномочий имела еще дополнительный, «*внешний уровень*» – власть британского монарха в лице генерал-губернатора[2]. В ст. 109 Конституции провозглашался приоритет федерального законодательства (*a law of the Commonwealth*) над законодательством штатов в сфере совместной юрисдикции, хотя полномочия субъектов федерации в вопросах, не отданных ими в ведение центра, полностью подтверждались[3].

Исключительным правом федерального парламента являлось *издание статутов* по уголовному судопроизводству в Союзе и исполнению судебных решений штатов на территории других штатов или частей Союза (п. 24 ст. 51)[4]. К сфере конкурирующих полномочий относилось издание *законодательства по вопросам борьбы с преступностью* (п. 28 ст. 51).

Согласно ст. 120 Конституции, каждый штат был вправе устанавливать свои *правила о наказании* лиц, обвиняемых в преступлениях против федеральных законов, но федеральный парламент мог издавать законы о приведении в действие таких правил. Кроме того, федеральный парламент законодательствовал для союзных территорий и внешних территорий (*the external Territories*) Австралийского Союза. В числе первых – Северная Территория (*the Northern Territory*), переданная штатом Южная Австралия под федеральный контроль в 1911 г., и ставшая автономным субъектом лишь в 1978 г.; и Австралийская Столичная Территория (г. Канберра), получившая самоуправление в 1989 г. С 1821 по 1909 гг. Она входила в состав колонии Новый Южный Уэльс, поэтому его уголовное законодательство было оставлено частично в силе и после передачи данной территории в федеральное управление (в частности, Lunacy Act 1898 г.; Crimes Act 1900 г.; Piracy Punishment Act 1902 г., и др.). Но на основе Закона об управлении (*Seat of Government (Administration) Act)* 1910 г. федеральные власти получили право издавать на этой территории законы «в целях обеспечения мира, порядка и хорошего управления данной Территорией».

---

[1] *Вайль И.М.* Австралия. Федерализм и высшие органы власти. М., 1970. С. 79-80.

[2] *La Nauze J.A.* The making of the Australian Constitution. Melbourne, 1972; *Каневская Г.И.* Федеративное движение в австралийских колониях Великобритании в 90-х годах XIX века // Новая и новейшая история. Вып. 8. Саратов, 1981. С. 65-80; Федерализм: теория и история развития (сравнительно-правовой анализ) / Отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2000. С. 230.

[3] *Nicholas H.S.* Australian Constitution. Sydney, 1952. P. 134-138; *Wynes W.A.* Legislative, Executive and Judicial Powers in Australia. Sydney, 1962. P. 167-170.

[4] В частности, п. 24 ст. 51 был признан основой правового регулирования процедуры *экстрадиции преступников* между австралийскими штатами. Прецедентный характер в этой сфере имеет дело Aston v. Irvine, когда полицейский штата Южная Австралия Эстон потребовал от властей штата Виктория выдачи лица, обвиненного в совершении преступления по законам Южной Австралии. Aston v. Irvine (1955) 92 C.L.R. 353. См.: Lumb R. D. The Constitution of the Commonwealth of Australia annotated. Sydney, 1986. P. 355.

Первый парламент Австралийского Союза (1901 – 1903 гг.) принял несколько важных *уголовно-правовых статутов*. Так, в 1901 г. был издан Закон об уголовном наказании правонарушителей (*Punishment of Offenders Act*), который положил начало *федеральному уголовному праву*, установив наказания за совершение деяний, предусмотренных федеральным статутным правом («*offences against commonwealth statutory prohibition*s»). В 1903 г. вошли в силу Законы о правосудии (*Judiciary Act*) и об экстрадиции (*Extradition Act*); последний наделил Генерал-губернатора и представителей федеральных властей правом подвергать экстрадиции скрывающихся от правосудия преступников (*fugitive criminals*) в соответствии с порядком, установленным в актах об экстрадиции Великобритании и международных договорах[1].

Следующий парламент (1914–1917 гг.) принял основополагающий уголовно-правовой Закон о государственных преступлениях (*Commonwealth Crimes Act*) 1914–1915 гг. Он представлял собой всеобъемлющий кодекс (*comprehensive code*) преступлений, направленных против неприкосновенности и безопасности государства в целом. В числе *государственных преступлений* были указаны такие, как измена (*treason*), караемая смертной казнью, монетные преступления (*coinage offences*), подделка официальных документов (*forgery of official documents*) и раскрытие государственной тайны (*breach of official secrecy*). В 1915 г. в этот Закон было включено дополнение об обратной силе уголовно-правовой нормы, закрепляющей состав преступления в виде обманных действий, направленных против государства (*offence of defrauding the Commonwealth*). На сессии десятого парламента Австралии (1926–1928 гг.) была введена новая часть Закона (Part IIa). Так, в ее ст. 30A–H объявлялось уголовно-наказуемым создание и деятельность революционных и мятежных ассоциаций (*revolutionary and seditious associations*); положения о наказуемости действий по отправлению в газеты печатной продукции этих незаконных ассоциаций; конфискация собственности этих ассоциаций[2].

Официальное закрепление за Австралийским Союзом статуса *доминиона* в соответствии с Вестминстерским статутом 1931 г. означало, что ни один закон, принятый Короной, не имел в Австралии силы без утверждения федеральным парламентом, а австралийский закон не мог быть аннулирован парламентом Великобритании[3].

В 1934 г. был издан первый в федеральной истории *Закон о ревизии статутного права* (*Statute Law Revision Act*), который упорядочил сборники законов («*statute books*») путем переименования некоторых актов и аннулирования большого количества устаревших.

---

[1] *Sawer G.* Australian federal politics and Law. Vol. I. 1901-1929. Melbourne, 1956. P. 22.

[2] Эти новые положения в уголовном праве были направлены против возвышения в этот период Коммунистической партии, и воспроизводили многие положения актов 1916 – 1917 гг., к тому же они в значительной степени совпадали текстуально со статьями о мятеже (*sedition*) (ст. 24a и др.), включенными ранее *Crimes Act* 1920 г. *Sawer G.* Op. cit. P. 267.

[3] Ратификация указанного Статута состоялась только в 1942 г. (The Statute of Westminster Adoption Act). См.: Australia: A chronology and fact book. 1606 – 1976 / Ed. by *A.C. Castles*. N.Y., 1978. P. 125-130.

В условиях Второй мировой войны появился Закон о воинских преступлениях (*War Crimes Act*) 1945 г., в соответствии с которым к компетенции военных судов (*military courts*) была отнесена особая группа преступлений, за совершение которых предусматривалось наказание в виде смертной казни или тюремного заключения на неопределенный срок.

В 1960 г. вносятся изменения в федеральный Закон о преступлениях (*Crimes Act*) 1914 г., а именно включил в него новую Часть I A (ст. 4–23), содержавшую ряд важных общих принципов уголовного права («*general criminal provisions*»), в частности: применение правил общего права к институту уголовной ответственности (ст. 4); ужесточение ответственности пособников и подстрекателей (ст. 5); криминализация состава в виде соучастия после факта преступления (ст. 6); уголовно-наказуемое покушение на преступление (ст. 7); запрет налагать наказание дважды за одно и то же преступление (ст. 11); закрепление за Генерал-губернатором королевской прерогативы помилования (ст. 21D), и др.[1]

В рамках начавшейся в Австралии конституционной реформы о возможном изменении формы правления парламент приступил к длительной *уголовно-правовой реформе* (1970–1990-е гг.). В ходе нее были рассмотрены некоторые важные законопроекты и принят ряд принципиальных уголовных законов[2]. Среди основных причин, заставивших академических юристов и судей пересмотреть традиционно пессимистическое отношение к реформе, выделим следующие. *Во-первых*, кризис социального доверия к существующей уголовной политике и деятельности органов уголовной юстиции. В результате на определенном этапе акцент сместился в сторону реформы уголовно-процессуального права Австралии, прежде всего т.н. доказательственного права, и унификации системы уголовной юстиции.

Во-вторых, в системе источников уголовного права стали превалировать парламентские акты, и потому возникла серьезная проблема «сосуществования» общего и статутного права. Было установлено, что лишь предусмотренное законодательством деяние может повлечь уголовную ответственность, и была предпринята систематизация материального «общего права» на базе статутного[3]. Однако, именно *общее право*, так исторически сложилось, в

---

[1] A Country Law Study for Australia. Canberra, 1966. P. 20.

[2] Закон об изменениях «Crimes Act» (1973 г.); закон « Crimes (protection of aircraft) act» (1973); закон «Extradition (foreign states) act» (1974); закон «Crimes (aircraft) amendment act» (1976 г.), закон «Crimes (biological weapons) act» (1976 г.), закон «Crimes (Internationally protected persons) act» (1977 г.); закон «Crimes (foreign incursions and recruitment) act» (1978 г.); «Crimes (taxation offences) bill» (1980), «Crimes amendment bill» (1981), «Crimes (currency) bill» (1981), «Crimes (taxation offences) act» (1982), «Crimes amendment act» (1982), «Domicile bill» 1981, «National Crimes Commission act» (1982), «Crimes (biological weapons) act» (1983), «Crimes (Foreign Incursions and Recruitment) Act» (1984), «Crimes (Overseas) Act» (1984), «War Crimes Act 1945» (1984), «The National Crime Authority bill 1983» (1984), «Crimes Act 1914» (1986). См.: Australian Government Publications. National library of Australia. Canberra, 1973–1987.

[3] *Bennett J.M.* Historical Trends in Australian Law Reform // (1970) 9 Western Australian Law Review 211, 215; *Kirby M.D.* Reforming the Law // Law-making in Australia / Ed. by A.E. Tay, E. Kamenka. Port Melbourne, 1980. P. 55; *Mason A.F.* Law Reform in Australia // (1971) 4 Federal Law Review 197; *Sutton K.S.T.* The Pattern of Law Reform in Australia. Brisbane, 1969; *Wade E.C.* The Machinery of Law Reform // (1961) 24 Modern Law Review 3, 10.

отличие от законодательства, являлось единым для всех шести штатов и двух союзных территорий Австралии. Апеллируя к этому, сторонники идеи неизменности права стали приписывать общему праву роль альтернативной правовой реформе силы. Якобы только оно способно выполнить сходную функцию, к тому же без чрезмерных затрат, – устранить неясность законодательства, его неполноту, отсутствие регулирования отдельных вопросов уголовного права.

В результате сложилась ситуация, когда *общее право* наряду со статутным оставалось самостоятельным регулятором уголовно-правовых отношений, а значит уголовная ответственность могла наступить на основе прецедентов, причем не только австралийских, но и других стран Содружества наций[1].

В-третьих, было очевидным несоответствие состояния исторически сложившегося уголовного права современному уровню юридической науки и законодательной техники. При реформировании уголовного права Австралии преследовались три основные цели: 1) модернизация и интенсификация уголовно-правовых мер борьбы с преступностью, чему способствовало введение новых составов преступлений или расширение существовавших ранее и, вместе с тем, проведение частичной декриминализации; 2) усовершенствование в плане юридической мысли и техники системы, институтов и норм уголовного права; 3) стабилизация уголовного закона, сохранение тех институтов и норм, эффективность которых апробирована временем.[2]

Особенностью уголовно-правовой реформы в Австралии было существование научно-экспертного институционального уровня (*institutional level*), в пределах которого институты по правовой реформе (юридические комиссии, правовые комитеты, парламентские группы и др.) готовили и обосновывали драфтовое законодательство и проекты по систематизации права.

Австралия почти параллельно с метрополией заполнила своеобразный «научно-практический вакуум», создав к середине прошлого века около десятка экспертных институтов по реформе права на федеральном и штатном уровнях. При этом были использованы действовавшие в Великобритании *институтские модели* правовой реформы: это *ad hoc* комитеты или постоянные комитеты, но с членством на временной (*part-time*) основе (например, Комитет по ревизии уголовного права при Министре внутренних дел), либо действовавшая на постоянной (*full-time*) и легальной основе Правовая комиссия Англии и

[1] *Goode M.* Codification of the Australian Criminal Law // Criminal Law Journal. 1992. Vol. 16. P. 5.
[2] *Kirby M.* Reform the Law: Essays on the renewal of the Australian legal system. Melbourne, 1983. P.8.

Уэльса (*Law Commissions Act*, 1965 г.), которая оказалась в итоге более эффективной в нелегком деле кодификации уголовного права[1].

В Австралии, кроме двух штатов – Нового Южного Уэльса и Квинсленда,[2] реформа уголовного права первоначально носила поверхностный характер и потребовала больших временных и финансовых затрат. Так, в 1964 г. федеральное правительство обратилось в Комиссии штатов по правовой реформе (временные и несамостоятельные по правовому статусу) с предложением подготовить проект УК для союзных территорий (*for Commonwealth Territories*). Только в 1970 г. *Draft Code* был представлен Генеральному атторнею.

Имея к этому времени скромный результат в деле уголовно-правовой реформы, оставшись позади Англии, США, Новой Зеландии и даже собственного штата – Нового Южного Уэльса, Австралия постепенно пересмотрела свое отношение к процессу реформирования федерального уголовного права. *Во-первых*, Правовые комиссии штатов были преобразованы в органы постоянного характера, с правом инициировать исследования в любой области права и представлять свои отчеты на рассмотрение легислатур[3]. *Во-вторых*, была достигнута координация в деятельности различных институтов по правовой реформе, чему способствовало создание Постоянного комитета прокуроров федерации и штатов, Национального *Института правовой реформы*, действовавшего в сфере уголовного права совместно с Институтом криминологии, а также Комиссии по национальным преступлениям (с 1982 г.). *В-третьих*, на федеральном уровне была образована австралийская *Комиссия по правовой реформе* (с 1973 г.), рассматривавшая проекты по ревизии и модернизации законов, по унификации законов штатов и территорий, по консолидации законов и частичной кодификации права.

С учетом специфики систематизации в австралийском праве, где «законодательство – это многовековая громада, занимающая на полках не один том, …датируемый порой XIV–XV вв.»[4], австралийская Комиссия на первом этапе шла по пути *консолидации*, а не кодификации уголовного права[5]. В 1980-е гг. в деятельности австралийской Комиссии определилось три

---

[1] *Meares C.L.D.* Law Reform in Australia // Law and the Commonwealth. Occasional Papers for the Fourth Commonwealth Law Conference. New Delhi, 1971. P. 247-261; *Sutton K.* The Pattern of Law Reform in Australia. St. Lucia, 1970. P.6.

[2] *Campbell W.B.* Law Reform in Queensland // The University of Queensland Law Journal. 1971. Vol. 7, No. 2. P. 221-225.

[3] Так, в этот период в Южной Австралии действовал Юридический комитет судьи Р. Митчелла (S.A. Criminal Law and Penal Methods Reform Committee), среди отчетов которого важный доклад об Основах уголовного права 1977 г. В Северной союзной территории Комиссия по правовой реформе подготовила проект УК этого субъекта федерации, который стал законом в 1983 г. См. также: *O'Brien F.C.* The Victorian Chief Justice's Law Reform Committee // Melbourne University Law Review. 1972. Vol. 8. P. 440-451.

[4] *Богдановская И.Ю.* Закон в английском праве. М., 1987. С. 87.

[5] В числе подготовленных Комиссией в этот период специальных отчетов – Отчет № 7 за 1977 г. «О трансплантации человеческих органов и тканей», где, в частности, дается новое содержание дефиниции «смерть»; Отчет № 13 за 1980 г. «О защите персональной информации», где вводится понятие компьютерного преступления; Отчеты № 15 и № 17 за тот же год соответственно о практике уголовных наказаний за федеральные преступления и об обычном уголовном праве аборигенов Австралии. К каждому ежегодному докладу Комиссии присоединялось

главных *направления уголовно-правовой реформы*: 1) статутное закрепление большинства составов преступлений на федеральном уровне; 2) «статутификация» принципов уголовного права на федеральном и местном уровнях, там, где данная область уголовного права еще оставалась сферой прецедентного права; 3) принятие проекта *Модельного УК* для Союза[1].

Главным итогом первого этапа уголовно-правовой реформы в Австралии стало упорядочение разрозненного регионального законодательства, его консолидация и рекодификация в тех штатах, где действовали собственные УК, начало *постепенной унификации* национального уголовного права. В 1986 г. был принят конституционный *Закон об Австралии,* основные положения которого превращали Австралийский Союз из доминиона в полностью независимое государство[2]. В соответствии с этим актом, все законы Великобритании объявлялись утратившими силу; все полномочия монарха ограничивались правом назначать и смещать генерал-губернатора; законодательство Австралийского Союза утверждалось королевой только с согласия австралийского правительства и т.д.[3]

По сравнению с конституционным актом 1901 г., когда отдельные штаты закрепили право принимать местное уголовное законодательство, к концу 1980 – 1990-е гг. сфера применения федерального уголовного права значительно расширилась (*expansion of Commonwealth criminal law*)[4], в т.ч. вследствие принятия ряда международных уголовно-правовых обязательств и за счёт криминализации более специализированных проступков и серьезных преступлений в сфере экологии, миграции, таможни, налогообложения, биомедицины, защиты генома и соматических прав[5], и др. И такие деяния уже явно и стремительно выходили за рамки федерального *Закона о преступлениях* (*Crimes Act (Cth*)) 1914 г., несмотря на регулярные циклы поправок и реконсолидаций. В этом контексте встала важная задача по разработке *федерального УК* Австралии и создания *типовой модели* уголовно-правовой кодификации для штатов и территорий.

§ III.4.4. Комитет Гиббса и кодистика Модельного УК Австралии

В феврале 1987 г. Генеральный атторней Австралии *Л. Бовэн* издал распоряжение об учреждении *Комитета по пересмотру* федерального уголовного права[6]. Комитет под

драфт-законодательство в виде Союзного закона, Ордонанса союзной территории или Модельного закона для штатов.

[1] *Mason A.* Reform of the Criminal Law in Australia // Commonwealth Law Bulletin. July, 1989. P. 1011-1015.

[2] The Australian Act 1986 // Public General acts. Canberra, 1986. P. 2.

[3] Федерализм: теория и история развития (сравнительно-правовой анализ) / Отв. ред. *М.Н. Марченко*. М., 2000. С. 257.

[4] *Goode M.* The Model criminal code project // Australian Law Librarian. 1997. Vol. 5(4). P. 265-276.

[5] *Денисенко В.В., Трикоз Е.Н.* Делиберативность и алеаторные процедуры как легитимация соматических прав человека: опыт Республики Ирландии и Австралийского Союза // Государство и право. 2023. №1. С. 100-113.

[6] Attorney-General's Department, Review of Commonwealth Criminal Law. Canberra, AGPS, 1988–1991.

председательством Главного судьи Австралии сэра *Гарри Гиббса* подготовил серию отчетов, посвященных различным проблемам уголовного права, включая предложения по систематизации уголовного права и первичной консолидации статутов.

Также был составлен *проект Федерального УК* 1990 г., но он не был внесен в парламент[1]. В этом проекте Комитет Гиббса разработал и предложил формулировки принципов уголовной ответственности, которые были направлены на «переформулирование существующих принципов с целью заполнить пробелы, устранить неясности и исправить аномалии»[2].

В июне 1990 г. был учрежден *новый Комитет* по уголовному праву (*Code Committee,* или *CLOC*)[3] для дальнейшей систематизации и разработки типовой модели Уголовного кодекса («*The Model Criminal Code Project*», далее – *MCC*)[4]. Первое формальное заседание Комитета, включавшего по одному чиновнику от каждого австралийского штата и территории в качестве экспертов в области уголовного права и правосудия, прошло в 1991 г., а завершилась разработка Модельного УК Австралии лишь в 2009 г.

«*Комитет по кодексу*» считал, что «настало время рассмотреть эффективные меры, направленные на уголовно-правовую согласованность и даже единообразие уголовного права» во всех юрисдикциях Австралии[5]. Поэтому его цель сместилась к созданию типовому кодексу (*uniform code vs. model code*), который лучше обеспечил бы «наведения мостов» между юрисдикциями штатов общего права и штатов с кодифицированным правом[6]. Моделируя и приспосабливая лучшую практику по вопросам уголовного права, созданный в итоге Модельный УК был направлен на приведение в согласованное единство 9 уголовных юрисдикций – федерального правительства, шести штатов и двух союзных территорий, с целью сформировать некую *центростремительную силу* в уголовно-правовом пространстве страны[7].

Один из защитников типовой модели УК профессор *М. Гуд* развернул наиболее продуманную аргументацию этого проекта, ссылался на разработки и концепции Дж. Бентама,

---

[1] Draft Bill for a Federal criminal code (Review of Commonwealth Criminal Law (Australia), 1990 / The ‘Gibbs Committee’.

[2] The ‘Gibbs Committee’. Review of Commonwealth Criminal Law (Australia), 1990. [3.12].

[3] The Criminal Law Officers Committee (*далее* – CLOC); в ноябре 1993 г. этот комитет был переименован в «Model Criminal Code Officers Committee» (*далее* – MCCOC).

[4] В своей деятельности Комитет использовал целый ряд принципиальных уголовно-правовых актов, действовавших в штатах и союзных территориях Австралии: Cth. Crimes Act 1914; A.C.T. Crimes Act 1900; N.S.W. Crimes Act 1900; N.T. Criminal Code Act 1983; Qld Criminal Code Act 1899; S.A. Criminal Law Consolidation Act 1935; Summary Offences Act (S.A.) 1953; Tas. Criminal Code Act 1924; Vic. Crimes Act 1958; Summary Offences Act (Vic.) 1966; W.A. Criminal Code Act Compilation Act 1913.

[5] Criminal Law Officers Committee of the Standing Committee of Attorneys-General (Code Committee). Model criminal law. Chapter 2. General Principles of Criminal Responsibility: Final Report. Canberra, ACT: Australian Government Publishing Service, 1992. P. ii.

[6] *Scott G.* A Model Criminal Code // Criminal Law Journal. 1992. Vol. 16. P. 350-352.

[7] *Goode M.* Codification of the criminal law? // Criminal Law Journal. 2004. Vol. 28. P. 226-236.

и утверждая, что кодификация необходима всему уголовному праву, с тем чтобы его можно было «легко обнаружить, ясно понять, дешево достать сам кодекс, а затем демократически изменять и дополнять его»[1].

В 1992 г. после многочисленных консультаций Комитет представил свой отчет на тему «Общие принципы уголовной ответственности», который содержал проект Глав I и II разрабатываемого Модельного УК[2]. Комитет опирался на общие принципы субъективной стороны и форм вины, привнесённые ранее в общее право Австралии из других стран этой традиции, в частности, из кодексов США, Канады и Новой Зеландии. Составители опирались также на анализ *проекта УК Англии и Уэльса,* но пришли к выводу, что его принципы и положения не являются существенно необходимыми для Австралии[3]. Впоследствии многих удивило отсутствие в Модельном УК общих положений и принципов статутного толкования, которые считаются устоявшимися в Австралии[4], хотя при этом в каждом штате есть свое законодательство о правилах толкования (например, *Acts Interpretation Act (Cth)* 1901 г.).

Реакция экспертного сообщества на серию докладов по *Общей части* Модельного УК была неоднородной и разрозненной. Так, штат Квинсленд в основном проигнорировал процесс подготовки Модельного кодекса, в то время как в юрисдикциях других штатов преобладал избирательно позитивный подход к проекту федеральной кодификации[5]. Раздавались призывы к модернизации формы и техники уголовного законодательства Австралии, с целью обновления общих принципов и ценностей уголовной политики, создания унифицированной практики применения и толкования, исключения устаревших и неоправданных уголовно-правовых конструкций, более эффективного ответа на терроризм и транснациональную преступность[6].

Отдельные главы *Особенной части* МСС охватывали «центральное ядро» уголовной политики и «мейнстримное» уголовное право, а именно нормы по криминализации имущественных, сексуальных, компьютерных преступлений и др. Взяв за основу материалы «Комитета Гиббса»[7], новый Комитет подготовил 8 отчетов с законопроектами по *группам преступлений*: «Кража, мошенничество и связанные с ними преступления» 1993 г.[8];

---

[1] *Goode M.* Codification of the Australian criminal law // Criminal Law Journal. 1992. Vol. 16. P. 5-19.

[2] Model Criminal Code Officers Committee of the Standing Committee of Attorneys-General, Chapters 1 and 2: General Principles of Criminal Responsibility – Report, December 1992.

[3] *Ashworth A.* Interpreting criminal statutes: A crisis of legality? // Law Quarterly Review. 1991. Vol. 107 (July). P. 419-449.

[4] *Gani M.* Codifying the criminal law: Implications for interpretation // Criminal Law Journal. 2005. Vol. 29. P. 264-280.

[5] *Bronitt S., McSherry B.* Principles of Criminal Law. Thomson Reuters, 2010. P. 85.

[6] *Трикоз Е.Н., Швец А.А.* Система противодействия терроризму в странах Содружества Наций (на примере Австралии, Канады, Индии) // Общество и право. 2017. № 4(62). С. 99-104.

[7] В числе подготовленных материалов и отчетов «Комитета Гиббса»: О компьютерных преступлениях; О заключении под стражу до предъявления обвинения; О рецидивной преступности; Об институтах покушения и сговора на совершение преступления; О преступлениях против собственности, взяточничестве и коррупции в правительственной сфере; О преступлении в виде подделки.

[8] Model Criminal Code Officers Committee of the Standing Committee of Attorneys-General. Chapter 3. Theft, Fraud and Related Offences, Discussion Paper – Part 1. December, 1993.

«Преступления против личности без смертельного исхода» 1994 г.; «Вымогательство, подделка документов или подлог, взяточничество и укрывательство этих действий» 1994 г.[1]; «Сексуальные преступления», которые охватывали доказательственные и процессуальные аспекты, 1996 г.; «Преступный заговор с целью мошенничества» 1997 г.; «Серьезные преступления, связанные с наркотиками» 1998 г.; «Преступления против отправления правосудия» 1998 г.; и «Правонарушения, посягающие на общественный порядок» 1998 г.[2]

Следуя идее сближения штатных юрисдикций, унифицированное уголовное право считалось необходимой ступенью для того, чтобы «австралийцы становились ближе друг к другу и стремились действовать как единая нация»[3] и ощущать себя «великой социал-демократией»[4]. «Столетия развития, по большей части *ad hoc*, уголовного законодательства породили лазейки и пробелы, которые можно было бы устранить более углубленным и принципиальным пересмотром уголовного законодательства»[5].

В 1994 г. на совещании премьер-министров штатов и федеральных территорий *проект Модельного УК* был признан документом, имеющим общенациональное значение[6]. В марте 1995 г. билль «*The Commonwealth Criminal Code*», подготовленный еще в 1994 г., был принят парламентом Австралии в окончательном варианте. Таким образом, Модельный УК был принят в 1995 г. как Уголовный кодекс Содружества – «*The Commonwealth Criminal Code*».

Важную роль в работе по составлению *Модельного УК* играла Федеральная служба Директора публичных обвинений (*Commonwealth Director of Public Prosecutions*). С начала 1990-х гг. в ежегодных отчетах этой Службы помещались разделы по поводу той или иной дискуссионной бумаги или доклада Комитета специалистов по уголовному праву. По сути, такая деятельность службы DPP являлась одной из форм участия в разработке проекта УК посредством представлений (*submissions*) в адрес департамента Генерального Атторнея. Так, в 1996 г. служба DPP провела анализ доклада Комитета по проектируемой Главе III «*Theft, Fraud and Related Offences*», указав, что он существенным образом основывался на английском законе «*Theft Act*» 1968 г., который ранее уже был воспринят законодательством нескольких австралийских штатов, что позволило избавиться от ряда технических дефектов и аномалий общего права в этой области.

---

[1] Model Criminal Code Officers Committee of the Standing Committee of Attorneys-General, Chapter 3: Blackmail, Forgery, Bribery and Secret Commissions, Discussion Paper – Part 1, July 1994.
[2] *Goode M.* Constructing criminal law reform and the model criminal code // Criminal Law Journal. 2002. Vol. 26. P. 152-166.
[3] *Ruddock P.* Criminal Code Bill 1995 / Crimes Amendment Bill 1995. Hansard: House of Representatives, Federal Parliament, 1 March, 1995. P. 1337, 1340.
[4] *Loughnan A.* The very foundations of any system of criminal justice': Criminal responsibility in the Australian model criminal code // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. 2017. Vol. 6(3). P. 14.
[5] *Griffin T.* A retrospective, policy and legislative reform themes in the Attorney-general's areas of responsibility, 1991–2001 // Flinders Journal of Law Reform. 2003. Vol. 6(2). P. 263-283. P. 264.
[6] *Spindler S.* (Victoria) Criminal Code Bill 1995. Hansard, Senate, Federal Parliament, 25 August 1994. P. 352.

Основной целью Комитета было завершение подготовительных работ по проекту Модельного УК к 1998 г. и обеспечение имплементации его частей к 2001 г.[1] Однако к ноябрю 1998 г. эта цель оставалась почти недостижимой, так как парламент успел принять полностью только одну Главу II УК «*General Principles of Criminal Responsibility*», а также фрагменты из двух глав Особенной части – Раздел 270 УК «*Slavery, sexual servitude and deceptive recruiting*» из Главы VIII «Преступления против человечности» и Раздел 70 «*Bribery of foreign public officials*» из Главы IV «*Неприкосновенность и безопасность международного сообщества и иностранных правительств*».

В январе 2000 г. Комитет выпустил серию материалов по Главе «*Преступления, влекущие ущерб собственности, и компьютерные преступления*», и после публичных консультаций подготовил итоговый отчет-проект Главы IV Модельного УК. На этом его деятельность вследствие исчерпания поставленной цели была завершена. Комитет парламентских советников и Постоянный комитет генеральных прокуроров утвердили в 2009 г. согласованный финальный вариант *Модельного УК* Австралийского Союза (*Model Criminal Code*, или *MCC*)[2]. В его основу был положен разработанный в 1990-е гг. типовой проект, ознаменовавший собой «радикальный поворот» в истории и технике уголовного права[3].

По идее *MCC* должен был стать *типовым кодексом* для всех австралийских юрисдикций, олицетворяя собой высшую точку воплощения систематизации права и ценности рационализации и модернизации уголовного права. Его ядром была фундаментальная *Общая часть* в виде Главы II «Общие принципы уголовной ответственности», которая создавалась по образцу одноимённой главы *Модельного УК США* 1962 г.[4] В ней были кодифицированы нормы о «физических» (объективных) и «психологических» (субъективных) элементах преступлений (были введены категории '*physical'* и '*fault'* вместо прежней латинской терминологии общего права *actus reus* и *mens rea*), а также даны определения ключевых уголовно-правовых понятий и категорий, включая формы вины[5], элементы объективной стороны, исключающие обстоятельства, абсолютная ответственность, корпоративная ответственность, географическая юрисдикция, и др. (ст. 202-205, 301 *MCC*).

Системообразующий институт Общей части – *уголовная ответственность* обеспечивал концептуальную устойчивость и когерентность всего *MCC*, а общие принципы уголовной

---

[1] *Трикоз Е.Н.* Цели уголовного права Австралии // Право и политика. 2000. №11. С. 81-84.
[2] Parliamentary Counsel's Committee. *Model Criminal Code*. Canberra, ACT: Attorney-General's Department, 2009. URL: http://www.pcc.gov.au/uniform/crime%20%28composite- 2007%29-website.pdf
[3] *Loughnan A.* The very foundations of any system of criminal justice': Criminal responsibility in the Australian model criminal code // International Journal for Crime, Justice and Social Democracy. 2017. Vol. 6(3). P. 8-24.
[4] *Leader-Elliott I.* Elements of liability in the Commonwealth Criminal Code // Criminal Law Journal. 2002. Vol. 26. P. 28-42.
[5] *Трикоз Е.Н.* Эволюция учения о вине в уголовном праве Австралии // Иностранное право. Сб-к науч. ст. Вып. 2. М., 2001. С. 92-114.

ответственности формировали единообразие (*uniformity*) практики толкования и общий концептуальный язык как для теоретиков уголовного права, так и для практикующих юристов по уголовным делам[1]. Модельный УК обладал и внутренней ценностью, базируясь на глубоком концептуальном уровне техники изложения, закрепления уголовно-правовых принципов и конструкций с помощью доступного языка, на котором познается, организуется и реформируется уголовное право[2]. Как было уточнено в заявлении разработчиков МСС, «Кодекс в конечном итоге систематизировал типовые положения, способные заменить все *преступления общего права* и положения Закона о преступлениях в юрисдикциях общего права, а также нормы Уголовных кодексов в «*юрисдикциях кодекса Гриффита*»[3].

Но поскольку юрисдикции штатов приняли положения МСС лишь частично и неравномерно, считается, что он не оказал решающего влияния на локальные системы уголовного права. Реакция на него со стороны штатов с юрисдикцией общего права сводилась скорее к простому ознакомлению с текстом модели УК. В то время как Австралийская Столичная территория в 2002 г. и Северная территория в 2006 г. инкорпорировали в свои локальные УК ряд положений МСС и почти полностью Главу II о принципах уголовного права[4]. Штат Новый Южный Уэльс инкорпорировал из МСС набор предписаний, касающихся института необходимой обороны и невменяемости, и т.д.[5]

Наконец, на федеральном уровне был принят *УК Австралии 1995* г., концептуально основанный на положениях Модельного УК, но затем существенно расширенный в Особенной части. Федеральный УК и сегодня продолжает подвергаться изменениям и дополнениям под влиянием новых криминальных угроз и форм преступности[6]. Тем не менее уровень его авторитетности и самоисполняемости в юрисдикции штатов оставляют желать лучшего[7].

ВЫВОДЫ. В *Главе III* диссертации проведен анализ *внутрисистемной кодистики* в Британской колониальной империи. Мы выделяем пять основных *моделей кодификации* уголовного права в колониальных владениях и доминионах Короны, и проводим детальный сравнительно-кодистический анализ текстов принятых или проектируемых *уголовных кодексов* (на примере Индии, Канады и Австралии).

---

[1] *Loughnan A.* Op. cit. P. 18.
[2] *Трикоз Е.Н.* Система принципов уголовного права Австралии // Политические и правовые системы. Краснодар: КубГУ, 2001. С. 123-136.
[3] Цит. по: *Loughnan A.* Op. cit. P. 17.
[4] Criminal Code Amendment (Criminal Responsibility Reform) Act 2005 (NT). Part IIAA.
[5] NSW Law Reform Commission. People with Cognitive and Mental Health Impairments in the Criminal Justice System: Criminal Responsibility and Consequences. Report No 138. Sydney, New South Wales: NSW Government, 2013.
[6] *Leader-Elliott I.* Guide to Framing Commonwealth Offences, Civil Penalties and Enforcement Powers. Canberra, ACT: Attorney-General's Department, Australian Government, 2009.
[7] *Goode M.* An evaluation of judicial interpretations of the Australian model criminal code // Codification, Macaulay and the Indian Penal Code: The Legacies and Modern Challenges of Criminal Law Reform. Chesterfield, 2011. P. 313-336.

В *первом параграфе* прослежено распространение английского уголовного права в колониях (т.н. *легальный колониализм*) и постепенное внедрение «*архетипа*» уголовной кодификации (теоретической модели – *Benthamite Criminal code*). В качестве такового выступала *позитивистская модель* кодификации, которая была структурирована по квази-пандектной схеме с выделением Общей и Особенной частей. Развиваясь в определенном социокультурном и историко-догматическом контексте этот «*архетип кодекса»* с присущей ему *внутрисистемной юртехникой* стал важным инструментом управления сферой уголовных правоотношений в британских колониях. Ситуация усугублялась двусмысленностью языка и сложностью конструкций колониальных УК, что на практике приводило к несоответствию между *модельным актом* («архетипом кодекса») и реальной кодификационной практикой его создания и применения.

Во *втором параграфе* на основе историко-правового и кодистического анализа *индийской модели кодификации* (*Macaulay Utilitarian Penal Code*) проанализирована система источников колониального права в Индии, цели и порядок создания Уголовного кодекса Т.Б. Маколея в 1834–1860 гг., юртехнические особенности и систематика УК Индии (23 главы и 511 статей), его пандектная структура и отдельные институты.

В *третьем параграфе* проанализирована специфика *канадской модели кодификации* (*Burbidge Criminal Code*), с характеристикой уголовно-правовой системы, канадского биюридизма (*bijuralism*), юридической техники, и др. Предложена *авторская периодизация* последовательной унификации и кодификации канадского уголовного права, выделено семь таких этапов. С кодистической точки зрения текст *УК Канады* 1892 г. отличались своеобразием уголовно-правовых конструкций и доктрин, наличием особой терминосистемы и примечаний к статьям кодекса, большим числом отсылочных норм, описательно-казуистичным характером норм Особенной части, и др.

В *четвертом параграфе* исследована специфика австралийской модели кодификации (*Griffith Criminal Codes*). Рассматривая исторический опыт по созданию типовой модели УК и ее воплощению в законодательстве колоний-штатов, следует отметить особую роль судьи *С. Гриффита*, подготовившего УК Квинсленда 1899 г. Анализируя опыт систематизации *федерального права*, начиная с Закона о преступлениях 1914 г., мы выделили три главных направления уголовно-правовой унификации и кодификации: 1) статутное закрепление составов преступлений на федеральном уровне; 2) «статутификация» принципов прецедентного уголовного права; 3) разработка проекта Модельного УК для Австралийского союза и его штатов (1991–2009 гг.).

ГЛАВА IV. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КОДИСТИКА ПРАВА В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

§ IV.1. Функционализация территориальных УК в Содружестве Наций

В литературе сложились два подхода к определению политико-правовой природы (Британского) Содружества Наций: 1) *международно-правовой* подход, признающий Содружество надправительственной международной организацией, и 2) *исторический*, или «остаточный» подход, рассматривающий его как сообщество белых переселенческих и цветных экс-колоний Британской империи[1].

На Лондонской имперской конференции 1866 г. делегат Сэмюэль Тилли впервые предложил использовать для самоуправляемых государственных образований термин «*доминион*» (лат. *dominium* – «владение»)[2]. Так, сначала был официально объявлен *доминион Канады* в 1867 г., затем получили такой же статус Австралия в 1901 г., Новая Зеландия в 1907 г., Южная Африка в 1910 г., Ирландия в 1922 г. Эти равноправные члены объединились в сообщество внутри Британской империи, которое получило название «Британское Содружество Наций» (*British Commonwealth of Nations*), или просто Содружество[3].

Согласно *Вестминстерскому статуту* от 11 декабря 1931 г., закреплялось следующее определение: «Автономные сообщества Британской империи, равные по статусу, никоим образом не подчинённые одно другому ни в одном из аспектов своей внутренней или внешней политики, но при этом объединённые общей приверженностью Короне и составляющие свободную ассоциацию членов Британского Содружества Наций»[4].

В 1930–1960-е гг. закладывались политические основы Содружества Наций как *международной организации*. Так, в качестве доминиона Индия и Пакистан стали независимыми от Соединенного Королевства в 1947 г., а Цейлон – в 1948 г.[5] Также в ходе деколонизации развивающихся государств-членов Содружества в Азии, Африке и Океании приобрели статус доминиона Гана в 1957 г., Нигерия в 1960 г., и др. Гамбия, Сьерра-Леоне и Маврикий сохраняли статус доминиона, а затем тоже приобрели статус независимых

---

[1] *Bowie J.* The Imperial Achievements: The Rise and Transformation of the British Empire. L., 1977; *Парфенов И.Д.* Колониальная экспансия Великобритании в последней трети XIX в. (Движущие силы, формы и методы). М., 1991; *Сумина Е.Е.* Содружество Наций: правовая природа, структура, принципы и формы деятельности: Дис. …канд. юрид. наук. СПб., 1997.

[2] *Raith J.* The British Commonwealth. Dominion Status 1839–1949: Speeches and Documents. München, 1971.

[3] *Hall H.D.* A History of the British Commonwealth of Nations. L., 1971.

[4] Statute of Westminster, 1931 / UK Public General Acts. 1931, c. 4 (Regnal. 22 and 23 Geo 5). URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo5/22-23/4/contents (дата обращения: 25.12.2024). См.: *Крылова Н.С.* Содружество наций: политико-правовые проблемы. М., 1991. С. 90.

[5] *Singh A.I.* Keeping India in the Commonwealth: British Political and Military Aims, 1947-1949 // Journal of Contemporary History. 1985. Vol. 20. P. 469-481.

республик[1]. Сегодня число государств Содружества достигло 56 после того, как два новых члена – *Того* и *Габон* присоединились в 2022 г.

Королева *Елизавета II* так высказывалась о новом объединении государств-членов: «Сформированное ныне Содружество не имеет никакого сходства с империями прошлого. Это совершенно новая политическая *концепция*, построенная на высших качествах человеческого духа: дружбе, верности и стремлении к свободе и миру. Этой новой *концепции равного партнерства наций и рас* я буду отдавать себя всем сердцем и душой каждый день своей жизни»[2]. В 1965 г. был создан Секретариат Содружества как «унифицирующий элемент» и центральная организация для управления работой Содружества[3]. Он базируется в «*Marlborough House*» в Лондоне. В его структуре обособились такие юридические структуры, как Департамент правовых дел, Департамент по правам человека, Департамент по борьбе с промышленными преступлениями и др. Важную роль играю такие *вспомогательные органы*, как Правовое бюро Содружества, Ассоциация парламентариев Содружества, Ассоциация судей Содружества, и др.

Нынешний период развития государственно-правового пространства Содружества связан с принятием *Хараркой Декларации принципов Содружества* 1991 г. и *Милбрукской Программы действий Секретариата Содружества* до 1996 г., что привело к реорганизации внутренней структуры, вступлению новых членов, появлению новых методов работы на основе «консультаций, обсуждений и сотрудничества»[4]. Высшим органом Содружества считается Конференция глав правительств (*Commonwealth Heards of Government Meeting*, или *CHGM*). Нынешняя встреча 2024 г. проходила в Самоа под лозунгом «Единое устойчивое общее будущее: преобразование нашего совместного благосостояния».

Элементы суверенитета и *большей независимости* ряда государств-членов Азии и Африки проявляются в освобождении от юрисдикции британского парламента, принятии собственных конституций, отказе от апелляционной юрисдикции Судебного комитета, замене монархической формы на республиканскую и, что наиболее ценно для целей нашего исследования, в попытках собственной кодификации уголовного права[5].

Особый историко-правовой интерес представляют решения конференций (коммюнике и резолюции), декларации и обзорные доклады Содружества. Среди них выделим Доклад

---

[1] *Jernigan B.* British Empire // Africa and the Americas: Culture, Politics, and History / Ed. by *M. Juang, N. Morrissette*. ABC-CLIO, 2008. P. 204-205.

[2] *Мохаммад Амзад Али*. Эволюция Британского Содружества наций во второй половине XX в.: Дис. …канд. истор. наук. М., 1998.

[3] Agreed Memorandum on the Commonwealth Secretariat II Information and Public Affairs Division. Commonwealth Secretariat. 1996. March.

[4] The Harare Commonwealth Declaration // Information and Public Affairs Division. Commonwealth Secretariat. 1996. February.

[5] *Сумина Е.Е*. Правовая природа и особенности Содружества Наций. СПб., 1996. Депонировано в ИНИОН РАН № 51762.

агентств Содружества по реформе законодательства, который называется «*Кодификация как инструмент правовой реформы*»[1]. Эта проблематика обсуждалась на встрече делегатов стран в г. Очо-Риосе (Ямайка) в 1986 г., где был представлен ряд обзорных докладов, иллюстрирующих теорию и практику кодификации и специфику кодистических работ по уголовному праву в странах Содружества.

Разные гуманитарные направления деятельности Содружества, включая уголовно-правовую реформу и модельное законодательство, до сих пор остаются сферой влияния *политики англоцентризма*, особенно в правовых системах цветных экс-колоний[2]. Само наименование «*британское*», нередко упоминаемое по отношению к каким-либо правовым конструкциям или модельным текстам, подчёркивает ту ведущую роль, которую продолжает играть в Содружестве правовая традиция Великобритании.

В пределах юрисдикций общего права и смешанных правовых системах, сохраняющих сильные культурно-исторические связи с метрополией и членами Содружества, *модель уголовно-правовой реформы* выглядит довольно однородно и гармонично, будучи сконструирована на основе *британского «архетипа» кодификации*[3]. В рамках этой модели более двух третей государств Содружества (около 40 стран) приняли собственные *уголовные кодексы* и поддерживают их в актуальном состоянии путем рекодификации и новеллизации.

В целом, эти процессы прошли в национальных юрисдикциях Содружества несколько *качественных этапов* (кон. XVIII – нач. XXI вв.), выделим наиболее важные из них:

1) рецепция уголовного права метрополии, наряду с общим правом и доктринами справедливости, по состоянию на определенную дату с последующей адаптацией к местным условиям колоний;

2) отраслевая систематизация и структуризация уголовно-правового материала в колониях путем последовательной ревизии, инкорпорации и консолидации статутного и прецедентного права (например, сборники «*Revised Statutes*» в Канаде);

3) разработка консолидированных «кодексов» и локальных кодексов колоний и доминионов по т.н. Бентамовской модели (например, *Criminal Code Act* Квинсленда 1899 г., *Crimes Act* Нового Южного Уэльса 1900 г.);

4) унификация общегосударственного уголовного законодательства, институционализация правовых комиссий и принятие федеральных уголовных кодексов или

---

[1] Codification as a Tool of Law Reform. A Report of a Meeting of Commonwealth Law Reform Agencies held in Ocho Rios, Jamaica, on 10 September 1986 / Marlborough House. London: Commonwealth Secretariat, 1986. 123 p.
[2] The Commonwealth Today. London, 1987. P. 16.
[3] *Teasdale J.* The work of the British law commissions: law reform … now? // The Theory and Practice of Legislation. 2018. Vol. 6(1). P. 131-141

квази-кодексов (например, *Penal Code* Индии 1860 г., *Criminal Code* Канады 1892 г., *Crimes Act* Австралии 1914 г., *Crimes Act* Н. Зеландии 1961 г.);

5) постколониальная реформа путем серии ревизий и рекодификации действующих УК с целью закрепления уголовно-правового суверенитета страны (например, ревизия *Criminal Code* Канады в 1955 г.);

6) принятие дополнительного уголовного законодательства, приведение кодексов в соответствие с доктриной прав человека и международными обязательствами, подготовка типовых проектов и модельных УК (например, проект УК Канады 1986 г., федеральный УК Австралии 1995 г., Модельный УК Австралии 2009 г.).

В постколониальный период складывается особая разновидность уголовно-правовой кодистики в ряде государств Содружества – ***функциональная кодистика***. В ее контексте реформирование уголовного права обретает особую форму в каждой из национальных юрисдикций общего права, выходя порой за рамки чисто *Британской юспозитивистской модели* кодификации[1]. Это можно заметить на примере деятельности внутрибританских *Правовых комиссий* (английской, шотландской и ирландской), чья степень автономности и свободы принятия решений была намного выше, чем у других[2].

На Британских островах предпринимается функциональный виток уголовно-правовой реформы с целью разработки *локальных кодификаций* в виде собственных региональных УК. В их числе разработан проект *УК Англии и Уэльса*, обнародованный по частям Правовой комиссией Великобритании в период 1968 – 2010 гг., а также собственные проекты *УК Шотландии* 2003 г. и *УК Ирландии* 2002 г.

При этом ранее парламент Великобритании так и не смог успешно завершить очередной кодификационный виток уголовно-правовой реформы в 1945 и 1949 гг. Хотя тогда и был принят «Закон о консолидации уголовного права» 1961 г., что свидетельствовало о постепенном отказе консервативных британцев от формы радикальной кодификации, с которой начинала Королевская комиссия и проект УК Стифена 1879 г. Однако, в 1980-е гг. процесс уголовно-правовой кодификации был возобновлен, когда Правовая комиссия Великобритании начала новый этап работы над *проектом УК Англии и Уэльса*[3]. В 1985 г. группа ученых-криминалистов представила доктринальный проект этого Кодекса[4]. В 1989 г. Правовая комиссия после публичных консультаций подготовила финальную версию официального проекта УК[5].

---

[1] *Darian-Smith E.* Postcolonialism: a brief introduction // Social and Legal Studies. 1996. P. 291-299.
[2] *Hill Guzyal*. National Uniform Legislation. Springer Nature, 2022.
[3] *Glazebrook P.R.* Still no Code! English Criminal Law 1894 – 1994 // City University Centenary Lectures in Law / Ed. by *M. Dockray*. Blackstone Press, 1996. P. 1-26.
[4] Codification of the Criminal Law: A Report to the Law Commission // Law Commission No. 143. London: HMSO, 1985.
[5] The Law Commission. A Criminal Code for England and Wales // Law Commission No. 177. London: HMSO, 1989.

При сравнении модельного текста *УК Бентама-Стифена* и правительственного проекта *УК для Англии и Уэльса* 1989 г., можно выделить следующие новеллы:

1) отменено деление на фелонии и мисдиминоры (*felony/misdemeanor distinction*), что впервые было предпринято еще в 1967 г.;

2) исключено правило тяжкого убийства «*felony-murder rule*»;

3) расширена конструкция состава «провокации» как высказывание слов и совершение действий, что сближало умышленное убийство с убийством непредумышленным (*from murder to manslaughter*);

4) объединены в одно преступление различные формы воровства (*larceny*) и другие связанные с нечестным (*dishonestly*) присвоением преступления;

5) изъято такое исключающее обстоятельство, как ссылка на брачное принуждение (*marital coercion*);

Профессор *Руперт Кросс* признавал, что эти отличительные характеристики проекта УК 1989 г. были весьма прогрессивными для дальнейшего развития кодификационной традиции общего права[1]. В экс-колониальных кодексах Содружества Наций, которые создавались по *модели УК Бентама-Стифена* на протяжении XIX – нач. XX вв., вследствие дальнейшего развития кодистики уголовного права наметился более точный подход к законодательным понятиям, детальное определение признаков составов, декриминализация ряд составов, включение альтернативных санкций, гуманизация пенальных положений, криминализация новых деяний конвенционального и международного характера, повышение уголовно-правовой защиты детей и женщин, и др. Эти тенденции преобразовали прежние тексты кодексов, открыли возможность *рекодификации* по позитивистской модели «*кодекса Бентама*» (*Bentham's code design*).

В качестве иллюстрации сошлемся на Примерный УК США 1962 г., проект УК Канады 1986 г. и Модельный УК Австралии 2009 г. Так, проект *УК Канады* 1986 г., подготовленный Комиссией по правовой реформе, стал во многом образцовым для ряда других стран общего права, которые переходили к новому витку уголовно-правовой реформы и тоже стремились к рекодификации и унификации своего законодательства.

Аналогичные процессы были в Австралии, где создавался *Модельный УК*, 2002 – 2009 гг., который стал наиболее плодотворным трамплином для восприятия позитивистских конструкций «*кодекса Бентама*»[2]. При этом австралийская Комиссия по правовой реформе находилось в прямом ведомственном подчинении, входя в структуру Департамента

[1] *Cross R.* The Making of English Criminal Law: (6) Sir James Fitzjames Stephen // Criminal Law Review. 1978. P. 659.
[2] *Hemming A.G.* Is Bentham's Vision of a Comprehensive Criminal Code Suitable as a Model Design for a Code? / Dissertation (Doctor of Philosophy). Darwin, 2013. P. 79-80.

Генерального прокурора Союза, и потому зависела от его рекомендаций, несмотря на формально независимый процесс разработки ее отчетов и законопроектов[1].

С кодистической точки зрения в нем была текстуально выделена *Общая часть* как самостоятельный подраздел с более четкой внутренней структурой, чем в локальных УК трех штатов Австралии (*кодексах Гриффита*)[2]. Впоследствии он был воспринят в качестве действующего *регионального УК* в Австралийской Столичной территории в 2002 г. и в Северной территории в 2006 г.[3] В итоге уголовно-правовая реформа в Австралии сместилась от создания единого кодекса к типовому кодексу (*uniform code vs. model code*), который более эффективно «наводил мосты» между юрисдикциями штатов общего права и кодифицированного права[4].

Как верно заметил профессор *М. Даббер* важность продолжающейся уголовно-правовой кодификации в семье общего права заключается в том, что ее «политическое значение проявляется в процессе постоянной легитимации» уголовной политики и функционализация местных кодексов в Содружестве[5].

§ IV.2. Гибридная кодистика уголовного права в Новой Зеландии

§ IV.2.1. История создания и техника УК Новой Зеландии 1893 г.

В первые десятилетия Новой Зеландии как британской колонии действовали нормы английского уголовного права, в то время плохо упорядоченные и не систематизированные[6]. В 1883 г. в местный парламент был внесен билль о кодификации уголовного законодательства, что и было осуществлено спустя десятилетие[7]. Основой послужил *проект УК Стифена* 1879 г., который нередко использовался в качестве *модельного* для кодексов в английских колониях, поскольку содержал доступное изложение институтов английского уголовного права[8]. Также в качестве *доктринальной основы* использовался трактат Дж. Стифена «Дигесты уголовного права»[9] и трактат канадского судьи Дж. Бербиджа по уголовному праву Канады 1890 г. Скорее

---

[1] *Kirby M.D.* Reform the Law: Essays on the Renewal of the Australian Legal System. Oxford University Press, 1983; *Hill Guzyal*. National Uniform Legislation. Springer Nature, 2022.
[2] Уголовный кодекс Австралии 1995 г. / Пер. с англ. *Е.Н. Трикоз*. СПб., 2002.
[3] *Hemming A.* The Criminal Code (Cth) Comes to the Northern Territory: Why Did the Original Criminal Code 1983 (NT) Only Last Just Over 20 Years? // University of Western Australia Law Review. 2010. Vol. 35. P. 120.
[4] *Scott G.* A Model Criminal Code // Criminal Law Journal. 1992. Vol. 16. P. 350-352.
[5] *Dubber M.* The Historical Analysis of Criminal Codes // Law and History Review. 2000. Vol. 18(2). P. 436.
[6] *Трикоз Е.Н.* Модель гибридной кодификации права как форма суверенной уголовной политики (опыт Новой Зеландии) // Труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXIV Международной научно-практической конференции. М.: ИГ Юрист, 2024. С. 85-91.
[7] *Mulholland R.D.* Introduction to the New Zealand Legal System. Wellington, 1995.
[8] *Finn J.* Codification of the Criminal Law: The Australasian parliamentary experience // Crime and Empire 1840–1940: Criminal justice in local and global context / Ed. by *B. Godfrey, G. Dunstall*. Cullompton, England, 2005. P. 224-237.
[9] См. подробнее в данной диссертации § II.3.3 «Разработка Уголовного кодекса для Англии и Уэльса 1879 г.».

всего комиссионеры были знакомы с *Модельным УК Райта* для Ямайки (*R.S. Wright's Model Penal Code for Jamaica*), который был представлен императорскому парламенту 9 августа 1877 г. и затем разослан всем колониям для ознакомления[1].

Подготовкой новозеландского УК занималась Комиссия по ревизии статутов (*Statutes Revision Commission*), созданная в 1878 г. В ее состав губернатор включил опытного судью Александра Дж. Джонстона, генерального солиситора Вальтера Скотта Рида и адвоката Джона Х. Шоу. Представитель комиссии в Законодательном совете заявил, что цель разрабатываемого проекта УК в том, чтобы «проложить путь к кодификации», т.к. правительство пока готово разрешить только ревизию статутного права[2].

Появившийся вскоре Закон о пересмотре статутов (*Revision of Statutes Act*) 1879 г. расширил задачи и полномочия Комиссии, включив в них полномочия: «изучить и составить отчет по законопроекту, недавно внесенному в Имперский парламент, о создании Кодекса преступлений, подлежащих обвинительному заключению, …если они сочтут целесообразным, внести указанный законопроект для принятия Генеральной Ассамблеей» (ст. 4)[3].

Инициатива взять в качестве модели уже готовый *имперский законопроект* в виде *УК Стифена* 1879 г. вероятно исходила от Генерального прокурора *Фредерика Уитакера* в правительстве Холла, сформированном в 1879 г. С другой стороны, Генеральный солиситор *В.С. Рид* отмечал, что этот *проект УК Англии* хотя и вводил новые принципы уголовного права, но так и не стал действующим законом в метрополии, поэтому было бы преждевременно принимать его как модель для Н. Зеландии. Принимая во внимание резкую критику со стороны лорда-главного судьи Кокберна и ответ сэра Дж. Стифена о справедливости его замечаний, члены новозеландской Комиссии посчитали, что было бы неосмотрительно заниматься вопросом разработки УК до тех пор, пока его принципы и сам процесс кодистики не будут урегулированы в метрополии[4]. С этим согласился министр юстиции *Томас Дик*, указав в дополнение, что необходимо единообразие между имперским и колониальным статутным правом, чтобы решения британских судов о толковании могли использоваться в Новой Зеландии[5].

Работая над проектом УК на протяжении двух лет, Комиссия приложила его финальную версию к своему докладу от 8 июня 1883 г. Здесь было разъяснено, чем именно его положения отличаются от имперского билля об УК 1879/1880 г., а также давались примечания и

1 Draft of a Criminal Code and a Code of Criminal Procedure for the Island of Jamaica / With Explanatory memorandum by R.S. Wright Esq., Barrister at Law. H.C. Papers, 1877. Vol. 61. P. 355.
[2] *N.Z.* Parliamentary Debates. Vol. 28. P. 75 (H.R., 6 August 1878).
[3] *White St.* The making of the New Zealand Criminal Code Act of 1893: A sketch // Victoria University of Wellington Law Review. 1986. Vol. 16. P. 354-355.
[4] *White St.* Op. cit. P. 359.
[5] Selection from the Acts of the Imperial Parliament apparently in Force in New Zealand and of General Interest and Importance. Prepared by the Commissioners under «The Revision of Statutes Act, 1879». 1881. P. iii.

комментарии к различным статьям кодекса[1]. В том же месяце премьер-министр Уитакер внес этот билль в Законодательный совет. 20 июня 1883 г. он был рассмотрен во втором чтении и передан в Объединенную комитет по ревизии статутов (*Joint Statutes Revision Committee*), который вскоре рекомендовал парламенту принять этот проект[2].

Премьер-министр *Стаут* посчитал, что УК должен быть принят после поправок и доработки, в частности, с целью декриминализации богохульства и некоторых устаревших составов. Министр юстиции разослал текст УК новозеландским судьям для получения экспертной оценки и заключения Верховного суда колонии. Министр по делам колоний *Бакли* внес обновленный билль в Законодательный совет, где после двух чтений он был опубликован и передан в Палату представителей. Законопроект в 1886 г. прошел второе чтение и был одобрен на условиях, предложенных правительством[3].

В 1888 г. Специальный комитет рекомендовал внести в проект УК некоторые изменения, связанные, в частности, с формальной отменой каторжных работ как вида наказания. Комитет заключил, что законопроект представляет «в кодифицированной форме все уголовное право колонии в том виде, в котором оно существует в настоящее время»[4]. В 1891 г. проект УК вновь прошел редакционную доработку, а затем был принят в Палате представителей[5].

Осенью 1893 г. законопроект в четвертый раз был передан в Законодательный совет. После передачи в Объединенный комитет в него были внесены поправки. И, наконец, спустя почти 10 лет после первого представления в парламенте, проект УК был одобрен Палатой представителей и в октябре 1893 г. получил королевское одобрение[6].

Во время парламентских дебатов по новозеландскому УК 1893 г. был высказан интересный пассаж по *технике кодификации*, следующей за образцами из метрополии: «Работа, результатом которой стал законопроект об УК, была впервые проведена выдающимся юристом сэром Джеймсом Фицджеймсом Стифеном, которому почти полностью принадлежит заслуга в решении такой задачи (по кодификации)... Всех, кто читали законопроект, …должно быть удивлял поразительной ясностью его язык и совершенство его аранжировки. Для такого крупного законопроекта он идеален в своей простоте и доступности... *Он создает порядок из хаоса в отношении уголовного права*… Каждый изучающий юриспруденцию признает, что одним из величайших дел, которым может посвятить себя ум цивилизованной нации, является

[1] Report of the Statute Revision Commission, 11 June 1883. New Zealand Parliament. House of Representatives. Appendix to the Journals, 1883. A-7.
[2] N.Z. Parliamentary Debates, Vol. 43 (L.C., 20 June 1883).
[3] N.Z. Parliamentary Debates, Vol. 55, p. 78; Journals. H.R. (23 June 1886).
[4] N.Z. Parliamentary Debates, Vol. 61, p. 1 (L.G., 13 June 1888).
[5] N.Z. Parliamentary Debates, Vol. 1, p. 516 (H.R., 3 July 1891).
[6] House of Representatives Journals, 1893, p. 320 (27 September 1893).

кодификация ее законов... Она даровала Юстиниану бессмертие и спасла имя Наполеона от забвения, и это делает памятным имя сэра Джеймса Фицджеймса Стифена»[1].

Важная составляющая успеха билля об УК Новой Зеландии заключалась в том, что он регулярно вносился в парламент на обсуждение и систематично редактировался, что усмиряло бдительность оппозиции проекта и своеобразную *кодифобию* в условиях провала аналогичного проекта УК Стифена в метрополии. Ведущие юристы в правительстве Новой Зеландии были в целом за кодификацию уголовного права: Стаут, Уитакер, Бакли и Ривз поддержали проект и активно лоббировали в парламенте. Бакли превозносил свое детище, восклицая, что «это первый совершенный Уголовный кодекс, принятый в британских колониях»[2].

УК Новой Зеландии (*Criminal Code Act*) 1893 г.[3] состоял из 424 статей и трех приложений, и в отличие от первоначального проекта из 454 статей и двух приложений (вместе с *Indictable Offences Repeal Bill*), он сократился за счет исключения статей 218-238, 398 и 415 прежнего проекта УК.

Один из депутатов во время парламентских дебатов, не будучи юристом по профессии, хвалебно высказывался о юридической технике УК Новой Зеландии: «Я думаю, что это высшее совершенство разработки законопроекта, когда-либо представленное Законодательному собранию. ...Это произведение искусства (*work of art*). Его текст настолько однороден (*homogenous*)… Невозможно изменить его, не повредив в целом. Это как красивая мозаика – каждая часть сочетается с другой на своем месте»[4].

УК Новой Зеландии отменил все преступления по общему праву, заменив некоторые из них на статутные преступления. Но в последующие годы стала заметна его неполнота и некачественность целого ряда правоположений. Так, в кодексе отсутствовали статьи из проекта УК Стифена об уголовно наказуемой клевете (*criminal libel*) и некоторых имущественных преступлениях. Но позднее Апелляционный суд высказался о конструкции состава клеветы в *деле Мабина* 1901 г.[5], и соответствующий уголовно-правовой запрет был добавлен Законом 1901 г. о внесении поправок в УК Новой Зеландии.

УК 1893 г. фактически просуществовал до принятия консолидированного *Закона о преступлениях* 1908 г., а позднее и этот последний был заменен квази-кодифицированным Законом о преступлениях 1961 г.[6]

---

[1] *White St*. The making of the New Zealand Criminal Code Act of 1893: A sketch // Victoria University of Wellington Law Review. 1986. Vol. 16. P. 373.
[2] N.Z. Parliamentary Debates, Vol. 82, 796 (L.C., 28 September 1893).
3 Criminal Code Act, 1893 (57 Vict. 1893, No 56). URL: http://www.nzlii.org/nz/legis/ hist_act/cca189357v1893n56192/
[4] N.Z. Parliamentary Debates, Vol. 53. P. 417 (H.R., 1 September 1885).
[5] *R v. Mabin* (1901) 20 NZLR 451.
[6] "An Act to consolidate and amend the Crimes Act 1908 and certain other enactments of the General Assembly relating to crimes and other offences". Essays on Criminal law in New Zealand: Towards reform? / Ed. by *N. Cameron, S. France* // Victoria University of Wellington law review. 1990. Vol. 20, no. 2. 243 p.

§ IV.2.2. Кодистический анализ Общей части Закона о преступлениях 1961 г.

В отсутствие Уголовного кодекса в его континентально-позитивистском понимании, в Новой Зеландии была предпринята т.н. *кодифицирующая систематизация* уголовного права[1], по итогам которой был принят *квази-уголовный кодекс* – Закон о преступлениях *(Crimes Act)* 1961 г.[2] Его дополняют ряд *текущих законов* об отдельных преступлениях, а также уголовно-правовые прецеденты и доктрины общего права. Несмотря на его всеохватывающую юрисдикцию по большинству составов, он так и не стал *головным актом* уголовного законодательства[3].

Все *преступления по общему праву* и по британскому статутному праву отменялись статьей 9 *Crimes Act* 1961 г. Но статья 20 сохранила прежние основания защиты по общему праву (исключающие обстоятельства), если они специально не были изменены статутным правом. Кроме того, нормы общего права сохранили свое значение при толковании и применении норм *Crimes Act* [4].

Закон 1961 г. состоял из 14 крупных разделов, большинство из которых условно представляют собой либо *Общую часть* (разделы I – IV и XI), либо *Особенную часть* (разделы V – X), а также имелись 3 последних раздела по уголовному процессу (раздел XII «Процедура», раздел XIII «Апелляции» и раздел XIV «Прочие положения).

Своеобразная *Общая часть* Закона 1961 г. объединила четыре институциональных раздела: – *Раздел I «Юрисдикция» Crimes Act* (ст. 5–12) был посвящен таким вопросам, как применение уголовного закона по кругу лиц и в пространстве, экстерриториальная юрисдикция, транснациональные преступления, преступления за границей на морских и воздушных судах, дипиммунитет, и др. Никто не может быть наказан дважды за одно и то же преступление (п. 4 ст. 10). Уголовные акты не имеют обратной силы (ст. 10A)[5].

– *Раздел II «Наказания» Crimes Act* (ст. 13–19) регулировал такие вопросы, как смертная казнь, запрет одиночного заключения, назначение штрафа и др. По сравнению с УК 1893 г., отличавшимся суровостью наказаний, санкции за преступления в новом Законе были смягчены. Вводилось условное осуждение, превентивное заключение, помещение молодых преступников в специальные исправительные учреждения[6]. Перечислялись смягчающие и отягчающие обстоятельства (например, степень преднамеренности, особая жестокость, наличие судимости,

---

[1] *Trikoz E.* Model of Hybrid Codification of Law as a Form of Sovereign Criminal Policy (New Zealand Experience) (November 23, 2023). https://ssrn.com/abstract=4676475. (дата обращения: 25.12.2024).

[2] Crimes Act of New Zealand 1961 (No 43). 01 November 1961. URL: https://www.legislation.govt.nz/act/public/1961/0043/latest/DLM327382.html#DLM332183 (дата обращения: 25.12.2024).

[3] Criminal law and practice in New Zealand / Ed. by *F.B. Adams*. Wellington: Sweet & Maxwell (N.Z.), 1971. 1114 p.

[4] *O'Keefe J.A.B.* Introduction to New Zealand Law. Wellington, 1980.

[5] *Simester A.P., Brookbanks W.J.* Principles of criminal law. Wellington, N.Z.: Thomson Brookers, 2007. 791 p.

[6] Essays on criminal law in New Zealand: a series of lectures delivered at the Victoria University of Wellington / Ed. by *R.S. Clark*. Wellington: Sweet & Maxwell, 1971. 224 p.

враждебность по признакам расы, цвета кожи, национальности, религии, гендера, сексуальной ориентации, возраста или инвалидности; и др.).

– *Раздел III «Основания защиты и оправдания»* (ст. 20–65) описывал основания и виды уголовно-правовых защит и оправданий по общему праву, в числе которых уголовная неделиктоспособность детей до 10 лет, частичная деликтоспособность в возрасте до 14 лет; невменяемость, принуждение, незнание закона, самооборона и защита другого лица от нападения, применение силы для защиты движимого имущества от нарушителя, для обороны жилого дом, применение разумной силы при осуществлении родительского контроля, для поддержания дисциплины на корабле или судне, ответственность за превышение силы; незаконный ордер и арест не того человека, арест констеблем подозреваемого, оказание помощи при аресте, арест ночью или в самолете, применение силы при побеге из-под стражи или для предупреждения самоубийства, для предупреждения нарушений мира и спокойствия, для подавления массовых беспорядков полицией, исполнение военнослужащим законного приказа, убийство при наличии согласия на смерть, и др.

– *Раздел IV «Участники совершения преступления»* (ст. 66–72) разграничивал исполнителя, пособника и подстрекателя, а также тех, кто «побуждает, советует или склоняет любое лицо к совершению преступления»; преступный сговор с супругом или партнером по гражданскому союзу; соучастие в убийстве за границей; покушение соучастников на преступление.

– *Раздел XI «Угрозы, сговор и покушение на совершение преступлений»* (ст. 306–312): устные или письменные угрозы убийством или причинением тяжких повреждений, угроза уничтожить или повредить имущество, ранить животное, сломать жилой дом, устрашение путем выстрела из огнестрельного оружия, сговор с целью воспрепятствовать сбору пошлин или налогов, преступный сговор, покушение на совершение преступления, подстрекательство к его совершению, соучастие в преступлении постфактум.

Практическое значение и особенности *кодистики Общей части* квази-кодекса 1961 г. обусловили ее особый статус как некой вводной конструкции для реального осуществления диспозиций и санкций, предусмотренных в Особенной части. Так, в соответствии с п. 2 ст. 310, норма о сговоре на преступление не может быть применена, «если наказание за сговор уже прямо предусмотрено настоящим Законом или каким-либо другим нормативным актом» (имеется в виду в специальной статье Особенной части). Другая смежная норма в п. 1 ст. 311 о том, что настоящая статья Общей части применяется только тогда, когда происходит «покушение на совершение какого-либо преступления, в отношении которого настоящим Законом или каким-либо другим нормативным актом не предусмотрено особое наказание за покушение».

Специфичной чертой *кодистики* было также детализированное описание гипотез и диспозиций и кажущееся дублирование статей, формально содержащих аналогичные предписания[1]. Так, ст. 312 «Соучастие в преступлении постфактум» дополняет ст. 71 «Соучастие постфактум» (*Accessory after the fact*) с аналогичным названием. Но при этом основная статья содержит лишь норму-*определение* «соучастника преступления», которым считается «лицо, которое, зная, что какое-либо лицо было причастно к преступлению, принимает, утешает или помогает этому лицу или фальсифицирует любые доказательства против него или нее или активно скрывает их, с целью дать ему или ей возможность скрыться после ареста или избежать ареста либо осуждения». В то время как дополняющая ее ст. 312 уточняет диспозицию и предоставляет судье выбор *санкции* за соучастие в преступлении, по поводу которого «настоящим Законом или каким-либо другим законодательным актом *не предусмотрено прямое* наказание за соучастие постфактум».

§ IV.2.3. Юридическая техника Особенной части Закона о преступлениях 1961 г.

В нормах ***Особенной части*** Закона о преступлениях, содержавшей *шесть частей* (Разделы V – X), закреплялся круг уголовно наказуемых деяний и наказания за них, хотя это был *неисчерпывающий* перечень уголовно-правовых запретов.

Как правило, состав преступления и наказание за него описываются в разных, но смежных статьях. Например, ст. 74 устанавливает наказание за государственную измену в виде пожизненного тюремного заключения или лишения свободы до 73 лет. Но сам состав государственной измены в пяти ее разновидностях, а также преступный сговор с целью их совершения содержится в ст. 73, а состав соучастия в измене с наказанием за него отдельно описан в ст. 76.

Помимо традиционных норм с запретами в Особенной части *Crimes Act* 1961 г., содержались нормы-*определения* и нормы-*стимулы*. В первых из них раскрывались соответствующие понятия, интерпретировались отдельные уголовно-правовые категории. Например, в ст. 105C «Подкуп иностранного публичного должностного лица» есть определения таких понятий, как «иностранное государство», «иностранное публичное учреждение», «иностранное государственное предприятие», «иностранное публичное должностное лицо», «публичная международная организация».

Отдельная статья 217 «*Интерпретация терминов*» содержала достаточно четкие и обобщенные формулировки трех терминов, важных в контексте имущественных преступлений: фраза «обманным путем» (*dishonestly*), «документ» и «получить» имущество. Статья 218

[1] Movements and markers in criminal policy. Auckland, N.Z.: Legal Research Foundation, 1984. 82 p.

«*Отношения собственности*» описывала элементы цивилистической конструкции права собственности на имущество, которое было похищено, что позволяло отграничить хищение от преступлений, посягающих на иные объекты, но также связанные с причинением материального ущерба (например, на общественную безопасность и др.).

Поощрительные уголовно-правовые нормы в *Crimes Act*, стимулирующие постпреступное позитивное поведение, предусматривали *специальные виды освобождения* от уголовной ответственности. Так, в ч. 2B ст. 105C «*Подкуп иностранного публичного должностного лица*» было указано, что «юридическое лицо или корпорация *не* совершает преступления в соответствии с частью (2), если оно предприняло разумные шаги для предотвращения этого преступления». Другой пример в ч. 1 ст. 204 «*Препятствие спасению*», согласно которой наказанию подлежит каждый, кто без законных оснований или оправданий препятствует или пытается воспрепятствовать лицу, пытающемуся спасти свою собственную жизнь или жизнь любого другого лица. Но в п. 2 этой статьи есть *основание освобождения* для того, кто совершит деяние в ходе спасения своей собственной жизни или жизни другого лица.

Юртехника и *систематика* Особенной части *Crimes Act* основаны на классификации норм-запретов в зависимости от родовых и видовых объектов посягательств, что отражалось в их расположение в соответствующих разделах:

– *Раздел V «Преступления против общественного порядка»* (ст. 73 – 98F) включал следующие группы преступлений блоками статей с предметными заголовками: 1) госизмена (*treason*) и другие преступления против государя и государства, включая подстрекательство к мятежу, шпионаж, саботаж, неправомерная передача, хранение или копирование секретной или официальной информации (ст. 73–79); 2) незаконные собрания, беспорядки, бунт, насильственное проникновение и задержание, (ст. 86–91); 3) пиратство, покушение и сговор на его совершение, соучастие после пиратства (ст. 92–97); 4) работорговля, сексуальная эксплуатация, изъятие частей тела, привлечение к принудительному труду (ст. 98–98AA); 5) участие в организованной преступной группе (ст. 98A); 6) незаконный ввоз мигрантов, торговля людьми (ст. 98B–98F).

– *Раздел VI* «*Преступления, связанные с исполнением закона и отправлением правосудия*» (ст. 99–122): 1) взяточничество и коррупция со стороны министров короны, депутатов, судебных чиновников, сотрудников правоохранительных органов, коррумпированное использование служебной информации, подкуп иностранного публичного должностного лица, торговля влиянием (ст. 99–106); 2) нарушение закона (*contravention of statute*) (ст. 107); 3) лжесвидетельство, ложная присяга, ложные заявления, фабрикация доказательств, сговор с целью предъявления ложного обвинения, сговор с целью воспрепятствовать, извратить или подорвать отправление правосудия, подкуп присяжных и свидетелей (ст. 108–117); 4) побег и

незаконное освобождение, включая помощь в побеге военнопленному или интернированному лицу, побег из тюрьмы или из-под стражи, содействие побегу умственно отсталого лица (ст. 118–122).

– *Раздел VII* «*Преступления против нравственности и благопристойности, сексуальные преступления и преступления против общественного благосостояния*» (ст. 124–150): 1) преступление против религии (ст. 123); 2) преступления против нравственности и благопристойности, в т.ч. распространение или демонстрация непристойных материалов, непристойные действия в общественном месте, с намерением оскорбить или унизить (ст. 124–126); 3) сексуальные преступления, включая сексуальное насилие, нападение с сексуальным намерением, угрозы, вызвавшие согласие жертвы; инцест; непристойное нападение; непристойное или аморальное поведение с животным, зоофилия (ст. 127–144); 4) сексуальные преступления, совершенные за пределами страны, например, организация или продвижение детских секс-туров (ст. 144A–144C); 5) преступления против общественного благосостояния, включая преступную общественную неприятность (*criminal nuisance*), неправомерное поведение в отношении мертвых и др. (ст. 145–150).

– *Раздел VIII «Преступления против личности*» (ст. 150A–210A) содержал восемь тематических подразделов:

1) *неисполнение обязанности, направленной на сохранение жизни*, в т.ч. серьезное нарушение стандарта осмотрительности; неисполнение обязанности родителя или опекуна; отказ от ребенка в возрасте до 6 лет; несоблюдение осторожности при выполнении опасных манипуляций (например, хирургических); невыполнение обязанности лицом ответственным за опасные предметы, угрожающие жизни (ст. 150A–157)[1];

2) убийства (обобщающий термин – *homicide*), в таких его разновидностях, как убийство ребенка, виновное убийство (*murder* и *manslaughter*), убийство (*killing*) путем воздействия на разум ребенка или больного человека, убийство путем ускорения смерти; причинение смерти, которую можно предотвратить; причинение телесных повреждений, приводящих к смерти (ст. 158–166);

3) умышленное и непредумышленное убийство, включая определение предумышленного убийства как *murder*[2], преступный сговор на него (ст. 167, 172–176); определение тяжкого

[1] Report of Sir Duncan McMullin to Hon. Douglas Graham, Minister of Justice, on Sections 155 and 156 of the Crimes Act 1961. Wellington, N.Z, 1995.

[2] «Незаконное убийство другого человека человеком в здравом уме с преднамеренным злым умыслом», как особый состав, сложившийся ок. 1300 г. Этимологически происходит от древнеанглийского *morðor* – «тайное или незаконное убийство человека»; также «смертный грех, преступление; наказание, мучения, нищета». См.: "Murder" // Online Etymology Dictionary. 2023. URL: https://www.etymonline.com/word/murder#etymonline_v_19282

убийства (т.н. конструктивное убийство) как *felony murder* (ст. 168)[1] с перечнем тех опасных преступлений, которые в сочетании с причинением смерти квалифицируются как тяжкое убийство; непредумышленное убийство как *manslaughter*, и пожизненное лишение свободы (ст. 171 и 177); детоубийство (*infanticide*) матерью своего ребенка в возрасте до 10 лет, (ст. 178); пособничество и подстрекательство к самоубийству и заключение договора о самоубийстве (ст. 179–180); сокрытие тела умершего ребенка (ст. 181C);

4) убийство нерожденного ребенка, если только лицо не действовало добросовестно для сохранения жизни матери или в соответствии со ст. 10–11 Закона о контрацепции, стерилизации и абортах 1977 г. (ст. 182–182A);

5) услуги по прерыванию беременности, в том числе производство аборта лицом, не являющимся практикующим врачом (ст. 183–187A);

6) умышленное нападение и нанесение ранений, удушение или странгуляция, ранение или причинение травмы при отягчающих обстоятельствах; нападение при отягчающих обстоятельствах (*aggravated assault*), жестокое обращение или отсутствие заботы о ребенке или уязвимом взрослом; обычное нападение (*common assault*), одурманивание или лишение сознания другого (*disabling*), выстрел из огнестрельного оружия с умыслом; выплескивание в лицо ядовитого вещества, умышленное отравление, заражение болезнью; и др. (ст. 188–204);

7) калечащие операции на женских половых органах (*female genital mutilation*), включая иссечение, инфибуляцию или нанесение увечий всем или части женских гениталий, за исключением процедур, проводимых сугубо в косметических или эстетических целях[2];

8) двоеженство (*bigamy*), фиктивный или принудительный брак; применение принуждения (запугивание, угрозы или насилие) в отношении другого лица с намерением вступить с ним в брак или союз (ст. 205–207A);

9) насильственный увод и похищение людей, где содержится описание объективной стороны двух составов: *abduction* как незаконное отобрание или удержание лица без согласия; и *kidnapping* – те же действия, но с другим намерением удерживать человека для выкупа или для услужения (ст. 208-210A).

---

[1] *Fletcher G.P.* Reflections on Felony-Murder // Southwestern University Law Journal. 1980. Vol. 12. P. 413. Правило общего права о тяжком убийстве (*the felony murder rule*) было отменено в Великобритании (*The Homicide Act 1957 (5 & 6 Eliz.2 c. 11*), а в Канаде признано неконституционным и нарушающим принцип фундаментальной справедливости. В Новой Зеландии, как и в некоторых штатах Австралии состав тяжкого убийства из общего права был переведен в аналогичное законодательное положение.

[2] Такого рода операции практикуются преимущественно в патриархальных обществах стран Ближнего Востока, Азии (Малайзия, Индия и Индонезия) и Африки (Эфиопия, Судан, Эритрея и Сомали). Но эта их культурная традиция становится проблемой для Новой Зеландии вследствие большого потока беженцев и мигрантов из этих стран, которые считают, что проведение калечащих операций на половых органах у девочек (с младенчества до 15 лет) отвечает их наилучшим интересам, спасают от искушения и защищают нравственность. См.: *Mathews B.* Female genital mutilation: Australian law, policy and practical challenges for doctors // Medical Journal of Australia. 2011. Vol. 194. P. 139-141.

– *Раздел IX* «*Преступления против репутации*» (ст. 211–216) содержал нормы о клевете (*criminal libel* и *slander*) и ложной публикации[1].

– *Раздел IXA* «*Преступления против неприкосновенности частной жизни*» (ст. 216A–216F)[2] включал статью с интерпретацией ключевых понятий (частное (личное) сообщение, перехват частных сообщений, аппаратура и средства для перехвата), состав умышленного перехвата любого частного сообщения с помощью устройства перехвата, за исключением выполнения полномочий согласно Закону о международном терроризме (чрезвычайные полномочия) 1987 г., Закону об обыске и наблюдении 2012 г., Закону о разведке и безопасности 2017 г.; уголовно-правовой запрет на разглашение незаконно перехваченных частных сообщений; *цифровой вуайеризм* и распространение частных интимных записей[3].

– *Раздел* X «*Преступления против прав собственности*» (ст. 217–305) включал пять подразделов с тематическими заголовками: 1) интерпретация терминов: «*theft*», «*stealing*», «*dishonestly», «property», «permanently», «taking»* (ст. 217); 2) простая кража, незаконное завладение имуществом (ст. 218–230); 3) кража со взломом – *берглэри* (ст. 231–233); 4) грабеж, «*robbery*» и шантаж (ст. 234–239); 5) преступления, связанные с обманом (ст. 240–242; 6) отмывание денег (ст. 243–245); 7) прием и скупка краденного (ст. 246–247); 8) компьютерные преступления (ст. 248–254); 9) подделка и подлог, составление ложных отчетов (*false accounting*) (ст. 255–265); 10) фальшивомонетничество (ст. 266); 11) поджог, повреждение и загрязнение имущества (ст. 267–305) [4].

В 1989 г., выполняя свой предвыборный манифест, правительство Новой Зеландии инициировало назревшую реформу по пересмотру *Закона о преступлениях* 1961 г. Во главе с генеральным прокурором Джеффри Палмером был разработан и представлен Закон о ревизии (*Crimes Bill) 1989 г.*[5] По существу отменялось различие между намеренным и непредумышленным убийством (*murder* и *manslaughter*), а последнее преступление полностью заменяется рядом преступлений, представляющих угрозу (т.е. *endangerment offences*)[6]. Дефиниция «*murder*» удалена из текста и заменена на «виновное убийство» (*culpable homicide*),

---

[1] Но эти деяния были декриминализованы Законом о диффамации 1992 г. и переведены в категорию гражданских правонарушений. Defamation Act 1992 (No 105). 26 November 1992. URL: https://www.legislation.govt.nz/act/public/1992/0105/latest/DLM280687.html#DLM281222 (дата обращения: 25.12.2024).

[2] Этот раздел был включен 6 августа 1979 г. согласно статье 2 Закона о внесении поправок в «Закон о преступлениях» 1979 г. (1979 No 5).

[3] *Шевелева С.В., Тененёва И.В.* Вуайеризм: уголовно-правовой и криминологический аспекты // Ученые записки Крымского федерального университета. Юридические науки. 2021. №3-2. С. 209-222.

[4] *Marriott L.* Justice and the justice system: A comparison of tax evasion and welfare fraud in Australia and New Zealand // Griffith Law Review. 2013. Vol. 22, no. 2. P. 403-429; *Шестак В.А., Савенкова П.Г.* Уголовно-правовая характеристика преступлений против интересов предпринимательства по праву Новой Зеландии // Образование и право. 2023. №1. С. 312-313.

[5] The Crimes Bill 1989 – An Overview // Essays on Criminal Law in New Zealand – Towards Reform. VUWLR, 1990. P. 5-7.

[6] *Orchard G.* Homicide // Essays on Criminal Law in New Zealand: Towards Reform. VUWLR, 1990. P. 147-150.

наказуемое пожизненным лишением свободы. Исчезает обязательный характер наказания в виде пожизненного заключения. Исключен институт уголовно значимой провокации. В то же время новым исключающим обстоятельством названо принуждение (*duress*) как основание защиты[1].

Сточки зрения юридической техники Статут о преступлениях (*Crimes Bill*) 1989 г. можно лишь условно назвать кодексом (*partial code*). В нем уделяется главное внимание тяжким преступлениям (за исключением составов, связанных с наркотиками), а также содержатся определения некоторых оснований защиты как оправдывающих обстоятельств, и вопросы полномочий полиции и адвокатов по уголовному преследованию. Этот новый проект УК Новой Зеландии, как и прежний проект УК для Англии и Уэльса (сравнивая ст. 19 NZ и ст. 33 E&W) содержали сходные положения о принципе добровольности (*voluntanness principle*), согласно которому *actus reus* деяния должно выражаться в сознательном и добровольном действии обвиняемого, прежде чем на него будет возложена уголовная ответственность.

К юридико-техническим недостаткам *квази-Кодекса* (*Crimes Bill*) 1989 г. можно отнести то, что в нем отсутствовало описание элементов и форм вины, требований к действию/бездействию, признака добровольности, значения опьянение (интоксикация) как обстоятельства защиты, вопросы бремени доказывания, и др. В то же время *Crimes Bill* 1989 г. был по-своему успешной попыткой заполнить накопившиеся пробелы и лакуны посредством расширения и новеллизации положений Общей части Закона 1961 г.[2]

С кодистической точки зрения *квази-Кодекс 1989 г.* был значительно улучшен, в т.ч. путем сокращения количества статей с 412 до 351, замены их прежнего обозначения буквами на порядковые номера, путем текстовой экономии в формулировках норм, повышения эргономичность текста диспозиций при описании составов, и др. В целом, было внесено достаточно много удачных редакционных изменений и новелл, включая поправки лингвистического характера и использование гендерно-нейтрального языка.

§ IV.3. Смешанная уголовно-правовая кодистика в Египте

В правовом *пространстве Африки*, имевшим тесную историко-правовую связь с Великобританией и продолжающим оставаться в зоне правового влияния британского общего права, можно выделить две основные *модели уголовно-правовой кодификации*:

---

[1] *France S.* Reforming Criminal Law – New Zealand's 1989 Code // Criminal Law Review. 1990. P. 827-838.

[2] *Трикоз Е.Н., Швец А.А.* Генезис и специфика системы источников права Новой Зеландии // Общество и право. 2023. № 3 (85). С. 115-119.

1. «*Индийская модель*» в виде проекта *УК Маколея* и УК Индии 1860 г., повлиявшая на кодексы ряда стран *Африки* и Ближнего Востока (УК Судана 1889 г., УК Египта 1904 г., Багдадский УК 1918 г., и др.);

2. «*Министерская модель*» в виде типового *УК Министерства* по делам колоний на основе австралийского *УК Гриффита* 1899 г. и *УК Нигерии* 1916 г. (УК Кении, Уганды и Танганьики 1930 г., УК Занзибара и Гамбии 1934 г., и др.)[1].

«*Индийская модель*» сначала повлияла на УК Цейлона 1883 г., который в свою очередь стал моделью для разработки *Уголовного кодекса Судана* 1889 г. Он вместе с УК Италии 1889 г. оказал значительное кодистическое влияние на *Уголовный кодекс Египта* 1904 г.

Впоследствии этот УК Египта использовался британскими мандатными управлениями для подготовки еще двух кодификаций – *Багдадского УК* 1918 г, действующего в современном Ираке, и *УК Палестины* 1936 г., действующего частично в современном Израиле[2].

Как и все кодексы «*Министерской модели*», УК Египта состоял из двух частей[3]. Первая часть «*Общие положения*» включала не менее шести глав: предварительные положения, толкование и применение, общие положения об уголовной ответственности, основания защита (исключающие обстоятельства), соучастники преступления, виды наказания.

Особенная часть УК делилась на крупные разделы и институциональные главы, разделенные по объекту посягательства и группы преступлений: преступления против общественного порядка, преступления против порядка управления, преступления, приносящие вред всему обществу, преступления против личности, преступления против собственности, подлоги и фальшивомонетничество, коррупция и должностные преступления, покушение, сговор и соучастие после факта преступления.

§ IV.3.1. Оттоманский УК 1858 г. и исламизация права Египта

За полуторавековую историю уголовно-правовой кодистики в Египте можно выделить пять уголовных кодексов: Оттоманский *Уголовный кодекс 1858* г., колониальный *Уголовный кодекс 1883* г., британский *Уголовный кодекс 1904* г., проект *Уголовного кодекса 1919* г., *Уголовный кодекс* Арабской Республики Египет *1937* г.

---

[1] *Collingwood J.J.R.* Criminal Law of East and Central Africa. London, 1967.

[2] *Goadby F.M.* Commentaries on Egyptian Criminal Law. L., 1925. 3 vols.; *Likhovski A.* In our image: colonial discourse and the anglicization of the law of mandatory Palestine // Israel Law Review. 1995. Vol. 29. P. 291-359.

[3] *Трикоз Е.Н.* Уголовное законодательство Египта // Полный курс уголовного права: в 10 т. Т. X. Уголовное право зарубежных стран / Под ред. А.И. Коробеева. СПб.: Издательство «Юридический центр-Академия», 2021. С. 1032-1060.

Оттоманский Уголовный кодекс (*Ottoman Penal Code*), или «Канун аль-джаза аль-Хумаюни» (*Qanun al-jaza' al-Humayuni*) 1858 г.[1] был составлен в период реформ в Империи (*tanẓīmat*). Эти реформы были обусловлены необходимостью сбалансировать шариатское (исламское) право с современными уголовными, торговыми и морскими кодексами, импортированными из Европы. Исламский *Египетский эялет* (араб. إيالة مصر) оставался провинцией Османской империи с 1517 по 1867 гг. номинально и включал территории большей части современного Египта, Палестину, Сирию, Иорданию и часть Аравии. В этот период уголовное право Египта было подвергнуто исламизации.

УК 1858 г. был представлен Меджлисом (Законодательным советом) своему Великому визирю в форме *мазбаты* (доклада-проекта) 21 зилхийе 1274 г. (2 августа 1858 г.) и получил спустя неделю императорскую санкцию султана. В апреле 1859 г. этот *Ottoman Penal Code* был передан всем посольствам в Константинополе, вместе с официальным французским переводом текста, который на самом деле был вольным парафразом турецкого оригинала. Было издано ок. 4 тысяч экземпляров *османского УК* для прямого применения в местных судах и распространения среди населения всей Османской империи, заменив им действовавшие уголовные законы[2]. Салим Баз (*Bāz, Salīm Rustum*; 1859–1920), ливанский судья и член государственного совета, издал Оттоманский УК со своими комментариями-пояснениями и алфавитным указателем, чтобы облегчить его восприятие для арабоязычного юридического сообщества.

Таким образом, на Египет был распространен *турецкий УК 1858 г.,* общая схема которого повторяла институционально-пандектную систему *УК Франции 1810 г.* Египетский УК время от времени дополнялся и изменялся, был переиздан с поправками 21 августа 1863 г., а в 1911 г. был отменен номинально[3]. Его многочисленные статьи были переизданы в измененной форме. Современные исследователи обычно интерпретируют *Ottoman Penal Code* как «буквальный перевод» французского УК, что подтверждает прямое «западное влияние» на османское законодательство. Хотя в нормативных деталях и стиле изложения *УК 1858 г.* было много различий и оригинальных подходов к конструкциям составов[4]. Поэтому корректнее говорить, что это была адаптация французского опыта кодистики в контексте османских правовых концепций в период реформ-*танзимата*. В тот период египетское право помимо УК 1858 г. включал в себя уголовно-правовые положения *канунов* (*ḳānūn*) и правовые концепции *шариата*

[1] The Ottoman Penal Code / Transl. from the French text by *C.G. Walpole*, M.A., President of the District Court of Larnaca, Cyprus. London: William Clowes & Sous Ltd., 1888.
[2] *Baer G.* Tanzimat in Egypt – The Penal Code // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1963. Vol. 26. P. 29-49.
[3] The Imperial Ottoman Penal Code a translation from the Turkish text by *J.A.S. Bucknill, H.A.S. Utidjian*. London: Oxford University Press, 1913. P. 15.
[4] *Heinzelmann T.* The Ruler's Monologue: The Rhetoric of the Ottoman Penal Code of 1858 // Welt Des Islams. 2014. Vol. 54 (3/4). P. 292-321.

(*şerīʿat*), казуистической судебной практики и разрозненного уголовного законодательства (*qanuns*)[1]. Кроме того, в 1876 г. была учреждена параллельная система т.н. «*смешанных судов*» для европейцев, которые руководствовались правовыми кодексами по французскому образцу[2].

В 1867 г. возник *Египетский хедиват*, автономное вассальное государство династии *Мухаммеда Али*, которое *номинально* оставалось под управлением Османской империи до 1914 г.[3] В это время начался новый виток *кодификации уголовного права*, когда в связи с политической нестабильностью Египет подвергся *британской оккупации* в 1882 – 1922 гг. В итоге он превратился в «завуалированный протекторат» Британской империи[4]. В декабре 1914 г. в условиях Первой мировой войны Великобритания придала юридический статус своему господству в Египте, объявив его своим *протекторатом* и отделив от Османской империи[5]. И почти полсотни лет Египет находился в качестве *султаната* под полным контролем британских резидентов и частично под властью османских хедивов вплоть до 1922 г. Но фактически Египет был под *прямым контролем* Соединённого Королевства вплоть до 1956 г., когда за пределы страны ушел последний английский солдат[6].

§ IV.3.2. Уголовно-правовая кодификация по британскому образцу (1882–1922 гг.)

В 1880-е гг. британские власти начали модернизацию «страны пирамид», учредили представительные институты, сформировали суды английского образца, улучшали положение заключенных в тюрьмах, реформировали полицию. Была проведена серия отраслевых кодификаций под контролем английских чиновников и юристов. Специально для египетской юрисдикции были разработаны Уголовный, Гражданский, Коммерческий и Процессуальный кодексы[7].

Колониальный ***Уголовный кодекс*** *1883* г., принятый по лекалам английского статутного права и отчасти французской модели кодификации, был распространен *только на граждан Египта*, т.к. европейцы подчинялись юрисдикции и праву смешанных судов. Несмотря на введение британцами в действие египетского УК, поначалу не удалось полностью ограничить

---

[1] *Hill Enid*. Mahkama! Studies in the Egyptian Legal System. London: Ithaca Press, 1979.
[2] *Hoyle M.S.W.* The Structure and Laws of the Mixed Courts of Egypt // Arab Law Quarterly. 1986. Vol. 1(3). P. 327-345.
[3] См.: *Кошелев В.С.* Египет: от Ораби-паши до Саада-Заглула. 1879–1924. М., 1992; *Fahmy Khalid, Peters R.* Introduction: The Legal History of Ottoman Egypt // Islamic Law and Society. 1999. Vol. 6. P. 129-135.
[4] *Reid D.M.* The British occupation, 1882–1922 // The Cambridge History of Egypt. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. Vol. 2. P. 217-238.
[5] *Турк С.Н., Кияшко М.И.* Египет в колониальной политике Великобритании // Эпоха науки. 2020. №24. С. 352.
[6] *Бурьян М.С.* Египет во внешней и колониальной политике Великобритании в 20-х гг. XX в. М., 1994.
[7] *Богомолов С.А.* Теоретические проблемы модернизации Египта британской империей в 80 – 90-е гг. XIX века // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2012. №4 (140). С. 80-81.

влияние мусульманского уголовного права[1]. Ни одна уголовно-правовая норма не должна была ограничивать права и привилегии подданных Египта, предоставленные им шариатом[2]. Формально было оставлено в силе мусульманский институт выкупа за кровь, или же процедура консультации с верховным муфтием при вынесении смертного приговора мусульманину, и проч.[3] В то же время были декриминализованы отдельные преступления по мусульманскому праву, и за отдельные традиционные составы в колониальном УК 1883 г. не было предусмотрено ответственности[4].

Уголовный кодекс *1904 г.* был построен по «*индийской модели*» и стал продуктом множества интеллектуальных традиций и правовых техник, тесно связанный и в то же время отличающийся от исламского уголовного права[5].

Колониальные власти и европейские правоведы из Англии, Франции и Италии внимательно изучали исламское право более чем за столетие до того, как они пришли к власти в Египте в 1875 г., создав множество трактатов, исследований и полевых руководств по исламскому праву[6]. К 1920 – 30-м гг. эта юридическая литература была достаточно обширной и информативной, чтобы позволить европейцам влиять на исламскую правовую мысль и правоприменительную практику, искать практические способы реформирования мусульманского права в колониальных условиях[7].

Очередной проект ***Уголовного кодекса*** *1919 г.* был подготовлен в контексте реформы УК Египта 1904 г. и опубликован по распоряжению лорда Китченера (*Kitchener*). При составлении этого кодекса использовался сравнительно-кодистический анализ УК Индии, УК Италии и УК Швейцарии. Но с учетом доктринально-правового и политического *влияния Великобритании*, комиссия разработчиков включила в проект *обновленного УК Египта* многие положения из английского уголовного права[8].

---

[1] *Crecelius D.* Nonideological Responses of the Egyptian Ulama to Modernization // Scholars, Saints, and Sufis: Muslim Religious Institutions in the Middle East since 1500 / Ed. by *N.R. Keddie*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1972. P. 167-209.

[2] *Schacht J.* Islamic Law in Contemporary States // American Journal of Comparative Law. 1959. Vol. 8 (2). P. 133-147.

[3] *Baber Johansen*. Contingency in a Sacred Law: Legal and Ethical Norms in the Muslim Fiqh. Leiden: Brill, 1999. P. 40-72; *Murtrza Bedir*. Fikih to law. Secularization through Curriculum // Islamic Law and Society. 2004. Vol. 11 (3). P. 378-401.

[4] Уголовное законодательство Египта // Энциклопедия уголовного права. Т. 33. Краткая характеристика уголовного права зарубежных стран. СПб., 2020. С. 679.

[5] *Wood L.* Islamic Legal Revival: Reception of European Law and Transformations in Islamic Legal Thought in Egypt, 1875–1952. Oxford University Press, 2016. P. 11.

[6] *Peters R.* Islamic and Secular Criminal Law in Nineteenth Century Egypt // Islamic Law and Society. 1997. Vol. 4 (1). P. 70-90; *Reid*. Lawyers and Politics in the Arab World, 1880–1960. Minneapolis: Bibliotheca Islamica, 1981.

[7] *Wood L.* Islamic Legal Revival: Reception of European Law and Transformations in Islamic Legal Thought in Egypt, 1875–1952. Oxford University Press, 2016. P. 5-6; *Brown*. Law and Imperialism: Egypt in Comparative Perspective // Law and Society Review. 1995. Vol. 29 (1). P. 103-126.

[8] *Glover A.G.* The Egyptian Draft Penal Code, 1919 // Journal of Comparative Legislation and International Law. 1919. Vol. 1 (3). P. 244-247.

С юридико-технической точки зрения, *проект УК 1919 г.* включал значительное количество статей, которые были сгруппированы в четыре части по разным видам преступлений. Была отменена минимальная граница санкций, произошла замена смертных приговоров на исправительные работы и др.[1]

В этот период особую роль сыграл египетский ученый-кодификатор Абд аль-Раззак ас-Санхури (*Abd al-Razzāq al-Sanhūrī,* 1895–1971), который считается автором-создателем национального ГК Египта 1949 г. Будучи знакомым с теоретическим дискурсом на континенте о сущности и полезности кодификации права (*кодификационный спор* между А.Ю. Тибо и К.Ф. фон Савиньи[2] и дебаты Картера – Филда), и общаясь лично с немецкими юристами, ас-Санхури прямо опирался на исторический подход Савиньи к праву, но не присоединялся к его критике кодификации как таковой. Абд аль-Раззак ас-Санхури отмечал следующее: «Если Савиньи критиковал само *понятие кодификации*, то время доказало его неправоту, и нельзя игнорировать практическую пользу кодификации, что подтверждается опытом многих народов. Юридические сборники (англ. *a legal collection*) очень помогают широкой общественности ближе познакомиться с действующим правом»[3]. ас-Санхури считается «наиболее выдающимся ученым Египта в области современной юриспруденции», чей Гражданский кодекс остается ключевым элементом правовой системы современного Египта[4].

Начавшаяся во времена ас-Санхури новая волна систематического пересмотра законодательства и *национальной кодификации* в сложный для страны переходный период провозглашения независимости в 1922 г. и падение Халифата в 1924 г., поставили египетских кодификаторов в положение, близкое к ситуации с противостоянием Тибо и Савиньи. Независимость Египта потребовала «новых символов национализма»[5].

Идеологической опорой *кодификационного движения* в Египте была концепция ограничения государства и идея систематизированного законодательства, помогающего в реализации социальной справедливости и повышении благосостояния социальных групп. Такая аргументация *в пользу кодификации* среди египетских правоведов и практиков прекрасно

---

[1] *Heikal Sh*. Criminal Constitutional Principles and Islamic Law Impact on Arab Penal Codes // HUFS Law Review. 2018. Vol. 42 (2). P. 1-18.

[2] *Frederick Charles von Savigny.* Of the Vocation of Our Age for Legislation and Jurisprudence / Trans. Abraham Hayward. London: Littlewood & Co., 1831.

[3] Цит. по: *Guy Bechor*. The Sanhuri Code and the Emergence of Modern Arab Civil Law (1932–1949). Leiden: Brill, 2007. P. 55.

[4] *Enid Hill.* Al-Sanhuri and Islamic Law: The Place and Significance of Islamic Law in the Life and Work of ‘Abd al-Razzaq Ahmad al-Sanhuri, Egyptian Jurist and Scholar 1895–1971 // Cairo Papers in Social Science. 1987. Vol. 10 (1). P. 1-2.

[5] *Emon A.M.* Codification and Islamic Law: The Ideology Behind a Tragic Narrative // Middle East Law and Governance. 2016. Vol. 8. P. 275-309. P. 304.

коррелировала с видением Тибо и Филда, которые усматривали в кодификации «определенный освободительный потенциал в период *расширяющегося государства*»[1].

§ IV.3.3. Смешанная природа УК 1937 г. в Арабской Республике Египет

***Уголовный кодекс** 1937 г.* (*Egyptian Penal Code;* араб. قانون العقوبات المصري)[2] стал последним по счету постколониальным кодеком, который был принят в период формально провозглашённой в 1922 г. независимости от Великобритании. Он со временем был распространён на всех жителей Египта, в т.ч. из-за упразднения смешанных судов для иностранцев в 1949 г.[3] Этот УК действует и в современный период в *Арабской Республике Египет*, периодически подвергаясь законодательной новеллизации и регулярному судебному толкованию[4].

Как отмечал *Халед Абу Эль-Фадл*, данная кодификация зафиксировала исторические формы исламского правопорядка, консервируя его особенные черты: «Исламское право упорно сопротивлялось кодификации или единообразию, униформизму вплоть до современной эпохи. Отличительной чертой традиционной исламской методологии является ее открыто-подвижный и антиавторитарный (неподчиненный авторитету властей) характер. Фундаментальным для его характеристики был эволюционистский процесс изучения, анализа и вынесения решений по делу, который развивался согласно его собственной внутренней логике и сопротивлялся предписаниям или инерции»[5]. Вступившая в силу в 1971 г. новая Конституция Египта, действовавшая вплоть до смены режима президента Мубарака в 2011 г., закрепила *принципы исламского шариата* главным *источником* законодательства («*principles of Islamic Sharia are the principal source for legislation*»)[6].

По своей систематике и уголовно-правовым конструкциям УК 1937 г. имеет *смешанную природу*, основанную на элементах как французского, так и частично английского уголовного права[7]. При этом в его фундаменте лежит *исламское* правовое мировоззрение и конструкции *мусульманской уголовной доктрины*[8].

---

[1] *Emon A.M.* Op. cit. P. 305.
[2] Law No. 58 of 1937 (Criminal Code of 1937, reformed in 1952), Al-Waqi'a al-Misriyah 5 Aug. 1937.
[3] *Rubin A.* Ottoman Nizamiyye Courts Law and Modernity. New York: Palgrave Macmillan, 2011; *Brown.* The Precarious Life and Slow Death of the Mixed Courts of Egypt // International Journal of the Middle East. 1993. Vol. 25 (1). P. 33-52.
[4] *Bernard-Maugiron N., Dupret B.* Egypt and Its Laws. London: Kluwer Law International, 2002.
5 *Abou El Fadl Kh.* Speaking in God's Name: Islamic Law, Authority and Women. Simon and Schuster, 2014. P. 170. Цит. по: *Emon A.M.* Op. cit. P. 306.
[6] *Сюкияйнен Л.Р.* Конституционный статус шариата как источника законодательства в арабских странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. №4. С. 215.
[7] *Glover A.G.* Modern Egyptian Criminal Law // Journal of Comparative Legislation and International Law. 1925. Vol. 7, no. 4. P. 228-237.
[8] *Shalakany A.A.* Islamic Legal Histories // Berkeley Journal of Middle Eastern and Islamic Law. 2008. Vol. 1. P. 1-82.

УК Египта 1937 г. включает четыре книги и 395 статей. Книга I представляет собой *Общую часть*, где регламентируются общие вопросы преступления и наказания (11 глав). В *Особенной части* УК содержится три части: книга II предусматривает ответственность за преступления и проступки против публичных интересов (17 глав), книга III – за преступления и проступки против интересов личности (14 глав), и книга IV – за иные правонарушения (8 разделов).

В Первой книге УК 1937 г. «*General Provisions*» выделены 11 следующих глав: 1. Общие правила; 2. Виды преступлений; 3. Наказания; 4. Соучастие нескольких лиц в одном преступлении; 5. Покушение; 6. Преступные сговоры; 7. Рецидив; 8. Условное исполнение постановления; 9. Причины допустимости и меры по предупреждению наказания; 10. Несовершеннолетний правонарушитель; 11. Освобождение от наказания и полное освобождение от наказания.

Кодекс воспринял французскую трехчленную систему, но с элементами английского деления преступлений: преступление, проступок, правонарушение (*felonies, misdemeanors, contraventions*). Фелонии – это преступления, за которые предусмотрены такие наказания, как: смертная казнь, постоянные или срочные каторжные работы, тюремное заключение (ст. 10 УК). Мисдиминоры влекут за собой следующие наказания: арест или штраф, но на сумму не менее сотни египетских фунтов (ст. 11 УК). Правонарушения – это преступления, наказуемые штрафом, максимальный размер которого не превышает ста египетских фунтов (ст. 12 УК)[1].

Английское влияние на УК Египта проявилось в трактовке отдельных уголовно-правовых институтов, например, ответственность за преступный сговор, или же за соучастие в преступлении, когда оно по своим последствиям значительно отличалось от того, совершению которого способствовал соучастник, и др.[2] Следуя *французской* уголовно-правовой доктрине, в египетском УК не допускается применения мер безопасности; включены положения о возможности смягчения наказания до определенного, предусмотренного в законе минимума; возможность условного осуждения и досрочного освобождения, и т.д.[3]

В связи с тем, что Общая часть УК Египта не содержит ключевого требования о наличии субъективного (морального) элемента вины (лат. *mens rea*; араб. *rukn ma'nawi*), выводить свое представление о вине приходится на основе отдельных составов преступлений, где содержится описание преступного намерения (араб. *qasd jina'i*). Так, в своем постановлении 1996 г. Верховный суд Египта выделил четыре конкретных вида *mens rea*, используя англоязычные

---

[1] *Akida M.* Criminal Law // Egypt and Its Laws / Ed. by N. Bernard-Maugiron, B. Dupret. London, 2002. P. 37-48.
[2] *Abu 'Amir, Muhammad Zaki*. Qanun al-'Uqubat: Al-Qism al-'Amm [The Penal Code: The General Part]. Alexandria, 1996.
[3] *Salamah Ma'mun Muhammad*. Qanun al-'Uqubat: Al-Qism al-'Amm [The Penal Code: The General Part]. Cairo: Dar al-Fikr al-Arabi, 1979.

аналоги: *felonious intent, malice aforethought, fraudulent intent,* и *guilty knowledge*, а также привел их эквиваленты на арабском языке[1]. Кроме того, Кассационный суд Египта определил «умышленность» (араб. *'amdan*; англ. *willful*) как намеренное совершение *actus reus* с осознанием его последствий, наличие минимума «преступного знания», по аналогии с Модельным УК США[2].

Материальный элемент уголовного деяния (араб. *rukn maddi*) интерпретируется в целом ряде заключений Кассационного суда Египта и в исследованиях по уголовному праву. В УК Египта предусмотрен различные составы за *невыполнение обязанностей* государственными служащими по выполнению своих должностных функций в положенное время или в установленном порядке. Другими примерами *уголовно наказуемого бездействия* являются ст. 116 (нераспределение общественных благ в установленном порядке), ст. 116(bis-C) (невыполнение или неисполнение контрактов на общественные работы), ст. 122 (невынесение судебных актов в необходимом случае), ст. 377(7) (невыполнение обязанности по оказанию помощи во время стихийного бедствия или задержании преступника); ст. 284 и 392 (невыполнение судебного приказа или законного требования об установлении опеки над ребенком), ст. 293 (неуплата алиментов после судебного решения).

Институт *покушения* на преступление в УК Египта определяется как совершение действия с намерением выполнить состав преступления или проступка, но неспособное выполнить данное действие по причинам, не зависящим от воли правонарушителя (ст. 45 и 46 УК). Институт преступного *сговора* (англ. *conspiracy*; араб. *ittifaq jina'i*) описывается в ст. 48 УК Египта, где «преступное соглашение» определяется как соглашение между двумя или более лицами о совершении преступления-фелонии или проступка-мисдиминора либо о совершении подготовительных действий в отношении одного из них.

Собственно *соучастие* в преступление (англ. *complicity*) закрепляется в семи различных статьях Общей части УК. Так, ст. 40 УК определяет три вида соучастников: 1) тот, кто «подстрекает» (араб. *harada*) к действию, составляющему преступление, если оно затем совершается; 2) тот, кто договаривается с другим лицом о совершении преступления, если оно совершено на основании такого соглашения; и 3) тот, кто сознательно дает преступнику инструмент или другой предмет, используемый для преступления или каким-либо образом помогает преступнику в подготовке, совершении или завершении преступления[3].

Основания *защиты* перечислены в Главе 9 «Допустимые основания и формы исключения ответственности» (араб. "*Asbab al-ibahah and mawani' mas'uliyyah*"), состоящей из статей 60 –

[1] Цит. по: *Sadiq Reza*. Egypt // Handbook of Comparative Criminal Law. Stanford, 2011. P. 10.
[2] *Mahmoud W.* Civil and Criminal Justice // Egypt and Its Laws / Ed. by *N.B. Maugiron, B. Dupret*. London, 2002. P. 156.
[3] *Sadiq Reza*. Op. cit. P. 12.

63 УК. В то же время положения о необходимой обороне закреплены лишь в Особенной части УК применительно к убийству и телесным повреждениям (ст. 245 – 248 УК).

В УК Египта перечислены *основные* (араб. *'uqubat asliyyah*), и *дополнительные* наказания (араб. *'uqubat tab'iyyah*). К первой категории относятся штраф, тюремное заключение (араб. *sijn*), задержание (араб. *habs*) и смертная казнь (ст. 10 – 23). Тюремное заключение или задержание на год или более всегда сопровождается обязательными каторжными работами (англ. *mandatory penal servitude*; араб. *abs ma'a al-shugl*) (ст. 14 и 20 УК)[1]. Ко второй категории санкций в виде *дополнительных наказаний* причисляются: лишение прав и привилегий; увольнение с государственной службы; пробационный надзор со стороны полиции; изъятие и конфискация доходов и орудий преступления или предметов контрабанды (ст. 24 УК).

В УК Египта *смертная казнь* исполняется путем повешения (ст. 13) и устанавливается за более, чем 20 различных составов преступлений (включая разновидности умышленного убийства, изнасилование, угон воздушного судна, контрабанду наркотиков и др.)[2]. Для вынесения смертного приговора требуется единогласное решение трех судей, рассматривающих дело, и до его вынесения суд должен направить материалы дела высшему религиозному деятелю страны – главному *муфтию* (*qadi al-jumhuriyyah*), чтобы узнать его особое мнение. Окончательно утвержденный приговор передается президенту Египта, у которого есть 14 дней на помилование или смягчение приговора (ст. 75 УК).

§ IV.3.4. Кодистический анализ Особенной части УК 1937 г.

Особенная часть УК Египта состоит из трех книг[3]. Книга II «Преступления и проступки, наносящие ущерб общественным интересам, и наказания за них» является самой объемной из всех книг кодекса и включает статьи 77–229. В главе 1 сгруппированы составы *государственных преступлений*, в числе которых многие наказывается смертной казнью (ст. 77–85 УК). В следующей главе 2 Книги II собраны составы преступлений и проступков против общественной безопасности, совершенных внутри государства (ст. 86–102 УК)[4].

В Книгу II вошло еще *15 тематических глав*: Глава 3 содержит составы коррупционных преступления, подкуп, взяточничество и др. (ст. 103–111); Глава 4 описывает составы в форме хищений, использование государственных средств и их расхищение (ст. 112–119); Глава 5 посвящена служебным преступлениям (ст. 120 – 125); Глава 6 содержит состав принуждения и

---

[1] *Султан З.* Каторжные работы как вид наказания по уголовному праву арабских стран // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2000. №1. С. 192.

[2] *Surur Ahmad Fathi*. Al-Wasit fi Qanun al-'Uqubat, Al-Juz' al-Awwal: Al-Qism al-'Amm [Nutshell on the Penal Code, Part One: The General Part]. Cairo, 1981.

[3] Law No. 58 of 1937 (Criminal Code of 1937, reformed in 1952), Al-Waqi'a al-Misriyah 5 Aug. 1937.

[4] *Ziadeh F*. Lawyers, the Rule of Law and Liberalism in Modern Egypt. Stanford: Hoover Institution, 1968.

жестокого обращения государственных служащих с другими лицами (ст. 126–132); Глава 7 описывает наказания за противостояние начальству, неповиновение приказам или оскорбление начальника (ст. 133–137); Глава 8 посвящена преступлениям против правосудия (ст. 138–146); Глава 9 вводит ответственность за взлом сейфов, подделку печатей, хищение официальных бумаг (ст. 147–154); Глава 10 посвящена присвоению титулов и должностей (ст. 155–159); Глава 11 о проступках, связанных с религией (ст. 160–161); Глава 12 о нанесении ущерба зданиям, памятникам и другим общественным объектам (ст. 162–162(bis); Глава 13 о криминальных нарушениях систем связи (ст. 163–170(bis); Глава 14 о преступлениях с помощью средств массовой информации (ст. 171–201(bis); Глава 15 о незаконном изготовлении и использовании фальшивых денег, отмывании денег (ст. 202–205)[1]; Глава 16 о подделках (ст. 206–227), и наконец, Глава 17 посвящена торговле запрещенными предметами и подделке почтовых и телеграфных штемпелей (ст. 228–229 УК).

В Книге III «Преступления и проступки, совершенные в отношении отдельных лиц» (ст. 230–375) установлена ответственность за *преступления против личных прав*, в том числе имущественных, т.е. посягательства не только на личную честь, здоровье, жизнь, но и частную собственность[2]. УК Египта содержит отдельную Главу 3 «Аборт беременных. Производство и продажа фальсифицированных напитков или лекарств, вредных для здоровья человека» (ст. 260–266) и Главу 4 «Непристойное нападение и развращение нравов» (ст. 267–279), в которой сексуальное насилие рассматривается лишь в трех коротких статьях. И хотя кодекс не использует формальный термин для изнасилования (араб. *ightisab*), этот состав закреплен как половой акт с женщиной без ее согласия (араб. *waqa'a untha bighair ridaha*) и влечет за собой вплоть до пожизненного заключения (ст. 267 УК)[3].

При этом выделяется состав *адюльтера* (прелюбодеяния), которому посвящено сразу несколько статей с 273 по 278 УК Египта. Само слово *Zinā* и его производные (*Zanī, Zanīa*) семь раз встречаются в УК. Криминализация супружеской неверности произошла не по исламскому праву, а по старому наполеоновскому УК 1810 г., где т.н. адюльтер предусматривался в ст. 336–339 УК[4]. Египетские суды определяют *преступление проституции* независимо от того, совершено ли оно мужчиной (араб. *фуджур*) или женщиной (араб. *диарах*), просто как «незаконный» или «неразборчивый» половой контакт, то есть блуд безотносительно к

---

[1] *World Bank*. "Arab Republic of Egypt: Detailed Assessment Report on Anti–Money Laundering and the Financing of Terrorism". Middle East and North Africa Financial Action Task Force. May, 2009.

[2] *Shawaribi Abd al-Hamid*. Al-Ta'liq al-Maudu'i 'ala Qanun al-'Uqubat [Substantive Commentary on the Penal Code]. 4 vols. Alexandria: Munsha'ah al-Ma'arif, 2003. Vol. 3.

[3] *Сюкияйнен Л.Р.* Исламское уголовное право: от традиционного к современному // Российский ежегодник уголовного права. СПб, 2008. С. 571-596.

[4] *Elkahwagy A.* The Judicial Path to Eliminate Discrimination in the Crime of *Zinā* (Adultery). Criminal Law (Egypt) // Yearbook of Islamic and Middle Eastern *Law Online*. 2022 doi: https://doi.org/10.1163/22112987-12340011.

коммерческой составляющей или без нее. В результате *гомосексуалисты* привлекаются по Закону о проституции 1961 г. за участие в «постоянном разврате»[1].

В Книге III УК Египта наряду с преступлениями против личности выделяется блок *преступлений против имущественных прав* – это Глава 8 «Кража и узурпация» (ст. 311–327); Глава 9 «Криминальное банкротство» (ст. 328–335); Глава 10 «Мошенничество и злоупотребление доверием» (ст. 336–343); Глава 11 «Воспрепятствование проведению аукционов и обман в коммерческих сделках» (ст. 344–351); Глава 12 «Азартные игры, игры в лотерею и использование лотерейных билетов для купли-продажи» (ст. 352–353); Глава 13 «Умышленный саботаж, порча и уничтожение» (ст. 354–368); Глава 14 «Посягательство на неприкосновенность собственности третьих лиц» (ст. 369–373); Глава 15 «Прекращение работы и посягательство на свободу труда» (ст. 374–375); Глава 16 «Ужасающий и пугающий “бандитизм”» (ст. 375 (bis) "*Thuggery*"). В Книге IV «Нарушения, касающиеся дорог общего пользования» (ст. 376–395) содержатся положения об ответственности за *мелкие правонарушения*, включая нарушения общественного порядка, загрязнение дорог и водных путей, «грубое оскорбление без публичной причины».

Последний по счету постколониальный *УК 1937 г.* в период формальной независимости от Великобритании, по своей систематике и уголовно-правовым конструкциям имеет *смешанную природу*, основанную как на элементах французского, так и частично *английского* уголовного права. Проведенный нами *кодистический анализ* УК 1937 г. показал, что Книга I представляет собой *Общую часть*, где регламентируются вопросы действия уголовного закона, институты преступления и наказания (11 глав). В *Особенной части* УК содержатся: книга II о преступлениях против публичных интересов (17 глав), книга III о преступлениях против личности (14 глав), и книга IV об иных правонарушениях (8 разделов).

Английское влияние на УК Египта проявилось в трактовке ряда уголовно-правовых институтов, например, преступный сговор или соучастие в преступлении, и др. Этот УК действует и в современной *Арабской Республике Египет*, периодически подвергаясь законодательной новеллизации и регулярному судебному истолкованию.

§ IV.4. Автономная уголовно-правовая кодификация в Индии и ЮАР

Наряду с рассмотренными ранее *видами кодистики* и формантами кодификации, такими как модельный (имперский/министерский) кодекс, федеральный (типовой/образцовый) кодекс и локальный (регионалистский/территориальный) уголовный кодекс, в бывших колониях Британской империи был такой специфический акт, как *автономный уголовный кодекс.*

[1] *Sadiq Reza*. Egypt // Handbook of Comparative Criminal Law. Stanford University, 2011. P. 24-25.

Такой правовой эксперимент по локальной кодификации проводился обычно в сложносоставных и мультикультурных государствах. В качестве примера приведем опыт *автономной уголовно-правовой кодификации* в Индийской Республике и Южноафриканской Республике, в которых были разработаны и введены в действие отдельные кодексы, наряду с общенациональным законодательством, специально для региональных этнически-религиозных автономий. Это были два кодекса – *УК Ранбира* и *УК Транскеи* соответственно[1]. При их разработке учитывался опыт имплементации норм обычного или религиозного уголовного права, по типу некоторых других британских экс-колоний (например, *Нативный УК* (‘*Native Criminal Code*’) Вануату 1981 г.)[2].

§ IV.4.1. Автономный УК Ранбира в индийском Джамму и Кашмир

Принятый в колониальный период *УК Индии 1860 г*. закреплял правила действия и юрисдикцию применения на территории страны и за ее пределами (ст. 1–5 Главы I). При этом в преамбуле УК уточнялся *общий характер кодекса* для всей территории страны, за исключением *штата Джамму и Кашмир.* Этот индийский штат ранее был мусульманским княжеством Джамму и Кашмир в Гималайских горах, сегодня граничит с Китаем и Пакистаном, до сих пор оспаривающими принадлежность этой территории Индии.

С 1752 г. территория Кашмира находилась под управлением *пуштунов*, а затем в 1846 г. здесь обосновались *сикхи* вплоть до британского завоевания[3]. В 1870 г. было подписано соглашение между махараджей Джамму и Кашмира *Ранбиром Сингхом* и вице-королем Индии *графом Мейо*[4]. Территория Джамму до присоединения к Индии в 1947 г. управлялась индоарийской группой *догра*.

В XX веке это был единственный штат Индии с мусульманским большинством, получивший особую автономию с правом принять собственную конституцию и отдельный *Уголовный кодекс*[5]. Согласно ст. 144 Конституции штата 1957 г., это был единственный штат, обладающий собственным флагом, парламентом, судебной системой и др. Бóльшая часть населения Кашмира исповедует ислам (*сунниты*), а решения *судов шариата* имеют

---

[1] *Кузнецова С.С.* Правовой обычай в концепции верховенства права в Индии и Южно-Африканской Республике (сравнительно-правовое исследование) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 5. С. 35-47.

[2] *Трикоз Е.Н.* Политика колониальных властей по отношению к обычному праву австралийских аборигенов в XIX веке // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2006. №1. С. 10-18.

[3] *Yasin M.* British Paramountcy in Kashmir, 1876 – 1894. Atlantic Publishers & Distri, 1984.

[4] A Collection of treaties, engagements and sanads relating to India and neighboring countries / Comp. by *C.U. Aitchison*. Vol. IX. The treaties to the Punjab, Jammu and Kashmir, Baluchistan, Afghanistan and Eastern Turkistan. Calcutta, 1892. № 166. P. 360-362.

[5] *Kumar Ashutosh*. The Constitutional and Legal Routes // The Politics of Autonomy: Indian Experiences / Ed. by Ranabir Samaddar. Kolkata, 2005.

значительный вес на этой территории[1]. Официальным языком штата, в том числе дело- и судопроизводства остается *урду*[2].

Автономный статус Джамму и Кашмира долгое время был закреплен в ст. 370 Конституции Индии 1950 г. Согласно ей, ни один закон, принятый в парламенте Индии, не действовал на территории Джамму и Кашмира до тех пор, пока не был ратифицирован парламентом этого штата, за исключением законов по вопросам обороны, связи и внешней политики.

Но фактически индийское правительство никогда не позволяло Джамму и Кашмиру свободно пользоваться своим особым статусом. Все это время федеральные власти воспринимали автономию мусульманского штата в разрезе нарастающей *центробежной тенденции*, направленной на подрыв государственного единства, неделимости республики и кодифицированности федерального права, включая уголовное.

После подписания в 1975 г. с штатом Джамму и Кашмир особого соглашения «*Delhi Agreement*» часть полномочий штата была передана федеральной власти, и штат оказался в равном положении с другими[3]. В 1989 г. были запрещены мусульманские религиозные процессии в Кашмире. С 1990 г. введен более жесткий судебный и военный контроль над властями штатов

В *Джамму и Кашмир*, единственном из всех 28 штатов и 7 союзных территорий Индии, действовали собственные кодифицированные акты – ***Уголовный кодекс Ранбира 1932 г.*** и Уголовно-процессуальный кодекс 1989 г. Эти два по своей сути *мусульманские кодексы* существенно отличались от общефедеральных УК 1860 г. и УПК 1973 г.

На основе сравнительного кодистического анализа *федерального* УК Индии 1860 г. и *автономного* УК Ранбира 1932 г. можно выявить сложные коллизии и несовпадения, прежде всего, в иерархии охраняемых уголовным законом интересов, в перечне и конструкциях составов преступлений, в спектре наказаний и принципах их назначения, и др.

Уголовный кодекс штата, именуемый «*Ranbir Penal Code*», применялся на протяжении 1932 – 2019 гг.[4] Кодекс был разработан во время правления *династии Догр* и назван в честь последнего махараджи княжества Джамму и Кашмира по имени *Ранбир Сингх* (*H.H. Ranbir*

---

[1] *Mridu Rai.* Hindu Rulers, Muslim Subjects: Islam, Rights, and the History of Kashmir. Published by Permanent Black, Ranikhet, 2004.

[2] *Benedikter T.* Language Policy and Linguistic Minorities in India: An Appraisal of the Linguistic Rights of Minorities in India. Bolzano, 2013. P. 48.

[3] *Кузнецова С.С.* Асимметрия конституционно-правового статуса штатов Индии // Российский юридический журнал. 2013. №3(90). С. 132-139.

[4] *The Jammu and Kashmir State Ranbir Penal Code*, 1989 (1932 A.D.) / Act No. XII of 1989. Sanctioned by His Highness the Maharaja Bahadur vide Law Department Notification No. 23-L/1989, dated 6 August, 1932 / 23 Sawan, 1989.

Singh; 1856 – 1885)[1]. Он был составлен с учетом ряда положений доктринального проекта УК Маколея 1837 г. и норм мусульманского уголовного права. С кодистической точки зрения УК Ранбира построен по *линейно-предметной схеме* с использованием квази-пандектной системы. В содержательном плане есть целый ряд вопросов, регулируемых УК Индии 1860 г., но не вошедших в предмет ведения УК Ранбира 1932 г.

Так, ст. 4 УК Индии содержит указание на преступления, которые совершаются с использованием компьютеров или искусственного интеллекта, но в УК Ранбира нет подобных составов в силу консервативной линии политики местного правительства и отрицания технологических возможностей искусственного интеллекта.

Далее, в ст. 153 УК Индии криминализовано преднамеренное использование оружия во время публичных собраний или массовых сходок, но УК Ранбира не касается этой важной темы, несмотря на спорадически вспыхивающие в этом неспокойном штате религиозные беспорядки и вооруженные столкновения с властями Индии.

В УК Ранбира нет похожей на ст. 195А федерального УК Индии нормы, согласно которой если кто-то подвергает пыткам кого-либо за дачу ложных показаний, то подлежит наказанию. Также не предусмотрена в мусульманском УК норма, закрепленная в ст. 281 УК Индии, о том, что лицо, вводящее в заблуждение моряка по поводу сторон света, сигналов или направления ветра, подлежит уголовному наказанию. Не упоминается вовсе в УК Ранбира и такой одиозный состав по индусскому праву, как смерть женщины из-за приданного (*dowry death*), закреплённый в ст. 304В УК Индии.

В то же время по ст. 167-А УК Ранбира подлежит наказанию любой государственный служащий, который принимает дополнительную плату за исполнение своих служебных обязанностей (получение взятки). Но в УК Индии отсутствует специальный раздел, касающийся коррупции и коммерческого подкупа.

По ст. 190 УК Ранбира правительство Джамму и Кашмир может наказать любого, кто опубликует или распространит материалы, признанные правительством подложными, сфальсифицированными или конфискованным, в том числе по причине противоречия *нормам шариата*. Статья 204А УК Ранбира четко устанавливает наказание за удаление доказательств или искажение сведений в них по уголовному делу. Эти две статьи местного УК были направлены на пресечение случаев обмана и мошенничества в любом акте или распоряжении, выпущенном от имени местного правительства. Подобных составов нет в федеральном УК Индии.

---

[1] *Sawari A.Q.* Maharaja Ranbir Singh and his oriental translation bureau // The Literary Heritage of Kashmir / Ed. by *Krishan L. Kalla*. Delhi, 1985. P. 75.

С *юридико-технической точки зрения* в УК Ранбира можно констатировать ряд негативных моментов. В их числе отсутствие криминализации деяний, связанных с терроризмом, кибербезопасностью и биомедициной, декриминализация использования оружия, применение пыток за дачу ложных показаний, антигуманная сущность отдельных видов наказания, позаимствованных из шариата, и др. Свобода слова, прессы и выражения мнений заметно ограничена запретами в статьях УК Ранбира.

Учитывая вышеизложенное, было вполне ожидаемо проведение рекодификации автономного УК Ранбира, которая и началась в 2020-е гг. с конституционно-правовой реформы в Джамму и Кашмире. Параллельно Административный совет штата во главе с губернатором *Сатьи Пала Малика* утвердил «Закон о предотвращении коррупции» 2018 г. и ряд других актов, учитывающих местную криминальную ситуацию и направленных на восполнение лакун УК Ранбира.

Затем был принят уголовно-правовой статут «*Jammu and Kashmir Criminal Laws (Amendment) Bill*» 2018 г. Первоначально этот «Закон об изменении уголовного права» был направлен на внесение поправок в местный УК. Но благодаря ему штат Джамму и Кашмир стал первым в Индии, который ввел уголовно-правовой запрет сексуальной эксплуатации женщин со стороны лиц, обладающих властью, государственных служащих или находящихся в доверительных отношениях с жертвой. Кроме того, в УК Ранбира был инкорпорирован состав нового преступления под названием «секс-вымогательство» (*sextortion*): практика вымогательства денег или сексуальных услуг путем угрозы раскрыть подробности сексуальной жизни. Были дополнены статьи 154 и 161 УК, и др.

Но уже спустя год после реформы, в августе 2019 г. правительство Нарендры Моди подготовило закон об *отмене автономного статуса* штата Джамму и Кашмир, вследствие чего была внесена поправка в ст. 370 Конституции Индии. Также был аннулирован автономный УК Ранбира 1932 г., и на территорию Джамму и Кашмира распространили общефедеральный УК Индии 1860 г.[1] Верховный суд Индии также подтвердил свою юрисдикцию на территории этого мусульманского штата.

§ IV.4.2. Автономный УК Транскеи в Южной Африке

В последней трети XIX в. Южная Африка была наиболее динамично развивающейся и конфликтной частью Британской империи. Здесь англичане вынуждены были иметь дело с новыми *бурскими республиками* – Трансвааль со столицей в Претории (нидерл. *Zuid-Afrikaanse*

[1] Фраза «*except the State of Jammu and Kashmir*» была исключена из ст. 1 УК Индии в соответствии с Законом №34 2019 г. (ст. 95).

Republiek, Южно-Африканская Республика, 1856 г.) и Оранжевое Свободное государство (нидерл. *Oranje Vrijstaat,* 1854 г.). В этих бурских юрисдикциях гарантировалось применение римско-голландского права (*Roman-Dutch law*)[1]. Суды на западе Южней Африки проводили недружественную к местным племенам политику и использовали *римско-голландское уголовное право* и прецеденты *английского права*[2].

В 1870-е гг. британская администрация Кейптауна расширила границы Капской провинции (*Cape of Good Hope; мыс Доброй Надежды*) вплоть за пределы р. Кей. *Территория Транскея* («по ту сторону Кея») в 1879 г. была объявлена автономным регионом племени *банту*. По мнению К.К. Сондерса, здесь проживало не одно единственное племя, а несколько народностей и этнических общин, каждая со своим обычным правом, политической организацией и военной структурой[3]. Так что границы владений племенных княжеств в Транскеи были проведены по тем же линиям, которые традиционно делили территорию владений Германии и Голландии[4].

Несмотря на различия в языке, обычаях и традициях, история объединила *транскейские племена* в единое политическое целое, когда они стали общей частью Южно-Африканского Союза в 1910 г., а затем перешли в самоуправляемый *регион Транскей* в 1963 г. и получили независимость в 1976 г.

В доколониальный период в Транскеи большое влияние имело *обычное уголовное право*, и это приводило к неопределенности и отсутствию единообразия в колониальном уголовном праве[5]. С целью унификации практики применения в районах господства локальных обычаев и племенной практики решили реализовать проект постепенной *кодификации обычного и колониального права*.

Уголовный кодекс Транскеи 1886 г., принятый в качестве акта парламента Мыса Доброй Надежды[6], наряду с конституционными изменениями, был направлен на обеспечение общей правовой идентичности жителям Транскеи.

Именно эта кодификация привела к последующему разграничению между общегосударственным уголовным правом Южной Африки и уголовно-правовой системой Транскея. Во время британской аннексии английское уголовное право утвердилось в различных

---

[1] Это согласованная система правовых принципов и концепций, восходящих к «Институциям» Гая и развитых комментаторами римского права, испанскими схоластами и юснатуралистами. См.: *Thomas P.J.* Deconstruction of Myths: Roman-Dutch Law and Pan-European Ius Commune // South African Law Journal. 1999. Vol. 116. P. 784-790.

[2] *Thomas Ph.* The development of the Cape common law during the early nineteenth century: William Porter, James Kent and Joseph Story // Fundamina. 2014. Vol. 20(1). P. 897-905.

[3] "The Annexation of the Transkei" // Beyond the Cape frontier studies in the history of the Transkei and Ciskei / Ed. by *Saunders C.C., Derricourt R.M*. Longman Publishing, 1974. P. 185-187.

[4] *De Wet J.C.* Kodifikasie van die Reg in Suid-Afrika // Tydskrif vir Hedendaagse Romeins–Hollandse Reg. 1961. P. 152-153 (яз. африкаанс).

[5] *Koyana D.S.* Legal Pluralism in South Africa: The Resilience of Transkei's Separate Legal Status in the Field of Criminal Law // Obiter. 2005. Vol. 26(1). P. 14-25.

[6] *Transkei Penal Code,* enacted by the parliament of the Cape of Good Hope as Act 24 of 1886.

формах по всей Африке и странам Востока в виде кодексов, названных в честь стран их применения (*Nigerian Penal Code, Sudanese Penal Code, Indian Penal Code* и др.).

Уголовный кодекс коренных территорий (*Native Territories Penal Code*, или *NTPC*) был разработан с учетом интересов и ценностей *племени банту,* говорящих на языке *xhosa* на своих «туземных территориях», между р. Большой Кей на юго-западе и р. Мтамвуна на северо-востоке. Но со временем этот УК Транскеи стал применяться ко всем лицам, проживающим на *Транскейских территориях*, независимо от языка, расы или цвета кожи. В целом, он сохранял свою силу более ста лет и на него продолжал ссылаться в своих решениях суд Апелляционной палаты ЮАР вплоть до 1988 г.[1]

УК разрабатывался британскими юристами под большим доктринальным влиянием *проекта УК Стифена* 1879 г.[2] Он был принят на основе подготовленных в 1883 г. рекомендаций Капской правительственной комиссии «Туземные законы и обычаи», с учетом местных законов и уголовных обычаев[3]. Согласно отчету Комиссии, опрошенные предварительно традиционные лидеры и их советники, «от имени языческих вождей и туземцев», не выразили никаких возражений против введения уголовного кодекса, но настаивали, чтобы их обычаи и обряды, такие как выкуп за невесту (*lobolo*)[4], обрезание (*circumcision*), посвящение в женщину (*intonjane*) и др., не должны были быть объявлены вне закона. Губернатор Капской провинции сэр Бенджамин Дурбан (*Benjamin D'urban*) заключил ряд договоров с вождями о правовой помощи и применимом праве, в результате чего началась постепенная замена обычного уголовного права на кодифицированное.

Таким образом, Уголовный кодекс был основан на прочной основе консультаций с коренным населением Транскея, с сохранением тех обычаев, которые «являлись частью традиционного творчества и наслаждения жизнью»[5]. И хотя УК Транскеи включал в себя элементы местного обычного права, был в значительной степени *продуктом английской* уголовно-правовой системы, судебных конструкций и обязательных прецедентов (*stare decisis*)[6], иных «правовых трансплантатов» из Британской метрополии[7]. В тот период усилились важные процессы инфильтрации английских прецедентов и конструкций «права

---

[1] *Koyana Digby Sqhelo*. The Influence of The Native Territories Penal Code on South African Criminal Law. University of South Africa, 1988.
[2] См. об этом УК в нашей диссертации – Глава § II.3.3 «Разработка Уголовного кодекса для Англии и Уэльса 1879 г.».
[3] *Kerr*. The Cape Government Commission on Native Laws and Customs (1883) // Transkei Law Journal. 1986. Vol. 18.
[4] *Herbst M., Du Plessis W.* Customary Law v. Common Law Marriages: A Hybrid Approach in South Africa // Electronic Journal of Comparative Law. 2008. Vol. 410. P. 1-15.
[5] *Koyana D.S.* Legal Pluralism in South Africa: The Resilience of Transkei's Separate Legal Status in the Field of Criminal Law // Obiter. 2005. Vol. 26(1). P. 16.
[6] *Erasmus H.J.* Circuit courts in the Cape Colony during the XIX century: Hazards and Achievements // Fundamina. 2013. Vol. 19(2). P. 266-299.
[7] *Trikoz E.N., Gulyaeva E.E.* The Communicative Function of Legal Transplants in Mixed Legal Systems // Kutafin Law Review. 2023. Vol. 10(3). P. 515-543.

справедливости» (*equity*) в уголовное право Капской колонии и Наталя, что ускорило ассимиляцию институтов общего права уголовно-правовой системой Южной Африки[1].

УК был документом, понятно составленным для южноафриканских судей и магистратов, набираемых из числа британских чиновников или же обучаемых местных по английской *юридической бар-системе*. Но так как новый кодекс стал применяться ко всем лицам, независимо от сословия и цвета кожи, то было рекомендовано перевести УК на язык *коса* (*Xhosa*), «чтобы дать возможность тем, на кого распространяются его нормы, знать их содержание»[2].

Ордонансы и хартии правосудия 1830-х гг. утвердили английский язык для делопроизводства в высших и низших судах, ввели английское процессуальное право и английский закон о доказательствах, предусмотрели переобучение голландских адвокатов в английских судебных иннах и университетах, и др.[3] Закон *об общем праве Капской колонии* 1879 г. предписывал, что английское право будет применяться по вопросам охраны жизни и здоровья на море. В 1884 г. был принят Закон о том, что «целесообразно использовать голландский язык наравне с английским в местных судах и в ходе юридических процедур»[4]. Но на разрабатываемый УК Транскеи и последующее его применение римско-голландское право, принятое в Капской колонии, не оказывало заметного влияния.

Закон «Об управлении черным населением» (*Black Administration Act*) 1927 г. официально подтвердил обычное право и, по сути, институционализировал право коренных народов. Ему было предоставлено «полное признание как в судах вождей, так и в судах уполномоченных представителей». Но именно уполномоченный по делам коренных народов, или администратор решал, где и когда может применяться обычное право. Было создана параллельная система судов: суды вождя, суды уполномоченных и апелляционный суд коренных народов[5].

УК 1886 г. по-прежнему отражал влияние обычного уголовного права. Так, статья 17 Кодекса, закреплявшая обычно-правовой состав нападения (*customary assault*), гласила, что магистраты должны, как только вождь наложит штраф после вынесения обвинительного приговора, присудить часть этого штрафа потерпевшему лицу и его семье. Верховный суд ЮАР неоднократно настаивал на том, чтобы судьи правильно выполняли положения статьи 17 УК Транскеи[6].

---

[1] *Рудоквас А. Д., Томас Ф. Дж.* Сосуществование и гармонизация различных правовых традиций Южной Африки // Правоведение. 2023. Т. 67(2). С. 20.

[2] The Cape Government Commissions' report, 1883, sec. 35. Однако, этой рекомендации было суждено сбыться только поле того, как язык коса стал официальным языком после обретения Транскеем независимости в 1976 г.

[3] Charter of Justice, 1832 // Statutes of the Cape of Good Hope 1652–1886. Cape Town, 1887. P. 1-16.

[4] *Van Niekerk G.* Multilingualism in South African courts: the legislative regulation of languages in the Cape during the nineteenth century // Fundamina. 2015. Vol. 21(2). P. 372-391.

[5] *Bennett T.W.* A Sourcebook of African Customary Law for Southern Africa. Cape Town, 1991.

[6] *R v. Sinayile,* 1910 EDL 58; *R v. Zhalenkomo,* 1911 EDL 387; и др.

Когда в 1910 г. Транскея стала частью Южно-Африканского Союза, местные судьи с готовностью приняли УК 1886 г. и стали интерпретировать его как часть общего южноафриканского законодательства. Судьи в Восточно-Капском регионе руководствовались при толковании выдающейся работой Гардинера и Лэнсдауна 1917 г.[1], состоявшей из пяти томов, в приложении к которым был опубликован текст УК Транскея 1886 г. В случае пробелов, которые нельзя было разрешить с помощью общего права или статутного права, судьи и практикующие юристы просто полагались на Кодекс.

По целому ряду уголовно-правовых институтов *влияние УК Транскеи* оставалось весьма значительным. В частности, из его текста были рецепированы в правоприменительную практику доктрина общей цели (*common purpose*) в делах об убийствах (ст. 78 УК Транскеи), провокация (*provocation*) как обстоятельство, позволяющее свести умышленное убийство к менее тяжкому составу (ст. 141 УК Транскеи), принуждение и необходимость (*compulsion* и *necessity*) как исключающие обстоятельства (ст. 29 УК Транскеи), неспособность к совершению преступления в возрасте до 14 лет (ст. 159 УК Транскеи), институт неоконченного преступления и покушение на него (*inchoate crime*), и др.

В 1963 г. Транскея получила статус самоуправляющейся территории с учетом различий в языке, обычаях и традициях, с правом сохранения прежнего УК 1886 г. Спустя несколько лет в 1976 г. была провозглашена независимая Республика Транскей (*iRiphabliki yeTranskei*). Но на сам Кодекс в доктрине весь этот период шли систематические нападки и теоретическая критика. Так, в авторитетном учебнике Де Вета и Свейнпола указывалось на разрушительное воздействие УК Транскеи на уголовное право Южной Африки[2]. Однако, «суды не смогли навсегда освободиться от сильной хватки Транскейского УК»[3].

В связи с вхождением в состав ЮАР потребовались приложить усилия по гармонизации и инкорпорации *нативного права* тарскейцев и их Уголовного кодекса в общефедеральную систему уголовного правосудия[4]. К этому моменту уже произошла успешная гармонизация римско-голландского права и английского общего права (*english common law*)[5], в результате чего возникла *гибридная модель* уголовного права[6]. И до сих пор в судебных решениях и

---

[1] *Gardiner F.G., Lansdown Ch.W.* South African Criminal Law and Procedure. Cape Town, 1917.
[2] *Wet J.C. de, Swanepoel A.R.* Die Suid-Afrikaanse Strafreg. Butterworth, 1960.
[3] *Koyana D.S.* Legal Pluralism in South Africa: The Resilience of Transkei's Separate Legal Status in the Field of Criminal Law // Obiter. 2005. Vol. 26(1). P. 23.
[4] *Thomas P.J.* Harmonising the law in a multilingual environment with different legal systems. Lessons to be drawn from the legal history of South Africa // Fundamina. 2008. Vol. 14(2). P. 133.
[5] *Hahlo H.R., Kahn E.* The South African Legal System and its Background. Cape Town, 1973.
[6] *Cross S.* Civil Law and Common Law in South Africa / Ed. *R. Zimmermann, D. Visser*. Oxford: Clarendon Press, 1996.

практике ЮАР встречаются выдержки и цитаты, конструкции и максимы из римского частного права как действующего источника[1].

В 1983 г. колониальный УК Транскеи (NTPC) 1886 г. был заменён новым ***УК Республики Транскей***, введенным на всей территории Восточной Капской провинции. Кодекс был принят, когда территория, ранее известная как *Республика Транскей*, была номинально «независимой». И даже позднее, после ее присоединения к ЮАР в соответствии с Конституцией ЮАР 1996 г., новый УК Транскеи 1983 г. продолжал действовать вплоть до его отменены парламентом.

В УК Транскеи 1983 г. оставалось достаточно норм обычного уголовного права. Так, например, позволение компенсировать убытки пострадавшему из штрафа, назначенного судом (ст. 17 УК) или же правило об ответственности за кражу «по следам» украденного скота (ст. 200 – 202 УК). Типичным обстоятельством, смягчающим упречность и опасность деяния, признается вера субъекта преступления в то, что потерпевший от его нападения ранее воздействовал на него или его близких с помощью колдовства.

Любое лицо, обвинённое в преступлении между рекой Кей и границей Натала, привлекалось к уголовной ответственности по УК 1983 г. и передавалось суду только в соответствии с его нормами. В остальной части ЮАР большая часть материального уголовного права не была кодифицирована. Поэтому конкретные преступления, например, убийство, нападение и кража, не имея законодательного определения, определяются судебными прецедентами и нормами общего права.

На современном этапе действует Закон «*О традиционных лидерах и лидерах кой-сан*» 2019 г., который регулирует вопросы содержания и применения обычного права (*customary law*) и отдельных норм традиционных общин.

В современный период ЮАР местные суды обязаны обращаться к нормам обычного права в тех случаях, когда они применимы и при условии их соответствия Конституции и законодательству, которое касается обычного права (ч. 3 ст. 211 Конституции ЮАР).

Конституционный Суд ЮАР разработал концепцию сосуществования двух форм обычного права – официального и живого. Официальные нормы обычного права иногда противоречат положениям “живого” обычного права, под которым понимаются правила, которые подстраиваются под меняющиеся условия жизни племен. Но магистраты и суды продолжают придерживаться норм официального обычного права, сталкиваясь порой со сложностями, обусловленными изменениями в традиционном обществе.

В южноафриканской уголовно-правовой литературе юристы разделились на *два лагеря*. Первая группа, среди которых Гардинер и Лэнсдаун (*Gardiner* и *Lansdown*), полагали, что УК

[1] *Циммерманн Р.* «Двойной перекресток»: сравнение шотландского и южноафриканского права // Древнее право. 2005. № 2(16). С. 164-191.

Транскеи помог импортировать английское право в южноафриканское уголовное законодательство, потому что его создатели были британские правоведы, и затем он повлиял на прецедентное уголовное право ЮАР[1]. Влияние его было настолько сильным, что оно ощущалось даже в соседней Родезии (*Southern Rhodesia*, 1924–1953 гг.) и Бечуаналенде (совр. Республика Ботсвана, *Bechuanaland Protectorate*, 1885–1966 гг.).

Другая группа южноафриканских юристов (*De Wet & Swanepoel*, и *P.M.A. Hunt*) выражали сомнения и критику. По их мнению, УК Транскеи не верно и не полно отражал южноафриканское уголовное право по определенным вопросам общей части и видам преступлений, будучи к тому же тесно связан с архаическими верованиями жителей бывшего бантустана, мешая унификации и модернизации уголовного права. Профессор *Кояна* утверждал, что годы использования и более поздние пересмотры законодательства только усилили сходство между Транскейским УК и уголовным правом Южной Африки, поскольку эти две системы взаимно влияли друг на друга.

В 1994 г. Национальный директор государственной прокуратуры г-н Булелани Нгкука обратился к правительству Транскея с тем, что местный УК 1983 г. больше не должен применяться, т.к. Южная Африка стала объединенной страной. Южноафриканское общее право (*South African common law*) по уголовным делам необходимо было применять единообразно на всей территории.

В декабре 2022 г. Министр юстиции и исправительной службы ЮАР внес билль в Национальную Ассамблею об отмене Транскейского УК 1983 г. Он предложил распространить на территории прежней Республики Транскей восстановленное общее право (*Reinstatement of common law*). Спустя год 28 февраля 2023 г. парламент ЮАР на своем пленарном заседании принял Закон об отмене автономного Транскейского УК (*Repeal of the Transkeian Penal Code Bill*)[2].

Как можно видеть не только в правовой политике государства, но и в академическом дискурсе происходило постепенное «культурное присвоение» уголовного права коренных народов (*cultural appropriation*)[3] на фоне активного возрождения «самосознания чернокожих» (*black consciousness*) и их стремления к «африканизации» уголовного права Южной Африки[4].

---

[1] *Koyana D.S.* Influence of the Transkei Penal Code on South African Criminal Law. Lovedale Press, 1992.
[2] Transkeian Penal Code Act (Act No 4 of 2023) вступил в силу 2 апреля 2024 г.
[3] *Rogers R.A.* From Cultural Exchange to Transculturation: A Review and Reconceptualization of Cultural Appropriation // Communication Theory. 2006. Vol. 16(4). P. 474.
[4] *Рудоквас А. Д., Томас Ф. Дж.* Сосуществование и гармонизация различных правовых традиций Южной Африки // Правоведение. 2023. Т. 67(2). С. 115-136.

§ IV.5. Министерская кодификация уголовного права в Океании

Министерская модель уголовно-правовой кодификации была основана на *типовом УК*, подготовленным в свое время *Министерством колоний* Британской империи, путем переработки структуры и основных положений УК Квинсленда и УК Нигерии. Данная модель постепенно вводилась в тихоокеанских, карибских и африканских владениях Британии, ставших позднее членами Содружества Наций (т.н. «*Commonwealth group*»).

Тихоокеанские островные колонии в XVII–XIX вв. были разделены между *колониальным империями* – Великобританией, Францией и Испанией, а также позднее Германией и США[1]. Они представляли собой «*политико-правовой холст*, сотканный из резко контрастирующих нитей, а количество разных правовых оттенков зависело от разнообразия культур коренных народов»[2].

Англичане пришли в этот регион сначала посредством пиратских плаваний и каперских компаний. В 1787 г. первые британские корабли с уголовными каторжниками отплыли к Южному полушарию во главе с губернатором А. Филлипом. Позднее были основаны колонии в Новой Зеландии в 1840 г. и на Фиджи в 1872 г. Большая часть Океании была объявлена составной частью Британской империи[3].

В постколониальный период многие из почти двадцати государств Океании переняли «Вестминстерскую концепцию» («*Westminster concept*») и провели *рецепцию* британского *общего права*[4]. Другой особенностью правовых систем Океании стала *модельная кодификация* отраслей публичного права, главным образом уголовного и уголовно-процессуального права.

Наряду с более распространенной здесь *типовой моделью* уголовно-правовой кодификации, разработанной для заморских колоний в британском *Colonial Office*, используется также *американская модель* квази-кодификации, построенная по примеру гибридных кодексов в виде титулов Свода законов США (*United States Code*).

Таким образом, мы можем выделить *две модели систематизации* уголовного права в отдельных государствах Океании.

I. *Типовая модель УК*, которая была разработана в 1920-е гг. Министерством колоний Великобритании на основе австралийского УК штата Квинсленд 1899 г. и УК Нигерии 1916 г. *Типовой кодекс* стал распространяться в ряде стран Океании (Папуа-Новая Гвинея, Тувалу,

---

[1] Introduction. South Pacific Islands Legal Systems / Ed. by *M.A. Ntumy*. Honolulu: University of Hawaii, 1993. P. XVII.
[2] Pacific Courts and Legal Systems / Ed. by *Guy Powles, Mere Pulea*. Suva, Fiji; Clayton, Vic., 1988. P. 6-7.
[3] *Hirst J.B.* Convict Society and Its Enemies: A History of Early New South Wales. Sydney, 1983; *Hughes R.* The Fatal Shore: A History of the Transportation of Convicts to Australia, 1787–1868. L., 1987; *Neal D.* Free Society, Penal Colony, Slave Society, Prison // Historical Studies. 1987. Vol. 22. P. 497-518.
[4] *Powles G.* Law and Government in the South and Central Pacific // The Law Association for Asia and The Pacific Journal. 1985. P. 110-130.

Вануату, Фиджи и др.), а также на Кипре и в странах Африки (Гамбия, Замбия, Кения, Малави, Танзания, Уганда и др.).

Разработанные на основе этой модели *постколониальные УК* не представляли собой *тотальной кодификации* в пределах уголовной отрасли, а напротив постепенно обрастали серией тематических секторальных законов, которыми криминализировались новые преступления. Спецификой *министерской модели* была кодификация целого ряда норм о составах преступлений из *британского общего права,* а также введение смертной казни за ряд таких деяний (геноцид, госизмена, подстрекательство к нападению, умышленное убийство).

Уголовный кодекс Папуа-Новой Гвинеи *1974 г.* был составлен на основе австралийской модели УК Квинсленд 1889 г., которая была распространена сначала на Папуа в 1902 г., а затем на всю Новую Гвинею в 1921 г.[1]. Сейчас этот кодекс применяется в стране после рекодификации и издания в виде нового УК 1974 г., вступившего в силу с 1 ноября 1975 г., в который были добавлены новые составы и декриминализированы устаревшие преступления[2]. Этот кодекс состоит из 628 статей и построен по типовой модели австралийского кодекса, с условно пандектной схемой изложения.

Кодистический анализ показывает, что в Общую часть новогвинейского УК системно объединяются пять разделов Вводной части (ст. 1-36): раздел 1, состоящий из норм-дефиниций и основных понятий, раздел 2 о соучастии в преступлении и видах соучастников, раздел 3 о правилах применения уголовного закона, раздел 4 о понятии и видах наказания, раздел 5 об основании уголовной ответственности и элементах состава. Также сюда примыкает Часть седьмая (ст. 509-520), состоящая из трех разделов: раздел 1 о покушении и подготовке к совершению преступлений, раздел 2 о преступном сговоре, раздел 3 о соучастниках после факта преступления (*accessories after the fact*)[3].

В Особенную часть УК 1974 г., построенную по *линейно-предметной схеме*, вошли главы из остальных частей кодекса, кроме двух последних Частей 8 и 9, где содержатся положения уголовно-процессуального права и порядок исполнения приговоров. Перечислим пять частей УК с подгруппами преступлений, обособленных по родо-видовому предмету посягательства: Часть II «Преступления против общественного порядка»; Часть III «Преступления против осуществления закона и правосудия и против публичной власти»; Часть IV «Действия, причиняющие вред населению в целом»; Часть V «Преступления против личности и связанные

[1] Fashion of Law in New Guinea: Being an Account of the Past, Present and Developing System of Laws in Papua and New Guinea / Ed. *B.J. Brown.* Sydney, 1969.
[2] Papua New Guinea. The Criminal Code Act, 1974 // URL: https://www.rpngc.gov.pg/publications/legislation/#text=The%20Criminal%20Code%20Act%201974.fundamental%20principles%20of%20criminal%20liability
[3] *Chalmers D.R.S.* Introduction to the Law in Papua New Guinea. Sydney, 1984.

с браком, правами и обязанностями родителей, против личной репутации»; Часть VI «Преступления, связанные с собственностью и контрактами».

Уголовный кодекс Тувалу *1965 г.* был принят[1], когда эта страна была еще в статусе британской колонии из двух островов Гилберта и Эллиса (1892–1976)[2]. Кодекс был составлен таким образом, чтобы обеспечить всестороннее и полное уголовно-правовое регулирование, хотя он и дополнялся преступлениями из других законодательных актов (Закон об опасных наркотиках 1948 г., Закон об алкогольных напитках 1985 г., Закон об оружии и боеприпасах 1964 г., Закон о борьбе с терроризмом и транснациональной преступностью 2009 г. и др.).

Часть XV УК 1965 г. закрепляет ответственность за преступления, связанные с религией, в том числе оскорбление религии какого-либо сословия или группы населения (ст. 123); нарушение порядка на религиозных собраниях (ст. 124); вторжение в места захоронения (ст. 125); воспрепятствование погребению тела умершего и др. (ст. 126); а также написание или произнесение слов с намерением оскорбить религиозные чувства (ст. 127). Кроме того, колдовство является преступлением в соответствии со ст. 183 УК Тувалу[3].

Уголовный кодекс Вануату *1981 г.* в этой меланезийской республике, расположенная на 83 островах (ранее до 1980 г. – название Новые Гебриды), был принят сначала в 1973 г., а затем заменен на новый в порядке рекодификации после обретения независимости от совместной администрации Великобритании и Франции (с 1906 г. – *Anglo-French condominium*). Этот УК был распространен на всех бывших жителей Британской Франции и Новых Гебридских островов. Параллельно в Вануату были кодифицированы другие отрасли законодательства, в частности, были созданы ГПК и УПК в том же 1981 г.[4]

Местные правовые обычаи и традиции являются один из наиболее важных аспектов жизни местных племен и общин нивануату (*NiVanuatu*). Так, ст. 5 *Конституции Вануату* предусматривает фундаментальное право граждан на защиту в соответствии с национальным правом, и никто не может быть осужден за преступление, которое было не известно по местным обычаям или писаному праву. В ст. 95 подтверждается, что обычное право продолжает действовать как часть правовой системы Вануату.

Весь этот период до провозглашения независимости Вануату действовал «*Нативный Уголовный кодекс*» (англ. '*Native Criminal Code*')[5], в котором устанавливалась ответственность за преступления, совершенные членами коренных народов против других коренных жителей.

---

[1] The Penal Code of Tuvalu [18th October 1965]. Revised Edition 2008 // Pacific Islands Legal Information Institute (PacLII). URL: http://www.paclii.org/tv/legis/consol_act/pc66/

[2] *McIntyre W.D.* The Partition of the Gilbert and Ellice Islands // Island Studies Journal. 2012. Vol. 7(1). P. 135-146.

[3] *Lundsgaarde H.P.* Some Transformations in Gilbertese Law, 1892 – 1966 // The Journal of Pacific History. 1968. Vol. 3. P. 117-130.

[4] *Paterson D.E.* Vanuatu Penal Code // QUT Law Review. 1986. Vol. 2(2). P. 119-127.

[5] Republic of Vanuatu the Penal Code act No. 17 of 1981.

Эти правонарушения входили в юрисдикцию «местных судов» (‘*native courts*’). *Закон об островных судах* 1983 г. наделил их юрисдикцией по незначительным уголовным делам в соответствии с *местными обычаями*, «если это не противоречит какому-либо писаному закону или правилам справедливости, морали и благому порядку». Но в случае коллизии французских и британских законов в Вануату, суды должны «найти решение в соответствии с правилами справедливости», как было отмечено в деле *Банга против Вайво* 1996 г.

С момента рекодификации был внесен целый ряд дополнений в *УК Вануату*. Так, поправка 1982 г. ввела новый состав преступления в виде супружеской измены. В 2003 г. было внесено сразу несколько изменений в те статьи Особенной части УК, которые посвящены терроризму и сексуальным преступлениям, в частности, изнасилованию и проституции. Поправкой 2006 г. были введены новые разделы, касающиеся обычно-правового примирения, местных судов и вынесения приговоров по традиционным преступлениям. Правонарушитель мог совершить формальное *примирение* (англ. *reconciliation*) с жертвой, т.е. провести восстановление гармонии и мира между членами местной общины, пострадавшими от его проступка. По традиции такое восстановление должно было пройти сразу после совершения правонарушения (*custom reconciliation ceremonies*) и по распоряжению вождя требовало от жертвы произнести слова раскаяния и сожаления, а также использования в обряде ценных вещей (например, циновки, свиней, еду, каву, деньги и т.п.).

В действующей редакции *УК Вануату* (с поправками 2013 г.)[1], как и во многих других уголовных кодексах южной части Тихого океана, выделено две основные части по условно *пандектной схеме*, которые объединяют 17 глав и 151 статью. В первой из них закреплены институты *Общей части* (58 статей) и семь тематических глав: 1) применение уголовного законодательства, 2) принципы уголовного права, 3) принципы уголовного судопроизводства, 4) уголовная ответственность, 5) смягчение ответственности, 6) покушение и сговор, 7) соучастие в уголовных преступлениях. Здесь подробно рассматриваются общие принципы уголовной ответственности, занимая более трети положений кодекса, т.е. в гораздо большей степени, чем в УК соседних Фиджи и Соломоновых Островов, где этому вопросу посвящено не более одной восьмой объема УК.

Так, в ст. 1–5 УК Вануату были закреплены правила применения уголовного законодательства Республики не только за действия на суше, в территориальном море и воздушном пространстве, но также на морских и воздушных судах. В ст. 6–11 УК содержались положения о формах вины (*criminal intent* и *recklessness*), согласие как средство защиты, освобождение от бремени доказывания, незнание закона, и др. Основания защиты, или

[1] The Penal Code is contained in the Laws of the Republic of Vanuatu. Consolidated Edition, 2006. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7745.

исключающие обстоятельства, были систематизированы в Части I УК: согласие (ст. 7), фактическая ошибка (ст. 12), малолетство (ст. 17), безумие (ст. 20), опьянение (ст. 21), приказ начальника (ст. 22), самооборона (ст. 23). Далее был расположен блок статей о таких смягчающих обстоятельствах, как принуждение (*compulsion* и *coercion*), провокация и др. Институты неоконченного преступления и соучастия были сосредоточены в ст. 28-31 УК Вануату. Институт наказания и порядок определения его вида и меры был закреплен в 22 следующих статьях.

II. *Американская модель* квази-кодификации представляет собой систематизацию законодательных и прецедентных норм, с последующим распределением их по тематическим разделов в рамках отрасли или крупного института права[1].

Так, в «Кодексе законов США» (*Code of Laws of the United States of America; U.S. Code*) нормы одного и того же статута могут быть распределены по разным титулам Свода, которые в свою очередь делятся на части (*parts*) и главы (*chapters*). Согласно § 112 и 204 Титула 1 Кодекса США, входящие в него титулы представляют собой именно «кодификацию права»[2]. В частности, Титул 18 «Преступления и уголовный процесс» включает пять частей[3], в том числе Часть I «Преступления», содержащую 123 главы и 2721 параграф. Эта часть титула признается федеральным УК (*Penal Code,* или *Crimes Code*).

Описанная американская модель квази-кодификации была заимствована в ряде стран Океании, находившихся под политическим влиянием США. Одним из таких стали ***Федеральные Штаты Микронезии.***

В ***Свод законов ФШМ*** 1982 г. (*Code of the Federated States of Micronesia*; или *FSM Code*)[4] были инкорпорированы федеральные уголовно-правовые статуты и прецеденты. Их нормы были кодифицированы по американской модели в Титуле 11 «*Crimes*», который в § 101 назван как «Пересмотренный закон об Уголовном кодексе» (*Revised Criminal Code Act*)[5].

При этом каждый микронезийский штат применяет обновленную версию прежнего УК Подопечной территории Тихоокеанских островов, введенного ранее американской администрацией. А один из местных штатов Яп распространил на свою территорию *Модельный УК* США[6].

---

[1] *Боботов С.В.* Кодификация и систематизация законодательства в США // США: Экономика, политика, идеология. 1973. №10. С. 115-121.

[2] United States Code, 2023. Office of the Law Revision Counsel. URL: http://uscode.house.gov.

[3] Part I. Crimes (chapters 1 to 123; § 2721); Part II. Criminal Procedure (chapters 201 to 237; § 3772); Part III. Prisons and Prisoners (chapters 301 to 319; § 4353); Part IV. Correction of Youthful Offenders (chapters 401 to 403, § 5043); Part V. Immunity of Witnesses (chapter 601, § 6003).

[4] Pub. Laws. 1982. No. 2-48; Pub. Laws. 1997. No. 10-25. URL: http://www.fsmlaw.org/ fsm/code/index.htm.

[5] http://www.fsmlaw.org/fsm/code/title11/T11_Ch01.htm

[6] *Yamase D.K.* The Law of the Federated States of Micronesia on the Internet: How to Sustain it? // University of Technology Sydney Law Review. 2004. Vol. 6. P. 90-95.

Национальный УК ФШМ (Титул 11 «*Crimes*») содержит 12 глав, первые три из которых составляют Общую часть. Так, Глава 1 «*General Provisions*» (§ 101–109) содержит положения о действии закона во времени, пространстве и по кругу лиц, определения и дефиниции понятий, исключающие обстоятельства для защиты, и др. Глава 2 *«Inchoate Crimes*» (§ 201–204) посвящена неоконченным преступлениям. Глава 3 «*General Principles of Responsibility*» (§ 301–306) описывает принципы уголовной ответственности, условия деликтоспособности, физическое и психическое заболевание, интоксикацию, и др.

Следующие восемь глав составляли Особенную часть национального УК. Так, Глава 4 «*Преступления против национальной безопасности*» (§ 401–404) содержала составы госизмены, вооруженного восстания, раскрытия секретной информации, и др. Глава 5 «*Преступления против государственного управления*» (§ 501–530) состояла из четырех подразделов: I. «*Воспрепятствование деятельности правительства*»; II. «Кодекс поведения государственных служащих»; III. «Коррупция в государственных органах»; IV. «Лжесвидетельство и связанные с ним преступления, выраженные в фальсификации». Объединенная Глава 6 «*Преступления против имущества и против личности*» (§ 601–610) включает определения терминов («чужое имущество», «получение», «получение краденого имущества», различные дефиниции способов воровства), основной состав воровства (*theft*), виды хищения и убийств (*manslaughter, murder*); нападение (*aggravated assault*) и похищение *(kidnapping).* Остальные главы УК ФШМ содержали описание таких групп преступлений, как нарушение прав граждан» (§ 701–702), отмывание денег и доходы от преступной деятельности (§ 901–979), незаконное хранение или использование оружия (§ 1001–1031), злоупотребление запрещенными к обороту веществами (§ 1111–1149).

Последняя Глава 12 «*Вынесение приговора*» (§ 1201–1204) устанавливает правила назначения штрафа, смягчения наказания, условного осуждения и др. При этом как указано в § 1203 «Обычай в контексте вынесения приговора», в процессе составления приговора, подлежащего вынесению, суд должен применять п. (6) § 1202 и «надлежащим образом применять общепризнанные обычаи (*customs*), преобладающие в Микронезии».

В Титул 11 «*Crimes*» был включен параграф об обычаях в уголовном праве: «(1) Общепринятые обычаи, господствующие в Федеративных Штатах Микронезии в отношении преступлений и уголовной ответственности, признаются и рассматриваются национальными судами. В тех случаях, когда оба обычая противоречат друг другу, суд определяет вес, который должен быть придан каждому из них. (2) Если законом не установлено иное, применимость и действие обычного права в уголовном деле, возникающем на основании настоящего закона, определяются судом юрисдикции по такому уголовному делу. (3) Сторона, заявляющая о

применимости обычного права, несет бремя доказывания существования, уместности, применимости и сложившейся практики такого обычного права» (§ 108 "*Customary law*").

Этот аспект юридического плюрализма сближает обе рассмотренные нами *модели уголовно-правовой кодификации* в странах Океании – как типовую министерскую, так и американскую, для которых характерно включение *бланкетных* норм с отсылкой на обычное уголовное право[1]. Так, согласно *Закону о признании местных обычаев* Папуа-Новой Гвинеи 1963 г., обычное право может использоваться в государственных судах при разбирательстве уголовных дел: во-первых, с целью установления преступного умысла (намерения) или «разумно-необходимого» действия обвиняемого; во-вторых, для освобождения от наказания или смягчения санкции за совершенное преступление, если обвиняемый докажет, что он действовал так, как должен был бы поступить согласно нормам обычного права.

Если в *Папуа-Новой Гвинее* нормативные положения ограничивают применение обычного права в уголовных делах определенными целями, то в *Тувалу* статуты предоставляют обычаям более широкую сферу применения. В *Микронезии* правительство «стремится не отменять *правовые обычаи*, а работать в сотрудничестве с традиционной системой в атмосфере взаимного уважения»[2]. Как подчеркивается в судебной практике, необходимо тщательно рассматривать вопрос об учете обычной практики или традиции, и требовать «детального исследования характера и последствий конкретной рассматриваемой практики, предпринимая усилия по согласованию обычая и традиции с конституционными требованиями», применяя индивидуальный подход к силе обычая в конкретном контексте дела[3].

В *Кирибати* после обретения независимости в 1979 г. *обычное право* было подтверждено в целях разрешения уголовных дел в магистратских судах. Но действовало ограничивающее условие, что *применяемый обычай* не должен противоречить интересам уголовного правосудия, принципам равенства и добросовестности либо специальному закону, действовавшему в тот период в стране (ст. 42 и 58 Постановления о магистратских судах 1978 г.). Затем после принятия *Акта о законах Кирибати* 1989 г., обычное право стало применяться наряду с УК во всех судах страны, за исключением случаев, когда его применение противоречит Конституции 1979 г., парламентскому или делегированному законодательству Кирибати[4].

Ряд тихоокеанских стран ввели институт *заседателей* в уголовном судопроизводстве, знакомых с *обычным правом*, которые вместе судьей помогают находить, устанавливать

---

[1] *Трикоз Е.Н.* Обычное уголовное право аборигенов Австралии (теоретические проблемы исследования) // Право и политика. 2000. №4. С. 115-119.
[2] *In re Iriarte* (II), 1 FSM Intrm. 255, 271 (Pon. 1982).
[3] *Tammed v. FSM*, 4 FSM Intrm. 266, 279 (App. 1990).
[4] *Tsamenyi M.* Chapter 3: Kiribati // South Pacific Islands Legal Systems / Ed. by *M.A. Ntumy*. Honolulu, 1993. P. 75-99.

содержание и применять нормы *обычного права* в уголовных делах[1]. В Самоа значительная часть уголовных дел рассматривается на местном уровне *деревенскими советами* из сельских старост (институт *фоно-о-матай*). Они разбирают дела на основе *традиционного права*, руководствуются «Законом о деревенских фоно» (*Village Fono Law*) 1990 г.[2] Каждый из этих судов действует в соответствии с обычаями и обычной практикой (*customs and usage*) данной деревни, в частности, по вопросам общественного здоровья и санитарных мер, освоения и использования деревенских земель в хозяйственных целях, сельского благоустройства и др.

Таким образом, отличительной особенностью *министерской модели УК* для заморских территорий Океании было включение бланкетных норм с отсылкой к обычному праву. Уголовно-правовая реформа была политически направлена на кодификацию норм британского и местного права, с целью легитимацию имперской модели управления в контексте *политики неоколониализма*. Несмотря на получение независимости странами Океании и признание их суверенитета мировым сообществом, влияние на их уголовно-правовой уклад и кодификаторскую традицию со стороны бывшей метрополии и более мощных держав-соседей в значительной мере сохраняется.

§ IV.6. Кодистика международного уголовного права в Содружестве Наций

§ IV.6.1. Модельный закон об имплементации норм МУП

В данном параграфе *функциональная кодистика* международного уголовного права в странах Содружества Наций рассматривается на примере *модельного законодательства* в виде законопроекта по имплементации Римского статута Международного уголовного суда 1998 г., и дополняющих его норм о международных преступлениях, инкорпорируемых по этой модели в национальные УК стран Содружества.

Римский статут МУС от 17 июля 1998 г.[3] представляет собой кодифицированный международно-правовой документ, криминализирующий тяжкие международные преступления против жизненно важных интересов сообщества народов, международного мира и безопасности человечества[4].

---

[1] *McCormick M.* Chapter 16: American Samoa // South Pacific Islands Legal Systems / Ed. by *M.A. Ntumy*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1993. P. 433-461.

[2] *Karatnycky A.* Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights & Civil Liberties, 1996–1997. Transaction Publishers, 1998. P. 528.

[3] Текст Римского статута МУС распространен в качестве документа ООН A/CONF.183/9. Вступил в силу 01 июля 2002 г. Ратифицирован 124 государствами, подписан 137 государствами.

[4] См. подробнее: *Трикоз Е.Н.* Систематизация международного уголовного права: история и практика. Монография. М.: Изд-во РУДН, 2019. 165 с.

Содружество Наций объявляет себя решительным сторонником международного правосудия и борьбы с безнаказанностью, и национальной кодификации норм международного уголовного и гуманитарного права (*далее* – МУП и МГП)[1]. Секретариат Содружества проделал в этом направлении большую работу по продвижению лучших положений Римского статута МУС 1998 г. в государствах-членах, 35 из которых являются государствами-участниками Статута, и оказывает поддержку на основе *комплементарности* и *взаимодополняемости* юрисдикций по делам о международных преступлениях[2]. Последним из присоединившихся стран-членов Содружества к Римскому статуту стало микронезийское государство Кирибати в ноябре 2019 г.

Секретариат Содружества оказывает техническую помощь правительствам стран-членов, предоставляя межгосударственную площадку для обмена передовой практикой через очные стажировки и конференции, виртуальные библиотеки и онлайн-сеть "*Commonwealth Connects*"[3].

На протяжении четверти века Секретариат разрабатывал и предлагал странам *модельное законодательство*, обобщая правовой опыт имплементации норм МУП и МГП в странах разных правовых традиций. В рамках специальных программ Секретариат помог странам-членам разработать наборы своих национальных правовых инструментов, на основе *модельных законов* (*model laws*) и руководящих *принципах инкорпорации* Римского статута МУС и других источников МУП.

В практике Содружества под *модельным законом* (*Model Law*) понимается результат совместных усилий государств-членов по разработке правовых рамок и руководящих принципов, способствующих последовательности и передовой практике в соответствующих сферах права. *Модельный закон* представляет собой полезный практический шаблон-образец со всеми рекомендациями, на основе которых он может быть адаптирован к локальному правовому и культурному контексту каждого государства-члена. Эти модельные законы-рамки способствуют унификации уголовно-правовых систем, сотрудничеству и облегчению межгосударственных контактов внутри Содружества[4].

В 2004 г. был подготовлен *Модельный закон Содружества по имплементации Римского статута* (*Commonwealth Model Law to Implement the Rome Statute*), призванный помочь

---

[1] См.: *Трикоз Е.Н.* Преступления против мира и безопасности человечества: Сравнительный и международно-правовой аспекты. Монография. М.: Юрлитинформ, 2006. 512 с.

[2] International Humanitarian Law and International Criminal Justice: An Introductory Handbook. Commonwealth Secretariat, 2014; *Грицаев С.А.* Концепция дополнительной юрисдикции Международного уголовного суда по отношению к национальным системам уголовной юстиции // Государство и право. 2007. № 11. С. 64-70.

[3] Commonwealth Secretariat. Promotion and implementation of international humanitarian law: a Commonwealth perspective // Commonwealth Law Bulletin, 2017. 43:3-4. P. 504-520.

[4] Commonwealth Model Laws. August 29, 2023. UOLLB First Class Law Notes. URL: https://uollb.com/blog/law/commonwealth-model-laws?gi=9036bb508db2e5c596013df034346246a278dc0f.

государствам-членам в правореализации его положений и рекодификации тех глав национальных Уголовных кодексов или Законов о преступлениях (*Crimes Act*), которые посвящены международным преступлениям.

Model Law 2004 г. использовался национальными парламентами двумя способами: 1) в качестве модельной текстовой основы законодательства, подлежащей изменению и адаптации к определенной правовой системе страны-члена Содружества; и 2) в качестве законопроектного руководства для использования наряду с другими документарными ресурсами в странах-членах Содружества.

В октябре 2010 г. на заседании министров юстиции стран Содружества была одобрена рекомендация Секретариата о созыве Экспертной группы для пересмотра и изменения *Модельного закона* в соответствии с новеллами и поправками в Римский статут по итогам Кампальской обзорной конференции 2010 г.[1] В ходе пересмотра был подготовлен доклад Экспертной группы по имплементации законодательства во исполнение Римского статута, чьи разделы в виде перекрестных ссылок были включены в *Модельный закон*, обеспечивая тем самым «дополнительный контекст, разумное толкование и разъяснение модельных правоположений»[2].

На встрече в Мальборо-Хаус (штаб-квартира в Лондоне) эксперты Секретариата Ассамблеи государств-участников Статута и представители Канады, Новой Зеландии, Кении, Маврикия, Уганды, Тринидада и Тобаго, а также юристы Оксфордского колледжа Св. Петра и Королевского института международных отношений (*Chatham House*), члены МККК, и др. Как отметил на встрече директор по правовым вопросам Содружества *Акбар Хан*, «без эффективного внутреннего законодательства государства-члены, подписавшие Римский статут МУС, не смогут в полной мере сотрудничать с МУС или выполнить свою основную юридическую ответственность по проведению эффективных национальных расследований и судебного преследования этих серьезных преступлений»[3].

Во время обсуждения большинство членов Группы сочли, что было бы преждевременным включать положения о *преступлении агрессии* в *Модельный закон* Содружества, и отложили этот политизированный вопрос до 2017 года. Но в то же время было внесено важное изменение об иммунитете главы государства, под влиянием прецедента МУС по делу Аль Башира и Муамара Каддафи. Из ст. 25 *Модельного закона* было исключено применение иммунитета по

---

[1] *Трикоз Е.Н.* Кампальская конференция по международному уголовному правосудию // Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. № 1. С. 20-24; *Богуш Г.И., Трикоз Е.Н.* Первая Обзорная конференция по Римскому статуту Международного уголовного суда // Международное право. 2010. Т.44. № 4. С. 18-27.

[2] The Report of the Commonwealth Expert Group on Implementing Legislation for the Rome Statute of the International Criminal Court, 2011.

[3] Commonwealth revises Model Law on implementing the Rome Statute to promote the ending of impunity for perpetrators of worst crimes known to humanity. URL: https://thecommonwealth.org/ news/commonwealth-revises-model-law-implementing-rome-statute-promote-ending-impunity-perpetrators

делам МУС, которые переданы Советом Безопасности ООН или государством, которое, хотя и не является участником Статута, но признало юрисдикцию МУС.

Министры юстиции стран Содружества в 2011 г. утвердили пересмотренный *Модельный закон* для распространения его текста среди стран-членов, которые на его основе будут разрабатывать национальные законы по имплементации норм Римского статута о борьбе с международными преступлениями. Также Содружество утвердило *Меморандум* о взаимопонимании с Международным уголовным судом, который направлен на укрепление сотрудничества между двумя организациями, в частности, по вопросам поддержки имплементации и внутреннего применения норм международного уголовного права[1].

С кодистической точки зрения обновленный *Модельный закон* Содружества 2011 г. «Об имплементации Римского статута Международного уголовного суда» состоял из преамбулы, десять частей и почти ста статей, а также приложений[2].

В Преамбуле устанавливаются направления деятельности по сотрудничеству и коммуникации, а именно что «национальные уголовные юрисдикции несут ответственность за судебное преследование, передачу (*surrender*) МУС или экстрадицию лиц, несущих уголовную ответственность за совершение преступлений, находящихся под юрисдикцией МУС».

В Части I «Предварительные положения» (ст. 1–4) содержится описание целей *Модельного закона*, толкование терминов, перекрестные ссылки на статьи Римского статута МУС. В Части II «Международные преступления и правонарушения против отправления правосудия» (ст. 5–14) были инкорпорированы три категории наиболее тяжких международных преступлений – преступление геноцида, преступления против человечности и военные преступления[3], а также закреплены темпоральная и универсальная юрисдикция, неприменимость срока давности, формы вины – преступное знание и умысел, командная ответственность, исключающие обстоятельства (основания защиты), принцип *ne bis in idem*.[4] С юридико-технической точки зрения криминализация преступлений против человечности, как и других категорий международных деяний, в *Модельном законе* напрямую коррелирует с

---

[1] Memorandum of Understanding between the International Criminal Court and the Commonwealth on Cooperation, ICC-PRES/10-04-11. 13.07.2011.

[2] Model Law to Implement the Rome Statute of the International Criminal Court. Printed and published by the Commonwealth Secretariat. 2017.

[3] *Трикоз Е.Н.* Отдельные аспекты имплементации ст. 8 «Военные преступления» Римского статута МУС в Уголовном кодексе РФ // Уголовное преследование за военные преступления в Международном уголовном суде: правовые и процессуальные аспекты имплементации Римского статута / Под общ. ред. *И.Ю. Белого*. М.: Военный университет, 2007. С. 40-47.

[4] *Трикоз Е.Н.* Темпоральные координационные нормы в международном уголовном праве // Уголовное право: Стратегия развития в XXI веке: материалы Международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.И. Рарог. М., 2011. С. 555-559.

соответствующими статьями 6 – 8 Римского статута МУС и сопровождается отсылками к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г.[1]

Отдельным блоком закреплены нормы о преступлениях против отправления правосудия, включая коррупционные преступления (*corruption* и *bribery*) судей и должностных лиц МУС, лжесвидетельство и фальсификация доказательств перед судом в МУС, преступный сговор с целью воспрепятствовать правосудию в МУС, вмешательство в дачу показаний свидетелями, экстратерриториальная юрисдикция по этим делам (ст. 15 (A)-(G) – 17)[2]. Выделен подраздел без номера с подзаголовком «*General*», объединивший такие институты Общей части, как преступный сговор (*conspiracy*), соучастие и покушение на преступление (ст. 17 (A)-(B) –18), и др.

В Части III *Модельного закона* «Общие положения, касающиеся запросов об оказании содействии» (ст. 20–27) описываются виды запросов об оказании помощи суду, требования к оформлению запросов, исполнение просьб, государственный и дипломатический иммунитеты, и др.

В Части IV «Арест и передача лица в МУС» (ст. 28–47) описана процедура подачи запроса об аресте лица, подозреваемого в совершении преступления в юрисдикции МУС, отсрочка исполнения ходатайства об аресте и передаче (*surrender*), конкурирующие запросы, официальная должность не является препятствием для ареста и передачи, временный арест в неотложных случаях, права арестованного, слушания о передаче лица в МУС, запрос на транзит лица в Суд, и др.[3]

В Части V «Запросы на другие виды оказания содействия» (ст. 48–71) инкорпорированы положения об оказании помощи в обнаружении и идентификации людей или предметов, в сборе и получении доказательств, запросы на допрос подозреваемого МУС, помощь в организации вручения документов (например, повестки о явке в качестве свидетеля), о трансфере заключенного, о досмотре и исследовании мест или объектов, запрос о помощи в связи с обыском и изъятием предметов, о наложении ареста на имущество, и др.

В Части VI «Исполнение приговоров и постановлений МУС в определенной стране» (ст. 72–89) систематизированы нормы об исполнении приказа о переводе заключенного в другое государство для отбывания наказания, наложении штрафов, конфискации и других наказаний,

---

[1] *Трикоз Е.Н.* Преступления против человечности в международном уголовном праве // Московский журнал международного права. 2006. №2. С. 176-199.

[2] *Трикоз Е.Н.* Преступления против отправления правосудия в международном уголовном праве // Международное уголовное правосудие: Современные проблемы / Под ред. *Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз*. М., 2009. С. 227-237.

[3] *Трикоз Е.Н.* Принцип *ratione pesonae* в деятельности МУС: прогрессивное развитие и исключения из правил // Актуальные проблемы современного международного права: Сб. мат-лов Научной конференции памяти *И.П. Блищенко*. М., 2011.

запретительных судебных приказов МУС, а также постановлений о возмещении ущерба жертвам преступления[1].

В Части VII «Национальная безопасность» (ст. 90) зафиксирована ситуация коллизии запроса МУС о подготовке документов, сборе доказательств, раскрытии информации или дачи показаний с тем, что министр страны считает основанием угрозы национальной безопасности страны.

В Части VIII «Заседания МУС в определенной стране» (ст. 91–97) описаны ситуации, когда прокурор Суда может проводить расследования в принимающей стране Содружества с разрешения национальных органов власти.

В Части IX «Правовой статус МУС, а также привилегии и иммунитеты должностных лиц МУС» (ст. 98) подтверждено право Суда заключать договоры, приобретать недвижимость и иное имущество, возбуждать судебные разбирательства от имени принимающей страны, а также привилегии и иммунитеты по ст. 48 Римского статута и на основе Соглашения о привилегиях и иммунитетах МУС.

В Части X «Различное» (ст. 99) содержится описание процедуры издания постановлений министра с целью введения в действие принципов и положений настоящего Модельного закона.

В целом, в 2014 г. Группа экспертов рекомендовала всем странам Содружества принятие *Модельного закона об имплементации Римского статута* и обрисовала довольно позитивный образ самого Международного уголовного суда. Дополнительными аргументами в пользу имплементации наиболее важных положений уставного документа Суда и продвижения на пути к его ратификации были следующие: суверенная защита информации, затрагивающей национальную безопасность, которая может быть затребована МУСом; широкое признание национальных юридических процедур как предпосылка сотрудничества с МУСом; должное внимание к процессу обеспечения защиты обвиняемых и подозреваемых в МУСе; жесткие квалификационные требования к судьям и признание гендерного равенства в практике МУСа; согласованные определения составов военных преступлений и преступлений против человечности, и включение в Статут субъективных и объективных элементов преступления; управление МУСом через Ассамблею государств-участников Римского статута; разумные процедуры принятия поправок к Римскому статуту; большое число ратификаций Римского статута и политика поддержки со стороны межгосударственных объединений; право “уклониться” от юрисдикции по военным преступлений в течение семи лет после ратификации

[1] *Трикоз Е.Н.* Особенности защиты жертв преступлений в национальном законодательстве и международном уголовном праве // Международное уголовное правосудие: Современные проблемы / Под ред. *Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз*. М., 2009. С. 373-385.

Статута (ст. 124 Римского статута)[1]. Кроме того, МУС может применять «*национальные законы* государств, которые при обычных условиях осуществляли бы юрисдикцию в отношении данного преступления» (ст. 21(1)(c) Римского статута).

§ IV.6.2. Национальные модели кодификация МУП в Содружестве Наций

Национальное уголовное право государств-членов Содружества в части преступлений против мира и человечества характеризуется достаточной степенью системности, детализированности составов и разветвлённости *моделей инкорпорации с элементами кодификации*. Дело в том, что нормы об ответственности за подсудные МУС международные преступления (ст. 5–8 Римского статута) не обладают *самоисполнимой силой* и имеют сравнительно малую возможность прямого применения. Поэтому требуется предварительная особая национально-правовая процедура по криминализации и пенализации тяжких международных преступлений в национальных УК.

В условиях развернувшейся в Содружестве *ратификационной кампании* по присоединению к Римскому статуту *38* государств-членов стали участниками Статута. *Кодификация норм МУП* в национальном законодательстве членов Содружества имеет определенные *сходные черты*, обусловленные правовыми традициями нормотворчества и систематизации, внутренней и внешней политической обстановкой, возможностями уголовной политики каждой из стран.

Нератифицировавшие Римский статут страны Содружества, которых всего *18*, усматривают в МУС *угрозу* национальным интересам и государственному суверенитету, а также *противоречие* с общим международным правом и конституционным законодательством[2]. В числе *конституционно-правовых проблем* следует выделить такие, как передача государством под юрисдикции МУС своих граждан по его запросу; конституционно закрепленный иммунитет некоторых категорий лиц; возможность назначения МУС наказания в виде пожизненного лишения свободы; использование прерогативы помилования; амнистия, объявленная в соответствии с внутригосударственным правом или существованием

---

[1] Непризнание государством юрисдикции МУС в отношении преступлений по ст. 8 Статута в случае их совершения его гражданами или на его территории связано, в частности, с тем, что национальному военному контингенту необходимо достаточное время для ознакомления с требованиями Римского статута в отношении военных преступлений, которые порой отличаются от существующих широко известных обязательств в сфере МГП (международного права вооруженных конфликтов).

[2] Государства-члены Содружества, не ратифицировавшие Римский статут (18): Индия, Пакистан, Шри-Ланка, Сингапур, Папуа-Новая Гвинея, Камерун, Гренада, Ямайка, Багамские Острова, Кирибати, Мальдивы, Мозамбик, Соломоновы Острова, Свазиленд, Тонга, Тувалу, Вануату, Виргинские острова. См.: https://www.aba-icc.org/about-the-icc/states-parties-to-the-icc/

национального закона, предусматривающего применимость срока давности; исполнение просьб Прокурора МУС; судопроизводство с участием суда присяжных заседателей; и др.

В большинстве стран Содружества преступления по обычному международному праву (*crimes at customary international law*) не являются *ipso facto* достаточным основаниям для привлечения к ответственности во внутренней юрисдикции страны, если только не принято законодательство, инкорпорирующее соответствующее преступление во внутреннее право.

Таким образом, по вопросам кодификации норм МУП в семье общего права сложилась *дуалистическая позиция*, когда международное соглашение не обладает непосредственным действием внутри страны и применяется местными судами, лишь если его положения инкорпорированы в национальное законодательство. Это впервые озвучил канадский судья Дж. Кейт, цитируя лорда Эйткена в деле *Генеральный прокурор Канады против Генерального прокурора Онтарио* 1894 г.: «Хотя заключение договора является исполнительным актом (*Executive act*), выполнение его обязательств, если они влекут за собой изменение существующего внутреннего законодательства, требует законодательных действий (*legislative action*). Положения договора, должным образом ратифицированного исполнительной властью, в силу самого договора не имеют силы закона»[1]. Аналогичную позицию озвучил новозеландский Апелляционный суд в деле *Ассоциация пилотов авиалиний Новой Зеландии против Генерального прокурора Новой Зеландии* 2017 г. о том, что страна придерживается дуалистического подхода к международным договорам[2].

Исходя из этой дуалистической позиции, суды стран Содружества не обладают юрисдикцией в отношении преступлений, предусмотренных Римским статутом, но отсутствующих в имплементирующем законодательстве. В соответствии с другими внутренними актами или международными правовыми нормами *серьезные нарушения* четырех Женевских конвенций о защите жертв войны 1949 г. были криминализированы путем принятия *внутренних однотипных законов* об имплементации. Приведем в пример Приказ в Совете «*Geneva Conventions Act (Colonial Territories)*» от 28 июля 1959 г., который распространил положения британского Закона о Женевских конвенциях 1957 г. на колониальные территории, перечисленные в приложении к Приказу[3].

Сегодня все 56 государств-членов Содружества являются участниками четырех Конвенций 1949 г. и большинство из них ратифицировали Дополнительные протоколы к ним 1977 г., приняв свои национальные *Законы о Женевских конвенциях*, которые неизменно

---

[1] *Attorney-General for Canada v. Attorney-General for Ontario* (1894) 23 S.C.R. 458.
[2] *New Zealand Airline Pilots' Association Inc. v. Attorney-General.* 28 February 2017.
[3] Geneva Conventions Act (Colonial Territories). United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. Order in Council, 28th July 1959.

предусматривает универсальную юрисдикцию в отношении *военных преступлений* или тех, которые считаются серьезными нарушениями МГП[1].

Одна групп государств Содружества включала нормы о *дополнительных составах* в качестве внутринациональных преступлений (например, агрессия и призывы к ней, международный терроризм, наемничество, экоцид, посягательство на лиц под защитой международного права, и др.). Именно такой подход принят в уголовном законодательстве Канады (ст. 4 УК) и Самоа (ст. 5-7 УК).

Другая группа стран *расширила перечень* ранее уже закрепленных в их национальных УК международных преступлений под влиянием поправок в Римский статут МУС после Кампальской конференции 2010 г., а именно включили в перечень *военных преступлений* уголовно-правовой запрет на определенные *виды оружия в немеждународных* вооруженных конфликтах (применение яда или отравленного оружия; удушающих, ядовитых или других газов и всех аналогичных жидкостей, материалов или устройств; использование пуль, которые легко расширяются или сплющиваются в человеческом теле).

Целый ряд государств Содружества *инкорпорировали* все три категории международных преступлений по Римскому статуту (геноцид, преступления против человечности и военные преступления) путем *отсылочных норм* и включения в конце Уголовного кодекса или Закона о преступлениях специального приложения в виде полного текста Римского статута 1998 г. Такой подход мы видим на примере ст. 50 закона Великобритании; ст. 9-11 закона Новой Зеландии; ст. 7-9 закона Уганды; ст. 6 закона Кении; и др.

С учетом особенностей юридической техники кодификации норм МУП и антикриминальных норм МГП в *национальных УК / Законах о преступлениях,* можно выделить несколько моделей имплементационной юртехники (*models of the domestic implementation*).

Наиболее типичным является *имплементационное законодательство,* которое принималось в форме комплексного консолидированного Закона о пенализации международных преступлений (*The Crimes Against Humanity and War Crimes Act*), либо о сотрудничестве с Международным уголовным судом (*The International Criminal Court Act*).

Если *первый тип* имплементационного закона сугубо о *международных преступлениях* был принят в Канаде (закон от 29.06.2000), то *второй подход* к имплементации через закон о *сотрудничестве с МУС* был использован в Великобритании (закон от 11.05.2001), Южной Африке (закон от 12.07.2002), Антигуа и Барбуда (закон от 26.09.2002), на Мальте (закон от 13.12.2003), Тринидад и Тобаго (закон от 21.02.2006), Самоа (закон от 09.11.2007), Уганда (закон от 25.05.2010).

---

[1] *Henckaerts J.-M., Doswald-Beck L.* Customary International Humanitarian Law. ICRC – Cambridge University Press, 2009.

Есть также третий, *смешанный подход* к имплементации путем принятия специализированного мини-кодекса (*The International Crimes and International Criminal Court Act*), включающего как уголовно-правовые нормы об ответственности за международные преступления, так и процессуальные нормы, направленные на обеспечение эффективного сотрудничества с МУС. Этот подход предпочли законодатели в Новой Зеландии (закон от 06.09.2000).

Особняком стоят *четвертая группа* стран Содружества, ратифицировавших или только подписавших Римский статут, но еще *не принявших* свой имплементационный закон, ограничиваясь лишь внутренним законодательством (т.н. *domestic atrocity crime legislation*) – нормами национального *Уголовного кодекса* либо специального Закона о Женевских конвенциях / Закона о геноциде / Закона о международных трибуналах.

Так, в Республике ***Бангладеш***, ратифицировавшей Римский статут в 2010 г., действует наряду с Уголовным кодексом 1958 г. специально принятый по этому случаю *Закон о международных преступлениях (трибуналах)* 1973 г.

Постепенно эти и другие государства пришли к решению об адаптации к местным условиям типового акта Содружества – *Модельного закона* об имплементации Римского статута 2011 г.

Такова нынешняя позиция на ***Сейшельских Островах***, которые ратифицировали Римский статут в 2010 г., а через год страна адаптировала текст *Модельного закона* 2011 г. в качестве основы для внутреннего имплементационного законодательства[1]. Парламент инкорпорировал преступление геноцида и военные преступления в местный *Уголовный кодекс*, хотя в нем или других актах нет до сих пор норм, криминализирующих преступления против человечности. Кроме того, отсутствуют некоторые из основных составов военных преступлений. И страна не подписала Конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности и Соглашение о привилегиях и иммунитетах МУС.

Похожая ситуация в ***Сент-Люсии***, которая в 2010 г. стала государством-участником Римского статута, но до сих пор не приняла специального закона, руководствуясь при выполнении своих международно-правовых обязательств собственным УК Сент-Люсии (ст. 358 «Пропаганда геноцида»). Хотя в этой статье состав геноцида представлен в *усеченном виде* по сравнению со ст. 5–6 Римского статута 1998 г. и ст. II – III Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г.

[1] Seychelles supports cooperation with the International Criminal Court. October 30, 2015. Foreign Affairs Department Republic of Seychelles. URL: https://mfa.gov.sc/news/seychelles-supports-cooperation-with-the-international-criminal-court...

В ***Сьерра-Леоне***, которая была колонией Великобритании до 1961 г., и в отличие от других британских колоний в Африке не имела своего УК, применяет в качестве источников уголовного права английское общее и статутное право, дополненное местными законами. Став участником Римского статута в 2000 г., эта страна все еще не имеет имплементационного закона, основываясь на суботраслевых актах с отдельными нормами МУП и МГП (Закон о борьбе с торговлей людьми 2005 г. и Закон о Женевских конвенциях 2012 г.)[1].

В ***Танзании***, находившейся под британским управлением с 1916 г., Римский статут был ратифицирован в 2002 г., но так и нет комплексного акта о сотрудничестве с МУС. Единственная правовая основа для выполнения обязательств по Статуту содержится в УК Танзании 1945 г., где криминализирована агрессия (ст. 43 «Пропаганда воинственности» УК).

Республика ***Замбия***, ратифицировавшая Римский статут в 2002 г., также не имеет обособленного имплементационного законодательства[2]. Отдельные положения, релевантные нормам Римского статута, также отсутствуют во внутренних уголовных законах (*Penal Code 1931, Extradition Act, Mutual Legal Assistance Act, Mutual Legal Assistance in Criminal Matters Act 1993*). Уголовный кодекс Замбии 1931 г. не предусматривает ответственности за военные преступления, преступления против человечности и геноцид, которые закреплены в Римском статуте[3]. Анализ статей 4(1) и 13 *Закона об экстрадиции* и статей 1(1)(a) и 11(2)(c) *Закона о взаимной правовой помощи* показывает, что они не обязывают Замбию выполнять запросы о привлечении к ответственности лиц, совершающих преступления, если те не являются таковыми в соответствии с замбийским законодательством.

Канада ратифицировала Римский статут в 2000 г. с одновременным принятием консолидированного *Закона о преступлениях против человечности и военных преступлениях* от 29 июня 2000 г. (*Crimes Against Humanity and War Crimes Act*)[4]. С кодистической точки зрения он содержит 12 частей и 32 основные статьи, а также блок статей 33–76 с перечнем и поправками к измененяемым актам, и заключительная ст. 77 о вступлении закона в силу.

В Первой части Закона была закреплена *триада международных преступлений* в соответствии с имплементируемыми нормами Римского статута. Центральная статья 4 «*Genocide, etc., committed in Canada*» содержит четыре части: перечень преступлений, институты соучастия и покушения, меры наказания (пожизненное заключение), дефиниции с определениями всех трех составов. Дополняющая эту норму статья 5, как и дублирующая ее статья 7 в отношении тех же преступлений, но совершенных экстерриториально,

---

[1] *Bankole Th*. The Criminal Law of Sierra Leone. University Press of America, 2019.
[2] *Anyangwe C*. The Zambian Legal System and the Internationalisation of Human Rights Instruments. Lusaka: Unpublished,1999.
[3] Report on the Ratification and Implementation of the JCC in Zambia (and Southern Africa). Lusaka Unpublished, September, 2002.
[4] Вступил в силу 23 октября 2000 г. (S.C. 2000, c. 24). Текст см.: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-45.9/

регламентирует институт ответственности военного командира и гражданского начальника (*commander u superior*) за неосуществление надлежащего контроля за лицами, находящимися в их распоряжении (подчинении).

Во Второй части Закона (ст. 8) подтверждается *экстерриториальный принцип* действия уголовного закона в пространстве. Канадские власти вправе привлекать к уголовной ответственности лицо, подозреваемое в совершении за пределами канадской территории преступления геноцида, преступления против человечности, военного преступления или в невыполнении своих обязанностей *военного командира*, при определенных условиях.

Кодистический анализ Процедурной части (ст. 9 – 15) канадского Закона 2000 г. показывает, что здесь объединены не только процессуальные нормы, но и отдельные нормы материального уголовного права, в частности, касающиеся исключающих ответственность обстоятельств (основания защиты в виде исполнения приказа и др.), назначения условно-досрочного освобождения (*parole eligibility*). Следующая часть канадского Закона (ст. 16 – 29) посвящена уголовной ответственности за преступления против правосудия. Отдельная часть посвящена Фонду по борьбе с преступлениями против человечности (ст. 30 – 32).

Перечень канадских актов, в которые Законом 2000 г. были внесены поправки (Уголовный кодекс Канады, Закон о государственном иммунитете, Закон об экстрадиции, Закон об иммиграции, Закон о гражданстве, Закон об исправительных мерах и условном освобождении, Закон об иностранных представительствах и международных организациях, Закон о судебной взаимопомощи в вопросах уголовного судопроизводства, Закон о программе защиты свидетелей, и др.), мог быть использован в качестве *контрольного списка изменений* другими государствами Содружества, законодательство которых будет также нуждаться в пересмотре с целью имплементации Римского статута.

Закон Канады 2000 г. пошел гораздо дальше минимальных требований по криминализации и сотрудничеству, установленных в Римском статуте МУС[1]. Он был принят также, чтобы разрешить ряд проблем конституционного характера, которые потенциально могут возникнуть в других государствах.

В ***Австралийском Союзе*** был использован *комплексный механизм* в виде двух актов – Закона о Международном уголовном суде («*Билль о кооперации*») и ***Закона о Международном уголовном суде*** («*ICC Crimes Bill*»)[2], принятых парламентом 27 июня 2002 г. Целью было внесение поправок в различные акты законодательства Австралии с целью реализации на национальном уровне ратифицированного Римского статута.

---

[1] The Challenges in Dealing with War Crimes: Canada's Options, 2009. URL: https://www.sfu.ca/education/cels/resources/cels-developed-curriculum/dealing-with-war-crimes.html

[2] International Criminal Court (Consequential Amendments) Act 2002. No. 42, 2002. Текст см.: http://scaleplus.law.gov.au/html/comact/browse/TOCN.htm

Этим же законом была введена новая структурная часть в федеральный *УК Австралии* 1995 г., а именно Глава VIII «*Преступления против человечности и связанные с ними преступления*». Она состоит из блока статей Раздела 268 «*Геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступления против отправления правосудия в МУС*»[1]. Здесь выделяется Вводный подраздел и четыре подраздела, посвященных различным категориям международных преступлений.

В Подразделе B «*Геноцид*» (ст. 268.3–268.7) перечисляются с одинаковой санкцией в виде пожизненного заключения различные *составы геноцида* в форме умышленного убийства, серьезных телесных повреждений или умственного расстройства, предумышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение, применение мер, рассчитанных на предотвращение деторождения, насильственная передача детей.

В Подразделе C «*Преступления против человечности*» (ст. 268.8–268.23) наряду с санкцией в виде пожизненного заключения (за преступления против человечности путем убийства и истребления) предусмотрены санкции в виде заключения на 25 лет (за преступления против человечности путем порабощения, изнасилования, обращения в сексуальное рабство, принуждения к проституции, принудительной беременности, принудительной стерилизации, иного сексуального насилия и других бесчеловечных актов), и др.

Военным преступлениям посвящено сразу несколько подразделов, в целом охватывающих около 80 статей[2]. Подраздел D «*Военные преступления*, которые являются грубыми нарушениями Женевских конвенций и Дополнительного протокола I» (ст. 268.24–268.34), Подраздел E «*Другие серьезные военные преступления*, которые совершаются в контексте международного вооруженного конфликта» (ст. 268.35–268.68), Подраздел F «*Военные преступления*, которые являются серьезными нарушениями статьи 3, общей для Женевских конвенций, и совершены в контексте вооруженного конфликта, не являющегося международным вооруженным конфликтом» (ст. 268.69–268.76), Подраздел G «*Военные преступления*, которые являются другими серьезными нарушениями законов и обычаев, применимых в вооруженном конфликте, который не является международным вооруженным конфликтом» (ст. 268.77–268.94) и Подраздел H «*Военные преступления*, которые являются грубыми нарушениями Дополнительного протокола I» (ст. 268.95–268.101).

В Подразделе J «*Преступления против отправления правосудия Международным уголовным судом*» (ст. 268.102–268.114) закреплены конкретные составы лжесвидетельства,

---

[1] См.: Уголовный кодекс Австралийского Союза / Пер. с англ. *Е.Н. Трикоз*. СПб., 2002.

[2] *Robinson D., von Hebel H.* War Crimes and Internal Armed Conflicts: Article 8 of the Statute of the International Criminal Court //Yearbook of International Humanitarian Law. 1999. Vol. 2; *Byron C.* Armed Conflicts: International or Non-International? // Journal of Conflict and Security Law. 2001. Vol. 6. No. 1.

фальсификации доказательств, уничтожения или сокрытия доказательств, введения свидетелей в заблуждение, подкупа или применение угроз к свидетелям или переводчикам, препятствования свидетелям или переводчикам, препятствования использованию вещи в качестве доказательства, репрессалий против свидетелей, репрессалий против должностных лиц МУС, нарушения хода судебного разбирательства, получения коррупционного дохода должностным лицом МУС.

В Подраздел К *«Разное»* были включены особые случаи ответственности за международные преступления: ответственность военных командиров и других начальников (ст. 268.121), защита путем ссылки на приказ вышестоящего лица (ст. 268.122), территориальная юрисдикция (ст. 268.123), запрет двойного наказания, значение решений Генерального Атторнея и др.

Кроме того, австралийский Закон 2002 г. внес целый ряд дополнений в ту часть *УК Австралии 1995 г.*, в которой содержится глоссарий уголовно-правовых терминов. В частности, были добавлены такие *новые понятия*, как «нападение на гражданское население», «преступление против человечности», «военное преступление», «запрещенный бесчеловечный акт», «угроза», «международный вооруженный конфликт» и др.

Особенностью австралийской модели кодификации норм МУП является и то, что ряд субсидиарных (дополнительных) норм *военного уголовного права* содержатся помимо УК Австралии 1995 г. также в ряде уставных документов Вооруженных сил страны (Генеральные инструкции по обороне Австралии 2005 г., Руководство по праву вооруженных конфликтов 2006 г., Австралийская оборонная доктрина 2006 г., и др.). Однако, Австралия не ратифицировала поправку к Римскому статуту МУС о криминализации состава *агрессии* и условиях юрисдикции в отношении него.

Отдельный интерес среди стран Содружества представляет опыт ***Народной Республики Бангладеш*** по кодификации норм МУП. Здесь наряду с национальным *УК 1860 г.*[1] был принят специальный *Закон о международных преступлениях (трибуналы)* от 20 июля 1973 г.

Акт разрабатывался с целью учреждения «Трибунала по международным преступлениям» (*International Crimes Tribunal*), наделенного юрисдикцией в отношении геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений и других преступлений по международному праву, которые могли быть совершены во время Освободительной войны в Восточном Пакистане (бенг. মুক্তিযুদ্ধ – *Муктиджуддхо*) 26 марта – 16 декабря 1971 г.[2] В этом вооруженном конфликте победу одержали бенгальские сепаратисты и вооруженные силы

[1] The Penal Code for Bangladesh (Act No. XLV), 6th October 1860. URL: http://bdlaws.minlaw.gov.bd/act-11.html
[2] *Sisson R., Rose L.* War and secession: Pakistan, India, and the creation of Bangladesh. Berkeley: University of California Press, 1990; *Zaheer H.* The separation of East Pakistan: The rise and realization of Bengali Muslim nationalism. Oxford University Press, 1994.

Индии, а бывшая провинция Восточный Пакистан стала независимым государством социалистической ориентации – *Народная Республика Бангладеш*[1].

Во время Освободительной войны имели место массовые убийства и другие злодеяния, включая геноцид бенгальских борцов за свободу (*Bengali freedom fighters 'Hindus'*), их массовые, неизбирательные убийства, перемещение мирных жителей, изнасилования, рабство, пытки и другие нарушения прав человека[2].

В ст. 3 *Закона* 1973 г. устанавливалась *юрисдикция*, распространявшаяся на любое лицо или группу лиц [или организацию] или любого члена вооруженных, оборонительных или вспомогательных сил, независимо от его гражданства, которое совершает или совершило на территории Бангладеш, независимо от того, *до или после вступления* в силу настоящего Закона, следующие деяния:

(a) *преступления против человечности*, независимо от того, были они нарушением законодательства страны, где они были совершены (убийство, истребление, порабощение, депортация, тюремное заключение, похищение, заключение, пытки, изнасилование или другие бесчеловечные действия, совершенные против любого гражданского населения, или преследования по политическим, расовым, расовым, этнические или религиозные мотивы); (b) *преступления против мира* (планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров); (c) *преступление геноцид* включает любое из следующих действий, совершенных *с намерением уничтожить*, полностью или частично, национальную, этническую, расовую, религиозную или *политическую группу*, такие как: (i) убийство членов группы; (ii) причинение серьезного телесного или психического вреда членам группы; (iii) умышленное создание группе условий жизни, рассчитанных на полное или частичное ее физическое уничтожение; (iv) введение мер, направленных на предотвращение рождаемости внутри группы; (v) насильственное перемещение детей из одной в другую группу;

(d) *военные преступления*: нарушение законов или обычаев войны, включая убийства, жестокое обращение (истязания) или депортацию для рабского труда (увод в рабство) или для других целей гражданского населения в Бангладеше; убийство или жестокое обращение с военнопленными или людьми в море, убийство заложников и задержанных; ограбление государственной или частной собственности, бессмысленное разрушение городов, поселков или деревень, или разорение, не оправданное военной необходимостью; (e) *нарушение гуманитарных правил*, применимых в вооруженных конфликтах по Женевскими конвенциями 1949 г.; (f) любые *другие преступления* согласно международному праву; (g) *покушение,*

[1] *Bose S.* Anatomy of Violence, Analysis of Civil War in East Pakistan in 1971 // Economic and Political Weekly. 2005. Vol. 40, no. 41.
[2] *Sharlach L.* Rape as Genocide: Bangladesh, the Former Yugoslavia, and Rwanda // New Political Science. 2000. Vol. 1(22). P. 89-102.

подстрекательство или сговор на совершение такого преступления; (h) *соучастие* в совершении или *отказ предотвратить* совершение таких преступлений.

В статьях 4–5 Закона 1973 г. были закреплены принципы и субинституты Общей части уголовного права: ответственность военного командира или вышестоящего офицера; запрет ссылки на должностное положение; действие по закону или приказу своего правительства или начальника; и др. Далее шел блок процедурных и судоустройственных положений, порядок предъявления обвинения и судебного разбирательства, правила доказывания, вынесение судебного приговора, порядок апелляции (ст. 6–22)[1].

В целом, кодификация нормы МУП в странах Содружества Наций, являясь достаточно действенным фактором сближения уголовно-правовых систем общего права, способствовала *унификации уголовно-правовых дефиниций* и *элементов составов* преступлений против мира и безопасности человечности в национальном законодательстве стран Содружества. При инкорпорации норм МУП сформировалась особая подсистема – *имплементированный блок* международно-правовых норм, кодифицировавших принципы, институты и элементы международных преступлений («*the ICC Crimes*»), включая правила толкования норм международного права; основания оказания правовой помощи МУС или отказа от ее предоставления; нормы международного пенитенциарного права в части исполнения наказаний и международных стандартов обращения с заключенными; правила сотрудничества с целью преодоления практики безнаказанности за международные преступления.

ВЫВОДЫ. *Глава IV* диссертации посвящена особенностям *функциональной кодистики* постколониального уголовного права в (Британском) Содружестве Наций. В *первом параграфе* исследован феномен «*функционализации*» территориальных кодексов, которые подвергались рекодификации и новеллизации в процессе конституционного оформления независимости государств, их уголовно-правового суверенитета и присоединения к правовым ценностям и источникам права в Содружестве.

Основная *модель уголовно-правовой реформы* была сориентирована на *британский проект*, направленный на углубление систематизации и гармонизацию уголовного права в национальных юрисдикциях. Так, на Британских островах очередной виток уголовно-правовой реформы привел к созданию проектов *региональных УК* – для *Англии и Уэльса* 1989 г., *Ирландии* 2002 г. и *Шотландии* 2003 г.

Мы предлагаем *авторскую периодизацию* процесса функционализации (приспособления) уголовных кодексов к новым реалиям постколониальной интеграции: 1) продолжающаяся рецепция уголовного права метрополии; 2) отраслевая систематизация – ревизия, инкорпорация

[1] *The Chief Prosecutor v. Abdul Quader Molla*. Appeal, Supreme Court of Bangladesh, 17 September 2013.

и консолидация местного уголовного права; 3) разработка локальных консолидированных «кодексов» по «бентамовской модели»; 4) принятие общегосударственного закона о преступлениях или федерального уголовного кодекса; 5) серия ревизий действующих УК и их рекодификация; 6) развитие дополнительного уголовного законодательства и подготовка типового (модельного) кодекса; 7) новеллизация прежних УК, модернизация структуры и институтов.

Во *втором параграфе* проанализирована *новозеландская модель* гибридной кодификации, начало которой было положено принятием УК Новой Зеландии 1893 г. (по австралийской модели кодекса Гриффита), а завершилась реформа подготовкой квази-уголовного кодекса (*Crimes Act*) 1961 г.

В *третьем параграфе* исследуется *министерская модель* уголовных кодексов Океании, основанная на *типовом УК* Министерства колоний. Эта модель базировалась на переработке основных положений и структуры УК Квинсленда и УК Нигерии. Нами проведено краткое кодистическое описание кодифицированных актов отдельных экс-колоний Британии (*УК Тувалу* 1965 г., *Папуа-Новой Гвинеи* 1974 г., *Вануату* 1981 г.).

В *четвертом параграфе* представлены образцы *смешанной кодистики* уголовного права на примере британского Египта. За полуторавековую историю уголовно-правовой реформы здесь сменилось пять кодексов: Оттоманский УК 1858 г., колониальный УК 1883 г., британский УК 1904 г., проект УК 1919 г., УК Арабской Республики 1937 г. Уделив особое внимание кодификации по *британскому образцу* (1882–1922), мы установили, что колониальный *УК Египта 1883 г.* был разработан по лекалам английского статутного права и отчасти французской модели кодификации, сохранив при этом отдельные нормы шариата.

В *пятом параграфе* рассмотрен специфический правовой эксперимент по автономизации уголовного права, который проводился в сложносоставных и мультикультурных государствах, на примере Индии и ЮАР, где были созданы отдельные (автономные) кодексы внутри этнически-религиозных автономий этих стран. Так, принятый в индийском штате Джамму и Кашмир *автономный УК Ранбира* (*Ranbir Penal Code*) 1932 г. кодифицировал нормы мусульманского уголовного права. Аналогичный опыт автономизации уголовного права имел место в Южной Африке, где долгое время применялся *УК Транскеи* (*Transkeian Penal Code*) 1886 г., с целью сохранения ценностей и местных обычаев *племени банту*.

В *шестом параграфе* рассматривается *функциональная кодистика* на примере техники и практики кодификации международного уголовного права в странах Содружества Наций. Нами установлено, что Модельный закон Содружества (*Commonwealth Model Law to Implement the Rome Statute*) 2004 г. (в редакции 2011 г.), направленный на имплементацию Римского Статута МУС 1998 г., ускорил рекодификацию и новеллизацию национальных Уголовных кодексов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в данном исследовании сравнительно-типологический анализ техники, методики и практики кодификационных работ (*кодистика права*) в сфере уголовного права стран общего права (*common law tradition*) основывался на историко-теоретическом и догматическом изучении процессов эволюции внешней систематизированной формы англо-американского уголовного права. Это позволило нам выявить своего рода «третье измерение» системности уголовного права, которое выразилось в его содержательной упорядоченности и кодифицированных формах, технология создания которых поступательно улучшалась и распространялась путем циркуляции типовых моделей кодистики в семье общего права. Уточняя значение категории «кодификации» как правотворческой систематизационной деятельности, мы исходили из её понимания как особой организационно-правовой формы законотворчества, достигаемой в процессе осуществления юридической деятельности государства с целью упорядочения и рационализации правовой системы общества.

На основе этой теоретико-методологической базы проведенное нами исследование охватывало как правовую, так и иную социальную действительность, окружавшую процессы разработки, принятия и применения кодификационных уголовно-правовых актов. С необходимостью был вовлечен в исследование также идеологический контекст, социально-правовые установки, правовые идеи и стереотипы мышления, специфика правосознания англо-американского общества, догматическая юриспруденция и кодификационная практика, доминировавшие на той или иной стадии развития системы уголовного права.

ГЛАВА первая диссертационной работы посвящена теоретическим аспектам категории кодистики права и начальному процессу диахронной кодистики в ранней правовой традиции.

В ***первом параграфе*** **Главы I** нами исследуется теоретическая категория «*кодистики права*» и формулируется несколько промежуточных выводов, важных для понимания ее специфики применительно к традиции общего права. Представлено также теоретико-догматическое понимание категории «*общее право*» (*common law*), которое описывается в доктринальных источниках с историко-генетической и онтологической позиций. Наш анализ подтвердил неутихающую дискуссию о характере и сущности *общего права*, хотя отдельные авторы стремятся ее завершить, предлагая комплексное определение в виде синтеза различных теорий понимания *common law* как разума, как обычая и как естественного закона (*reason, custom, nature*). Обобщающие описания специфики *общего права* в юридико-техническом и историко-компаративистском аспектах позволили нам также выделить две важные особенности *общего права*: его явно *процедурная структура*, построенная на сложном наборе авторитетных

судебных решений, и «*извечный» статус*, основанный на древней и обычно-правовой природе *общего права*. Истолкование «общего права» в *юргеографическом смысле* позволило нам представить его как наднациональную систему «*common law jurisdictions*», выступающую в качестве общего правового наследия для всех англоязычных наций, с характерными для него *англоцентризмом, открытостью и гибкостью* прецедентного права, впитавшего разнообразие культурно-правовых традиций в дочерних правопорядках семьи общего права.

Обратившись далее к теоретико-компаративистской категории «*правовая традиция*» (*legal tradition*) с целью выделения особых и типологических характеристик *традиции общего права*, мы использовали авторские подходы к *периодизации общего права* и развитию его традиции (Р. Паунд, Р. Давид, Р. Леже, Дж. Постема и др.), которые выделяли два ключевых качества в классической (традиционной) концепции *common law* – его историчность (*history*) и разумность (*reason*). Проанализировав в исторической ретроспективе два подхода к пониманию *традиции общего права*, которых придерживались Э. Коук и Т. Гоббс, а также их юридические последователи (М. Хейл/У. Блэкстон и Дж. Бентам/Дж. Остин), мы констатируем, что в итоге возобладал юспозитивистский подход, который придал *традиции общего права* такие неотъемлемые ее качества, как стремление к системности, публичность регулирования и возможность кодификации.

Исходя из системной взаимосвязи понятий «*кодификация*» и «*кодистика*», мы рассматриваем в сравнительно-теоретическом ключе технику создания кодекса, различное толкование кодекса с точки зрения его юридической природы и технической роли в структуре национальных систем. Мы также формулируем наше авторское видение сущности *«кодистика права»* (лат. *codistica*; англ. *legal codistics*; нем. *codetechnik, codistik*; фр. *codistique*) в ее доктринально-философском, процедурно-техническом и инструментально-технологическом аспектах. Указывается на многоуровневый *предмет кодистики* права, объединяющий в себе различные аспекты кодификационной правотворческой и догматической систематизации уголовного права.

Распространенный в западноевропейской науке *стереотип* о принципиальной некодифицируемости живого прецедентного права, аргументируемый небогатым и не всегда удачным опытом отраслевой кодификации и неразработанностью кодистической техники как таковой, обосновывается якобы характерным для британских юристов устойчивым психологическим *феноменом кодифобии*. Однако подобные антикодистические настроения и явное неприятие кодификационной техники в традиции общего права были постепенно преодолены, а в доктринальных работах английских юристов сложился (позитивистский) *кодификационный проект* и зрелое учение о технике и методике уголовно-правовой кодификации.

В то же время систематизационное правотворчество в англо-американских юрисдикциях было сконцентрировано в основном вокруг модификации и обновления английского права, как права метрополии, посредством его технической *ревизии* и хронологической *инкорпорации*. Последовавшие за этим отраслевая *консолидация* и частичная *кодификация права* привели к тому, что в ряде юрисдикций общего права нашло законодательное закрепление само *определение кодификации* и были введены в действие отраслевые кодексы (или квази-кодексы). Но наибольшего успеха кодификационное движение достигло главным образом в сфере уголовного права. Нами установлена специфика *уголовного кодекса* в традиции англо-американского права, особенности его внутренней систематики и кодистического оформления, и теоретически обобщенная модель уголовного кодекса, созданная изначально под эгидой колониальных властей.

Во ***втором параграфе*** **Главы I**, посвященном исследованию *диахронной кодистики* в древней и средневековой правовых традициях, мы рассматриваем процессы зарождения техники кодификации и начальную кодификационную практику в *древневосточной и античной цивилизациях*. Затем обращаемся к сугубо английскому опыту и начинаем с изучения попыток архаической систематизации в *римской Британии* (I–V вв.). Установив элементы *римской кодистики* в письменный период правогенеза и недолгой *правовой экспансии* римского опыта, мы обнаруживаем проникновение латинских текстов, попытки их «одомашнивания» в бритто-кельтских сводах обычного права и в местном традиционном правопорядке. Постепенно складывается смешанное бритто-кельтское уголовное право (*Romano-British penal law*), которое было основано на римских комициальных законах, актах императоров, комментариях юристов, кодифицированных источниках, включая книгу 9 «Кодекса Феодосия» и книги 47 и 48 «Дигест Юстиниана».

В Англосаксонский период (VI–XI вв.) среди донормандских *dombocs* (“*книг правосудия*”) анализируем технику составления квази-кодифицированных текстов: 1) «правовые кодексы» периода англосаксонской Гептархии; 2) кодексы периода объединенного Англосаксонского королевства; 3) своды права древнего Уэльса и Ирландии. Юридико-кодистический анализ первой подгруппы т.н. «*Англосаксонских правд*» позволил выделить три типа сводов местных обычаев, различающихся по хронологии, структуре и технике написания: древние кентские кодексы; кодификации королевства Уэссекс; кодификации королевств Мерсии и Нортумбрии. «Свод законов Альфреда» содержал нормы церковного и светского законодательства, которые были условно сгруппированы в три части: теологическая, вводная и законодательная. В законодательной части кодекса сосредоточены различные составы преступлений, с элементами заимствований из римского уголовного права. Более половины статей «*кодекса Альфреда*» содержали конкретные состава телесных повреждений. Рассмотренные нами древние

«*doombooks*» сыграли свою идеолого-политическую роль в формировании английской этно-идентичности и *традиции общего права*, обеспечивая своего рода «мостик правопреемственности» для пришлых с континента нормандских баронов.

Дальнейшее развитие кодистики в *средневековой правовой традиции* Англии характеризуется новой техникой уголовно-правовой кодификации, которая получила свое развитие на протяжении *Нормандско-Тюдоровского правления*, и условно может быть разделено на *шесть периодов*. *Первый период* характеризуется попыткой соединения и гармонизации англосаксонского и нормандского уголовного права и создания смешанного права (*Anglo-Norman criminal law*). Отдельный интерес для кодистической истории этого права представляет «Кодекс законов» *Генриха I*, написанный анонимным нормандцем на латинском языке по отдельным вопросам уголовного права, ряд новых понятий и конструкций которого заимствованы из древнегерманского уголовного права. *Второй период* продолжился в виде систематизации статутного уголовного права *Анжуйской державы* (1154–1224 гг.), когда уголовно-правовые *ассизы Генриха II* привели к становлению королевской уголовной юрисдикции. *Третий период* был связан с рядом новых королевских хартий и трактатом *Г. Брэктона* «О законах и обычаях Англии» 1254 г. *Четвертый период* отобразил становление общекоролевского уголовного права в эпоху *Эдуарда I*, целый ряд статутов которого содержал положения общей части уголовного права, и особую группу преступлений против личности, нравственности, службы и правосудия. *Пятый период* во время правления *Эдуарда III* связан с дальнейшими шагами по криминализации деяний и попыткой суботраслевой кодификации статутов и практики по делам об измене (*Treason statute* 1352 г.), преступном сговоре и несанкционированном доступе в суд. И, наконец, *шестой период* при *династии Тюдоров* отличался появлением специализированных уголовно-правовых статутов и ордонансов и консолидацией тяжких преступлений в т.н. «*Кровавом уголовном кодексе*».

ГЛАВА вторая диссертационной работы посвящена историческим процессам *синхронной кодистики* в *Нововременной период* (*Early Modern history*), исследуется генезис доктринальной систематики периода *ius commune* и начальной кодистической практики в континентальной Европе. В работах европейских постглоссаторов и гуманистов закладывались методологические и юридико-технические основы *проектов по систематизации и кодификации* права нововременной Европы. Мы условно выделяем две модели этого процесса: *франко-итальянская* модель кодистики «Романского Ренессанса» и *немецко-голландская* модель кодистики «Северного Ренессанса».

В основе генезиса *итальянской модели систематики*, для которой характерно выделение из структуры «кодификации Юстиниана» генеральной подсистемы общих принципов и максим (*CIC regula juris*), которую мы ассоциируем с трактатом итальянского правоведа *Ф. Децио,*

лежали новый метод и техника научно-доктринальной обработки текстов, заменившие схоластический и сугубо антикварный методы. Такая модель систематики предполагала *обособление принципов* доктринального анализа и *правил техники* ресистематизации *Corpus Juris*, создание авторских кодификаций с филологическими и историко-политическими комментариями и на их основе разработку местных законодательных сборников. Мы предполагаем, что труд Ф. Децио с его собранием правовых максим и принципов разрешения коллизий, содержащим комментарии к прообразу «общей части» системного свода, был руководством для английского философа-правоведа *Фрэнсиса Бэкона*.

Пришедшая на смену *германская модель* систематики права исходила из геометрического метода систематики, предложенного немецким философом-юристом *Г.В. Лейбницем*. Он был направлен на реорганизацию текстов по следующей схеме: сначала правила и принципы права, а затем специальные случаи и основания, к которым они могут быть применены. Это впоследствии повлекло за собой *ресистематизацию* доктринальных сочинений, когда стали выходить авторские кодификации и систематизирующие монографии по отраслям. В их числе особая модель уголовно-правовых кодификаций с дигестной (*пандектной*) систематикой.

В немецкой юриспруденции широкий резонанс получила развернувшаяся в 1812–1816 гг. доктринальная дискуссия *о сущности и пользе кодификации* права (нем. *Kodifikationsstreit*), простимулированная распадом первого Рейха немецких земель и французской оккупацией. В итоге сначала были разработаны и приняты *локальные кодексы* в немецких государствах Рейнской конфедерации, а затем успешно прошла *унификации общеуголовного права* Германского союза. Все немецкие «*горизонтальные кодификации*» стали основой для УК Северо-Германского союза 1870 г. и его частичной рекодификации в виде *общеимперского* УК Второго рейха 1871 г. Немецкий правовед А. Тибо, стоявший у истоков формулы «правовой стандартизации» и *вертикальной кодификации*, внес значительный вклад в разработку общей пандектологии (нем. *Pandektenwissenschaft*), основанной на традиционной системе римского права, и подчеркнул специфику кодексов, созданных на основе естественно-правовой доктрины.

Во ***втором параграфе*** **Главы II** проанализированы теоретические основы уголовно-правовой кодистики в *нововременной Англии*. В *первом подпараграфе* дан анализ учения *Фрэнсиса Бэкона* о легистике (нормотворческой статутной технике). «Схематизм» реформирования по Бэкону означал последовательные этапы: сначала *ревизия* и пересмотр статутного права – затем хронологическая *инкорпорация* статутов и прецедентов – *гибридная кодификация* (или предметная консолидация) и, как финальный документ, *создание дигест* (свода законов). Важным юридико-техническим новшеством по схеме Бэкона стали такие инструменты, как юридический вокабулярий и сборник правовых максим. Впоследствии это

станет неотъемлемым элементом *Общей части кодексов* (как самостоятельная глава об определении терминов и принципах права) в традиции семьи общего права. Бэкон также выделил особую группу максим-правил по технике систематизации и методике создания дигест английских законов.

Во *втором подпараграфе* исследуется доктринальное наследие *Уильяма Блэкстоуна*, который в своих «*Комментариях к законам Англии*» (1765–1769 гг.) излагает наиболее полный и систематический обзор уголовного права Англии (Книга IV). Здесь проявилось его стремление к упорядочению общего права и институциональной систематике. До него в уголовно-правовой доктрине Англии не предпринималось особых усилий по установлению предметных границ отрасли, которые закрепили бы уголовное право как самостоятельный компонент государственно-правового порядка.

В *третьем подпараграф*е изучаются взгляды правоведа-утилитариста *Джереми Бентама*, внедрившего в юридический дискурс термины *codification* и *codifier* (кодификатор), и посвятившего себя разработке *теории систематизации законодательства* и попытке применения ее на практике. В его доктринальном проекте УК (*Penal code*) заметно влияние идей *классической школы* уголовного права, логическая системность изложения и *пандектная система*. Бентам четко различает основополагающее (материальное) и дополнительное (процессуальное) уголовное право, хотя и подчеркивает, что уголовный кодекс должен состоять главным образом из карательных законов (*punitive laws*). В авторском проекте Бентама – «Основные начала Уголовного кодекса» представлена известная логика уголовно-правовой кодификации: сначала описывается учение о преступлении, затем учение о наказании. Нами проанализированы все четыре крупные части УК: «О преступлениях», «Политические средства против зла преступлений», «О наказаниях» и «О непрямых средствах предупреждения преступлений». Дж. Бентам может быть заслуженно назван интеллектуальным отцом кодификации, внесшим значительный вклад в создании работающей методологии кодификации, не имея при этом эмпирического опыта работы в правовой комиссии или комитете по реформе права.

В *четвертом подпараграф*е рассматривается проект кодификации в аналитической юриспруденции *Джона Остина*, создавшего свой теорию «универсальной юриспруденции» (философию позитивного права). От своего идейного учителя Дж. Бентама он унаследовал тройную страсть к законодательству, классификации и *кодификации*, как наилучшей формы позитивного права. Целесообразность кодекса как полного и исключительного свода статутного права Остин обосновывал, опираясь на своею теорию правовой системы с ее единой внутренней и внешней структурой. Имея практический опыт работы в Комиссии по реформе уголовного права, Остин противопоставлял «высокий идеализм» немецкой философии

эмпирическому наследию английских юристов, в частности ссылаясь на учение о систематизации права Ф. Бэкона.

В своей «Философии позитивного права», Остин довольно детально разбирает pro et contra по поводу кодификации права. Но он, по нашему мнению, частично заблуждается, оценивая юридическую природу кодификации только через ее формальный критерий как технической систематизации и упорядочивания действующего нормативного материала, и не признавая при этом в кодексе правотворческой составляющей с элементами новеллизации права. Нам удалось выявить в учении Остина несколько кодистических признаков для идеального позитивистского кодекса. Он выделяет три правила римско-византийской кодистики, и еще одно важное правило техники кодификации, а именно философско-догматические основы кодификации, научно-доктринальная подготовленность и начитанность кодификаторов. В целом, возникновение юридического позитивизма можно напрямую обусловить развитием в западных правовых системах легистики и теории кодификации.

В ***третьем параграфе*** **Главы II** мы проводим историко-правовой анализ практической реализации проектов уголовно-правовой кодификации в Великобритании. В *первом подпараграф*е наше внимание направлено на «Blood Penal Code» («*Кровавый кодекс*», или же “*Capital code*”), представлявший собой квази-консолидацию уголовного права XVII – нач. XIX вв. Мы анализируем серию актов уголовного законодательства Англии, Уэльса и Ирландии, принятых между 1688 и 1800 гг. и предусматривавших смертную казнь за широкий круг преступлений. Мы установили несколько *исторических этапов*, когда возрастала периодически официальная критика властей «*Кровавого кодекса*», хаоса уголовных статутов и прецедентов, и были практические шаги в виде консолидации и *доктринальной кодификации*, с целью создания более гуманного «*Statute code*».

Так, на первом этапе в период Реставрации Стюартов начинается процесс суботраслевой кодификации по вопросам военного уголовного права. На следующем этапе при династии Ганноверов происходит гуманизирующая ревизия «*Кровавого кодекса*». Был сделан важный шаг в виде принятия консолидированных законов о государственной измене 1708 г., о пиратстве и об уголовной ссылке 1717 г., «Чёрный акт» (*Black Act,* или *Criminal Law Act*) 1723 г. На третьем этапе систематизации был принят консолидированный Закон об убийстве 1752 г. На четвертом этапе систематизации была проведена частичная ревизия «*Кровавого кодекса*» путем принятия серии консолидированных актов об уголовном праве в период 1772–1782 гг.

Во *втором подпараграф*е критически осмысливается квази-кодификация уголовного права Великобритании в 1800–1870-е гг., в эпоху *Бентамизма* и индивидуализма, когда дух реформирования и упорядочивания уголовного права достигает своего апогея и трансформируется в активное парламентское движение. На *первом этапе* в 1800–1810-е гг.

были сделаны важные шаги под руководством *С. Ромилли* и *Дж. Макинтоша* в направлении *ревизии и консолидации* уголовно-правовых статутов Великобритании. На *втором этапе* в 1820–1830-е гг. проводились мероприятия во главе с *Р. Пилем* по консолидации уголовного права путем принятия серии тематических актов на основе доктрины *гуманитарного утилитаризма*. Они отменили устаревшие нормы полностью, заполнили пробелы в законах и внесли незначительные поправки. Но будучи сугубо консолидирующими, не вобрали нормы общего права и не содержали ярких новелл.

На *третьем этапе* в 1830–1850-е гг. уголовно-правовая реформа была институционализирована, путем учреждения королевских Комиссий по подготовке законов о преступлениях. В этот период по инициативе лорда-канцлера *Г. Брума*, последователя учения Бентама о кодификации, был подготовлен первый официальный *проект УК* для Англии и Уэльса (*draft Code of substantive criminal law*). И, наконец, на *четвертом этапе* в 1860–1870-е гг. были проведены важные *консолидационные мероприятия* по упорядочению уголовного статутного и прецедентного права, в результате чего появились т.н. «*Статуты Гривза*» (*Greaves's Acts*). Мы проанализировали эти шесть *консолидированных уголовно-правовых статутов* 1861 г., которые напоминали квази-кодифицированные акты по отдельным элементам юртехники и новеллизации содержания.

В заключении ***третьего параграфа*** представлен кодистический обзор составления и попытки принятия официального проекта УК для Англии и Уэльса 1879 г. Подготовленный британским юристом *Дж.Ф. Стифеном* «Общий взгляд на уголовное право Англии» 1863 г. стал новой попыткой, после Книги IV «Комментариев» У. Блэкстона, систематически изложить принципы и институты английской уголовной юриспруденции.

Дж.Ф, Стифен неоднократно обращается к *законотворческой стороне кодификации*, анализирует законодательную процедуру принятия кодекса в парламенте как особую часть *легистики*, описывает техническую процедуру *кодификационной работы* в правительственной комиссии. Его авторский проект отраслевого кодекса – *Дигесты уголовного права* 1877 г. были положены в основу королевского проекта Уголовного кодекса, который можно считать первой серьезной попыткой в истории Англии осуществить полную кодификацию отдельной отрасли права как таковой ("*comprehensive criminal code*").

Специальная королевская *Комиссия* доработала стифеновский проект УК, и представила *новый проект УК* (*English Draft Code*) 1879 г., состоящий из восьми разделов (титулов) и 552 статей. С юридико-технической (кодистической) точки зрения проект был построен по *пандектной схеме*, где первый и второй титулы составляли своеобразную Общую часть УК. В завершении мы проанализировали ряд причин *неудачи проекта Стифена* по уголовно-правовой кодификации. Будучи отвергнутым на родине, проект *УК Стифена 1879 г.* продолжал

влиять на уголовную политику и реформы уголовного права в Британской империи, ее колониях и доминионах.

ГЛАВА третья диссертационной работы посвящена *внутрисистемной кодистике* в *колониальный период* Британской империи. В ***первом параграфе*** показано, что по мере распространения колониального уголовного права улучшалась сопровождающая этот процесс *внутрисистемная техника и методика* кодификационных работ. Наступил практический этап воплощения в британских колониях «*архетипа*» (теоретической модели) уголовной кодификации, который видоизменялся в определенном социокультурном и историко-догматическом контексте. Доктрины легального колониализма и «парламентского верховенства», положенные в основу уголовно-правовой политики Великобритании в колониях, помогли обосновать необходимость кардинальной *уголовно-правовой реформы* в колониях и правового эксперимента, целенаправленного на упорядочение законодательства и кодификацию уголовного права на местах.

Во ***втором параграфе*** представлен историко-правовой и кодистический анализ *индийской модели кодификации* уголовного права (*Macaulay Utilitarian Penal Code*). Выявленные особенности местных источников индуского и мусульманского уголовного права сделали неизбежной разработку общеиндийского Уголовного кодекса 1860 г., составленного Т.Б. Маколеем в Правовой комиссии при генерал-губернаторе с последующей доработкой в местных судах и парламенте. Установив особенности структуры и кодистические особенности УК Индии, приходим к выводу, что он был построен по *пандектной системе* (23 главы и 511 статей), но не имел чёткого обозначения «Общей части» и «Особенной части» (*General Principles*, и *Specific Offences*). На протяжении полутора сотен лет действия УК Индии 1860 г. в него были добавлены только *три новые главы*, касающиеся преступлений антигосударственного заговора, фальсифицированных выборов, террористической деятельности и жестокого обращения с женщинами.

В ***третьем параграфе*** **Главы III** мы описываем специфику *канадской модели кодификации* уголовного права (*Burbidge Criminal Code*), останавливаясь на историческом экскурсе и общей характеристике канадской уголовно-правовой системы и юридической технике, подчеркиваем состояние биюридизма (*bijuralism*) французской и английской традиций права, ярко выраженный *процессуальный компонент* и отсутствие четкой *внутриотраслевой дифференциации* права.

Мы предлагаем *авторскую периодизацию* истории возникновения и развития уголовно-правовой системы Канады, выделяя несколько качественно *своеобразных этапов* на протяжении XIX – XX вв., когда происходила последовательная унификация и кодификация права: 1) рецепция уголовного права метрополии и его адаптирование к местным условиям в

канадских колониях; 2) отраслевая систематизация и структуризация уголовного права в отдельных канадских колониях-провинциях (ревизия, инкорпорация и консолидация); 3) становление федерального уголовного законодательства после 1867 г. и принятие УК доминиона Канады 1892 г.; 4) конференции по унификации федерального уголовного законодательства и разработке модельных проектов с 1920-х гг.; 5) серия ревизий УК Канады и его рекодификация в 1955 г.; 6) вторая ревизия УК Канады в 1985 г. и проект нового УК 1986 г.; 7) модернизация структуры и содержания УК Канады в 2000-е гг.

Уголовный кодекс (фр. *Code criminel*) 1892 г. был основан на модели *УК Стифена*, адаптированной судьей *Джорджем У. Бербиджем*. С кодистической точки зрения он содержал 983 статьи, объединенные в 10 титулов, первые шесть из которых (532 ст.) объединяли собственно нормы материального уголовного права. Здесь выделена Общая часть по традиционной схеме Дж. Бентама, включающая три главы: интерпретация терминов, лестница наказаний, исключающие обстоятельства, покушение, соучастие и преступный сговор.

Мы заключаем, что *уголовно-правовая кодистика* Канады характеризуется как самостоятельная модель (разновидность) в уголовно-правовой семье общего права. Наряду с типичными признаками, ее своеобразие состоит в оригинальных теоретических доктринах и конструкциях, наличии терминосистемы и пояснений к статьям кодекса, особых форм и методов практического осуществления задач уголовного права. *Юридическая техника* УК Канады обусловливает описательный, *казуистичный характер* норм Общей и Особенной части, отсутствие точных формулировок, наличие большого числа отсылочных норм и др. Канадцы наиболее близко подошли к понятию *состава преступления*, закрепили институт уголовной ответственности *юридических лиц* (организаций). В *Особенной части УК 1985* г. преступления группируются в однородные блоки, которые размещаются при помощи *линейно-предметной системы.* Большинство разделов *Особенной части УК* начинается с подразделов о *правилах толкования* и терминологии.

В ***четвертом параграфе*** **Главы III** мы обращаемся к истории формирования *австралийской модели* кодификации уголовного права (*Griffith Criminal Codes*). Австралазийская правовая традиция демонстрирует несколько достижений и неудач в кодификации уголовного права. Рассматривая колониальный опыт уголовно-правовой кодификации и создание типовой модели УК для австралийских территорий, отмечаем, что идейным вдохновителем кодификационных работ был *Сэмюэль Гриффит*, один из «отцов федерации» и соавтор Конституции, ставший разработчиком УК Квинсленда 1899 г., первого в австралийских колониях. Нам удалось проследить влияние *типовой модели «Кодекса Гриффита»*, который получил широкое распространение либо как теоретическая основа, либо

как проектный текст в Израиле, Папуа-Новой Гвинее, на Фиджи, Соломоновых и Сейшельских островах, в Нигерии и через нее в других африканских странах.

Анализируя исторический опыт систематизации *федерального уголовного права* в Австралии, начиная с Закона о преступлениях (*Commonwealth Crimes Act*) 1914 г., мы приходим к выводу, что уголовно-правовая реформа (1970–1990-е гг.), направленная на *постепенную унификацию* национального уголовного права, имела три главных направления: 1) статутное закрепление составов преступлений на федеральном уровне; 2) «статутификация» принципов уголовного права, которые оставались сферой прецедентного права; 3) принятие проекта модельного Уголовного кодекса для Австралийского Союза. Здесь свою роль сыграл *Комитет Гиббса* (*Code Committee*) в 1991 – 2009 гг., цель которого сместилась от создания единого кодекса к типовому кодексу (*uniform code vs. model code*), который лучше обеспечивал «наведения мостов» между юрисдикциями штатов общего права и кодифицированного права. Так, основанный на этой модели федеральный *УК Австралии 1995* г. был существенно расширен в Особенной части и продолжает подвергаться изменениям под влиянием новых форм преступности, хотя уровень его авторитетности и соблюдения в штатах невысок.

Созданный в итоге *Модельный УК* 2009 г. привел девяти уголовных юрисдикций – федерального правительства, шести штатов и двух союзных территорий в согласованное единство и *центростремительную силу* в уголовно-правовом пространстве Австралии. Его ядром стала фундаментальная *глава* «Общие принципы уголовной ответственности», созданная по образцу одноимённой главы *Модельного УК США* 1962 г. Центральный институт Общей части – *уголовная ответственность* обеспечивает концептуальную устойчивость и когерентность самого Кодекса, а общие принципы уголовной ответственности формируют единообразие практики толкования и общий концептуальный язык для теоретиков и практиков по уголовным делам.

ГЛАВА четвертая диссертации в качестве предмета исследования имеет особенности *функциональной кодистики* уголовного права в (Британском) Содружестве Наций.

В ***первом параграфе*** **Главы IV** исследуется явление «*функционализации*» локальных уголовных кодификаций в странах Содружества Наций. Сначала дается характеристика исторического развития, организационно-правовой природы, правовых ценностей и источников права Содружества. Отсюда напрашивается вывод, что *модель уголовно-правовой реформы* выглядит довольно однородно и схематично, будучи сориентирована на *британский проект.* Во второй половине XX века происходят важные изменения в *функциональной кодистике* государств Содружества.

Предлагается *авторская периодизация* процессов унификации, систематизации и новеллизации уголовного права в национальных юрисдикциях Содружества, выделяя

следующие *качественные этапы*: 1) рецепция в британских колониях уголовного права метрополии; 2) отраслевая систематизация и структуризация уголовно-правового материала; 3) попытки разработать локальные УК или консолидированные «кодексы» по т.н. Бентамовской модели; 4) формирование общегосударственного уголовного законодательства и учреждение специальных комиссий; 5) многоэтапная реформа постколониального уголовного права путем серии ревизий действующих УК или их рекодификации; 6) приведение кодексов в соответствие с конституционной доктриной прав человека и международными антикриминальными обязательствами; 7) продолжающаяся специализация норм и модернизация в связи с декриминализацией и пенализацией.

Во ***втором параграфе*** **Главы IV** анализируется *новозеландская модель* уголовной квази-кодификации, начиная с истории кодификации и создания первого УК 1893 г., который был основан на проекте УК Стифена для Англии и Уэльса 1879 г. В середине XX в. началась т.н. *кодифицирующая систематизация* уголовного права, по итогам которой был принят *квази-уголовный кодекс* под названием *Закон о преступлениях* (*Crimes Act*) 1961 г. Кодистический анализ этого крупного консолидированного акта показал, что который большинство из 14 крупных разделов условно объединяются в *Общую* и *Особенную части*, а три последних раздела – в уголовно-процессуальную часть. Своеобразная *Общая часть* Закона 1961 г. включает следующие четыре институциональных раздела. *Практическое значение* Общей части обусловлено ее особым статусом как некой вводной конструкции для реального осуществления диспозиций и санкций, предусмотренных в Особенной части. Специфичной чертой *юртехники Общей части* квази-кодекса 1961 г. является детализированное описания гипотез и диспозиций и кажущееся дублирование статей, формально содержащих аналогичные предписания.

Кодистическая специфика *Особенной части* квази-кодекса 1961 г., содержащей *шесть частей* с уголовно наказуемыми деяниями, состоит в том, что здесь нет исчерпывающего перечня уголовно-правовых запретов. Как правило, состав преступления и наказание за него описываются в разных, но смежных статьях. Помимо традиционных норм с запретами в Особенной части встречаются нормы-*определения*, где раскрываются соответствующие уголовно-правовые категории и понятия, и нормы-*стимулы*, которые содержат поощрительные уголовно-правовые правила и стимулируют постпреступное позитивное поведение виновного.

Рекодификация Закона о преступлениях 1961 г. проектировалась в виде правительственного билля о ревизии – *квази-Кодекс 1989 г.*, который с юридико-технической точки зрения значительно улучшен, сокращено число статей, экономия в длине формулировок, повышенная эргономичность текста закона, гендерно-нейтральный язык и др.

В ***третьем параграфе*** **Главы IV** исследуется особая *министерская модель* уголовно-правовой кодификации, которая была основана на *типовом УК*, подготовленным

Министерством колоний Британской империи в 1920-е гг. Эта модель базировалась на переработке основных положений и структуры УК Квинсленда и УК Нигерии, а затем распространилась в ряде стран Океании, Африки и на Кипре. Дается краткое кодистическое описание ключевых актов океанических государств-бывших колоний: *Уголовный кодекс Тувалу* 1965 г., *Уголовный кодекс Папуа-Новой Гвинеи* 1974 г., *Уголовный кодекс Вануату* 1981 г.

Наряду с традиционной моделью Бентамовского УК, в странах Океании распространилась *американская модель* квази-кодификации на основе модели Титула 18 «Преступления и уголовный процесс» Кодексе законов США 1948 г. Так, в *Федеральных Штатах Микронезии* аналогичным образом сконструирован Титул 11 «*Crimes*» в Своде законов ФШМ 1982 г., где уголовно-правовые нормы кодифицированы по американской модели.

Для обеих моделей уголовно-правовой кодификации в Океании отличительной особенностью было включение *бланкетных* норм с отсылкой на *обычное уголовное право*. Так, если в *Папуа-Новой Гвинее* нормативные положения ограничивают применение обычного права в уголовных делах, то в *Тувалу* статуты предоставляют обычаям более широкую сферу применения. В Титуле 11 «*Crimes*» Свода Микронезии содержится отдельные параграф об обычаях в уголовном праве.

Несмотря на получение независимости государствами Океании, влияние бывшей метрополии и держав-соседей на уголовно-правовой уклад и кодификаторскую традицию в значительной мере сохраняется.

В ***четвертом параграфе*** **Главы IV** представлена история формирования *постколониальной кодистики* уголовного права Египта как бывшей британской колонии в Африке. Особое внимание уделяется уголовно-правовой кодификации по *британскому образцу* (1882–1922). Колониальный *УК Египта 1883 г.*, принятый по лекалам английского статутного права и отчасти французской модели кодификации, сохранил в силе влияние мусульманского уголовного права. Следующий *УК Египта 1904 г.*, построенный по «*индийской модели*», был продуктом множества интеллектуальных и правовых традиций, но в то же время отличающийся от исламского права. На очередном витке уголовно-правовой реформы был подготовлен *проект УК 1919 г.*, при составлении которой использовался сравнительный кодистический анализ УК Индии, УК Италии и УК Швейцарии. Но с учетом доктринально-правового и политического влияния Великобритании, в проект *обновленного УК Египта* были включены многие положения английского уголовного права.

Последний по счету постколониальный *УК 1937 г.* (*Egyptian Penal Code*), принятый в период формальной независимости от Великобритании, по своей систематике и уголовно-правовым конструкциям имеет *смешанную природу*, основанную как на элементах французского, так и частично *английского* уголовного права. При этом в его фундаменте лежит

исламское правовое мировоззрение и конструкции мусульманской уголовной политики. Мы провели детальный *кодистический анализ* УК 1937 г., состоявшего из четырех книг и 395 статей. Книга I представляет собой *Общую часть*, где регламентируются общие вопросы преступления и наказания (11 глав). В *Особенной части* УК содержится три части: книга II о преступлениях против публичных интересов (17 глав), книга III о преступлениях против интересов личности (14 глав), и книга IV об иных правонарушениях (8 разделов). *Английское влияние* на УК Египта проявилось в трактовке ряда уголовно-правовых институтов, например, преступный сговор или соучастие в преступлении, и др.

В ***пятом параграфе*** **Главы IV** мы обращаемся к специфическим *автономным УК* в бывших колониях Британской империи, которые представляли собой, по сути, правовой эксперимент по автономизации в сложносоставных и мультикультурных государствах. В качестве примера мы обращаемся к опыту *Индийской Республики* и *Южноафриканской Республики*, в рамках уголовно-правового пространства которых были созданы отдельные (автономные) кодексы для региональных этнически-племенных и религиозных автономий. При разработке этих автономных кодексов учитывался опыт имплементации норм обычного (традиционного) или религиозного уголовного права, по типу некоторых других британских экс-колоний.

Автономный УК Ранбира (*Ranbir Penal Code*) 1932 г., принятый в индийском штате Джамму и Кашмир с почти стопроцентным исламским населением, представлял собой кодификацию местного мусульманского уголовного права. Это был единственный штат Индии, получивший особую автономию по религиозным причинам с собственной конституцией, судебной и полицейской системой, и с отдельным уголовным кодексом, который заметно отличался от общефедерального УК Индии 1860 г. С кодистической точки зрения УК Ранбира был построен по пандектной системе и линейно-предметной схеме, регулировал целый ряд вопросов, не вошедших в предмет федерального кодекса.

Аналогичный опыт автономизации уголовного права имел место в Южной Африке, где долгое время действовал автономный УК Транскеи (*Transkeian Penal Code*) 1886 г. Этот *нативный кодекс* разрабатывался британскими юристами под доктринальным влиянием проекта УК Стифена 1879 г., но с учетом интересов и ценностей *племени банту,* говорящих на языке *xhosa* на своих туземных территориях. В 1983 г. колониальный УК был отменен новым *УК Республики Транскей*, который был введен на всей территории Восточной Капской провинции. При этом УК Транскеи помог импортировать английское право в южноафриканское законодательство, т.к. его создатели были британскими юристами, а затем его влияние оставалось весьма значительным на прецедентное право и целый ряд уголовно-правовых институтов ЮАР.

В ***шестом параграфе*** **Главы IV** рассматривается *функциональная кодистика* на примере кодификации норм международного уголовного права в Содружестве Наций. Так, подготовленный в 2004 г. Типовой закон Содружества (*Commonwealth Model Law to Implement the Rome Statute*) был призван помочь государствам-членам в правореализации положений Римского статута МУС 1998 г. и рекодификации соответствующих глав национальных УК или принятия отдельных Законов о международных преступлениях. Этот модельный акт Содружества использовался парламентами стран либо как *текстовая основа* законодательства, подлежащего изменению и адаптации к правовой системе страны, либо в качестве законопроектного *руководства* для использования наряду с другими при проведении функционального обновления местного уголовного права.

Кодистический анализ новой редакции *Типового закона Содружества* «Об имплементации Римского статута МУС» 2011 г. показал, что этот документ состоял из преамбулы, десять частей и почти ста статей, а также приложений. В Части I «Предварительные положения» содержится описание целей закона, толкование терминов, перекрестные ссылки на статьи Римского статута, и др. С юридико-технической точки зрения криминализация преступлений против человечности, как и других международных деяний, в *Типовом законе* происходит путем прямой корреляции со статьями 6–8 Римского статута МУС и отсылок к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. Особняком стоит подраздел этого типового акта без номера, но с подзаголовком «*General*», где были объединены институты Общей части уголовного права, включая институты преступного сговора, соучастия и покушения. Отдельным блоком выделены преступления против отправления правосудия.

В завершении параграфа мы показываем на примере нескольких юрисдикций членов Содружества, ратифицировавших Римский статут МУС, наиболее заметные отличия и особенности кодистики в рамках *национальных УК* или *Законов о преступлениях*, выделяя таким образом *четыре модели* имплементационной и систематизационной юртехники. Но по мере восприятия *Типового закона* Содружества в качестве основы для изменений национальных кодексов и закрепления составов преступлений против мира и безопасности человечества, они стали постепенно сближаться в этой части тематической субкодификации (а точнее *инкорпорации с элементами кодификации*), обретая новое качественное состояние гармонизации, системности, детализированности составов и разветвлённости механизма сотрудничества. Эти *сходные черты* были обусловлены общностью традиций нормотворчества и техники систематизации, внутренней и внешней политической волей к функциональной адаптации местных кодексов по образцу модельного закона Содружества.

По итогам проведенного диссертационного исследования нам удалось сформулировать концептуальное сравнительно-историческое и теоретико-правовое понимание процессов

генезиса и эволюции уголовно-правовой кодистики и ее специфичных форм – в виде национальных уголовных кодексов и квази-кодифицированных актов, их авторских проектов, типовых кодексов и доктринальных моделей кодификации. В преломлении характерных для *традиции общего права* философско-правовых дискурсов, конституционно-политических практик и эмпирического законодательного опыта, мы приходим к заключению о постепенно нарастающих усилиях в рамках кодификационного движения и совершенствования кодистической практики.

В самой метрополии, несмотря на изначально предложенный Дж. Бентамом амбициозный (всеохватывающий и беспробельный) *кодификационный проект* с высокой юридической силой, британские чиновники предпочли другую методику уголовно-правовой реформы, а комиссионеры смогли убедить правительство, что слишком поспешная отраслевая кодификация наверняка потерпит неудачу в Великобритании, поэтому нужно ограничиться более жизнеспособной уголовно-правовой консолидацией статутного права.

В колониях Британской империи и затем в Содружестве Наций распространились как традиционные способы кодистики и форманты кодификации – модельный (имперский, министерский), федеральный (типовой, головной) и локальный (регионалистский) уголовные кодексы или квази-кодифицированные акты, так и добавились со временем специфические автономные уголовные кодексы в суверенных государствах, имеющих полиюридичный характер правовой системы и отдельные религиозные или этнически-традиционные автономии.

Локальный успех уголовно-правовой кодификации и эмпирической кодистики в правовом пространстве *Pax Britannica* был обусловлен тем фактом, что сторонники кодификации противопоставили континентальной модели «материальной кодификации» свою англосаксонскую версию «административной кодификации», которая являлась по сути статутной консолидацией с элементами квази-кодификации. Анализируя причины антикодистических настроений и тревожного состояния «*кодифобии*», долгое время господствовавших среди юристов общего права, мы приходим к выводу, что они были под влиянием стереотипа об идеальном «*континентальном кодексе*», и потому слишком близоруко воспринимали перспективы уголовно-правовой кодификации в Британской империи, как сугубо идеологического юснатуралистского проекта с его недостижимым идеалом наполеоновской кодификации.

В качестве *эпилога* нашего исследования обратимся от исторических аспектов эволюции кодистики уголовного права к логически взаимосвязанным с ними футурологическим возможностях кодифицированного права в недалеком будущем.

На рубеже нового тысячелетия идеология постмодернизма подготовила нас к постепенному отказу от «*авторитаризма кодификации*» прошлых веков, с их классическим этатистским идеалом логически совершенного государственного кодекса эпохи Просвещения и Позитивизма. Его существование обосновывалось через «кодификационную детерминированность права» (*codificational determination of the law*), обеспечивающую якобы эффективное саморазвитие позитивного права путем периодически обновляемых и повторяющихся сводов законов (*re-codification*), идущих в ногу с изменяющимися историческими, экономическими и социальными условиями[1].

Этот *классический образец кодекса*, потеряв со временем в своей былой чистоте, последовательности и беспробельности, своей строгой технике и связной системности, постепенно уступает свое место и как технический идеал, и как метод нормативной практики. Ему на смену приходят новые источники с большей «демократической открытостью» и правовой рациональностью, потому что «фрагментарный и периодический характер статута уже является частью обычного положения дел»[2]. Это подтверждается слабеющим на наших глазах режимом верховенства статутного права с его функцией исчерпывающего воплощения всего права в парламентских законах. Отныне на первый план выходит, вместо популярной ранее рекодификации, полное отрицание самой кодификации, что означает, по сути, полный отказ от позитивистского проекта кодификации, с целью достижения состояния «*декодификации*», как нового ориентира в правотворческой практике.

Наступающую новую эру «размываемых кодексов» венгерский правовед и философ *Чаба Варга* охарактеризовал следующим образом: систематизированная форма объективации права, подходившая ранее для предоставления исчерпывающего ответа (*gapless response*) на любой юридический вопрос в пределах сферы правового регулирования, заменяется «действительностью любого ответа, лишь направляемого рамками кодекса, и не предоставляющего ничего, кроме системных или таксономических локусов (*systemic or taxonomic loci*), которыми концептуально или институционально может воспользоваться свободно контекстуализируемая судебная практика»[3]. Этого же пессимистического взгляда придерживаются и другие компаративисты. Так, итальянский юрист Р. Сакко утверждает, что в наступившие времена явно устарела сама «идея кодекса, который якобы может родиться без пробелов и только одна его буква может предложить наиболее подходящее решение для всех возможных случаев в будущем»[4].

---

[1] *Varga Cs.* Codification on the Threshold of the Third Millennium // Acta Juridica Hungarica. 2006. 47, No. 2. P. 91.
[2] *Kübler F.* Kodifikation und Demokratie. Juristenzeitung. 1969. P. 645, 651; *Esser J.* Gesetzesrationalität im Kodifikationszeitalter und heute // 100 Jahre oberste deutsche Justizbehörde Vom Reichjustizamt zum Bundesministerium der Justiz (hrsg. Vogel H. J., Esser J.). Tübingen, 1977. P. 13-14.
[3] *Varga Cs.* Op. cit. P. 92.
[4] *Sacco R.* Codificare: mode suprato di legifare? // Rivista di diritto civile. 1983. XXIX. №1. P. 125.

Сегодня в условиях распространения *машиночитаемого права* остро встают проблемы автоматизации права и кодирования правовых предписаний, закрепленных в нормах текстовых / печатных кодексов. Американский профессор *Лоуренс Лессиг* полагает, что юридический кодекс и его *программный код* уже сегодня эффективно сопрягаются, так как последний предстает в виде архитектуры, выполняющей роль ограничителя и регулятора различных сфер человеческой жизни ровно в той же степени, что и устанавливаемый государством кодекс законов[1]. В наши дни идет постепенная «компьютеризация» государственных кодексов, перекодирование их текста машинами, вследствие чего былая парадигма «*Code is Law*» заменяется новой конструкцией «*Law is Code*». При этом, когда правовой кодекс переводится в машинный алгоритм, он приобретает еще большую жесткость, теряет в гибкости регулирования и может стать неэффективным для отдельных отраслей права, как, например, для авторского права, или даже вредить тем отраслям, которые больше ориентированы на личность и индивидуализацию регулирования, как, например, *уголовное право*.

«Кодирование» правовых норм, переводимых с технического юридизированного языка на более естественный и понятный «человеческий» язык, которые внешне представляются нам в виде *user-friendly программно-юридического кода* как легко читаемого алгоритма, открывает в будущем возможность всем субъектам права и официальным правоприменителям самим анализировать крупные нормативные акты и хаотичные прикладные решения, осваивать тонкости техники изложения и структурирования кодексов, доступно излагаемых в схемах и иллюстрациях на компьютерных страницах.

Как прогнозируют эксперты, «*автоматизация кодексов* превратится в реальность, когда будет возможно сравнивать код, а не сущности»[2]. Но уже сегодня алгоритмизация уголовного законодательства и новые технологии юридических процессов в уголовно-правовой сфере позволяют постепенно отходить от «печатного кодекса» к юридическому машинописному коду, основанному на мета-разметке текста кодифицированного нормативного акта. Оперативность и объективность сравнивания между собой кодифицированных норм, размеченных компьютерным кодом, в частности, сопоставление записанных машиной текстов законов-кодексов, или текста кодифицированных норм с правовыми позициями в решениях судов, и проч., становится очевидным достоинством надвигающейся *машинизации кодифицированного права*.

[1] Law&Code: о проблемах автоматизации права. URL: https://sk.ru/news/law-code-o-problemah-avtomatizacii-prava

[2] Материалы дискуссии «*Code Vs. Lex*: закон как алгоритм – будущее права и юристов в новом технологическом укладе», прошедшей в рамках Петербургского Международного юридического форума в 2017 г. URL: https://sk.ru/news/law-code-o-problemah-avtomatizacii-prava/

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Исторические документы и нормативные правовые акты

1. *The Digest of Roman Law*: Theft, Rapine, Damage and Insult / Ed. and trans. *C.F. Kolbert*. Middlesex, 1979.
2. *Select Charters* and Other Illustrations of English Constitutional History / Ed. by *W. Stubbs*. Rev. by *H.W.C. Davis*. London: Macmillan and Co., 1913.
3. *The Laws of Æthelberht*, King of Kent, 560–616 A.D. // Medieval Sourcebook: The Anglo-Saxon Dooms, 560–975.
4. *Leges Henrici Primi* / Trans. by *L.J. Downer*. Oxford: Clarendon Press, 1972.
5. The Laws of the Earliest English Kings / Ed. *F.L. Attenborough*. Cambridge, 1922.
6. Памятники истории Англии XI – XIII вв. / Пер. *Д.М. Петрушевского*. М., 1936.
7. Правда (судебник) Альфреда // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / Под ред. *В.М. Корецкого*. М., 1961. С. 62-64.
8. Фрагменты Кодекса короля Альфреда / предисл., перевод и коммент. *С.В. Санникова* // История государства и права. 2009. №20. С. 2-7.
9. Вестминстерские статуты / Пер. с лат. и старо-франц. *Е.В. Гутновой*. М., 1948.
10. *Textus Roffensis*. Law, Language, and Libraries in Early Medieval England / Ed. by *B. O'Brien, B. Bombi*. Turnhout, 2015.
11. Ancient laws of Ireland / Ed. by *W.N. Hancock et al*., trans. by *J. O'Donovan, E. O'Curry*. Dublin, 1865-1901. Vols. I-VI.
12. *Statute of Westminster* the First // The Statutes at Large: From the Magna Charta, to the End of the Eleventh Parliament of Great Britain, Anno 1761 / Ed. by *D. Pickering*. Cambridge, 1762.
13. The Indian Penal Code, 1860. URL: https://www.indiacode.nic.in/ handle/.
14. The Penal code of the State of New York (State) / Ed. by *Field D.D., Noyes W.C., Bradford A.W.* Albany, Weed, Parsons, 1865.
15. Code of Crimes and Punishments // The Complete Works of *Edward Livingston* on Criminal Jurisprudence. New York, 1873. P. 13-181.
16. The Criminal Code of Canada, 1892 (An Act respecting the Criminal Law, R.S.C., 1985, c. C-46). URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/c-46.
17. Criminal Code of Canada / Annotations and Notes by *J.C. Martin*. Toronto: Cartwright & Sons, 1955. 1206 p.
18. Parliamentary Papers, Bill 178, Criminal Code (Indictable Offences) Bill, 1878.
19. Report of the Royal Commission Appointed to Consider the Law Relating to Indictable Offences, with an Appendix Containing a Draft Code Embodying the Suggestions of the Commissioners, 1879, Command No. 2345.
20. Criminal Code for England and Wales. Vol. 1. Report and Draft Criminal Code Bill. Law Com No 177, 1989.
21. The Anglo-Indian codes / Ed. by *Wh. Stokes*. Vol. 1. Substantive law; Vol. 2. Adjective law. Oxford: Clarendon Press, 1887-1888.
22. The Ottoman Penal Code / Transl. from the French by *C.G. Walpole*, President of the District Court of Larnaca, Cyprus. London, 1888.
23. The Imperial Ottoman Penal Code / Transl. from the Turkish by *J.A.S. Bucknill, H.A.S. Utidjian*. London: Oxford University Press, 1913.

24. Draft of a Criminal Code and a Code of Criminal Procedure for the Island of Jamaica / With Explanatory memorandum by *R.S. Wright* Esq. 1877. Vol. 61. P. 355-390.
25. The Penal Code for Bangladesh (Act No. XLV), 6th October 1860. URL: http://bdlaws.minlaw.gov.bd/act-11.html
26. The Jammu and Kashmir State *Ranbir Penal Code*, 1932 / Act No. XII of 1989. Sanctioned by His Highness the Maharaja Bahadur vide Law Department Notification No. 23-L/1989, 6 August, 1932 / 23 Sawan, 1989.
27. Transkei *Penal Code*, enacted by the Parliament of the Cape of Good Hope as Act 24 of 1886.
28. Consolidation of Enactment (Procedure) Act, 1949 // Public General Acts and Church Assembley Measures. L., 1949.
29. Codification of the Criminal Law: A Report to the Law Commission. London, 1985.
30. The Law Commission. A Criminal Code for England and Wales / Law Commission No. 177. London: HMSO, 1989.
31. *Model Criminal Code*. Parliamentary Counsel's Committee. Canberra, ACT: Attorney-General's Department, 2009.
32. Manual of Instructions for Legislative and Legal Writing: The language of statutes; Style; Simple prohibitions; Analysis; Admission of attorneys / Ed. by *E.A. Driedger*, Department of Justice Canada. Ottawa, 1982.
33. Codification as a Tool of Law Reform. A Report of a Meeting of Commonwealth Law Reform Agencies held in Ocho Rios, Jamaica, on 10 September 1986. London: Commonwealth Secretariat, 1986.
34. Model Law to Implement the Rome Statute of the International Criminal Court. Printed and published by the Commonwealth Secretariat. 2017.
35. House of Commons Procedure and Practice / Ed. by *R. Marleau, C. Monttpetit*. Ottawa, Ontario: House of Commons, 2000. 1152 p.
36. Irish Criminal Law Codification Advisory Committee, Draft Criminal Code and Commentary (31 May 2010) Doc. No: DC/04.
37. Papua New Guinea. The Criminal Code Act, 1974. URL: https://www.rpngc.gov.pg/publications/legislation/
38. The Penal Code of Tuvalu, 18 October 1965. Revised Edition 2008. URL: http://www.paclii.org/tv/legis/consol_act/pc66/
39. The Penal Code is contained in the Laws of the Republic of Vanuatu. Consolidated Edition, 2006. URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7745.
40. United States Code. Office of the Law Revision Counsel. URL: http://uscode.house.gov.
41. Примерный Уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права / Пер. с англ.; под ред. *Б.С. Никифорова*. М., 1969.
42. Уголовный кодекс Австралии 1995 г. / Пер. *Е.Н. Трикоз*; Науч. ред. и предисл. *И.Д. Козочкина*. СПб., 2002.

Доктринальные источники и правовые трактаты

43. *Bede the Venerable*. A History of the English Church and People / Transl. by *L. Sherley-Price*. New York, 1988.

44. *Amos Sh.* Codification in England and in the State of New York. W Ridgway, 1867.

45. *Amos Sh.* English Code: its Difficulties and the Modes of Overcoming them, a Practical Application of the Science of Jurisprudence. Strahan and Co, 1873.
46. *Amos A.* Ruins of Time, exemplified in Sir Matthew Hale's Pleas of the Crown. London, 1859.
47. *Austin J. Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law*. London: John Murray, 1885. 2 vols.
48. *Austin J.* The province of jurisprudence determined. Cambridge: Cambridge University Press, 1995 (1832).
49. *Bacon F.R.* Letters and Life of Francis Bacon including all his occasional works. London, 1872.
50. *Bentham J.* Theory of Legislation / Transl. *E. Dumont*. London, 1864.
51. *Bentham J.* Papers Relative to Codification and Public Instruction (1817) // The Works of Jeremy Bentham / Ed. by *J. Bowring*. Edinburgh, 1843. Vol. 4. P. 451- 553.
52. *Bentham J.* A General View of a Complete Code of Laws (1802) // The Works of Jeremy Bentham / Ed. by *J. Bowring*. Edinburgh, 1843. Vol. 3. P. 155-295.
53. *Blackstone W.* Commentaries on the Laws of England. Clarendon Press, 1765.
54. *Burbidge G.W.* A Digest of the Criminal Law of Canada (Crimes and Punishments). Toronto, 1890.
55. *Brunner H.* The Sources of the Law of England / Transl. by *W. Hastie*. Edinburgh, 1888.
56. *Cameron C.H., Elliott D.* The Indian Penal Code as Originally Framed in 1837 and the First and Second Reports. Madras, 1888.
57. *Carter J.C.* The Proposed Codification of Our Common Law. London, 1884.
58. *Clarke R.F.* The Science of Law and Lawmaking. New York, 1898.
59. *Coke Ed.* The First Part of the Institutes of the Lawes of England: Or A Commentary upon Littleton, Not the name of the Author only, but of the Law it selfe. London, 1628.
60. *Dicey A.V.* Law and Public Opinion in England during the Nineteenth Century. 1963.
61. *Davies J.* Reports of Cases and Matters in Law. Dublin, 1762.
62. *Davis J.E.* The Criminal Law Consolidation Statutes of 24&25 of Victoria. Butterworths, 1861.
63. *Eden W.* Principles of Penal Law. London, 1775.
64. *Field D.D.* Reasons for the Adoption of the Codes // Speeches, Arguments, and Miscellaneous Papers / Ed. by *A.P. Sprague*. 1884. Vol. 1. P. 372-377.
65. *Finch H.* Nomotechnia; cestascavoir, Un description del common leys dangleterre solonque les rules del art. London: Societie of Stationers, 1613.
66. *Fitzherbert A.* La Graunde Abridgement. London: Richardi Tottelli, 1577.
67. *Fortescue J.* 'De laudibus legum Angliæ' (1468–71) // On the Laws and Governance of England / Ed. by S. Lockwood. Cambridge, 1997.
68. *German C.St.* St. German's Doctor and Student (originally published in 1523, 1530). London: Selden Society, 1974.
69. *Greaves Ch.S.* The Criminal law consolidation and amendment acts of the 24 & 25 Vict. / With notes, observations, and forms for summary proceedings. V. & R. Stevens, Sons, 1862.
70. *Griffith S.* A Digest of the Statutory Criminal Law in Force in Queensland on the First Day of January, 1896, with Table of the of the Statutes, prepared by Sir *Samuel Walker Griffith*, Chief Justice of Queensland. Brisbane, Government Printer, 1896.
71. *Griffith S.* Explanatory Letter to Draft of a Code of Criminal Law. Brisbane, Government of Queensland, 1897.
72. *Hale M.* The History of the Pleas of the Crown. London, 1736.

73. *Hale M*. The history of the common law of England and an analysis of the civil part of the law (written in the decade after the Restoration). London, 1713.
74. *Hawkins W*. A Treatise of the Pleas of the Crown. 1716. Dublin, 1788.
75. *Hearn W.E.* Theory of Legal Rights and Duties: An introduction to Analytical Jurisprudence. Mealburne, 1883.
76. *Henry Home, Lord Kames*. History of the Criminal Law // Historical Law-Tracts, 2 vols. Edinburgh, 1758. Vol. I. P. 1-90.
77. *Henry of Huntingdon*. Henrici archidiaconi huntendunensis Historia Anglorum. London, 1879.
78. *Hobbes Th.* A Dialogue between a Philosopher and a Student of the Common Laws of England // *The English Works of Thomas Hobbes.* London, 1840. Vol. 6.
79. *Holdsworth W.S.* A History of English Law. L.: Methuen and Co., 1923. 7 vols.
80. *Holland E.* The Elements of Jurisprudence. Oxford: Clarendon Press, 1880.
81. *Holmes O.W.* The Common Law. Harvard University Press, 2009.
82. *Ingulf's* Chronicle of the Abbots of Croyland / Ed. by *H.T. Riley*. London, 1854.
83. *Ilbert C.* Indian Codification // Law Quarterly Review. 1889. Vol. 5. P. 347-366.
84. *Kenny C.S.* Outlines of Criminal Law. London, 1907.
85. *Kwiatkowski E*. Die Constitutio criminalis Theresiana: ein Beitrag zur Theresianischen Reichs- und Rechts-Geschichte. Innsbruck, 1904.
86. *Leibniz G.W.* De Notionibus Juris et Justitiae, preface to Codex Juris Gentium Diplomaticus, published in 1693.
87. *Leibniz G.W.* Nova Methodus Discendae Docendaeque Jurisprudentiae, Ex Artis Didacticae Principiis in parte generali praepraemissis, experientiaeque luce. Francofurti, 1667.
88. *Llewellyn K.* The Common Law Tradition: Deciding Appeals. Boston; Toronto, 1960.
89. *Macaulay T.B., MacLeod J.M., Anderson G.W., Millett F.* Notes on the Indian Penal Code by the Indian Law Commissioners // Miscellaneous Works of Lord Macaulay edited by his sister Lady Trevelyan. New York, 1880. Vol. IV. P. 177-327.
90. *Madan M*. Thoughts on Executive Justice, with respect to our Criminal Laws. London, 1785.
91. *Maine H.* Ancient Law, its connection with the early history of society and its relation to modern ideas / With an introduction and notes by *F. Pollock*. New York, 1906.
92. *Maitland F.W.* The Forms of Action at Common Law / Ed. by *A.H. Chaytor, W.J. Whittaker*. London, 1909.
93. *Maitland F.W.* The Laws of the Anglo-Saxons // The Collected Papers of Frederic William Maitland / Ed. by *H.A.L. Fisher*. Cambridge, 1911. 3 vols.
94. *Mears Lambert T.* The Institutes of Gaius and Justinian. 1882 (reprinted 2004).
95. *Nash Th.A.* The Life of Richard Lord Westbury with selections from his correspondence. London, 1888.
96. *Pearce R.R.* Guide to Inns of Court and Chancery. London: Butterworths, 1855.
97. *Pennefather F.W.* Draft of a Code of Criminal Law, prepared for the Government of South Australia; together with Explanatory Letter, Notes, Schedules, and Tables. South Australia, C.E. Bristow, Government Printer, Adelaide, 1902.
98. *Phillimore J.G.* Private Law among the Romans from the Pandects. London, 1863.
99. *Phillips Ch.* Vacation thoughts on capital punishments. London, 1857.
100. *Pollock F*. Essays in Jurisprudence and Ethics. London, 1882.
101.*Pollock F.* A First Book of Jurisprudence for Students of the Common Law. London, 1896.
102. *Pound R.* The Spirit of the Common Law. Francestown, New Hampshire, 1921.

103. *Radzinowicz L.* A History of English Criminal Law and its Administration. Vol. I: The Movement for Reform. London, 1948.
104. *Romilly S.* Observations on the Criminal Law of England: as it relates to capital punishments, and on the mode in which it is administered. London, 1811.
105. *Salmond J.W.* The First principles of Jurisprudence. London: Stevens & Haynes. Bell Yard, 1893.
106. *Salmond J.W.* Jurisprudence or the Theory of the law. London: Stevens & Haynes. Bell Yard, 1902.
107. *Savigny F.Ch. von.* Of the Vocation of Our Age for Legislation and Jurisprudence / Trans. A. Hayward. London, 1831.
108. *Spence G.* The Equitable Jurisdiction of the Court of Chancery. London, 1846.
109. *Stephen J.F.* A History of the Criminal Law of England. Cambridge, 2014.
110. *Stephen J.F.* Digests of the Criminal Law: Crimes and Punishments Digests of the Criminal Law: Crimes and Punishments. London, 1877.
111. *Stephen J.F.* Codification in India and England // Fortnightly Review. 1872. Vol. 18. P. 644-654.
112. *Stephen J.F.* The Criminal Code (1879) // The Nineteenth Century – A Monthly Review. 1880. Vol. VII. P. 136-160.
113. *Stubbs W.* The Constitutional History of England in Its Origin and Development. Clarendon Press, 1875.
114. The Treatise on the Laws and Customs of the Realm of England commonly called *Glanvill* / Ed. & trans. by *G.D.H. Hall*. London, 1965.
115. The Works of Francis Bacon / Ed. by *J. Spedding, R.L. Ellis & D.D. Heath*. London, 1857–1874. 15 vols.
116. *Tornton E.* Illustrations of the History and Practices of the Thugs, and Notices of Some of the Proceedings of the Government of India, for the Suppression of the Crime of Thuggee. London, 1837.
117. *Wharton F.* Philosophy of Criminal Law. Philadelphia, 1880.
118. *Wooddeson R.* A Systematical view of the laws of England, as treated of in a course of Vinerian lectures, read at Oxford. London; Dublin, 1792–1794. 3 vols.
119. *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов / Пер. с лат. и вступ. ст. *В.В. Эрлихмана*. СПб.: Алетейя, 2001.
120. *Бентам И.* Тактика законодательных собраний / Пер. с англ. СПб., 1907.
121. *Бентам И.* Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении с предварительным изложением начал законоположения и всеобщего начертания полной книги законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно законов. Сочинения английского юрисконсульта Иеремии Бентама. СПб., 1805.
122. *Бентам И.* Избранные сочинения Иеремии Бентама / Пер. по англ. изд. Боуринга и фр. Дюмона, А.Н. Пыпина и А.Н. Неведомского. Т. 1: Основные начала Уголовного кодекса. Санкт-Петербург, 1867.
123. *Будзинский С.* Характеристика новейших уголовных кодификаций. Варшава, 1917.
124. *Бернер А.Ф.* Учебник уголовного права: Части общая и особенная / С прим., прил. и доп. по истории русского права и законодательству положительному Н. Неклюдова. СПб., 1865-1867.
125. *Виноградов П.Г.* Римское право в средневековой Европе. М., 1910.
126. *Гильда Премудрый*. О погибели Британии. Фрагменты посланий. Жития Гильды / Пер., вступ. ст. и примеч. Н.Ю. Чехонадской. СПб., 2003.

127. *Горигляд О.* Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб., 1815.
128. *Дегай П.И.* Пособия и правила изучения российских законов. М., 1831.
129. *Демченко Г.В.* Неясность, неполнота и недостаток уголовного закона // Журнал министерства юстиции. 1904. Кн. VIII. С. 321-467.
130. *Зарудный С.И.* Беккария о преступлениях и наказаниях в сравнении с главою Х-ю Наказа Екатерины II и с современными русскими законами: материалы для разработки сравнительного изучения теории и практики уголовного законодательства. Санкт-Петербург, 1879.
131. *Зигель Ф.Ф.* История славянских законодательств: Курс лекций, читанных в императорском Варшавском университете. Ч. 1. История чешского права; Ч. 2. История польского права. Варшава, 1914.
132. *Кистяковский А.* Изложение начал уголовного права по Наказу императрицы Екатерины II. Киев, 1864.
133. *Лебедев К.Н.* Уложение законов о преступлениях и наказаниях в Германии. Санкт-Петербург: тип. К. Жернакова, 1848.
134. *Линовский В.* Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича. Одесса, 1847.
135. *Люблинский П.И.* Очерки уголовного суда и наказания в современной Англии. СПб., 1911.
136. *Малиновский І.* Учение о преступлении по Литовскому статуту. Юрьев, 1894.
137. *Миттермайер К.Ю.А.* Законодательство и юридическая практика в новейшем их развитии в отношении к уголовному судопроизводству / Пер. В. Бартенева. С.-Петербург, 1864.
138. *Муромцев С.А.* Рецепция римского права на Западе. М., 1886.
139. *Неволин К.А.* Энциклопедия законоведения. История философии законодательства. Т. 1-2. Киев, 1839-1840.
140. *Нейман И.Е.* Начальные основания уголовного права / Сочинение Профессора Ивана Неймана. Санкт-Петербург, 1814.
141. *Пахман С.В.* История кодификации гражданского права: в 2-х т. СПб., 1876.
142. *Розенкампф Г.* Некоторые замечания на уголовные и гражданские законы в отношении к России // Вестник Европы. 1803. №2. С. 141-156.
143. *Савиньи Ф.К. фон.* Система современного римского права / Пер. с нем.; под ред. О. Кутеладзе, В. Зубаря. М., 2011.
144. *Солнцев Г.И.* Российское уголовное право. Казань, 1820.
145. *Сперанский М.М.* Краткое историческое обозрение комиссии составления законов. Предложение к окончательному составлению законов // Русская старина. 1875. №2.
146. *Стифен Дж.Ф.* Уголовное право Англии в кратком очертании / Пер. с англ. *В. Спасовича*. СПб., 1865.
147. *Стоянов А.* Методы разработки положительного права и общественное значение юристов от глоссаторов до конца XVIII столетия. Харьков, 1862.
148. *Тарановский Ф.В.* Историческое и методологическое взаимоотношение истории, догмы и политики права. СПб., 1907.
149. *Фейербах Ф.* Право уголовное. Кн. 1. Философская или всеобщая часть. 1810; Кн. 2. О преступлениях и наказаниях. 1811.
150. *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права России. Ярославль, 1909.
151. *Цветаев Л.А.* Начертание теории законов. М., 1816.

152. *Чубинский М.П.* Курс уголовной политики. Ярославль, 1909.
153. *Шершеневич Г.Ф.* Очерки по истории кодификации гражданского права: в 3 тт. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1897-1899.

Научная литература на русском языке

154. Англоведение в современной России / Отв. ред. *М.П. Айзенштат, Т.Л. Лабутина*. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2018.
155. *Авакова О.В.* Формирование и функционирование английской юридической терминологии в процессе становления государства и права в Англии: Дис. ...канд. филол. наук. М., 2006.
156. *Адыгезалова Г.Э.* К. Ллевеллин о традиции общего права // Альманах современной науки и образования. 2007. №7(7). Ч. I. С. 8-9.
157. *Адыгезалова Г.Э.* Социологическая юриспруденция в США в XX веке. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2012.
158. *Адыгезалова Г.Э., Киенко Н.Д.* Сравнительный анализ правового позитивизма Джона Остина и реалистического движения в американской юриспруденции // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. №3. С. 5-10.
159. *Акчурин Т.Ф.* Рестейтмент права США: природа, понятие и аксиологическое измерение // Евразийский юридический журнал. 2016. № 9(100). С. 99–106.
160. *Алексеева Т.В., Федосеева Л.Н.* Структурно-семантические особенности и способы перевода англоязычных юридических терминов: терминосистема уголовного права // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. №2 (27). С. 346-152.
161. *Андреященко Р.А.* Пенитенциарная система Англии и Уэльса в XVI–XX вв.: историко-юридическое исследование: Дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006.
162. *Анисимова А.Г., Капшутарь Е.С.* Особенности становления английской терминологии уголовного права в V–X веках // Научный диалог. 2016. №10. С. 9-18.
163. *Аннерс Э.* История европейского права / Пер. со швед. М.: Изд-во Наука, 1994.
164. *Антонов М.В.* Кодификация как социально-историческое явление. Рецензия на книгу: *Csaba Varga.* Codification as a sociohistorical phenomenon. Budapest, 2011 // Правоведение. 2013. №4. С. 254-263.
165. *Антонов М.В.* Систематизация права: в поисках эффективности // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки / Под ред. *О.Л. Савенок и др.* Минск, 2013. С. 64-76.
166. *Антропов Р.В., Дондоков Ц.С., Лупенко И.Ю.* Кодификация законодательства как фактор становления единой политико-правовой системы: политико-правовые и философские доктрины Германии // Вестник Забайкальского гос. ун-та. 2014. №5. С. 119-128.
167. *Арзамасов Ю.Г.* Соотношение нормографии, легиспруденции и юридической лингвистики // Государственно-правовые исследования. 2020. № 3. С. 49-57.
168. *Арзамасов Ю.Г., и др.* Иерархия и координация источников права. Теоретические и сравнительные аспекты. Барнаул, 2023.
169. *Арзамасов Ю.Г., Певцова Е.А.* Роль цифровизации в систематизации юридической терминологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 4. С. 24-34.
170. *Арчер П.* Английская судебная система / Пер. с англ. *Л.А. Ветвинского*. М., 1959.
171. *Баранов В.М.* Уголовный кодекс Российской Федерации в ракурсе юридической техники // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается

200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года): Материалы VIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 30–31 мая 2013 г. М., 2013.

172. *Баранов В.М., Поленина С.В.* Система права, система и систематизация законодательства в современной России. Н. Новгород, 2002.

173. *Баранов В.Ф.* Возникновение и развитие английского общего права в XII–XVII вв.: Дис. …канд. юрид. наук. М., 2012.

174. *Барсукова В.Н.* Основы структурирования кодифицированных актов / Под ред. *И.Н. Сенякина*. М., 2011.

175. *Барсукова В.Н.* Технология структурирования кодификационных актов Российской Федерации: Дис. …канд. юрид. наук. Саратов, 2010.

176. *Барьер Ф., Дидье Ф. и др.* Цивилистические правовые традиции под вопросом / Пер. с фр. М., 2007.

177. *Безверхов А.Г., Коростелёв В.С.* Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года. Самара, 2013.

178. *Беспалько В.Г.* Ветхозаветные свидетельства Моисеева Пятикнижия о праве древнего Египта // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9. №1(37). С. 16-25; №2(38). С. 16-31.

179. *Беспалько В.Г.* Институт правонарушения как негативное отражение правовой культуры общества // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2021. №1(60). С. 14-17.

180. *Беспалько В.Г.* Религиозные преступления в Моисеевом уголовном праве и их проекции в российском законодательстве X – XXI вв. М.: ИНФРА-М, 2024.

181. *Беспалько В.Г.* Сущность религиозной правовой культуры сквозь призму особенностей иудейского, христианского и мусульманского правосознания // Экономика. Право. Общество. 2023. Т. 8. №3(35). С. 113-120.

182. *Берман Г.Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. Н.Р. Никонова, при участии Н.Н. Деевой. М., 1998.

183. *Боботов С.В.* Кодификация и систематизация законодательства в США // США: Экономика, политика, идеология. 1973. №10. С. 115-121.

184. *Богдановская И.Ю.* Закон в английском праве. М., 1987.

185. *Богдановская И.Ю.* Закон и судебный прецедент: эволюция борьбы за верховенство // Российское правосудие. 2015. №9(113). С. 18-26.

186. *Богдановская И.Ю.* Законотворческий процесс в странах «общего права»: сравнительные аспекты // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. №3(52). С. 405-413.

187. *Богдановская И.Ю.* Источники права на современном этапе развития «общего права»: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.

188. *Богдановская И.Ю.* Категория «правовая норма» в правовой доктрине стран «общего права» // Журнал российского права. 2006. № 11. С. 65-73.

189. *Богдановская И.Ю.* Особенность систематизации в странах «общего права» // Право и политика. 2007. № 7. С. 48-51.

190. *Богдановская И.Ю.* Статут в английском праве: Дис. …канд. юрид. наук. М., 1983.

191. *Богдановская И.Ю.* Эволюция судебного прецедента в «общем праве» // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2010. №2. С. 75-87.

192. *Богомолов С.А.* Теоретические проблемы модернизации Египта британской империей в 80–90-е гг. XIX века // Вестник Оренбургского гос. ун-та. 2012. №4 (140). С. 80-86.

193. *Богоненко В.А.* Опыт кодификационного нормотворчества в гражданском праве (на примере Германии) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия: экономические и юридические науки. 2015. № 6. С. 130-135.
194. *Бойко А.И.* Система и структура уголовного права: В 3-х тт. Т. I. Системология и структурализм в современной познавательной культуре. Ростов н/Д, 2007; Т. II. Системная среда уголовного права. Ростов н/Д, 2007; Т. III. Структура уголовного права и его идентификация в национальной юриспруденции. Ростов н/Д, 2008.
195. *Бочкарёв С.А.* Теоретико-методологическое исследование уголовного права как системы научного знания: Дис. …д-ра юрид. наук. М., 2020.
196. *Бошно С.В.* Правотворчество: путь от источника к форме права. М., 2002.
197. *Брауде И.Л.* Очерки законодательной техники. М., 1958.
198. *Бриксов В.В.* О юридической силе кодифицированных федеральных законов // Журнал российского права. 2003. №8. С. 82-92.
199. *Ванина Т.О., Голощапова Т.Г.* Особенности употребления терминов «грабеж» и «*robbery*» в российском и английском уголовном праве // Вестник УрГЮУ. Серия: Право. 2017. №3. С. 9-13.
200. *Варга Чаба.* Загадка права и правового мышления: избранные произведения / Пер. с англ. и венгер.; сост. и науч. ред. *М.В. Антонова*. СПб., 2015.
201. *Васильева С.А.* Генезис и эволюция доктрины пенитенциаризма в англо-американском социокультурном пространстве (конец XVII – начало XIX вв.): Дис. ... д-ра истор. наук. Рязань, 2022.
202. *Васильева С.А.* Рационалистическая теология английских протестантов XVIII века и ее влияние на уголовное правосудие // Историческая психология и социология истории. 2015. №2.
203. *Васильева С.А.* Уильям Иден в парламентской борьбе за изменение уголовного закона // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 99-111.
204. *Ведерникова О.Н.* Современные уголовно-правовые системы: типы, модели, характеристика // Государство и право. 2004. №1.
205. *Ведерникова О.Н.* Теория и практика борьбы с преступностью в Великобритании. М., 2001.
206. *Ведерникова О.Н.* Теория и практика борьбы с преступностью в условиях современной западной демократии: Канадская уголовно-правовая модель // Государство и право. 2004. №6. С. 85-94.
207. *Ветютнев Ю.Ю.* Социокультурные функции юридической систематизации // Систематизация законодательства в России (Историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы) / Под ред. *В.М. Баранова, В.Г. Графского, С.В. Кодана*. М.; Н. Новгород, 2008.
208. *Виакер Ф.* Зарождение, расцвет и кризис идеи кодификации // Фемис: ежегодник истории права и правоведения / Ред.-сост. *О.А. Омельченко*. 2000. Вып. 1. С. 128-154.
209. *Власенко Н.А.* Законодательная технология. Теория. Опыт. Правила. Иркутск, 2001.
210. Вопросы кодификации: сб. науч. ст. / Отв. ред. *А.Н. Иодковский, В.М. Чхивадзе*. М., 1957.
211. *Галузо В.Н.* От законоведения в Российской империи к лексологии в Российской Федерации // Государство и право. 2010. № 7. С. 35-40.
212. *Гальперин Г.Б.* Основные направления в области кодификации русского права в нач. XIX в. (1801–1802 гг.) // Вестник Ленинградского университета. 1960. №5.
213. *Герасимова Д.А.* Уголовно-правовые воззрения Чезаре Беккариа и Иеремиа Бентама // Изв. Сарат. ун-та. Сер. Экономика. Управление. Право. 2012. №4.

214. *Гимон Т.В.* Англосаксонские правды // Российская историческая энциклопедия. М., 2023.
215. *Глебов А.Г.* «Если кто злоумышляет против жизни короля…»: антигосударственные преступления в раннесредневековой Англии // Средние века. М., 1997. Вып. 60. С. 229-239.
216. *Глебов А.Г.* Альфред Великий и Англия его времени. СПб.: Евразия, 2015.
217. *Голованова Н.А.* Уголовное право Англии. М., 2019.
218. *Григорьева О.Г.* Особенности международного правового сотрудничества в условиях кризисных проявлений в международных отношениях // Право и управление. XXI век. 2014. № 2 (31). С. 112-113.
219. *Григорьева О.Г.* Система принципов международного правового сотрудничества Союза ССР // Юридические исследования. 2016. № 5. С. 9-23.
220. *Гродзинский М.М.* Законодательная техника и уголовный кодекс // Вестник советской юстиции. 1928. №19. С. 558-563.
221. *Грюнхут М.* Английское уголовное право // Современное зарубежное уголовное право. М., 1961. Т. 3.
222. *Грязин И.Н.* Текст права (опыт методологического анализа конкурирующих теорий). Таллин, 1983.
223. *Гуляков А.Д., Саломатин А.Ю.* Многовариантность развития федерализма (опыт сравнительного диахронного и синхронного исследования) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 5 (45). С. 63-70.
224. *Гутнова Е.В.* Возникновение английского парламента: (Из истории английского общества и государства XIII в.). М., 1960.
225. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М., 2022.
226. *Давыдова М.Л.* Сравнительная юридическая техника как перспективное направление инструментально-правовых и компаративистских исследований // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. №3 (19). С. 73-83.
227. *Денисенко В.В.* Коллизии правовых актов и механизм их разрешения: теоретико-правовой аспект: Дис... канд. юрид. наук. СПб., 2004.
228. *Денисенко В.В.* Легитимность правовых норм в западных и восточных правовых культурах // Правовая культура. 2016. № 1(24). С. 33-39.
229. *Денисов Г.И.* Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. № 8.
230. *Деннис Я.* Кодификация уголовного права // СССР–Англия: юстиция и сравнительное правоведение. М., 1986. С. 13-18.
231. *Дженкс Э.* Английское право. (Источники права. Судоустройство. Судопроизводство. Уголовное право. Гражданское право) / Пер. с англ. *Л.А. Лунц*. М., 1947.
232. *Дидикин А.Б.* Правовой позитивизм и эмпирические основания юриспруденции: концепции Дж. Остина и Г. Харта // Вестник Новосибирского государственного университета. Право. 2015. №3. С. 16-22.
233. *Дидикин А.Б.* Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск, 2016.
234. *Дмитриев И.С.* От «номоса» к «фюсису» и обратно (концепция «закон природы» в философии Ф. Бэкона) // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 2. С. 190-198.
235. Доктринальные основы юридической техники / Отв. ред. *Н.А. Власенко*. М., 2010.
236. *Донцов П.В.* Канадская доктрина международного права. Воронеж, 2016.
237. *Донцов П.В.* Правовая система Канады. Внутригосударственные и международные компоненты. Саарбрюккен, 2015.

238. *Дудырев Ф.Ф.* Формирование юридической техники в процессе кодификации законодательства стран Западной Европы в XVIII – начале XIX вв. // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2014. №2.
239. *Дунмэй П.* Актуальные проблемы уголовного права Канады, Китая и России // Право и политика. 2007. № 2. С. 60-65.
240. *Дусаев Р.Н.* Эволюция уголовного права стран Западной Европы и США. Ч. I: Эволюция уголовного права в франко-германской системе права. Петрозаводск, 1999.
241. *Епифанова Е.В.* О влиянии немецкой уголовно-правовой науки на формирование и развитие российской науки уголовного права (историко-правовой аспект) // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. №1.
242. *Епифанова Е.В.* Понятие преступления в уголовном праве Индии: традиции и современное состояние // Очерки новейшей камералистики. 2017. № 2. С. 32-34.
243. *Есаков Г.А.* Английское уголовное право: постижение современности через постижение истории // Политика и общество. 2006. № 11–12. С. 37-44.
244. *Есаков Г.А.* Англо-американское уголовное право: эволюция и современное состояние общей части: монография. М., 2007. 734 с.
245. *Есаков Г.А.* Источники уголовного права Англии // Lex Russica. Научные труды МГЮА. 2007. № 4. С. 759-784.
246. *Есаков Г.А.* Кодификация уголовного права Англии: К 160-летию первого проекта Уголовного кодекса // Уголовное право. 2004. С. 495-502.
247. *Есаков Г.А.* Основы сравнительного уголовного права. М., 2007.
248. *Желдыбина Т.А.* Проблемы кодификации права в учении Г.Ф. Шершеневича // Правоведение. 2007. №4. С. 154-160.
249. *Жидков О.А.* Избранные труды / Отв. ред. *Г.И. Муромцев, Е.Н. Трикоз*. М.: Норма, 2006. 606 с.
250. *Жидков О.А.* История буржуазного права (до периода общего кризиса капитализма). М.: [б. и.], 1971. 155 с.
251. *Жидков О.А.* Судебный прецедент в правовых системах развивающихся стран // Государство и право в развивающихся странах: сборник статей / отв. ред. В.Е. Чиркин. М.: Наука, 1985. С. 28-45.
252. *Загоруйко К.Ф.* Гленн Г.П. Являются ли правовые традиции несоизмеримыми? // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4. Государство и право. 2002. №2. С. 16.
253. *Земляков М.В.* Становление законодательства в раннесредневековой Англии: законы кентских королей VII в. // Средние века. 2014. Вып. 75. С. 262-278.
254. *Зивс С.Л.* Практика систематизации законодательства в капиталистических государствах / Отв. ред. С.В. Боботов. М., 1964.
255. *Зивс С.Л.* Развитие формы права в современных империалистических государствах. М., 1960.
256. *Иванчин А.В.* Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства. Дис. ...канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.
257. *Исаев М.М.* К вопросу о политической оценке идей классической школы уголовного права в первой половине XIX века. М., 1947.
258. *Исаков В.Б.* Язык права // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000. С. 64-79.

259. История права: Англия и Россия / Под ред. У. *Батлера, В. Нерсесянца*. М., 1990.
260. *Ишков А.Ю.* Уголовный ордонанс 1670 года – источник уголовно-процессуального права Франции эпохи абсолютизма // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2017. №5. С. 135-143.
261. *Кабрияк Р.* Кодификации / Пер. с фр. *Л.В. Головко*. М.: Статут, 2007. 476 с.
262. *Кабышев С.В.* Гармонизация законодательства: опыт Канады // Юридическая техника. 2017. №11.
263. *Кабышев С.В.* Культура законотворчества в Канаде // Юридическая техника. 2016. №10. С. 136-142.
264. *Кабышев С.В.* Техника правотворчества в Канаде // Юридическая техника. 2012. №6. С. 19-21.
265. *Какоурова Н.А.* Кодификация гражданского права Франции в XIX веке // Сибирский юридический вестник. 2013. № 2(61). С. 10-13.
266. *Карнаушенко Л.В., Трикоз Е.Н., Швец А.А., Яблонский И.В.* Правовые системы государств Содружества Наций (Австралия, Канада, Индия). Краснодар, 2019.
267. *Карташов В.Н.* Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 5: Правосистематизирующая практика. Ярославль, 1999.
268. *Касаткина Н.М.* Систематизация законодательства в странах Восточной Африки (Кения, Танзания, Уганда) // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. М., 1977. Вып. 9.
269. *Каштанов С.А., Столярова Л.В.* О предмете и задачах кодикологии и её месте среди других специальных исторических дисциплин // Средневековая Русь. М., 2001. Вып. 3. С. 230-231.
270. *Керимов Д.А.* Законодательная техника: Науч.-метод. и учеб. пособие. М., 2000.
271. *Керимов Д.А.* Кодификация и законодательная техника. М., 1962.
272. *Кириенко М.С.* Система Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации: Дис. ...канд. юрид. наук. Омск, 2015.
273. *Киселева Л.И.* Письмо и книга в Западной Европе в средние века: Лекции по латинской палеографии и кодикологии. СПб., 2003.
274. *Киселева Л.И.* Кодикология, текстология, источники, взаимосвязь и проблемы // Историческое источниковедение и проблемы ВИД. СПб., 2002. С. 38-42.
275. *Кленова Т.В.* Кодификация и текущее уголовно-правовое регулирование. Самара, 1995.
276. *Кленова Т.В.* Основы теории кодификации уголовно-правовых норм: Дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2001. 387 с.
277. *Кленова Т.В.* Принципы уголовного права и принципы кодификации в уголовном праве // Государство и право. 1997. № 1. С. 54-59.
278. *Ковалев М.И.* К вопросу о теории уголовного кодекса // Советское государство и право. 1988. №5. С. 74-82.
279. *Ковалев М.И.* О технике уголовного законодательства // Правоведение. 1962. №3. С. 142-146.
280. *Ковалев М.И.* Роль законодательной техники в конструировании норм уголовного законодательства // Вопросы совершенствования уголовно-правовых норм на современном этапе. Свердловск, 1986. С. 4-10.
281. *Ковалев М.И., Козаченко И.Я.* О реформе уголовного законодательства Канады // Советское государство и право. 1990. №5. С. 131-135.

282. *Ковалев М.И., Козаченко И.Я.* Уголовное законодательство Канады о преступлениях против государства // Правоведение. 1992. №1. С. 103-107.
283. *Кодан С.В.* Российский Трибониан: М.М. Сперанский и создание Свода законов Российской империи // Михаил Михайлович Сперанский в российской правовой и исторической науке: к 250-летию со дня рождения: Сб-к научных трудов. СПб., 2021. С. 172-191.
284. *Кодан С.В.* Научные труды юристов в системе источников изучения истории государства и права // Российский юридический журнал. 2016. № 6 (111). С. 189-195.
285. *Кодан С.В.* Развитие системы российского права: основания и процесс создания юридической конструкции построения нормативного материала (IX – середина XVII в.) // Юридическая техника. 2013. № 7-2. С. 297-308.
286. *Кодан С.В.* Акты систематизации законодательства как опорные точки в периодизации истории русского права (IX – начало XX в.) // Вестник Самарского юридического института. 2013. № 2 (10). С. 105-110.
287. *Кодан С.В.* Доктринальный анализ в юридическом источниковедении: понимание, место в юридических практиках, технологическая модель проведения // Юридическая техника. 2023. №17. С. 86-93.
288. Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы междунар. науч.-практ. конференции (г. Нижний Новгород, 25-26 сентября 2008 г.) / Под. ред. *В.М. Баранова, Д.Г. Краснова*. Н. Новгород, 2009.
289. Кодификация российского частного права / Под ред. *П.В. Крашенинникова*. М., 2015.
290. *Козочкин И.Д.* Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007.
291. *Колосов И.В.* Действительно ли И. Бентам был первым правовым утилитаристом? // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. № 2. С. 438-471.
292. *Колосов И.В.* Уголовное право Англии XIX в. – эффект колеи утилитаризма? // Право – явление цивилизации и культуры. М.: РУДН, 2021. С. 391-398.
293. *Колосов И.В.* Юридический позитивизм Джона Остина и утилитаризм Иеремия Бентама: диалектика соотношения // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 3А. С. 51-59.
294. *Коняхин В.П.* Теоретические основы построения общей части российского уголовного права: Дис. ...д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002.
295. *Коняхин В.П.* Общая часть проекта. Уголовное уложение 1813 г.: ретроспективный анализ и перспективный прогноз // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее. Материалы VIII Российского конгресса уголовного права. М., 2013. С. 117-121.
296. *Коробеев А.И.* Уголовное законодательство стран АТР: типичное и особенное // Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век. Владивосток, 2004. С. 412-425.
297. *Косарев А.Н.* Англосаксонская и романо-германская формы буржуазного права. Калинин, 1977.
298. *Котляр И.А.* Понятие «*Jus commune*» в европейской правовой традиции // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2009. №5. С. 89-91.
299. *Кочемасов А.В.* Влияние европейского опыта кодификации уголовного права на кодификацию уголовного права в США в конце XVIII – начале XIX в // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. №3. С. 76-77.
300. *Кочемасов А.В.* Исторический опыт кодификации уголовного права в США в XIX – начале XXI в.: Дис. …канд. юрид. наук. М., 2015. 265 с.
301. *Кочемасов А.В.* Проблемы кодификации федерального уголовного права США // Вестник Московского университета. Сер.11. Право. 2013. №6.

302. *Крашенинников П.В.* Зарождение права. М.: Статут, 2016.
303. *Крашенинников П.В.* Античное право: Очерки истории. М.: Статут, 2018.
304. *Крашенинников П.В.* Кодификация отечественного гражданского права // Кодификация российского частного права / Под ред. *П.В. Крашенинникова*. М., 2015. С. 22.
305. *Крашенинникова Н.А.* Индусское право: история и современность. М., 1982.
306. *Крашенинникова Н.А.* Правовая культура современной Индии: инновационные и традиционные черты. М., 2009.
307. *Трикоз Е.Н., Крашенинникова Н.А.* Сравнительное уголовное право (Индия): Учебное пособие. М.: Юрайт, 2020. 178 с.
308. *Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н.* Институт наказания в Уголовном кодексе Индии 1860 г.: пенологические теории // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т.12. С. 431-443.
309. *Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н.* Система исключающих ответственность обстоятельств в Уголовном кодексе Индии // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 2018. №5. С. 26-49.
310. *Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н.* Типология обстоятельств, исключающих ответственность, в уголовном праве Индии // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 5. С. 19-22.
311. *Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н.* Формирование института соучастия в уголовном праве Индии XIX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Том 22, № 1. С. 66-90.
312. *Крашенинникова Н.А., Трикоз Е.Н.* Цели и система наказаний в Уголовном кодексе Индии 1860 г. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2018. № 1. С. 23-43.
313. *Крылова Н.Е., Серебренникова А.В.* Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). М., 1998.
314. *Крючков М.А.* Учения Генри Брактона // European research. 2015. №4 (5).
315. *Кузнецова Н.Ф.* О законодательной технике в уголовном праве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2004. №4. С. 41-53.
316. *Кухарук Т.В.* Систематика и систематизация законодательства // Изв. вузов. Правоведение. 1993. № 5.
317. *Лапшина И.Е.* Основные этапы развития английского права // Концепт. 2018. №10.
318. *Лафитский В.И.* Сравнительное правоведение в образах права. М., 2010.
319. *Лесив Б.В*. Правовой реализм: доктрина Оливера Холмса о судебном правотворчестве: Дис. …канд. юрид. наук. М., 2022.
320. *Лопашенко Н.А.* Принципы кодификации уголовно-правовых норм / Под ред. *Н.С. Шостака*. Саратов, 1989.
321. *Лысенко О.Л.* История кодификации торгового права Германии в XIX в. М.: Макс Пресс, 2001.
322. *Лысенко О.Л.* Уголовно-правовые положения Каролины 1532 г. в средневековой Германии: конкретно-исторический и догматический методы изучения // Жидковские чтения. Мат-лы Всероссийской научной конференции. М.: Изд. РУДН, 2018. С. 429-436.
323. *Малешина А.В.* Ответственность за преступные деяния против жизни в странах общего права: на примере Англии, США и Канады: Дис. ...к.ю.н. М., 2009.
324. *Малиновский А.А.* Доктрина как источник уголовного права (сравнительно-правовые аспекты) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 1.
325. *Малиновский А.А.* Критико-правовой метод в юриспруденции // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 2(7).

326. *Малиновский А.А.* Методологические вопросы сравнительного исследования уголовного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2007. № 2.
327. *Малиновский А.А.* Методология сравнительного правоведения // Вестник университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 3(19).
328. *Малиновский А.А.* Особенности юридической техники в зарубежном уголовном законодательстве // Международное и национальное уголовное законодательство: проблемы юридической техники. М.: Изд-во МГУ, 2004.
329. *Малиновский А.А.* Сравнительное правоведение в сфере уголовного права. М., 2002.
330. *Малиновский А.А.* Сравнительное уголовное право. Учебник. М., 2016.
331. *Малиновский А.А.* Уголовно-правовые системы: вопросы классификации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 3. С. 14-19.
332. *Малиновский А.А.* Юридическая техника в зарубежных правовых семьях (взгляд компаративиста) // Юридическая техника. 2016. № 10.
333. *Малько А.В., Субочев В.В.* Законные интересы и кодификация российского законодательства // Кодификация законодательства: теория, практика, техника / Под ред. *В.М. Баранова, Д.Г. Краснова*. Н. Новгород, 2009. С. 32.
334. *Мальцев Г.В.* Культурные традиции права. М.: Норма, 2023. 608 с.
335. *Марей А.В.* К осмыслению феномена рецепции римского права: формирование *ius commune* в Западной Европе в XII – XIV вв. // Государство и право. 2012. № 5. С. 96-102.
336. *Маруков А.Ф.* Тюремная политика Англии и Уэльса: историко-правовое исследование: Дис. ...д-ра юрид. наук. СПб., 2001.
337. *Маслов М.Ю.* История создания трактата Уильяма Блэкстона «Комментарии к законам Англии» // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2009. №4. С. 122-130.
338. *Матинян М.А.* Парламентское законодательство в правовой системе Англии (XI–XX вв.): историко-правовой анализ: Дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.
339. *Михайлов А.М.* Генезис континентальной юридической догматики. М.: Юрлитинформ, 2012.
340. *Михайлов А.М.* К вопросу о философско-методологических основаниях английского юридического позитивизма XIX столетия (правовые учения Й. Бентама и Д. Остина) // Право и политика. 2020. №11. С. 64-75.
341. *Михайлов А.М.* Универсальные пути правогенеза: немецкая историческая школа права и семья общего права // Российский юридический журнал. 2009. № 4. С. 55.
342. *Михайлов А.М., Корженяк А.М., Зройчикова А.П., Костикова А.А.* Ранний юридический позитивизм в Англии, Германии и Испании второй половины XIX – начала XX века: антология. М., 2021.
343. *Михайлов А.М., Трикоз Е.Н.* Юридический позитивизм, верховенство права и кодификация: монография. М.: Русайнс, 2022.
344. *Михайлов А.М.* Основные этапы генезиса континентальной юридической догматики // Право и политика. 2012. № 11(155). С. 1875-1884.
345. *Момотов В.В.* Российский уголовный процесс в контексте континентальной и англосаксонской правовых традиций // Уголовный процесс. 2023. № 10 (226). С. 24-35.
346. *Момотов В.В.* Принципы справедливости и целесообразности в институтах англо-американских и континентально-европейских правопорядков // Российское правосудие. 2018. № 1 (141). С. 35-48.
347. *Муромцев Г.И.* Источники права в развивающихся странах Азии и Африки. Система и влияние традиции. М., 1987.

348. *Муромцев Г.И.* Российские кодификации досоветского периода: культурно-исторический аспект // Вестник РУДН. Юридические науки. 2009. №5.
349. *Нематов А.Р.* Правотворческая составляющая кодификации законодательства // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. №5. С. 30-35.
350. *Никифоров А.С.* Уголовное право современной Англии. (Обзор английской литературы по уголовному праву) // Советское государство и право. 1954. №6. С. 139-145.
351. *Никифоров А.С.* Юридическое лицо как субъект преступления и уголовной ответственности. М., 2002.
352. *Никифоров Б.С., Решетников Ф.М.* Современное американское уголовное право. М., 1990.
353. Нормография: теория и методология нормотворчества: учебник / Под ред. *Ю.Г. Арзамасова*. М., 2007.
354. Нормография: теория и технология нормотворчества: учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. *Ю.Г. Арзамасова*. М., 2017.
355. Нормотворческая юридическая техника / Под ред. *Н.А. Власенко*. М., 2011.
356. *Оглезнев В.В., Суровцев В.А.* Аналитическая философия права Г. Харта и правовой реализм // Изв. вузов. Правоведение. 2013. №4 (309). С. 137-142.
357. *Оксамытный В.В.* Система уголовных наказаний в Англии. Киев, 1977.
358. *Оксамытный В.В.* Сравнительная теория закона и ее место в юридической компаративистике. Киев, 2009. Вып. 16.
359. *Оксамытный В.В.* Уголовная политика Англии в свете правового утилитаризма И. Бентама // Вестник БГУ. 2012. №2. С. 225-227.
360. *Орлов А.А.* «Пусть Иеремия Бентам приготовит… кодекс!» Трактат Дж. Бентама «План всеобщего и вечного мира» (1786 – 1789 гг.) и его влияние на Россию // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2015. №2. С. 53-62.
361. *Остроух А.Н.* Учение Бентама о праве: Дис. …канд. юрид. наук. М., 2002.
362. *Паламарчук А.А.* Цивильное право в раннестюартовской Англии: институты и идеи / Сер. Pax Britannica. Санкт-Петербург, 2015.
363. *Паламарчук А.А.* Эдвард Кок и особенности систематизации английского общего права в начале XVII в. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. 2012. No. 9. С. 199.
364. *Панько К.К.* Методология и теория законодательной техники уголовного права России. Воронеж, 2004. 272 с.
365. *Панько К.К.* Теория и практика законотворчества в уголовном праве. М., 2011. 312 с.
366. *Пахалов М.Ю.* Судебный процесс в средневековой Англии: проблема соотношения юридических и ритуальных форм: Дис. ...канд. юрид. наук. М., 2007.
367. *Пашенцев Д.А.* Методология сравнительного правоведения: от классических традиций к постнеклассическим новациям // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. Т. 20. №2. С. 5-13.
368. *Пашенцев Д.А.* Концептуальные основания историко-правовой науки: от классических традиций к современным новациям // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 9. С. 5-14.
369. *Пашенцев Д.А.* Судебник 1550 года – памятник систематизации отечественного средневекового права // Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.): Сборник научных трудов. М., 2021. С. 27-32.
370. *Петрова Е.А.* Система источников современного американского права (теоретический и сравнительно-правовой аспекты): Дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2004.
371. *Пименова П.Д.* Институционный и пандектный принцип изложения норм гражданского права // Colloquium-journal. 2020. №8 (60). С. 169-172.

372. *Полдников Д.Ю.* Договорные теории глоссаторов. М., 2008.
373. *Полдников Д.Ю.* Этапы развития научной доктрины *ius commune* в Западной Европе в XII–XVIII вв. // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. №1. С. 93-98.
374. *Полдников Д.Ю.* Сравнительная история зарубежного права: В 2х тт. М.: Норма, 2023.
375. *Полдников Д.Ю.* Правовая традиция как идеологизированное понятие западной юриспруденции // История государства и права. 2024. №12. С. 42-48.
376. *Полдников Д.Ю.* «Право ученых» как фактор становления социальной нормы верховенства права в Западной Европе // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. №6. С. 143-168.
377. *Полдников Д.Ю., Фогельсон Ю.Б.* Социальная история права как фактор верховенства права // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. №2. С. 59-93.
378. *Попова А.А.* Становление системы источников права Австралии в колониальный период: конец XVIII–XIX вв.: Дис. ...канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.
379. Правовая культура и правовая традиция: Сборник статей памяти Н.А. Крашенинниковой / Под общ. ред. *С.И. Нагих, О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз*. М.: Норма, 2023.
380. *Рахманина Т.Н.* Кодификация законодательства. М., 2005.
381. *Решетников Ф.М.* «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление в уголовном праве. М., 1985.
382. *Решетников Ф.М.* Системы Особенной части в уголовном законодательстве США // Проблемы уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Труды ИЗиСП. М., 1994. № 56. С. 114-115.
383. *Решетников Ф.М.* Особенная часть уголовного права зарубежных государств (преступления против личности). М., 1976.
384. *Романов А.К.* Право и правовая система Великобритании. М.: ИНФРА-М, 2023.
385. *Рубанова С.Н.* Примечания к статьям Уголовного кодекса Российской Федерации: понятие, значение и виды: Дис. ...к.ю.н. Краснодар, 2011.
386. *Рудоквас А. Д., Томас Ф. Дж.* Сосуществование и гармонизация различных правовых традиций Южной Африки // Изв. вузов. Правоведение. 2023. Т. 67(2). С. 20.
387. *Савельев В.А.* Юридическая техника римской юриспруденции классического периода // Журнал российского права. 2008. №12.
388. *Саврико И.В.* Влияние доктрины на процесс систематизации уголовного права Великобритании в XVII–XIX вв. // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2021» / Отв. ред. *И.А. Алешковский* и др. М., 2021.
389. *Саломатин А.Ю., Макеева Н.В.* Влияние этносов и этничности на развитие государственно-правовых и политических систем // Изв. вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 2 (58). С. 36-45.
390. *Саломатин А.Ю., Малько А.В.* Правовые системы современности: монография. М., 2016.
391. *Саломатин А.Ю., Наквакина Е.В.* Трудности становления этнических федераций в странах Азии и Африки // Право: история и современность. 2021. № 2(15). С. 107-117.
392. *Санников С.В.* Не переводившиеся ранее фрагменты англосаксонских законов (*domas*) королей Инэ и Альфреда // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2008. Т. IV. Вып. 2. С. 67-70.
393. *Санников С.В.* Перевод пролога к кодексу короля Альфреда // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2009. Т. VIII. Вып. 1. С. 205-209.

394. *Сафонов В.Н.* Конституционное правотворчество в деятельности Верховного суда США. Историко-правовое исследование. М.: Проспект, 2020. 288 с.
395. *Свирин Ю.А.* Когерентность системы права // Актуальные проблемы российского права. 2015. №6.
396. *Святовец О.А.* Генри Брактон и трактат «О законах и обычаях Англии»: Из истории политической мысли XIII века: Дис. ... канд. истор. наук. Санкт-Петербург, 2000.
397. *Сигалов К.Е.* Кодификация и правовое время // История государства и права. 2007. №23. С. 35-37.
398. *Сигалов К.Е.* Цивилизационные основания нормативного мышления // Право – явление цивилизации и культуры. Материалы III Международной научной конференции. М., 2021. С. 159-165.
399. *Сигалов К.Е.* Пространственные и темпоральные основания освоения правовой цивилизации: покорение или абсорбция // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 42-65.
400. *Сизова В.Н.* Эволюция системы уголовного законодательства Англии // Вестник Санкт-петербургской юридической академии. 2020. №4(49). С. 96-103.
401. *Сизова В.Н.* Эволюция системы уголовного законодательства Соединенных Штатов Америки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. №3(51). С. 145-150.
402. Систематизация законодательства в Российской Федерации / Под ред. *А.С. Пиголкина*. СПб., 2003.
403. Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения) / Под общ. ред. *Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило*. М., 2020.
404. Систематизация законодательства как способ его развития / Отв. ред. *В.А. Сивицкий*. М.: Изд. Высшей школы экономики, 2010. 535 с.
405. *Ситникова А.И.* Законодательная текстология уголовного права: Дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2014.
406. *Скурко Е.В.* Язык права. М.: Юрлитинформ, 2022.
407. *Сорокина Е.А.* Преподавание римского права в Англии: магистр Вакарий (*magister Vacarius*) // Вестник РУДН. Сер. Юридические науки. 2014. №4. С. 67-73.
408. *Степанова Н.А.* Великобритания в Содружестве наций: прошлое, настоящее, будущее // Вестник МГИМО. 2014. №4 (37). С. 216-220.
409. *Субочев В.В.* Законные интересы в механизме правового регулирования: монография / Сер. Res cottidiana. М., 2007. 187 с.
410. *Сулейманова С.Т.* Уголовное право Канады: основные институты общей части, их особенности и эволюция: Дис. ...к.ю.н. М., 2013.
411. *Сумина Е.Е.* Содружество Наций: правовая природа, структура, принципы и формы деятельности: Дис. …канд. юрид. наук. СПб., 1997.
412. *Сюкияйнен Л.Р.* Исламское уголовное право: от традиционного к современному // Российский ежегодник уголовного права. СПб, 2008. С. 571-596.
413. *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001.
414. Теоретические вопросы систематизации законодательства / Под ред. *С.Н. Братуся, И.С. Самощенко*. М., 1962.
415. *Тепляшин П.В.* Истоки и развитие английского тюрьмоведения. Красноярск, 2005.

416. *Тихомиров Ю.А.* Кодекс среди законов // Право и экономика. 2002. №2.
417. *Тихомиров Ю.А.* Теория кодекса // Кодификация законодательства: теория, практика, техника / Под ред. *В.М. Баранова*. Н. Новгород, 2009. С. 38-45.
418. *Тихомиров Ю.А., Талапина Э.В.* О кодификации и кодексах // Журнал российского права. 2003. №3. С. 47-54.
419. *Тихомиров Ю.А., Юртаева Е.А.* Кодекс в системе законодательных и иных правовых актов // Журнал российского права. 1997. №4.
420. *Толстик В.А.* Иерархия источников российского права: Дис. …д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002.
421. *Томсинов В.А.* Источники британского «колониального права» в Тропической Африке (начало XIX–середина XX вв.): Дис. …канд. юрид. наук. М., 1981.
422. *Томсинов В.А.* О сущности явления, называемого «рецепцией римского права в Западной Европе в Средние века» // Общая теория государства и права / Отв. ред. *М.Н. Марченко*. М., 2001. Т. 2. С. 310-311.
423. *Томсинов В.А.* Прерогативы королевской власти в Англии в первые десятилетия XVII в. и Петиция о праве 1628 г. // Проблемы истории государства и права. М., 2009. С. 77-79.
424. *Томсинов В.А.* Римское право в средневековой Англии // Античная Древность и Средние века. Проблемы социального развития. Свердловск, 1985. С. 122–134.
425. *Томсинов В.А.* Систематизация российского законодательства в первой четверти XIX века // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2008. №3. С. 14-49.
426. *Томсинов В.А.* Юриспруденция в духовной культуре древнего и средневекового общества: Дис. ...д-ра юрид. наук. М., 1993.
427. *Тонков Е.Н.* История формирования английской доктрины толкования закона // Ленинградский юридический журнал. 2013. №4 (34). С. 107-108.
428. *Тонков Е.Н.* Толкование закона в Англии: Statutory interpretation in England Statutory interpretation in England: монография. СПб.: Алетейя, 2013. 346 с
429. *Тонков Е.Н.* Английская доктрина толкования закона: история и современность: Дис. ...канд. юрид. наук. М., 2013.
430. *Третьякова О.Д.* Кодификация как средство конвергенции права // Кодификация законодательства: теория, практика, техника / Под ред. *В.М. Баранова, Д.Г. Краснова*. С. 180-183.
431. *Трикоз Е.Н.* Японская традиция сравнительного права // Эволюция сравнительно-правовых исследований в западной и восточной традиции права: Коллективная монография / Под общ. ред. *М.В. Захаровой*. – М.: Изд. центр Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. С. 120-139.
432. *Трикоз Е.Н.* Систематизация международного уголовного права: история и практика. Монография. М.: Издательство РУДН, 2019. 165 с.
433. *Трикоз Е.Н.* Особенности защиты жертв преступлений в национальном законодательстве и международном уголовном праве; Преступления против отправления правосудия в международном уголовном праве // Международное уголовное правосудие: Современные проблемы / Под ред. *Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз*. М., 2009. С. 227-236; 373-385.
434. *Трикоз Е.Н.* Преступления против мира и безопасности человечества: Сравнительный и международно-правовой аспекты. Монография. М.: Юрлитинформ, 2006. 512 с.

435. *Трикоз Е.Н.* Развитие уголовного законодательства в условиях глобализации // Глобализация и развитие законодательства: Очерки / Отв. ред. *Ю.А. Тихомиров, А.С. Пиголкин*. М.: Городец, 2004. С. 376-418.

436. *Трикоз Е.Н.* Австралийская традиция. Собственность как объект уголовно-правовой защиты в Англии и Австралии // Право собственности в русской и западной традиции: История и современность: Монография / Науч. ред. *В.В. Момотов*. Краснодар: Изд-во Кубанского государственного университета, 2001. С. 148-177.

437. *Трикоз Е.Н.* Основные принципы австралийского уголовного права / И.Д. Козочкин, Е.Н. Трикоз // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2000. № 2. С. 161-166.

438. *Трикоз Е.Н.* «Кодекс Ур-Наммы»: особенности шумерской правовой традиции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 1 (306). С. 219-231.

439. *Трикоз Е.Н.* «Кодистика» (учение о технике кодификации) в международном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 4 (291). С. 109-126.

440. *Трикоз Е.Н.* «Уложение» Василия Лупу 1646 года: к вопросу об истории создания // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2017. № 5. С. 115-122.

441. *Трикоз Е.Н.* 60-летняя годовщина завершения Нюрнбергского судебного процесса // Журнал российского права. 2007. № 1. С. 141-151.

442. *Трикоз Е.Н.* Военно-сословные кодификации в средневековой Японии (эпоха первых сёгунатов) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24. С. 965-984.

443. *Трикоз Е.Н.* Гендерные аспекты международного уголовного правосудия // Международное правосудие. 2011. № 1. С. 98-110.

444. *Трикоз Е.Н.* Генезис и специфика системы источников права Новой Зеландии / Е.Н. Трикоз, А.А. Швец. // Общество и право. 2023. № 3 (85). С. 115-119.

445. *Трикоз Е.Н.* Гибридные правовые системы и их место в смешанном правовом семействе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 4(32). С. 91-98.

446. *Трикоз Е.Н.* Десять лет Уголовному кодексу Российской Федерации: достижения и недостатки // Журнал российского права. 2006. №4. С. 138-145.

447. *Трикоз Е.Н.* Доктринальные основы систематизации права в Англии (К 300-летию У. Блэкстона, автора "Комментариев") / Е.Н. Трикоз, А.А. Швец // Общество и право. 2023. № 2(84). С. 100-107.

448. *Трикоз Е.Н.* Древний Шумер: особенности правовой традиции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 3. С. 108-115.

449. *Трикоз Е.Н.* Институт наказания в Уголовном кодексе Индии 1860 г.: пенологические теории / Е.Н. Трикоз, Н.А. Крашенинникова // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12(3). С. 431-443.

450. *Трикоз Е.Н.* Институт необходимой обороны в Уголовном кодексе Индии 1860 г. // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право. 2019. Т. 10(1). С. 124-135.

451. *Трикоз Е.Н.* Исследование феномена кодификации права на основе сравнительно-исторического подхода // Гармонизация подходов в исследованиях и обучении праву. Жидковские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции (г. Москва, 27–28 марта 2015 г.) / Отв. ред. *М.В. Немытина*. М.: Издательство РУДН, 2015. С. 353-358.

452. *Трикоз Е.Н.* Историко-культурные особенности правового пространства Канады / Е.Н. Трикоз, А.А. Швец // Общество и право. 2024. № 4 (90). С. 123-129.
453. *Трикоз Е.Н.* Исторические основы международного военно-уголовного права // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2007. № 4. С. 109-112.
454. *Трикоз Е.Н.* История кодификации права. Клинописные своды законов. «Кодекс Ур-Наммы»: Учебное пособие. М.: Издательство РУДН, 2013. 114 с.
455. *Трикоз Е.Н.* Источники (формы права); Правотворчество; Систематизация права; Смешанные и иные правовые системы // Теория государства и права: Учебник / Отв. ред. *А.А. Малиновский*. М.: Издательство МГИМО, 2019. 369 с.
456. *Трикоз Е.Н.* Кодекс «Тайхо рицурё» (VIII в.) // История государства и права зарубежных стран: Избранные памятники права. Древность и Средневековье: учебное пособие / Под науч. ред. Н.А. Крашенинниковой. – М.: Норма, 2025. С. 102-132.
457. *Трикоз Е.Н.* Кодификация и системность права в проблематике раннего английского позитивизма / Е.Н. Трикоз, А.А. Швец // Общество и право. 2022. № 1 (79). С. 126-132.
458. *Трикоз Е.Н.* Кодификация как высшая форма систематизации международного уголовного права // Современные проблемы развития международного и конституционного права: Сборник материалов Международной научно-практической конференции памяти Д.И. Фельдмана / Отв. ред. *Г.И. Курдюков, О.М. Смирнова*. Казань, 2008. С. 302-306.
459. *Трикоз Е.Н.* Международно-правовая законность (к постановке проблемы) // Международное публичное и частное право. 2006. № 5 (32). С. 7-11.
460. *Трикоз Е.Н.* Международные организации в сфере международного уголовного права // Право международных организаций: Учебник / Под ред. *А.Х. Абашидзе*. М.: Юрайт, 2023. С. 333-346.
461. *Трикоз Е.Н.* Меры уголовно-правового характера в Австралии и Индии: понятие и виды / Е.Н. Трикоз, А.А. Швец // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 52-57.
462. *Трикоз Е.Н.* Модель советской уголовно-правовой кодификации: методологические и юридико-технические особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2022. Т. 26. № 4. С. 890-920.
463. *Трикоз Е.Н.* Обычное уголовное право аборигенов Австралии (теоретические проблемы исследования) // Право и политика. 2000. № 4. С. 115-119.
464. *Трикоз Е.Н.* Особенности кодификации права в средневековой Японии / Е.Н. Трикоз // Правовые традиции. Жидковские чтения: материалы Международной научной конференции (г. Москва, 29–30 марта 2013 г.) / Отв. ред. *М.В. Немытина*. М.: РУДН, 2014. С. 327-333.
465. *Трикоз Е.Н.* Периодизация и сравнительно-историческая типология права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2014. № 2. С. 132-144.
466. *Трикоз Е.Н.* Политика колониальных властей по отношению к обычному праву австралийских аборигенов в XIX веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2006. № 1. С. 10-18.
467. *Трикоз Е.Н.* Правовые трансплланты и модельные кодексы в странах со смешанной правовой системой / Е.Н. Трикоз, А.А. Швец // Общество и право. 2023. № 1 (83). С. 93-100.
468. *Трикоз Е.Н.* Преступления против человечности в международном уголовном праве // Московский журнал международного права. 2006. № 2. С. 100-117.
469. *Трикоз Е.Н.* Противодействие транснациональной преступности: международный и национальный уровни // Правовое обеспечение безопасности Российской Федерации: Научно-

практическое пособие / Отв. ред. *В.Г. Вишнякова*. М.: Юридическая литература, 2005. С. 277-303.

470. *Трикоз Е.Н.* Реализация права. Правоприменение // Теория государства и права: Учебник / Под ред. *А.А. Клишаса*. М.: Статут, 2019. С. 333-357.

471. *Трикоз Е.Н.* Система противодействия терроризму в странах Содружества Наций (на примере Австралии, Канады, Индии) / Е.Н. Трикоз, А.А. Швец // Общество и право. 2017. № 4(62). С. 99-104.

472. *Трикоз Е.Н.* Систематизация права // Проблемы теории государства и права: Учебник / Под ред. *Н.А. Власенко*. М.: Норма, 2020. С. 280-308.

473. *Трикоз Е.Н.* Систематизация права Англии в начале XVII века: значение идей Фрэнсиса Бэкона // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 54. – С. 660-688.

474. *Трикоз Е.Н.* Специфика координационных норм в международном уголовном праве // Государство и право. 2011. № 7. С. 59-67.

475. *Трикоз Е.Н.* Сравнительно-историческое исследование кодификации права // Сравнительные исследования правовых систем, правовых культур: Учебное пособие / Под ред. М.*В. Немытиной*. М.: Издательство РУДН, 2016. С. 230-260.

476. *Трикоз Е.Н.* Становление уголовно-правовой системы Канады // Журнал российского права. 2004. №8. С. 138-146.

477. *Трикоз Е.Н.* Типология обстоятельств, исключающих ответственность, в уголовном праве Индии / Е.Н. Трикоз, Н.А. Крашенинникова // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 5. С. 19-22.

478. *Трикоз Е.Н.* Уголовное законодательство Индии; Уголовное законодательство Египта; Уголовное законодательство Австралии // Полный курс уголовного права: в 10 т. – Т. X. Уголовное право зарубежных стран / Под ред. *А.И. Коробеева*. СПб.: Юридический центр-Академия, 2021. С. 681-706; 1032-1060; 1082-1113.

479. *Трикоз Е.Н.* Уголовный кодекс Индии 1860 г.: эволюция понятия и целей наказания // История государства и права. 2018. № 1. С. 29-35.

480. *Трикоз Е.Н.* Уголовный кодекс Индии 1860 года: история создания и характерные черты / Е.Н. Трикоз, Н.А. Крашенинникова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2017. № 4. С. 183-206.

481. *Трикоз Е.Н.* Формирование древнеегипетского права: у истоков древнейшей правовой традиции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 1. С. 183-193.

482. *Трикоз Е.Н.* Формирование института соучастия в уголовном праве Индии XIX в. / Е.Н. Трикоз, Н.А. Крашенинникова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 66-90.

483. *Трикоз Е.Н.* Формирование концептуальной модели преступлений против мира и безопасности человечества // Государство и право. 2007. №8. С. 97-104.

484. *Трикоз Е.Н.* Формирование системы источников уголовного права Австралии в XIX – начале XX вв // Журнал российского права. 2003. №7. С. 159-170.

485. *Трикоз Е.Н.* Формирование статутного уголовного права Англии в эпоху высокого средневековья // Право и общество: эволюция во взаимодействии. Жидковские чтения: Материалы Международной научной конференции (г. Москва, 28–29 марта 2014 г.) / Отв. ред. *Г.И. Муромцев, М.В. Немытина*. М.: Издательство РУДН, 2015. С. 324-333.

486. *Трикоз Е.Н.* Формирование уголовно-правовой системы Европейского союза // Журнал российского права. 2007. №10. С. 89-107.

487. *Трикоз Е.Н.* Цели уголовного права Австралии // Право и политика. 2000. № 11. С. 81-84.
488. *Трикоз Е.Н.* Преступления против мира и безопасности человечества в новых уголовных кодексах государств-участников Содружества Независимых Государств // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 6 (251). С. 76-91.
489.Уголовное законодательство России и стран АТР: компаративное исследование: монография / Отв. ред. *А.И. Коробеев*. Владивосток, 2008.
490.*Удальцова З.В.* Законодательные реформы Юстиниана // Византийский временник. 1955. Т. 26. С. 3–7.
491.*Умралкар П.Б.* Современное уголовное право Индии (Основные институты): Дис. …канд. юрид. наук. М., 1975.
492.*Утевский Б.С.* История уголовного права буржуазных государств. М., 1950.
493.*Ушаков А.А.* О законографии как науке о правотворчестве // Ученые записки Пермского университета. Вып. 5. Государство, право, законность. Пермь, 1974.
494.*Ушаков А.А.* О науке законографии, ее содержании и задачах // Правоведение. 1975. № 4. С. 20-24.
495.*Флетчер Дж., Наумов А.В*. Основные концепции современного уголовного права. М., 1998.
496.*Хабриева Т.Я.* Кодификация российского законодательства в условиях федеративного государства // Кодификация законодательства: теория, практика, техника / Под ред. *В.М. Баранова, Д.Г. Краснова*. Н. Новгород, 2009. С. 35-36.
497. *Хасан М.Дж*. Преступления против жизни и здоровья по уголовному праву Индии и Бангладеш: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
498. *Хатунов С.Ю.* Берглэри как тяжкое уголовное преступление в средневековой Англии // Научный вестник Омской академии МВД России. 2011. №4. С. 48-52.
499. *Хатунов С.Ю.* Обычай как источник уголовного права в феодальной Англии // Изв. вузов. Северо-Кавказский регион: Общественные науки. Ростов н/Д., 2003. № 6. С. 81-87.
500. *Хатунов С.Ю.* Преступление и наказание в средневековой Англии (англосаксонский, англо-нормандский, анжуйский периоды). М., 2003.
501. *Хатунов С.Ю.* Уголовная ответственность в средневековой Англии. Ставрополь, 2003.
502. *Царьков И.И.* Развитие правопонимания в европейской традиции права. СПб., 2006.
503. *Циммерманн Р.* «Двойной перекресток»: сравнение шотландского и южноафриканского права // Древнее право. 2005. № 2(16). С. 164-191.
504. *Чашин А.Н.* Кодификаторы // Профессиональная карьера юриста. М., 2009. С. 52-55.
505. *Чашин А.Н.* Теория юридической систематизации: Монография. М., 2010.
506. *Челышев П.В.* Ф. Бэкон – основатель методологии экспериментальной науки Нового времени // Манускрипт. 2017. №3-1 (77). С. 180.
507. *Червонюк В.И.* Законодательная власть в зарубежных странах. Ч. II. Законодательные производства. М., 2012.
508. *Чиркин С.В.* Великая хартия вольностей 1215 г. // Документы по истории зарубежного права / Под ред. *Н.А. Крашенинниковой*. М., 1987.
509. *Чиркин С.В.* Современная Великобритания: национальные отношения и государство // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1978. №4. С. 84-88.
510. *Чухвичев Д.В.* Кодификационные акты, их специфика и значение в системе права // Государство и право. 2009. № 8. С. 11-15.
511. *Чухвичев Д.В.* Основные методики кодификации. Германская школа // Вестник Московского университета МВД России. 2008. №9. С. 157-162.

512. *Чухвичев Д.В.* Основные методики кодификации. Французская школа // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 8. С. 76.

513. *Шаргородский М.Д.* Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. Л., 1957. 304 с.

514. *Шаргородский М.Д.* Техника и терминология уголовного закона // Советское государство и право. 1948. №1. С. 58-65.

515. *Шевчук П.П., Шулмане Д.* Легиспруденция – новый подход к вопросу о законотворчестве // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. №6(97). С. 14-20.

516. *Шестак В.А., Савенкова П.Г.* Уголовно-правовая характеристика преступлений против интересов предпринимательства по праву Новой Зеландии // Образование и право. 2023. №1. С. 312-313.

517. *Широкова Н.С.* Римская Британия: Очерки истории и культуры. СПб., 2016.

518. *Шумилов В.М.* Правовая система США. М., 2016.

519. Юридическая техника: пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / Под ред. *Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко*. М., 2009.

520. *Ящук Т.Ф.* Кодификационные проекты советского уголовного законодательства в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 210-219.

521. *Ящук Т.Ф.* От Свода законов Российской империи к Своду законов СССР (отечественная историко-правовая традиция свободообразования) // Систематизация в праве: «Волшебное стекло» кодификатора (к 250-летию со дня рождения М.М. Сперанского). СПб., 2023. С. 43-48.

522. *Ящук Т.Ф.* Систематизация российского законодательства в советский период. Омск, 2021.

Научная литература на иностранных языках

523. *Abel-Smith B., Stevens R.* Lawyers and the Courts: A Sociological Study of the English Legal System, 1750 – 1965. Cambridge, Massachusetts, 1967.

524. *Abrams N.* Interpreting the Criminal Code Ordinance, 1936: The untapped well // Israel Law Review. 1972. Vol. 7. P. 25-64.

525. *Adcock F.E.* Literary Tradition and Early Greek Codemakers // Cambridge Historical Journal. Vol. II. 1927. № 2. P. 95-109.

526. *Akida M.* Criminal Law // Egypt and Its Laws / Ed. by *N. Bernard-Maugiron, B. Dupret*. London, 2002. P. 37-48.

527. *Alexander L.* The Philosophy of Criminal Law // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law / Ed. *by J.L. Coleman, K.E. Himma, S.J. Shapiro*. Oxford, 2004.

528. *Ancel M.* The Collection of European Penal Codes and the Study of Comparative Law // University Penn. Law Review. 1958. Vol. 106(3). P. 341-350.

529. *Anton A.E.* Obstacles to Codification // Juridical Review. 1982. Vol. 15. P. 15-18.

530. *Antonov M.* Systemacity of law: a phantasm? // Russian Law Journal. 2015. №3.

531. *Ashworth A.* Interpreting criminal statutes: A crisis of legality? // Law Quarterly Review. 1991. Vol. 107. P. 419-449.

532. *Ashworth A.* Principles of Criminal Law. Oxford, 1991. P. 281.

533. *Ashworth A.* The Making of English Criminal Law. (4) Blackstone, Foster and East // Criminal Law Review. 1978. P. 389-399.

534. *Attenborough F.L.* The Laws of the Earliest English Kings. Cambridge University Press, 1922.

535. *Baer G.* Tanzimat in Egypt – The Penal Code // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1963. Vol. 26. P. 29-49.
536. *Bailey V.* Nineteenth Century Crime and Punishment. Vol. II: Justice, Mercy, Death. 2021.
537. *Baker J.H.* An Introduction to English Legal History. London: Butterworths, 1990/2019.
538. *Baker J.H.* The Common Law Tradition: Lawyers, Books and the Law. London, Rio Grande: Hambledon Press, 2000.
539. *Baker J.H.* The Legal Profession and the Common Law: Historical Essays. London, 1986.
540. *Baker J.* The Oxford History of the Laws of England. Vol. VI: 1483-1558. Oxford, 2003.
541. *Baker J.* Collected Papers on English Legal History. Cambridge University Press, 2013.
542. *Banerjee A.Ch.* English Law in India. New Delhi, 1984.
543. *Bannerjee T.* Background to Indian Criminal Law. Bombay: Orient Longmans, 1963.
544. *Barnhorst S., Barnhorst R.* Criminal Law and the Canadian Criminal Code. Toronto, 1996.
545. *Barry, Paton and Sawer*. Introduction to the Criminal Law in Australia. Sydney, 1948.
546. *Beal P.* "Codicology". A Dictionary of English Manuscript Terminology 1450–2000. Oxford University Press, 2008.
547. *Beattie J.* London crime and the making of the "Bloody code", 1689–1718 // Stilling the Grumbling Hive / Ed. by *L. Davison* et al. New York, 1992.
548. *Beattie J.M.* Crime and the Courts in England 1660 – 1800. Princeton, 1986. P. 619.
549. *Beattie J.M.* Policing and punishment in London 1660–1750: Urban crime and the limits of terror. Oxford, 2001.
550. *Bellamy J.G*. The law of treason in England in the later Middle Ages. Cambridge, 1970.
551. *Bercea R.* Le paradoxe de la codification européenne // SUBB Jurisprudentia. 2008. P. 66-68.
552. *Bergel J.L.* Principal Features and Methods of Codification // Louisiana Law Review. Vol. 48, No. 5. 1988. P. 1073-1075.
553. *Berkowitz R.* The Gift of Science: Leibniz and the Modern Legal Tradition. Cambridge: Harvard University Press, 2005.
554. *Berman H.J.* Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1983.
555. *Berman H.J.* The Western Legal Tradition in a Millennial Perspective: Past and Future // Louisiana Law Review. 2000. Iss. 60. P. 739-763.
556. *Bhattacharya N.* Remaking Custom: The Discourse and Practice of Colonial Codification // Tradition, Dissent and Ideology / Ed. by *R. Champakalakshmi, S. Gopal*. Delhi, 1996. P. 20-51.
557. *Birtsch G.* Reform Absolutism and the Codification of Law: The Genesis and Nature of the Prussian General Code (1794) // Rethinking Leviathan: The Eighteenth-Century State in Britain and Germany / Ed. by *J. Brewer, E. Hellmuth*. London, 1999.
558. Blackstone and his critics / Ed. by *A. Page, W. Pest*. Oxford; Portland: Hart Publishing, 2018.
559. *Blackwood J.* The Tasmanian Criminal Code. Part I. General Principles, Cases and Materials. Teaching Materials in the Tasmania Law School, 1978.
560. *Blank A.* Leibniz, Locke, and the Early Modern Controversy over Legal Maxims // History of European Ideas. 2015. Vol. 41. P. 1080-1092.
561. *Boersma F.L.* An introduction to Fitzherbert's Abridgement. Abingdon: Professional Books, 1981.
562. *Böhret C., Konzendorf G.* Handbuch Gesetzesfolgenabschätzung. Gesetze, Verordnungen, Verwaltungsvorschriften. Baden-Baden: Nomos, 2001.
563. *Börner Ch.* Kodifikation des Common Law: der Civil Code von David Dudley Field // Reihe: Zürcher Studien zur Rechtsgeschichte. Band 46. Zürich, 2001.

564. *Boussarie Th.* La codification de la procédure administrative: Thèse de doctorat / Droit public. Institut de recherche juridique de la Sorbonne (Soutenance le 06/12/2018). Paris, 2018.
565. *Bowers F.* Victorian Reforms in Legislative Drafting // The Legal History Review. 1980. Vol. 48. P. 329-330.
566. *Bradley F.H.* Ethical Studies. Anglo-American Philosophies of Penal Law // Journal of Criminal Law & Criminology. 1911/1912. No 2. P. 186–189.
567. *Brand P.* "Multis Vigiliis Excogitatam et Inventam": Henry II and the Creation of the English Common Law // The Haskins Society. 1990. Vol. 2. P. 197-202.
568. *Brand P.* The Age of Bracton // The History of English Law, Centenary Essays on Pollock and Maitland / Proceedings of the British Academy. 1996. Vol. 89. P. 66-73.
569. *Brauneder W.* Die naturrechtlichen Kodifikationen der Habsburgermonarchie als Modernisierungsprozeß // Comparative Law. 2007. Vol. 24. P. 113-130.
570. *Bronitt S., Gani M.* Criminal codes in the 21st century: The paradox of the liberal promise // Regulating Deviance: The Redirection of Criminalisation and the Futures of Criminal Law / McSherry B., Norrie A. (eds). Hart Publishing, 2009. P. 235-260.
571. *Bronitt S., McSherry B.* Principles of Criminal Law. Thomson Reuters, 2010.
572. *Brown D.H.* The Genesis of the Canadian Criminal Code 1892. Toronto: University of Toronto Press, 1989.
573. *Brunon-Ernst A.* Bentham, Common Law and Codification / Lecture in the Common Law Seminar at Panthéon-Assas University. Paris, 2014.
574. *Buhofer S.* Structuring the Law: The Common Law and the Roman Institutional System // Swiss Review for International and European Law. 2007. Vol. 5. P. 703-741.
575. *Bullier A.* La common law. Paris: Connaissance du droit, Dalloz, 2016.
576. *Cadoppi A.* The Zanardelli Code and Codification of the Countries of the Common Law // James Cook University Law Review. 2000. Vol. 7. P. 116-134.
577. *Caenegem van R.C.* Judges, Legislators and Professors: Chapters in European Legal History. Cambridge, 1987.
578. *Cairns J.W.* Blackstone, An English Institutist: Legal Literature and the Rise of the Nation State // Oxford Journal of Legal Studies. 1984. Vol. 4.
579. *Campbell W.B.* Law Reform in Queensland // The University of Queensland Law Journal. 1971. Vol. 7, No. 2. P. 221-225.
580. *Canale D.* The Many Faces of the Codification of Law in Modern Continental Europe // Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Springer, 2009. P. 135-183.
581. *Carbonnier J.* Le Code Napoléon en tant que phénomène sociologique // Revue de la recherche juridique. 1981. 11. P. 327-336.
582. *Casey K.* Crime and Punishment: Anglo-Saxon Law Codes // The Middle Ages in Texts and Texture: Refections on Medieval Sources / Ed. by *J. Glenn*. Toronto: University of Toronto Press, 2011. P. 84-95.
583. *Castles A.C.* An Introduction to Australian Legal History. Sydney, 1971.
584. *Chalmers M.D.* An Experiment in Codification // Law Quarterly Review 1886. Vol. 2. P. 125-130.
585. Codification, Macaulay and the Indian Penal Code: The Legacies and Modern Challenges of Criminal Law Reform / Ed. by *Wing-Cheong Chan, Barry Wright, Stanley Yeo*. Burlington: Ashgate, 2011.

586. *Coing H.* The Roman Law as Jus commune on the Continent // Law Quarterly Review. 1973. Vol. 89. P. 512-522.
587. *Coing H.* The sources and characteristics of the *ius commune* // The Comparative and International Law Journal of Southern Africa. 1986. Vol. 19, No. 3. P. 485-492.
588. *Collingwood J.J.R.* Criminal Law of East and Central Africa. London, 1967.
589. *Colvin E.* Unity and diversity in Australian criminal law: A comment on the draft Commonwealth Code // Criminal Law Journal. 1991. Vol. 15. P. 82-94.
590. *Colvin E., Anand S.* Principles of criminal law. Toronto: Thomson Carswell, 2007.
591. Companion to Western Legal Traditions: From Antiquity to the Twentieth Century / Ed. by *A. Masferrer, C.H. van Rhee, S. Donlan, C. Heester*s. Brill; Nijhof, 2023.
592. *Cook Ch.M.* The American Codification Movement, A study of Antebellum legal reform. Wesport, Connecticut, 1981.
593. *Cosgrove R.A.* Scholars of the Law: English Jurisprudence from Blackstone to Hart. London; New York, 1996.
594. *Cornil P.* John Howard, European Penal Reformer // Changing Concepts of Crime and its Treatment / Ed. By *H.J. Klare*. Oxford, 1966. P. 177-183.
595. Crime and Criminal Justice in Europe and Canada / Ed. by *L. Knafla*. Calgary Institute for the Humanities, 1981.
596. Crime and Criminality in British India / Ed. by *A.A. Yang*. Tucson, Ariz., 1985.
597. Criminal law and practice in New Zealand / Ed. by *F.B. Adams*. Wellington, 1971.
598. *Cross R.* Blackstone v. Bentham // Law Quarterly Review. 1976. Vol. 92. P. 516-530.
599. *Cross R.* The Making of English Criminal Law: Sir James Fitzjames Stephen; Macaulay // Criminal Law Review. 1978. P. 519-528.
600. *Cross R.* The Reports of the Criminal Law Commissioners (1833 – 1849) and the Abortive Bills of 1853 // Reshaping the Criminal Law / Ed. by *P.R. Glazebrook*. London: Stevens & Sons, 1978. P. 5-20.
601. *Cross S.* Civil Law and Common Law in South Africa / Ed. *R. Zimmermann, D. Visser*. Oxford: Clarendon Press, 1996.
602. *Dagan H.* Codification, Coherence, and Priority Conflicts // The Draft Civil Code for Israel in Comparative Perspective / Ed. by *K. Siehr & R. Zimmermann*. Mohr Siebeck, 2008. P. 149-155.
603. *Darian-Smith E.* Postcolonialism: a brief introduction // Social and Legal Studies. 1996. P. 291-299.
604. *David R., Brierly J.* Major Legal Systems in the World Today. London, 1985.
605. *De Wet J.C.* Kodifikasie van die Reg in Suid-Afrika // Tydskrif vir Hedendaagse Romeins–Hollandse Reg. 1961. P. 152-153 (яз. африкаанс).
606. *DeGirolami M.O.* Against Theories of Punishment: The Thought of Sir James Fitzjames Stephen // Ohio State Journal of Criminal Law. 2012. Vol. 9. P. 1-57.
607. *Del Buono V.M.* Toward a New Criminal Code for Canada // Criminal Law Quarterly. 1985-86. 28. P. 370-389.
608. *Dennis I.* The Critical Condition of Criminal Law // Current Legal Problems. 1997. Vol. 50. P. 214-221.
609. *Des Ormeaux A., Lessard J.-M.* Legal Dualism and Bilingual Bisystemism: Principles and Applications. Department of Justice Canada, 2013.
610. *Diamond A.L.* Codification of the Law of Contract // Modern Law Review. 1968. Vol. 31. P. 361-380.

611. *DiFilippo T.* Jeremy Bentham's Codification Proposals and Some Remarks on Their Place in History // Buffalo Law Review. 1972. Vol. 22. P. 243.
612. *Dhagamwar V.* Law, Power and Justice: The Protection of Personal Rights in the Indian Penal Code. Newbury Park, Sage, 1992.
613. *Donald B.* Codification in Common Law Systems // The Australian Law Journal. 1973. Vol. 47. P. 160-175.
614. *Doyle D.M., O'Callaghan L.* Capital Punishment in Independent Ireland: A Social, Legal and Political History. Oxford University Press, 2020.
615. *Draper A.J.* Punishment, Proportionality, and the Economic Analysis of Crime // Journal of Bentham Studies. 2009. Vol. 11.
616. *Dressier J.* Understanding Criminal law. Matthew Bender and Co., 2001.
617. *Dubber M.* Criminal Law: Model Penal Code. New York, 2002.
618. *Dubber M.* Penal Panopticon: The Idea of a Modern Model Penal Code // Buffalo Criminal Law Review. 2000-2001. 4. P. 53-75.
619. *Dubber M.* The Historical Analysis of Criminal Codes // Law and History Review. 2000. Vol. 18(2). P. 436.
620. *Dubber M.D.* An Introduction to the Model Penal Code. Oxford University Press, 2015.
621. *Dubber M.D., Farmer L.* Modern Histories of Crime and Punishment. Stanford University Press, 2007.
622. *Dubber M.D., Heller K.* Handbook of Comparative Criminal Law. Stanford Law Books, 2010.
623. *Dubber M.D., Hörnle T.* Criminal Law: A Comparative Approach. Oxford University Press, 2014.
624. *Eder W.* The Political Significance of the Codification of Law in Archaic Societies // Social Struggles in Archaic Rome. Berkeley, 1986. P. 262-300.
625. *Edwards E., Harding R., Campbell I.* The Criminal Codes. Sydney, 1992.
626. *Elias T.* British Colonial Law. London, 1962.
627. *Elton G.R.* The rule of law in sixteenth-century England // Studies in Tudor and Stuart Politics and Government. Cambridge University Press, 1974. Vol. I.
628. *Emon A.M.* Codification and Islamic Law: The Ideology Behind a Tragic Narrative // Middle East Law and Governance. 2016. Vol. 8. P. 275-309.
629. *Emsley C.* Crime and Society in England: 1750 – 1900. Routledge, 2013.
630. *Engelbrecht J.* The French model and German society: The impact of the Code Penal on the Rhineland, Révolutions et justice pénale en Europe / Ed. by *Rousseaux, Xavier et al.* Paris, 1999.
631. Essays on Criminal law in New Zealand: Towards reform? / Ed. by *N. Cameron, S. France* // Victoria University of Wellington law review. 1990. Vol. 20, no. 2.
632. Essays on the Indian Penal Code: published on the centenary of the Indian Penal Code / Ed. by *S. Govindarajulu*. Bombay, 1962.
633. *Farmer L.* Making the Modern Criminal Law: Criminalization and Civil Order. Oxford University Press, 2016.
634. *Farmer L.* Reconstructing the English Codification Debate: The Criminal Law Commissioners, 1833 – 45 // Law and History Review. 2000. Vol. 18, No. 2. P. 1-10.
635. *Farrar J.H.* Law Reform Now: A Comparative View // ICLQ. 1976. Vol. 25. P. 214.
636. *Ferguson P.* Constructing a Criminal Code // Criminal Law Forum. 2009. Vol. 20. P. 135-155.

637. *Finn J.* Codification of the Criminal Law: The Australasian parliamentary experience // Crime and Empire 1840–1940: Criminal justice in local and global context / Ed. by *B. Godfrey, G. Dunstall*. Cullompton, England, 2005. P. 224-237.
638. *Finnis J.M.* Blackstone's Theoretical Intentions // Natural Law Forum. 1967. Vol. 12. P. 163-170.
639. *Fitzgerald P.* Codes and Codifications: Interpretation, Structure, and Arrangement of Codes // Criminal Law Forum. 1990. Vol. 2. P. 127-143.
640. *Fletcher G.* Rethinking Criminal Law. New York: Oxford University Press. 2000.
641. *Fletcher G.P., Sheppard S.* American Law in a Global Context: The Basics. N.Y., 2005.
642. Foundational Texts in Modern Criminal Law / Ed. by *Markus D. Dubber*. Oxford University Press, 2023.
643. *France S.* Reforming Criminal Law – New Zealand's 1989 Code // Criminal Law Review. 1990. P. 827-838.
644. *Friedland M.L.* A Century of Criminal Justice: perspectives on the Development of Canadian Law. Carswell, Agincourt, Ont., 1984.
645. *Friedland M.L.* R.S. Wright's Model Criminal Code: A Forgotten Chapter in the History of the Criminal Law // Oxford Journal of Legal Studies. 1981. 1. P. 307-330.
646. *Friedman M.L.* Codification in the Commonwealth: Earlier Efforts // Criminal Law Forum. 1990. Vol. 2. No. 1. P. 144-160.
647. *Fry M.* Bentham and English Penal Reform // Jeremy Bentham and the Law: a Symposium. Westport, 1948.
648. *Gagarin M.* Dracon and Early Athenian Homicide Law. Yale University Press, 1981.
649. *Gainer R.L.* Federal Criminal Law Reform: Past and Future // Buffalo Criminal Law Review. 1998. Vol. 2(1). P. 66-72.
650. *Gall G.L.* The Canadian Legal System. Toronto: Carswell, 1983.
651. *Ganado A.* The Historical Development of the Criminal Code. Part I // The Law Journal. 1949. Vol. II, No. 4. P. 211-231; Part II // 1950. Vol. II. No. 5. P. 258-277.
652. *Gani M.* Codifying the criminal law: Implications for interpretation // Criminal Law Journal. 2005. Vol. 29. P. 264-280.
653. *Gani M.* Codifying the Criminal Law: Issues of Interpretation // Interpreting Statutes / Ed. by S. Corcoran, S. Bottomley. Federation Press, 2005.
654. *Gardiner F.G., Lansdown Ch.W.* South African Criminal Law and Procedure. Cape Town, 1917.
655. *Garnham N.* Courts, Crime and the Criminal Law in Ireland. 1692 – 1760. Dublin: Irish Academic Press, 1996.
656. *Garrow and Turkington's* Criminal Law in New Zealand / Ed. by *G.L. Turkington*. Wellington: LexisNexis, 1991.
657. *Gatrell V.A.C.* The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868. Oxford, 1994.
658. *Gaur K.D.* Criminal Law Cases and Materials. Butterworths, 2008.
659. *Gaur K.D.* Textbook on the Indian Penal Code. New Delhi, 2019.
660. *Gifford K.H.* How to understand an Act of Parliament. Sydney, 1977.
661. *Giliker P.* Codification, consolidation, restatement? How best to systemise the modern law of tort // International & Comparative Law Quarterly. 2021. Vol. 70(2). P. 271-305.
662. *Glazebrook P.R.* Blackstone's Statutes on Criminal Law 1999/2000. L., 2000.
663. *Glazebrook P.R.* Still no Code! English Criminal Law 1894 – 1994 // City University Centenary Lectures in Law / Ed. by *M. Dockray*. Blackstone Press, 1996. P. 1-26.

664. *Glendon M.A., Gordon M.W., Osakwe Ch.* Comparative Legal Traditions. Text, Materials and Cases. Minnesota, 1994.
665. *Glenn H.P.* Legal Traditions of the World: Sustainable Diversity in Law. Oxford University Press, 2014.
666. *Glover A.G.* Modern Egyptian Criminal Law // Journal of Comparative Legislation and International Law. 1925. Vol. 7, no. 4. P. 228-237.
667. *Glover A.G.* The Egyptian Draft Penal Code, 1919 // Journal of Comparative Legislation and International Law. 1919. Vol. 1 (3). P. 244-247.
668. *Glucklich A.* Karma and Social Justice in the Criminal Code of Manu // Contributions to Indian sociology. 1982. Vol. 16(1). P. 59-78.
669. *Goadby F.M.* Commentaries on Egyptian Criminal Law. L., 1925. 3 vols.
670. *Goebel J.* Felony and Misdemeanor: A Study in The History of English Criminal Procedure. Vol. I. New York, 1937.
671. *Goff R.* The Future of the Common Law // ICLQ. 1997. Vol. 46. 3. 745-753.
672. *Goode M.* Codification of the Australian criminal law // Criminal Law Journal. 1992. Vol. 16. P. 5-19.
673. *Goode M.* Codification of the criminal law? // Criminal Law Journal. 2004. Vol. 28. P. 226-236.
674. *Goode M.* Constructing criminal law reform and the Model criminal code // Criminal Law Journal. 2002. Vol. 26. P. 152-166.
675. *Goode M.* The Model criminal code project // Australian Law Librarian. 1997. Vol. 5(4). P. 265-276.
676. *Goodrich P.* Reading the Law. Critical Introduction to Legal Method and Technique. Oxford: Blackwell, 1986.
677. *Guy B.* The Sanhuri Code and the Emergence of Modern Arab Civil Law (1932–1949). Leiden: Brill, 2007.
678. *Hahlo H.R.* Here Lies the Common Law: Rest in Peace // The Modern Law Review. 1967. Vol. 30 (3). P. 241-255.
679. *Hall J.* Edwards Livingston and His Louisiana Penal Code // American Bar Association Journal. 1936. Vol. 22. №. 3. P. 196.
680. *Hall J.* General Principles of Criminal Law. Indianapolis, 1960.
681. *Hanawalt B.A.* Crime and Conflict in English Communities, 1300–1348. Cambridge, 1979.
682. *Handler P.* Forgery and Criminal Law Reform in England, 1818–1830: Unpublished PhD Thesis, University of Cambridge, 2002.
683. *Handler P.* James Mackintosh and early nineteenth-century criminal law // The Historical Journal. 2015. Vol. 58, no. 3. P. 757-779.
684. *Handler P.* Judges and the Criminal law in England 1808–1861. London, 2012.
685. *Handler Ph.* Forgery and the End of the 'Bloody Code' in Early Nineteenth-Century England // The Historical Journal. 2005. Vol. 48(3). P. 683-702.
686. *Harke J.D.* Römisches Recht. Von der klassischen Zeit bis zu den modernen Kodifikationen. München: Beck, 2008.
687. *Hart H.L.A.* Essays on Bentham. Jurisprudence and Political Theory. Oxford, 1982.
688. *Härter K.* The Influence of the Napoleonic Penal Code on the Development of Criminal Law in Germany: Juridical Discourses, Legal Transfer and Codification // The Western Codification of Criminal Law. Studies in the History of Law and Justice / Ed by A. Masferrer. Springer, 2018. Vol. 11.

689. *Hazlehurst K.M.* Legal Pluralism and the Colonial Legacy: Indigenous Experiences of Justice in Canada, Australia, and New Zealand. Aldershot, Avebury, 1995.
690. *Hay D.* Property, authority and the criminal law // *Hay D., Linebaugh P., Rule J.G., Thompson E.P., Winslow C.* Albion's fatal tree. London: Verso, 2011. P. 17-63.
691. *Hay J.* Implementing the ICC Statute in New Zealand // Journal of International Criminal Justice. 2004. Vol. 2(1). P. 191-210.
692. *Head J.* Codes, Cultures, Chaos, and Champions: Common Features of Legal Codification Experiences in China, Europe, and North America // Duke Journal of Comparative & International Law. 2003. Vol. 13. P. 52-88.
693. *Heikal Sh.* Criminal Constitutional Principles and Islamic Law Impact on Arab Penal Codes // HUFS Law Review. 2018. Vol. 42 (2). P. 1-18.
694. *Heinzelmann T.* The Ruler's Monologue: The Rhetoric of the Ottoman Penal Code of 1858 // Welt Des Islams. 2014. Vol. 54 (3/4). P. 292-321.
695. *Hemming A.* Impermissibly Importing the Common Law into Criminal Codes // James Cook University Law Review. 2011. Vol. 18. P. 113-115.
696. *Hemming A.* In Search of a Model Code Provision for Complicity and Common Purpose in Australia // University of Tasmania Law Review. 2011. Vol. 30(1). P. 53-55.
697. *Hemming A.* The Criminal Code (Cth) Comes to the Northern Territory // University of Western Australia Law Review. 2010. Vol. 35. P. 120-130.
698. *Hemming A.* When is a Code a Code? // Deakin Law Review. 2010. Vol. 15(1).
699. *Hemming A.* Why Bentham's Vision of a Comprehensive Criminal Code Remains Viable and Desirable as the Model Design for a Code // University of Notre Dame Australia Law Review. 2012. Vol. 14. P. 125-130.
700. *Hemming A.* Why the Queensland, Western Australian and Tasmanian Criminal Codes Are Anachronisms // University of Tasmania Law Review. 2012. Vol. 31(2). P. 1-10.
701. *Hemming A.G.* Is Bentham's Vision of a Comprehensive Criminal Code Suitable as a Model Design for a Code? / Dissertation (Doctor of Philosophy). Darwin, 2013.
702. *Herman S.* The Fate and Future of Codification in America // American Journal of Legal History. 1996. Vol. 40. P. 427-432.
703. *Hermida J.* Canada. Criminal Law / Ed. by *R. Blanpain, M. Colucci.* The Netherlands, 2008.
704. *Higgins N.* The Lost Legal System: Pre-Common Law Ireland and Brehon Law // School of Law and Government, Dublin City University. 2014.
705. *Hill E.* Mahkama! Studies in the Egyptian Legal System. London: Ithaca Press, 1979.
706. *Hirschel J.D., Wakefield W.O.* Criminal Justice in England and the United States. Greenwood Publishing Group, 1995.
707. *Hogan J.C., Schwartz M.D.* On Bacon's 'Rules and Maximes' of the Common Law // Law Library Journal. 1983. Vol. 76. P. 48–77.
708. *Hogg M.* Codification of Private Law: Scots Law at the Crossroads of Common and Civil Law // Barker. № 7. P. 113.
709. *Hon Rt., Palmer G.* The Reform of the Crimes Act 1961 // Essays on Criminal Law in New Zealand: Towards Reform? / Ed. by N.N. Cameron, S. France. VUWLR Monograph, 1990. P. 21-30.
710. *Horder J.* Criminal law // Oxford Handbook of Legal Studies / Tushnet M., Cane P. (eds). Oxford, England: Oxford University Press, 2003. P. 226-249.
711. *Hostettler J.* The Politics of Criminal Law Reform in the Nineteenth Century. Chichester, 1992.

712. *Howard S.* Bloody Code: Reflecting on a decade of the Old Bailey online and the digital futures of our criminal past // Law, Crime & History. 2015. Vol. 1. P. 12-24.
713. *Hoyle M.S.W.* The Structure and Laws of the Mixed Courts of Egypt // Arab Law Quarterly. 1986. Vol. 1(3). P. 327-345.
714. *Hudson J.* The Formation of English Common Law. London: Longman, 1996.
715. *Hughes R.* The Fatal Shore: A History of the Transportation of Convicts to Australia, 1787–1868. L., 1987.
716. *Humbert M.* Les XII Tables, une codification? // Droits. 1998. № 27. P. 87.
717. *Hyams P.* Thinking English Law in French: The Angevins and the Common Law // Feud, Violence and Practise: Essays in Medieval Studies in Honor of Stephen D. White / Ed. by *B. Tuten*. Burlington, 2010. P. 190-194.
718. Interpreting Precedent: A Comparative Study: Applied Legal Philosophy / Ed. by *N. MacCormick et al*. Dartmouth Publishing Co. Ltd., 1997.
719. Introduction. South Pacific Islands Legal Systems / Ed. by *M.A. Ntumy*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1993.
720. *Ivarsen I.* King Ine (688–726) and the Writing of English Law in Latin // The English Historical Review. 2022. Vol. 137. P. 1-46.
721. *Jolowicz H.F.* Roman Regulae and English Maxims // L'Europa e il diritto romano. Studi in memoria di Paolo Koschaker. Milan, 1954. Vol. I. P. 213-223.
722. *Joutsen M.* Legal Traditions // International Crime and Justice / Ed. by *M. Natarajan*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 67-74.
723. *Judson F.N.* A Modern View of the Law Reforms of Jeremy Bentham // Colum. L. Rev. 1910. Vol. 10. P. 41-42.
724. *Jurasinski S.* Germanism, Slapping and the Cultural Contexts of Æthelberht's Code: A Reconsideration of Chapters 56–58 // Haskins Society Journal. 2006. Vol. 18. P. 51-71.
725. *Jurasinski S.* The Old English Penitentials and the Law of Slavery // English Late before Magna Carta: Felix Liebermann and "Die Gesetze der Angelsachsen" / Ed. by *S. Jurasinski, L. Oliver, A. Rabin*. Leiden: Brill, 2010. P. 97-118.
726. *Jurasinski S., Oliver L.* The Laws of Alfred: The Domboc and the Making of Anglo-Saxon Law. Cambridge University Press, 2021.
727. *Jurasinski S.A.* The Continental Origins of Æthelberht's Code // Philological Quarterly. 2001. Vol. 80, No. 1. P. 1-15.
728. *Kadish S.* Codifiers of the Criminal Law: Wechsler's Predecessors // Columbia Law Review. 1978. Vol. 78. P. 1098-1123.
729. *Kadish S.H.* The Model Penal Code's Historical Antecedents // Rutgers Law Journal. 1987. Vol. 19. P. 521-538.
730. *Keeton G.W.* Lord Westbury and Law Reform // Current Legal Problems. 1966. Vol. 19(1). P. 13-25.
731. *Kennedy A.* Cnut's Law Code of 1018 // Anglo-Saxon England. 1983. Vol. 11. P. 57-81.
732. *Kennedy D.* The Structure of Blackstone's Commentaries // Buffalo Law Review. 1979. Vol. 28. P. 205-390.
733. *Kesselring K.J.* A Draft of the 1531 "Acte for Poysoning" // English Historical Review. 2001. №116. P. 894-899.
734. *Kift S.* How Not to Amend a Criminal Code // Alternative Law Journal. 1997. Vol. 22. P. 215-221.

735. *King P.* Decision-makers and decision-making in the English criminal law, 1750–1800 // Use Historical Journal. 1984. Vol. 27, no. 1. P. 25-58.
736. *King P., Ward R.* Rethinking the Bloody Code in eighteenth century Britain: Capital punishment at the centre and on the periphery // Past & Present. 2015. Vol. 228. P. 159-205.
737. *Knaplund P.* James Stephen and the British colonial system, 1813–1847. Madison, 1953.
738. *Kocher P.* Francis Bacon on the Science of Jurisprudence // Journal of the History of Ideas. 1957. Vol. 8 (1). P. 3–26.
739. *Kolsky E.* Codification and the rule of Colonial Difference: Criminal Procedure in British India // Law and History Review. Fall 2005. Vol. 23(3). P. 631-683.
740. *Koyana D.S.* Legal Pluralism in South Africa: The Resilience of Transkei's Separate Legal Status in the Field of Criminal Law // Obiter. 2005. Vol. 26(1). P. 14-25.
741. *Koyana D.S.* The Influence of The Native Territories Penal Code on South African Criminal Law. University of South Africa, 1988.
742. *Kramer M.H.* Dogmas and Distortions: Legal Positivism Defended // Oxford Journal of Legal Studies. 2001. Vol. 21(4). P. 673-701.
743. Landmark Cases in Criminal Law / Ed. by *P. Handler, H. Mares, I. Williams*. Oxford: Bloomsbury Publishing, 2017.
744. *Lang M.E.* Codification in the British Empire and America. Amsterdam, 1924.
745. *Lareau F.* Chronology – Towards a Modern General Part of a New Canadian Criminal Code? Ottawa, Canada, 2009.
746. *Lareau Fr.* Notes on the English Draft Code (1878 – 1883). Ottawa, 1990.
747. *Lascoumes P., Lenoël P., Poncela P.* Au nom de l'ordre. Une Histoire politique du Code Pénal. Paris: Hachette, 1989.
748. *Lasserre-Kiesow V.* La technique legislative // Etude sur les codes civils français et allemande. Paris, 2000. P. 25-29.
749. *Lawson H.* A Common Lawyer Looks at Codification // *Lawson H.* Selected Essays: Many Laws. North-Holland Publishing Company, 1977. P. 48-55.
750. *Leader-Elliott I.* Benthamite reflections on codification of the general principles of criminal liability: Towards the Panopticon // Buffalo Criminal Law Review. 2006. Vol. 9(2). P. 391-452.
751. *Leader-Elliott I.* Elements of liability in the Commonwealth Criminal Code // Criminal Law Journal. 2002. Vol. 26. P. 28-42.
752. *Lear W.E.* The Criminal Code of the Dominion of Canada: as amended in 1907; with annotations, commentaries, precedents of indictments, etc., Toronto, 1908.
753. Legal Philosophy and Influence of Jeremy Bentham: Essays on "Of the Limits of the Penal Branch of Jurisprudence" / Ed. by *G. Tusseau*. Routledge, 2014.
754. *Legrand P.* European Legal Systems are not Converging // International and Comparative Law Quarterly. 1996. Vol. 45. P. 52-55.
755. *Lemaire J.* Introduction à la codicologie. Louvain-la-Neuve, 1989.
756. *Lewis E.D.* A Draft Code of Criminal Law and Procedure. London: Beccles, 1879.
757. *Lieberman D.* Mapping Criminal Law: Blackstone and the Categories of English Jurisprudence // Law, Crime and English Society, 1660–1830 / Ed. by *N. Landau*. Cambridge University Press, 2002. P. 139-141.
758. *Likhovski A.* In our image: colonial discourse and the anglicization of the law of mandatory Palestine // Israel Law Review. 1995. Vol. 29. P. 291-359.

759. *Limpens J.* Territorial Expansion of the Code // The Code Napoleon and the Common-Law World / Ed. by *B. Schwartz*. New York, 1956. P. 93-109.
760. *Linden A.M.* Recodifying Criminal Law // Queen's Law Journal. 1989. 14. P. 3-30.
761. *Lobban M.* How Benthamic Was the Criminal Law Commission? // Law and History Review. 2000. Vol. 18(2). P. 427-435.
762. *Lobban M.* Postema and the Common Law Tradition // Ratio Juris. 2022. Vol. 35. No. 1. P. 71-91.
763. *Lobban M.* The common law and English jurisprudence, 1760–1850. Oxford University Press, 1991.
764. *Lord Simon of Glaisdale, Webb J.V.* Consolidation and Statute Law Revision // Public Law. 1975. Winter. P. 297-310.
765. *Mackenzie G.* An Enduring Influence: Sir Samuel Griffith and His Contribution to Criminal Justice in Queensland // QUTLJJ. 2002. Vol. 2. No 1. P. 59-60.
766. *MacLeod A.J., Martin J.C.* Offences and Punishments under the New Criminal Code // Canadian Bar Review. 1955. 33. P. 20-40.
767. *MacLeod A.J., Martin J.C.* The Revision of the Criminal Code // Canadian Bar Review. 1955. 33. P. 3-19.
768. *Macleod R.C.* The Shaping of Canadian Criminal Law, 1892 to 1902 // Historical Papers. 1978. P. 64-70.
769. *Manchester A.H.* Simplifying the Sources of the Law. I. Lord Cranworth's Attempt to consolidate the Statute Law of England and Wales; II. James Fitzjames Stephen and the codification of the criminal law of England and Wales // Anglo-American Law Review 1973. Vol. 2. P. 395-53.
770. *Mandagadde R.J.* Legal and Constitutional History of India: Ancient legal, judicial, and constitutional system. Universal Law Publishing, 1984.
771. *Manning M.* Rethinking Criminal Law in the Age of the Charter of Rights and Freedoms: The Necessity for a 21st Century Criminal Code // The Criminal Law Quarterly. 2003. 47(4). P. 406-437.
772. *Manzo S.* Certainty, laws and facts in Francis Bacon's jurisprudence // Intellectual History Review. 2014. Vol. 24:4. P. 457-478.
773. *Martin J.C.* The Criminal Code of Canada, Toronto, 1955.
774. *Masferrer A.* Defense of the Common Law against postbellum American Codification: Reasonable and Fallacious Argumentation // American Journal for Legal History. 2008-2009. Vol. 50. P. 355.
775. *Masferrer A.* The French Codification and '*Codiphobia*' in Common Law Traditions // Tulane European and Civil Law Forum. 2019. Vol. 34. P. 1-32.
776. *Masferrer A.* The Passionate Discussion among Common Lawyers about postbellum American Codification: An approach to its Legal Argumentation // Arizona State Law Journal. 2008. Vol. 40. P. 173-201.
777. *Masferrer A.* Tradition and Foreign Influences in the 19th-century Codification of Criminal Law. Dispelling the Myth of the overall French Influence in Europe and Latin America // The Western Codification of Criminal Law: The Myth of its Predominant French Influence Revisited. London-New York, 2018. P. 3-50.
778. *Mason A.* Reform of the Criminal Law in Australia // Commonwealth Law Bulletin. July, 1989. P. 1011-1015.
779. *McGowen R.* A Powerful Sympathy: Terror, the Prison, and Humanitarian Reform in Early Nineteenth Century Britain // Journal of British Studies. 1986. Vol. 25(3). P. 312–330.

780. *McGowen R.* Making the ‘Bloody code’? Forgery legislation in eighteenth-century England // Law, Crime and English Society, 1660–1830 / Ed. by *N. Landau*. 2002. P. 144.
781. *McGowen R.* The image of justice and reform of the criminal law in early nineteenth-century England // Buffalo Law Review. 1983. Vol. 32, no. 1. P. 89-124.
782. *Merryman J., Pérez-Perdomo R.* The civil law tradition: An introduction to the legal systems of Europe and Latin America. Stanford University Press, 2018.
783. *Merry S.E.* Law and colonialism // Law and Society Review. 1991. Vol. 25. P. 889-922.
784. *Mertens B.* Gesetzgebungskunst im Zeitalter der Kodifikationen. Theorie und Praxis der Gesetzgebungstechnik aus historisch-vergleichender Sicht. Tübingen, 2004.
785. *Mewett A.W., Manning M.* Mewett & Manning on Criminal Law. Toronto, 1995.
786. *Mikhailov A.M., Bespalko V.G., Korzhenyak A.M.* Development of english legal positivism from Bentham to Salmond and Brown: leading ideas in the context of the common law tradition // Wisdom. 2021. №1. С. 159-167.
787. *Mith K.J.M.* Macaulay's Utilitarian Penal Code: An Illustration of the Accidental Function of Time, Place and personalities in Law Making // Legal History in the Making: Proceedings of the Ninth British Legal History Conference. London; Rio Grande, 1991. P. 145-164.
788. *Morriss A.P.* Codification and Right Answers // Chicago-Kent Law Review. 1999. Vol. 74. P. 355-391.
789. *Morris H.F.* A History of the adoption of codes of criminal law and procedure in British colonial Africa, 1876-1935 // Journal of African Law. 1974. Vol. 18. P. 6-23.
790. *Morris H.F.* How Nigeria got its code // Journal of African Law. 1970. Vol. 14. P. 137-154.
791. *Mosley B.L.* The New Criminal Code // The Law Magazine and Review. 1878-1879. Vol. 4. P. 31-58.
792. *Mukherjee M.* Codification and the Rule of Colonial Difference: Criminal Procedure in British India // Law & History Review. Fall 2005. Vol. 23(3). P. 589-630.
793. *North P.M.* Problems of Codification in a Common Law System // RabelsZ. 1982. Vol. 46. P. 490-503.
794. *O'Brien B.* Pre-Conquest Laws and Legislators in the Twelfth Century // The Long Twelfth-Century View of the Anglo-Saxon Past / Ed. by *M. Brett, D. Woodman*. Farnham: Ashgate, 2015. P. 229-272.
795. *O’Regan R.* New Essays on the Australian Criminal Codes. Sydney, 1988.
796. *O'Regan R.* The Migration of the Griffith Code // New Essays on the Australian Criminal Codes. Sydney: The Law Book Co., 1988.
797. *Orth J.V.* Jeremy Bentham: The Common Law’s Severest Critic // A.B.A. J. 1982. Vol. 68. P. 710-715.
798. *Orücū E.* Comparative Law in British Courts // The Use of Comparative Law by Courts / Ed. by U. Drobnig and S. Van Erp. Londo, 1999. P. 257-260.
799. *Örücü E.* The Enigma of Comparative Law: Variations on a Theme for the Twenty-first Century. Springer Dordrecht, 2013.
800. *Ost F.* Codification et Temporalité dans la Pensée de J. Bentham // Actualité de la pensée juridique de Jeremy Bentham. Bruxelles, 1987. C. 163-165.
801. *O'Sullivan J.R.* The Federal Criminal «Code» is a Disgrace: Obstruction Statutes as Case Study // Journal of Criminal Law & Criminology. 2006. Vol. 96. №2.
802. *Paterson D.E.* Vanuatu Penal Code // QUT Law Review. 1986. Vol. 2(2). P. 119-127.

803. Penal practice and culture, 1500–1900: Punishing the English / Ed. by *S. Devereaux, P. Griffiths*. Basingstoke, 2004.
804. *Peters R.* Islamic and Secular Criminal Law in Nineteenth Century Egypt // Islamic Law and Society. 1997. Vol. 4 (1). P. 70-90.
805. *Poldnikov D.* The Pattern of Russian Legal Codification in Historical and Comparative Perspectives // Law Reforms Around the World: Perspectives from National and International Law. Abingdon: Routledge, 2023. P. 108-118.
806. *Poldnikov D.* The formalistic pattern of Soviet civil codification as a chapter in European legal history // Journal on European History of Law. 2020. Vol. 11. P. 53-60.
807. *Postema G.J.* Bentham and the Common Law Tradition. Clarendon Press, 1986.
808. *Postema G.J.* Classical Common Law Jurisprudence // Oxford University Commonwealth Law Journal. 2003. Vol. 2, no. 2. P. 165-175.
809. *Pradel J.* Droit pénal comparé. Paris; Dalloz, 1995, 2002.
810. Crime and Empire 1840 – 1940: Criminal justice in local and global context / Ed. by *B.S. Godfrey, G. Dunstall*. Cullompton, England, 2012. P. 30-31.
811. *Preston T.* King Alfred's book of laws: study of the Domboc and it influence on English entry, with a complete translation. McFarland & Company, 2012.
812. Problems of Codification / Ed. by *S.J. Stoljar*. Canberra, Australian National University, 1977.
813. *Radzinowicz L.* The Waltham Black Act: A study of the legislative attitude towards crime in the eighteenth century // Cambridge Law Journal. 1945. Vol. 9(1). P. 56-81.
814. *Raith J.* The British Commonwealth. Dominion Status 1839–1949: Speeches and Documents. München, 1971.
815. *Rankin G.G.* The Indian Penal Code // Law Quarterly Review. 1944. Vol. 60. P. 37-50.
816. *Ratanlal and Dhirajlal*'s the Indian Penal Code. New Delhi, 2021.
817. *Reeves J.* History of English Law: from the time of the Romans, to the end of the reign of Elizabeth [1603] / Ed. by W.F. Finlason. London, 1869. Vol. II. P. 419-420.
818. *Reimann M.* The Historical School Against Codification: Savigny, Carter, and the Defeat of the New York Civil Code // American Journal of Comparative Law. 1989. Vol. 37. P. 95-110.
819. *Resnik J.* Bring Back Bentham: "Open Courts," "Terror Trials," and Public Sphere(s) // Law & Ethics Human Rights. 2011. Vol. 5. P. 19-22.
820. *Richardson H.G., Sayles G.O.* Law and Legislation from Æthelberht to Magna Carta. Edinburgh, 1966.
821. *Roach K.* Criminal law. Concord, Ontario: Irwin Law, 1996.
822. *Roach L.* Law Codes and Legal Norms in Later Anglo-Saxon // Historical Research. 2013. Vol. 86. P. 479-486.
823. *Roberts C.H., Skeat T.C.* The Birth of the Codex. Oxford University Press, 1993.
824. *Roberts-Wray K.O.* Commonwealth and colonial law. New York; Washington, 1966.
825. *Robinson P., Cahill M., Mohammad U.* The Five Worst (and Five Best) American Criminal Codes // Northwestern University Law Review. 2000. Vol. 95(1). P. 5-9.
826. *Robinson P.H.* Reforming the Federal Criminal Code: A Top Ten List // Buffalo Criminal Law Review. 1997. Vol. 1(1). P. 230-234.
827. *Russel E.* A History of the law in Western Australia and its Development from 1829 to 1979. Sydney, 1980.
828. *Sadiq R.* Egypt // Handbook of Comparative Criminal Law. Stanford, 2011. P. 10-22.

829. *Salken B.C.* To Codify or Not to Codify – That Is the Question: A Study of New York's Efforts to Enact an Evidence Code // Pace Law Review. 1997. Vol. 17. P. 176-180.
830. *Sanford H.K.* The Model Penal Code's Historical Antecedents // Rutgers Law Journal. 1987. Vol. 19. P. 521-538.
831. *Scarman Les.* A Code of English Law? Hull University, 1966.
832. *Schofield P., Harr J.* (eds.). Jeremy Bentham, 'Legislator of the World' Writings on Codification, Law and Education. Oxford University Press, 1998.
833. *Scott G.* A Model Criminal Code // Criminal Law Journal. 1992. Vol. 16. P. 350-352.
834. *Sebba L.* The creation and evolution of criminal law in colonial and post-colonial societies // Crime, History and Societies. 1999. Vol. 3(1). P. 71-91.
835. *Sedwick J.* The New Criminal Code: Comments and Criticisms // Canadian Bar Review. 1955. 33. P. 63-73.
836. *Shapiro B.J.* Codification of the Laws in Seventeenth-Century England // Wisconsin Law Review. 1974. P. 428–465.
837. *Shapiro B.J.* Sir Francis Bacon and the Mid-Seventeenth Century Movement for Law Reform // American Journal of Legal History. 1980. Vol. 24. P. 331–362.
838. *Sides B.* A Life's Worth: Reexamining Wergild in the Anglo-Saxon Royal Law Codes (c. 600-1035) // The Expositor: A Journal of Undergraduate Research in the Humanities. 2017. Vol. 15. P. 87-95.
839. *Siems M.* Comparative Law. Law in Context. Cambridge University Press, 2022.
840. *Simester A.P., Brookbanks W.J.* Principles of criminal law. Wellington, N.Z., 2007.
841. *Simpson A.W.B.* The Laws of Ethelbert // On the Laws and Customs of England: Essays in Honor of Samuel E. Thorne. Chapel Hill, NC, 1981. P. 3-17.
842. *Skuy D.* Macaulay and the Indian Penal Code of 1862: The Myth of the Inherent Superiority and Modernity of the English Legal System Compared to India's Legal System in the Nineteenth Century // Modern Asian Studies. 1998. Vol. 32, No. 3. P. 513-557.
843. *Smith K.J.M.* James Fitzjames Stephen: Portrait of a Victorian Rationalist. Cambridge University Press, 2002.
844. *Smith K.J.M., McLaren J.P.S.* History's living legacy: an outline of "modern" historiography of the common law // Legal Studies. 2006. Vol. 21, Iss. 2. P. 251-324.
845. *Smith & Hogan*. Criminal Law. 10th ed. London, 2002. 908 p.
846. *Snow's* Criminal Code of Canada / Ed. by *A.E. Popple*. Toronto, 1955.
847. *Steiner E.* Codification in England: The Need to Move from an Ideological to a Functional Approach – A Bridge too Far // Statute Law Review. 2004. Vol. 25(3). P. 209-215.
848. *Stokes E.* The English Utilitarians and India. Oxford, Clarendon Press, 1959.
849. *Stoljar S.J.* Codification and the Common Law // Problems of Codification / The Australian National University. Canberra, 1977. P. 1-15.
850. *Stroud F., Milsom Ch.* A Natural History of the Common Law. Columbia University Press, 2003.
851. *Stuart D.* Canadian criminal law: a treatise. Toronto, Ontario: Carswell, 2014.
852. *Stuart D.A* Case for a General Part: Lessons from Canada's Experience with Stephen's Code Since 1892 and Entrenched Charter Standards Since 1982 // Criminal Law Forum. 2009. Vol. 20. P. 113-137.
853. *Svantesson D.* Codifying Australia's Contract Law – Time for a Stocktake in the Common Law Factory// Bond Law Review. 2008. Vol. 20. Iss. 2, Art. 5. P. 5-7.

854. *Swain W.* Contract Codification and the English: Some Observations from the Indian Contract Act 1872 // The Transformation of European Private Law / Ed. by *J. Devenney, M. Kenny*. Cambridge University Press, 2013. P. 172-191.
855. *Tallon D.* Codification and Consolidation of the Law at the Present time // Israel Law Review. 1979. Vol. 14. P. 1-3.
856. *Tallon D.* La Codification dans le Système de Common Law // Revue Droits 1998. Vol. 27. P. 39-40.
857. *Tamanaha B.Z.* Socio-Legal Positivism and a General Jurisprudence // Oxford Journal of Legal Studies. 2001. Vol. 21(1). P. 1-32.
858. *Taylor G.* Dr. Pennefather Criminal Code for South Australia // Common Law World Review. 2002. Vol. 31. P. 62-70.
859. *Taylor G.* The Victorian Criminal Code // U. Queensland L.J. 2004. Vol. 23. P. 170-179.
860. *Teasdale J.* The work of the British law commissions: law reform … now? // The Theory and Practice of Legislation. 2018. Vol. 6(1). P. 131-141
861. The Formation and Transmission of Western Legal Culture. 150 Books that made the Law in the Age of Printing / Ed. by *S. Dauchy, G. Martyn, A. Musson, H. Pihlajamäki, A. Wijffels*. Heidelberg, New York, 2017.
862. The Oxford Handbook of the Philosophy of the Criminal Law / Ed. by *J. Deigh*. Oxford, N.Y., 2011.
863. The Oxford Handbook of Legal History / Ed. by *M.D. Dubber, C. Tomilins*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 1182 p.
864. The Oxford History of the Laws of England: 13 vols. Vol. I: The Canon Law and Ecclesiastical Jurisdiction from 597 to the 1640s; - Vol. XIII: 1820-1914. Oxford, 2004-2012.
865. The Western Codification of Criminal Law: The Myth of its Predominant French Influence Revisited. Dordrecht, Heidelberg; London-New York: Springer, 2018.
866. *Thomas D.A.* Form and Function in the Criminal Law // Reshaping the Criminal Law / Ed. P.R. Glazebrook. London: Stevens and Sons, 1978. P. 23-24.
867. *Tress W.* Lost Laws: What We Can't Find in the United States Code // Golden Gate University Law Review. 2010. Vol. 40(2). P. 131-132.
868. *Trikoz E.N.* Genomic Security in Criminal Policy of BRICS / E.N. Trikoz, E.E. Gulyaeva, D.R. Brasil // BRICS Law Journal. 2024. Vol. 11(4). P. 108-125.
869. *Trikoz E.N.* The Communicative Function of Legal Transplants in Mixed Legal Systems / E.N. Trikoz, E.E. Gulyaeva // Kutafin Law Review. 2023. Vol. 10. No. 3. P. 515-543.
870. *Trikoz E.N.* Vasile Lupu's code of 1646 at the intersection of legal cultures // Rusin. Vol. 51. No. 1. P. 113-133.
871. *Trikoz E.* The ICC Statute and the Ratification Saga in the States of the Commonwealth of Independent States // The Legal Regime of the International Criminal Court: Essays in Honour of Professor Igor Blishchenko / E.N. Trikoz, A. Abashidze / Ed. by *J. Doria, H.-P. Gasser, M.Ch. Bassiouni*. Leiden; Boston: Brill, 2009. 1122 p. P. 1105-1110.
872. *Trowbridge H.F.* English Criminal Law Reform During and After the Napoleonic Wars // Anglo-American Law Review. 1978. Vol. 7. P. 243-270.
873. *Tubbs J.W.* The Common Law Mind: Medieval and Early Modern Conceptions. Johns Hopkins University Press Baltimore, 2000.
874. *Tulkens F.* Les Principes du Code Penal de Bentham // Actualite de la Pensee Juridique de Jeremy Bentham. Bruxelles, 1987. P. 619-625.

875. *Varga Cs*. Codification as a Socio-Historical Phenomenon. Budapest, 2011.
876. *Varga Cs*. Comparative Legal Cultures: On Traditions Classified, Their Rapprochement & Transfer, and the Anarchy of Hyper-Rationalism. Budapest, 2012.
877. *Varga Cs*. Codification on the Threshold of the Third Millennium // Acta Juridica Hungarica. 2006. 47, No. 2. P. 89-117.
878. *Verdun-Jones S.N.* Criminal law in Canada: cases, questions, and the Code. Toronto: Harcourt Brace & Co., 1997.
879. *Vesey-Fitzgerald S.* Bentham and the Indian Codes // Jeremy Bentham and the Law: A Symposium / Ed. by G.W. Keeton, G. Schwarzenberger. London, 1948. P. 222-230.
880. *Vranken M.* Western Legal Traditions: a Comparison of Civil Law & Common Law. The Federation Press, 2015.
881. *Wagner W.* Codification of Law in Europe and the Codification movement in the Middle of the Nineteenth Century in the United States // St. Louis University Law Journal. 1952-1953. Vol. 2. P. 335-340.
882. *Watson A.* The Impact of Justinian's Institutes on Academic Treatises: Blackstone's Commentaries // Roman Law and Comparative Law. University of Georgia Press, 1991.
883. *Weisst G.A.* The Enchantment of Codification in Common Law World // Yale Journal of International Law. 2000. № 25. P. 432–477.
884. *Wells H.D.* The Griffith Code – Then and Now // Griffith Law Review. 1994. P. 205-212.
885. *White S.* Lord Chief Justice Cockburn's Letters on the Criminal Code Bill of 1879 // Criminal Law Review. 1990. May. P. 315-317.
886. *White St.* The making of the New Zealand Criminal Code Act of 1893: A sketch // Victoria University of Wellington Law Review. 1986. Vol. 16. P. 354-375.
887. *Williams G.* Criminal Law. The General Part. London, 1961.
888. *Wilson W.F., Graham A.D.* Criminal Code of Queensland. Brisbane, 1901.
889. *Wintgens L.J.* Legisprudence: Practical Reason in Legislation. Ashgate, 2012.
890. *Wormald P.* In search of King's Offa 'Law–Code' // *Wormald P.* Legal Culture in the Early Medieval West: Law as Text, Image and Experience. L.; Rio Grande, 1999.
891. *Wright B.* Renovate or Rebuild? Treatises, Digests and Criminal Law Codification // Law Books in Action: Essays on the Anglo-American Legal Treatise. London, 2012.
892. *Wright B.* Self-Governing Codifications of English Criminal Law and Empire: The Queensland and Canadian Examples // University of Queensland Law Journal. 2007. Vol. 26. P. 39-46.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Авторские переводы уголовно-правовых актов стран общего права

1.1. Вестминстерский статут об измене 1351/1352 г.*

Перевод с англ. Е.Н. Трикоз

Статут, изданный в Вестминстере, в Парламенте, заседавшем в день св. Хилари, на 25-м году правления короля Эдуарда III.

В Парламенте, созванном в Вестминстере в день св. Хилари, в год правления нашего господина короля Эдуарда III после завоевания Англии 25-й и Франции 12-й, наш вышеназванный господин король с согласия прелатов, графов, баронов и всего простонародья его королевства Англии, созванных на заседание Парламента, во славу Бога и святой Церкви и для улучшения его вышеназванного королевства предписал и установил изложенные ниже положения.

Также, принимая во внимание, что до сих пор существовали различные мнения по поводу того, [в каком случае может быть объявлена измена (*treason*), а в каком нет[1]], король по просьбе лордов и палаты общин сделал нижеследующее заявление, т.е. объявил: когда человек осуществил или задумал (*doth compass or imagine*) причинение смерти нашему господину королю или нашей госпоже его [королеве] или их старшему сыну и наследнику; или если человек изнасиловал (*do violate*) [спутницу] короля или королевскую старшую дочь, не состоящую в браке, или жену королевского старшего сына и наследника; или если человек начал войну против нашего господина короля в его королевстве или присоединился к врагам короля в его королевстве, оказывая им помощь и поддержку в королевстве или в каком-либо другом месте, и вследствие этого [такие лица] были [на основании доказательств] обесчещены (*be [probably] attainted*) на открытом заседании [людьми] их сословия; и если человек подделал большую или личную печать короля или королевские монеты; и если человек привез в это королевство фальшивые деньги, подделанные под деньги Англии, например так называемую люксембургскую монету[2] или другие деньги, похожие на вышеупомянутые деньги Англии, сознавая, что эти деньги были фальшивыми, с целью осуществлять торговлю или производить оплату товаров путем обмана нашего вышеназванного господина короля и его людей; и если человек убил (*slea*) канцлера, казначея или королевского судью одного из судов королевской скамьи, или одного из разъездных судей (*justices in eyre*), или одного из ассизных судей (*justices of assise*), или одного из другой категории судей, назначенных для слушаний и вынесения решений, находящихся в их округах и исполняющих их обязанности; и должно быть понятно, что во всех вышеперечисленных случаях должен быть установлен состав измены, которая входит в компетенцию нашего господина короля и [затрагивает] его королевское величество; и в случае такой измены право конфискации выморочного имущества (*escheats*) принадлежит нашему суверенному господину [верховному лорду] в отношении земель и иной недвижимости, которые держали от его имени или от имени других [лордов]; и кроме того, имеется другой способ измены, а именно когда слуга убил своего хозяина, либо жена — своего мужа, либо когда человек мирской или религиозный убил своего прелата, которому он клялся в верности и повиновении (*faith and obedience*); и [в случае такой измены выморочное имущество должно принадлежать[3]] такому лорду, чей собственный феод [оно составляло]; и в связи с тем, что в последующее время могут происходить многие другие сходные с изменой случаи, которые в настоящее время невозможно представить или объявить [в качестве таковых], согласовано

---

* Публикуется по: The Statutes. Vol. I. Henry III to James II. A.D. 1235/6 – 1685. London, 1870.

[1] В каком случае следует вынести приговор об измене, а в каком не следует.

[2] Подделанный серебряный пенс.

[3] Данный способ измены предоставляет право конфискации выморочного имущества.

следующее, что, если какое-либо другое дело, предположительно об измене не из числа вышеуказанных случаев, предстанет перед какими-либо судьями, эти судьи должны замедлить [ход дела] без постановления приговора об измене до тех пор, пока [данное основание] [состав преступления] не будет установлено [и объявлено перед королем и его Парламентом] в качестве измены или [другого] уголовного преступления (*felony*). И если в каждом случае какой-либо человек этого королевства выступит верхом на коне, вооружившись открыто или тайно, во главе с вооруженными людьми против кого-либо другого с целью убить его, или ограбить его, или захватить или задерживать его до тех пор, пока он не выплатит штраф или выкуп для своего освобождения, то ни у короля, ни у его совета не будет такого мнения, что в данном случае [преступник] не должен быть осужден за измену, а лишь за уголовное преступление [*фелонию*] или противоправное нарушение границ (*trespass*) и в соответствии с законами земли, используемыми с давних времен, и согласно тому, как этого требует [данный] случай. И если до этого времени в таком или другом подобном случае, когда какие-либо судьи выносили приговор об измене, на его основании земли и иная недвижимость переходили в руки короля в качестве конфискованных, то [теперь] главные лорды феодов должны получить все выморочное имущество в виде недвижимости, которую [преступники] держали непосредственно от них, хотя бы эта недвижимость находилась в руках короля или перешла в руки третьих лиц в результате пожалования (*by gift*) и другим способом; [при этом] за нашим господином королем сохраняется всегда льготный годичный срок[1] и право на невозделанные земли (*the waste*) и конфискованное движимое имущество, которые в вышеуказанных случаях должны принадлежать [только] ему; и что в таком случае [истцу][2] должны быть предоставлены приказы «[*writs] of scire facias*» против держателей конфискованной земли без какого-либо первоначального (*original*) приказа и без оказания [держателю][3] [какой-либо защиты[4]] в вышеупомянутом иске; и что в отношении земель, которые находятся в руках короля, предоставляются приказы шерифам тех округов, где данные земли должны быть им переданы из рук короля без промедления[5].

Также согласовано, что ни один обвинитель не должен быть привлечен к расследованиям по обвинительным вердиктам в уголовных преступлениях [фелониях] или противоправных нарушениях границ, если он обвиняется по тому же основанию, что им было заявлено в качестве основания [вышеупомянутого] обвинения.

Также, принимая во внимание, что в Великой хартии вольностей Англии содержится положение о том, что ни один человек не должен быть заключен в тюрьму, или лишен своего фригольда, или своих привилегий (*franchises*), или обычных свобод, если это не будет соответствовать праву страны (*the law of the land*), также согласовано, что предоставляется и закрепляется, что впредь ни один человек не должен быть задержан на основе петиции или обращения, адресованных нашему господину королю или его совету, до тех пор, пока не будет обвинительного акта или заявления добрых и законопослушных людей той же местности, где такие действия были совершены, и должным образом (*in due manner*) или посредством судебного процесса, возбужденного на основе первоначального приказа (*writ original*) по общему праву; ни один человек не будет лишен своих привилегий или своих фригольдов, если он не будет должным образом привлечен к ответу и предварительно осужден к тому же в соответствии с законом; и если что-либо будет совершено в нарушение этого [положения], все должно быть возвращено в первоначальное состояние и никем не должно соблюдаться.

---

[1] Король вправе удерживать землю, конфискованную у таких преступников, в течение одного года после издания данного постановления.

[2] Непосредственному лорду преступника, земля которого ошибочно конфискована в пользу короля.

[3] То есть человеку, к которому попала земля, конфискованная у уголовного преступника.

[4] Защиты со стороны нашего господина короля.

[5] Данное положение частично отменено следующими актами: состав малой измены (petit treason) (9 Geo. 4. C. 31. S. 1); состав подделки печати короля (11 Geo. 4. & 1 Will. 4. C. 66. S. 31); составы подделки королевской монеты и ввоза поддельных денег в королевство (2 & 3 Will. 4. C. 34. S. 1).

Также предоставляется и закрепляется, что исполнители исполнителей (*executors of executors*) будут иметь право на иски о долгах и о товарах, украденных (*carried away*) у первоначальных завещателей, и по поводу выполнения торговцами статутов и обязательств, зафиксированных в судебном реестре в пользу первоначального завещателя, в той же самой форме, что должен был иметь первоначальный завещатель, если бы он был жив, в отношении исков, направленных как в прошлое, так и в будущее, во всех случаях, когда судебное постановление еще не выдано таким исполнителям; но при этом судебные постановления, выданные не в соответствии с данной статьей в прошлый период, должны оставаться в силе; и что эти же самые исполнители исполнителей должны отчитываться перед другими по поводу того, сколько они восстановили товаров первоначальных завещателей из того, что должны были сделать первые исполнители, если бы были живы.

Кроме того, предоставляется и закрепляется, что ни один лесник — хранитель леса и охотничьих угодий или какой-либо другой министериал — не должен производить сбор хлеба или другого продовольствия либо иных предметов под предлогом исполнения служебных обязанностей против воли какого-либо человека на территории округа бейлифа (*bailiwick*), за исключением того, когда это следует из предписаний старого права.

Также предоставляется, что после того, как какой-либо человек был обвинен в уголовном преступлении (*felony*) перед судьями во время их сессий по судебному разбирательству, шерифу предписывается задержать его (*to attach his body*) на основе приказа или в соответствии с предписанием (*precept*), которое называется capias; и если этот шериф возвратил тот же самый приказ или предписание, в котором указал, что данное лицо не обнаружено, то другой приказ или предписание capias должно быть немедленно выдано с условием его возврата через три недели; и в тот же самый приказ или пред писание должно быть включено условие о том, что шериф должен произвести изъятие его [преступника] движимого имущества и содержать его в сохранности до того дня, когда приказ или предписание должны быть возвращены; и если шериф возвратит [приказ], в котором указано, что лицо не обнаружено, и обвиняемый не объявится, то должен быть предоставлен приказ доставить обвиняемого в суд (the exigend), на основе которого его движимое имущество должно быть конфисковано, как предписано королевским законом; но если он [обвиняемый] до возвращения второго приказа capias добровольно явился в суд или был задержан шерифом или другим министериалом, то вещи и иное движимое имущество должно быть сохранено.

1.2. *Блэкстон Уильям.* Комментарии к законам Англии: в 4-х книгах (1765 – 1769 гг.)[*]

Перевод с англ. Е.Н. Трикоз

КНИГА IV. «*Public Wrongs*».

ГЛАВА 1. «О природе преступлений, и их наказание»

«Мы подошли теперь к Четвертой и последней ветви этих *Комментариев*, которая рассматривает *публичные нарушения* (*public wrongs*), или *преступления* и *проступки* (*crimes and misdemeanors*). Ибо как мы можем помнить, в начале предыдущей книги[a] противоправные деяния были разделены на два вида: одни *частные*, а другие *публичные*. Частные проступки, которые часто называют гражданскими обидами, были предметом всей этой книги: поэтому теперь мы должны, наконец, перейти к рассмотрению публичных проступков, или преступлений и проступков; со средствами их предупреждения и наказания. В поисках чего я и рассмотрю, *во-первых*, общую природу преступлений и наказаний (*crimes and punishment*); *во-вторых*, субъектов, способных совершить преступление; *в-третьих*, несколько степеней

[*] Впервые опубликовано: Commentaries on the laws of England by *Blackstone, William*. Oxford: Clarendon Press, 1765. Текст см.: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/blackstone_bk4ch1.asp (*прим. – Е.Т.*).

[a] Комментарии… Книга III, гл. 1.

проявления их вины как исполнителей или соучастников; *в-четвертых*, несколько видов преступлений, наказание за каждое из которых предусмотрено законами Англии; *в-пятых*, способы предотвращения их совершения; и, *в-шестых*, порядок применения тех наказаний, которые закон предусмотрел за каждое отдельное преступление и проступок.

Во-первых, что касается общего характера преступлений и наказания за них, обсуждение и оценка которых составляет в каждой стране особый кодекс уголовного права (***code of criminal law***); или, как это чаще называется у нас в Англии, учение об *уголовных исках короны*[1]: названо так потому, что король, в котором сосредоточено величие всего общества, по закону считается лицом, пострадавшим от каждого нарушения общественных прав, принадлежащих этому сообществу, и, следовательно, во всех случаях является надлежащим обвинителем по каждому публичному правонарушении (*public offence*)[b].

Знание этой отрасли юриспруденции, которая раскрывает природу, масштаб и степень каждого преступления, и приспосабливает к нему адекватное и необходимое наказание (*penalty*), имеет первостепенное значение для каждого человека в государстве. Ибо (как заметил по сходному случаю великий знаток коронного права[c]), никакое ранг или положение в жизни, никакая прямота сердца, никакое благоразумие или осмотрительность в поведении не должны склонять человека к выводу о том, что он в то или иное время не может быть глубоко заинтересован в исследованиях (указанных выше вопросов). Немощи лучших из нас, пороки и неуправляемые страсти других, непостоянство всех человеческих дел и бесчисленные непредвиденные события, которые могут возникнуть в обычные дни, научат нас (после размышления об этом моменте) знать с точностью, что запрещено законами нашей страны и к каким плачевным последствиям может привести нас умышленное неповиновение, став предметом всеобщей заботы (*universal concern*).

Соразмерно важности уголовного права должны быть также забота и внимание законодательной власти по отношению к его надлежащему формированию и применению. Оно должно быть основано на принципах, которые являются постоянными, единообразными и универсальными; и всегда соответствовать требованиям истины и справедливости, чувствам человечности и неотъемлемым правам человечества как такового: хотя иногда (при условии, что не будет нарушения этих универсальных границ) оно может быть изменено, сужено или расширено в соответствии с локальными или случайными потребностями государства, которым оно предназначено управлять. И тем не менее, либо из-за отсутствия внимания к этим принципам при первоначальном сочинении законов и принятии в качестве них порывистого диктата алчности, честолюбия и мести; либо из-за сохранения противоречивых политических правил, которые устанавливали сменявшие друг друга завоеватели или фракции в ходе различных переворотов в правительстве; либо из-за придания длительной эффективности санкциям, которые должны были быть временными и вводились (по выражению лорда Бэкона) просто под влиянием случая; или, в конечно счете, из-за слишком поспешного применения таких средств, которые явно несоразмерны их цели, для того, чтобы остановить совершение какого-то очень распространенного преступления; по этим причинам или по всем вместе выходило так, что уголовное право во всех странах Европы становилось более грубым и несовершенным, чем гражданское. Я не буду здесь вдаваться в подробности о местных конституциях других наций; на бесчеловечность и ошибочность этой политики достаточно указывали их собственные остроумные писатели[d].

---

[1] «*Pleas of the crown*» (англ. «судебные иски короны») обозначает категорию уголовных дел, в которых участвует король; ранее королевские иски для рассмотрения в суде правонарушений более серьезных, чем обычные проступки, которые традиционно оставались в юрисдикции местных судов баронов, тогда как более тяжкие преступления, или «королевские дела» передавались в королевские суды, инициированные «исками короны». См.: *Robertson's* History of Charles V. Vol. 1. P. 48. (*прим. – Е.Т.*).

[b] См.: *Ibid*. Vol. 1. P. 268.

[c] Sir *Michael Foster*, pref. to rep.

[d] Baron *Montesquieu*, marquis *Beccaria*, etc.

Но даже у нас, в Англии, где наше королевское законодательство (*crown-law*) справедливо считается более совершенным; где преступления определены более точно, а наказания (*penalties*) менее неопределённы и произвольны; где все наши обвинения выдвигаются публично, и наши судебные процессы предстают перед лицом мира; где пытка неизвестна, и каждый делинквент судится коллегией из равных себе, против которых он не может выдвинуть ни исключения, ни даже личной неприязни; — даже здесь мы иногда находим место с некоторыми деталями, которые, по-видимому, нуждаются в пересмотре и поправке. Они возникли главным образом из-за слишком скрупулезного соблюдения некоторых правил древнего общего права (*ancient common law*), после того как уже исчезли причины, на которых основывались эти правила; либо из-за не аннулирования тех древних уголовных законов, которые устарели или стали абсурдны; и из-за того, что слишком мало заботились о создании и внесении на рассмотрение новых законов. Издание норм о наказаниях, которым должна подчиняться вся нация, не должно оставаться безразличным к ожиданиям или интересам тех немногих, которые по текущим мотивам могут предпочесть или поддержать такой законопроект; но должны быть спокойно и зрело рассмотрены лицами, сведущими в том, какие положения закона уже были приняты для устранения обжалуемого вреда, и которые могут по своему опыту предвидеть вероятные последствия тех положений, которые предлагаются в текущий момент, смогут без страсти или предубеждения рассудить, насколько адекватны они по отношению к устраняемому злу. В палате пэров никогда не было принято даже зачитывать частный законопроект, который может затронуть собственность отдельного лица, без того, чтобы предварительно передать его текст кому-либо из ученых судей (*learned judges*) и выслушать их заключение по нему[e].

И совершенно такая же предосторожность необходима, когда должны быть приняты законы, которые могут затрагивать собственность, свободу и, возможно, даже жизнь тысяч людей. Даже если такое упоминание (о собственности) имело место, то все же невозможно в восемнадцатом веке признать преступлением, караемым смертной казнью, просто разрушение (пусть со злым умыслом / *maliciouﬂy*) насыпи рыбного пруда, даже когда оно привело к исчезновению всей рыбы; или же обычную порубку вишневого дерева в саду[f]. Если бы хотя бы один раз в сто лет назначался комитет для пересмотра уголовного права, то не могло бы до сих пор признаваться в качестве фелонии без привилегии духовенства (*benefit of clergy*), деяние в виде пребывания в течение одного месяца в компании соисполнителей, которые обозначают себя или их называют «египтянами»[g].

Верно, что эти возмутительные наказания (*penalties*), которые применяются редко или никогда не применяются, вряд ли известны публике в качестве закона, но это, скорее, усугубляет вред, расставляя сети для неосторожно действующих лиц. Тем не менее, они не

---

[e] См.: Vol. II. P. 345.

[f] Stat. 9 Geo. 1. c. 22; 31Geo. II. c. 42.

[g] Stat. 5 Eliz. c. 20.

В английском *Egyptians Act* (22 Henry VIII, c. 10) 1530 г. «египтянами» именуются цыгане, странствующие люди, которые впервые появились в Англии в начале XVI в., когда считалось, что они пришли из Египта. В 1530 г. король Генрих VIII изгнал «диковинных людей, называвших себя *египтянами*… которые использовали многочисленные, хитрые и коварные средства, чтобы обманывать народ… и с помощью хиромантии предсказывали судьбу мужчинам и женщинам». Позднее законодательство установило, что, если какие-либо «египтяне будут оставаться в этом королевстве или Уэльсе в течение одного месяца..., это признается уголовным преступлением», а также преступлением считалось маскировка под «египтянина» или нахождение в компании с цыганами: «все лица, выдающие себя за цыган или странствующие в одежде или образе *египтян*, должны считаться негодяями и бродягами». Такие преступления объявлялись тяжкими (фелониями) без привилегии духовенства и, следовательно, влекли за собой смертную казнь. Так, в 1577 г. в Эйлсбери семеро мужчин и женщина были приговорены к повешению после того, как были признаны виновными в «общении с египтянами». Главный судья Мэтью Хейл вспоминал, что «на суде присяжных в Бери около 13 человек были осуждены и казнены за это преступление», а на суде присяжных в Йорке в 1655 г. 4 человека были обвинены в том, что составляли компанию с бродягами, «обычно называемыми египтянами». К моменту Реставрации Стюартов во второй половине XVII в. рассматриваемое деяние все еще подвергалось судебному преследованию. Статутные преступления, связанные с цыганами, были отменены лишь в XVIII в. (*прим. – Е.Т.*).

могут не прийти в голову тому, кто взялся за изучение великих очертаний английского права и сведение их к общим принципам: и долг такого человека состоит в том, чтобы очевидно показать тем, чьи способности и положение позволяют им применять такое средство воздействия. Имея в виду такое предварительное замечание и апологию, которые в противном случае могли бы показаться благоприятными причинами для высокомерия, я приступаю теперь к рассмотрению (на первом месте) общей природы *преступлений*.

1. ПРЕСТУПЛЕНИЕ (*CRIME*), или мисдиминор – это действие или бездействие, совершенное в нарушение норм публичного права, запрещающих либо предписывающих такое поведение. Это общее определение охватывает как преступления, так и проступки; которые, собственно говоря, являются просто синонимами: хотя в обычном употреблении слово «преступления» (“*crimes*”) используется для обозначения таких правонарушений (*offences*), которые имеют более глубокий и жестокий оттенок; в то время как меньшие ошибки и упущения с меньшими последствиями подпадают под более мягкое название «мисдиминор» (*“misdemeanors”*).

Отличие публичных противоправных деяний (*public wrongs*) от частных, преступлений и мисдиминоров от гражданских правонарушений, по-видимому, состоит главным образом в следующем: частные, или гражданские правонарушения (*civil injuries*) являются нарушением или лишением гражданских прав, принадлежащих индивидуумам, рассматриваемым лишь как отдельные лица; публичные правонарушения, или преступления и мисдиминоры, являются нарушением и посягательством на общественные права и обязанности, принадлежащие всему сообществу, рассматриваемому именно как сообщество, в его социальном совокупном качестве. Если я удерживаю поле другого человека, на которое закон дал ему право, это есть гражданское правонарушение, а не преступление; ибо здесь речь идет только о праве отдельного лица, и для общества безразлично, кто из нас владеет землей; но измена, убийство и грабеж должным образом причисляются к преступлениям; поскольку, помимо вреда, причиняемого отдельным лицам, они наносят удар по самому существованию общества; которое не может существовать, если подобные действия остаются безнаказанными.

Во всех случаях преступление включает в себя причинение гражданского вреда: всякое публичное правонарушение есть также и частное противоправное деяние, и даже больше; оно влияет на отдельного человека, и оно также влияет на все сообщество. Следовательно, измена (*treason*) в форме причинения смерти королю включает в себя заговор против отдельного лица, что также является гражданским причинением вреда: но так как этот вид измены по своим последствиям главным образом имеет тенденцию к роспуску правительства и разрушению тем самым порядка и мира в обществе, и это означает, что такое преступление имеет высшую степень тяжести. Убийство (*murder*) – это причинение вреда жизни человека; но закон всего общества рассматривает главным образом ущерб, который несет само государство, лишаясь своего члена, и пагубный пример, подаваемый тем самым другим, чтобы поступать так же. Ограбление (*robbery*) можно рассматривать с той же точки зрения: это причинение вреда *частной* собственности; но если бы это было все, то гражданское удовлетворение убытков могло бы искупить содеянное: *публично* значимый вред – это вещь, для предотвращения которой наши законы признали такое поведение преступлением, караемым смертной казнью. В этих грубых и жестоких оскорблениях частное зло поглощается обществом: мы редко слышим какое-либо упоминание об удовлетворении отдельного индивидуума; но наиболее значимо удовлетворение для сообщества в целом. И действительно, поскольку *публичное* преступление (*public crime*) не может быть отомщено иначе, как отнятием жизни и конфискацией имущества, невозможно впоследствии произвести какое-либо возмещение за *частное* правонарушение (*private wrong*); которое можно было бы получить только с тела или собственности агрессора. Но есть преступления меньшей серьёзности, за которые публичное наказание (*public punishment*) не столь сурово, но оставляет место и для частного возмещения: и здесь весьма очевидно различие преступлений от гражданских правонарушений. Например, в случае нанесения побоев или избиения другого агрессор может быть обвинен в этом по иску короля (*suit of the king*), как нарушивший общественное спокойствие, и будет подвергнут в уголовном

порядке штрафу и тюремному заключению; а пострадавшая сторона может также подать иск о посягательстве для возмещения вреда (*action of trespass for the injury*), который она лично понесла, и получить гражданское удовлетворение в связи с таким ущербом. Так же и в случае нарушения общественного порядка (*public nuisance*), как например рытьё канавы через большую дорогу, влечет за собой предъявление обвинительного акта, как преступление по общему праву (*common offense*), затрагивающее все королевство и всех подданных его величества; но если какое-либо лицо понесет при этом какой-то особый ущерб, как, например, повреждение лошади, поломка экипажа и т.п., преступник может быть вынужден выплатить полную компенсацию как за частный ущерб, так и за публичное правонарушение (*public wrong*).

В целом мы можем заметить, что закон рассматривает все правонарушения или незаконные действия с двойственной точки зрения: а именно не только с целью возместить ущерб потерпевшему, либо восстановить его право, если это возможно; или предоставить ему эквивалент; способ действия, который был предметом нашего исследования в предыдущей книге комментариев: но также и для того, чтобы принести пользу обществу, предотвращая или наказывая всякое нарушение и попрание законов, которые суверенная власть сочла уместным ввести в действие для управления и спокойствия всего мира. Что представляют собой эти нарушения и как они предотвращаются или наказываются, должно быть рассмотрено в настоящей книге наших комментариев.

II. Таким образом, природа *преступлений и мисдиминоров* в целом установлена и обособлена, и я далее перехожу к рассмотрению общей природы *наказаний*, которые представляют собой зло или неудобства, являющиеся следствием преступлений и мисдиминоров; будучи приняты, вменены осужденному и наложены согласно человеческим законам как последствия неповиновения или недостойного поведения тех, для регулирования чьего поведения соответственно были созданы такие законы. И здесь мы кратко рассмотрим *полномочие, предназначение* и *меру* человеческого наказания.

1. Обратимся далее к *полномочию на* человеческое наказание или к праву светского законодателя налагать дискреционные наказания за преступления и мисдиминоры [h]. Ясно, что право наказывать преступления, противоречащие естественному закону (*the law of nature*), такие как убийство и тому подобное, происходит из вполне естественного состояния, присущего каждому человеку. Для этого оно должно быть наделено кем-то; в противном случае естественные законы были бы тщетны и бесплодны, если бы *никто* не был уполномочен приводить их во исполнение, и это должно было быть возложено в таком случае на *все человечество*; ведь все по природе равны. Из чего видно, что первый человекоубийца Каин был настолько благоразумен, как мы находим это у него [i], выражающего свои опасения, что всякий нашедший его может умертвить его. В государственном обществе это право переходит от индивидов к верховной власти; посредством чего люди лишаются возможности быть судьями в своих собственных делах, что является одним из зол, которое гражданское правительство должно было исправить. Таким образом, какой бы ни была власть отдельных лиц наказывать за преступления, противоречащие естественному праву, теперь она принадлежит только магистрату; кто заносит меч справедливости (*sword of justice*) с согласия всего сообщества. И к этому прецеденту естественной власти индивидов следует отнести то право, которое, по мнению некоторых, принадлежит каждому государству (хотя на самом деле оно никем и никогда не применялось) наказывать не только своих подданных, но и иностранных послов, даже самой смертной казнью; правда только в случае, когда они нарушили не просто муниципальные законы страны, а божественные законы природы и тем самым несут ответственность за их собственную вину [k].

---

[h] См.: *Grotius,* de J. B. & P. l.2, c. 20. *Pufendorf,* L. of Nat. and N. b. 8, c. 3.
[i] *Бытие*. 4:14.
[k] См.: Vol. 1. pag. 254.

Обратимся теперь к правонарушениям просто противоречащим законам общества, которые только *mala prohibita* [лат. неправильный в силу самого запрета][1], а не *mala in se* [неправильно само по себе]; уполномоченный магистрат также наделен правом налагать принудительные санкции за такие нарушения: и это с согласия отдельных лиц, которые, образуя сообщества, молчаливо или явно наделяли суверенную власть правом издавать законы и принуждать к повиновению им, когда они изданы, применяя в случае их несоблюдения суровые меры, адекватные причиненному злу. Таким образом, правомерность налагаемого наказания на таких преступников основана на том принципе, что закон, по которому они испытывают страдают, был принят по их собственному согласию; это часть первоначального договора, в который они вступили, когда впервые вошли в состав общества; это было рассчитано на их собственную безопасность и уже давно способствовало ей.

Таким образом, это право, дарованное по всеобщему согласию, дает государству точно такую же власть, и не более, над всеми его членами, какую каждый отдельный член естественно имел над собой или над другими. Это заставило некоторых усомниться в том, насколько человеческая законодательная власть вправе применять смертную казнь за *позитивистские* правонарушения (*positive offenses*); правонарушения только против внутригосударственного права, а не против естественного права (*the law of nature*); поскольку ни один человек, естественно, не имеет власти причинить смерть себе или другим за безразличные для него действия. Что касается преступлений *mala in se*, то в некоторых случаях смертная казнь назначается по непосредственному *повелению* самого Бога ко всему человечеству; как и в случае с убийством, согласно повелению, данному Ною, их общему предку и представителю [l], «кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека». В других случаях они наносятся по *примеру* Творца в его позитивистском кодексе законов (*positive code of laws*) для управления еврейской республикой (*Jewish republic*); как в случае с преступлением против природы (*crime against nature*). Но иногда они наносятся без такого явного основания или примера, по воле и усмотрению человеческого законодательного органа; как-то за подлог, грабеж, а иногда и за более легкие правонарушения. О них мы должны принципиально сказать следующее: так как ни одно из этих преступлений не является правонарушением, посягающим на естественные права, а только направлено против общественных прав; , и даже не является грабежом само по себе, если только это не грабеж конкретного лица; все остальные являются посягательством на то право собственности, которое, как мы уже видели [m], обязано своим происхождением не естественному праву, а только гражданскому обществу.

Практику вынесения смертных приговоров за преступления против человеческих институтов оправдывает тем не менее великий и добропорядочный человек, сэр Мэтью Хейл [n2]: «Когда правонарушения становятся непомерными, частыми и опасными для королевства или

---

[1] К концу XIX в. новое звучание получила традиционная классификация преступлений, сложившаяся под влиянием различных теологических и естественно-правовых учений и исходившая из морально-этической оценки конкретных деяний: деяния “*mala in se*” англ. *natural crime)*, которые “сами по себе являются злом”, “грехом, получившим юридическое оформление” (так называемые “естественные преступления”) и деяния “*mala prohibita*”, которые индифферентны к представлениям о добре и зле (так называемые “искусственные проступки”). В условиях промышленного переворота, “золотой лихорадки” и социализации права в австралийских колониях стало формироваться специальное законодательство, которое предусматривало главным образом деяния “*mala prohibita*”, квази-преступления (нарушения санитарных или экологических правил, правил производства и распределения промышленных и продовольственных товаров, правил обеспечения санитарии и гигиены и др.). Подобная дифференциация преступлений получила важное практическое значение также в связи с закреплением в австралийском праве института уголовной ответственности без вины. (*прим. – Е.Т.*).

[l] *Gen*. 9:6.

[m] Book II. ch. 1.

[n] 1 Hal. P. C. 13.

[2] Sir Matthew Hale (1609 – 1676) был выдающимся английским барристером, судьей и правоведом. Он занимал должность Лорда – главного судьи Англии и Уэльса (1671–1676). Автор влиятельного уголовно-правового трактата «*Historia Placitorum Coronæ or The History of the Pleas of the Crown*», опубликованного только после его смерти в 1736 г. См.: *Matthew Hale.* Historia Placitorum Coronæ: The History of the Pleas of the Crown, by Sir Matthew Hale Knt. Sometime Lord Chief Justice of the Court of King’s Bench. Now First Published from his Lordship's Original

государства, разрушительными или крайне пагубными для гражданского общества, а также из-за большой ненадежности и опасности для королевства или его жителей, тогда суровое наказание и даже сама смерть должны быть с необходимостью включены к законы во многих случаях по благоразумному усмотрению законодателей». Таким образом, чудовищность, или нарастание опасности, преступления уже само по себе может обеспечивать обоснованность для каждого земного законодательного органа вводить казнь в адрес того, кто это совершает. Но не только его частое повторение или сложность предупреждения каким-либо иным образом могут оправдать наши попытки предотвратить его совершение путем бессмысленного пролития чьей-то человеческой крови. Ведь хотя цель наказания и состоит в том, чтобы удерживать людей от правонарушений, из этого не может никогда следовать то, что законно будет удерживать их от такого с помощью любого способа и любых средств; поскольку могут существовать незаконные методы принуждения к повиновению даже самым справедливым законам (*the justest laws*). Поэтому каждый гуманный законодатель будет чрезвычайно осторожен в установлении законов, предусматривающих смертную казнь, особенно за незначительные правонарушения, или такие, которые просто позитивистские (*positive offenses*, типа «статутные преступления»). Он будет искать для такого своего поступка лучшего основания, а не эту расплывчатую причину, которая обычно приводится; мол, что предыдущий опыт свидетельствует, что никакое более легкое наказание не будет иметь эффекта. Ибо подтверждается ли на основании дальнейшего опыта, что смертная казнь более действенна? Разве при покойной императрице Елизавете громадная территория всей Руси хуже управлялась, чем при ее кровожадных предшественниках? Разве она сейчас, при Екатерине II, менее цивилизованная, социальная и безопасная? И все же мы уверены, что ни одна из этих прославленных правительниц за все время своего правления не применяла смертной казни, а последняя, убедившись в полной бесполезности и даже пагубности смертной казни, отдала приказ полностью отменить ее во всех своих обширных владениях [o1]. Но действительно, если бы смертная казнь была доказана опытом как надежное и действенное средство, это не доказывало бы необходимости (от которой зависят справедливость и уместность) применять ее во всех случаях, когда другие средства не сработали. Я боюсь, что это рассуждение зашло бы слишком далеко. Например, ущерб, наносимый нашим дорогам общего пользования груженными фургонами, повсеместно разрешен, и для предотвращения этого было принято множество законов; ни один из них до сих пор не доказал свою эффективность. Но из этого не следует, что со стороны законодательной власти было бы справедливо предать смерти каждого упорствующего перевозчика, который нарушил или уклонился от положений ранее принятых статутов. Там, где зло, которое нужно предотвратить, не адекватно насилию предотвратимого, серьезно мыслящий суверен никогда не сможет оправдать такой закон велениями совести и гуманности. Пролить кровь нашего ближнего – это вопрос, требующий величайшего обдумывания и полной уверенности в собственной власти: ибо жизнь – это непосредственный дар Бога человеку; от которого он не может отказаться сам, и нельзя его отобрать у него, кроме как по приказу или разрешению того, кто его даровал; либо же это возможно когда были явно выведены либо собраны из законов природы или общих законов (*the laws of nature or society*) путем ясной и бесспорной демонстрации.

Manuscript, and the Several References to the Records Examined by the Originals, with Large Notes. By Sollom Emlyn of Lincoln's-Inn Esq. To Which is Added a Table of the Principal Matters. In Two Volumes (1st ed.). London, in the Savoy, 1736. (*прим. – Е.Т.*).

Сочинение Хейла было разделено на две части: первая книга посвящена материальному уголовному праву, в частности, преступлениям, караемым смертной казнью, против Короны, а вторая книга об уголовно-процессуальном праве. М. Хэйл автор также еще нескольких произведений, включая его знаменитый «Анализ общего права», который стал первой опубликованной историей английского права и оказал заметное влияние на «Комментарии к законам Англии» У. Блэкстоуна. См. обзор его работ в кн.: *Charles de Rémusat*. Histoire de la philosophie en Angleterre: depuis Bacon jusqu'à Locke. Paris, 1875. T. 2. P. 147-162. (*прим. – Е.Т.*).

[o] Grand instructions for framing a new code of laws for the Russian empire. § 210.

[1] Имеется в виду *Наказ Екатерины II*, 1767 г. (*прим. – Е.Т.*).

Я бы не стал *отрицать* право законодательной власти в любой стране проводить в жизнь свои собственные законы посредством предупреждения о смерти правонарушителей, хотя люди с некоторыми знаниями в этой сфере *сомневались* в этом; но я бы только предложил несколько намеков для рассмотрения тем, кто является или может в будущем стать законодателями. Когда возникает вопрос, может ли быть законно назначена смерть за то или иное преступление, мудрость законов должна разрешить его: и этому публичному приговору или решению суда должны подчиняться все частные приговоры; иначе наступит конец принципиального существования всякого общества и правительства. Вина за кровь, если таковая имеется, должна лежать на их плечах, тех кто неверно истолковывал степень своей компетенции; а не на плечах того субъекта, который уполномочен получать лишь истолкования, данные суверенной властью.

2. Что касается *финальной* или конечной цели человеческих наказаний. Они не направлены с целью искупления или расплаты за совершенное преступление; ибо это должно быть оставлено на усмотрение высшего существа; но применяются в качестве меры предосторожности против будущих преступлений того же рода. Такая мера воплощается тремя способами: либо путем изменения характера самого преступника; и с этой целью применяются все телесные наказания, штрафы и временное изгнание или тюремное заключение; либо путем удержания других от совершения подобных преступлений за счет их страха последовать его примеру, «*ut poena* (как выражает это Туллий [p]) *ad paucos, metus ad omnes perveniat*» [«наказание, применяемое к немногим, вселяет страх в остальных»]; к чему приводят все позорящие наказания и такие санкции органов правосудия, которые являются открытыми и публичными; либо же наконец путем лишения стороны, причиняющей вред, всякой способности причинять зло в будущем; что достигается либо казнью, либо приговором к вечному заточению, рабству или ссылке[1]. Каждый из этих трех типов наказания преследует одну и ту же финальную цель – предотвращение будущих преступлений. Общество получает равно обеспеченную безопасность, независимо от того, происходит ли благотворное исправление самого преступника; либо же он физически лишается возможности причинять какой-либо вред в дальнейшем: и, если наказание не дает достигнуть ни того, ни другого, все еще страх перед его примером действует как предупреждение другим гражданам. Однако выбранный метод применения наказания всегда должен быть соразмерен конкретной цели, которой он призван служить, и ни в коем случае не должен превышать ее: поэтому сами по себе муки смерти и постоянная инвалидизация вследствие изгнания, уголовного рабства или тюремного заключения не должны быть применены, за исключением случаев когда преступник кажется неисправимым: который стал таковым в следствии накопления и повторения ряда меньшей тяжести правонарушений (*minuter offenses*); или же совершил какое-либо одно преступление вследствие глубокой злобы, которое само по себе демонстрирует его склонности без надежды или вероятности исправления, и в таких случаях было бы жестокостью по отношению к обществу откладывать наказание такого преступника, пока ему не представилась возможность повторить, быть может, худшее из злодейств.

3. Теперь что касается *меры* человеческих наказаний. Из того, что было замечено в предыдущих пунктах, мы можем заключить, что величина наказаний никогда не может быть абсолютно определена каким-либо постоянным неизменным правилом; но должна быть оставлена на усмотрение законодательного органа налагать такие наказания, которые оправданы законами природы и общества и которые кажутся рассчитаны наилучшим образом в целях достижения финальной цели предостережения от совершения будущих правонарушений.

Отсюда становится очевидно несмотря на то, что некоторые так высоко превозносили за его справедливость сам принцип *lex talionis*, или закон возмездия, он никогда не может быть во всех случаях адекватным или постоянным правилом наказания. В некоторых случаях это

---

[p] *Cicero*: Pro Cluentio. 46.

[1] Эта речь была произнесена Марком Туллием Цицероном в суде в пользу Авла Клуенция Габита – A. Cluentius Habitus в 66 г. до н.э., который был обвинен матерью в отравлении отчима. В этой своей первой политической речи Цицерон описывает ужасы междоусобных войн и их последствия для семейного быта и нравов. (*прим. – Е.Т.*).

действительно кажется продиктованным естественным разумом; как в случае преступных заговоров (*conspiracies*) с целью причинения личного вреда или ложных обвинений против невиновных лиц: к этому мы можем добавить закон иудеев и египтян, упомянутый Иосифом Флавием и Диодором Сицилийским[1], о том, что тот, кто без достаточных оснований был обнаружен со смертельным ядом под его контролем, должен сам принять его. Но вообще различие лиц, участвующих в провокации, места и времени такой провокации или других обстоятельств могут повысить степень тяжести преступления или ее смягчить; и в таких случаях равное возмездие никогда не может быть надлежащей мерой правосудия. Так, если благородный ударит простого крестьянина, и все человечество увидит, как орган правосудия присуждает нанести ответный удар, то это более чем справедливая компенсация. С другой стороны, равное возмездие иногда может быть слишком легким приговором; так, если человек злонамеренно выколол оставшийся глаз тому, кто прежде потерял другой, то слишком легким будем ему наказание потерять только один глаз в ответ; и поэтому закон древних Локрианцев[2], который требовал око за око, был в этом случае справедливо изменен; так было постановлено, по аналогии с законом Солона [q], что тот, кто выбьет глаз одноглазому, должен взамен лишиться обоих своих глаз[3]. Кроме того, есть много преступлений, которые никоим образом не допускают этих наказаний в форме возмездия, если таковые не являются проявлением нелепости и озлобленности. Так, кража не может быть наказана кражей, клевета – клеветой, подлог – подлогом, прелюбодеяние – прелюбодеянием и т.п. И мы можем к этому добавить, что даже те случаи, при которых возмездие якобы применяется по божьему повелению, на самом деле не основываются на принципе равного и точного возмездия, так как преступнику причиняется зло, идентичное тому, что он сам причинил ближнему своему, и не более того; но с другой стороны это соответствие между преступлением и наказанием едва ли является следствием какого-либо другого принципа. Смерть предусмотрено наказывать смертью; не потому, что одно равно другому, ибо это было бы искуплением жизнью, а не уголовное наказание. Не всякая смерть эквивалентна другой смерти: казнь нуждающегося дряхлого убийцы есть жалкое удовлетворение за убийство дворянина в самом расцвете его юности, лишившегося полного удовольствия от общения с его друзьями, своих почестей и всего состояния[4]. Но обоснование вынесения такого приговора, по-видимому, заключается в том, что это высшая мера наказания, которую может наложить человек, и она больше других способствует безопасности мира (*security of the world*), устраняя с земли одного убийцу и подавая устрашающий пример для других с целью удерживания их от преступления: так что даже этот значительный пример основывается на иных принципах, чем простое возмездие. И действительно, если какая-либо мера наказания должна быть назначена исходя из сути причиненного пострадавшему вреда, то наказание должно скорее превышать, чем равняться вреду: поскольку кажется противоречащим разуму и справедливости то, что виновный (если он осужден) должен страдать не более того, что невиновный претерпел от него; тем более, что

---

[1] *Иосиф Флавий* (Йосеф, сын Матитьяху, ок. 37–100 гг.) – древнееврейский историк, автор сочинения на древнегреческом языке «Иудейские древности», описав историю евреев от библейских времен и вплоть до Иудейской войны и используя не только священные тексты, но и указы правителей, международные договоры и другие источники. *Диодор Сицилийский* (ок. 90–30 гг. до н.э.) – древнегреческий историк, автор сочинения «Историческая библиотека», монументальной всеобщей истории в 40 книгах от мифических времен и вплоть до завоевания Галии Юлием Цезарем. (*прим. – Е.Т.*).

[2] Дорийские племена, жители древнегреческих Локр в Италии, которые были древнегреческой колонией с VII в. до н.э. См.: Locris // Реальный словарь классических древностей / Сост. *Ф. Любкер*. СПб., 1885. С. 778-779. (*прим. – Е.Т.*).

[q] *Pott*. Ant. b.1. c. 26.

[3] См. также о законодательстве архонта-эпонима *Солона* (ок. 640–559 гг. до н.э.): *Трикоз Е.Н.* Становление системы источников права в Древних Афинах // Правоведение. 2007. №4. С. 196-207 (*прим. – Е.Т.*).

[4] В XVIII веке собственность становилась священным и неприкосновенным правом, мерилом социального статуса и меры наказания и, как пишет Д. Хэй, «даже человеческая жизнь взвешивалась на весах богатства и статуса». *Hay Douglas*. Property, Authority and the Criminal Law // Albion's Fatal Tree: Crime & Society in Eighteenth Century England / Ed. by *D. Hay, P. Linebaugh, J. Rule, E.P. Thompson, C. Winslow*. New York: Pantheon Books, 1975. P. 19. (*прим. – Е.Т.*).

страдания невиновных ретроспективны и необратимы, а страдания виновных направлены в будущие, вероятностны и порой их можно избежать или уклониться. Что касается действительно преступлений, которые не были окончены, заключались лишь в преступном намерении, и еще не выразились в конкретном действии, такие как преступные сговоры (*conspiracies*) и тому подобное; у невиновного есть шанс помешать злодейству или самому избежать его, так же как у заговорщика (*the conspirator*) есть шанс избежать наказания: и это может быть одной из причин, почему *lex talionis* более уместно применять, если вообще следует применять, к преступлениям на стадии проявления преступного намерения, чем для тех, которые проявились в конкретном действии. Кажется, что это действительно согласуется с естественным разумом, и поэтому в качестве максимы некоторыми писателями-теоретиками [r] было предложено, чтобы в случае, когда один ложно обвиняет в преступлении другого, на такого лжесвидетеля было наложено аналогичное наказание. Соответственно, когда однажды в Англии пытались ввести закон о равном воздаянии, он предназначался для наказания только тех, кто предпочитал злонамеренные обвинения против других; такое было введено в действие статутом Эдуарда III (37 Edw. III. c. 18), согласно которому те, кто предпочитает какие-либо указания большому королевскому совету, должны дать поручительство в виде обета возмездия (*taliation*); то есть пообещать претерпеть те же страдания, которые должен был испытать другой человек в случае, если эти указания окажутся неверными. Но по прошествии одного года применения такого наказания в виде возмездия (*punishment of taliation*) оно было отвергнуто, и вместо него было введено тюремное заключение [s].

И хотя из сказанного следует, что не может быть какого-либо регулярного или окончательного метода оценки меры наказаний за преступления по какому-либо единому правилу; они должны быть определены по воле и усмотрению законодательной власти; тем не менее, существуют некоторые общие принципы, вытекающие из природы и обстоятельств преступления, которые могут в некоторой степени помочь в назначении адекватного наказания.

Обратимся, в первую очередь, к объекту преступления: ибо чем более значительный и возвышенный объект посягательства, тем больше следует заботиться о предупреждении этого посягательства, и, конечно, при таком отягчающем обстоятельстве наказание должно быть строже. Следовательно, государственная измена (*treason*) в форме преступного сговора с целью убийства короля по английскому праву наказывается с большей строгостью, чем даже фактическое убийство какого-либо отдельного подданного. И все же, как правило, преступный замысел сам по себе не столь вопиюще чудовищен, как само фактическое выполнение этого замысла. Ибо зло, чем ближе мы к нему приближаемся, тем неприятнее и возмутительнее; так что требуется больше упрямства в злобном выполнении противозаконного действия, чем просто поддержание намерения его совершить; и тут важно поощрение к раскаянию и угрызениям совести, даже на самой последней стадии любого преступления, чтобы никогда не было слишком поздно отказаться от него; и если человек остановится даже в этом месте, то это все же лучше для него, чем если бы он продолжал: по этим причинам покушение на ограбление, попытка изнасиловать или убить гораздо менее наказуемы, чем собственно грабеж, изнасилование или убийство. Но в случае преступного сговора (*conspiracy*), целью которого является королевское величие, умысел заслуживает высшей степени строгости: не потому, что умысел равносилен самому действию; но потому, что величайшая суровость не более чем

---

[r] *Beccar*. c. 15.

[s] Stat. 38 Edw. III. c. 9. Данный статут короля Эдуарда III 1363 г. назывался «*Statute Concerning Diet and Apparel*» и был посвящен вопросам ограничения роскоши в одежде и других аспектах жизни каждого из сословий, чтобы остановить увлечение представителей низших классов и новоявленных купцов носить ту же одежду, что и элитное сословие пэров, и тем самым нарушать правила феодальной лестницы и властной пирамиды. Только членам королевской семьи династии Тюдоров разрешалось носить одежду, отделанную горностаем; младшим дворянам позволялось носить лишь отделанную лисой и выдрой одежду, и т.д. Вслед за этим статутом последовала серия законов о роскоши, принятых парламентами в 1337, 1363, 1463 и 1483 гг. Наказания за нарушение их предписаний были достаточно суровыми, начиная со штрафов и конфискации имущества и вплоть до лишения титулов и даже жизни. (*прим. – Е.Т.*).

адекватна предательскому замыслу в самом сердце преступника, и нет большей строгости, которую можно применить, если не смертную казнь.

СНОВА вернемся: неистовство страстей или сила искушения иногда могут смягчить степень преступления; так, воровство в случае голода гораздо более достойно сострадания, чем когда оно совершается из жадности или из-за соблазна роскоши. Убийство человека вследствие внезапного и сильного гнева менее наказуемо, чем в результате хладнокровной преднамеренной злобности. Возраст, образование и характер личности преступника; повторность (или несколько раз совершенное) правонарушения; время, место и компания, в которой оно было совершено; все эти и тысячи других проявлений могут отягчить или смягчить преступление [t].

ДАЛЕЕ: так как наказания предназначены главным образом для предотвращения будущих преступлений, то вполне разумно, чтобы среди преступлений различной природы наиболее сурово наказывались те, которые наиболее разрушительны для общественной безопасности и общего счастья [u], а среди преступлений одинаковой злонамеренности те, которые наиболее часто и легко совершаются людьми, и те, от совершения которых не так легко защититься, как от других, и которые, следовательно, у преступника есть самое сильное побуждение совершить: как верно замечал Цицерон, «*ea sunt animadvertenda peccata maxime, quae difficillime praecaventur*» [«Наиболее строго следует карать те преступления, которые труднее всего предотвратить»][v]. Отсюда и получается, что для слуги ограбить своего господина в большинстве случаев более тяжкое деяние, чем для кого-либо постороннего: если слуга убивает своего господина, то это считается разновидностью измены (*treason*); в другом же случае это квалифицируется как простое убийство (*murder*): либо же кража носового платка или тайное похищение у кого-нибудь безделицы, приводит к смертной казни; но в то же время похищение с поля партии хлеба, хотя и оцененного в пятьдесят раз дороже, наказывается лишь уголовной ссылкой (*transportation*). Так, ранее на острове Мэн этот принцип был доведен до того, что например увести лошадь или быка считалось не фелонией, а просто нарушением владения (*trespass*); из-за того, что на этой маленькой территории было трудно их спрятать или вывезти; хотя в то же время кража свиньи или курицы, которую довольно легко совершить, считалась мисдиминором, влекущим смертную казнь (*capital misdemeanor*), и преступник наказывался смертью [w].

НАКОНЕЦ, в качестве заключения в целом, мы можем заметить, что наказания чрезмерной строгости, особенно когда они налагаются без разбора, оказывают меньшее влияние на предупреждение преступлений и исправление нравов людей, чем те, которые в целом более милосердны, но надлежащим образом соотнесены с должными различиями серьезности. Один гениальный писатель, который, по-видимому, хорошо изучил пружины человеческих действий [x], считает, что преступления более эффективно предотвращаются неотвратимостью наказания, а не его суровостью. Ибо чрезмерная строгость законов (как говорит Монтескьё [y]) препятствует их исполнению: когда наказание превосходит всякую меру, публика часто из гуманности предпочитает ему безнаказанность. Так, в преамбуле Статута королевы Марии (*Statute 1 Mar. s. 1, c. 1*) указывается, «что состояние дел в государстве любого короля более надежно выражается в любви подданных к своему государю, нежели в страхе перед законами, предусматривающими суровые последствия; и что законы, принятые для сохранения государства (*the Commonwealth*) без завышенных штрафов (*penalties*), чаще

---

[t] Так, *Демосфен* в речи против Мидия прекрасно справляется с обострением нанесенного ему оскорбления: «Меня оскорбил мой враг, хладнокровно, по злобе, а не от винного угара, утром и публично, как перед иностранцами, так и горожанами; и в том храме, куда меня призвал служебный долг». (*прим. – Е.Т.*).

[u] *Beccar*. c. 6.

[v] *Pro Sexto Roscio*, 40.

[w] 4 Inst. 285.

[x] *Beccar*. c. 7.

[y] Sp. L. b. 6. c. 13.

соблюдаются и им чаще повинуются, чем законам, вводящим экстремальные наказания (*punishments*)»[1].

Было бы счастьем для нации, если бы последующая практика этой обманутой в вопросах религии королевы соответствовала выраженным ею самой чувствам и настроениям парламента в вопросах жизни государства и управления! Далее мы можем отметить, что кровавые законы (*sanguinary laws*) являются плохим симптомом неблагополучия любого государства или, по крайней мере, слабости его конституции. Законы римских царей и Законы двенадцать таблиц децемвиров[2] были полны жестоких наказаний: закон Порция, освобождавший всех граждан от смертной казни, молча отменял их все[3]. В этот период республика процветала: но при императорах возродились суровые наказания; а потом империя пала.

Более того, абсурдно и неполиткорректно применять одно и то же наказание к преступлениям разной степени злоумышленности. Множество кровавых законов (помимо сомнения, которое может возникнуть в отношении права их принятия) также доказывают явный недостаток мудрости законодательного органа либо прочности исполнительной власти. Это своего рода шарлатанство со стороны правительства, что свидетельствует о желании стабильного навыка прибегать в каждом трудном случае к одному и тому же универсальному средству в качестве *ultimum supplicium*[4]. Следует признать, что гораздо легче искоренить само человечество, чем исправить его нравы; тем не менее отдельного чиновника следует признать слабым и жестоким врачевателем, если он отрезает конечности, пытаясь вылечить от другой болезни, действуя так по своему невежеству или лености. Поэтому было остроумно предложено[z], чтобы в каждом государстве была составлена шкала преступлений с соответствующей шкалой наказаний, нисходящая от большего к меньшему; и даже если это слишком романтическая идея, в конце концов мудрый законодатель обозначит основные подкатегории наказаний и не будет назначать наказания первой степени за преступления более низкого ранга. Там, где люди не видят различия в характере и градациях наказания, большинство придет к заключению, что нет различия в степени вины.

Так, во Франции одинаковое наказание следует за грабеж как с убийством, так и без него[a]; следует ли отсюда то, что поэтому они меньше подвержены грабежам, или еще, что они никогда не грабят, а лишь убивают. В Китае убийц расчленяют на куски, а грабителей нет:

---

[1] Цитата из статута периода правления королевы Марии I Тюдор (1553–1558, *Bloody Mary*), старшей дочери Генриха VIII. Текст см.: The Bill for Restitution in Blood of Lady Gartrude, Marques Courtney / House of Commons Journal Vol. 1. 16 October, 1553 // Journal of the House of Commons. Vol. 1, 1547 – 1629. London; Published by His Majesty's Stationery Office, 1802. P. 28. (*прим. – Е.Т.*)

[2] Но в то же время Законы XII таблиц (451–450 гг. до н.э.) предусматривали такую гарантию, согласно которой только решением народного собрания в формате *comitiatus maximus* римский гражданин мог быть лишен жизни, статуса свободы (заключение в тюрьму) или же самого римского гражданства (*прим. – Е.Т.*).

[3] Речь идет о древнеримском законе *Lex Porcia*, который инициировал народный трибун Публий Порций Лаэка в период его трибуната в 199 г. до н.э. либо во время его претуры в 195 г. до н.э. Вероятно, право осужденного на провокацию (апелляцию к народу) изначально использовалось только в черте города Рима (будучи привязанной к *auxilium* трибунов и самопомощи плебеев), но позже с помощью *Lex Porcia* было распространено на всю Италию и провинции. При этом Цицерон утверждает о принятии сразу трех законов: *que tres sunt tria Porciorum* (Cicero. De Republica, II, 31 & 54), с целью ограничения практики применения смертной казни к римским гражданам, особенно по политическим основаниям (*maiestas* или *perduellio*). Кроме краткого рассказа Тита Ливия о гипотетическом суде по делу Горация об убийстве своей сестры, приговоренного к смерти и попросившего процедуру *provocatio*, в результате чего его снова судили в *iudicium populi* и, благодаря его прославленным делам и молитвам отца, он был реабилитирован; более в римской истории не сохранилось описания «провокации», если не считать судебный процесс над Гаем Рабирием (*Gaius Rabirius*) по обвинению его в *perduellio* в 63 г. до н.э. См.: *Strachan-Davidson J.I.* Problems of the Roman Criminal Law. Oxford: Clarendon Press, 1912. Vol. I. P. 131-132; *Lintott A.W.* Provocatio: From the struggle of the orders to the Principate. 1972; *Develin R.* 'Provocatio' and Plebiscites. Early Roman Legislation and the Historical Tradition // Mnemosyne. 1978. Vol. 31, no. 1. P. 45-60. (*прим. – Е.Т.*)

[4] Наказание *ultimum supplicium* (смертная казнь) упоминается как самое суровое в нескольких источниках по древнеримскому уголовному праву, включая Кодекс Феодосия и Дигесты Юстиниана (D. 1. 1, 18; D. 47. 5. 1. 11; D. 48. 12. 1. 9 § 1; C. 2. 9. 1. un.; C.Th. 3, 16. 15. 1. 2; C.Th. 9. 42. 1. 20; C.Th. 7, 13. 1. 9). (*прим. – Е.Т.*).

[z] *Beccar*. c. 6.

[a] Sp. L. b. 6. c. 16.

поэтому в этой стране никогда не убивают на большой дороге, хотя часто грабят. А в Англии, помимо дополнительных ужасов скорой казни с последующим вставлением тела или его вскрытием, у грабителей есть надежда на уголовную ссылку, которая редко распространяется на убийц. Здесь это имеет тот же эффект, что и в Китае: предотвращает частые убийства и массовое истребление.

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, хотя в данном случае мы можем похвастаться мудростью английского права, нам будет труднее оправдать частое применение предусмотренной им же смертной казни; введенной (возможно, из-за недосмотра) множеством последовательных и несвязанных статутов за очень разные по своей природе преступления. Печальная истина заключается в том, что среди разнообразия действий, которые люди ежедневно совершают, не менее ста шестидесяти были объявлены парламентскими актами [b] в качестве фелоний, не имеющих отношения к привилегии духовенству (*benefit of clergy*); или, другими словами, были объявлены заслуживающими неминуемой смертной казни. Столь ужасающий список вместо того, чтобы уменьшаться со временем, лишь увеличивает число преступников. Жертвы преступлений из чувства сострадания часто воздерживаются от обращения за защитой в суд: присяжные заседатели из того же сострадания иногда забывают свою присягу и либо оправдывают виновных, либо смягчают степень правонарушения; а судьи из сочувствия дают отсрочку половине осужденных, и передают их дело на королевское помилование. Да и сам преступник, закоренелый или действующий по нужде, среди столь многих шансов на то, чтобы уклониться от преступления, наоборот забывает о множестве грозящих ему страданий; и смело предпринимает отчаянные попытки удовлетворить свои потребности или воплотить свои пороки; и если неожиданно рука правосудия настигнет его, он напротив посчитает себя особенно несчастным и падшим, принесенным в жертву тем законам, которые долгая безнаказанность научила его презирать…

1.3. Уголовный кодекс Индии 1860 г. (*проект Т.Б. Маколея*)[*]

Перевод с англ. Е.Н. Трикоз

Глава I. Введение

Преамбула.

ПОСКОЛЬКУ целесообразно предусмотреть общий Уголовный кодекс для [Индии]; то он вводится в действие следующим образом:

1. Название и сфера действия Кодекса. Настоящий Закон будет называться *Уголовным кодексом Индии* и будет распространяться на всю Индию.

2. Наказание за преступления, совершенные на территории Индии. Каждое лицо подлежит наказанию в соответствии с настоящим Кодексом, а не иначе, за каждое действие или бездействие, противоречащее его положениям, в которых оно должно быть признано виновно в пределах [Индии].

3. Наказание за преступления, совершенные за пределами Индии, но которые по закону могут быть рассмотрены в Индии. Любое лицо, подлежащее судебному разбирательству в соответствии с любым законом Индии за преступление, совершенное за пределами Индии, должно быть привлечено к ответственности в соответствии с положениями настоящего Кодекса за любое деяние, совершенное за пределами [Индии], таким же образом, как если бы такое деяние было совершено в пределах [Индии].

---

[b] См.: Указатель Раффхеда к статутам (*Ruffhead's index to the statutes)*, Титул о фелонии, и акты, которые были приняты после этого.

[*] *Thomas Macaulay*. The Indian Penal Code (1837). // Indian Law Commission. The Indian Penal Code, as originally framed in 1837, with notes *by T.B. Macaulay* ... [and others] and the first and second reports there-on dated 23rd July 1846 and 24th June 1847, by *C.H. Cameron and D. Eliott*. Madras, 1888. Текст доступен по ссылке: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.hl49dn&seq=7

Позднее был принят как Penal Code (Act No. 45 of 1860). Закон Индии №45 от 06 октября 1860 г.

4. Распространение Кодекса на экстерриториальные правонарушения. Положения настоящего Кодекса применяются также к любому правонарушению, совершенному: (1) любым гражданином Индии в любом месте за пределами Индии и за ее пределами; (2) любым лицом, находящимся на любом судне или воздушном судне, зарегистрированном в Индии, где бы оно ни находилось.

Пояснение. В данной статье слово «*правонарушение*» (*offence*) включает в себя любое деяние, совершенное за пределами [Индии], которое, если бы оно было совершено в [Индии], было бы наказуемо в соответствии с настоящим Кодексом.

Иллюстрация. А, [который является гражданином Индии], совершает убийство в Уганде. Его могут судить и признать виновным в убийстве в любом месте Индии, где его могут обнаружить.

5. Некоторые законы, не подпадающие под действие настоящего Акта. Ничто в настоящем Акте не затрагивает положений какого-либо акта о наказании за мятеж и дезертирство офицеров, солдат, матросов или летчиков, находящихся на службе Правительства Индии, или положений какого-либо специального или местного закона.

Глава II. Объяснения основных терминов

6. Дефиниции в Кодексе, которые следует понимать с учетом исключений; 7. Смысл уже объясненного выражения; 8. «Гендер»; 9. «Число»; 10. «Мужчина, женщина»; 11. «Персона»; 12. «Публичный»; 13. «Королева» [статья отменена указом правительства Индии «Об адаптации индейских законов», 1950 г.]; 14. «Служащий правительства»; 15. «Британская Индия» [статья отменена указом правительства Индии «Об адаптации индийских законов», 1937 г.]; 16. «Правительство Индии» [статья отменена указом правительства Индии «Об адаптации индийских законов» 1937 г.]; 17. «Правительство»; 18. «Индия»; 19. «Судья»; 20. «Суд справедливости»[1]; 21. «Государственный служащий»; 22. «Движимое имущество»; 23. «Неправомерная выгода»; 24. «Нечестно»; 25. «Мошеннически»; 26. «Основания полагать»; 27. «Имущество, находящееся во владении жены, клерка или слуги»; 28. «Поддельный»; 29. «Документ»; 30. «Ценная бумага»; 31. «Завещание»; 32. «Слова, относящиеся к действиям, включают в себя незаконные бездействия»; 33. «Действие, бездействие»; 34. «Действия, совершенные несколькими лицами для достижения общего умысла»; 35. «Когда такое деяние является преступным по причине того, что оно совершено с преступным знанием или умыслом»; 36. «Следствие, вызванное отчасти действием, отчасти бездействием»; 37. «Соучастие в совершении одного из нескольких деяний, составляющих преступление»; 38. «Лица, причастные к преступному деянию, могут быть виновны в совершении различных преступлений»; 39. «Добровольно»; 40. «Преступление»; 41. «Специальный закон»; 42. «Местное законодательство»; 43. «Незаконно, и законно обязанный делать»; 44. «Травма»; 45. «Жизнь»; 46. «Смерть»; 47. «Животное»; 48. «Судно»; 49. «Год, Месяц»; 50. «Статья»; 51. «Клятва»; 52. «Добросовестность»; 52A. «Гавань».

Глава III. О наказаниях

53. Наказание; 53A. Мера в виде уголовной транспортации; 54. Замена смертного приговора; 55. Замена наказания в виде пожизненного лишения свободы; 55A. Дефиниция соответствующего правительства; 56. Приговоры европейцам и американцам [оговорка отменена «Законом о ликвидации расовой дискриминации», 1949 г.]; 57. Дроби сроков наказания; 58. Преступники, приговоренные к ссылке [отменена «Законом о внесении поправок в Уголовно-процессуальный кодекс» 1955 г.]; 59. Депортация вместо лишения свободы [отменена Законом УПК (Поправки) 1955 г.]; 60. Приговор может быть (в некоторых случаях тюремного заключения) полностью или частично строгим или обычным; 61. Приговор о конфискации имущества [отменена Законом о внесении поправок в УК Индии 1921 г.]; 62.

[1] "*Court of Justice*". Так, панчаят, действующий в соответствии с Правилом VII Мадрасского кодекса (*Madras Code*) 1816 г., обладает правом рассматривать иски и выносить решения как суд.

Конфискация имущества в отношении преступников, приговоренных к смертной казни, депортации или тюремному заключению [отменена Законом о внесении поправок в УК Индии 1921 г.]; 63. Размер штрафа; 64. Приговор к тюремному заключению за неуплату штрафа; 65. Пределы тюремного заключения за неуплату штрафа, когда тюремное заключение и штраф могут быть назначены; 66. Описание лишения свободы за неуплату штрафа; 67. Тюремное заключение за неуплату штрафа, когда преступление наказывается только штрафом; 68. Тюремное заключение прекращается с уплатой штрафа; 69. Прекращение лишения свободы с уплатой пропорциональной части штрафа; 70. Штраф взыскивается в течение шести лет или во время лишения свободы; 71. Предел наказания за правонарушение, состоящее из нескольких правонарушений; 72. Наказание лица, виновного в совершении одного из нескольких преступлений; 73. Одиночное заключение; 74. Пределы одиночного заключения; 75. Ужесточение наказания за определенные преступления в соответствии с главой XII или главой XVII при наличии прежней судимости.

Глава IV. Общие исключающие обстоятельства

76. Действие, совершенное лицом, связанным или ошибочно полагающим себя связанным законом, или по ошибке полагающим себя связанным законом; 77. Действие судьи во время судебного разбирательства; 78. Действие, совершенное во исполнение решения или постановления суда; 79. Действовать совершенное лицом, оправданным или ошибочно полагающим себя оправданным по закону; 80. Несчастный случай при совершении правомерного действия; 81. Действия, которые могут причинить вред, но совершены без преступного умысла, а также с целью предотвращения иного вреда; 82. Действие ребенка в возрасте до семи лет; 83. Действие ребенка старше семи и до двенадцати лет при наличии незрелого ума; 84. Действие душевнобольного человека; 85. Действие лица, неспособного к разумному суждению по причине опьянения, наступившего против его воли; 86. Правонарушение, требующее особого умысла или осведомления, совершенное лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения; 87. Действие, не входившее в умысел и в преступное знание, когда оно может повлечь за собой смерть или тяжкие телесные повреждения, и совершенное на основании согласия; 88. Действие, не направленное на причинение смерти, совершенное с согласия и добросовестно в интересах человека; 89. Действие, совершенное добросовестно в интересах ребенка или душевнобольного лица, опекуном или с его согласия; 90. Согласие, о котором известно, что оно было дано под влиянием страха или заблуждения; 91. Исключение деяний, которые являются правонарушениями, независимо от причиненного вреда; 92. Действие, совершенное добросовестно в интересах лица без его согласия; 93. Коммуникация, совершенная добросовестно; 94. Действие, к которому человека принуждают угрозами; 95. Действие, причиняющее легкий вред; 96. Вещи, сделанные в рамках частной обороны; 97. Право на частную защиту своего тела и имущества; 98. Право на частную защиту от действий душевнобольного лица и т.д.; 99. Действия, в отношении которых отсутствует право на частную защиту; 100. Когда право на частную защиту тела распространяется на причинение смерти; 101. Когда такое право распространяется на причинение любого вреда, кроме смерти; 102. Начало и продолжение действия права на частную защиту тела; 103. Когда право на частную защиту собственности распространяется на причинение смерти; 104. Когда такое право распространяется на причинение любого вреда, кроме смерти; 105. Начало и продолжение права на частную защиту собственности; 106. Право на частную защиту от нападения со смертельным исходом, когда существует риск причинения вреда невиновному.

Глава V. О подстрекательстве

107. Подстрекательство к чему-либо; 108. Подстрекатель; 108A. Подстрекательство в Индии к преступлениям за пределами Индии; 109. Наказание за подстрекательство, если подстрекаемое деяние совершено впоследствии, и если не предусмотрено прямое положение о его наказании; 110. Наказание за подстрекательство, если подстрекаемое лицо действует с

иным намерением, чем подстрекатель; 111. Ответственность подстрекателя, когда одно подстрекаемое деяние и совершенное другое деяние; 112. Подстрекатель, когда он несет совокупное наказание за подстрекаемое деяние и совершенное деяние; 113. Ответственность подстрекателя за последствия, вызванные подстрекаемым деянием, отличные от тех, которые подразумевал подстрекатель; 114. Подстрекатель, присутствовавший при совершении преступления; 115. Подстрекательство к преступлению, наказуемое смертной казнью или пожизненным тюремным заключением, если преступление не совершено; 116. Подстрекательство к преступлению, наказуемое тюремным заключением, если преступление не совершено; 117. Подстрекательство к совершению преступления общественностью или более чем десятью лица; 118. Сокрытие замысла совершить преступление, караемое смертной казнью или пожизненным заключением; 119. Сокрытие государственным служащим замысла совершить преступление, которое он обязан его предотвратить; 120. Сокрытие замысла совершить преступление, караемое тюремным заключением.

Глава VA. Преступный сговор

120А. Определение преступного сговора. 120Б. Наказание за преступный сговор.

Особенная часть

Глава VI. О преступлениях против государства (ст. 121-130);

Глава VII. Преступления, связанные с армией (ст. 131-140);

Глава VIII. Преступления против общественного спокойствия (ст. 141-160);

Глава IX. Преступления, совершенные государственными служащими, или имеющие к ним отношение (ст. 161-171);

Глава IXA. Преступления, связанные с выборами (ст. 171А-171I);

Глава X. О неуважении к законным полномочиям государственных служащих (ст. 172-190);

Глава XI. Ложные доказательства и преступления против общественного правосудия (ст. 191-229);

Глава XII. Преступления, связанные с монетами и государственными марками (ст. 230-263А);

Глава XIII. Преступления, связанные с мерами и весами (ст. 264-267);

Глава XIV. Преступления, затрагивающие общественное здоровье, безопасность, удобства, приличия и нравственность (ст. 268-294А);

Глава XV. Преступления, связанные с религией (ст. 295-298);

Глава XVI. О преступлениях, посягающих на тело человека (ст. 299-377);

Глава XVII. Преступления против собственности (ст. 378-462);

Глава XVIII. О преступлениях, связанных с документами и товарными знаками (ст. 463-489Е);

Глава XIX. Уголовно-наказуемое нарушение трудовых договоров (ст. 490-492);

Глава XX. Преступления, связанные с браком (ст. 493-498);

Глава XXA. Жестокое обращение со стороны мужа или родственников мужа (ст. 498А);

Глава XXI. Клевета (ст. 499-502);

Глава XXII. Уголовно-наказуемое запугивание, оскорбление и раздражение (ст. 503-510).

Глава XXIII. Покушения на преступления (ст. 511).

1.4. Проект «Кодекса о преступлениях, подлежащих обвинительному заключению, и о процедуре производства по ним» (УК для Англии и Ирландии), 1879 г.*

Перевод с англ. Е.Н. Трикоз

Будучи изданным Её Величеством Королевой, в соответствии с советом, и на основе согласия Духовных и Светских Лордов и Общин, собравшихся в настоящем Парламенте, и посредством их полномочия, содержит нижеследующее:

РАЗДЕЛ I. ВВОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ.

Часть I. Предварительные положения.

1. Краткий заголовок. Этот Закон может цитироваться для всех целей как *Уголовный кодекс (Преступления, подлежащие обвинительному заключению)*, 1879 г.

2. Вступление закона в силу. Настоящий Закон вступает в силу в ___ день (такой-то) ____ (такого-то года). Те его положения, которые относятся к дефиниции и наказанию за преступления, должны применяться ко всем преступлениям, совершенным в этот день или после него, но не применяются к любому иному преступлению, начатому до наступления этого дня, хотя бы такое преступление было окончено в этот день или сразу после него. Те же его положения, которые относятся к процедуре, применяются ко всем судебным преследованиям, начатым в этот день или после него, в отношении всех преступлений, подлежащих обвинительному заключению (*indictable offences*), независимо от того, было ли такое преступление совершено в этот день или после него.

3. Применение закона. Настоящий Закон применяется к составу пиратства в соответствии с международным правом, где бы оно ни было совершено, и ко всем преступлениям, совершенным любым лицом в Англии или Ирландии, или в той части моря, которая примыкает к побережью любой части владений Её Величества, которая в соответствии с международным правом считается находящейся в пределах территориального суверенитета Её Королевского Величества, или которая находится в пределах одной морской лиги от побережья любой части владений Её Величества, измеренной от отметки отлива, или совершенным любым лицом на борту любого британского корабля, судна или лодки, которые находятся в любом месте, где Адмиралтейство Англии или Ирландии имеет свою юрисдикцию; но настоящий Закон не применяется (за исключением случаев, когда это прямо предусмотрено) к преступлениям, совершенным в другом месте: при условии, что настоящий Закон применяется к преступлениям, совершенным в другом месте, чем Англия или Ирландия, только в том случае, если они разбираются в суде Англии или Ирландии.

Все преступления, к которым применяется настоящий Закон, могут разбираться в Англии или Ирландии: при условии, что никакое судебное разбирательство для суда или наказания любого лица, не являющегося подданным Её Величества, обвиняемого в любом преступлении, совершенном на борту иностранного судна в такой части моря, прилегающей к побережью любой части владений Ее Величества, которая согласно международному праву считается находящейся в пределах территориального суверенитета Ее Величества, или которая находится в пределах одной морской лиги от побережья любой части владений Ее Величества, измеренной от отметки отлива, не может быть возбуждено ни в одном суде Англии или Ирландии, кроме как с согласия одного из главных государственных секретарей Ее Величества и по его заявлению о том, что возбуждение такого разбирательства является, по его мнению, целесообразным.

---

* *Criminal Code (Indictable Offences)* [42 Vict.]. Текст законопроекта УК для Англии и Ирландии был внесен в парламент г-ном Генеральным прокурором, г-ном Секретарем Кроуном, и г-ном Генеральным солиситором и г-ном Генеральным прокурором Ирландии. Опубликован по приказу Палаты общин 12 мая 1879 г. Текст см.: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=hvd.hl4rpq&seq=27

4. Место совершения преступлений. Каждое преступление против настоящего Закона, для всех целей суда и наказания рассматривается совершенным в том самом месте, где совершено действие или бездействие, совершение которого составляет часть преступления, или где произошло какое-либо событие, необходимое для завершения состава преступления, независимо от того, находилось ли обвиняемое лицо в таком месте или нет во время такого действия, бездействия или события: при условии, что ни одно лицо, не являющееся подданным Ее Величества, не подлежит суду в Англии или Ирландии за любое преступление в соответствии с настоящим Законом, за исключением состава пиратства по международному праву, если только в то время, когда оно стало участником преступления, оно не находилось в какой-либо части владений Ее Величества или на борту какого-либо британского судна в любом месте, где Адмиралтейство Англии или Ирландии имеет юрисдикцию, или, хотя и не на борту британского судна, находилось в такой части моря, прилегающей к побережью любой части доминиона…

5. Правонарушители должны быть судимы по настоящему Закону. Каждый, кто после вступления в силу настоящего Закона является стороной в любом преступлении, преследуемом по обвинительному акту, будет привлечен к ответственности в соответствии с каким-либо положением настоящего Закона или в соответствии с каким-либо положением какого-либо закона, не противоречащего ему и не отмененного, и не будет привлечен к ответственности в Англии или Ирландии по общему праву: При условии, что когда какой-либо преступник подлежит наказанию как в соответствии с настоящим Законом, так и в соответствии с любым другим законом, каждый такой преступник может быть привлечен к ответственности и наказан либо в соответствии с настоящим Законом, либо в соответствии с таким другим законом; и когда какой-либо преступник подлежит наказанию в соответствии с двумя или более разделами настоящего Закона, он может быть судим и наказан в соответствии с любым из таких разделов: При условии также, что ничто в настоящем Законе не распространяется на любое разбирательство путем парламентского импичмента или не влияет на Суд Королевы в Парламенте или Суд Лорда-Главного стюарда или право любого лица, имеющего право на привилегию пэра, быть судимым там или влиять на привилегию пэра.

6. Толкование или термины. В настоящем Законе следующие слова и выражения используются в следующих значениях, если из контекста не следует иное намерение законодателя.

Каждое выражение, содержащееся в настоящем Законе, которое относится к Ее Величеству Королеве, предназначено для обозначения Ее Величества и Ее наследников и преемников…

Часть II. О наказаниях.

7. Перечень наказаний. Следующие наказания могут быть назначены в соответствии с настоящим Законом: смертная казнь, уголовное рабство, тюремное заключение, порка, битье плетью и штраф.

8. Смертная казнь. Смертная казнь во всех случаях приводится в исполнение в порядке, установленном Законом о смертной казни (поправки) 1868 года, с учетом положений настоящего Закона о государственной измене.

9. Тюремное заключение. Тюремное заключение может быть назначено вместе с каторжными работами или без них. Если вместе с каторжными работами, то приговор должен заявлять об этом прямо. Ни один заключенный впредь не может быть приговорен к одиночному заключению на какую-либо часть срока его тюремного заключения

10. Порка и битье плетью. Порка заключается в нанесении лицу, которому исполнилось шестнадцать лет, количества ударов, не превышающих за один раз пятидесяти, инструментом, указанным судом. Битье плетью заключается в нанесении лицу, которому исполнилось шестнадцать лет, количества ударов, не превышающих за один раз двадцати пяти, березовой розгой. В каждом случае суд должен указать в своем приговоре количество ударов, которые должны быть нанесены. Ни порка, ни битье плетью не должны применяться по истечении шести месяцев с момента вынесения приговора. Любая порка или битье плетью, примененные к

любому лицу, приговоренному к каторжным работам, должны быть применены до его перевода в тюрьму для осужденных с целью отбывания им наказания в виде каторжных работ. После вступления в силу настоящего Закона ни одно лицо не может быть приговорено по обвинению в совершении преступления по любому обвинительному акту к порке или избиению плетью, за исключением случаев, предусмотренных положениями настоящего Закона. Ни одна женщина не может быть подвергнута порке или избиению плетью.

11. Штраф. Каждый человек, приговоренный к уплате штрафа, подлежит, если суд сочтет это целесообразным, тюремному заключению до уплаты штрафа: при условии, что суд может по своему усмотрению приостановить содержание в тюрьме на таких условиях, которые он сочтет целесообразными, или может ограничить период такого тюремного заключения: при условии, что никто не может быть заключен в тюрьму за неуплату штрафа на срок более двух лет, не считая периода, на который он мог быть заключен в тюрьму в соответствии с любой другой частью своего приговора.

12. Усмотрение суда относительно наказания. Каждый человек, приговоренный в соответствии с настоящим Законом к пожизненным каторжным работам или к любому сроку каторжных работ, может быть приговорен к любому более короткому сроку каторги, но не менее пяти лет, или вместо этого к любому сроку тюремного заключения, не превышающему двух лет, совместно с каторжными работами или без них.

Каждый, кто в соответствии с настоящим Законом подлежит тюремному заключению на любой срок, может быть приговорен к тюремному заключению на любой более короткий срок, и каждый, кто в соответствии с настоящим Законом подлежит тюремному заключению с каторжными работами на любой срок, может быть приговорен к тюремному заключению без каторжных работ на тот же срок или к тюремному заключению с каторжными работами или без них на любой более короткий срок.

Каждый, кто в соответствии с настоящим Законом подлежит тюремному заключению с каторжными работами или без них за любое преступление, может быть приговорен к уплате штрафа как дополнительному наказанию к такому тюремному заключению или же вместо него.

13. Освобождение без приговора. В любом случае, когда суд считает, что преступление не заслуживает большего (чем номинального наказания), суд может по своему усмотрению распорядиться об освобождении обвиняемого лица без вынесения какого-либо вердикта, и такое освобождение будет иметь все последствия оправдательного приговора.

14. Без признаний. Каждый, кто в соответствии с любым положением настоящего Закона осужден за любое правонарушение, за которое он может быть приговорен к тюремному заключению, может, в дополнение к любому сроку тюремного заключения или вместо любого наказания, настоящим санкционированного, быть обязан дать свои собственные обязательства или найти поручителей, или и то, и другое, на такую сумму и на такой срок, которые суд, который его судит, сочтет разумными, чтобы он сохранял мир и вел себя хорошо. Каждый, от кого требуется найти поручителей, как указано выше, должен быть, если суд сочтет это целесообразным, заключен в тюрьму до тех пор, пока он не найдет такие гарантии: при условии, что суд может по своему усмотрению приостановить такое последнее упомянутое тюремное заключение на таких условиях, которые он сочтет разумными. подходят или могут ограничить период такого заключения: при условии, что никто не может быть заключен в тюрьму за ненахождение поручителей на срок более одного года, исключая любой другой период, на который он может быть заключен в тюрьму по приговору суда.

15. Прежние судимости. Каждый, кто в соответствии с положениями, содержащимися ниже, подлежит более строгому наказанию в случае осуждения после предыдущего осужденный, если приговорен к каторжным работам, должен быть приговорен к каторжным работам на срок не менее семи лет.

16. Полицейский надзор. Если кто-либо, кто был осужден в Англии или Ирландии за любое преступление, связанное с нечестностью, или за любое преступление, предусмотренное в статьях 188, 189, 190, 191, 192 или 205 настоящего Закона, или кто был осужден в Шотландии за то, что, если бы оно было совершено в Англии или Ирландии, было бы оно любым таким

преступлением, как указано выше, впоследствии осужден за любое преступление, связанное с нечестностью, или за любое преступление, предусмотренное в статьях 188, 189, 190, 191, 192 или 205 настоящего Закона, и по факту его предыдущего осуждения признан преступником в открытом судебном заседании или это доказано в открытом судебном заседании, то тогда суд может, независимо от того, предъявлено ли обвинение за такое последующее преступление в обвинительном заключении или нет, в дополнение к любому другому наказанию, которое он может ему назначить, постановить, что он должен быть подвергнут надзору полиции в течение любого периода времени, не превышающего семи лет, начиная немедленно после истечения срока наказания, вынесенного ему за последнее из таких преступлений.

17. Наказания могут быть кумулятивными. Когда преступник осужден за совершение более одного преступления одним и тем же судом на одном и том же заседании или когда преступник, отбывающий наказание за одно преступление, осужден за любое другое преступление, суд может по последнему приговору постановить, что приговоры, вынесенные ему за его несколько преступлений, вступают в силу один за другим или после истечения срока наказания, которому он подвергался на момент своего последнего осуждения…

18. Реформаторские заведения. Ничто в настоящем Акте не затрагивает какой-либо Акт, касающийся исправительных школ в Англии или Ирландии, или какие-либо полномочия, предоставленные им, отправлять любого правонарушителя в любую такую школу.

Часть III. Оправдания и извинения за действия, которые в противном случае были бы преступлением.

19. Принципы общего права; 20. Дети до семи лет; 21. Дети от семи до четырнадцати лет; 22. Невменяемость; 23. Принуждение; 24. Незнание закона; 25. Исполнение законного приговора; 26. Исполнение законной процедуры; 27. Исполнение законных ордеров; 28. Исполнение ошибочного приговора или процесса; 29. Последствия приговора или процесса, вынесенного без юрисдикции; 30. Арест другого человека; 31. Последствия неправильно принятого ордера или процесса; 32. Арест сотрудником правоохранительных органов в случае серьезного правонарушения; 33. Лица, помогающие сотруднику правоохранительных органов в аресте в случае серьезного преступления; 34. Арест лица, обнаруженного при совершении серьезного преступления; 35. Арест после совершения серьезного преступления; 36. Арест лица, предположительно совершившего серьезное преступления ночью; 37. Арест сотрудником правоохранительных органов лица, обнаруженного при совершении любого преступления; 38. Арест лица, обнаруженного при совершении любого преступления ночью; 39. Арест во время побега; 40. Сохранение законного права на арест; 41. Какая сила может быть применена при исполнении ареста; 42. Обязанности лиц, производящих арест; 43. Сотрудник правоохранительных органов, предотвращающий побег из-под ареста за серьезное преступление; 44. Частное лицо, предотвращающее побег из-под ареста за серьезное преступление; 45. Предотвращение побега из-под ареста в других делах; 46. Предотвращение побега или спасения после ареста за тяжкие преступления; 47. Предотвращение побега или спасения после ареста в других случаях; 48. Пресечение нарушения общественного порядка; 49. Пресечение бунта; 50. Пресечение бунта магистратами и др.; 51. Пресечение бунта лицами, действующими по законному приказу; 52. Пресечение бунта лицами, не имеющими приказа; 53. Защита лиц, подпадающих под действие военного права; 54. Предотвращение тяжких преступлений; 55. Самооборона от неспровоцированного нападения; 56. Самооборона от спровоцированного нападения; 57. Предотвращение оскорбления; 58. Защита движимого имущества от нарушителя; 59. Защита движимого имущества лицом, имеющим право требования; 60. Защита движимого имущества лицом, не имеющим права требования; 61. Защита жилого дома; 62. Защита жилого дома ночью; 63. Защита недвижимости; 64. Отстаивание права на дом или землю; 65. Осуществление права прохода, и др.; 66. Улучшение и поддержание дисциплины; 67. Хирургические операции; 68. Эксцесс исполнителя; 69. Согласие на смерть; 70. Подчинение праву *de facto*.

Часть IV. Соучастники совершения преступлений

71. Соучастники преступлений; 72. Совершение иного преступления, чем входившее в намерение; 73. Соучастник после факта преступления; 74. Покушение на преступления.

РАЗДЕЛ II. Преступления против общественного порядка, внутреннего и внешнего

Часть V. Государственная измена и другие преступления против власти и личности Королевы.

75. Определение государственной измены; 76. Процедурные аспекты по государственной измене; 77. Преступный сговор (*Conspiracy*); 78. Соучастники после факта государственной измены и сокрытие измены; 79. Изменнические преступления (*Treasonable offences*); 80. Нападения на Королеву; 81. Поджог военных кораблей и др.; 82. Подстрекательство к мятежу; 83. Применение этой части Закона.

Часть VI. Незаконные собрания, бунты, нарушения общественного порядка.

84. Определение незаконного собрания (*unlawful assembly*). 85. Определение бунта; 86. Наказание за незаконное собрание; 87. Наказание за бунт; 88. Толкование Закона о бунте; 89. Обязанность правосудия, если бунтовщики не разойдутся; 90. Разрушение зданий в ходе бунта; 91. Повреждение домов в ходе бунта и др.; 92. Незаконное военное обучение; 93. Незаконно обученный воин; 94. Три вооруженных человека в ночной погоне за дичью; 95. Определение насильственного проникновения и задержания; 96. Определение драки; 97. Вызов на дуэль; 98. Призовой бой.

Часть VII. Незаконные клятвы, мятежные призывы, преступный сговор и публичная клевета (*libel*).

99. Незаконные клятвы. Клятвы совершать преступления; 100. Другие незаконные клятвы; 101. Влияние принуждения на принесение и принятие клятв; 102. Мятежный умысел, слова, клевета и заговоры; 103. Наказание за мятежные преступления (*seditions offences*); 104. Клевета в адрес иностранных государей.

Часть VIII. Пиратство.

105. Пиратство по международному праву; 106. Пиратство по международному праву с применением насилия к личности; 107. Лица, обреченные быть пиратами; 108. Наказание лиц, считающихся пиратами; 109. Наказание пиратов, совершающих акты насилия; 110. Не сопротивляющиеся пираты.

РАЗДЕЛ III. Правонарушения, затрагивающие отправление правосудия и поддержание общественного порядка

Часть IX. Коррупция и неповиновение законным приказам.

111. Судебная коррупция; 112. Коррупция госслужащих; 113. Коррупция чиновников; 114. Неповиновение закону; 115. Неповиновение законным приказам суда и др.; 116. Небрежность сотрудника правоохранительных органов в подавлении беспорядков; 117. Небрежность в оказании помощи сотруднику правоохранительных органов при подавлении беспорядков; 118. Небрежность в оказании помощи сотруднику правоохранительных органов в аресте правонарушителей и др.

Часть X. Вводящее в заблуждение правосудие.

119. Определение лжесвидетельства и подкупа; 120. Лжесвидетельство, наказуемое пожизненной каторгой; 121. Лжесвидетельство в других случаях; 122. Ложные клятвы; 123. Ложные заявления; 124. Правило доказательств; 125. Фабрикация доказательств; 126. Заговоры с целью выдвижения ложных обвинений; 127. Заговор с целью извращения сути или срыва осуществления правосудия; 128. Попытка исказить правосудие; 129. Коррумпированное влияние на присяжных и свидетелей.

Часть XI. Побеги и незаконное освобождение.

130. Нахождение на свободе во время отбывания наказания в виде ссылки или каторги; 131. Содействие побегу военнопленных; 132. Побег из тюрьмы; 133. Побег из тюрьмы при

заключении по уголовному обвинению; 134. Побег из другого законного места содержания под стражей по уголовному обвинению; 135. Содействие побегу в определенных случаях.

РАЗДЕЛ IV. Преступления против религии, морали и общественного удобства

Часть XII. Преступления против религии.

141. Кощунственные пасквили (*Blasphemous libels*); 142. Нападение на священнослужителей; 143. Нарушение общественного богослужения.

Часть XIII. Преступления против морали.

144. Противоестественное преступление; 145. Попытка совершить противоестественное преступление; 146. Непристойные действия; 147. Публикация и демонстрация непристойных материалов; 148. Совращение несовершеннолетних девочек; 149. Заговор с целью осквернения.

Часть XIV. Нарушение общественного порядка.

150. Определение понятия «*common nuisance*»; 151. Какие виды неудобств («*common nuisance*») являются уголовно наказуемыми; 152. Когда «*common nuisance*» не следует считать преступлением; 153. Выставление на продажу вещей, непригодных для еды; 154. Дома для неблагополучных людей; 155. Общественные публичные дома; 156. Общественные игорные дома; 157. Общественные тотализаторы; 158. Преступления, связанные с телами умерших людей.

РАЗДЕЛ V. Преступления против личности и репутации

Часть XV. Обязанности по сохранению жизни.

159. Обязанность предоставлять предметы первой необходимости; 160. Обязанность главы семьи предоставлять предметы первой необходимости; 161. Обязанность хозяев предоставлять предметы первой необходимости; 162. Обязанность лиц, совершающих опасные действия; 163. Обязанность лиц, ответственных за общеопасные предметы; 164. Обязанность избегать бездействий, опасных для жизни

Часть XVI. Убийство.

165. Определение убийства (*Homicide*); 166. Когда ребенок становится человеком; 167. Умышленное убийство; 168. Доведение до смерти путем ложных показаний; 169. Смерть должна наступить в течение года и одного дня; 170. Убийство (*Killing*) путем воздействия на разум; 171. Ускорение смерти; 172. Причинение смерти, которую можно было предотвратить; 173. Причинение травмы, лечение которой приводит к смерти.

Часть XVII. Убийство, непредумышленное убийство и т.д.

174. Определение убийства (*murder*); 175. Дальнейшее определение убийства; 176. Провокация; 177. Непредумышленное убийство (*Manslaughter*); 178. Наказание за убийство (*murder*); 179. Покушения на убийство; 180. Заговоры и подстрекательство к совершению убийства; 181. Соучастие в убийстве после совершения убийства; 182. Наказание за непредумышленное убийство; 183. Пособничество и подстрекательство (*aiding and abetting*) к самоубийству; 184. Попытка совершить самоубийство; 185. Пренебрежение получением помощи при родах; 186. Пренебрежение получением помощи при родах с целью сокрытия рождения; 187. Сокрытие трупа.

Часть XVIII. Телесные повреждения и деяния, представляющие опасность для личности.

188. Приведение лица к недееспособности с целью совершения преступления; 189. Введение хлороформа и др. с намерением совершить уголовно наказуемое деяние; 190. Нанесение ранений с намерением; 191. Стрельба или попытка стрельбы с умыслом и др.; 192. Попытка причинить вред взрывчатыми веществами; 193. Намеренное создание опасности для людей на железной дороге; 194. Умышленное создание опасности для людей на железной дороге; 195. Препятствование побегу с места аварии; 196. Нанесение ударов лицам, защищающим место аварии; 197. Введение яда с целью создания опасности для жизни; 198. Введение яда с намерением, но без причинения вреда; 199. Причинение телесных повреждений; 200. Установка ловушек для людей и пружинных капканов-ружей; 201. Халатные действия,

наказуемые лишением свободы на срок до двух лет; 202. Отправка в море непригодных для плавания судов.

Часть XIX. Нападения.

203. Определение нападения (*Assault*); 204. Непристойные нападения; 205. Нападения на сотрудников правоохранительных органов и сопротивление задержанию; 206. Наказание за нападение по общему праву (*common assault*).

Часть XX. Изнасилование, знакомство с детьми и обеспечение абортов.

207. Определение изнасилования (*rape*); 208. Наказание за изнасилование; 209. Покушение на изнасилование; 210. Половая связь с детьми младше двенадцати лет; 211. Половая связь с детьми в возрасте от двенадцати до тринадцати лет; 212. Причинение смерти ребенку при рождении; 213. Спровоцирование выкидыша у женщины; 214. Женщина, спровоцировавшая собственный выкидыш; 215. Предоставление средств для аборта.

Часть XXI. Преступления, затрагивающие супружеские и родительские права. Двоеженство. Похищение.

216. Двоеженство; 217. Наказание за двоеженство; 218. Похищение женщины против ее воли; 219. Похищение наследниц моложе двадцати одного года против воли родителей; 220. Положение об имуществе таких женщин; 221. Похищение девочки моложе шестнадцати лет; 222. Кража детей моложе четырнадцати лет.

Часть XXII. Преступления родителей, опекунов и хозяев против лиц, находящихся в их ведении.

223. Пренебрежение обязанностью предоставлять предметы первой необходимости; 224. Пренебрежение детьми и др.; 225. Пренебрежение со стороны хозяев; 226. Оставление детей в возрасте до двух лет.

Часть XXIII. Бесчестящая клевета.

227. Определение клеветнического пасквиля (*Defamatory libel*); 228. Определение публикации; 229. Публикация по приглашению или вызову; 230. Публикация в судах; 231. Публикация парламентских документов; 232. Беспристрастные отчеты о заседаниях парламента и судов; 233. Беспристрастное обсуждение; 234. Беспристрастный комментарий; 235. Поиск средств правовой защиты от жалоб; 236. Ответы на запросы; 237. Предоставление информации; 238. Публикация и продажа периодических изданий, содержащих клеветнические материалы; 239. Продажа книг и т. д., содержащих клеветнические материалы; 240. Когда правда является защитой; 241. Наказание за бесчестящую клевету, опубликованную или угрожаемую с целью совершения правонарушения и др.; 242. Наказание за заведомо сфальсифицированную бесчестящую клевету; 243. Наказание за бесчестящую клевету.

РАЗДЕЛ VI. Преступления против прав собственности или прав, вытекающих из договоров

Часть XXIV. Кража и аналогичные преступления.

244. Неодушевленные вещи, неподвижные или движимые, которые могут быть украдены; 245. Животные, которые могут быть украдены; 246. Определение кражи (*theft*); 247. Кража является оконченной, хотя приобретение может быть неполным; 248. Кража животных; 249. Растрата агентом; 250. Растрата лицом, имеющим доверенность; 251. Кража путем незаконного присвоения доходов, находящихся под контролем; 252. Кража совладельцем; 253. Муж и жена.

Часть XXV. Наказание за различные виды кражи.

254. Хищение завещаний; 255. Хищение почтовых мешков и др.; 256. Хищение почтовых писем; 257. Хищение служащими Банка Англии или Ирландии; 258. Хищение служащими и др.; 259. Хищение у человека или в жилом доме; 260. Хищение скота; 261. Хищение товаров в процессе производства; 262. Хищение с кораблей; 263. Хищение на железных дорогах; 264. Хищение с помощью отмычек и др.; 265. Уничтожение, аннулирование и т.п. документов; 266. Сокрытие товаров; 267. Хищение кустарников и др.; 268. Хищение вещей, за что прямо не предусмотрено наказание; 269. Ввоз в Англию или Ирландию вещей, украденных за границей; 270. Определение ложных притязаний; 271. Получение путем ложных притязаний; 272.

Получение исполненного по ценным бумагам обманным путем; 273. Получение кредита обманным путем (*fraudulently*); 274. Уголовное злоупотребление доверием (*breach of trust*); 275. Предыдущие судимости; 276. Убийство (*killing*) оленей на огороженной территории; 277. Убийство оленей на открытой территории после предыдущей судимости; 278. Убийство зайцев в питомнике; 279. Ночное браконьерство после двух предыдущих судимостей

Часть XXVI. Мошенничество.

280. Мошеннически подложная отчетность директоров и др.; 281. Ложные заявления директоров и др.; 282. Фальсификация счетов клерками и служащими; 283. Государственные служащие, делающие ложные заявления или отчеты; 284. Заговор с целью мошенничества; 285. Мошенничество в игре; 286. Притворная практика колдовства; 287. Сокрытие деяний и обязательств.

Часть XXVII. Грабеж и вымогательство.

288. Определение грабежа (*robbery*); 289. Грабеж, наказуемый пожизненной каторгой; 290. Задержание почты; 291. Принуждение к исполнению документов силой; 292. Наказание за грабеж; 293. Наказание за нападение с целью грабежа; 294. Требование с целью хищения; 295. Вымогательство (*extortion*) путем угроз обвинения в совершении определенных преступлений; 296. Вымогательство путем угроз обвинения в совершении других преступлений.

Часть XXVIII. Кража со взломом и взлом дома.

297. Определение жилища (*dwelling-house*) и др.; 298. Взлом и проникновение в место поклонения (*worship*) и совершение преступления; 299. Взлом места поклонения с намерением совершить преступление; 300. Определение кражи со взломом (*burglary*); 301. Взлом дома и совершение преступления; 302. Взлом дома с намерением совершить преступление; 303. Взлом магазина и т.д. и совершение преступления; 304. Взлом магазина и т.д. с намерением совершить преступление; 305. Нахождение в жилом доме ночью; 306. Нахождение вооруженным с намерением взлома жилого дома; 307. Нахождение переодетым или с инструментами для взлома; 308. Преступление после предыдущего осуждения в определенных случаях.

Часть XXIX. Получение и др.

309. Получение (*receiving*) незаконно приобретенного имущества — Правило доказательств; 310. Когда получение считается оконченным; 311. Получение после возвращения владельцу; 312. Коррупционное получение вознаграждения за возврат товаров.

Часть XXX. Подделка.

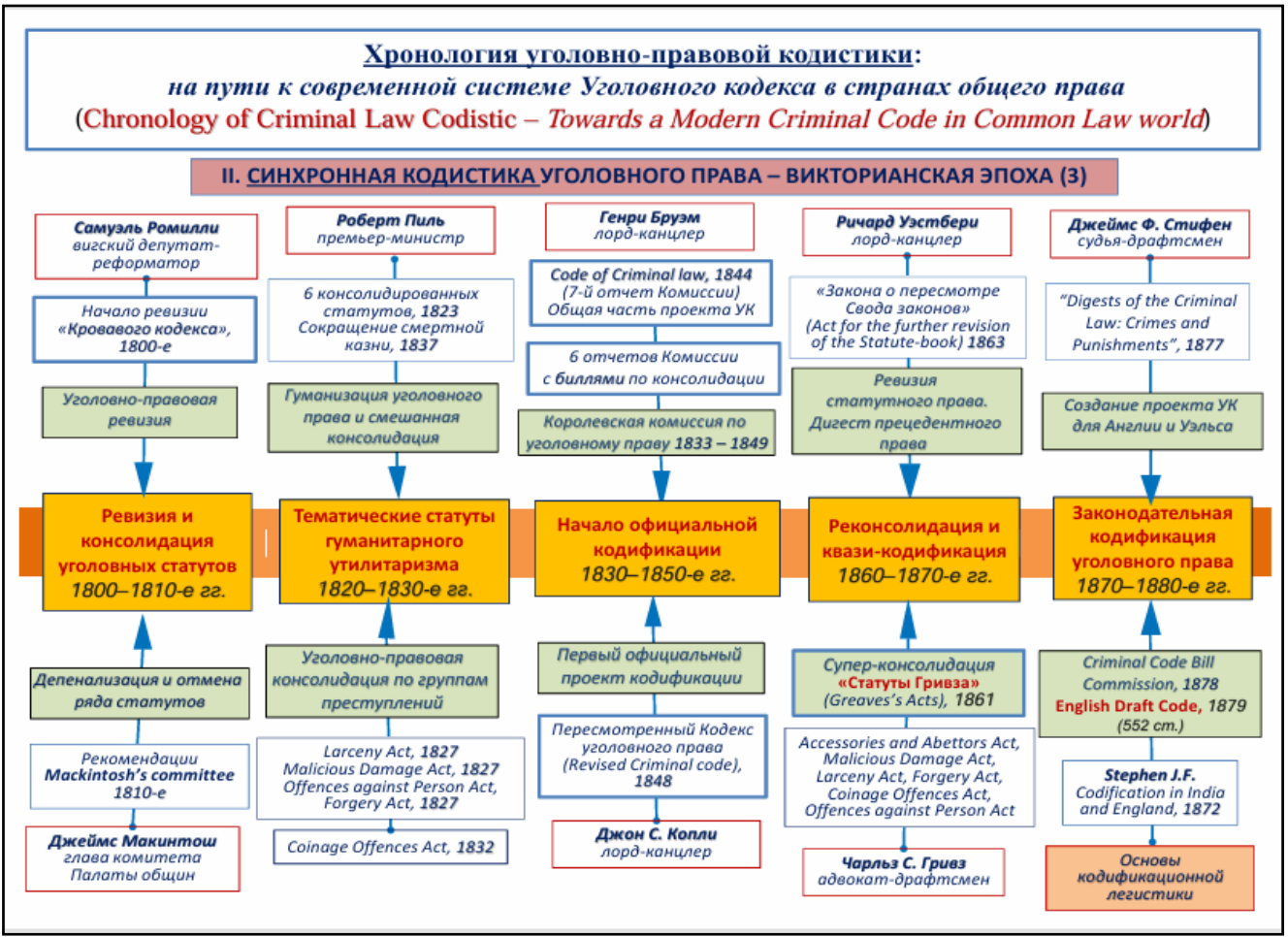
313. Определение документа; 314. Определение «Банкноты» и «Казначейского векселя»; 315. Определение поддельного документа; 316. Определение подделки (*forgery*); 317. Подделка при завершении; 318. Подделка государственных документов; 319. Подделка судебных документов; 320. Подделка при регистрации права собственности; 321. Подделка записей в метрических книгах и др.; 322. Подделка заверенных копий записей в метрических книгах и др.; 323. Подделка свидетельств о браке; 324. Подделка документов, хранящихся в органах государственной власти; 325. Подделка завещательных документов; 326. Подделка документов о праве собственности на акции; 327. Подделка документов о праве собственности на землю; 328. Подделка банкнот и других оборотных документов; 329. Подделка облигаций и др.; 330. Подделка торговых документов; 331. Подделка контрактов и доверенностей; 332. Подделка заказов на товары и квитанций и др.; 333. Подделка сертификатов, свидетельств и др.; 334. Подделка доказательственных документов; 335. Отправка ложной телеграммы; 336. Общие положения; 337. Обеспечение исполнения документа обманным путем; 338. Использование поддельных документов; 339. Приобретение или хранение поддельных банкнот; 340. Выписывание векселей и др. без разрешения; 341. Использование завещания и др., полученных путем подделки или ложных клятв.

Часть XXXI. Приготовление к подделке и преступлениям, напоминающим подделку.

342. Банковские бумаги. Определение казначейских билетов и др.; 343. Инструменты для подделки банковских бумаг и др.; 344. Гравировальные пластины для поддельных банкнот; 345. Хранение и др. бумаги, подготовленной для поддельных банкнот; 346. Гравировальные пластины, подделка иностранных облигаций и др.; 347. Правонарушения, связанные с печатями; 348. Порча метрических книг, и др.; 349. Другие преступления, связанные с регистрами рождений и др.; 350. Выдача поддельных свидетельств о рождении и др.; 351. Выдача поддельных свидетельств о записях; 352. Подделка других поддельных свидетельств; 353. Внесение поддельных записей в книги, касающиеся государственных фондов; 354. Клерки, выдающие поддельные ордера на дивиденды; 355. Определение товарных знаков; 356. Подделка товарных знаков; 357. Имитация разрешенных знаков; 358. Имитация таможенных знаков.

Часть XXXII. Выдача себя за другого.

359. Выдача себя за другого (*personation*); 360. Выдача себя за определенных лиц; 361. Признание

поручительств и т.п. под ложным именем.

Часть XXXIII. Преступления, связанные с монетой.

362. Толкование терминов; 363. Чеканка монет (*coining*); 364. Ввоз и вывоз поддельных монет; 365. Изготовление инструментов для чеканки; 366. Изъятие инструментов или слитков из Монетного двора; 367. Подготовка металла для чеканки; 368. Обрезка текущих золотых и серебряных монет; 369. Хранение обрезков и т. п. текущих монет; 370. Правонарушения, связанные с текущими медными монетами; 371. Правонарушения, связанные с иностранными золотыми и серебряными монетами; 372. Чеканка иностранных медных монет; 373. Владение одной поддельной текущей золотой серебряной монетой; 374. Владение тремя поддельными текущей золотой серебряной монетой; 375. Сбыт поддельных золотых или серебряных монет; 376. Сбыт после предыдущего сбыта; 377. Экспорт поддельных текущих монет; 378. Другие правонарушения, связанные с монетами; 379. Арест лиц, совершивших преступления, предусмотренные этой Частью; 330. Преступление после предыдущих судимостей за преступление, связанное с монетами.

Часть XXXIV. Вредительство.

381. Предварительное положение; 382. Поджог (*arson*); 383. Попытка поджечь здания и т. д.; 384. Поджог посевов; 385. Попытка поджечь посевы и т. д.; 386. Повреждение (*damage*) жилых домов и судов порохом; 387. Попытка повредит здание или судно с использованием пороха; 388. Намеренное создание опасности для железнодорожных поездов; 389. Умышленное создание опасности для железнодорожных поездов; 390. Повреждение судов; 391. Повреждение обломков и т. д.; 392. Помехи плавучим маякам, буям и т. д.; 393. Повреждение, создающее опасность для волноломов, плотин и мостов; 394. Другие повреждения волноломов, плотин и мостов; 395. Повреждение свай и шлюзов; 396. Повреждение рыбоводных прудов, рыбных хозяйств и т. д.; 397. Причинение вреда скоту; 398. Повреждение машин и товаров в процессе производства; 399. Повреждение шахт и горнодобывающего оборудования; 400. Повреждение хмелеводческих хозяйств; 401. Повреждение телеграфов; 402. Повреждение застав для взимания пошлин; 403. Повреждение работ искусства; 404. Повреждение деревьев и т. д. в определенных случаях; 405. Повреждение деревьев и т. д. в других случаях; 406. Общее положение о причинении вреда (*mischief*); 407. Изготовление и хранение пороха и т. д. в незаконных целях; 408. Арест без ордера.

Часть XXXV. Мошеннические должники.

409. Мошеннические сделки (*fraudulent dealings*) с имуществом; 410. Побег из Англии в ожидании банкротства; 411. Побег из Ирландии; 412. Наказание должников-мошенников в Англии; 413. Наказание должников-мошенников в Ирландии; 414. Ложное требование о наследстве банкрота.

Часть XXXVI. Угрозы. Заговоры, покушения и т.п. на совершение преступления.

415. Угрозы убийством (*murder*) или причинением тяжких телесных повреждений; 416. Угрозы сожжением (*to burn*) и т.д.; 417. Угрозы совершения ночных преступлений; 418. Угрожающие акты; 419. Сговор с целью совершения преступления, наказуемого уголовной каторгой; 420. Сговор на совершение другого правонарушения; 421. Сговор с целью предотвратить сбор налогов или сборов; 422. Покушение на совершение преступления, наказуемого каторжными работами; 423. Совершение попытки и подстрекание к совершению другого преступления, наказуемого этим Законом; 424. Совершение попытки и подстрекание к совершению другого преступления, наказуемого по другому статуту; 425. Пособничество после факта совершения преступления, наказуемого каторжными работами; 426. Пособничество после совершения другого преступления.

1.5. Уголовный кодекс Канады 1892 г. (*проект Дж.У. Бербиджа*)[*]

Перевод с англ. Е.Н. Трикоз

Её Величество, по совету и с согласия Сената и Палаты общин Канады, постановляет следующее:

РАЗДЕЛ I. ВВОДНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ (3 части, ст. 1-64)

ЧАСТЬ I. Предварительная.

1. Настоящий Акт может цитироваться для всех целей как Уголовный кодекс 1892 года.

2. Настоящий Акт вступает в силу в первый день июля 1893 года.

3. В настоящем Акте следующие выражения имеют значения, присвоенные им в настоящем разделе, если контекст не требует иного:

(a) Выражение «*любой Акт*» или «*любой другой Акт*» включает любой Акт, принятый или подлежащий принятию Парламентом Канады, или любой Акт, принятый законодательным органом бывшей провинции Канады, или принятый или подлежащий принятию законодательным органом любой провинции Канады, или |использованный законодательством провинции, включенной в Канаду, до того, как он был *включен в нее;*

(b) Выражение *«Генеральный* прокурор» означает Генерального прокурора или Генерального солиситора любой провинции Канады, в случае если в соответствии с настоящим Актом будут предприняты какие-либо действия, а также в отношении Северо-Западных территорий и округа Киватин, Генерального прокурора Канады; …

5. Ни одно лицо не может быть привлечено к ответственности за какое-либо правонарушение против какого-либо акта Парламента Англии, Великобритании или Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, если только такой Акт, в силу его прямых положений или какого-либо другого Акта такого Парламента, не применяется к Канаде или какой-либо ее части как части доминионов или владений Ее Величества.

6. Каждый, кто совершает преступление против настоящего Акта, несет ответственность, как предусмотрено в настоящем документе, за одно или несколько из следующих наказаний: (a) Смертная казнь; (b) Тюремное заключение; (c) Порка; (d) Штраф; (e) Поиск поручителей за будущее хорошее поведение; (f) Отстранение от должности, которую занимает на службе Короне; (g) Лишение любой пенсии или пособия по выслуге лет; (h) Лишение права занимать должность, заседать в Парламенте и пользоваться любыми избирательными правами; (i) Оплата судебных издержек; (j) Возмещение ущерба любому лицу, понесшему потери собственности в результате совершения им преступления.

ЧАСТЬ II. Вопросы оправданий или извинений.

7. Все правила и принципы общего права, которые делают какие-либо обстоятельства оправданием или извинением любого действия или основанием защиты от любого обвинения, остаются в силе и применяются к любой ситуации защиты от обвинения в соответствии с настоящим Актом, за исключением случаев, когда они настоящим изменены или не соответствуют настоящему Акту.

8. Вопросы, предусмотренные в настоящей Части, объявляются и принимаются в качестве оправданий или извинений в ситуации всех обвинений, к которым они применимы.

9. Ни одно лицо не может быть осуждено за правонарушение по причине какого-либо действия или бездействия такого лица, если оно не достигло семи лет.

10. Ни одно лицо не может быть осуждено за правонарушение по причине действия или бездействия такого лица, если ему исполнилось семь лет, но меньше четырнадцати лет, когда оно не было способно осознавать характер и последствия своего поведения и понимать, что оно было неправильным.

---

[*] An Act respecting the Criminal Law (55-56 Victoria, Chap. 29) [Assented to 9 July, 1892] // Acts of the Parliament of the Dominion of Canada, 1892. Вступил в силу 01.07.1893. Текст доступен по ссылке: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015074700942&seq=161

11. Ни одно лицо не может быть осуждено за правонарушение по причине совершенного им действия или бездействия, когда он действовал в состоянии врожденного слабоумия или умственного заболевания в такой степени, что делало его неспособным оценить характер и качество действия или бездействия и осознать, что такое действие или бездействие было неправильным.

Лицо, страдающее определенными галлюцинациями, но в других отношениях здравомыслящее, не может быть оправдано по причине невменяемости в соответствии с положениями, содержащимися ниже, если только галлюцинации не заставили его поверить в существование некоторого положения вещей, которое, если бы оно существовало, оправдывало бы или извиняло бы его действие или бездействие.

Каждый человек должен считаться здравомыслящим в момент совершения или несовершения какого-либо действия, пока не будет доказано обратное.

12. За исключением случаев, предусмотренных ниже, принуждение посредством угроз немедленной смерти или нанесения тяжких телесных повреждений лицом, фактически присутствовавшим при совершении преступления, является оправданием для совершения лицом, подвергшимся таким угрозам, и которое полагает, что такие угрозы будут выполнены, и которое не является участником какого-либо объединения или заговора, участником которого оно стало бы подлежащим принуждению, любого преступления, кроме государственной измены, как определено в пунктах a, b, c, d и e подпункта один статьи 65, убийства, пиратства, преступлений, считающихся пиратством, покушения на убийство, содействия изнасилованию, насильственного похищения, грабежа, причинения тяжких телесных повреждений и поджога.

13. Не считается презумпцией то, что замужняя женщина, совершающая преступление, делает это под принуждением, поскольку она совершает его в присутствии своего мужа.

14. Тот факт, что преступник не знает закона, не является оправданием для любого преступления, совершенного им.

15. Каждый министерский служащий любого суда, уполномоченный исполнять законный приговор, и каждый тюремщик, и каждое лицо, законно помогающее такому министерскому служащему или тюремщику, имеют право исполнять такой приговор.

16. Каждый министерский служащий любого суда, должным образом уполномоченный исполнять любую законную процедуру в рамках такого суда, будь то гражданский или уголовный, и каждое лицо, законно помогающее ему, имеют право исполнять его; и каждый тюремщик, который обязан в рамках такого процесса принять и задержать любое лицо, имеет право принять и задержать его.

17. Каждый, должным образом уполномоченный исполнять законный ордер, выданный любым судом или мировым судьей или другим лицом, имеющим юрисдикцию выдавать такой ордер, и каждое лицо, законно помогающее ему, имеют право исполнять такой ордер; и каждый тюремщик, которому по такому ордеру предписано принять и задержать какое-либо лицо, имеет право принять и задержать его.

18. Если приговор вынесен или процесс возбужден судом, имеющим юрисдикцию при любых обстоятельствах выносить такой приговор или начинать такой процесс, или если ордер выдан судом или лицом, имеющим юрисдикцию при любых обстоятельствах выдавать такой ордер, вынесенный приговор или возбужденный процесс или выписанный ордер должны быть достаточными для оправдания должностного лица или лица, уполномоченного его исполнить, и каждого тюремщика и лица, законно помогающего в исполнении или осуществлении такого приговора, процесса или ордера, хотя суд, выносящий приговор или возбуждающий процесс, не имел в конкретном случае полномочий выносить приговор или возбуждать процесс, или хотя суд, судья или другое лицо в конкретном случае не имели юрисдикции выносить или превысили свою юрисдикцию при выдаче ордера, или находились, в то время, когда такой приговор был вынесен или процесс был начат или ордер выдан, за пределами округа, в котором такой суд, судья или лицо имели право действовать.

19. Каждое должностное лицо, тюремщик или лицо, исполняющее любой приговор, начинающий процесс или ордер, и каждое лицо, законно помогающее такому должностному

лицу, тюремщику или лицу, должно быть защищено от уголовной ответственности, если оно действует добросовестно, полагая, что приговор был вынесен или процесс возбужден судом, имеющим юрисдикцию, или что ордер был вынесен судом, мировым судьей или другим лицом*, имеющим полномочия выдавать ордера, и если будет доказано, что лицо, вынесшее приговор или выдавшее ордер, действовало в качестве такого суда под предлогом наличия какого-либо назначения или поручения, законно уполномочивающих его действовать в качестве такого суда, или что лицо, выдавшее ордер, действовало в качестве мирового судьи или другого лица, имеющего такие полномочия, хотя на самом деле такое назначение или поручение не существовало или истекло, или хотя на самом деле суд или лицо, вынесшее приговор или выдавшее ордер, не были судом или лицом, уполномоченным комиссией действовать, или лицо, выдавшее ордер, не было должным образом уполномочено действовать.

20. Каждый, должным образом уполномоченный исполнять ордер на арест, который затем арестовывает человека, полагая добросовестно и на разумных и вероятных основаниях, что он является лицом, указанным в ордере, должен быть защищен от уголовной ответственности в той же степени и при условии соблюдения тех же положений, как если бы арестованный был тем самым лицом, указанным в ордере…

21. Каждый, кто действует на основании ордера или в процессе, которые являются неправильными с точки зрения закона из-за какого-либо дефекта в содержании или форме, очевидного на первый взгляд, если он добросовестно и без виновного невежества и небрежности полагает, что ордер или процесс являются законными, должен быть защищен от уголовной ответственности в той же степени и с учетом тех же положений, как если бы ордер или процесс были законными, и незнание закона в таком случае будет являться оправданием...

22. Каждый сотрудник правоохранительных органов, который на разумных и вероятных основаниях полагает, что правонарушение, за которое правонарушитель может быть арестован без ордера, было совершено, независимо от того, было ли оно совершено или нет, и который на разумных и вероятных основаниях полагает, что какое-либо лицо совершило это правонарушение, имеет право арестовать такое лицо без ордера, независимо от того, виновно ли это лицо или нет.

23. Каждый, кого призвали помочь сотруднику правоохранительных органов в аресте лица, подозреваемого в совершении такого правонарушения, как последнее из вышеупомянутых, имеет право оказать помощь, если он знает, что лицо, обратившееся к нему за помощью, является сотрудником правоохранительных органов, и не знает, что нет никаких разумных оснований для подозрения.

24. Каждый имеет право арестовать без ордера любое лицо, которое он застает совершающим любое правонарушение, за которое правонарушитель может быть арестован без ордера или может быть арестован, когда будет обнаружен при совершении.

25. Если какое-либо правонарушение, за которое правонарушитель может быть арестован без ордера, было совершено, любой, кто на разумных и вероятных основаниях полагает, что какое-либо лицо виновно в этом правонарушении, имеет право арестовать его без ордера, независимо от того, виновен ли этот человек или нет

26. Каждый защищен от уголовной ответственности за арест без ордера любого лица, которое он на разумных и вероятных основаниях полагает, что он застает совершающим ночью любое правонарушение, за которое правонарушитель может быть арестован без ордера.

27. Каждый сотрудник правоохранительных органов имеет право арестовать без ордера любого лица, которое он застает совершающим какое-либо правонарушение.

28. Каждый сотрудник правоохранительных органов имеет право арестовать без ордера любого лица, которое он застает лежащим или слоняющимся на любой дороге, во дворе или в другом месте ночью, и кого он имеет веские основания подозревать в совершении или намерении совершить любое правонарушение, за которое правонарушитель может быть арестован без ордера.

29. Каждый защищен от уголовной ответственности за арест без ордера любого лица, которое он на разумных и вероятных основаниях полагает совершившим правонарушение и

которое скрывается и вновь преследуется теми, кого он на разумных и вероятных основаниях полагает имеющими законные полномочия арестовать это лицо за такое правонарушение.

30. Ничто в настоящем Законе не отменяет и не умаляет никаких полномочий, предоставленных любым действующим в данный момент Законом, арестовывать, задерживать или налагать какие-либо ограничения на любое лицо.

31. Каждый человек оправдан или защищен от уголовной ответственности при исполнении любого приговора, ордера или процесса или при производстве любого ареста, и каждый законно помогающий ему, оправдан или защищен от уголовной ответственности, в зависимости от обстоятельств, при применении такой силы, которая может быть необходима для преодоления любой силы, использованной при сопротивлении такому исполнению или аресту, если только приговор, процесс или ордер не могут быть исполнены или арест не может быть осуществлен разумными средствами менее жестоким образом.

32. Обязанностью каждого, исполняющего любой процесс или ордер, является иметь его при себе и предъявить его, если потребуется. Обязанностью каждого, арестовывающего другого, будь то с ордером или без него, является уведомление, где это осуществимо, о процессе или ордере, в соответствии с которыми он действует, или о причине ареста. Невыполнение любой из двух последних обязанностей само по себе не лишает лицо, осуществляющее процесс или ордер, или его помощников, или лицо, производящее арест, защиты от уголовной ответственности, но имеет отношение к расследованию того, могли ли процесс или ордер не быть выполнены, или арест не был осуществлен разумными средствами менее насильственным образом.

33. Каждый сотрудник правоохранительных органов, законно приступающий к аресту, с ордером или без него, любого лица за любое правонарушение, за которое правонарушитель может быть арестован без ордера, и каждый законно содействующий такому аресту, оправдан, если лицо, подлежащее аресту, бежит, чтобы избежать ареста, в применении такой силы, которая может быть необходима для предотвращения его побега путем такого побега, если только такое побег не может быть предотвращено разумными средствами менее насильственным образом.

34. Каждый частный человек при законном аресте без ордера любого лица за какое-либо правонарушение, за которое тот может быть арестован без ордера, и при этом убегает, чтобы его не арестовали, оправдано применяет такую силу, которая может быть необходима для предотвращения его побега, если только такой побег не может быть предотвращен разумными средствами менее жестоким образом: при условии, что такая сила не предназначена и не может причинить смерть или тяжкие телесные повреждения.

35. Каждый, кто законно предпринимает попытку арестовать любое лицо по любой иной причине, чем совершение преступления, указанного в последней статье, считается оправданным, если лицо, подлежащее аресту, убегает, чтобы избежать ареста, и он применяет к нему такую силу, которая может быть необходима для предотвращения его побега, если только такой побег не может быть предотвращен разумными средствами менее жестоким образом: при условии, что такая сила не предназначена и не может причинить смерть или тяжкие телесные повреждения.

36. Каждый, кто законно арестовал любое лицо за любое преступление, за которое преступник может быть арестован без ордера, защищен от уголовной ответственности за применение такой силы для предотвращения побега или сокрытия арестованного лица, поскольку он на разумных основаниях считает это необходимым для данной цели.

37. Каждый, кто законно арестовал любое лицо по любой причине, кроме преступления, за которое преступник может быть арестован без ордера, защищен от уголовной ответственности за применение такой силы для предотвращения его побега или спасения, поскольку он на разумных основаниях считает это необходимым для этой цели: при условии, что такая сила не предназначена и не может вызвать смерть или тяжкие телесные повреждения.

38. Каждый, кто стал свидетелем нарушения мира, имеет право вмешаться, чтобы предотвратить его продолжение или возобновление правонарушения, и может задержать любое

лицо, совершающее или намеревающееся присоединиться к такому нарушению мира или возобновить его, с целью передачи его под стражу блюстителю порядка: при условии, что вмешивающееся лицо не применяет больше силы, чем это разумно необходимо для предотвращения продолжения или возобновления такого нарушения мира или чем это соразмерно опасности, которую можно предвидеть в результате продолжения или возобновления такого нарушения мира.

39. Каждый блюститель порядка, ставший свидетелем нарушения мира, и каждое лицо, законно помогающее ему, имеет право арестовать любого, кого он застанет совершающим такое нарушение мира или кого он на разумных и вероятных основаниях полагает, что он собирается присоединиться к такому нарушению мира или возобновить его.

40. Каждый шериф, заместитель шерифа, мэр или другой главный должностное лицо или исполняющий обязанности главного должностного лица любого округа, города, поселка или района, а также каждый магистрат и мировой судья вправе использовать и приказывать использовать, и каждый должностной лицо, поддерживающее порядок, вправе использовать такую силу, которую он добросовестно и на разумных и вероятных основаниях считает необходимой для подавления беспорядков, и которая не будет несоразмерна опасности, которую он на разумных и вероятных основаниях считает возможной в связи с продолжением беспорядков.

41. Каждый, независимо от того, подчиняется ли он военному праву или нет, действующий добросовестно в соответствии с приказами, отданными любым шерифом, заместителем шерифа, мэром или другим главным должностным лицом или исполняющим обязанности главного должностного лица любого округа, города, поселка или района, или любым магистратом или мировым судьей для подавления беспорядков, вправе подчиняться отданным таким образом приказам, если только такие приказы не являются явно незаконными, и защищен от уголовной ответственности за применение такой силы, которую он на разумных и вероятных основаниях считает необходимой применить для выполнения таких приказов.

42. Каждый, независимо от того, подчиняется ли он военному праву или нет, кто добросовестно и на разумных и вероятных основаниях полагает, что серьезный ущерб возникнет в результате беспорядков до того, как будет время для вмешательства любого из вышеупомянутых органов, имеет право применить такую силу, которую он добросовестно и на разумных и вероятных основаниях считает необходимой для подавления таких беспорядков и которая не будет несоразмерна опасности, которую он на разумных основаниях полагает возникшей в результате продолжения беспорядков.

43. Каждый, кто обязан военным правом подчиняться законному приказу своего командира, имеет право подчиняться; любой приказ, отданный ему его начальником для подавления беспорядков, если только такой приказ не является явно незаконным.

44. Каждый человек имеет право применить такую силу, которая может быть разумно необходима для предотвращения совершения любого правонарушения, за которое, в случае его совершения, правонарушитель может быть арестован без ордера и совершение которого может причинить немедленный и серьезный вред личности или имуществу любого лица; или для предотвращения любое действие, которое он, на разумных основаниях, считает, что если оно будет совершено, то оно будет равносильно любому из таких преступлений.

45. Каждый, кто незаконно подвергся нападению, не спровоцировав такое нападение, имеет право отразить силу силой, если сила, которую он применяет, не предназначена для причинения смерти или тяжких телесных повреждений и не больше, чем необходимо для цели самообороны; и каждый, кто подвергся нападению, оправдан, хотя он причиняет смерть или тяжкие телесные повреждения, если он причиняет их с разумным опасением смерти или тяжких телесных повреждений от насилия, с которым нападение было первоначально совершено или с которым нападавший преследует свою цель, и если он полагает, на разумных основаниях, что он не может иным образом защитить себя от смерти или тяжких телесных повреждений.

46. Каждый, кто без оправдания напал на другого или спровоцировал нападение с его стороны, может, тем не менее, оправдать применение силы после такого нападения, если он

применяет такую силу, разумно опасаясь смерти или тяжких телесных повреждений от насилия лица, на которое он напал или которое спровоцировал, и полагая на разумных основаниях, что это необходимо для его собственного спасения от смерти или тяжких телесных повреждений: При условии, что он не начал нападение с намерением убить или нанести тяжкие телесные повреждения и не пытался в любое время до возникновения необходимости в самосохранении убить или нанести тяжкие телесные повреждения: При условии также, что до возникновения такой необходимости он избегал дальнейшего конфликта и прекращал или отступал от него, насколько это было возможно. 2. Провокация, в пределах стенаний этого и последнего предыдущего раздела, может быть нанесена ударами, словами или жестами.

47. Каждый имеет право применить силу для защиты своего имущества или имущества любого лица, находящегося под его защитой, от нападения, сопровождающегося оскорблением: при условии, что он применяет силу не больше, чем это необходимо для предотвращения такого нападения или его повторного совершения; при условии также, что этот раздел не оправдывает преднамеренное причинение любого вреда или ущерба, несоразмерного оскорблению, которое было призвано предотвратить примененная сила.

48. Каждый, кто находится в статусе собственника имущества, который может владеть любое движимым имуществом или вещью, и каждый, кто законно помогает ему, имеет право сопротивляться изъятию такой вещи любым правонарушителем или отнимать ее у такого правонарушителя, если в любом таком случае он не ударит или не причинит легкого вреда такому нарушителю; и если после того, как кто-либо, находящийся в мирном владении, как указано выше, наложил руку на любую такую вещь, а правонарушитель продолжает пытаться удержать ее или отобрать у владельца или у любого лица, законно помогающего ему, то правонарушитель считается совершившим нападение без оправдания или провокации.

49. Каждый, кто находится в мирном владении любым движимым имуществом или вещью по праву, и каждый, кто действует по его полномочию, защищен от уголовной ответственности за защиту такого владения, даже против лица, имеющего по закону право на владение таким имуществом или вещью, если он не применяет больше силы, чем необходимо.

50. Каждый, кто находится в мирном владении любым движимым имуществом или вещью, но не претендует на право на него и не действует по власти лица, претендующего на право на него, не может быть оправдан и не будет освобожден от уголовной ответственности за защиту своего владения против лица, имеющего по закону право на владение таким имуществом или вещью.

51. Каждый, кто находится в мирном владении жилым домом, и каждый, кто законно помогает ему или действует по его полномочию, оправдан в применении такой силы, которая необходима для предотвращения насильственного взлома и проникновения в такой жилой дом, как ночью, так и днем, любым лицом с намерением совершить в нем какое-либо уголовно наказуемое деяние.

52. Каждый, кто мирно владеет жилым домом, и каждый, кто законно помогает ему или действует по его власти, имеет право применить такую силу, которая необходима для предотвращения насильственного взлома и проникновения в такой жилой дом ночью любым лицом, если он полагает на разумных и вероятных основаниях, что такая попытка взлома и проникновения предпринята с намерением совершить в нем какое-либо уголовное преступление.

53. Каждый, кто мирно владеет любым домом, землей или другим недвижимым имуществом, и каждый, кто законно помогает ему или действует по его власти, имеет право применить силу для предотвращения вторжения любого лица на такую собственность или для его выселения оттуда, если он применяет не больше силы, чем необходимо; и если такой нарушитель сопротивляется такой попытке воспрепятствовать его вторжению или его выселению, такой нарушитель будет считаться совершившим нападение без оправдания или провокации.

54. Каждый имеет право мирно войти днем, чтобы завладеть любым домом или землей, на владение которыми он или какое-либо лицо, под чьей властью он действует, имеет законное

право. 2. Если какое-либо лицо, не имеющее или действующее под властью того, кто имеет мирное владение любым таким домом или землей с претензией на право, нападает на любого, мирно вошедшего, как указано выше, с целью заставить его воздержаться от такого въезд, такое нападение будет считаться необоснованным или не имеющим оправдания. 3. Если какое-либо лицо, мирно владеющее таким домом или землей с претензией на право, или какое-либо лицо, действующее по его власти, нападает на любого входящего, как указано выше, с целью заставить его воздержаться от такого въезда, такое нападение будет считаться спровоцированным входящим лицом.

55. Каждый родитель или лицо, заменяющее родителя, школьный учитель или мастер, имеет право применять силу в качестве наказания к любому ребенку, ученику или подмастерью, находящемуся под его опекой, при условии, что такая сила является разумной в данных обстоятельствах.

56. Капитан или офицер, командующий судном в рейсе, имеет право применять силу в целях поддержания порядка и дисциплины на борту своего судна, при условии, что он на разумных основаниях полагает, что такая сила необходима, и при условии, что применяемая сила является разумной по степени.

57. Каждый защищен от уголовной ответственности за выполнение с разумной осторожностью и мастерством любой хирургической операции на любом человеке в его интересах, при условии, что выполнение операции было разумным, с учетом состояния пациента в то время и всех обстоятельств дела.

58. Каждый, кому законом разрешено применять силу, несет уголовную ответственность за любое превышение в соответствии с характером и качеством действия, составляющего превышение.

59. Никто не имеет права давать согласие на причинение смерти себе; и если такое согласие дано, оно не оказывает влияния на уголовную ответственность любого лица, которым может быть причинена такая смерть.

60. Каждый защищен от уголовной ответственности за любое действие, совершенное в нарушение законов, которые в данный момент издаются и применяются теми, кто обладает (de facto) суверенной властью в месте совершения действия и над ним.

ЧАСТЬ III. Стороны совершения правонарушений.

61. Каждый является участником преступления и виновным в нем, кто —

(a) фактически совершает его; или (b) совершает или бездействует с целью оказания помощи другому лицу в совершении преступления; или (c) подстрекает любое лицо к совершению преступления; или (f) советует или способствует любому лицу совершить преступление. И несколько лиц образуют общее намерение преследовать какую-либо незаконную цель и помогать друг другу в этом, каждый из них является стороной каждого преступления, совершенного любым из них при преследовании такой общей цели, совершение которого было или должно было быть известно как вероятное следствие преследования такой общей цели.

62. Каждый, кто советует или способствует другому стать стороной преступления, в котором этот другой впоследствии виновен, является стороной этого преступления, хотя оно может быть совершено способом, отличным от того, который был рекомендован или предложен.

2. Каждый, кто советует или склоняет другого человека стать участником преступления, является участником каждого преступления, которое другой человек совершает вследствие такого совета или сводничества, и о котором лицо, советующее или сводящее, знало или должно было знать, что оно, вероятно, будет совершено вследствие такого совета или сводничества.

63. Соучастником преступления после факта является тот, кто принимает, утешает или помогает любому человеку, который был участником такого преступления, с тем чтобы дать ему возможность скрыться, зная, что он был участником этого преступления.

2. Ни одно состоящее в браке лицо, муж или жена которого были участником преступления, не может стать соучастником после факта преступления, принимая, утешая или

помогая другому из них, и ни одна замужняя женщина, муж которой был участником преступления, не может стать соучастником после факта преступления, принимая, утешая или помогая в его присутствии и по его власти любому другому лицу, которое было участником такого преступления, с тем чтобы дать ее мужу или такому другому лицу возможность скрыться.

64. Каждый, кто, имея намерение совершить правонарушение, совершает или не совершает действие для достижения своей цели, виновен в покушении на совершение предполагаемого правонарушения, независимо от того, было ли при данных обстоятельствах возможно совершить такое правонарушение или нет. 2. Вопрос о том, является ли действие, совершенное или не совершенное с намерением совершить правонарушение, лишь подготовкой к совершению этого правонарушения и слишком отдаленным, чтобы представлять собой покушение на его совершение, является вопросом права.

РАЗДЕЛ II. Преступления против общественного порядка, внутреннего и внешнего (5 частей, ст. 65-130):

Часть IV. Государственная измена (*treason*) и другие преступления против власти и личности Королевы (65-78). Часть V. Незаконные собрания, беспорядки, нарушения мира (79-98). Часть VI. Незаконное использование и хранение взрывчатых веществ и наступательного оружия — Продажа алкогольных напитков (99-119). Часть VII. Мятежные преступления (120-126). Часть VIII. Пиратство (127-130).

РАЗДЕЛ III. Преступления против осуществления закона и правосудия (3 части, ст. 131-169):

Часть IX. Коррупция и неповиновение (131-144). Часть X. Вводящее в заблуждение правосудие (145-158). Часть XI. Побеги и незаконное освобождение (159-169).

РАЗДЕЛ IV. Преступления против религии, морали и общественного благополучия (4 части, ст. 170-208):

Часть XII. Преступления против религии (170-173). Часть XIII. Преступления против морали (174-190). Часть XIV. Причинение неудобств (*nuisance*) (191-206). Часть XV. Бродяжничество (207-208).

РАЗДЕЛ V. Преступления против личности и чести (8 частей, ст. 209-302):

Часть XVL. Обязанности, направленные на сохранение жизни (209-217). Часть XVII. Убийство (*homicide*) (218-226). Часть XVIII. Убийство, непреднамеренное убийство и др. (*murder, manslaughter, etc*.) (227-240). Часть XIX. Телесные повреждения, и действия или бездействия, представляющие опасность для человека (241-257). Часть XX. Нападения (258-265). Часть XXI. Изнасилование и проведение аборта (266-274). Часть XXII. Преступления против супружеских и родительских прав — Бигамия — Похищение (275-284). Часть XXIII. Клеветнический пасквиль (*defamatory libel*) (285-302).

РАЗДЕЛ VI. Преступления против прав собственности и прав, вытекающих из контрактов, и преступления, связанные с торговлей (17 частей, ст. 303-532):

Часть XXIV. Определение кражи (303-313). Часть XXV. Получение краденых товаров (314-318). Часть XXVI. Наказание за кражу и правонарушения, похожие на кражу, совершенные конкретными лицами в отношении конкретных вещей в конкретных местах (319-357). Часть XXVII. Получение собственности путем обманных предложений и другие преступные мошенничества и сделки с имуществом (358-363). Часть XXVIII. Мошенничество (364-398). Часть XXIX. Грабеж и вымогательство (397-408). Часть XXX. Кража со взломом и проникновение в дом (*burglary and housebreaking*) (407-418). Часть XXXI. Подделка (419-432). Часть XXXII. Подготовка к подделке и преступления, похожие на подделку (433-442). Часть XXXIII. Подделка торговых знаков — мошенническая маркировка товаров (443-455). Часть XXXIV. Выдача себя за другого (*personation*) (456-459). Часть XXXV. Преступления, связанные с монетами (460-478). Часть XXXVI. Реклама поддельных денег (479-480). Часть XXXVII.

Вредительство (*mischief*) (481-511). Часть XXXVIII. Жестокость к животным (512-515). Часть XXXIX. Правонарушения, связанные с торговлей и нарушениями контракта (516-526).

ЧАСТЬ XL. Покушения — Сговор — Соучастники (ст. 527-532).

РАЗДЕЛ VII. Процедура (20 частей, ст. 533-930):

Часть XLI. Общие положения (533-537); Часть XLII. Юрисдикция (538-541). Часть XLIII. Процедура в конкретных случаях (542-552). Часть XLIV. Обязательная явка обвиняемого перед судом (553-576). Часть XLV. Процедура явки обвиняемого (577-607). Часть XLVI. Обвинительные заключения (608-634). Часть XLVII. Корпорации (635-639). Часть XLVIII. Предпочтительные обвинительного заключения (640-648). Часть XLIX. Удаление заключенных — изменение места суда (649-651). Часть L. Предъявление (652-658). Часть LI. Судебное разбирательство (659-741); Часть LII. Апелляция (742-751). Часть LIII. Специальные положения (752-761). Часть LIV. Срочные судебные разбирательства по преступлениям (762-781). Часть LV. Упрощенное судебное разбирательство по преступлениям (782-808). Часть LVI. Судебное разбирательство по несовершеннолетним правонарушителям за преступления (809-831). Часть LVII. Издержки и денежная компенсация — реституция имущества (832-838). Часть LVIII. Краткие обвинения (839-909). Часть LIX. Признания (910-926). Часть LX. Штрафы и конфиденции (927-930).

РАЗДЕЛ VIII. Судебная процедура после обвинения (8 частей, ст. 931-974):

Часть LXI. Наказания – общие положения (931-934). Часть LXII. Смертная казнь (935-955). Часть LXIII. Тюремное заключение (950-956) Часть LXIV. Порка (957). Часть LXV. Поручительства для сохранения мира и штрафы (958-960). Часть LXVI. Инвалидность (961-965). Часть LXVII. Освобождение от наказания (962-965). Часть LXVIII. Помилования (966-974).

РАЗДЕЛ IX. Иски против лиц, применяющих уголовное право (ст. 975-980).

РАЗДЕЛ X. Отмены актов и др. (ст. 981-983).

1.6. Модельный закон Содружества Наций об имплементации Статута МУС 2017 г.*

Перевод с англ. Е.Н. Трикоз

«*Акт, предоставляющий (название страны) возможность осуществлять и приводить в действие свои обязательства по Римскому статуту Международного уголовного суда; и по связанным с этим вопросам*»

Преамбула

ПРИЗНАВАЯ, что геноцид, преступления против человечности и военные преступления, как наиболее серьезные преступления, вызывающие обеспокоенность международного сообщества, не должны оставаться безнаказанными, а эффективное судебное преследование должно быть обеспечено путем принятия мер на национальном уровне и расширения международного сотрудничества;

ПОДЧЕРКИВАЯ, что Международный уголовный суд, учрежденный в соответствии с Римским статутом, дополняет национальные уголовные юрисдикции, которые несут ответственность за судебное преследование, передачу МУС или экстрадицию лиц, предположительно несущих уголовную ответственность за совершение преступлений, находящихся под юрисдикцией МУС;

ПОНИМАЯ необходимость (название страны) как государства-участника выполнять обязательства по Римскому статуту во внутреннем законодательстве;

ОТНЫНЕ ПРИНЯТО парламентом (название страны) следующее:

* Model Law to Implement the Rome Statute of the International Criminal Court, 2017.

ЧАСТЬ I. Предварительная

Статья 1. Краткое название.

Настоящий Закон может кратко именоваться Законом о Международном уголовном суде (такого-то года).

Статья 1A. Цель.

Закон о Международном уголовном суде призван придать силу закона в (название страны) Римскому статуту, принятому 17 июля 1998 года [и ратифицированному (название страны) (дата)]:

(a) выполнять обязательства, взятые на себя (название страны) согласно Статуту;

(b) включить [следующие] положения в право (название страны) для предотвращения и наказания международных преступлений в виде геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений[1];

(c) обеспечивать судебное преследование в (название страны) лиц, предположительно совершивших эти преступления или связанные с ними преступления против отправления правосудия;

(d) обеспечить возможность (название страны) в полной мере сотрудничать с Международным уголовным судом при выполнении своих функций, в том числе по расследованию и привлечению к ответственности лиц, обвиняемых в совершении преступлений в пределах юрисдикция Международного уголовного суда;

e) обеспечить арест и передачу Международному уголовному суду лиц, предположительно совершивших преступления, подпадающие под юрисдикцию Международного уголовного суда;

(f) предусмотреть различные формы запросов об оказании помощи со стороны (название страны) для целей Международного уголовного суда;

(g) предоставить Международному уголовному суду возможность проводить разбирательства в (название страна) и

(h) обеспечивать исполнение наказаний и других распоряжений Международного уголовного суда в (название страны).

2. Закон, связывающий (Корону/Республику)

Настоящий Закон является обязательным для (Короны/Республики) и распространяется на лиц, находящихся на государственной службе (Короны/Республики), и в отношении собственности, предназначенной для целей государственной службы (Короны/Республики) во всех отношениях, что касается других лиц и собственности.

Статья 3. Интерпретация

(1) В настоящем Законе, если контекст не требует иного:

«Соглашение о привилегиях и иммунитетах МУС» означает договор, указанный в приложении 2 к настоящему Закону;

«Преступление, подпадающее под юрисдикцию МУС» означает преступление, в отношении которого МУС и может осуществлять юрисдикцию согласно статье 5 Статута;

«МУС» означает Международный уголовный суд, учрежденный в соответствии со Статутом;

«Заключенный МУС» означает лицо, приговоренное к тюремному заключению, налагаемому МУС, и включает лицо, содержащееся под стражей по приказу МУС во время заседания МУС в (название страны);

«Министр» означает Министра…[2];

---

[1] Преступление агрессии не упоминается, поскольку МУС не мог еще осуществлять юрисдикцию в отношении него в момент разработки данного Модельного акта.

[2] Государствам необходимо рассмотреть вопрос о том, кто в их правовой системе является подходящим лицом, принимающим решения в отношении различных ролей, отведенных в этом акте законодательства. Группа экспертов 2011 г. посчитала, что такая роль должна быть зарезервирована за министром в ст. 25 и 90 из-за их

«преступление против отправления правосудия» означает преступление против отправления правосудия, в отношении которого МУС обладает юрисдикцией согласно статье 70 Статута;

«предписанный» означает предписанный постановлениями, принятыми в соответствии с настоящим Законом;

«Палата предварительного производства» означает Палату предварительного производства МУС;

«имущество» означает движимое или недвижимое имущество любого вида, независимо от того, находится ли оно в (название страны) или в другом месте и является ли оно материальным или нематериальным; и включает в себя долю в любом таком движимом или недвижимом имуществе;

«Прокурор» означает Прокурора МУС;

«Запретительный приказ» означает приказ, запрещающий любому лицу совершать сделки с имуществом, указанным в приказе, кроме как в соответствии с условиями и исключениями, указанными в приказе;

«Правила» означают Правила процедуры и доказывания, принятые в соответствии со статьей 51 Статута;

«Приказ об аресте» означает приказ, разрешающий полицейскому обыскать любое имущество и конфисковать имущество, если оно будет обнаружено, или любое другое имущество, которое, по мнению полицейского на разумных основаниях, может иметь отношение к запросу МУС;

«Статут» означает Римский статут МУС, указанный в приложении 1 к Закону;

«Судебная палата» означает Судебную палату МУС.

Дополнительное определение должно быть включено при использовании факультативных положений о правонарушениях в соответствии со статьями 5(2), 6(2) или 7(2)

[«конвенционное международное право» означает конвенцию, договор или другое международное соглашение, в котором (название страны) является стороной и в тот период времени действует;]

(2) Для целей настоящего Закона —

(a) ссылка в настоящем Законе на запрос МУС о помощи включает ссылку на запрос МУС о сотрудничестве;

(b) ссылка в настоящем Законе на запрос МУС о помощи в соответствии с указанным положением или в отношении конкретного вопроса включает ссылку на запрос МУС о сотрудничестве в соответствии с этим положением или в отношении этого дела;

(c) ссылка в настоящем Законе на цифру в скобках, следующую сразу за номером статьи Статута, является ссылкой на параграф этой статьи с номером, соответствующим цифре в скобках;

(d) ссылка в настоящем Законе на приговор к тюремному заключению, вынесенный МУС, включает ссылку на приговор к тюремному заключению, продленный МУС (будь то за неуплату штрафа или по иным причинам).

Статья 4. Обязательства, налагаемые Статутом или Правилами

Если какое-либо положение Статута или Правил наделяет или налагает на государство полномочия или обязанности или возлагает на него функцию, включая, помимо прочего, полномочия, обязанности или функцию, связанные с исполнением запроса о помощи со стороны МУС, эти полномочия, обязанности или функции могут, если в настоящем Законе не предусмотрено иное, осуществляться, выполняться и выполняться (Министром или другим соответствующим органом власти)6 от имени Правительства (название страны).

деликатного характера. Но могут существовать и другие положения, где это также уместно в контексте конкретной правовой системы Содружества Наций.

ЧАСТЬ II. Международные преступления и правонарушения против отправления правосудия

Международные преступления

Статья 5. Геноцид

(1) Каждое лицо, которое в (название страны) или где-либо еще —

(a) совершает геноцид; или

(b) вступает в сговор или соглашается с каким-либо лицом совершить геноцид, независимо от того, будет ли этот геноцид совершен в (название страны) или где-либо еще,

признается виновным в совершении правонарушения и подлежит в случае осуждения по обвинительному заключению наказанию, предусмотренному в части (3).

Положение об определении преступления (выберите один из следующих вариантов)

Опция 1. (2) Для целей настоящей статьи «*геноцид*» представляет собой деяние, указанное в статье 6 Статута[1].

Опция 2. (2) Для целей настоящей статьи «*геноцид*» представляет собой деяние, указанное в статье 6 Статута, и включает в себя любое другое деяние, которое во время и в месте его совершения представляет собой геноцид согласно обычному международному праву или конвенционному международному праву или в силу того, что оно является преступным по общим принципам права, признанным сообществом наций, независимо от того, представляет ли оно нарушение закона, действовавшего в момент и в месте его совершения.

Положение о наказании (выберите один из следующих вариантов:)

Опция 1. (3) Наказание за преступление, указанное в части (1), должно —

(a) если преступление связано с умышленным убийством человека, оно должно понести [такое же наказание, как за убийство, предусмотренное законодательством (название страны)] [пожизненное лишение свободы]; и

(b) в любом другом деле – лишение свободы на срок до 30 лет или пожизненное заключение, если это оправдано крайней тяжестью преступления и индивидуальными особенностями осужденного.

Опция 2. (3) Наказание за преступление, указанное в части (1), должно составлять (наказание, соответствующее внутреннему законодательству).

Статья 6. Преступления против человечности

(1) Каждое лицо, которое в (название страны) или где-либо еще совершает преступление против человечности, виновно в совершении преступления и подлежит в случае осуждения по обвинительному заключению наказанию, указанному в части (3).

Положение об определении преступления (выберите один из следующих вариантов)

Опция 1. (2) Для целей настоящей статьи «преступлением против человечности» является деяние, предусмотренное статьей 7 Статута.

---

[1] Цель *Опции 1 подпункта 2* настоящей статьи и статей 6 и 7 состоит в том, чтобы включить определения преступлений путем ссылки на Статут. Если есть сомнения по поводу достаточности инкорпорации путем ссылки, текст определения из Статута может быть воспроизведен в законодательстве.

2. Хронология уголовно-правовой кодистики в английской традиции общего права

3. Сравнительная кодистическая таблица (модели кодистики права)

СРАВНИТЕЛЬНАЯ КОДИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА (модели кодистики)

Модель кодистики и тип кодекса	Доктринальные основы и персоналии	Институционно-организационные основы	Источники и прообразы кодекса	Причины, цели и методы реформы	Структура и система кодекса, графика текста	Наличие преамбулы, приложений	Нормативная номенклатура виды норм	Терминосистема юслингвистика кодекса	Титул и датировка, рецепция
АНАЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ кодификационной юртехники, создание типового или базового кодекса (головного акта).	*ФИЛОСОФСКО-ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ, школа уголовного права, идейные вдохновители, роль личности в кодификации.*	*ПОРЯДОК РАЗРАБОТКИ; парламентское движение, правительственные комиссии и комитеты по реформе, участие судей, конференции по унификации права*	*Законодательные акты: статуты, указы, ордонансы; прецеденты; юрдоктрина; религиозные тексты; обычное право; предшествующие памятники права.*	*Упорядочивание и гармонизация, ревизия и консолидация; архаичность и хаотичность права; ограничение дискреции судей; криминализация и пенализация.*	*ВНУТРЕННЯЯ КОМПОЗИЦИЯ, техника структурирования и архитектоника; система изложения норм; основные части, разделы и главы; дизайн и символика*	*Вводный закон, мини-общая часть координационные нормы действия во времени, пространстве, по кругу лиц. Приложения, перечни и др.*	*Нормы-принципы, дефиниции, бланкетные, отсылочные, технические, фикции, аксиомы, презумпции; рецепированные нормы.*	*Лингвистические особенности, языковые обороты, латинизмы, ст.-франц. слова, дублирование, коллизии, лакуны; анахронизмы, знаки препинания*	*Наименование кодекса и тип акта, сроки утверждения, введения в силу, отмена/замена. Влияние на зарубежные кодексы.*
«ИНДИЙСКАЯ МОДЕЛЬ» ***Macaulay's Utilitarian Code*** 	*Проект УК 1837 г.* был подготовлен английским юристом-государствоведом ***Томасом Бебингтоном Маколеем*** (*Thomas Babington Macaulay*; 1800–1859). Юспозитивизм, утилитаризм, аналитическая юриспруденция.	Правовая комиссия (*Indian Law Commission*) из 3х юристов во главе с Маколеем, при генерал-губернаторе *У. Бентинке* (1832-1835). Последующая дообработка комитетом Верховного суда Индии. Личная редактура председателя Верховного суда Калькутты *Б. Пикока.*	Проект *Дж. Бентама* «*General Principles of Criminal Code*» 1789. *Дхармашастры* и комментарии брахманов-*пандитов*. Акты губернаторов провинций и парламента. Городские *судебные* архивы. УК *Наполеона* 1810 г. УК Луизианы *Э. Ливингстона* 1826 г.	Уголовно-правовая *аккультурация* по британскому образцу; юридический *плюрализм*, развитие общего *территориального* законодательства; очищение от *архаических* обычаев; уголовно-правовые *гарантии* для женщин и детей.	УК построен по квази-*пандектной системе* (23 главы и **511** ст.), без заголовков «Общая часть» (*General Principles*, Главы I-VA и XXIII) и «Особенная часть» (*Specific Offences*). Статьи содержат «объяснения», «исключения» и «иллюстрации».	В *Преамбуле* кодекс указан как общий для всей территории Индии, *за искл.* мусульманского штата Джамму и Кашмир. Глава I. *Введение* регулировала применение кодекса и юрисдикцию его действия.	Глава II имеет статутные *определения* и *дефиниции* терминов, конструкций и институтов; более 50 словарных терминов (ст. 6-52А). В ряде статей особые оговорки (*proviso* в ст. 111)	Отсутствует четкое *материальное определение* преступления. Нет дефиниции *abetment* (соучастие). Архаичные составы и санкции: порка (*whipping*), каторжные работы (*hard labour*), уголовная ссылка. Сати, тугизм, даконтизм и др.	**Проект УК Индии 1837** ***Indian Penal Code*, 1860** Повлиял на: УК Пакистана и Бангладеша 1860, УК Бирмы 1861, УК Занзибара 1867, УК Цейлон 1883, Судана 1889, УК Египта 1883/1904, УК Кении 1897; УК Уганды 1902, УК Танганьики 1920
«ВЕСТ-ИНДСКАЯ МОДЕЛЬ» ***Wright's Model Code*** 	Британский адвокат по уголовным делам на Ямайке сэр ***Роберт Самуэль Райт*** (*Robert Samuel Wright*; 1839–1904). Радикальные взгляды, сторонник лейбористов и прав тред-юнионов; был за декриминализацию суицида и др.	Принятый парламентом Ямайки этот УК так и не вступил в силу. Он был взят в качестве модели для ряда стран Британской империи, и представлял собой официальный проект *Министерства колоний*. 09.08.1877 проект УК был представлен парламенту и затем разослан как *типовая модель*.	Поручение на создание проекта УК было дано Министерством колоний Британии (*British Colonial Office*) и Службой лорда-канцлера Великобритании. Инициатором был член Министерства сэр *Генри Тейлор*.	В целях *систематизации и унификации* уголовного права колоний *Вест-Индии* и Карибских стран. Министерство колоний пыталось ввести *УК Сент-Люсии* в ряде колоний Западной Африки в 1889 г.	Кодекс разделен на две части: "*General Provisional*" и "*Particular Crimes*" Выделены группы преступлений: против личности, репутации, права собственности, общественного порядка.	*Drafts of Criminal Code and Code of Criminal Procedure for the Island of Jamaica, with an Explanatory Memorandum, 1877, Command No. 1893*	Содержал общие положения о ментальных элементах преступления, дефиниции форм вины (*intention, negligence,* etc.). Сужение сферы криминализации ряда деяний из *общего права.*	Отличался чрезмерной детализацией (*overelaboration of parts*), наличием казуистических и прикладных пояснений. Детальная юрислингвистика с целью сужения усмотрения судей.	**проект УК Ямайки 1877** ***R.S. Wright's Jamaica Code*** Повлиял на: УК Гондураса 1888, Сент-Люсии 1889, Гренады 1897; Науру 1921, Фиджи 1945, УК Соломоновых о-вов 1963 г. и О-ва Гилберт 1965 г.

Модель кодистики и тип кодекса	Доктринальные основы и персоналии	Институционно-организационные основы	Источники и прообразы кодекса	Причины, цели и методы реформы	Структура и система кодекса, графика текста	Наличие преамбулы, приложений	Нормативная номенклатура виды норм	Терминосистема юслингвистика кодекса	Титул и датировка, рецепция
«АНГЛИЙСКАЯ МОДЕЛЬ» ***Stephen's Criminal Code*** 	Гуманитарный утилитаризм. юспозитивизм; консерватизм. ***Джеймс Фицджеймс Стифен*** (*James Fitzjames Stephen*, 1829–1894) ученый-правовед и судья. *Code reflects the philosophy of its drafter*	Генеральный прокурор Дж. Холкер и лорд-канцлер Кэрнс. 1878 г. – первое чтение в Палате общин *билля №178* «Кодекс преступлений по обвинительному заключению...». 1879 г. – *билль №117* «Criminal Code (Indictable Offences)». 1880 г. – билль №2 «Кодекс правонарушений для Англии и Ирландии».	Консолидированные статуты 1861 г. (*Greaves's Acts*). «Дигесты уголовного права» (*Digests of the Criminal Law: Crimes and Punishments*) *Дж. Ф. Стифена* 1877 г. Модель УК, созданная *Р.С. Райтом*	Цели систематизации и обособленного структурирования материального уголовного, процессуального и доказательного права Англии. Неудача проекта: нехватка парламентского времени и смена правительства	*Пандектная схема* 8 Титулов и **552** ст. Титулы I и II составляли *Общую часть* УК. Титулы делятся на Части (Parts), статьи (*sections*) с подзаголовками. Титул VII «*Уголовный процесс*» (XXXVII-XLV). Титул VIII об отмене актов.	Вместо преамбулы был Раздел I. *Вводные положения* («Общая часть»). 2 приложения – процессуальные формуляры и перечень отменяемых актов (акты Великобритании и Ирландии).	Более подробные нормы о применении силы в целях самообороны, и защиты имущества. Блок норм о превенции преступности. Сохранен ряд конструкций *общего права.*	Казуистичный характер изложения уголовно-правовых норм. В Особенной части много статей со специальными дефинициями составов и терминов. Заголовки статей и диспозиции норм неполные с открытым перечнем (указание на *&o.*)	**УК Англии и Ирландии 1879** *Criminal Code (Indictable Offences) Bill* Повлиял на: УК Канады, УК штатов Австралии, проект УК для Англии и Уэльса и проект УК Ирландии.
«КАНАДСКАЯ МОДЕЛЬ» ***Burbidge's Criminal Code*** 	Юспозитивизм, *Victorian Rationalism*, верховенство парламента. Разработан зам. министра юстиции *Робертом Седжвиком* и экс-министром, судьей ***Джорджем Уилоком Бербиджем*** (*George Wheelock Burbidge*; 1847–1908).	Правительственная комиссия по разработке кодекса и реформе при генерал-губернаторе. Премьер-министр *Джон С.Д. Томпсон* был организатором процесса и внес билль №7 в Палату общин 8 марта 1892 г.	Английское общее уголовное право и статуты с 1763 г., и *Акт о Британской Северной Америке (Квебек)* 1774 г. + *Конституционная хартия* 1867 г. Использован проект УК Стифена 1879 г. Трактат *Бербиджа* «Дигесты уголовного права Канады» 1890 г.	Дуализм уголовно-правовой системы, перманентный политико-идеологический регионализм, конфликты крупнейших провинций, рост проблем коренных народов и *юридический плюрализм.*	*Пандектная схема* 10 титулов и **983** ст. *Общая часть* Титул I (*Части I-III*, ст. 1-64; и *Часть XL*, ст. 527-532). *Особенная часть:* Титулы II-VI (35 Частей по видам преступлений, ст. 65-526). *Процессуальная часть:* Титулы VII-X (ст. 533-983).	В Общей части координационных норм нет (ст. 983). Но есть заключительный Титул X «Отмены актов и др.» (ст. 981-983). В *Schedule* процессуальные документы. В *Appendix* законы, к-ре не затрагивает УК.	Статьи УК сопровождались процессуальными пояснениями, юрисдикционным и нормами, руководством и наставлениями для судей, и др.	Описательный стиль диспозиций норм, казуистичный характер изложения уголовно-правовых норм; смешение с нормами процессуального и судебного права.	**УК Канады 1892** ***Canadian Criminal Code*** *(Code criminel)* 55-56 Vict., c. 29, вступил в силу 01.07.1893. Act respecting the Criminal Law, RSC 1985, c. C-46. Повлиял на: УК Карибских колоний
«АВСТРАЛИЙ-СКАЯ МОДЕЛЬ» ***Griffith's Criminal Code*** 	Утилитаризм и юспозитивизм; *«Дигесты уголовного права»* Дж.Ф. Стифена (как основа). Один из «отцов федерации», соавтор Конституции Австралии 1901 г., судья Высокого суда Австралии ***Самуэль Гриффит*** (*Samuel Walker Griffith*; 1845–1920).	Комиссия при Законодательной ассамблеи штата-колонии Квинсленд. Главный судья и премьер-министр штата *Гриффит* лично возглавлял комитет по разработке.	Кодекс основывался на прецедентах общего права и консолидированных статутов штата (250) Использовались как основа зарубежные кодексы (УК Индии 1860; Нью-Йорка 1881, Италии 1883). Проект УК Англии и Уэльса 1879 г., и его доктринальный прообраз – *Кодекс Стифена.*	Потребность в унификации в юрисдикции штата уголовно-правового регулирования. Высокая преступность бывших каторжников и неповиновение аборигенов.	Содержит 8 частей, 71 глава, **708** ст. УК охватывал главы с институтом уголовной ответственности, обстоятельств защиты, системы преступлений. Часть 8 «*Procedure*» (ст. 545-708) описывала процессуальные аспекты.	Наличие преамбулы (ст. 1-10), включая состав '*contempt of court*'. Кодекс имел 4 приложения.	Статьи кодекса содержали дефиниции элементов преступлений, (*criminal offence и regulatory offence*).	Более ригоричные формулировки и точные конструкции, чем в общем праве Диффер-ция составов убийства (*willful murder, murder, manslaughter*). Устранено архаичное определение *диффамации.*	**УК Квинсленда 1899** ***Griffith Criminal Code*** Повлиял на: УК штатов (Западной Австралии 1913, Тасмании 1924); УК Новой Зеландии 1893 г., УК Новой Гвинеи; УК стран Африки.

Модель кодистики и тип кодекса	Доктринальные основы и персоналии	Институционно-организационные основы	Источники и прообразы кодекса	Причины, цели и методы реформы	Структура и система кодекса, графика текста	Наличие преамбулы, приложений	Нормативная номенклатура виды норм	Терминосистема юслингвистика кодекса	Титул и датировка, рецепция
«МИНИСТЕР-СКАЯ МОДЕЛЬ» ***Nigerian Criminal Code*** 	Доктрина легального патернализма (*legal paternalism*). УК инициирован Высшим комиссаром Северного протектората Нигерии ***Фредериком Лугардом*** (*Frederick John Dealtry Lugard*; 1858–1945) и разработан лично главным *судьей* ***Голланом***.	Проект разработан в Министерстве колоний Британии (*British Colonial Office*), как типовая модель для колоний в Тропической Африке. Юридические советники Госсекретаря Министерства колоний – *Кокс и Райли* отдали предпочтение модели Квинсленда.	Разработан на базе УК Гриффита (штат Квинсленд), 1899 г. и УК протектората Северной Нигерии 1904 г. Английское общее право в столице Лагос, нормы маликитского шариата на севере, и местные обычаи на юге (*native customs*).	Северонигерийский УК 1914 г. был введен при генерал-губернаторе *Лугарде* (1914-1919) для унификации правопорядка и гармонизации с местным правом.	*Общая часть УК* (Гл. 1–5, 53-54): соучастники, меры наказания, элементы состава, покушение; сговор. *Особенная часть* (Гл. 6-52): гос. преступления, должностные, против правосудия, финансов и др.; против морали, здоровья и безопасности, и др.	Преамбула УК содержала объявление целей реформы, обоснование уголовного правопорядка. Часть 1. Вводная интерпретация, сфера действия. Всего в УК 8 частей, 54 главы, 521 ст.	Гл. 48 содержит отсылку к Закону об авторском праве. Ряд глав содержат дефиниции (Гл. 43 о подлогах). В Части 5 о преступлениях против личности своя *мини-общая часть*: термины, исключающие обстоятельства, блок норм с наказаниями.	В Общей части отдельный блок норм с терминами. Специфические названия составов (диффамация, фелония, и др.). Криминализация феминных преступлений (Гл. 30), обращение в рабство (Гл. 31).	**УК Нигерии 1914 г. и УК Министерства колоний 1920 г.** ***Act to establish Code of Criminal law, 01 June 1916*** Повлиял на: УК Танганьики, Кении и Уганды 1930 г., УК Занзибара и Гамбии 1934 г., УК Египта 1937 г.
«ГИБРИДНАЯ МОДЕЛЬ» ***Hybrid Criminal Code*** 	*«Палестинская»* модель квази-кодификации на основе смешения «министерской» (*УК Райта*) и «австралийской» (*УК Квинсленда*) моделей кодекса. Разработчик – Верховный комиссар Палестины сэр *Артур Г. Уокоп* (*Arthur Grenfell Wauchope; 1874–1947*).	Администрация Британского мандата в Палестине (Иерусалим, 1920–1948). Прямой импорт *УК Гриффита* в африканские колонии или *УК Кипра* на подмандатную территорию *Палестины* и затем *Израиля*, с их неоднородным населением и смешанным персонально-религиозным правом.	Во время британской военной оккупации в 1918 г. было в силе *османское право*, на которое влияло *французское уголовное право*. Турецко-греческая и арабо-еврейская смесь уголовно-правовых норм, действовавших на *Кипре* и в *Палестине*. Использовали британский *проект УК Египта* 1904 г.	Верховный комиссар подмандатной Палестины принял решение по совету Главного судьи и Генерального прокурора ввести УК Кипра *«в качестве модели»*.	Содержал 2 части и **391** статью. Небольшая по объему Часть I. *Общие положения* (7 глав, 48 ст.), в т.ч. Гл. IV *«General rules of criminal responsibility»*, и Гл. VII *«Punishments»*. Особенная часть II из 47 глав (ст. 49-391) была поделена на тематические *Divisions* (8 подразделов).	Координационные нормы в Главе III *«Territorial application of Code»*. В ст. 2 указано, что этот кодекс заменяет собой Османский УК. Приложение с перечнем отменяемых уголовно-правовых Ордонансов (1919-1936).	Рецепированы многие институты общего права: misdemeanour; accessories after fact; conspiracy; cumulative sentences; treason; defamation; nuisance; criminal trespass.	Глава II *«Интерпретация»* перечень уголовно-правовых терминов и понятий. Статьи имеют тематические заголовки.	**УК Палестины 1936 г.** ***Criminal Code Ordinance for Palestine***, *14.12.1936.* Изменен *Law No. 3* в 2009 г., и применяется в *секторе Газа*. Повлиял на: УК Израиля 1936 Редакция УК Кипра 1928 квази-УК Новой Зеландии 1961